This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

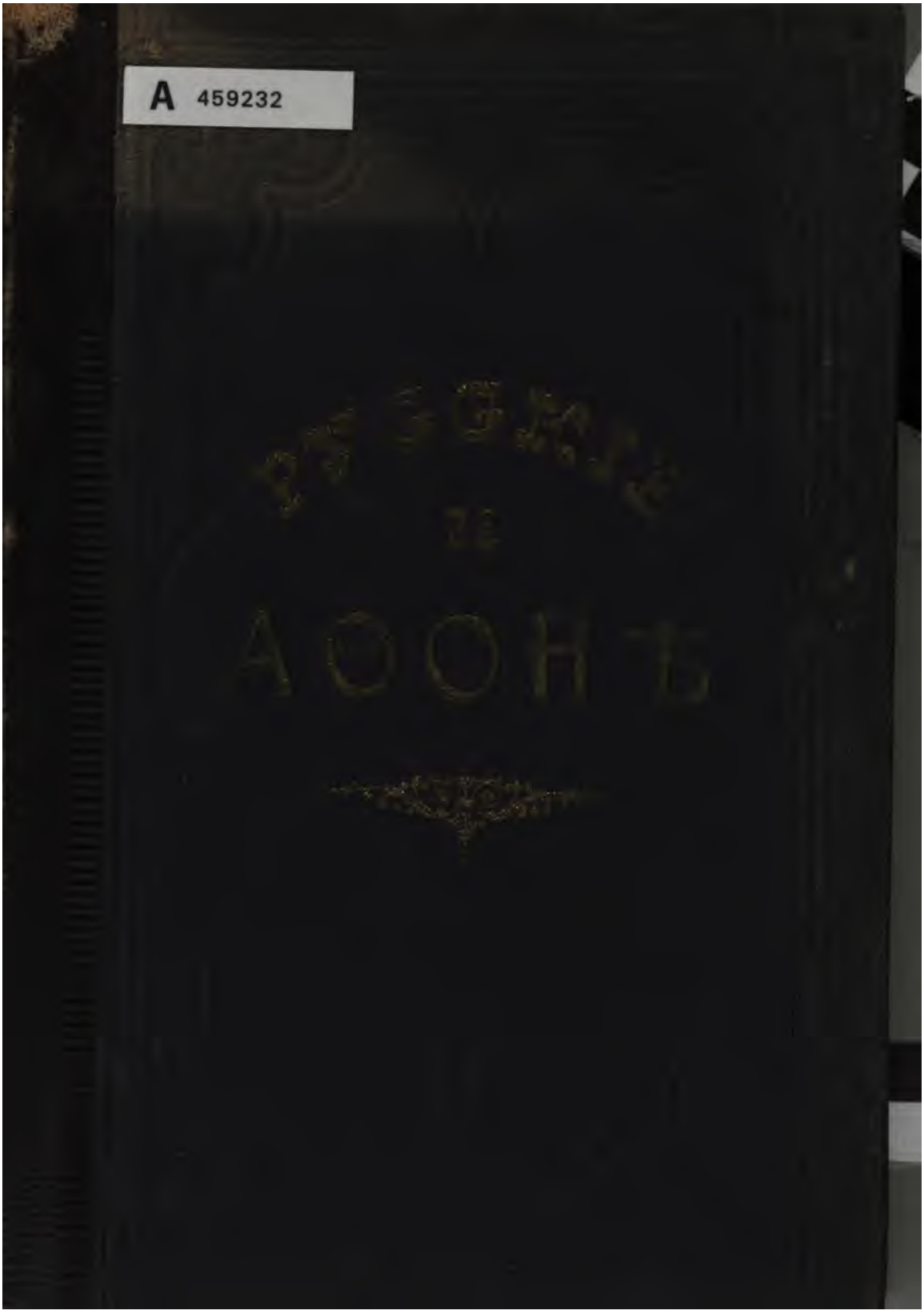
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

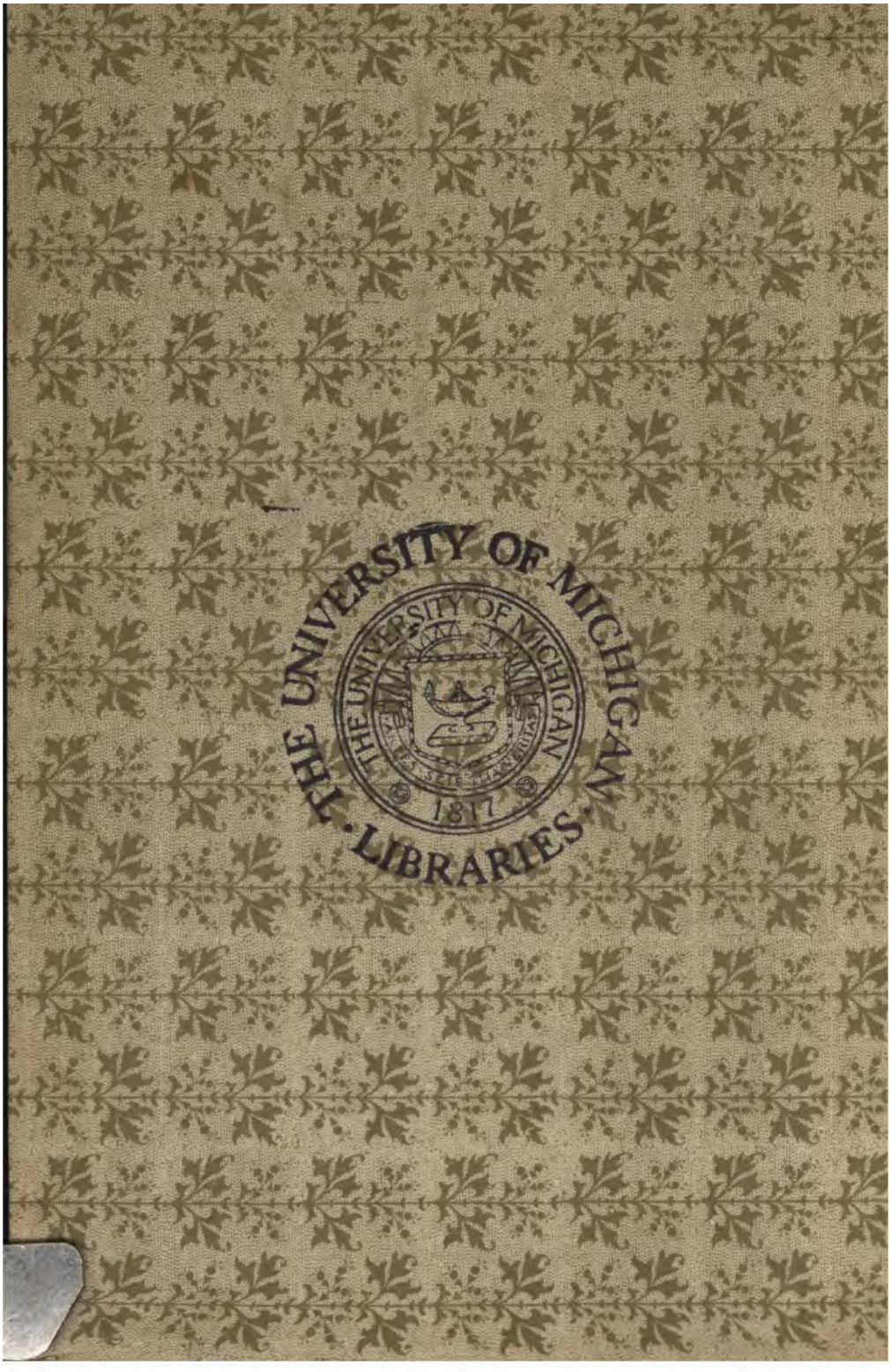
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

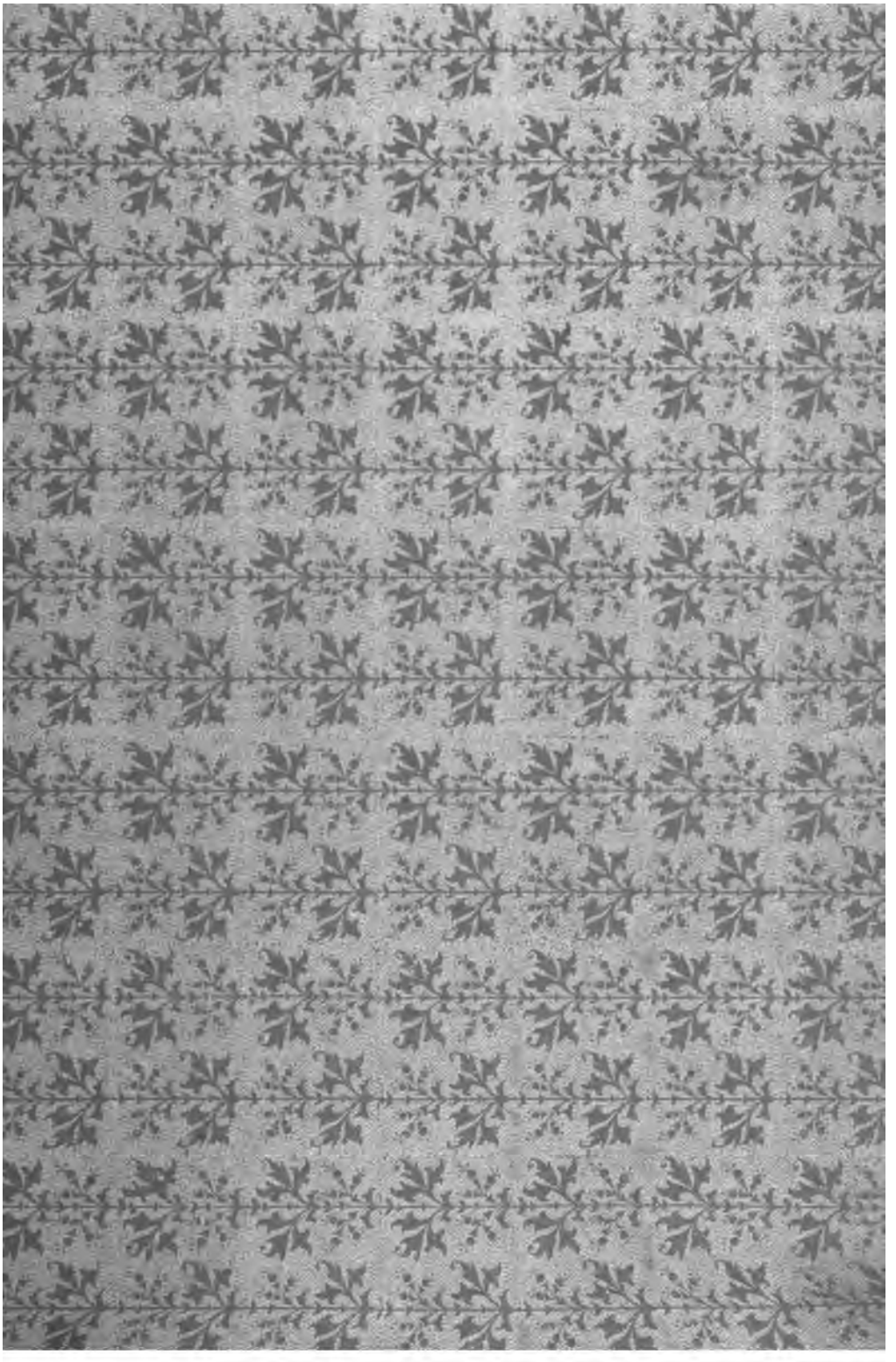
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A 459232




THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
1817
LIBRARIES



Dmitrievskiĭ, A. A.
40.

РУССКІЕ НА АѲОНѢ.

Очеркъ жизни и дѣятельности

ИГУМЕНА РУССКАГО ПАНТЕЛЕЙМОНОВСКАГО МОНАСТЫРЯ

Священно-архимандрита МАКАРІЯ (СУШКИНА).

(Съ двумя приложеніями и двумя фототипическими картами портретовъ аѳонскихъ дѣятелей).

Доцента Кіевской духовной академіи

Алексѣя Дмитріевскаго.

«Сіи преблаженнѣйшіи отцы и преподобніи прежнюю дикость Аѳона въ чудную приложиша пріятность. Сіи ненаселенное сіе мѣсто населенное показаша, и пустыню градъ сотвориша священными лавры и славными монастыри, монидріями, скитами и келліями, яже въ различныхъ мѣстехъ горы создаша, и не токмо создаша, но и снабдиша я различными стяжаніями и вещьми, движимыми ко упокоенію подвизающихся братій; и не точію снабдиша но и множества монашествующихъ вънихъ собраша тѣмже чрезъ посредство сихъ здѣ, идѣже прежде живяху безсловесная животная и звѣріе и зміи, нынѣ живутъ всюду человѣци словесніи, и не точію простѣ словесніи; но человѣци, иже вещественнымъ симъ тѣломъ подвизаются подражати безплотныхъ и не вещественныхъ ангеловъ жизни». (Никодимъ святогорецъ. Слово въ честь аѳонскихъ отцовъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Добродѣева. Ковенскій пер., д. 14.
1895.

BX
597
.M23
D62

Извлечено изъ журнала „Странникъ".

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., соб. д. № 11.

1175980-230

Михаилъ Ивановичъ Сушкинъ, въ иночествѣ о. Макарій, архимандритъ и игуменъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

7.

8.

9.

10.

11.

12.

Важнѣйшіе дѣятели русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ.

1) О. Герасимъ, игуменъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ, предшественникъ о. Макарія; 2) о. духовникъ Іеронимъ; 3) о. духовникъ Рафаилъ (нынѣ архимандритъ и начальникъ русской миссіи въ Іерусалимѣ); 4) о. экономъ Павелъ; 5) о. Іосифъ (пчеловодъ); 6) о. архидіаконъ Лукіанъ; 7) о. Паисій, завѣдующій подворьемъ въ Константинополѣ (нынѣ архимандритъ одного изъ закавказскихъ монастырей); 8) о. іеромонахъ Мина, личный секретарь о. Макарія; 9) о. Матвей, библіотекарь; 10) о. Паисій, дикей русскаго Ильинскаго скита; 11) о. іеродіаконъ Иларіонъ, помощникъ игумена Герасима; 12) о. архимандритъ Ѳеодоритъ, дикей русскаго Андреевскаго скита.

AD LECTORES.

НЕОДНОКРАТНОЕ путешествіе на св. Аѳонскую гору, долговременное пребываніе тамъ, жизнь среди своихъ соотечественниковъ монаховъ, какъ въ обителяхъ св. Горы, такъ и на ихъ гостепріимныхъ подворьяхъ въ Одессѣ и Константинополѣ—все это весьма тѣсно сблизило насъ съ насельниками св. Горы, дало возможность намъ основательно познакомиться не только съ отдѣльными выдающимися представителями ихъ въ данное время, но, насколько это было возможно для насъ, и изучить характеръ, бытъ и состояніе современнаго русскаго-аѳонскаго монашества вообще. Плодомъ этихъ наблюденій является предлагаемый читателямъ историко-біографическій очеркъ жизни и дѣятельности приснопамятнаго старца, игумена русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ, о. Макарія (Сушкина), неожиданно скончавшагося 19 Іюня 1889 года. Свѣтлая личность покойнаго о. Макарія, пользовавшаяся большою извѣстностію и глубокимъ уваже-

ніемъ не только на св. Горѣ аѳонской и въ предѣлахъ своего отечества по самымъ отдаленнымъ его окрайнамъ, но и за предѣлами ихъ, въ странахъ иновѣрныхъ, уже по этому самому заслуживаетъ со стороны русскихъ людей, которыхъ онъ горячо любилъ и для которыхъ онъ въ своей жизни жертвовалъ всѣмъ, что ему было дорого,—особеннаго къ себѣ вниманія и признательности, слабымъ выраженіемъ которыхъ имѣетъ быть настоящій очеркъ его высоко-подвижнической и истинно-патріотической дѣятельности. Но личность о. Макарія дорога намъ и потому еще, что она является живымъ олицетвореніемъ высокаго идеала аѳонскаго иночества.

Но такъ какъ личность покойнаго игумена русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ, надѣленная отъ природы богатыми сокровищами ума и сердца, слегка лишь раскрытыми религіознымъ воспитаніемъ своей матери, создалась и всецѣло образовалась на аѳонской почвѣ, подъ сильнымъ вліяніемъ геніальной личности не менѣе извѣстнаго въ лѣтописи русскаго аѳонскаго монашества покойнаго духовника того же монастыря о. Іеронима, то отсюда явилась настоятельная необходимость дать мѣсто характеристикѣ и этой замѣчательной личности. Призванный въ русскій Пантелеимоновскій монастырь покойнымъ игуменомъ грекомъ Герасимомъ и греческою братіею въ 1840 году, съ скромнымъ званіемъ «духовника» русскихъ иноковъ этого монастыря, о. Іеронимъ такъ искусно повелъ свое дѣло, что въ короткое время устроилъ крайне разстроенныя монастырскія финансовыя дѣла, привлекъ въ монастырь много русскихъ иноковъ и далъ имъ всѣ необходимыя средства къ прочному ихъ существованію въ этой обители на Св. Горѣ. Мудрый духовникъ достигъ этого не столько тѣмъ, что онъ обезпечилъ матеріально *своихъ соотечественниковъ*, но болѣе всего тѣмъ, что онъ

воспиталъ для нихъ беззавѣтно преданнаго дѣлу и себѣ самому вождя-игумена и подготовилъ ему нужныхъ дѣятелей, сотрудниковъ, съ которыми можно было отстоять для себя право существованія на св. Аѳонской горѣ и принести своему отечеству ту посильную пользу, какую оно вправѣ ожидать отъ аѳонскихъ иноковъ, живущихъ трудовыми грошами его сыновъ. Настоящій нашъ очеркъ жизни и дѣятельности о. Макарія былъ бы поэтому не полонъ и одностороненъ, если бы мы не отвели въ немъ виднаго мѣста характеристикѣ покойнаго духовника о. Іеронима, перваго организатора русскаго монашества на Аѳонѣ, его главнаго руководителя и, если не перваго дѣятеля, то во всякомъ случаѣ иниціатора всякаго важнаго дѣла, касающагося этой общины. Вся дѣятельность о. Макарія, за исключеніемъ послѣднихъ четырехъ лѣтъ, прошла подъ сильнымъ вліяніемъ о. Іеронима, который былъ совѣтникомъ и руководителемъ покойнаго игумена. Дѣятельность эта такъ сливается съ дѣятельностію о. Іеронима, что трудно указать, что̀ принадлежитъ одному и гдѣ начинается дѣятельность другаго. Эти двѣ великія личности аѳонскаго иночества, совершенно не сходныя по характеру, въ жизни и дѣятельности были такъ единодушны и согласны, какъ бы у нихъ была «одна душа и одно сердце».

Кромѣ этой характеристики, для пониманія нашего разсказа о судьбѣ русскаго иночества на Аѳонѣ въ истекающемъ столѣтіи, мы считаемъ необходимымъ дать хотя и краткіе, но живые очерки главныхъ дѣятелей и сотрудниковъ о. Макарія. Будучи важными дѣятелями въ судьбѣ русской иноческой общины Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ, эти сотрудники и споспѣшники о. Макарія являются въ то же время живыми выразителями то той, то иной стороны высокаго идеала аѳонскаго иночества, причемъ эти стороны раскрываются

въ нихъ съ большею подробностію и рельефностію, чѣмъ въ лицѣ одного человѣка, хотя бы это была и такая выдающаяся личность, какъ покойный о. Макарій. Въ этихъ конкретныхъ образахъ, какъ мы полагаемъ, высокій идеалъ аѳонскаго иночества напечатлѣется глубже, цѣльнѣе и живѣе въ представленіи нашихъ читателей.

Такъ какъ жизнь великихъ подвижниковъ старцевъ о. Макарія и о. Іеронима съ ихъ главнѣйшими сотрудниками была посвящена всецѣло и беззавѣтно на служеніе русской общинѣ въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ на Аѳонѣ, ея водворенію въ монастырѣ, внутренней организаціи, огражденію отъ нападокъ и козней ея недоброжелателей, пріобрѣтенію ею прочнаго положенія на Аѳонѣ и въ предѣлахъ своего отечества, процвѣтанію въ ней истиннаго монашескаго духа и братской любви, какъ по отношенію къ своимъ соотечественникамъ и единоплеменникамъ, такъ и по отношенію къ иноплеменникамъ единовѣрцамъ и т. д., то посему настоящій біографическій очеркъ жизни и дѣятельности о. Макарія является вмѣстѣ съ тѣмъ и историческимъ очеркомъ образованія, развитія и жизни этой самой общины за весь періодъ съ 1840 года по день кончины этого игумена. Потребность въ такомъ цѣльномъ и правдивомъ очеркѣ кажется намъ тѣмъ болѣе настоятельною, что въ нашей русской литературѣ, сравнительно довольно богатой солидными въ научномъ отношеніи дневниками и путешествіями по Аѳону (напр., Плаки-Григоровича—Барскаго, преосвященнаго Порфирія Успенскаго, архимандрита Антонина и др.), доселѣ не имѣется подобнаго очерка и для большинства русскихъ людей Аѳонъ и судьба на немъ соотечественниковъ иноковъ остаются еще и доселѣ terra incognita [1]).

---

[1]) Русская Пантелеимоновская обитель на Аѳонѣ принадлежитъ къ числу *20 святогорскихъ* монастырей. Живя своею особою самостоятельною внутрен*нею жизнію, въ тоже время* она принимаетъ самое живое и непосредствен-

Принимая на себя нелегкую задачу составленія настоящаго историко-біографическаго очерка, мы не ограничивались своими *личными* наблюденіями и впечатлѣніями, которыя какъ таковыя, всегда *субъективны*, односторонни и не полны, еще менѣе мы были довѣрчивы къ устнымъ разсказамъ очевидцевъ и современниковъ, къ которымъ мы обращались въ весьма рѣдкихъ и и исключительныхъ случаяхъ, когда у насъ подъ руками не было болѣе надежныхъ источниковъ, а старались провѣрять наши наблюденія наблюденіями людей компетентныхъ, ближе насъ стоявшихъ къ описываемымъ личностямъ и событіямъ и уже *печатно* высказавшихся по тому или иному случаю. Но предъ всѣми этими источниками всегда отдавалось нами предпочтеніе документамъ (въ оригиналѣ или копіи), какіе *случайно* [1]) попадались намъ подъ руки какъ то: письмамъ, запискамъ, дневникамъ, автобіографіямъ и другимъ рукописнымъ матеріаламъ, которые считаются источниками первой руки. Такимъ

ное участіе въ дѣлахъ, касающихся всей Аѳонской горы цѣлокупно. Какъ членъ Карейскаго протата или синода (въ просторѣчіи кинота), гдѣ вѣдаются подобныя дѣла, русская Пантелеимоновская обитель на Аѳонѣ подаетъ равноправно съ остальными обителями св. Горы и свой рѣшающій голосъ, но за то въ тѣхъ случаяхъ, когда она сама является нарушительницею обще-святогорскихъ интересовъ, она становится подсудною и обязана защищаться предъ этимъ судилищемъ. Вотъ по этому то, приступая къ изложенію судьбы русской общины на Аѳонѣ, намъ необходимо было бы для большей ясности въ разсказѣ предпослать очеркъ внутренняго устройства св. Аѳонской горы, но сдѣлать это мы не могли по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) этотъ очеркъ насъ отвлекъ бы далеко отъ прямой цѣли, и 2) интересующіеся могутъ составить понятіе объ этомъ устройствѣ на основаніи обширной исторіи Аѳона преосв. Порфирія Успенскаго. Для читателей же нашего очерка въ необходимыхъ случаяхъ мы помѣщаемъ разъясненія въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ нему, а для желающихъ обстоятельно уяснить себѣ сущность этого устройства въ концѣ очерка намѣрены напечатать въ I приложеніи цѣликомъ: «*Общій канонизмъ Святыя Горы Аѳонскія, составленный Протатомъ*».

[1]) Главный хранитель этихъ документовъ—архивъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ—доселѣ не разобранъ и не приведенъ въ порядокъ. При всемъ нашемъ желаніи проникнуть въ него, мы получили рѣшительный отказъ, и поэтому вынуждены были довольствоваться лишь тѣми *документами, которые случайно* остались на рукахъ частныхъ лицъ.

образомъ, наши источники, кромѣ нашего личнаго непосредственнаго наблюденія надъ жизнію современнаго русскаго аѳонскаго иночества, дѣлятся на печатные и письменные, при чемъ послѣдніе въ качественномъ и количественномъ отношеніи весьма значительно превосходятъ первые. Къ источникамъ перваго рода мы относимъ слѣдующія печатныя книги и статьи:

I. Инока Парѳенія. «Сказаніе о странствованіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и св. землѣ». М. 1855 г. ч. I—IV.

II. «Письма святогорца о святой Горѣ аѳонской». М. 1883 г. изд. 3 ч. I—III.

III. К. Леонтьева. «Панславизмъ на Аѳонѣ» (Русск. вѣстн. 1873 г. кн. IV).

IV. Его же. «Воспоминаніе объ архимандритѣ Макаріѣ, игуменѣ русскаго монастыря св. Пантелеимона на горѣ Аѳонской» (Гражданинъ 1889 №№ 191, 192, 196, 207, 211, 243 и 246).

V. И. Ѳ. Красковскій. «Макарій аѳонскій, игуменъ и священно-архимандритъ аѳонскаго св. Пантелеимоновскаго монастыря». М. 1889 г.

IV. Извѣстія и корреспонденціи газетъ русскихъ и иностранныхъ.

Изъ указанныхъ источниковъ первые два даютъ намъ матеріалъ собственно для характеристики личности о. Іеронима и быта русскихъ иноковъ на Аѳонѣ до поселенія и сейчасъ послѣ поселенія ихъ въ русскомъ Пантелеимоновскомъ монастырѣ. Превосходныя статьи К. Леонтьева представляютъ цѣнный матеріалъ для характеристики главнымъ образомъ о. Макарія, но немало въ нихъ можно находить данныхъ и для біографіи о. Іеронима. Что же касается книги Н. Ѳ. Красковскаго, то не смотря на всю искренность ея тона и чувства глубокаго почтенія и уваженія ея автора къ личности *почившаго игумена*—архимандрита, книга эта не лишена

въ сужденіяхъ односторонности (см. статью К. Леонтьева въ Гражданинѣ) и даже прямыхъ весьма важныхъ ошибокъ.

Изъ многочисленныхъ рукописныхъ источниковъ, бывшихъ у насъ подъ руками, на первомъ мѣстѣ мы должны, по всей справедливости, поставить сборникъ покойнаго іеромонаха русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ о. *Мины* подъ заглавіемъ: «Описаніе достопамятныхъ событій». Любознательный отъ природы, большой начетчикъ и усердный писака о. Мина долгое время состоялъ при покойномъ игуменѣ о. Макаріѣ въ качествѣ личнаго его секретаря. По своей любознательности, онъ переписывалъ каждую исходящую и входящую бумагу къ о. игумену въ особую для себя заведенную книгу, куда кромѣ того попадали и другія бумаги, письма и даже выдержки изъ газетъ, такъ или иначе относящіяся къ исторіи монастыря. Такимъ образомъ и составился обширный полулистовой сборникъ того весьма любопытнаго даже интимнаго матеріала, который, при другомъ къ нему отношеніи, навсегда былъ бы утраченъ для исторіи монастыря. (Отъ того же о. Мины осталось около 30 подобныхъ томовъ съ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ). Вотъ какія статьи этого сборника намъ оказали несомнѣнно важную услугу, при составленіи настоящаго очерка:

I. «Газетныя клевѣты на русскихъ въ 1877 г. въ Константинополѣ» (нѣсколько статей).

II. «Происшествіе на келліи Одондà и послѣдствія его».

III. «Событія 1877 года въ русскомъ монастырѣ».

IV. «Серайское дѣло о распрѣ между настоятелемъ Андреевскаго скита архимандритомъ Ѳеодоритомъ и братствомъ скита. Переписка съ антипросопомъ».

V. «Письма по дѣлу Ильинскаго скита въ 1873 г.».

VI. «Воспоминаніе (о. Мины) о военномъ времени въ 1877 г.».

VII. «*Дневникъ собственноручный архимандрита о. Макарія*».

Это—копія съ первой тетради собственноручнаго дневника о. Макарія, веденнаго имъ во время его путешествія по востоку. Отрывокъ этотъ содержитъ въ себѣ нѣкоторыя біографическія черты о. Макарія, его сборы въ путешествіе, дорогу до Кіева и пребываніе въ немъ до выѣзда въ Одессу. Въ нашихъ рукахъ кромѣ этого имѣлись уже *въ подлинникѣ двѣ слѣдующія тетради*, обнимающія жизнь и пребываніе о. Макарія и его спутниковъ въ Одессѣ, путешествіе въ Константинополь и описаніе его достопримѣчательностей. Послѣдующія тетрадки этого любопытнаго дневника утрачены.

VIII. «Письмо къ игумену о. Макарію отъ іеродіакона (нынѣ іеромонаха) Алексія о событіи въ городѣ Солунѣ, бывшимъ съ нимъ 29 Августа 1877 г.».

IX. «*Воспоминанія о. игумена русскаго на Аѳонѣ Пантелеимонова монастыря, священно-архимандрита Макарія, въ мірѣ потомственнаго почетнаго гражданина, тульскаго 1-й гильдіи купеческаго сына Михаила Ивановича Сушкина, записанныя съ его словъ въ 1877 году іеродіакономъ Миною*». Воспоминанія эти относятся только къ семьѣ о. Макарія и къ его воспитанію школьному и домашнему.

X. «Переписка о. Макарія съ русскимъ генеральнымъ консульствомъ въ Солунѣ и съ петербургскими благодѣтелями передъ русско-турецкою войною 1877—78 г.».

XI. «Изъ другаго, не менѣе по объему, сборника того же о. Мины для настоящаго очерка мы воспользовались «Дневникомъ происшествій въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ, начиная съ 1853 г. и кончая 1884 г.». Впрочемъ, этотъ дневникъ краткій и въ немъ отмѣчены лишь важнѣйшія событія, произшедшія въ монастырѣ, а посему для нашей цѣли мало пригоденъ. Болѣе важную *услугу* оказалъ намъ второй подобный дневникъ съ *1840 г. по 1874 г.*, въ которомъ событія монастырскія

за послѣдніе годы, въ самую бурную эпоху монастыря, ведутся обстоятельно день за днемъ. Этотъ дневникъ въ связи съ книгою: «По поводу вопроса объ аѳонскомъ монастырѣ св. Пантелеимона, Спб. 1874 г.» *любителя истины* сообщаетъ весьма цѣнныя данныя для исторіи той ожесточенной борьбы, какая въ 1874 г. и нѣсколько раньше велась въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ между монахами греческими и русскими изъ за правъ на этотъ монастырь. Упомянутый *второй* дневникъ далъ намъ возможность возстановить эту печальную исторію въ истинномъ ея свѣтѣ.

XII. Для характеристики внутренней религіозной настроенности о. Макарія, его чаяній и идеаловъ въ первые годы его монашеской аѳонской жизни, его отношеній къ родителямъ и старцамъ обители въ это время, неоцѣненную услугу оказали намъ 22 письма за годы съ 1851 по 1856 г., любезно сообщенныя намъ роднымъ братомъ покойнаго о. Макарія И. В. Сушкинымъ, которому мы и приносимъ за это глубокую благодарность.

XIII. Въ нашихъ рукахъ находились, кромѣ того, письма о.о. Макарія, Іеронима и др., адресованныя на имя покойнаго профессора кіевской духовной Академіи Ф. А. Терновскаго, находившагося въ живой перепискѣ съ аѳонскими старцами и исполнявшаго многія порученія ихъ, особенно касавшіяся издательской дѣятельности русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ. Письма эти переданы намъ въ собственность покойною матерью профессора Н. Т. Терновскою.

XIV. Въ нашемъ очеркѣ нерѣдко цитуются и другія письма аѳонскихъ старцевъ, писанныя ими или собственноручно, или только подписанныя ихъ руками и адресованныя частнымъ лицамъ: монахамъ и мірянамъ. Письма эти собраны нами на Аѳонѣ. Владѣльцамъ ихъ мы выражаемъ нашу сердечную признательность.

Кіевъ. 1892 г.
18 Января.

ГЛАВА I.

ДѢТСТВО О. МАКАРІЯ И ЕГО ВОСПИТАНІЕ ДОМА И ВЪ ШКОЛѢ.

Родъ почетныхъ гражданъ Сушкиныхъ и главный предметъ ихъ торговыхъ операцій. Характеристика «дѣда» Діонисія Іосифовича и «бабушки» Акилины Васильевны и ихъ совращеніе въ расколъ. Желаніе стариковъ сдѣлать послѣдователями своего толка всѣхъ дѣтей и внуковъ и препятствіе къ этому. Женитьба Ивана Діонисьевича (отца о. Макарія) на Ѳеодосьѣ Петровнѣ (матери) и краткая характеристика послѣдней. Рожденіе Михаила Ивановича (въ монашествѣ о. Макарія). Разлука его съ родителями и воспитаніе подъ надзоромъ «бабушки» и няни Маѳы. Начало обученія чтенію и его успѣхи. Попытка дѣда сдѣлать внука послѣдователемъ «поповщинскаго толка» и ея неудача. Письмо по этому поводу Ивана Діонисьевича къ своему отцу. Разлука Михаила Ивановича съ бабушкою, дѣдушкою и нянею и поѣздка въ Петербургъ къ родителямъ. Временное пребываніе его въ Москвѣ и пріѣздъ его въ Петербургъ. Первая встрѣча съ родителями и братьями. Характеристика родной семьи и первые дни пребыванія въ средѣ ея. Поступленіе въ школу. Учитель и его жена. Религіозно-нравственное воспитаніе о. Макарія дома на основаніи его автобіографіи.

РОДЪ потомственныхъ почетныхъ гражданъ купцовъ Сушкиныхъ принадлежалъ къ древнѣйшимъ и богатѣйшимъ купеческимъ родамъ города Тулы и пользовался почетомъ и извѣстностію не только въ родномъ городѣ, но далеко за предѣлами его и даже внѣ отечества, заграницею. Эта богатѣйшая фамилія, едвали не съ прошлаго столѣтія, вела уже обширную милліонную заграничную торговлю медомъ, воскомъ, шерстью, щетиною, *кожами и другимъ сырцемъ*. Но не смотря на давность этого

рода, воспоминанія о выдающихся его представителяхъ удержались въ памяти покойнаго о. Макарія не дальше его дѣда, Діонисія Іосифовича Сушкина, жившаго въ Павловской слободѣ, въ приходѣ Церкви Успенія Божіей Матери.

Прадѣдъ покойнаго о. Макарія былъ человѣкъ религіозный и всѣхъ троихъ своихъ сыновей, изъ коихъ Діонисій Іосифовичъ былъ старшимъ, воспиталъ въ духѣ православія и преданности Церкви православной, но дѣдъ покойнаго о. Макарія не долго оставался сыномъ св. Православной Церкви и совратился въ расколъ. „Дѣдъ мой, разсказываетъ въ своей автобіографіи покойный о. Макарій, бывши около 35 лѣтъ отъ роду, началъ заниматься чтеніемъ книгъ священнаго Писанія и, къ несчастію, не совѣтывался объ этомъ съ священниками, и уклонился къ толкамъ разныхъ стариковъ, которыхъ въ то время было очень много и которые толковали священное Писаніе, какъ знали. Пастыри церкви, какъ замѣтно было изъ словъ самаго дѣда, не обращали вниманія и не исправляли его ошибокъ. Такимъ образомъ, болѣе и болѣе упражняясь въ чтеніи св. Писанія, онъ случайно напалъ на кривотолка, орловскаго купца, толка перекрещеванцевъ, пріѣхавшаго въ Тулу по какимъ то дѣламъ. Человѣкъ чрезвычайно краснорѣчивый и начитанный, хотя и ложно понимавшій св. Писаніе, онъ сталъ отклонять моего дѣда отъ Православной Церкви“. Краснорѣчивая проповѣдь орловскаго апостола произвела глубокое впечатлѣніе на Діонисія Іосифовича, и въ душѣ онъ уже пересталъ быть сыномъ православной Церкви. Эта перемѣна религіозныхъ убѣжденій скоро же была замѣчена людьми, близко стоящими къ Діонисію Іосифовичу, желавшими обратить его въ „поповщинскій толкъ“, или, въ такъ называемое, „старообрядчество австрійскаго священства“. Проповѣдникомъ идей этого „толка“ явился приближенный къ Діонисію Іосифовичу довѣренный прикащикъ, который, воспользовавшись частыми отлучками изъ дому своего хозяина, весьма искусно сталъ достигать своей завѣтной цѣли черезъ супругу хозяина, Акилину Васильевну, женщину „неграмотную, но благочестивую“. „Своими бесѣдами“ прикащикъ-проповѣдникъ успѣлъ убѣдить Акилину Васильевну въ превосходствѣ „*поповщинскаго толка*“ предъ „толкомъ перекрещеванцевъ“

„Если ты, говорилъ прикащикъ, не предупредишь своего мужа присоединиться къ поповщинскому толку, то онъ непремѣнно будетъ перекрещеванецъ; поповщинскій же толкъ нисколько не имѣетъ разницы съ православною церковію. Только и разницы, что молятся двоеперстнымъ крестомъ и порядокъ соблюдаютъ лучше, чѣмъ въ церквахъ мірскихъ. Если не желаешь присоединиться, то хоть посмотри обстановку нашей часовни. Я тебя самъ свезу вмѣсто кучера въ часовню, гдѣ ты можешь взять молитву своему сыну (т. е. сорокодневному Іосифу, послѣднему сыну) и видѣть порядокъ и благочиніе противъ вашей церкви". „Бабушка, по замѣчанію о. Макарія, поддалась на эту удочку, предполагая, что, взявъ молитву въ поповской часовнѣ, будетъ удерживать въ этомъ и своего мужа, что уже намъ (т. е. съ мужемъ) нельзя раздѣляться отъ своего сына".

Подъ вліяніемъ этихъ убѣжденій своего прикащика, Акилина Васильевна взяла на руки сорокодневнаго ребенка Іосифа и отправилась въ поповщинскую часовню, гдѣ съ распростертыми объятіями ее принялъ уже подготовленный прикащикомъ священникъ. Стройность и чинность богослуженія и богатство обстановки въ часовнѣ, въ связи съ ея личнымъ шаткимъ религіознымъ убѣжденіемъ и съ мыслію о возможности попасть „въ толкъ перекрещеванцевъ",—все это произвело на благочестивую Акилину Васильевну такое впечатлѣніе, что она не только взяла молитву у раскольническаго попа и воцерковила здѣсь своего малютку Іосифа, но тутъ же выразила священнику свое „благое и непринужденное" желаніе „исправиться", т. е. перейти совершенно въ расколъ. Раскольническій священникъ не заставилъ просить себя долго и въ тотъ же день ее „исправилъ", вырвавъ, какъ замѣчаетъ о. Макарій, „добрую овцу изъ стада Христова". Все это происходило въ отсутствіе мужа. Когда возвратился изъ своей поѣздки Діонисій Іосифовичъ, то настояла необходимость передать ему о совершившимся фактѣ. Акилина Васильевна упросила своего сообщника—прикащика предупредить мужа, разсказавъ ему о поѣздкѣ ея въ старообрядческую часовню для принятія сороковой молитвы и о томъ глубокомъ впечатлѣніи, *какое на нее произвела* часовня, а на себя взяла

смѣлость сообщить уже о самомъ фактѣ присоединенія къ расколу. Разсказъ прикащика не произвелъ на Діонисія Іосифовича никакого впечатлѣнія, и онъ не придалъ этому факту значенія, но когда услыхалъ изъ устъ супруги о переходѣ ея въ расколъ австрійскаго священства, то глубоко возмутился и укоризненно прибавилъ: „Что ужъ если переходить, то ужъ лучше переходить къ перекрещеванцамъ, чтобы не вязаться съ попами“. Діонисій Іосифовичъ даже прямо настаивалъ, чтобы его супруга снова „переисправилась“, но та на-отрѣзъ отказалась. Между супругами произошло нѣкоторое охлажденіе. Сушкины съ этого времени перестали посѣщать православный храмъ, но не бывали и въ раскольнической часовнѣ, которую не любилъ Діонисій Іосифовичъ. Акилина Васильевна не бывала въ часовнѣ, въ угоду своему мужу, боясь доставить непріятность ему. Такимъ образомъ, старики Сушкины прожили въ теченіи трехъ лѣтъ, ограничиваясь лишь тѣмъ, что въ дни великихъ церковныхъ праздниковъ они вычитывали у себя на дому часы, акаѳисты, и т. п. Такое отчужденіе отъ храма болѣе всего было не по сердцу „благочестивой“ Акилинѣ Васильевнѣ, которая, наконецъ, взяла на себя смѣлость рѣшительнымъ натискомъ на своего мужа положить предѣлъ этому неопредѣленному ихъ состоянію въ смыслѣ выраженія ихъ религіозныхъ убѣжденій.

На третій годъ „послѣ исправленія“, передъ самой Пасхой, Акилина Васильевна задала своему супругу, такой смѣлый вопросъ: „Вотъ наступаетъ страстная седмица, и мы опять будемъ *мурлыкать?*—Или пойдемъ въ часовню, или опять въ православную церковь, но такъ я болѣе не буду оставаться“. Діонисій Іосифовичъ не далъ прямаго рѣшительнаго отвѣта, и между супругами шли по этому поводу споры. Въ великій четвергъ Акилина Васильевна подошла къ мужу и говоритъ: „Ну прости меня, въ чемъ я согрѣшила передъ тобою; я иду говѣть въ православную Церковь“. Эти слова сдѣлали свое дѣло, и супруги въ тотъ же день молились въ старообрядческой часовнѣ австрійскаго священства. Пасху посѣщали часовню, а затѣмъ Діонисій Іосифовичъ уже и окончательно „исправился“...

У *Сушкина Д. І.*, кромѣ упомянутаго уже малолѣтняго

сына Іосифа, было еще три старшихъ сына: Михаилъ, Іоаннъ и Кондратій и три дочери: Агрипина, Анна и Вѣра. „Сушкинъ хотѣлъ и всѣхъ дѣтей исправить“, но этому воспротивилась его супруга. Она заявила, что этого сдѣлать нельзя скоро; нужно выждать время, такъ какъ наступала уже пора женить старшихъ сыновей. Старикъ Сушкинъ питалъ крѣпкую увѣренность, что скорѣе всего перейдетъ въ расколъ третій его сынъ Кондратій, который съ 15 лѣтъ по торговымъ дѣламъ жилъ въ Орлѣ, гдѣ въ это время былъ главный пріютъ разныхъ раскольничьихъ сектъ. Здѣсь, по описанію о. Макарія, мужчины стригли себѣ макушки и на лбу выстригали вѣнчики, а женщины ходили въ душегрѣйкахъ и сарафанахъ съ долгорукавками. Отправляясь на молитву, женщины надѣвали „холодники“ и покрывались платкомъ не на уголъ, а опуская оба конца по сторонамъ. Кондратій съ распростертыми объятіями былъ принятъ въ среду старообрядцевъ, посѣщалъ ихъ часовню, читалъ и пѣлъ тамъ на клиросѣ, и всѣ думали, что изъ него выйдетъ настоящій уставщикъ, но по своему характеру живому и веселому, съ своими склонностями быть въ обществѣ, „поухаживать за прекраснымъ поломъ, попѣть, поплясать и покурить“ онъ не могъ помириться съ воззрѣніями старообрядцевъ и остался навсегда сыномъ православной Церкви. Старшіе два сына по торговымъ дѣламъ жили большею частію внѣ дома, а потому объ ихъ „исправленіи“ и мало думали. Что касается дочерей, то всѣ онѣ были, вопреки ихъ волѣ, присоединены къ старообрядчеству и почти насильно выданы замужъ за старообрядцевъ.

Старшій сынъ Діонисія Ивановича Михаилъ Діонисьевичъ былъ женатъ на Марьѣ Андреевнѣ Маскатиной, женщинѣ очень умной и потому времени даже образованной, а второй сынъ Иванъ Діонисьевичъ, отецъ покойнаго о. Макарія, вступилъ въ бракъ съ Ѳеодосьею Петровною изъ фамиліи тоже Сушкиныхъ. Ѳедосья Петровна была „небольшаго роста и средней красоты“, происходила изъ семейства, „пріупавшаго вслѣдствіе торговыхъ невзгодъ“, а по сему Иванъ Діонисьевичъ не съ особенною охотою бралъ ее себѣ въ замужество. *Трижды* ходили „на смотрины“ и не оставляли шляпы, что, *по тому времени, означало* согласіе жениха на бракъ, и только

въ третій разъ Иванъ Діонисьевичъ оставилъ свою шляпу случайно, по забывчивости. Впрочемъ, Иванъ Діонисьевичъ не желалъ выходить изъ послушанія своему отцу, которому хотѣлось оженить своихъ сыновей на дѣвушкахъ „изъ честнѣйшихъ домовъ въ городѣ“ и при томъ скромницахъ, чтобы потомъ можно было ихъ легче „исправить“. Отъ этого брака родились сыновья Василій, Иванъ, Петръ и 16 ферваля 1821 года Михаилъ, въ монашествѣ Макарій.

На третьемъ году, послѣ рожденія сына Михаила, Иванъ Діонисьевичъ по торговымъ дѣламъ изъ Тулы переѣхалъ на жительство въ Петербургъ со всѣмъ его семействомъ, кромѣ послѣдняго сына. Двухлѣтній Миша былъ оставленъ въ Тулѣ у бабушки и прожилъ у ней почти до семилѣтняго возраста. Бабушка Акилина Васильевна, не имѣя у себя въ домѣ другихъ дѣтей, привязалась всею душею къ живому, остроумному внученку и, по любви къ нему, снисходила ко всѣмъ его шалостямъ и прихотямъ. Ребенокъ воспитывался подъ надзоромъ няни Марѳы, которая, по сознанію самаго о. Макарія, „любила его, кажется, больше матери и слѣдила за каждымъ его шагомъ“. Съ шести лѣтъ его засадили за „букварь“ подъ руководствомъ одной крѣпостной весьма начитанной женщины, а затѣмъ вскорѣ же замѣнили его „Часословомъ“, по которому бойкій мальчикъ началъ читать скоро же быстро и толково. Успѣхи въ грамотѣ радовали дѣдушку, который постоянно бралъ съ собою своего любимаго внученка въ часовню, въ надеждѣ, что въ будущемъ, онъ и его „исправитъ“. Въ этихъ видахъ многое онъ прощалъ своему любимцу и всячески его баловалъ. Такъ какъ мальчикъ былъ большой охотникъ до лакомствъ всякаго рода, то его карманы всегда были ими переполнены. Зная эту слабость своего семилѣтняго внука, дѣдъ однажды, возвратившись изъ старообрядческой часовни, началъ вести съ нимъ такую бесѣду: „Нравится ли тебѣ въ нашей часовнѣ“? Бойкій мальчикъ смѣло отвѣтилъ: „Нѣтъ, у насъ въ Церкви лучше“. „Чѣмъ?“ продолжалъ допрашивать дѣдушка. Мальчикъ отвѣтилъ: „У насъ свѣтлѣе и отворяются царскія двери, а у васъ нѣтъ“. Нѣсколько времени спустя послѣ этого разговора, бабушка призываетъ къ себѣ внука и внушаетъ ему: „Дѣдушка хочетъ тебя „исправить“, но ты

скажи ему, что я безъ батюшки не смѣю". На другой день дѣдушка ведетъ такую рѣчь къ своему ребенку-внуку: „Переходи къ намъ въ часовню, мы тебя будемъ любить больше другихъ". Внукъ отвѣтилъ въ смыслѣ внушенія бабушки и при этомъ разрыдался на всѣ комнаты. Въ скоромъ времени отъ Ивана Діонисьевича изъ Петербурга было прислано въ Тулу письмо приблизительно слѣдующаго содержанія: „Батюшка, Вы пишите ко мнѣ, что желаете присоединить сына моего Михаила къ часовнѣ, то я скажу вамъ вотъ что, за что впередъ прошу простить меня Христа ради. Вы разрознили насъ съ собою и съ братьями, о чемъ мы теперь не мало скорбимъ. Вы предполагали поженить насъ и тогда обратить въ свою вѣру, но дѣла торговыя измѣнили Вашъ этотъ планъ. Мы остались навсегда раздѣленными съ Вами, ибо не предвидится никакой надежды, чтобы семья могла бы когда нибудь соединиться вмѣстѣ. При помощи Божіей, дѣла наши расширились. Если и старшій братъ Михаилъ Діонисьевичъ, находясь такъ близко отъ Васъ, не имѣетъ времени побывать къ Вамъ, то тѣмъ болѣе Вы мнѣ это не позволите, а, между тѣмъ, время измѣняется. Быть можетъ, моимъ дѣтямъ, которыхъ у меня четверо, когда нибудь придется жить вмѣстѣ: трое пойдутъ въ церковь, а четвертый или останется дома, или пойдетъ неизвѣстно куда. Вы сами имѣли на опытѣ: когда перешли въ часовню, то братья Васъ оставили, что непріятно Вамъ казалось прежде. Когда мы были молоды и бывали дома, Вы съ матушкою уѣдите въ часовню, а мы отправимся въ церковь, а пришедши домой опасаемся другъ другу сказать что либо о торжествѣ праздника, ибо каждый имѣлъ свои понятія. Потому, испытавъ тяжелое впечатлѣніе на себѣ, я не желалъ бы, чтобы и сынъ мой испытывалъ то же. А такъ какъ Вы не желаете уже отпустить его къ намъ и хотите обучить его граматѣ и сдѣлать изъ него себѣ помощника, какъ въ Вашей ежедневной службѣ, такъ и въ дѣлахъ, то онъ не изучитъ своихъ обязанностей къ отцу и матери. Прошу оставить его на время, которое указано будетъ Богомъ".

Иванъ Діонисьевичъ не сочувствовалъ намѣреніямъ своего отца, какъ это видно по тону письма, и не прочь былъ сей*часъ же вырвать* своего малютку, на котораго, къ слову ска-

зать, доселѣ не обращалось родителями никакого вниманія, но дальность разстоянія и неудобства путей сообщенія заставили его оставить мальчика на рукахъ дѣдушки до перваго удобнаго случая. Такой случай вскорѣ представился, и для мальчика безвозвратно миновала пора счастливаго дѣтства, пора раздольной жизни подъ крыломъ нѣжно его любившей бабушки и доброй няни. Не зная своихъ родителей, живя вдали отъ нихъ, ребенокъ сжился съ окружающими его лицами, которыя страстно были привязаны къ нему, сроднился съ окружающею обстановкою и не съ охотою собирался въ Петербургъ къ своимъ родителямъ и къ своимъ братьямъ, съ которыми его связывало одно лишь кровное родство. „Мнѣ весьма не хотѣлось“ собираться къ отъѣзду, замѣчаетъ въ своей автобіографіи о. Макарій, но не съ радостію также разставались съ нимъ бабушка и его няня. Первая „плакала нѣсколько дней“, а вторая—„плакала болѣе всѣхъ чуть не въ голосъ, обѣщая навѣстить ребенка при первомъ удобномъ случаѣ“.

Изъ Тулы выѣхалъ ребенокъ вмѣстѣ съ дядею Петромъ Семеновичемъ Ложниковымъ, женатымъ на Вѣрѣ Діонисьевнѣ, который ѣхалъ въ Петербургъ „для заведенія своихъ дѣлъ“. Но до Петербурга на сей разъ путешественники не доѣхали. Петръ Семеновичъ почему то раздумалъ ѣхать въ Петербургъ и вернулся обратно въ Тулу, а мальчикъ Миша оставленъ на время у старшаго дяди по отцу, Михаила Діонисьевича, и прожилъ здѣсь въ Москвѣ до лѣта, посѣщая съ своими сверстниками приходское училище у Вознесенія, что за Серпуховскими воротами, близь конной. Лѣтомъ, послѣ перенесенныхъ потрясеній вслѣдствіе потери супруги, пріѣхалъ въ Москву Діонисій Іосифовичъ „для исповѣди и причащенія“ вмѣстѣ съ зятемъ Петромъ Семеновичемъ, который на сей разъ предполагалъ привести въ осуществленіе мысль о поѣздкѣ въ Петербургъ, почему-то, какъ извѣстно, не состоявшейся почти годъ тому назадъ. Съ этимъ своимъ спутникомъ маленькій Сушкинъ и отправился далѣе въ Петербургъ къ родителямъ.

Холодна и тяжела была встрѣча сына съ родителями, которыхъ онъ не зналъ. Въ своей матери, встрѣтившей гостей

на лѣстницѣ, онъ призналъ лишь „большое сходство съ теткою, сестрою матери, дѣвицею Пелагіею, такъ что почти принялъ ее за нее“. Явившійся въ домъ отецъ встрѣтилъ своего малютку сына оффиціально. Поцѣловавъ его, онъ началъ распрашивать его о здоровьи, на что гость отвѣчалъ упорнымъ молчаніемъ. „Неохотно“ онъ отвѣчалъ на вопросы своихъ братьевъ, облѣпившихъ гостя со всѣхъ сторонъ. Его смущеніе въ новой для него семьѣ еще болѣе усилилось, когда онъ замѣтилъ, что братья, слыша частое употребленіе имъ слова: „*энто-то*“ и видя его неумѣнье держать себя порядочно въ обществѣ, „помирали со смѣху“ надъ нимъ. Поэтому онъ долго не могъ сойтись съ братьями и „дичился“ ихъ. Вообще въ родной семьѣ онъ не встрѣтилъ ни ласкъ своей покойной бабушки, ни безпредѣльной любви своей няни и ему казалось, что онъ попалъ „какъ-бы въ чужое семейство“. Дядя Петръ Семеновичъ, съ которымъ онъ пріѣхалъ, „казался ему роднѣе всѣхъ на свѣтѣ“, а потому, весьма естественно, на первыхъ порахъ своей жизни въ Петербургѣ, мальчикъ „одну отраду находилъ въ свиданіи съ дядей, отъ котораго не отступалъ ни на шагъ, когда онъ бывалъ дома“. Вся обстановка внѣшняя и домашняя чрезвычайно не понравилась новому члену семьи И. Д. Сушкина. „Даже въ Москвѣ, по замѣчанію о. Макарія, мнѣ было привольнѣе, нежели въ Петербургѣ“.

Ѳеодосія Петровна, какъ женщина „набожная“ и воспитывавшая своихъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ и въ строгомъ исполненіи всѣхъ церковныхъ обрядовъ православной церкви, вскорѣ, послѣ перваго же свиданія съ сыномъ, освѣдомилась у него о его религіозномъ воспитаніи въ домѣ дѣдушки, и, къ своему огорченію, нашла, что мальчикъ не имѣетъ никакого понятія о добрыхъ навыкахъ, приличныхъ мальчику христіанской благочестивой семьи. Онъ не зналъ наизусть ни одной молитвы, а поэтому его, какъ уже „недурно читавшаго по славянски“, немедленно засадили за часословъ и не ранѣе позволили оставить его, какъ онъ бойко вытвердилъ начальные листы его до символа вѣры включительно.

Черезъ недѣлю, послѣ пріѣзда въ Петербургъ, Миша съ остальными братьями сталъ посѣщать частную школу, [1]) въ

[1]) *Школа эта сначала находилась* недалеко отъ квартиры Сушкиныхъ, но

которой дѣти обучались пространному катихизису, священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, русской грамматикѣ, ариѳметикѣ, алгебрѣ, бухгалтеріи, умѣнью пользоваться логариѳмами, языкамъ нѣмецкому и французскому и танцамъ. Провинціализмы, пріобрѣтенныя мальчикомъ въ Тулѣ, вызывали и здѣсь пасмѣшки со стороны товарищей по школѣ, и ему не было легче сравнительно съ домомъ, но на его счастіе его полюбили за прилежаніе и успѣхи учитель и учительница (мужъ и жена), содержатели пансіона, которые „для учениковъ были какъ отецъ и мать, смотрящіе за своими дѣтьми". Обративъ вниманіе на мягкую душу и нѣжное сердце мальчика и на его прилежаніе, они приняли его подъ особое покровительство, защищали отъ нападокъ сверстниковъ, мало-помалу исправили его провинціализмы и научили держаться хорошо въ обществѣ. Михаилъ Сушкинъ учился хорошо по всѣмъ предметамъ, но ему давалась съ особенною легкостію математика, которую онъ зналъ „исправно". Успѣхи въ математикѣ примирили отца съ сыномъ, который сталъ смотрѣть на Михаила сына, какъ на будущаго хорошаго помощника въ его торговыхъ дѣлахъ. Изучалъ мальчикъ и языки и главнымъ образомъ нѣмецкій, которымъ не бойко онъ владѣлъ до самой смерти, но отецъ находилъ это знаніе излишнею роскошью и прямо запрещалъ ему. Но сынъ плакалъ и украдкою продолжалъ учиться. Писать каллиграфически онъ не могъ научиться, не смотря на принужденіе и наказаніе, и до смерти почеркъ его не отличался ни красотою, ни разборчивостію. Танцы мальчикъ изучалъ съ полною любовію и впослѣдствіи къ нимъ пристрастился въ значительной степени, такъ что, можно сказать, былъ страстнымъ охотникомъ до танцевъ.

Относительно дѣтства, воспитанія внѣ дома и религіознаго воспитанія дома, подъ руководствомъ матери Ѳеодосьи Петровны, о. Макаріемъ сообщаются самыя подробныя свѣдѣнія въ его автобіографіи.

потомъ переведена была въ 5 линію В. Остр. въ домъ Макарова на пятый этажъ. «Занимались, по описанію о. Макарія, три просторныя комнаты. Первая была спальная и кабинетъ, вторая—библіотека, гдѣ намъ преподавались уроки, и третья—зала для посѣтителей и танцовальный классъ. Кругомъ были корридоры, затѣмъ большая кухня, гдѣ мы обычно оставляли свои верхнія одежды».

Это воспитаніе было обычное въ началѣ истекшаго столѣтія въ купеческихъ благочестивыхъ семействахъ, къ сожалѣнію, нынѣ рѣдко практикуемое и въ этомъ сословіи. Въ виду интереса вообще и, въ частности, изъжеланія уяснить себѣ подъ какими воздѣйствіями шло дѣтское и юношеское воспитаніе о. Макарія, мы остановимся со вниманіемъ на этомъ моментѣ его автобіографіи и сдѣлаемъ изъ нея болѣе или менѣе подробныя извлеченія.

„Обычно мы вставали, разсказываетъ о. Макарій, ежедневно въ 7 часовъ, потомъ насъ заставляли молиться по лѣстовкѣ. Этимъ заправляла покойная наша матушка. Насъ собирали въ гостинную, гдѣ была ея благословенная икона Владимірскія Божія Матери. Тамъ она становилась сзади, а мы всѣ впереди. Каждый долженъ былъ сотворить крестное знаменіе и поклонъ прилично; разсѣянность, невниманіе къ дѣлу, были наказываемы чѣмъ либо, или прибавленіемъ какой нибудь молитвы, или отнятіемъ одного сухаря за чаемъ, или цѣлой чашки чаю. По окончаніи молитвы, мы привѣтствовали родителей съ добрымъ утромъ, и потомъ собирались къ чаю отецъ, мать и насъ четверо. Намъ давалось по двѣ чашки чаю или по три, кто хотѣлъ, но не больше, въ скоромные дни — три сухаря, а въ постные — бѣлый хлѣбъ тоже по три ломтика. Затѣмъ отправляли насъ въ школу съ человѣкомъ. Пришедши въ школу, послѣ привѣтствія учителя и его жены, *исключительно двое мы* (т. е. еще братъ его Петръ Ивановичъ) обязаны были прочитать каѳизму Псалтири. Это (дѣлалось), по настоянію отца, чтобы мы, занимаясь другими науками, не забывали и слова Божія. Потомъ принимались за свой урокъ, заданный на домъ. Таковъ былъ обычай. Изъ ариѳметики мы должны были подать задачу какому нибудь старшему ученику, который провѣрялъ ее и, если находилъ вѣрною, докладывалъ о исправности, за что получали одобреніе, и затѣмъ былъ выслушиваемъ заданный урокъ изъ катихизиса или грамматики, если же ариѳметическая задача была не исполнена, то надъ нею продолжали трудиться. Затѣмъ приближалось время обѣда. Въ 12 часовъ мы обѣдали. Почти всѣ мальчики оставались обѣдать въ школѣ, *хотя нѣкоторые* и недалеко жили. Тутъ мы иногда по-

дѣлялись обѣдомъ, у кого что есть лишнее. У насъ было обычно каждому: половина франзоли, если день скоромный— мясо: телятина или птичье, весьма рѣдко бифштексъ, пузырь молока и еще что нибудь, или пирожное, или фрукты, а въ постный день—полъ-хлѣба, по куску рыбы и икры. Потомъ намъ давалось погулять часъ. Подъ нашими окошками былъ запустѣлый садикъ, въ которомъ мы собирались и играли въ „гуси-лебеди“... Къ 2 часамъ всѣ собирались въ классъ и сейчасъ начиналось чистописаніе подъ диктовку... и продолжалось писаніе 2 часа. Остальной часъ задавались задачи. Кто учился рисованію, тотъ что нибудь чертилъ. Въ 5 часовъ или 5½ мы распускались. Приходя домой съ человѣкомъ, который тоже за нами приходилъ, мы должны были отдать отчетъ о своемъ ученіи. На это были даваемы особыя записки каждому изъ насъ — одобрительныя или нѣтъ: конечно, по этимъ запискамъ мы и принимались съ похвалой или бранью. Послѣ того давался намъ чай въ такихъ же порціяхъ, какъ утромъ, и—послѣ—если было лѣто—давались какія нибудь ягоды по чайной чашкѣ. Потомъ принимались за уроки или отдѣлку своей задачи. Если удавалось ее скоро кончить, то мы успѣвали еще выйти на балконъ и погулять. Въ 10 часовъ садились кушать. Умѣренность соблюдалась всегда и разговаривать, кромѣ отца и матери, никто не могъ, развѣ когда спрашивали кого о чемъ. И если замѣчалась какая нибудь шалость, то тотчасъ же дѣлалось увольненіе изъ за-стола. Покушавши, мы опять отправлялись на молитву, въ сопровожденіи матушки. А батюшка, хотя и съ нами молился, но поспѣшно, отъ этого у нихъ нерѣдко были перебранки съ матушкою: она его упрекала въ поспѣшности, а онъ ее въ медленности.

„Квартира наша была на Васильевскомъ островѣ въ первой кадетской линіи, между малымъ и среднимъ проспектами, въ домѣ купца Голубина, въ приходѣ церкви св. Екатерины, возлѣ самой церкви. Каждое воскресенье лѣтомъ къ всенощному бдѣнію мы обязаны были ходить и становиться вмѣстѣ съ отцемъ, что намъ очень не нравилось. Зимою будили насъ къ заутрени, къ которой въ особенности я всегда лѣниво вставалъ, за что нерѣдко оставался безъ утренняго чаю. У ранней *литургіи мы постоянно* всегда бывали, гдѣ, по обы-

чаю, подавались двѣ просфоры: одна за здравіе, другая за упокой и съ громаднымъ поминаніемъ.

„Кругъ лѣта или года мы проводили слѣдующимъ образомъ. Начнемъ съ великаго поста. Первый день насъ будили къ заутрени. Приходя отъ оной, мы отправлялись въ школу. У часовъ и вечерни мы не бывали. Въ этотъ день мы почему-то приходили домой кушать, но чаю (утромъ) намъ не давали. Вечеромъ, когда мы приходили изъ школы, въ этотъ день всѣ ощущали головную боль. Когда мы собирались къ чаю, то на столѣ были медъ и изюмъ и смоквы (инжиръ). Изюмъ былъ двухъ сортовъ, и мы преусердно подсаживались (къ нему). Въ эти дни не давалось заповѣди, сколько пить чаю, и мы, пользуясь разговорами, усердно пожирали находящееся на столѣ... Матушка обычно во всю первую недѣлю кушала единожды, зато столъ довольно сытный, почти вовсе не постный. Сухари съ квасомъ, рѣдька, грибы бѣлыя маринованныя и черныя шармованныя и два блюда: горохъ и щи. Вечеромъ былъ супъ картофельный или рисовый, потомъ какое-то тѣсто соложенное и каша сладкая. Фруктовъ никакихъ не давалось до самой субботы и ничего сладкаго. Субботы мы ожидали съ величайшимъ нетерпѣніемъ, въ которую пеклись блины и дѣлалась грибовая икра. Мы отправлялись въ школу сытые и все время дремали. А если кто дозволитъ себѣ за блинами шалость, тому давались блины не съ маковымъ масломъ, а съ конопляннымъ, отъ чего прозвали (ихъ) „зелеными блинами“. Конечно, попавшій подъ опалу не могъ ѣсть безъ привычки, а довольствовался чѣмъ успѣлъ прежде. Во всѣ воскресные дни великаго поста мы ходили ко всѣмъ службамъ церковнымъ. Къ вечернему чаю мы собирались всѣ вмѣстѣ, за которымъ намъ давали орѣховъ грецкихъ, миндальныхъ и простыхъ, а иногда дѣлалось миндальное молоко, котораго я ожидалъ какъ праздника.

„Со второй недѣли утромъ рано начинался чай и по обычаю хожденіе въ школу. Обѣдъ и ужинъ всегда съ масломъ, кромѣ среды и пятка. Нерѣдко на второй недѣлѣ насъ заставляли говѣть вмѣстѣ съ матушкою, и уже тогда мы неопу-
стительно ходили ко всѣмъ службамъ. Изъ школы къ часамъ
ходили въ церковь Благовѣщенія, а въ среду и пятокъ въ

свою приходскую церковь св. Екатерины. Въ пятницу послѣ обѣдни въ школу не ходили. Когда приходили прощаться съ отцемъ, онъ давалъ намъ наставленіе, которое можно назвать скорѣе бранью: всѣ бывшія шалости вспоминались въ подробности. Въ нашемъ приходѣ былъ священникъ Іоаннъ Меліоранскій, нашъ же тулякъ, котораго мы уважали и любили. Пришедши отъ исповѣди, по окончаніи всѣхъ службъ, кушать намъ не давали. Чай мы пили съ условіемъ, въ какую нибудь будущую среду или пятницу не пить чаю, ибо намъ казалось, что мы не вытерпимъ. За исповѣдь мы давали священнику по рублю серебромъ. Я обыкновенно старался исповѣдываться утромъ, и священникъ не тяготился этимъ. Пріобщались мы всѣ у ранней литургіи, (при чемъ) много ставили свѣчъ къ образамъ и обычно полагалось бутылка вина и пять просфоръ въ алтарь. Мы всѣ становились на лѣвый клиросъ, гдѣ не было пѣвцовъ, а только одни причастники. Это дѣлала матушка для того, чтобы лучше выслушивать службу. По пріобщеніи святыхъ Таинъ, если была поздняя литургія, матушка оставалась, а мы уходили, чтобы застать отца, когда онъ не ушелъ по дѣламъ. Пришедши домой и напившись чаю, дожидали матушку. Въ этотъ день намъ маслянаго почти ничего не давали, опасаясь, какъ-бы, послѣ недѣльнаго поста, не было дурно. Въ этотъ день насъ заставляли читать что нибудь изъ божественнаго Писанія, и день этотъ проводился особенно благоговѣйно.

„Затѣмъ слѣдовали обычные дни. По какому-то обычаю матушка отгавливала въ слѣдующую недѣлю. Намъ только дозволялось приходить въ среду и пятокъ къ литургіи преждеосвященныхъ. Такъ какъ къ намъ не мало ходило монаховъ и монахинь и носили просфоры, которыя всѣ собирались къ посту, (то теперь) и съѣдались въ большомъ количествѣ, облитыя горячей водой, но никакъ не чаемъ. Бѣлаго хлѣба къ утреннему чаю, икры и рыбы не давалось во весь постъ, кромѣ субботы Лазаревой, когда давалась икра, и въ день Благовѣщенія и вербное воскресенье—рыба. Постомъ хранилась особен-

но пятница Благовѣщенская, когда и вечеромъ не давалось хлѣба [1])...

„Страстная седмица проводилась такъ: если кто-нибудь говѣлъ изъ насъ, то долженъ былъ являться къ литургіи преждеосвященныхъ, а кто не говѣлъ, то довольствовался утренней, затѣмъ ходили въ школу. Въ среду отпускались съ разными наставленіями отъ учителя, который говѣлъ всегда на страстной седмицѣ. Остальные дни: четвертокъ, пятницу и субботу мы ходили ко всѣмъ службамъ неопустительно. Всю недѣлю мы кушали безъ масла, а въ пятницу—одинъ разъ послѣ выноса плащаницы, также и въ субботу послѣ литургіи. Хотя и бывала тогда ранняя литургія въ субботу, но послѣ нея не позволялось кушать. Пришедши отъ литургіи и напившись чаю, мы преспокойно отправлялись съ отцемъ въ противолежащую лавку для покупки дисерта. Кто былъ взятъ въ эту лавку для того составляло верхъ блаженства, ибо можно было хоть потихоньку полакомиться. Пришедши изъ лавки и, напившись чаю, всѣ погружались въ глубокій сонъ, кромѣ меня. Я убѣгалъ въ церковь не „Дѣянія“ читать, но посмотрѣть, немножко помолиться и разставить свѣчи, которыя мнѣ поручались. Симъ порученіемъ я очень интересовался. Окончивши порученіе, я приходилъ домой. У насъ уже начинали подыматься къ заутрени.

„Одѣвшись во все новенькое, мы уходили къ утрени съ отцемъ, гдѣ, пользуясь многолюдствомъ, мы убѣгали въ алтарь и тамъ въ числѣ самыхъ знаменитыхъ прихожанъ рисовались впереди. Мое удовольствіе было похристосоваться прежде домашнихъ съ священнослужителями и видѣть всю церемонію: какъ начиналась утреня, какъ совершалось кажденіе и т. п. По окончаніи утрени, мы оставались на раннюю литургію.

---

[1]) По этому поводу о. Макарій разсказываетъ въ своей автобіографіи нелишенный интереса для его характеристики фактъ. «Голодъ заставлялъ, пишетъ онъ, прибѣгать къ непозволительному средству брать изъ стола просфоры и кушать, что не утаилось отъ зоркаго глаза няни брата Петра Ивановича и было передано покойной матери. Въ добавокъ, къ нестерпимому голоду, мнѣ не дали ужинать, вслѣдствіи чего я былъ *очень раздраженъ и, не смотря на свой девяти-лѣтній возрастъ, дѣлалъ большія возраженія матери и плакалъ*».

Все это оканчивалось къ тремъ часамъ утра. Обычно въ то время въ Петербургѣ начиналась утреня къ 12 часамъ, что возвѣщалось 101 выстрѣломъ въ Петропавловской крѣпости, и чего мы ждали съ нетерпѣніемъ, также, какъ и окончанія литургіи. И что за неописанный восторгъ былъ за этой утренней! Едва-ли онъ повторялся когда-нибудь въ возрастѣ. Это было лѣтъ до 15. Пришедши отъ литургіи, мы христосывались со всѣми и разговлялись. Къ этому (времени) были приготовлены и артосъ, и крещенская св. вода, потомъ антидоръ и просфоры и затѣмъ разговлялись. При этомъ давалось наставленіе всегда ѣсть, какъ можно меньше, но мы всѣ въ концѣ пасхи всегда дѣлались нездоровы. Пасху проводили почти всегда дома, никуда не выѣзжали, развѣ куда нибудь отправлялись въ прогулку, а иногда въ тихомолку и къ качелямъ на Адмиралтейскую площадь. Всю пасху мы ходили ко всѣмъ службамъ, которыя отправлялись весьма скоро. А что насъ занимало, то это—крестный ходъ кругомъ церкви каждый день съ артосомъ послѣ литургіи, а въ субботу—послѣ утрени. Тогда уже ранней литургіи не бывало, но поздняя, по случаю раздачи артоса, который мы считали за непремѣнное получить, хотя намъ присылали его (на домъ). Съ первыхъ дней отецъ мой, которому дѣлалось много визитовъ, и самъ ѣздилъ, но мы ограничивались однимъ учителемъ.

„Послѣ пасхи мы отправлялись каждый по своимъ дѣламъ. Такъ проходило до мая мѣсяца. Мы, кромѣ школы, никуда не ходили, развѣ только когда проходилъ ледъ по Невѣ, тогда мы ходили смотрѣть на оный. Съ мая намъ позволено было ходить на Смоленское кладбище съ нянькою.

„Въ одинъ изъ таковыхъ, чая этой прогулки, мы съ братомъ Петромъ очень разрѣзвились. Я нечаянно ударилъ его няню, и при томъ сказалъ: „какая ты толстая!“ Это было донесено отцу, который до того оскорбился моими словами, что не пустилъ мея на Смоленское кладбище, оставилъ дома, заперъ въ темный корридоръ до прихода моей матери отъ поздней литургіи, которая, пришедши и, увидавъ меня въ такомъ положеніи, пошла къ отцу спрашивать и, переговоривъ тамъ между собою, меня вывели изъ затвора и посадили на цѣлый

день читать Псалтирь, предваривъ многими наставленіями, при горькихъ моихъ рыданіяхъ. Извѣстно, какъ чтится день св. Николая въ Россіи, но и на это не обратили никакого вниманія. Пришли братья мои и, увидавъ меня въ такомъ положеніи, младшіе этимъ очень поразились. Быть можетъ, мнѣ бы и дали обѣдать, но такъ какъ виною былъ старшій братъ Василій Ивановичъ, донесшій отцу о моихъ словахъ, то я не упустилъ случая высунуть ему языкъ и сказать: „ябедникъ“, что было опять донесено и получено за оное двѣ пощечины и совершенное оставленіе безъ обѣда. Когда покончился обѣдъ и все улеглось, до тѣхъ поръ я читалъ громко Псалтирь, и когда легли спать, то за мной поставили надзоръ брата Ивана Ивановича, у котораго я попросилъ что нибудь покушать. Онъ мнѣ отказалъ въ этомъ, боясь преслѣдованія Василія Ивановича, да и самъ былъ недоволенъ, что я позволилъ себѣ дерзость въ словахъ, однако, (потомъ) въ кухнѣ досталъ хлѣба и отправилъ меня въ темный корридоръ, гдѣ я сидѣлъ, (чтобы) тамъ (я) покушалъ, ибо тамъ никто не ходилъ. Наскоро поѣвши, я обратился опять читать Псалтирь, которую продолжалъ до 4-хъ часовъ дня. Когда подали чай, то позвали брата Ивана Ивановича и спросили: сколько каѳизмъ я прочиталъ? Онъ отвѣчалъ: шестнадцать. Пошло испытаніе—не пропустилъ ли я? Послѣ многихъ опять истязаній съ разными наказаніями (т. е. наставленіями), я былъ прощенъ. Затѣмъ дали чаю и кусокъ хлѣба. Всего тяжелѣе для меня было, какъ я помню, дѣлать поклонъ брату Василію Ивановичу. Мнѣ непремѣнно хотѣлось сдѣлать ему какую нибудь гримасу, но такъ какъ всѣ здѣсь были собраны, то и не удалось. Такъ строго смотрѣли за нами.

„Въ праздники у насъ все было изящное. Утромъ давали кофе, котораго я терпѣть не могъ. Въ это время я бѣгалъ поговорить съ прикащиками, которые и собирались только разъ въ недѣлю, въ ожиданіи кофе. Затѣмъ подавался чай. Я отправлялся пить оный, ибо братья были уже сыты. Къ обѣду весною приготовлялась какая нибудь зелень, соусъ, на послѣдокъ блеманжэ и пирожное. Къ вечерни, если никого *не* бывало изъ гостей, намъ давали что нибудь изъ лакомствъ: *лѣтомъ ягоды, а когда* ихъ нѣтъ, то орѣхи.

„Я гораздо больше (другихъ) истреблялъ всевозможныя лакомства. Избалованный этимъ, я не удовольствовался тѣмъ, что намъ давали, хотя, если бывали гости, намъ удѣляли всякаго дисерта по (большой) части, а также и варенья. Но для меня всего этого не доставало. Я прибѣгалъ къ постыдному ремеслу—красть. Если не находилъ ничего въ шкафахъ, въ такомъ случаѣ я уже бралъ сахаръ и ѣлъ. Однажды, узнавъ, что братъ Иванъ Ивановичъ не съѣдаетъ своего лакомства, а собираетъ въ сундукъ, стоящій у насъ подъ кроватью и принадлежащій ему, я преспокойно досталъ его спрятанные гостинцы и ѣлъ, пока не опорожнилъ всего. Когда же брату Ивану Ивановичу захотѣлось полакомиться, онъ открываетъ сундукъ и не находитъ ничего. Тогда онъ, съ воплемъ крѣпкимъ, бѣжитъ къ матушкѣ жаловаться, что опустошенъ его сундукъ. Тотчасъ подозрѣніе пало на меня. И такъ какъ я отказывался, то положено было спросить прислугу. Но когда пришелъ съ биржи отецъ, то преспокойно порѣшилъ, что это работа моя. Сколько я не отказывался, обижаясь на подобныя подозрѣнія, но отецъ порѣшилъ привязать меня веревкой къ кровати, гдѣ стоялъ сундукъ. А между тѣмъ спросили-таки прислугу, изъ числа коихъ одинъ донесъ на меня, что я ему давалъ изъ этихъ гостинцевъ. Вслѣдствіе этого я былъ оставленъ безъ чаю и ужина. Въ другой разъ, вслѣдствіе постоваго голода, на первой недѣли поста я наѣлся пряниковъ, называемыхъ *жамками*, за что понесъ много непріятностей въ особенности отъ брата Василія Ивановича, который на подаваемой еженедѣльно отъ учителя запискѣ о нашемъ поведеніи, написалъ двѣ буквы: Б. Ж., что означало: „блюдечко жамковъ“. Почему учитель вопрошалъ: что это написано? Послѣ многихъ извѣтовъ, я, наконецъ, признался учителю, который не похвалилъ распоряженія домашнихъ—морить дѣтей голодомъ.

„Въ день св. Троицы, такъ какъ не бываетъ раннихъ литургій, то мы спали болѣе обыкновеннаго, а между тѣмъ отецъ посылалъ покупать березокъ, рябины, которыя покупались въ большомъ количествѣ для квартиры нашей, и пуки цвѣтовъ, которые мы всѣ развязывали, отбирая самые лучшіе для отца и матери. Къ этому кто нибудь приносилъ (еще)

изъ сада. Мы связывали какъ себѣ, такъ и прислугѣ и отдавали каждому, а сами разставляли березки по комнатамъ. Затѣмъ въ 10 часовъ начинался благовѣстъ. Мы отправлялись въ церковь, и при этомъ намъ давалось наставленіе, чтобы каждый букетикъ былъ облитъ слезами. На вопросъ: „зачѣмъ“? отвѣчали: (за тѣмъ), „что Богъ далъ дожить до весны и что все устроено для человѣка, какъ настоящій праздникъ, такъ и цвѣты, которые насъ увеселяютъ“. Конечно, при чтеніи молитвъ Пятидесятницы, (мы) старались какъ нибудь выжать хоть одну слезинку, чтобы, пришедши отъ литургіи, сказать объ этомъ. Церковь тоже убиралась разными деревцами. Эти оба дня мы проводили празднично. Обычно насъ ни на какія гулянья не отпускали, то мы довольствовались гуляньемъ на балконѣ нашей квартиры, ибо мимо насъ обычно ѣздила публика на острова, какъ-то: Крестовскій, Елагинъ и другіе. Иногда мы ходили къ кому нибудь изъ знакомыхъ нашихъ въ гости, гдѣ есть садъ, но это утѣшеніе получалось весьма рѣдко [1])...

„29 мая у насъ праздновался день именинъ матери. Иногда приглашались гости къ чаю, который оканчивался вечернею закускою. Гости были обычно изъ окружающей среды, сотоварищи по торговлѣ отца, браковщики и иногда иностранцы. Вечеръ обычно проходилъ въ томъ, что они играли въ карты, а затѣмъ расходились. Курить у насъ не дозволялось, а въ то время и курили очень мало. Домъ нашъ посѣщало мало (народу), такъ какъ матушка была очень религіозна, публичныя гулянія и театры не посѣщала, а свѣтскія женщины привыкли къ разсѣянности: и только разговору было о томъ, что происходило въ театрѣ или на гуляньѣ. Къ намъ ѣздили женщины изъ девяти домовъ—шести русскихъ и трехъ иностранцевъ и то почти не болѣе двухъ разъ въ годъ: одинъ разъ 27 января, въ день именинъ отца, а въ другой разъ когда либо съ визитомъ только. Насъ брали въ 4 мѣста, преимущественно туда, гдѣ были дѣти, съ которыми видѣлись мы тоже не болѣе двухъ разъ въ годъ. Лѣтомъ

---

[1]) *Здѣсь* нѣсколько подробностей, не имѣющихъ значенія и интереса, мы *опускаемъ*.

обычно мы имѣли утѣшеніе отправляться въ Колпино, гдѣ чудотворная икона образа св. Николая. Тамъ, отстоявши литургію и молебенъ, мы отправлялись на водопадъ, откуда старшій братъ покупалъ намъ „змѣй“, и мы наслаждались пусканіемъ „змѣя“. Затѣмъ подавалась карета, и мы отправлялись въ Царское село, гдѣ подъѣзжали прямо къ царскому саду, гуляли тамъ часа три и, такъ какъ мы имѣли тамъ знакомыхъ, отправлялись изъ сада пить чай и ужинать. Въ Царскомъ селѣ посѣщали дворецъ, Церковь и всѣ достопримѣчательности, звѣринецъ. Но это я уже мало помню. Помню, что, по нашему возрасту, насъ занималъ очень слонъ, которому при насъ давали ѣсть и пить, и лебеди, которые находились во множествѣ въ царскомъ саду. По пріѣздѣ, разсказамъ, какъ дома, такъ и въ школѣ, не было конца. Иногда мы ѣздили въ Сергіевскую пустынь, откуда, тоже послѣ литургіи и пообѣдавши, мы, къ неописанной нашей радости, отправлялись въ Петергофъ, гдѣ съ восторгомъ обѣгивали весь садъ и особенно всегда старались видѣть царскую фамилію, которая всегда лѣтомъ тамъ проживала. Мы имѣли счастіе видѣть, какъ сама Государыня удочкою ловила рыбу въ прудѣ. Въ это самое время былъ тамъ настоящій Императоръ Германскій Вильгельмъ I. Государь Александръ Николаевичъ тогда былъ не болѣе 16 или 17 лѣтъ. При появленіи его, Государыня приходила въ восторгъ. При звукѣ колокольчика, выходила рыба наверхъ и попадала на удочку. Государыня потомъ и вся царская фамилія катались въ линейкахъ по саду. Гдѣ бы она (фамилія) ни находилась, всегда была преслѣдуема. Такъ русскій народъ любитъ своихъ царей и ихъ семейства! Къ 8 часамъ вечера, когда публика собиралась ко дворцу, для царской фамиліи поданы были кресла, въ которыхъ посидѣла она до 9 часовъ. Въ 9 часовъ, когда забили зорю и заиграла музыка „Отче нашъ“, Государыня сотворила на себѣ крестное знаменіе, встала, поклонилась публикѣ и отправилась внутрь дворца. Предъ дворцемъ былъ устроенъ театръ для пріѣхавшаго дорогого гостя, нынѣшняго императора Вильгельма, и весь садъ былъ иллюминованъ. Піеса давалась китайская „Кіа-Кингъ“(?). Въ это время съ нами случилось странное происшествіе. Такъ какъ матушка,

по данному ею обѣту, не являлась никуда на гулянія, ни на иллюминаціи, то попросила, чтобы прикащикъ проводилъ ее до кареты. А мы остались съ отцемъ, чтобы видѣть, когда пойдетъ Государь и Царская фамилія. Прикащикъ, проводивши матушку и, возвращаясь оттуда, такъ какъ имѣлъ привычку очень скоро ходить, почти стремглавъ бѣжалъ и наткнулся прямо на Государя, который ему сказалъ: „что ты, братецъ, такъ не остороженъ"? Когда онъ подошелъ къ намъ, то не могъ слова выговорить отъ страха и все оглядывался— не ищутъ ли его. Иллюминація была превеликолѣпная, или, лучше сказать, рѣдкое зрѣлище. При многоцвѣтныхъ огняхъ, были пущены всѣ фонтаны, вода которыхъ казалась какъ-бы розовою. Поздно вечеромъ мы возвратились въ карету и поѣхали домой.

„Петровъ постъ мы кушали рыбу, не разбирая среды и пятка. Весною въ Петербургѣ особенно хороша рыба— рябушка, корюшка, а въ Петровъ постъ ловится отличная лососина и сиги. Съ лососиною дѣлали ботвинью, изъ сиговъ уху, изъ рябушки и корюшки—жаркое и изъ свѣжихъ огурцовъ—салатъ. Въ Успенскій постъ мы не кушали рыбы, а постное. 1 Августа добывался намъ отличный сотовый медъ. На Преображеніе разрѣшалась рыба. Въ нѣкоторые годы говѣли въ этотъ постъ. На Преображеніе начинали кушать яблоки. День Успенія мы проводили торжественно, ибо это былъ нашъ храмовой праздникъ, и у насъ бывали гости самые близкіе. Послѣ вечерни подавался дисертъ изъ всевозможныхъ ягодъ. Въ продолженіи лѣта, не мало служило въ удовольствіе вареніе, которое матушка варила въ большемъ количествѣ для годоваго обихода. Хотя мы и немного пользовались (вареньемъ), но за то ягоды нами пожирались въ изобиліи. Осень проводили мы не скучно: въ школу мы ходили при свѣчахъ и возвращались при свѣчахъ. Въ школѣ во время сумерокъ намъ было позволено рѣзвиться, а иногда и танцовали между собою. Вечеромъ большею частію мы писали подъ диктантъ. Возвращаясь домой къ чаю, мы уже уроками не занимались потому, что въ это время мы сидѣли въ *школѣ* и тамъ оканчивали ихъ. Въ зимнее время также у *насъ проходило.* Когда наступалъ Рождественскій постъ, ку-

шали постное, а большею частію рыбу. Матушка во всѣ посты не кушала рыбы по средамъ и пяткамъ. Къ Рождеству Христову намъ шили обновки, а въ школѣ за недѣлю учили рацеи, которыя мы должны были сказать предъ родителями въ день Рождества Христова послѣ литургіи, за что получали денежную награду. Эти деньги складывались въ особый кошелекъ, который хранился у матери, и не давались намъ ни на какія траты. Въ эти праздники, въ отсутствіи отца, мы наряжались по домашнему, преимущественно въ женскій нарядъ. Иванъ Ивановичъ былъ за парикмахера"...

На этомъ обрываются автобіографическія воспоминанія покойнаго о. Макарія, записанныя въ 1877 году съ его словъ іеромонахомъ Миною. Очевидно, послѣ объявленія русско-турецкой войны, когда прекратились сношенія Аѳона съ Россіею, на досугѣ, о. Макарій хотѣлъ воспроизвести въ памяти въ общихъ чертахъ важнѣйшіе моменты своей жизни и передать ихъ на бумагѣ, но затѣмъ, по окончаніи войны, за недосугами онъ оставилъ эту свою прекрасную мысль невыполненною и свои воспоминанія неоконченными. Но для характеристики самого отца Макарія и именно въ его дѣтскіе годы въ этомъ извѣстномъ отрывкѣ дано намъ все, что необходимо. Въ приведенномъ нами отрывкѣ симпатичный образъ великаго будущаго аскета обрисовывается со всею привлекательною рельефностію, которой трудно было бы достигнуть, извлекая черты его жизни изъ устныхъ разсказовъ его современниковъ и даже родственниковъ.

ГЛАВА II.

ЖИЗНЬ ВЪ „МИРУ“.

Время вступленія Михаила Ивановича на комерческое поприще и причины короткаго срока обученія. Его первые шаги на этомъ поприщѣ и неудачи. Первыя мысли о монашествѣ. Поѣздка въ Казань и тяжелая жизнь въ этомъ городѣ. Первая поѣздка на ярмарку въ Нижній Новгородъ. Возвращеніе въ Тулу и скитальчество по ярмаркамъ нашей юго-восточной окрайны. Жизнь въ Воронежѣ и первые выходы въ свѣтъ. Увлеченіе и разочарованіе. Самостоятельная коммерческая дѣятельность и времяпрепровожденіе въ обществѣ сверстниковъ и знакомыхъ. 1845 годъ и сближеніе съ матерью. Поѣздка съ нею въ Кіевъ на богомолье и разультаты ея для обоихъ. Намѣреніе отца женить Михаила Ивановича и просьба его объ отсрочкѣ «на годъ». Поѣздка въ Старый Осколъ и мысль о путешествіи на востокъ съ паломническою цѣлію. Письмо къ отцу по этому поводу. Свиданіе сына съ отцомъ и личные переговоры о поѣздкѣ. Благопріятное рѣшеніе отца и душевное состояніе сына въ первые и послѣдующіе дни, послѣ полученія согласія отца на эту поѣздку. Сборы въ дорогу. Характеристика его спутника, крѣпостнаго крестьянина Евграфа. Послѣдніе дни въ Тулѣ, разставаніе съ родными и выѣздъ изъ дома.

БЫСТРО промелькнули дѣтскіе годы о. Макарія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и годы его воспитанія и обученія. Если еще и нынѣ, при всеобщей воинской повинности, богатое купечество рѣдко проводитъ своихъ дѣтей чрезъ гимназіи и университетъ и ограничиваютъ ихъ воспитаніе лишь городскими школами и рѣдко реальными гимназіями, чтобы пріобрѣсти нѣкоторыя права на льготу, при отбываніи воинской повинности, то *тѣмъ съ большимъ* правомъ могли такъ разсуждать коммер-

ческіе люди тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ истекающаго столѣтія. „Рекрутская квитанція“ въ ту пору вполнѣ гарантировала свободу отъ военной службы купеческихъ дѣтей, сколько бы ихъ не было у отца семейства. Иванъ Діонисьевичъ Сушкинъ не представляетъ исключенія изъ ряда коммерсантовъ того времени. Онъ порѣшилъ, имѣя при этомъ и свой личный опытъ, что *пяти лѣтъ* обученія въ частномъ пансіонѣ вполнѣ достаточно для того, чтобы изъ мальчика, особенно прилежнаго, вышелъ прекрасный „подручный“ человѣкъ и хорошій помощникъ въ торговлѣ, а „въ своемъ глазѣ“ Иванъ Діонисьевичъ, при сложности своихъ торговыхъ операцій, крайне нуждался. Въ частности, въ представленіи Ивана Діонисьевича его Миша былъ достаточно выученъ и имѣлъ уже право считаться образованнымъ коммерсантомъ. Онъ „читалъ хорошо, ариѳметику зналъ исправно“ и быстро умѣлъ переводить денежные иностранные курсы на русскіе и обратно, что при сдѣлкахъ съ иностранцами, съ которыми главнымъ образомъ велась у Сушкиныхъ торговля, было большею находкою для Ивана Діонисьевича. Эти познанія своего сына въ математикѣ, съ коммерческой точки зрѣнія, отецъ оцѣнилъ должнымъ образомъ и черезъ это даже сталъ оказывать къ нему нѣкотораго рода благоволеніе.

Итакъ, на четырнадцатомъ году своего возраста о. Макарій прямо со школьной скамьи попалъ въ самый кипучій водоворотъ жизни, т. е. вступилъ, какъ онъ выражается, „въ коммерческій кругъ“, доселѣ ему знакомый лишь по наслышкѣ. Изъ мальчика онъ сразу превратился въ юношу, Михаила Ивановича, сдѣлался „подручнымъ“ человѣкомъ отца, а для постороннихъ „хозяйскимъ сыномъ“, или даже настоящимъ хозяиномъ. Рѣзкимъ и въ высшей степени тяжелымъ показался такой переходъ для Михаила Ивановича. Изъ его памяти еще не изгладились воспоминанія о родительскихъ подзатыльникахъ и окрикахъ, которыми часто надѣлялъ отецъ, рѣдко появлявшійся въ семьѣ, въ періодъ дѣтскаго воспитанія, а теперь ежечасно и ежеминутно предстояло быть на глазахъ требовательнаго и строгаго отца. Поэтому Михаилъ Ивановичъ на первыхъ порахъ своей дѣятельности коммер-

ческой „всего боялся“, опасался за каждый свой шагъ, за каждое свое неосторожное слово. Не будучи знакомъ съ добротою товаровъ и съ ихъ цѣнами на биржѣ, онъ боялся спросить своего отца о томъ и другомъ, чтобы не раздражить его или не обидѣть, а обращаться за разъясненіями и справками къ прикащикамъ онъ не хотѣлъ, такъ какъ, по юношескому и, пожалуй, по природному гонору, въ глазахъ ихъ онъ старался соблюсти свое хозяйское реномэ, свой авторитетъ, который, какъ ему казалось, этимъ уже подрывался. „Въ товарахъ цѣнность болѣе старался самъ узнать, пишетъ о. Макарій въ своемъ дневникѣ, но спрашивать стыдился и боялся“. Вскорѣ же Михаилу Ивановичу представился случай разыграть роль уже настоящаго хозяина.

Въ 1836 году, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, Иванъ Діонисьевичъ съ супругою отправился въ Москву на свадьбу старшаго сына Василія Ивановича, который сосваталъ себѣ дѣвушку „образованную, съ благородною душею, но въ высшей степени занятую собой“, изъ фамиліи Гжельцевыхъ. Дома хозяиномъ оставленъ былъ Михаилъ Ивановичъ. Казалось бы, что теперь, внѣ отцовскаго глаза, онъ могъ бы пожить свободнѣе и въ свое даже удовольствіе, но на самомъ дѣлѣ не такъ было. Къ великому огорченію Михаила Ивановича, въ домѣ родителей въ это время проживалъ случайно, для излѣченія глазъ, слѣпой дядя по отцу Кондратій Діонисьевичъ, который, по своему болѣзненно-раздражительному характеру, „на каждомъ шагу обижалъ, кричалъ, бѣсился, самъ не зная за что“ на своего племянника. Положеніе въ домѣ скромнаго и впечатлительнаго Михаила Ивановича казалось для него невыносимо тяжелымъ, и онъ началъ „упадать духомъ“. Къ этому нужно присоединить и то, между прочимъ, обстоятельство, что въ домѣ онъ былъ совершенно одинокъ, и рѣшительно не находилъ по душѣ себѣ человѣка, которому бы могъ повѣрить скорби своего нѣжнаго добраго сердца, потому что единственно-симпатичный ему человѣкъ, братъ Иванъ Ивановичъ, съ которымъ онъ „жилъ довольно ладно“, оставилъ родительскій домъ еще годъ тому назадъ и оплаканный имъ уѣхалъ въ Тулу для помощи дѣду. Ду-

шевныя муки впечатлительнаго до болѣзненности юноши усугубились совершенно неожиданнымъ и непонятнымъ образомъ для него самого. „1836 года декабря 18 числа зимній дворецъ сдѣлался жертвою пламени. Я, замѣчаетъ о. Макарій, страдалъ за потерю царскую не лучше, самъ не зная отъ чего“. Среди этихъ тяжелыхъ душевныхъ мукъ, едва понятныхъ въ мальчикѣ четырнадцати лѣтъ, единственнымъ для него развлеченіемъ служило „чтеніе духовныхъ книгъ“, такъ какъ, по его собственному выраженію, его „мысль болѣе и болѣе распространялась къ духовному“. За чтеніемъ юноша забывалъ о житейскихъ треволненіяхъ и непріятностяхъ, такъ рано выпавшихъ на его долю и для борьбы съ которыми у него не было ни жизненнаго опыта, ни собственныхъ еще нераскрывшихся нравственныхъ силъ. Мысль его витала въ мірѣ идеальномъ, гдѣ жизнь съ ея суетою и скорбями была далеко за крѣпкими монастырскими забралами, гдѣ царствуетъ братская любовь и вѣчная благодатная тишина, гдѣ денно и нощно люди, подобно ангеламъ, отъ глубины своихъ сердецъ возсылаютъ горячія молитвы къ Творцу своему... Большимъ контрастомъ для идеалиста юноши казалась, послѣ этихъ сладостныхъ грезъ и мечтаній, жизнь его окружающая, сѣрая дѣйствительность съ ея постоянными буднями, и невольно для него самого „мысль его озарялась *неземнымъ желаніемъ—быть послѣднимъ рабомъ какой нибудь обители*“. Правда, о. Макарій объ этомъ своемъ юношескомъ желаніи замѣчаетъ, что оно „посѣялось, видно, на камени“, т. е. не перешло въ область дѣйствительнаго, не осуществилось тотчасъ же на дѣлѣ, такъ какъ „солнце—частыя посѣщенія гостей дяди и изъ больницы и другихъ—его развлекали“, но на самомъ дѣлѣ едвали не это именно „неземное желаніе“ и заронило въ душу будущаго аскета ту искру небеснаго огня, которая до времени лишь тлѣла, но потомъ, спустя долгое время, совершенно непонятнымъ также для него самого образомъ, вдругъ вспыхнула яркимъ пламенемъ, охватившимъ все его существо и поднявшимъ со дна его души это полусознательное юношеское желаніе до такой высоты, что онъ на дѣлѣ, самымъ настоящимъ образомъ взялся осу-

ществить свои юношескія мечты и, какъ показала его жизнь,— успѣлъ и съумѣлъ ихъ осуществить.

Тяжело жилось Михаилу Ивановичу въ одиночествѣ, но мало сулило радостей ему и возвращеніе изъ Москвы въ Петербургъ его родителей. Отецъ, по пріѣздѣ, тотчасъ же потребовалъ точный отчетъ во всѣхъ дѣловыхъ оборотахъ и и произвелъ строгую ревизію кассы, въ которой обнаружилъ, къ великому огорченію Михаила Ивановича, недочетъ въ 290 рублей ассигнаціями. Вина въ этомъ всецѣло пала на бѣднаго юношу за его недосмотръ. „Меня отецъ бранилъ и обижалъ, а я скорбѣлъ", замѣчаетъ о. Макарій въ дневникѣ, потому что считалъ себя совершенно неповиннымъ въ данномъ недочетѣ. Нѣсколько позже обнаружилось, что виновникомъ въ данномъ случаѣ былъ дядя Кондратій Діонисьевичъ, который, по слѣпотѣ своей, выдавалъ нерѣдко прислугѣ вмѣсто двугривеннаго по золотому.

Слѣдующіе два года своей жизни о. Макарій прямо называетъ „самыми непріятными", по случаю тѣхъ раздоровъ, которые шли въ домѣ Ивана Діонисьевича между нимъ и его братомъ Кондратіемъ Діонисьевичемъ вмѣстѣ съ его женою, женщиною „сѣраго характера", доводившею кроткую Ѳеодосью Петровну до положительной „истерики".

Въ 1840 году, по случаю страшнаго пожара, вслѣдствіи поджога неизвѣстныхъ злоумышленниковъ, въ Тулѣ, причинившаго убытковъ на 200 тысячъ ассигнаціями, Иванъ Діонисьевичъ оставилъ Петербургъ и отправился къ своему отцу. Хозяиномъ въ домѣ вторично былъ оставленъ Михаилъ Ивановичъ. Но, послѣ нѣкотораго навыка и практической опытности, этотъ второй дебютъ въ роли отвѣтственнаго хозяина оказался вполнѣ удачнымъ. Исполняя со всѣмъ усердіемъ возложенную на него отцемъ тяжелую „коммисію", Михаилъ Ивановичъ „старался заслужить довѣріе иностранцевъ и купечества" и, по возвращеніи отца въ Петербургъ, всѣ „дѣла сдалъ благополучно". Торжествуя свой успѣхъ, по выполненіи возложенной на него „коммисіи" отцемъ, Михаилъ Ивановичъ вскорѣ пережилъ нѣсколько иныхъ счастливыхъ дней, о которыхъ не приминулъ упомянуть въ своемъ дневникѣ. *8 сентября* онъ „удостоился видѣть въѣздъ въ

С.-Петербургъ великой нашей будущей Царицы Маріи Александровны—добродѣтель была написана на Ея лицѣ", а затѣмъ, 6 декабря „удостоился быть во дворцѣ при обрученіи, видѣть торжественный входъ въ Церковь, приложиться къ дѣсной рукѣ св. Іоанна Крестителя и видѣть во всей славѣ своего Царя—Отца...".

Концемъ сороковаго года жизнь петербургская Михаила Ивановича оканчивается, и съ этого времени онъ уже никогда не видалъ нашей невской столицы. Въ послѣднихъ числахъ Декабря мѣсяца онъ, хотя и не безъ горькихъ слезъ и скорбей, при разставаніи съ родителями, но съ сознаніемъ, что „безъ скорби мы не дѣлаемся людьми", покинулъ Петербургъ и вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Василіемъ Ивановичемъ черезъ Москву отправился въ Казань, гдѣ Сушкины закупали сырье. Свой пріѣздъ 12 января 1841 г. въ Казань Михаилъ Ивановичъ привѣтствуетъ въ своемъ дневникѣ слѣдующимъ интереснымъ восклицаніемъ: „Такъ началось для меня новое житіе, *можетъ быть, къ лучшему!*"

Но, увы! Михаилъ Ивановичъ жестоко ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Жизнь казанская, если не была хуже петербургской, то уже во всякомъ случаѣ не лучше этой послѣдней. Характеръ брата Василія Ивановича во многомъ напоминалъ характеръ его отца, черезъ суровую школу котораго онъ прошелъ и отъ котораго успѣлъ многое позаимствовать для своей будущей дѣятельности даже и непривлекательнаго. Къ тому же Михаилъ Ивановичъ далеко не былъ симпатиченъ своему старшему брату [1]). Неудивительно поэтому, что жизнь казанская казалась положительно несносною для Михаила

---

[1]) Значительно позже, послѣ уже поступленія о. Макарія въ монахи, отношенія Василія Ивановича къ брату радикально измѣнились. Его отецъ Макарій называлъ даже *ангеломъ*. «Милымъ моимъ братьямъ кланяюсь до земли за сосудъ», пишетъ о. Макарій къ матери отъ 11 октября 1852 г. «*Не знаю какъ брата Василія Ивановича и благодарить; онъ сталъ ко мнѣ, какъ ангелъ Господень, его не оставитъ и Царица небесная за утѣшеніе меня іеромонаго.* Право, какъ ребенокъ я теперь всякой малости радъ, а особо отъ васъ. Сосудъ прекрасный, у насъ въ обители первый. Поблагодари, матушка, его за меня». Братья Василій Ивановичъ и Петръ Ивановичъ навѣщали и даже неоднократно о. Макарія на Аѳонѣ для свиданія съ нимъ.

Ивановича, такъ какъ повторились тѣ же огорченія и непріятности, какія онъ пережилъ въ Петербургѣ, но съ тою разницею, что тамъ все это выходило отъ отца, безпрекословное повиновеніе которому онъ считалъ для себя святою обязанностію, а здѣсь карающимъ лицомъ являлся его родной братъ, всего нѣсколькими годами старше его. Нетрудно понять разницу и внутренняго душевнаго состоянія въ обоихъ положеніяхъ. „Братъ меня обижалъ на каждомъ шагу, читаемъ мы въ дневникѣ, и даже позволилъ (т. е. обижать) Александру“, племяннику дяди Михаила Діонисьевича, пріѣхавшему вмѣстѣ съ ними изъ Москвы. „Въ маѣ мѣсяцѣ мы, говорится далѣе, переѣхали на сушильный заводъ. Тамъ жилъ грустно. Братъ возложилъ на меня пріемку кожъ и разборку, не показывая (т. е. какъ это дѣлать). За самую бездѣлицу строго взыскивалъ. Наконецъ, мы ошиблись планомъ кожи, но по истинѣ ошибся Александръ, а вину свалили на меня. Когда у насъ бывали гости, то я подавалъ имъ и дожидалъ, покуда (они) разъѣдутся“. Въ такомъ приниженномъ забитомъ положеніи, при полномъ отсутствіи „пріятелей и знакомыхъ“, чѣмъ могъ привлекать городъ „прекрасный и торговый“ несчастнаго юношу? Гдѣ, у кого могъ искать онъ руку помощи, чтобы скорѣе насталъ „желанный часъ“ выхода изъ него. „Я скорбѣлъ, пишетъ юный страдалецъ, и въ скорби прибѣгалъ къ общему Утѣшителю... Въ это время, передѣлывая въ Казани соборъ, нашли часовню, гдѣ молился св. Гурій и тамъ образъ Спасителя нерукотворенный, написанный имъ самимъ на стѣнѣ, и скамейку, которая вся истлѣла. Туда въ моемъ горѣ я часто ходилъ молиться и просилъ, чтобы мнѣ избавиться отъ Казани“. Молитва его, наконецъ, была услышана покровителемъ и просвѣтителемъ всея казанскія земли, и „желанный часъ“ разлуки съ Казанью для Михаила Ивановича насталъ скорѣе, чѣмъ это можно было предполагать. Но, къ его огорченію, и этотъ часъ не былъ освобожденіемъ навсегда отъ новыхъ униженій и оскорбленій со стороны его „старшихъ“. Осыпаемый „часто бранью“ со стороны брата въ самое „послѣднее время“, предъ выѣздомъ изъ Казани, онъ и не предпола-

галъ, что впереди его ожидаютъ новыя испытанія и новыя огорченія.

29 Іюля Михаилъ Ивановичъ распростился, съ горькою по воспоминаніямъ, Казанью и вмѣстѣ съ братомъ выѣхалъ на Нижегородскую ярмарку, куда, для главнаго веденія коммерческихъ сдѣлокъ и для надзора за торговлею вообще, прибылъ изъ Москвы, между прочимъ, и дядя Михаилъ Діонисьевичъ. Ярмарочное дѣло было новое для Михаила Ивановича, а потому онъ нерѣдко дѣлалъ промахи. Услужливые прикащики „самую малѣйшую ошибку“ доводили до ушей дяди, который, весьма понятно, „сердился“ на неопытнаго юношу племянника и не упускалъ случая съ бранью читать ему наставленія. Жизнь ярмарочная для другихъ купеческихъ дѣтей прошла весело и шумно, а для Михаила Ивановича она была не-весела и даже положительно „скучна“. Послѣ 6 сентября, когда ярмарочная жизнь окончательно замираетъ, Михаилъ Ивановичъ выѣхалъ съ дядею въ Москву, гдѣ „началась его жизнь, по дневнику, съ большею непріятностію. Никто не хотѣлъ меня предостеречь, всякую ошибку мою видно было, и я жилъ, какъ чуждый всѣхъ“. На его счастіе, въ октябрѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Москву дядя Іосифъ Діонисьевичъ съ цѣлью сосватать себѣ невѣсту и нѣсколько облегчилъ сердце бѣднаго юноши, искавшаго любви. Михаилъ Ивановичъ „пріютился къ нему“, и дядя не оттолкнулъ его, но „приласкалъ“. „Я всюду, замѣчаетъ о. Макарій, съ нимъ ходилъ“. 7 декабря Іосифъ Діонисьевичъ „образовался (т. е. благословлялся образомъ) на вдовѣ Краюшкиной Анастасіи Ивановнѣ“, а въ генварѣ мѣсяцѣ состоялся бракъ. По этому поводу Михаилъ Ивановичъ видѣлся съ отцемъ, который пріѣзжалъ изъ Петербурга въ Москву нарочито на свадьбу своего меньшаго брата. Пріѣзду отца Михаилъ Ивановичъ „былъ такъ радъ, что ѣздилъ въ контору дилижанса и встрѣтилъ его тамъ“.

Изъ Москвы, вскорѣ послѣ свадьбы, Михаилъ Ивановичъ былъ отправленъ въ Тулу къ дѣду, гдѣ прошло его счастливое дѣтство. Этой поѣздкѣ несчастный юноша весьма обрадовался, такъ какъ ему предстояло видѣть знакомыя мѣста, среди которыхъ онъ счастливо въ холѣ и нѣгѣ выросъ, а также встрѣтить любимаго дѣдушку и еще болѣе любимаго брата

Ивана Ивановича. Въ предвкушеніи этихъ сладостныхъ для его сердца удовольствій, юноша съ восторгомъ мчался на почтовыхъ подъ дорогой ему кровъ дѣдушки, но его мечты быстро разлетѣлись впрахъ, когда, послѣ первой встрѣчи съ родными, ему категорически объявили, что на утро онъ долженъ былъ ѣхать съ братомъ Иваномъ Ивановичемъ на ярмарку въ Лебедянь. Усталый отъ дороги, онъ молча выслушалъ наказъ дѣда, и на утро былъ готовъ къ отъѣзду, такъ какъ противорѣчить дѣду не полагалось, по традиціонному порядку, передаваемому изъ поколѣнія въ поколѣніе въ родѣ Сушкиныхъ, къ тому же противорѣчіе и не было въ характерѣ скромнаго Михаила Ивановича.

Закончивъ ярмарку въ Лебедяни и, разставшись съ братомъ Иваномъ Ивановичемъ, который поѣхалъ по дѣламъ въ Харьковъ, Михаилъ Ивановичъ непосредственно отправился на другую ярмарку въ Михайловскую станицу. Это было въ 1842 году. „Ярмарка удалась прекрасная“, и Михаилъ Ивановичъ былъ на верху счастія отъ этого своего перваго самостоятельнаго, въ полномъ смыслѣ этого слова, опыта, который онъ самъ называетъ въ дневникѣ „первою ступенью на коммерческомъ поприщѣ“. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ переживаемаго имъ блестящаго успѣха въ торговлѣ, выѣхалъ Михаилъ Ивановичъ изъ Михайловской станицы на новую ярмарку въ Воронежъ, и велъ ее непосредственно одинъ безъ надзора старшихъ. Свѣтская жизнь въ такомъ большомъ городѣ, гдѣ проводятъ зиму мѣстные богатые помѣщики, куда теперь, по случаю ярмарки, съѣхалось съ разныхъ концовъ Россіи именитое купечество, въ городѣ земледѣльческомъ и торговомъ, благо и время было предмасляничное,—шла въ полномъ разгарѣ: балы, семейные вечера, маскарады, театры и подобныя мѣста общественныхъ удовольствій раскрыли широко свои гостепріимныя двери для ищущихъ удовольствій. И частная семейная жизнь обывателей, въ виду оживленія въ городѣ и наплыва пріѣзжихъ гостей, выходила изъ обычныхъ рамокъ монотонной будничной жизни: всюду устроялись пикники, домашніе танцовальные вечера и т. п. Въ виду такого *искуса, въ молодомъ* 21 года юношѣ пробуждается жажда къ *общественнымъ удовольствіямъ* со всею страстію его молодой,

кипучей и увлекающейся натуры, еще невѣдавшей ея прелестей и лишь въ живомъ воображеніи рисовавшей эти удовольствія въ самомъ привлекательномъ и очаровательномъ видѣ. Одного желанія для молодого Сушкина познакомиться съ этою жизнію было достаточно, чтобы гостепріимныя двери семейныхъ домовъ мѣстнаго купечества раскрылись передъ нимъ совершенно свободно. „Изящно одѣтый и просто писанный красавчикъ“ [1]), благовоспитанный, съ приличными манерами, живой и остроумный собесѣдникъ, прекрасный танцоръ, къ тому-же членъ извѣстной въ купечествѣ семьи Сушкиныхъ, женихъ-милліонеръ—все это вмѣстѣ взятое рекомендовало его съ самой лестной стороны предъ мѣстнымъ еще неизвѣстнымъ ему обществомъ. Михаилъ Ивановичъ былъ дорогимъ и желаннымъ гостемъ, гдѣ-бы онъ не появлялся, и всѣ считали за особенную честь принять его у себя въ домѣ. Онъ „пустился въ общества на вечера; танцовалъ и къ себѣ приглашая“. Въ этомъ чаду удовольствій, гдѣ все льстило его природному самолюбію, онъ прожилъ цѣлый мѣсяцъ, забывъ рѣшительно обо всемъ на свѣтѣ. Настоящая дѣйствительность казалась ему волшебнымъ сномъ, пробужденія отъ котораго, повидимому, онъ не желалъ. Но всему есть конецъ на свѣтѣ; насталъ конецъ и его увлеченію свѣтскими удовольствіями и насталъ совершенно неожиданнымъ для него образомъ.

Шла пестрая недѣля, т. е. недѣля передъ масляницей. Михаилъ Ивановичъ отправился танцовать въ клубъ. Здѣсь, во время самаго разгара танцевъ, вдругъ онъ слышитъ за своею спиною полузнакомый ему голосъ: „Михаилъ Ивановичъ, да ты-ли это? Ну, братецъ мой, вотъ этого я уже отъ тебя не ожидалъ!“ Михаилъ Ивановичъ прерываетъ оживленный танецъ, раскланивается съ дамою и быстро поворачивается въ сторону, откуда раздалось восклицаніе. Передъ нимъ, какъ-бы изъ земли, выросла плотная фигура, очень хорошо ему извѣстнаго тульскаго купца, который въ недоумѣвающей позѣ, съ разведенными руками, вперивъ въ него свои раскрытые отъ удивленія глаза, стоялъ съ боку танцо-

[1]) *Характеристика К. Леонтьева.* Граждан. 1889 г., № 191.

вальнаго зала. Появленіе этого купца до того произвело на Михаила Ивановича удручающее впечатлѣніе, что онъ совершенно растерялся и не зналъ, что сказать ему въ отвѣтъ... Изъ элегантнаго кавалера и оживленнаго собесѣдника, какимъ онъ былъ нѣсколько минутъ назадъ, Михаилъ Ивановичъ превратился въ настоящаго школьника, захваченнаго на мѣстѣ преступленія. Для Михаила Ивановича довольно было одного вида знакомаго земляка, чтобы онъ отрезвился, чтобы разсѣялся туманъ, доселѣ его окутывавшій, и предъ нимъ возстала грозная дѣйствительность въ лицѣ строгихъ отца и дѣда и требовательныхъ дядей съ нескончаемою бранью и всевозможнаго рода упреками. Съ быстротою молніи промелькнула въ его головѣ мысль: а вѣдь теперь „объ этомъ могутъ узнать старшіе?“ Подъ впечатлѣніемъ этой мысли и предъ страхомъ за будущую отвѣтственность, обезкураженный Михаилъ Ивановичъ быстро ступевался въ толпѣ оживленныхъ посѣтителей клуба и мрачный уѣхалъ домой. Но и дома, какъ кошмаръ, его мучила та-же неотступная мысль, „повергшая въ уныніе“, и онъ не находилъ себѣ покоя.

Настала русская широкая масляница, когда русскій человѣкъ и ѣстъ и пьетъ много и веселится сколько его душѣ угодно; когда разнузданность человѣческихъ страстей, можно сказать, не признаетъ никакого предѣла и не только не сдерживается, а какъ-бы даже поощряется и одобряется завѣтами и обычаями старины глубокой. Воронежъ не отсталъ отъ другихъ городовъ матушки Руси великой и особенно веселился оживленно на этотъ разъ. Молодой Сушкинъ, во время этого всеобщаго веселья, сидѣлъ въ своей квартирѣ, держалъ самый строгій постъ въ пищѣ и питьѣ и неопустительно посѣщалъ всѣ службы монастыря св. Митрофанія. „Я, замѣчаетъ о. Макарій въ своемъ дневникѣ, не выходилъ (изъ дома) кромѣ монастыря св. Митрофанія“. Суровымъ постомъ и горячею молитвою онъ рѣшился успокоить свою взволнованную совѣсть и облегчить себя отъ ея угрызеній. Такая рѣзкая перемѣна въ образѣ жизни и поведеніи молодого Сушкина не могла не обратить на него вниманія всѣхъ его знакомыхъ. Упомянутый выше тульскій купецъ — причина его *душевныхъ настоящихъ* мукъ, — узнавъ о такомъ поведеніи

юноши, явился лично къ нему и, послѣ удивленія и убѣжденій въ родѣ того, что для покаянія довольно и семи недѣль поста, а теперь время „основательнаго“ приготовленія къ нему, ушелъ, приговаривая при этомъ: „ну, Михаилъ Ивановичъ! Ну, право, отъ тебя я этого не ждалъ“. Въ субботу „на сырной недѣли“ Михаилъ Ивановичъ „пріобщился“ Св. Таинъ и, успокоивъ свою совѣсть св. исповѣдью передъ священникомъ, „уѣхалъ въ Тулу“.

Конецъ 1842 годъ, весь слѣдующій годъ и до мая 1844 года, Михаилъ Ивановичъ жилъ почти безвыѣздно въ Тулѣ и находился подъ тѣмъ же строгимъ режимомъ „старшихъ“, въ какомъ прошла вся его предыдущая жизнь. „Дѣдушка взыскивалъ строго, пишетъ въ дневникѣ о. Макарій, а дядя еще строже; я почти, кромѣ воскресенія къ обѣдни, никуда не выходилъ“. Изрѣдка, впрочемъ, Михаилъ Ивановичъ оставлялъ на короткое время Тулу и ѣздилъ „по воловнямъ, гдѣ кормились быки. За быками и дома дѣла было пропасть, я почти не успѣвалъ. Вѣрнаго человѣка не имѣлъ, которому могъ бы передать мое, ибо для меня дядя и тетка точно были чужіе“, а братъ Иванъ Ивановичъ находился постоянно въ разъѣздѣ. „Наконецъ, пишетъ о. Макарій въ дневникѣ, заблистала для меня утренняя звѣзда,—я уѣхалъ въ ярмарки и былъ въ Лебедяни, Темниковѣ, Тамбовѣ, а потомъ ильинскую въ Ромнахъ. *Отдохнуло мое сердце.* Я въ Ромнахъ прилично одѣвался, былъ въ собраніи, театрѣ. Такъ пріятно прожилъ время, и ярмарка была удачная. Оттуда Богъ сподобилъ меня быть въ Кіевѣ. Я пріобщился св. Таинъ, проживши пять дней. Мнѣ грустно было разставаться съ Кіевомъ, но я поѣхалъ на Полтаву и въ Харьковъ на ярмарку покупать шерсть... Изъ Харькова я поѣхалъ на Старый Осколъ и Ефремовъ, гдѣ нашелъ восьмидесятилѣтняго дѣдушку. Мы съ нимъ, слава Богу, прожили время хорошо. Ни одного выговора я не получилъ, слава Богу! Изъ Ефремова (отправился) въ Лебедянь, изъ Лебедяни въ Урюпинскую станицу. Въ Урюпинской станицѣ я одолжилъ рыльскаго купца Жижина деньгами 1500 руб., которыя (онъ и) увезъ, не сказавшись. Я тосковалъ, передалъ записку на руки, но денегъ не получалъ. Изъ Урюпинской станицы

отправился въ Кирсановъ и Тамбовъ, гдѣ былъ уже мой дядя Іосифъ Діонисьевичъ, оттуда мы поѣхали съ нимъ въ Тулу. Пробывши тамъ и съигравши свадьбу двоюроднаго брата, я уѣхалъ опять съ дядею въ Ефремовъ, Лебедянь, Липецкъ, Козловъ и Моршу. Въ Моршѣ дали мнѣ дѣло— разливать сало. Въ это время я уѣзжалъ въ Михайловскую станицу, и тамъ тоже, надѣясь получить деньги съ Жижина, не получилъ. Я писалъ ему письмо и просилъ именемъ Бога выслать мнѣ деньги, а самъ уѣхалъ въ Моршу для разливки. Цѣлую зиму и все время я жилъ порядочно. Знакомыхъ имѣлъ только два дома—Медвѣдева и Демьянова. Въ это время мой отецъ съ маменькою пріѣхали въ Тулу и я, отдѣлавшись совсѣмъ, собирался ѣхать въ Тулу. Къ величайшей моей радости Жижинъ деньги прислалъ, и я съ полнымъ удовольствіемъ поѣхалъ домой къ святой".

Всѣ послѣдующія страницы дневника о. Макарія до выѣзда за границу переполнены подобнаго рода дѣловыми замѣчаніями, мало или вовсе неинтересными для читателя. Поэтому, не касаясь частностей и опуская изъ дневника все малоцѣнное для характеристики о. Макарія, мы сдѣлаемъ бѣглый очеркъ его жизни въ міру до дня выѣзда его на востокъ и остановимся болѣе подробно лишь на выдающихся фактахъ.

Начиная съ половины 1844 года и вплоть до 1850 года жизнь Михаила Ивановича измѣнилась къ лучшему весьма значительно. Переѣзжая изъ города въ городъ, съ ярмарки на ярмарку, закупая шерсть, щетину, быковъ, или разливая сало, Михаилъ Ивановичъ былъ, какъ говорится, самъ себѣ господинъ. Въ коммерческомъ дѣлѣ онъ уже пріобрѣлъ нѣкоторый навыкъ и практическую опытность, а по этому держалъ въ подчиненіи у себя и въ должномъ повиновеніи подручныхъ людей. Строгаго надзора со стороны „старшихъ" уже надъ нимъ не было, и онъ располагалъ свою жизнь по собственному благоусмотрѣнію, не опасаясь за то упрековъ, выговоровъ и большихъ непріятностей. Торговлю старался вести „какъ можно чище", съ тѣмъ, чтобы „не замарать свою честь", которая для молодаго и щепетильнаго въ данномъ отношеніи юноши была дороже всего на свѣтѣ. Со счетами, *которые подавались* „старшимъ" не менѣе какъ на 750 или 900

тысячъ, онъ былъ всегда аккуратенъ и точенъ, дабы не возбуждать съ ихъ стороны подозрѣній и неудовольствій. Свободное отъ торговли время—вечера въ дни праздничные, онъ проводилъ „весело“ въ домахъ своихъ знакомыхъ, „принимавшихъ его вездѣ, какъ роднаго“. Здѣсь Михаилъ Ивановичъ ухаживалъ за дѣвицами, пользуясь въ свою очередь ихъ вниманіемъ и симпатіями, съ увлеченіемъ танцовалъ, велъ оживленныя бесѣды и т. п. Не чуждался изрѣдка и общества своихъ сверстниковъ и сотоварищей по торговлѣ, въ кругу которыхъ шампанское лилось рѣкою. Послѣ одного изъ такихъ куражей Михаилъ Ивановичъ схватилъ горячку и былъ сильно боленъ. Въ бытность свою въ Урюпинской станицѣ въ 1846 году, Михаилу Ивановичу пришлось присутствовать тамъ, при закладкѣ церкви, а также и на торжествѣ по этому случаю. „Мы провели время пріятно, говорится въ дневникѣ объ этомъ торжествѣ. Былъ Хомутовъ, начальникъ штаба и архіепископъ донской Игнатій. Тутъ я помирилъ моихъ знакомыхъ Веретенникова и Солодовникова и, много выпивши шампанскаго, вышелъ раздѣвшись (на дворъ), простудился жестоко и былъ боленъ горячкою“. Во время своихъ частыхъ переѣздовъ по южной Россіи, Михаилъ Ивановичъ нерѣдко посѣщалъ Кіевъ и другія мѣста, въ которыхъ находятся или мощи святыхъ, или чудотворныя иконы, или извѣстные своею древностію монастыри. Какъ истинно - религіозный человѣкъ, Михаилъ Ивановичъ считалъ для себя христіанскимъ долгомъ посѣтить эти мѣста, помолиться передъ святынею, а въ Кіевѣ даже непремѣнно всякій разъ отговѣть. Въ родную семью, въ Тулу, Михаилъ Ивановичъ возвращался рѣдко, живя большею частію внѣ дома. Въ ней онъ непремѣнно проводилъ Пасху, а также время семейныхъ горестей, или семейныхъ радостей. Такъ, напр., въ Тулу онъ пріѣзжалъ 1) по случаю смерти въ 1846 году своего дѣда Діонисія Іосифовича, 2) когда, по убѣжденію мѣстнаго губернатора, обсуждался оживленно между дядьями вопросъ объ открытіи „фирмы Дениса Сушкина сыновей“, 3) по случаю женитьбы „любезнаго“ своего брата Ивана Ивановича на дѣвицѣ В. Ѳ. Черниковой въ 1848 году и т. п.

Изъ пріѣздовъ въ Тулу на дальнѣйшую судьбу Михаила Ивановича оказалъ самое сильное вліяніе его пріѣздъ въ 1845 году, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, когда въ Тулѣ жили уже его родители. Изъ дневника намъ лишь извѣстно, что въ это время онъ упросилъ брата Ивана Ивановича поѣхать за него въ Ильинскую, а „самъ остался дома съ дѣдушкой и что жить ему было лучше, *потому (что) маменька жила*". Можно бы думать, что это улучшеніе жизни заключалось въ томъ, что его перестали бранить и оскорблять „старшіе", но, какъ мы знаемъ изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ, самъ Михаилъ Ивановичъ имѣетъ въ виду улучшеніе иного и болѣе для него пріятнаго свойства. Въ это время произошло самое тѣсное и самое интимное сближеніе между матерью и сыномъ, которое потомъ заочно не прерывалось до конца жизни у обоихъ. Здѣсь по истинѣ, можно сказать, мать нашла себѣ сына, въ свою очередь любящій сынъ нашелъ нѣжно любящую кроткую мать, съ душею ангельской чистоты и съ непорочнымъ сердцемъ. Пунктомъ сближенія послужила рѣдкая общность религіозныхъ убѣжденій обоихъ и замѣчательное сходство ихъ характеровъ. Михаилъ Ивановичъ очень немало унаслѣдовалъ симпатичныхъ чертъ характера своей матери. Набожная Ѳеодосья Петровна не безъ материнской гордости смотрѣла на своего красавца умника сына. Начитанный въ Словѣ Божіемъ и въ душеспасительныхъ книгахъ, побывавшій во многихъ мѣстахъ Россіи, замѣчательныхъ своими святынями, узнавшій нѣсколько жизнь на практикѣ, Михаилъ Ивановичъ былъ для своей религіозной матери, чуждой житейской суеты и всего что внѣ дома, весьма пріятнымъ и желательнымъ собесѣдникомъ. Его одушевленная живая рѣчь дѣйствовала на доброе сердце Ѳедосьи Петровны самымъ благотворнымъ образомъ, и она въ самое короткое время успѣла узнать и полюбить Мишу такъ, какъ не знала и не любила его въ годы дѣтства. Въ умѣ счастливой, набожной матери уже промелькнула мысль: „авось она дождется счастія и увидитъ одного изъ своихъ сыновей молитвенникомъ, монахомъ!" Отъ этой одной завѣтной мысли *сердце матери* наполняется восторгомъ и ея Миша *становится въ глазахъ ея* еще милѣе и любезнѣе и дороже ея

сердцу... Но живой и впечатлительный юноша быстро переходитъ въ своихъ бесѣдахъ съ одного предмета на другой. Послѣ разсказовъ о кіевскихъ святыняхъ, „ангелоподобныхъ“ кіевскихъ подвижникахъ и т. п., растрогавшихъ до умиленія, до слезъ набожную Ѳеодосью Петровну, Михаилъ Ивановичъ быстро переносится своею мыслію, какъ быстры его были переѣзды съ одного мѣста на другое, въ Харьковъ, Тамбовъ, Воронежъ и т. д. и начинаетъ вести повѣствованіе о своихъ развлеченіяхъ, танцахъ, ухаживаньяхъ за барышнями и т. п., и у бѣдной Ѳеодосьи Петровны быстро высыхаютъ слезы, сердце ея сжимается отъ страха за непорочность его души и тѣла и моментально мѣняется прежняя мысль на другую, менѣе для нея симпатичную. „А что не говори, время и женить парня. Долго-ли до грѣха“. Осторожно и любовно она выпытываетъ и узнаетъ внутреннее состояніе души своего сына и, какъ-бы къ случаю, ведетъ рѣчь о томъ, какъ слѣдуетъ молодому человѣку „оберегать себя до брака отъ плотскихъ страстей“. „Когда и женихъ и невѣста оба вступаютъ въ бракъ дѣвственными—ангелы Божіи радуются на небесахъ и невидимо летаютъ надъ брачнымъ ложемъ ихъ“, говорила ему мать — и эти слова ея производили на юношу, по его собственному мнѣ признанію, пишетъ К. Леонтьевъ, глубокое впечатлѣніе. „И думалъ, говорилъ онъ мнѣ съ чувствомъ, что если я согрѣшу, то нетолько навлеку на себя гнѣвъ Божій, но и мать жестоко обижу, а мнѣ и вспомнить объ этомъ было даже больно“ [1]). И вотъ, не смотря на свою увлекающуюся молодость, внѣшнюю красоту, общество женщинъ, среди которыхъ онъ любилъ проводить свободное время, кругъ товарищей, далеко неотличающихся чистотою нравовъ и всегдашнее довольство въ денежномъ отношеніи, Михаилъ Ивановичъ, подъ такими убѣдительными увѣщаніями своей матери, оставался въ міру невредимъ и „дѣвственность свою строго хранилъ“, а потомъ, въ послѣдствіи, въ санѣ уже игумена, какъ это извѣстно всѣмъ знавшимъ покойника, явился краснорѣчивымъ и горячимъ проповѣдникомъ дѣвственной чи-

---

[1]) Граждан. 1889 г., № 191.

стоты и супружескаго цѣломудрія въ нашемъ современномъ обществѣ. „И само даже мірское юношеское воздержаніе его было еще потому особенно цѣнно, прибавляетъ К. Леонтьевъ, что онъ, по всеобщему свидѣтельству, смолоду былъ красавецъ. Много легче тому вести себя скромно, на кого и глядѣть никому нѣтъ особой охоты, но красота цѣломудрію великій противникъ. Можетъ-ли не чувствовать молодой человѣкъ, живой отъ природы, что онъ очень красивъ и что понравиться женщинѣ ему вовсе не трудно?“ [1]).

Между матерью и сыномъ еще болѣе тѣсное сближеніе установилось, послѣ совмѣстной поѣздки въ Кіевъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, 1847 года. Послѣ этой поѣздки, Михаилъ Ивановичъ сдѣлался положительнымъ любимцемъ своей матери, вліяніе которой на него съ этого времени стало особенно замѣтно. Михаилъ Ивановичъ не разъ уже бывалъ въ Кіевѣ, и всѣ святыни для него не были новостію, но никогда онъ не выносилъ изъ своей поѣздки столь сильнаго, столь разнообразно-глубокаго и назидательнаго впечатлѣнія, какъ въ эту поѣздку. Благочестивая Ѳеодосья Петровна не только усердно молилась у мощей святыхъ кіевскихъ угодниковъ, обозрѣвала достопримѣчательныя святыни города, но и обратила должное и серьезное вниманіе на тѣхъ лицъ, которыя предстоятъ этой святынѣ, на ихъ жизнь и подвиги. Она обошла всѣхъ извѣстныхъ между монахами духовниковъ, посѣтила затворниковъ и у каждаго изъ нихъ спрашивала: „какъ можно спастись въ мірѣ? Какъ нужно жить, чтобы угодить Богу?“ и т. п. На свои несуетные вопросы изъ устъ печерскихъ старцевъ она слышала въ отвѣтъ простую, нехитростную, но любовную, исходящую отъ глубины души, много уже боровшейся со страстями, рѣчь, которая обаятельно дѣйствовала на ея сердце. Юноша сидѣлъ безмолвно. Съ благоговѣніемъ и священнымъ восторгомъ издали онъ внималъ этимъ рѣчамъ и радовался, что ему, наконецъ, удалось лицомъ къ лицу видѣть ту жизнь, о которой онъ зналъ лишь по книжкамъ и видѣть которую онъ пламенно желалъ еще въ 14-лѣтнемъ

---

[1]) *Ibid.*

возрастѣ. Мать и сынъ [1]) уходили отъ этихъ старцевъ взволнованными и долго между собою дѣлились впечатлѣніями, вынесенными изъ этихъ посѣщеній и бесѣдъ. Не упускала случая при этомъ набожная Ѳеодосья Петровна поговорить съ сыномъ и о томъ любимомъ предметѣ на тему, что монашеское житіе — ангельское, что въ мірѣ человѣку спастись трудно, что жизнь мірская — одна суета и цѣлый рядъ безпокойствъ, что спасеніе только возможно здѣсь, въ монастырѣ, гдѣ царствуютъ миръ и тишина и братская любовь. Эта одушевленная и искренняя рѣчь любящей и любимой матери глубоко дѣйствовала на впечатлительную душу Михаила Ивановича, трогала самыя живыя чувствительныя струны его сердца и поднимала со дна его знакомыя давнишнія тайныя желанія, и только лишь цвѣтущая молодость, обаяніе неизвѣданной еще, манящей впереди своими чарующими прелестями, жизни мѣшали юношѣ произнести, не разъ навертывающіяся на языкъ слова: „маменька, благословите меня идти въ монахи“...

Отъ зоркаго глаза Ивана Діонисьевича не ускользнуло настоящее сближеніе жены съ сыномъ, а также и то, какое вліяніе оказывается на его сына со стороны матери. Какъ коммерческій человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ вовсе не желалъ лишиться такой нужной ему рабочей силы, какою уже сталъ Михаилъ Ивановичъ въ описываемое время. Что же касается монашества, то, будучи на самомъ дѣлѣ сыномъ церкви и даже, пожалуй, человѣкомъ набожнымъ, къ монашескому чину особеннаго благоволенія онъ не питалъ, а чтобы кто нибудь изъ его сыновей сдѣлался монахомъ— онъ и слышать не хотѣлъ. Вотъ поэтому то Иванъ Діонисье-

[1]) Послѣ поѣздки съ матерью въ Кіевъ, Михаилъ Ивановичъ нерѣдко и потомъ бывалъ въ этомъ городѣ. Разница этихъ новыхъ посѣщеній отъ прежнихъ до 1847 года, какъ это видно изъ его дневника, заключается въ томъ, что, кромѣ пріобщенія св. Тайнъ, онъ теперь еще бесѣдуетъ «съ ангеловиднымъ Парѳеніемъ, схимонахомъ, духовникомъ митрополита». Кромѣ того, нарочито потомъ ѣздилъ онъ въ Оптинскую пустынь и «имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ отцемъ Макаріемъ, чуднымъ старцемъ, а равно съ Іоанномъ схимникомъ, у которыхъ пріялъ благословенія». «Во истину живутъ, какъ ангели Божіи!» восклицаетъ восторженный паломникъ.

вичъ порѣшилъ въ душѣ положить предѣлъ указанному сближенію матери съ сыномъ и отдалить ихъ другъ отъ друга.

По принятому обычаю, послѣ объѣзда ярмарокъ, Михаилъ Ивановичъ въ 1850 году поѣхалъ къ предстоящей Пасхѣ домой для свиданія съ родителями. Здѣсь въ концѣ Пасхи Иванъ Діонисьевичъ предложилъ сыну подумать о женитьбѣ. Подобное предложеніе застало сына въ расплохъ. Онъ смутился и „просилъ сроку недѣлю“ на размышленіе, такъ какъ онъ не имѣлъ въ виду ни одной подходящей для себя невѣсты. Говорить, что Михаилъ Ивановичъ не думалъ о невѣстахъ—нельзя. „Ну и о невѣстахъ думалъ, признавался покойный о. Макарій К. Леонтьеву, и были барышни очень красивыя, съ которыми танцовать приходилось и танцовать я былъ не прочь“, но остановиться на этихъ барышняхъ, прибавимъ отъ себя, съ болѣе серьезною мыслію, онъ и не думалъ, такъ какъ „мечта о монашествѣ, по словамъ того же К. Леонтьева, не оставляла его посреди коммерческихъ хлопотъ и всякихъ мірскихъ развлеченій“ [1]). Не удивительно поэтому, что, и послѣ недѣльнаго размышленія, онъ ни къ чему не пришелъ въ своемъ рѣшеніи, не приготовилъ никакого отвѣта, и на вторичный вопросъ отца онъ прямо жениться „отказался еще на годъ“. Можетъ быть, настоящій отказъ и не былъ бы принятъ въ резонъ, но наступило время ѣхать на ярмарку въ Старый Осколъ, и Михаилъ Ивановичъ, за неимѣніемъ другаго вѣрнаго человѣка, долженъ былъ отправляться къ своей обычной дѣятельности. Иванъ Діонисьевичъ, такимъ образомъ, естественно, не могъ настаивать на своемъ предложеніи. Но поѣздка въ Старый Осколъ неожиданнымъ образомъ рѣшила для Михаила Ивановича безповоротно существенный вопросъ жизни, который не разрѣшилъ бы онъ навѣрное даже и послѣ года размышленій.

Ко времени пріѣзда Михаила Ивановича въ Старый Осколъ на ярмарку, тамъ уже образовалась изъ купеческихъ сыновей цѣлая компанія сверстниковъ Михаила Ивановича, которые сговорились вмѣстѣ всѣ ѣхать на востокъ для поклоненія святынямъ, а нѣкоторые изъ нихъ даже прямо съ

---

[1]) *Граждан. 1889 г., № 191.*

цѣлію поступить на Аѳонѣ въ монашество. Компанія эта предложила ѣхать съ ними за одно, чтобы веселѣе было, и молодому Сушкину, который, однако, отказался на первый разъ недосугами, или, какъ говорится въ дневникѣ, „замѣшками". Но послѣ, поразмысливъ наединѣ дома, Михаилъ Ивановичъ, порѣшилъ, что этого удобнаго случая и прекрасной компаніи не слѣдуетъ упускать для поѣздки на востокъ, гдѣ побывать въ-тайнѣ онъ желалъ давно. Подъ вліяніемъ такого рѣшенія, онъ, передъ выѣздомъ изъ Стараго Оскола въ Воронежъ, написалъ письмо отцу, прося его благословенія на это путешествіе. Въ первомъ письмѣ, въ отвѣтъ на просьбу сына, Иванъ Діонисьевичъ отвѣтилъ прямымъ отказомъ, но вторымъ письмомъ приглашалъ сына возвратиться въ Тулу. Послѣ окончанія ярмарки въ Воронежѣ, Михаилъ Ивановичъ отправился къ родителямъ въ Тулу и на третій день, по пріѣздѣ домой, началъ вести рѣчь съ отцемъ по поводу задуманнаго имъ путешествія на востокъ. Разговоръ между отцемъ и сыномъ длился не долго, такъ какъ Иванъ Діонисьевичъ уже былъ убѣжденъ на согласіе своей супругою Ѳеодосьею Петровною, которая, послѣ перваго письма сына еще изъ Стараго Оскола, приняла самое живое участіе въ судьбѣ своего любимца и стала дѣйствовать въ его интересахъ, вполнѣ сочувствуя желанію сына и ожидая, безспорно, благихъ результатовъ отъ этой поѣздки въ смыслѣ осуществленія своей завѣтной мечты. Иванъ Діонисьевичъ указалъ на неудобство и ущербъ въ дѣлахъ торговыхъ, на трудность и дальность пути, на разнаго рода лишенія и возможныя опасности въ пути и т. п., и закончилъ свою рѣчь восклицаніемъ: „трудно, смотри!" Сынъ еще болѣе усилилъ свою просьбу, и согласіе дано было, но съ условіемъ, чтобы онъ не оставался на Аѳонѣ, а возвращался бы домой непремѣнно. Михаилъ Ивановичъ отвѣтилъ на предостереженіе отца увѣреніемъ, что онъ будетъ имѣть въ виду его совѣтъ и почтетъ для себя долгомъ выполнить настоящее условіе...

Дѣло относительно поѣздки на востокъ уладилось такъ легко и скоро, какъ и не ожидалъ Михаилъ Ивановичъ, предполагавшій встрѣтить въ лицѣ отца упорнаго и сильнаго противника своему намѣренію. Подъ впечатлѣніемъ этого полу-

ченнаго разрѣшенія и предстоящаго „вояжа во св. мѣста“, котораго онъ „пламенно желалъ“ и о которомъ онъ мечталъ съ самаго ранняго дѣтства, сердце его переполнилось радостію, и онъ, можно сказать, былъ на верху счастія. Съ 12 числа іюня онъ началъ дѣятельно приготовляться къ предстоящему далекому и трудному путешествію, „не имѣя, какъ онъ выражается въ своемъ дневникѣ, ни скуки, ни скорби, по особой теплотѣ къ отправкѣ, какъ будто въ обыкновенное мѣсто“. Начались хлопоты по выправкѣ паспортовъ, какъ для самаго Михаила Ивановича, такъ и для Евграфа, „любимаго его слуги“, котораго, къ величайшей радости, отпустилъ вмѣстѣ съ нимъ Иванъ Діонисьевичъ, въ качествѣ дядьки и слуги въ дорогѣ, принявъ на себя расходы по путешествію и назначивъ двойной окладъ противъ получавшагося имъ жалованья на службѣ въ роли прикащика,—для его жены, оставшейся въ Тулѣ.

Упомянутый Евграфъ сначала служилъ у Сушкиныхъ въ качествѣ щетинщика. Въ 1846 году Михаилъ Ивановичъ, отправляясь, послѣ смерти дѣдушки, въ Моршу, взялъ этого Евграфа за кучера и здѣсь съ нимъ нѣсколько познакомился. Въ 1847 въ той же роли Евграфъ ѣздилъ съ Михаиломъ Ивановичемъ и его матерію въ Кіевъ на богомолье, а оттуда въ Ромны, гдѣ Евграфъ, какъ „умѣющій писать“, по порученію Михаила Ивановича, „писалъ накладныя“ и тѣмъ еще болѣе приблизился къ нему. Въ Томбовѣ Евграфъ началъ вести себя дурно и „лѣниться“ въ исполненіи возлагавшихся на него порученій, такъ что Михаилъ Ивановичъ „хотѣлъ его прогнать“. „Но мнѣ, замѣчается въ дневникѣ, было жаль его, ибо я любилъ его, самъ не понимая отъ чего. Онъ исправился, велъ себя чудесно и исправлялъ уже должность подручнаго прикащика“. Въ 1850 году, именно не задолго до путешествія на востокъ, Евграфъ сопутствовалъ въ поѣздкѣ въ Коренную Пустынь дядѣ Михаила Ивановича Іосифу Діонисьевичу, который потомъ хвалилъ его племяннику за то, что онъ „во все время оказалъ себя какъ (въ) поведеніи такъ и (въ) дѣятельности хорошимъ“. „Я былъ радъ, замѣчаетъ не безъ удовольствія по этому поводу о. Макарій, *что посѣянные* мною плоды возрасли“. Этому-то Ев-

графу и сдавалъ Иванъ Діонисьевичъ теперь своего сына на руки съ наказомъ, чтобы онъ слушался его во всемъ, оберегалъ бы его, какъ зѣницу ока, и безъ него не возвращался бы назадъ домой въ Тулу. Давая же въ спутники сыну „любимаго“ имъ человѣка, онъ желалъ, между прочимъ, оказать ему благоволеніе за его труды по торговлѣ, а также избавлялъ его отъ возможныхъ случайностей въ предстоящемъ трудномъ и далекомъ пути.

День 30 іюля, назначенный для отъѣзда изъ дома Михаила Ивановича, былъ не загорами. Въ хлопотахъ и суетѣ никто не замѣчалъ, какъ летѣли *послѣдніе дни* пребыванія его подъ родительскимъ кровомъ. Самъ Михаилъ Ивановичъ дни проводилъ въ приготовленіяхъ къ поѣздкѣ, а „цѣлыя ночи просиживалъ“ съ жившею въ домѣ Сушкиныхъ экономкою Анною Васильевною, „говоря болѣе о духовномъ и мечтая о будушности“. Странное нѣчто происходило въ душѣ Михаила Ивановича въ это время. Чѣмъ ближе подходило время выѣзда изъ родительскаго дома на востокъ, тѣмъ замѣтнѣе для него терялось и ослабѣвало то „пламенное желаніе“, какимъ горѣло его сердце до полученія на него согласія Ивана Діонисьевича. Среди всеобщаго вниманія, какимъ его окружили въ домѣ всѣ родные въ послѣдніе дни его пребыванія подъ родительскимъ кровомъ, Михаила Ивановича „все привлекало въ домѣ“, все ему было мило, дорого, со всѣмъ этимъ ему разставаться было тяжело. Невольно его мысли переносились туда на востокъ, въ страну далекую и незнакомую, гдѣ не было у него ни единаго знакомаго лица, гдѣ всѣ— чужіе для него люди, и онъ—для всѣхъ чужой; въ страну, гдѣ все иное, не похожее на то, что онъ привыкъ видѣть около себя каждый день: иной климатъ, иной образъ жизни, иные нравы и обычаи и т. п. Страхъ предъ всѣмъ этимъ неизвѣстнымъ для него сжималъ сердце и парализовалъ его прежнее „пламенное желаніе“ сомнѣніемъ. „Могу ли въ самомъ дѣлѣ я вынести все то, что меня встрѣтитъ на чужой сторонѣ“? спрашивалъ невольно себя Михаилъ Ивановичъ и не могъ дать положительнаго отвѣта на волновавшій его вопросъ. „Въ продолженіи сего времени приходили такія минуты, что если бы батюшка предложилъ остаться, говоритъ Михаилъ Ивано-

вичъ въ дневникѣ, я бы остался. Такое было искушеніе, самъ не понимаю отъ чего". Но Иванъ Діонисьевичъ привыкъ рѣшать всякое дѣло подумавши, и одинъ разъ навсегда. Ему уже и въ голову не приходила мысль переспрашивать сына о желаніи или нежеланіи его ѣхать на востокъ, а сынъ боялся повѣдать отцу цѣлый рядъ своихъ сомнѣній и страховъ, волновавшихъ его въ данное время, хорошо зная, что уже въ другой разъ отъ отца не такъ легко получить согласіе на поѣздку. Поэтому, сомнѣнія и страхи были дѣломъ внутренняго состояніи души Михаила Ивановича, а на лице въ домѣ шли обычнымъ чередомъ самыя живыя приготовленія къ задуманной и уже рѣшенной поѣздкѣ.

Наканунѣ выѣзда изъ Тулы, т. е. 29 іюля, Михаилъ Ивановичъ отстоялъ всенощное бдѣніе, а въ самый день отъѣзда литургію, молебенъ о путешествующихъ и пошелъ „попросить благословенія" у Богоматери предъ Ея иконою, именуемой „Боголюбскою", которая особеннымъ образомъ чтится въ Тулѣ. Горячая молитва подкрѣпила молодаго путешественника и прежнее тревожное состояніе духа уступило мѣсто снова его „пламенному желанію". Воротившись домой спокойнымъ, счастливымъ и веселымъ, онъ не смутился, когда увидѣлъ, что на всѣхъ окружающихъ видна была печаль по поводу предстоящей разлуки. Когда приблизился моментъ „послѣдняго цѣлованія", и родители приступили съ „образомъ Спасителя въ вызолоченномъ окладѣ", чтобы благословить своего сына, всѣ родные громко рыдали, оставался невозмутимо спокоенъ лишь одинъ Михаилъ Ивановичъ. „Не знаю, что со мною дѣлалось, пишетъ онъ въ дневникѣ, я точно ѣхалъ на дачу за 20 верстъ, не выронивъ слезы, тогда какъ всѣ плакали". Въ пять часовъ поѣздъ тронулся изъ города. Отецъ, мать, дядя Кондратій Діонисьевичъ съ женою, братъ Иванъ Ивановичъ съ женою и много другихъ родственниковъ поѣхали провожать путешественника. За заставой Михаилъ Ивановичъ простился съ отцемъ, „выронивъ нѣсколько слезъ" съ обѣихъ сторонъ. Здѣсь же простились и нѣкоторые родные, но мать и братъ съ женою и двоюродною сестрою Маріею Кондратьевною провожали до Дѣдилова. Здѣсь произошло *трогательное разставаніе* между сыномъ и матерью. Мать и

сестра рыдали, прощаясь съ Михаиломъ Ивановичемъ, но и этотъ послѣдній не былъ въ состояніи сдерживать душившихъ его слезъ и въ свою очередь плакалъ горько. Усадивши мать и сестру въ карету, онъ „нѣсколько разъ возвращался, чтобы ихъ поцѣловать и сказать: „прости“, Богъ вѣсть, на сколько времени!“ Между братьями, жившими весьма „ладно“ съ дѣтства до послѣдняго времени, разставаніе было довольно холодное. „Съ братомъ мы прощались, говорится въ дневникѣ, холодно. Не знаю что это значило: или по вражьему завистливому оку, или чрезъ людей, онъ ко мнѣ вовсе измѣнился; въ послѣднее время даже мало говорили, но видно такъ Богу угодно. Я не мало объ этомъ скорбѣлъ, даже плакалъ“. Въ два часа пополуночи родные „покатили по дорогѣ въ Тулу“, а Михаилъ Ивановичъ поѣхалъ на Богородицкъ.

ГЛАВА III.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ВОСТОКУ СЪ ПАЛОМНИЧЕСКОЮ ЦѢЛІЮ.

Первый день послѣ выѣзда изъ Тулы. Воспоминанія Михаила Ивановича о прошломъ и его душевныя муки. Борьба съ своими страстями. Пріѣздъ въ Кіевъ. Праздникъ Успенія Богоматери въ Кіево-печерской лаврѣ и особенности его богослуженія. Благословеніе митрополита Филарета и предсказаніе іеросхимника Парѳенія. Прибытіе въ Одессу и осмотръ ея достопримѣчательностей. Сближеніе Михаила Ивановича съ сверстниками—паломниками изъ Стараго Оскола и устройство всѣхъ на одной общей квартирѣ. Жизнь квартирная и времяпрепровожденіе товарищей. Мечты и опасенія относительно морской дороги. Протесты противъ стѣснительнаго режима въ товарищеской квартирѣ и выдающагося значенія въ ней Михаила Ивановича. Общежитіе въ квартирѣ. Пріѣздъ въ Одессу о. Серафима святогорца и знакомство съ нимъ Михаила Ивановича и его товарищей. Послѣдствія этого знакомства. Прощаніе съ Россіею и выѣздъ заграницу. Буря въ морѣ и отчаяніе паломниковъ. Пріѣздъ въ Константинополь и осмотръ всѣхъ его достопримѣчательностей и святынь. Отзывъ о богослуженіи въ православныхъ греческихъ церквахъ. Отъѣздъ въ Іерусалимъ. Отсутствіе документальныхъ данныхъ о дальнѣйшемъ путешествіи по востоку. Общая характеристика паломничества Михаила Ивановича. Нѣсколько не безъинтересныхъ данныхъ для личности его и его спутниковъ, во время путешествія на Синай, по разсказамъ духовника о. Пахомія. О. Николай и его вліяніе на М. И. Борьба Михаила Ивановича съ самимъ собою: съ молодостью натуры, щегольствомъ, вспыльчивостію и т. п. Возвращеніе въ Каиръ и встрѣча тамъ съ нашимъ консуломъ. Пріѣздъ на Аѳонъ.

ѢЛЫЙ день, послѣ описанной ночи, Михаилъ Ивановичъ плакалъ и скорбѣлъ. Трогательное прощаніе съ матерію, къ которой онъ привязался всѣми силами своей души, холодный поцѣлуй брата и сердечное „прости“ родныхъ не выходили изъ его головы. Теперь, чѣмъ дальше отъ него съ каждымъ *часомъ удалялись родныя* дорогія ему лица, тѣмъ они ему

казались дороже и милѣе. Предчувствіе какъ бы ему подсказывало, что онъ ихъ уже не увидитъ больше въ этой жизни, и слезы не высыхали на его глазахъ. Отъ настоящаго мысль летѣла въ страну новую, ему невѣдомую, и невольно сердце его сжималось отъ страха за будущее, гдѣ, увы, онъ не встрѣтитъ никого изъ тѣхъ, кто милъ и дорогъ ему, съ кѣмъ доселѣ онъ дѣлилъ и горе и радости своей двадцати-девятилѣтней жизни. Быстро промелькнули въ его головѣ воспоминанія дѣтства со всѣми мелкими шалостями и проступками, его первые годы жизни на коммерческомъ поприщѣ—во всемъ этомъ періодѣ мало интереснаго и достойнаго того, чтобы можно было остановиться мыслію съ пріятностію на какомъ нибудь фактѣ. Но вотъ его мысль перебираетъ въ прошломъ его вступленіе въ общество, его успѣхи въ немъ, когда Михаилъ Ивановичъ сталъ настоящимъ молодымъ человѣкомъ, ухаживанія за барышнями—красавицами и эти воспоминанія волной нахлынули къ нему, овладѣли всѣмъ его молодымъ существомъ, полнымъ страсти и огня, и подняли въ его душѣ цѣлую бурю страстныхъ пожеланій, отъ которыхъ онъ никакъ не могъ освободиться. „Тутъ, по несчастію, до того овладѣла мною страсть и помыслы блудные, замѣчаетъ въ дневникѣ о. Макарій, что я просто страдалъ. Кажется, всѣ мои бывшія интриги [1]) живо представились моему воображенію“. Овладѣли молодымъ человѣкомъ тоска и упадокъ духа на столько, что всѣ усилія побѣдить свои страсти не увѣнчались успѣхомъ. Чтеніе душеспасительныхъ книгъ было безсильно противъ страстныхъ помысловъ, которые не только не покидали молодаго человѣка, но росли съ неимовѣрною силою и дѣлали дальнѣйшую борьбу съ страстію почти невозможною.

---

[1]) Здѣсь слово «интрига» нужно понимать не въ дурномъ смыслѣ, а въ смыслѣ простого ухаживанья, соединеннаго съ любезностями и комплиментами. Иному толкованію мѣшаетъ собственное признаніе о. Макарія о соблюденіи непорочности тѣла до постриженія въ монахи и тотъ для всѣхъ очевидный и убѣдительный фактъ, что отецъ Макарій былъ іеромонахомъ и архимандритомъ аѳонскаго рукоположенія, а на Аѳонѣ и доселѣ рукополагаются въ іерархическія степени только одни «дѣвственники», или люди, соблюдшіе свою тѣлесную чистоту. См. ниже его письмо къ родителямъ отъ 16 марта 1853 г.

„Въ Ромнахъ до того возрасла во мнѣ страсть, что я, пишетъ о. Макарій, кажется, радъ бы былъ удовлетворить, но Евграфъ замѣтилъ мое смущеніе и часто говорилъ дерзкія слова, говорилъ и отъ Священнаго Писанія. Мнѣ стало легче, но все не проходило".

На пути въ Кіевъ, который былъ первымъ главнымъ пунктомъ остановки въ его паломнической поѣздкѣ, онъ не приминулъ заѣхать въ Коренную Пустынь [1]), чтобы помолиться Царицѣ Небесной. Въ Кіевъ Михаилъ Ивановичъ прибылъ 12 числа августа и остановился въ лаврской гостинницѣ, гдѣ, однако,по случаю предстоящаго праздника, было такое большое стеченіе народа, что ему едва удалось найти комнату для пріюта. Здѣсь же онъ встрѣтился съ 16 молодыми паломниками изъ Стараго Оскола, нѣсколькими днями раньше его прибывшими въ Кіевъ. Комнату для временнаго помѣщенія нашелъ Михаилу Ивановичу екклисіархъ Мелетій Антимоновъ.

Всѣ церемоніальныя службы подъ праздникъ Успенія въ дневникѣ описываются обстоятельно и произвели на молодаго паломника глубокое впечатлѣніе, но особенно умилительными показались ему два момента. „При церковной церемоніи, многочисленности народа, ничего нѣтъ умилительнѣе, пишетъ онъ о первомъ изъ нихъ, когда начинается 17 каѳизма. Будто (бы) Сама Царица небесъ снисходитъ съ неба присутствовать съ нами грѣшными: тихо, тихо опускаютъ св. икону и останавливается на срединѣ царскихъ вратъ". „Митрополита среди темноты провождали со свѣщами, говорится тамъ же о другомъ моментѣ. Какъ умилительно въ глухую полночь митрополитъ, при освященіи свѣщъ, шествуетъ въ свой покой послѣ семичасоваго бдѣнія!"

Прожилъ Михаилъ Ивановичъ въ Кіевѣ до 24 числа августа, и за это время онъ успѣлъ сдѣлать все, что необходимо было для благочестиваго паломника: осмотрѣлъ всѣ кіевскія свя-

---

[1]) Въ Курскѣ Михаилъ Ивановичъ встрѣтилъ аѳонскаго схимонаха *Селевкія*, находившагося въ то время въ Россіи для сбора милостыни русскому Пантелеимоновскому монастырю на Аѳонѣ. О. Селевкій охотно согласился быть спутникомъ М. И. и провожалъ его до Константинополя. Разсказъ святогорца схимонаха Селевкія о своей жизни и о его странствованіяхъ по *святымъ мѣстамъ*. *Спб.* 1860 г. стр. 41.

тыни и помолился имъ, два раза пріобщался Св. Таинъ, при чемъ однажды „мерзкій и грѣшный онъ сподобился принять Ихъ отъ рукъ митрополита Филарета“, отъ котораго потомъ онъ получилъ и благословеніе на дорогу, исповѣдывался въ Голосѣевѣ [1]) у схимонаха Парѳенія [2]), „человѣка рѣшительно живущаго за гробомъ“, который говорилъ Михаилу Ивановичу на прощаніе, что онъ „не останется на Аѳонѣ и вернется назадъ домой“, и видѣлся съ намѣстникомъ лавры архимандритомъ Лаврентіемъ, „ангелоподобнымъ человѣкомъ“, который благословилъ его образомъ Споручницы, далъ нѣсколько практическихъ наставленій и снабдилъ его рекомендательнымъ письмомъ въ Іерусалимъ къ іеромонаху Ѳеофану [3]).

1 Сентября Михаилъ Ивановичъ прибылъ въ Одессу, чтобы выхлопотать здѣсь заграничный паспортъ и отсюда на пароходѣ ѣхать въ Палестину. Но, сверхъ ожиданія, ему пришлось прожить въ этомъ городѣ гораздо дольше, чѣмъ онъ предполагалъ. Такъ какъ, по принятому правилу, въ ту пору заграничный паспортъ выхлопатывался для каждаго отдѣльно изъ Петербурга, то сначала ушло много времени на эти хлопоты, а послѣ оказалось, что спутнику Михаила Ивановича Евграфу разрѣшеніе на выѣздъ не послѣдовало, потому что въ спискѣ желающихъ выѣхать заграницу имя его было пропущено. Въ виду сего Михаилъ Ивановичъ съ частной квартиры переѣхалъ на общую и устроился вмѣстѣ съ прочими 15 спутниками старооскольцами, направлявшимися на Аѳонъ.

Послѣ осмотра нѣкоторыхъ достопримѣчательностей города, какъ то: каѳедральнаго собора, важнѣйшихъ церквей и монастырей, а также „Панорамы и Музеума, гдѣ хранятся

---

[1]) Загородный небольшой монастырь, находящійся въ верстахъ восьми отъ Кіева, гдѣ лѣтомъ проводятъ время кіевскіе митрополиты.

[2]) Обстоятельная біографія этого замѣчательнаго духовника и старца содержится въ брошюрѣ: «Сказаніе о жизни и подвигахъ старца кіево-печерскія лавры іеросхимонаха Парѳенія». Кіевъ, 1856 г.

[3]) О. іеромонахъ Ѳеофанъ состоялъ въ то время въ числѣ членовъ іерусалимской духовной миссіи, а потомъ былъ епископомъ тамбовской епархіи. Нынѣ онъ *проживаетъ на покоѣ* въ одномъ изъ монастырей этой епархіи.

древности", странноприимнаго дома [1]), больницы отъ комитета нищихъ, кладбищъ и т. п., молодые паломники начали вести образъ жизни скромный и приличный тому званію, которое приняли они на себя добровольно. Въ воскресенье, среду и пятницу они неопустительно ходили ко всѣмъ церковнымъ службамъ, а въ остальные дни утромъ и вечеромъ вычитывали обычныя молитвы, по каѳизмѣ изъ Псалтыря и по одному или по два акаѳиста. Весьма нерѣдко путники накладывали на себя добровольный постъ и пріобщались св. Таинъ. Совѣсть и помыслы каждаго не составляли тайны для прочихъ, такъ какъ „клятвенно рѣшились другъ другу все открывать". Проступки противъ благоповеденія наказывались поклонами.

Въ свободное время отъ духовныхъ упражненій паломники проводили въ поѣздкахъ къ фонтану, въ прогулкахъ по бульвару и на берегу бушующаго моря, близъ котораго они особенно часто любили бродить, „мечтая о всемъ и за всѣхъ, вспоминая прошедшее" и простираясь мысленно къ ожидаемому грозному будущему. „Такъ то придется и намъ колыхаться среди моря!" говорили про себя паломники, вперяя свой взоръ въ бушующую водную стихію, среди которой то появлялось, то скрывалось какое нибудь огромное судно. Подобныя прогулки производили на нашихъ паломниковъ сильное впечатлѣніе.

Но между путниками далеко не всѣ были такой высокой религіозной настроенности, какою былъ проникнутъ будущій игуменъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря и нѣкоторые другіе изъ его спутниковъ. Между послѣдними были люди не только не чувствовавшіе никакой склонности къ подвигамъ воздержанія, непрестанной молитвѣ и къ скромной келейной жизни, но прямо любившіе пожить на широкую ногу, предаться удовольствіямъ, которыя были доступны ихъ возрасту, средствамъ и воспитанію, а посему естественно не легко выносившіе и мирившіеся съ тѣмъ режимомъ, который установился

---

[1]) Странноприимный домъ былъ устроенъ близъ сиротскаго пріюта и освященъ 1850 г. 15 октября, въ присутствіи Михаила Ивановича и его *сотоварищей.*

въ товарищеской квартирѣ, благодаря вліянію весьма немногихъ, изъ коихъ первое мѣсто принадлежало Михаилу Ивановичу. Неудивительно поэтому, что со стороны этого рода паломниковъ были нарушенія дисциплины, цѣломудрія [1]), супружеской вѣрности и даже рѣзкіе протесты противъ первенствующаго значенія тѣхъ или иныхъ лицъ въ товариществѣ. Откровенный дневникъ даетъ намъ нѣсколько подобныхъ примѣровъ, но мы остановимся лишь на выдающихся.

„28 (Ноября) утромъ, читаемъ мы въ дневникѣ о. Макарія, вставши обыкновенно, (такъ) какъ не было въ церкви службы, мы начали въ квартирѣ (т. е. утреннее правило). И, между прочимъ, я обращаюсь къ пѣвчимъ, говоря: „пойте ирмосъ“. Они говорятъ вдругъ: „Долго ли будутъ эти прибавленія къ молитвѣ? что вы за уставщикъ, и почему вы признаете себя первенствующимъ лицомъ у насъ?“ Это меня оскорбило, ибо это говорилъ посторонній, а г. С—цовъ [2]) въ послѣднее время велъ себя въ слабомъ состояніи, и потому завелись такіе непорядки, и цѣлый день мы были въ непріятности“. Черезъ нѣсколько дней, послѣ описаннаго событія, а именно 7 декабря въ товариществѣ произошелъ разладъ съ хозяиномъ квартиры, и наши паломники вынуждены были переселиться на другую квартиру. Устроиться удобно всѣмъ на новой квартирѣ, однако, не удалось. „Одинъ изъ нашихъ сотоварищей, пишетъ о. Макарій, сердился, что онъ не имѣетъ комнаты. Я замѣтилъ это, *отдалъ ему комнату*, самъ помѣстился съ ними (т. е. остальными). Правило читали обыкновенное, какъ и прежде, но хотѣли, чтобы *непремѣнно всѣ были на молитвѣ*. Поговоря о семъ, мы легли спать“. „5 числа (того же мѣсяца), говорится въ дневникѣ, мы провели день обыкновенно. Вечеромъ нужно было читать акаѳисты, *но никто не явился;*

---

[1]) Дневникъ о. Макарія нравственную распущенность, царившую на одесскихъ бульварахъ въ это время, рисуетъ въ ужасающихъ краскахъ. Толпы женщинъ легкомысленнаго поведенія, по словамъ дневника, встрѣчались нашимъ паломникамъ «на каждомъ шагу».

[2]) Подъ 17 декабря о. Макарій пишетъ о томъ же спутникѣ слѣдующее: «Мы были у обѣдни и товарищи, но С—цовъ не былъ. За это нужно положить нѣсколько *поклоновъ*, онъ не согласился, мы опять поссорились».

всѣ ушли. Мы послали въ одно мѣсто одного изъ нашихъ товарищей". „28 числа (тогоже мѣсяца на святкахъ), *мы стали между собою* говорить, что мы очень дурно дѣлаемъ, но никто не слушалъ, а начали ходить по гостямъ и на молитву не являлись".

Эти выдержки изъ дневника весьма наглядно иллюстрируютъ нашу мысль и въ то же время даютъ намъ ясное понятіе о томъ, чѣмъ жилъ Михаилъ Ивановичъ въ эти годы своей зрѣлости, и какую роль онъ игралъ въ случайной товарищеской компаніи. Ему, безспорно, принадлежала первенствующая роль въ товариществѣ не по тому, что эту роль ему указали остальные его товарищи, а потому что и симпатичнымъ характеромъ, и своими высокоаскетическими наклонностями, и знаніемъ строя монашеской жизни, конечно, болѣе тереотически онъ превосходилъ всѣхъ остальныхъ. Его нравственному вліянію невольно подчинялись остальные болѣе благомыслящіе. Если же и были иногда протесты со стороны нѣкоторыхъ, то Михаилъ Ивановичъ успѣвалъ улаживать дѣла кротостію, снисхожденіемъ, уступками и даже личнымъ самоограниченіемъ въ пользу своихъ товарищей. Посему и недовольные протестанты въ концѣ концовъ усмирялись и признавали невольно его авторитетъ. Всѣ послѣдующія распоряженія, выходившія, не безъ иниціативы Михаила Ивановича, принимались остальными и не нарушили до конца ихъ одесской жизни добрыхъ товарищескихъ отношеній. Пятимѣсячное пребываніе въ Одессѣ Михаила Ивановича было для него пробнымъ камнемъ, на которомъ отшлифовывались высокосимпатичныя черты характера будущаго подвижника игумена многолюдной Пантелеимоновской аѳонской обители, какую Провидѣнію угодно было ввѣрить его духовному водительству.

Нельзя не остановить вниманія на весьма любопытномъ фактѣ изъ жизни Михаила Ивановича, во время его пребыванія въ Одессѣ, предъ выѣздомъ за границу, который отмѣченъ тоже въ дневникѣ. Кромѣ заведенія общихъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ въ товарищеской квартирѣ и установленія нѣкоторыхъ правилъ благоповеденія, Михаилъ Ивановичъ *проявилъ прямое* стремленіе создать изъ этого кружка

своихъ спутниковъ настоящій общежительный монастырь. „11 числа (декабря мѣсяца) мы, пишетъ о. Макарій въ дневникѣ, собрались всѣ вмѣстѣ и поговорили, соединившись, чтобы *кушанье было вообще;* опредѣлили на оное 280 руб. *и положили правило, чтобы во время трапезы читать* и на молитву являлись вообще. Кассиромъ былъ я, а Евграфъ покупалъ". Этотъ порядокъ жизни продержался до конца ихъ пребыванія въ Одессѣ, хотя по временамъ и нарушался нѣкоторыми непріятностями, потому что не всякія требованія товарищества удовлетворялись Михаиломъ Ивановичемъ. „20 числа мы были у обѣдни, замѣчается въ дневникѣ, и послѣ обѣда товарищи просили, чтобы я купилъ имъ вина къ празднику, но я не согласился". Отказъ, однако, не удовлетворилъ недовольныхъ, и въ самый праздникъ Рождества Христова разыгралась за товарищеской трапезой некрасивая сцена. „25 числа мы пошли рано на утреню, пишетъ Михаилъ Ивановичъ въ дневникѣ. Пѣвчіе пѣли какъ на повечеріи, такъ и на утрени очень хорошо. У ранней обѣдни не были. Къ поздней пришли и пѣли очень хорошо. Пришедши и напившись чаю, мы хотѣли идти къ Новикову, но никто не согласился. Я взялъ Евграфа и поѣхалъ. Пріѣхавши туда, онъ принялъ ласково. Я закусилъ и поѣхалъ въ квартиру. Пріѣзжаю и, Боже мой! Они всѣ на весельѣ. Я позвалъ обѣдать и сталъ читать. Они, кто во что горазъ, и тутъ пошла катавасія: одинъ другаго не слушалъ. Итакъ, скучно мы провели день праздника"...

Въ послѣдніе дни одесской жизни Михаила Ивановича было еще одно событіе, о которомъ въ дневникѣ упоминается мелькомъ, но которое, безспорно, имѣло громадное значеніе на дальнѣйшую судьбу его и едва-ли не здѣсь еще рѣшило его будущность. Я разумѣю знакомство его съ извѣстнымъ святогорцемъ іеромонахомъ Серафимомъ, авторомъ восторженно-поэтическихъ „Писемъ къ друзьямъ своимъ о святой горѣ Аѳонской", которыя обратили на себя вниманіе критики и современниковъ и доселѣ пока служатъ единственно прекраснымъ руководствомъ и путеводителемъ для благочестивыхъ религіозно-настроенныхъ поклонниковъ къ ихъ ознакомленію *съ бытомъ и строемъ* святогорской жизни и досто-

примѣчательностями Аѳона. Святогорецъ Серафимъ былъ въ это время на верху своей литературной славы. Издавъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ прожилъ около году, первую часть своихъ „Писемъ“, онъ былъ польщенъ лестнымъ для него вниманіемъ вожака тогдашней литературно-журнальной дѣятельности Булгарина, который далъ прекрасный отзывъ [1]) объ этомъ трудѣ святогорца, и успѣлъ снискать благоволеніе такихъ свѣтилъ архипастырей нашихъ, какъ Филарета московскаго [2]), Иннокентія одесскаго, Никанора петербургскаго и другихъ. Въ Москвѣ, въ Петербургѣ и другихъ городахъ имя святогорца сдѣлалось хорошо извѣстнымъ и о. Серафима вездѣ встрѣчали съ распростертыми объятіями, какъ дорогого и желаннаго гостя [3]). Въ Одессу о. Серафимъ прибылъ 10 января 1851 г. по пути въ Аѳонъ, гдѣ въ 1853 г. 17 декабря онъ и окончилъ дни своей жизни. Его пріѣзду „были рады“ всѣ паломники, жаждавшіе изъ живыхъ краснорѣчивыхъ устъ слышать вдохновенное слово о цѣли своихъ юношескихъ благочестивыхъ стремленій, но болѣе всѣхъ, конечно, свиданія съ о. Серафимомъ желалъ Михаилъ Ивановичъ. Онъ въ тотъ же день, какъ узналъ о пріѣздѣ о. Серафима, „хо-

---

[1]) «Можетъ быть, вы уже читали въ «Сѣверной Пчелѣ» рецензію на мои письма? пишетъ святогорецъ Серафимъ къ своимъ друзьямъ изъ Москвы отъ 1850 г. 7 марта. Спасибо Булгарину: *онъ отозвался о моемъ сочиненіи, какъ нельзя лучше.* Вышла только первая часть, а вторая печатается. — Въ субботу на масляницѣ былъ я у высокопреосвященнѣйшаго митрополита Филарета, продолжаетъ онъ дальше въ томъ же письмѣ. *Онъ принялъ меня чрезвычайно ласково, много распрашивалъ о св. Горѣ, оцѣнивалъ мои письма и дѣлалъ на нихъ свои замѣчанія.* Я просидѣлъ у него около часа. Надѣюсь и еще побывать, и не однажды, у этого геніальнаго человѣка». (Письма святогорца, ч. Ш, 1883 г., стр. 24).

[2]) Нужно, однако, замѣтить, что митрополитъ московскій Филаретъ не скрылъ предъ авторомъ «Писемъ о св. горѣ Аѳонской» замѣченныхъ имъ недостатковъ. Покойному митрополиту не понравились въ этой книгѣ чрезмѣрная идеализація въ описаніи жизни святогорскихъ иноковъ, а главнымъ образомъ языкъ ея, напоминающій ему «языкъ журналовъ» того времени (Арх. Саввы. Собран. мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита московскаго М. 1887 г., т. V, ч. 1, стр. 85), что, по понятіямъ м. Филарета, истаго пуританина относительно чистоты и приличія языка, когда рѣчь ведется о предметахъ священныхъ, равнялось прямому порицанію.

[3]) *Письма святогорца.* М. 1883, ч. Ш, стр. 33; стр. 103—104.

дилъ къ нему и *бесѣдовалъ съ нимъ долго*". О чемъ была бесѣда у этого молодаго энтузіаста съ опытнымъ и бывалымъ старцемъ догадаться не трудно. Можно съ увѣренностью сказать, что о. Серафимъ имѣлъ передъ собою самаго внимательнаго слушателя, ухо котораго не проронило ни единаго слова увлекательнаго старца. Михаилъ Ивановичъ полюбилъ о. Серафима всею своею душею, привязался къ нему и почти ежедневно, какъ это видно изъ дневника, бывалъ у него на бесѣдахъ, иногда даже и съ прочими своими спутниками. О. Серафимъ въ свою очередь тоже полюбилъ своихъ молодыхъ слушателей и далъ о нихъ весьма лестный отзывъ въ одномъ изъ своихъ писемъ [1]) съ св. Горы.

3 января, наконецъ, было получено разрѣшеніе на выѣздъ за границу. Михаилъ Ивановичъ и его спутники занялись сборами и приготовленіемъ къ путешествію. Сборы шли медленно, такъ какъ торопливость была излишня въ виду того обстоятельства, что карантинная гавань, покрытая льдомъ, очистилась отъ него только 22 января. 23 января были упакованы вещи, сдѣланы всѣ необходимыя распоряженія, отслуженъ въ церкви Петра и Павла напутственный молебенъ, написаны и

---

[1]) «Константинополь я оставилъ, пишетъ о. Серафимъ, 3 марта (1851 г.) въ 4 часа вечера; со мною вмѣстѣ было нѣсколько старооскольскихъ поклонниковъ, о которыхъ печатано въ «Сѣверной Пчелѣ», прошедшаго 1850 г., что они отправляются въ числѣ 20 человѣкъ, что везутъ съ собою на Аѳонскую гору иконостасъ и что между ними есть живописцы. Но эти свѣдѣнія неполны, потому что, кромѣ живописца, между ними есть прекрасные пѣвчіе (6 человѣкъ). Часть этихъ путешественниковъ уже на Аѳонѣ, а живописецъ и пѣвчіе со мною. Можешь послѣ этого представить, *какъ весело мое странствіе въ дружномъ сопутствіи такихъ людей!*.. Да, я очень радъ моимъ спутникамъ и благодарю Бога за утѣшеніе, которое Онъ даетъ мнѣ въ нихъ и въ гармоническомъ ихъ пѣніи» (Письма свят., ч. III, стр. 34)... «Около вечерни мы появились на сосѣдственныхъ высотахъ Руссика, гдѣ тотчасъ были замѣчены нѣкоторыми изъ братства. Вѣсть о появленіи нашемъ, въ виду обители, потрясла иноковъ невыразимою радостію; ибо они болѣе уже года со дня на день ожидали моего прибытія изъ Россіи. Братія высыпали за порту и въ стройныхъ рядахъ шли къ намъ на встрѣчу. Въ это время мои спутники—пѣвчіе и я спрыгнули со своихъ муловъ, сгрудились и концертъ: «Слава въ вышнихъ Богу!» грянулъ съ нашей стороны. Живописные холмы своимъ нагорнымъ эхомъ вторили торжественнымъ нашимъ звукамъ, на которые Русикъ отозвался съ своей стороны роднымъ привѣтомъ... (Ibid. стр. 49).

отправлены письма къ роднымъ, при чемъ Михаилъ Ивановичъ въ письмѣ къ родителямъ [1]) вложилъ и свой дагеротипный портретъ, который онъ самъ называетъ „удачнымъ“ [2]).

---

[1]) Письмо Михаила Ивановича изъ Одессы къ родителямъ отъ 23 января 1851 г. было слѣдующаго содержанія: «Христосъ посреди насъ! Милостивѣйшій государь, любезнѣйшій батюшка Иванъ Діонисьевичъ! Милостивѣйшая государыня, любезнѣйшая матушка Ѳеодосья Петровна! Божіею милостію здравствуйте о Господѣ! Симъ честь имѣю извѣстить, любезнѣйшіе и безцѣннѣйшіе родители, получивши разрѣшеніе, мы *сейчасъ* отправляемся заграницу. Итакъ, дражайшіе родители, припадаю къ стопамъ ногъ вашихъ и прошу вашихъ святыхъ молитвъ и благословеній въ напутствіе, чего имѣю надѣяться, что оными не оставите. *Да, будетъ ли еще угодно Богу намъ встрѣтиться въ этой земной жизни?* Буди Его святая воля! А потому, какъ человѣкъ въ продолженіе всего времени имѣлъ, быть можетъ, противу васъ какіе-либо недостатки всѣми чувствами и оными оскорбилъ, простите меня Бога ради и благословите. Прощайте, безцѣннѣйшіе и милые родители! Прости, любезное отечество и родина святая! Прости все милое, родное сердцу! Насъ будетъ раздѣлять необозримое пространство водъ и земли, и Провидѣніе святое удостоитъ ли недостойнаго достигнуть святыхъ мѣстъ и принесть, какъ благодарность за поданіе жизни и всего бытія, такъ и раскаяніе за прошедшее и настоящее проведенное время въ оскорбленіи Бога моими скверными грѣхами противу религіи и совѣсти, и паки настоящимъ зрѣніемъ увидать васъ, безцѣннѣйшіе батюшка и матушка, удостоюсь ли? Богъ вѣсть! Цѣлую васъ и мысленно заключаюсь въ ваши объятія. Ваши чувства вѣрно разтворились, а духъ внемлетъ моимъ воззваніямъ. Грустно и тяжело разстаться на землѣ, но надежда на Творца вселенной все превозможетъ и за родительскими молитвами не покинетъ на чужбинѣ. Прощайте еще разъ! Уже время, за черту Россіи зовутъ. А вы, возлюбленнѣйшіе родители, не оставьте въ вашихъ св. молитвахъ и благословеніяхъ о странникахъ въ землѣ чуждей: о Михаилѣ и Евграфѣ, а въ случаѣ надобности помогите намъ. И какъ мы всѣ ходимъ подъ Божіею властію, то, Богъ вѣсть,—климатъ новый, къ которому я непривыченъ, и суждено будетъ отойдти въ вѣчность мнѣ, то, дражайшіе родители, что будетъ нужно исполнить по религіи—не откажите. И съ тѣмъ вмѣстѣ будетъ, быть можетъ, какая загробная записка, то прошу покорнѣйше по оной исполнить, въ силу моего предсмертнаго желанія: оно весьма ограничено. Надѣюсь на васъ, родители, что не откажите. Требую заочно вашего родительскаго благословенія и молитвъ во вѣки нерушимо. Честь имѣю быть вамъ, при засвидѣтельствованіи глубочайшаго почтенія и пожеланіи добраго здравія и всѣхъ благъ, мы же, сколько силъ есть, у всѣхъ св. мѣстъ будемъ о васъ приносить мольбу. Остаюсь вамъ, милостивый государь и государыня, слуга покорный и преданный сынъ М. Сушкинъ». Письмо это сохранилось и въ черновомъ видѣ, но безъ конца, гдѣ говорится о смерти. Оно характерно во многихъ отношеніяхъ, и мы нарочито привели его цѣликомъ.

[2]) Этотъ портретъ мы надѣемся воспроизвести и приложить къ нашему *очерку*.

Около четырехъ часовъ пополудни всѣ путешественники вступили на палубу морскаго парохода. Часъ разлуки съ родиною для путниковъ, впервые намѣревающихся плыть по морю, былъ тяжелъ и сопровождался возгласами: „Прости Россія! Прости родина святая, родители и родные“! „Быть можетъ уже судьба не столкнетъ съ вами!“ Для многихъ изъ паломниковъ эти возгласы были пророческими.

Дорога до Константинополя была тяжелая для Михаила Ивановича и его спутниковъ. Пароходъ долго выбивался изъ льда, загромоздившаго гавань, а когда вышелъ въ открытое море, то попалъ въ страшную бурю, причинившую неопытнымъ путешественникамъ невыносимо тяжелыя страданія, посреди которыхъ они готовились къ смерти и давали обѣщанія, взывая ко всѣмъ святымъ о помощи. Но какъ только пароходъ вошелъ въ Константинопольскій проливъ и опасность смерти миновала, то въ путникахъ снова воскресли надежды благополучно достигнуть желаннаго конца, и они съ жадностію упивались прелестями и очаровательными видами пролива и самого Константинополя, вперивъ свой взоръ въ шпицы минаретовъ св. Софіи. Дѣйствительность и знакомство съ внутренностію города нѣсколько разочаровало нашихъ паломниковъ въ его прелестяхъ, но душа молодыхъ энтузіастовъ была переполнена сильнымъ желаніемъ видѣть святыни этого многострадальнаго города, чтобы имъ поклониться и въ достаточной мѣрѣ насладиться ихъ личнымъ созерцаніемъ. Въ новомъ семихолмномъ Римѣ поэтому не осталось ни одной, можно сказать, пяди земли, которую бы они не исходили своими ногами, не было ни одного болѣе или менѣе замѣчательнаго въ религіозномъ или археологическомъ отношеніи зданія, которое бы они не осмотрѣли, въ которомъ бы они не побывали и нерѣдко даже по два раза.

О святыняхъ паломники собирали подробныя свѣдѣнія, какъ изъ письменныхъ источниковъ, такъ едва-ли не болѣе изъ устныхъ разсказовъ простодушныхъ проводниковъ — аѳонскихъ иноковъ. Дневникъ пребыванія Михаила Ивановича въ Константинополѣ переполненъ подобнаго рода легендами и устными разсказами, изъ которыхъ нѣкоторые нынѣ паломники и не слышатъ и не могутъ прочесть въ путево-

дителяхъ по Цареграду. Всѣ эти легенды въ большинствѣ случаевъ Михаилъ Ивановичъ, безъ всякихъ съ своей стороны замѣчаній, заноситъ въ свой дневникъ. Изрѣдка лишь онъ задаетъ себѣ вопросы, на которые тутъ же даетъ и посильныя рѣшенія ихъ. Разсказывая, напр., о своемъ путешествіи на мучной базаръ, Михаилъ Ивановичъ пишетъ слѣдующее: „тамъ пошли внутрь крѣпости на источникъ, гдѣ явилась икона Благовѣщенія, св. Николая и св. Василія великаго, но дѣйствительная икона уже затеряна. Здѣсь служили молебенъ. *И еще тамъ же, должно быть, кто-либо бросилъ или опустилъ икону на мѣди св. Николая и Богоматери, только она русской выдѣлки.* Оттуда поѣхали въ мечеть, Агимасаръ (?), гдѣ гробъ св. Василія и о. ... (т. е. проводникъ—не зналъ, кто былъ этотъ Василій), *но я полагаю, что новый Василій, у котораго жила Ѳеодора, явившаяся Григорію, ученику св. Василія, ибо и ученикъ погребенъ тутъ-же*, но только не внутри мечети, а снаружи. И мѣсто—въ крѣпости, гдѣ жилъ Василій. Посмотрѣвши, заплатили бакшишъ или магарычь. Насъ турки спрашивали: „зачѣмъ вы смотрите эти мѣста и платите деньги?“ Мы отвѣчали: „это для насъ воспоминаніе древнихъ святыхъ мужей священныхъ“.... „Оттуда (то есть изъ церкви Цѣлительницы Божіей Матери) пошли ко гробу несчастнаго Константина Палеолога [1]). Бѣдный палисадъ и два стоячихъ камня съ турецкою надписью. Грустно развивается надъ нимъ кипарисъ, уже почти увядшій. Мѣсто почти застроено. Грустно видѣть обладателя города и народа, такъ смиренно покоившагося. По другую сторону (покоится) арабъ, который убилъ его. Могила его завалена камнями“... „Оттуда (изъ патріархіи) пошли въ іерусалимскую патріархію, гдѣ *будтобы* находится св. образъ Убруса, присланный Спасителемъ Авгарю, *но требуетъ удостовѣренія*, хотя архіерей и клятву далъ. *За вѣрное не выдаю*, но чудное изображеніе

---

[1]) Здѣсь; очевидно, о. Макарій былъ введенъ въ заблужденіе проводникомъ. Несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ онъ былъ на обычномъ турецкомъ кладбищѣ, съ которымъ лишь молва связала могилу послѣдняго изъ византійскихъ императоровъ.

и живъ“... „Оттуда (т. е. изъ пещеры св. Андрея Юродиваго) поѣхали къ цѣпи Соломоновой, которая находится на кипарисномъ деревѣ, предъ которымъ будтобы во времена еще греческія она была какъ бы судьею, именно: если кто либо возьметъ деньги и отдастъ, но чрезъ время заимодавецъ „или отдатчикъ скажетъ: „ты мнѣ не отдалъ“, или, наоборотъ, не отдавая, скажетъ: „отдалъ“, тогда оба идутъ къ этой цѣпи, и если кто правъ, тому цѣпь, по прочтеніи молитвы, какой— уже мнѣ не передали,—сходитъ въ руки правому, и тогда обличенный предъ народомъ обвиняется. Однажды одинъ паломникъ, проходя въ Іерусалимъ и, имѣвши много денегъ, опасаясь взять съ собою, находитъ небогатаго человѣка и говоритъ: „если я возвращусь, то тебѣ дамъ за труды, а между тѣмъ, ты пользуйся деньгами, а умру, то (пусть) остаются у тебя“. Поклонникъ возвратился и требуетъ деньги, онъ отвѣчаетъ: „чрезъ нѣсколько времени приходи“. Поклонникъ приходитъ. Онъ говоритъ: „а развѣ ты забылъ, что я тебѣ отдалъ въ первый разъ твоего прихода. Наконецъ, сколько не убѣждалъ поклонникъ онаго человѣка, ничто не увѣрило, рѣшилъ на томъ, что идти къ этой цѣпи. Приходятъ. Взявшій деньги убираетъ всю монету въ палку или трость, и когда приходятъ, (то) онъ отдаетъ трость поклоннику и говоритъ: „подержи!“ И когда тотъ держалъ, а этотъ читалъ молитву, что клялся, что онъ отдалъ деньги, цѣпь сошла къ нему въ руки, то поклонникъ ужаснулся неправдѣ и похулилъ имя Божіе, не зная, что палка, отданная ему есть сумма, взятая у него, и которую (т. е. палку), по окончаніи клятвы, онъ отдалъ опять тому человѣку. Въ то самое время цѣпь, взвившись съ визгомъ на вершину дерева, раскидалась по вѣтвямъ, и дерево въ то же время „засохло, а взявшій деньги тутъ же раскаялся“. Иногда Михаилъ Ивановичъ потому не даетъ объясненій описываемымъ имъ грустнымъ событіямъ и явленіямъ, его поражавшимъ, что, по его воззрѣнію, „смертный не долженъ входить въ подобное“, т. е. въ разсмотрѣніе всѣхъ причинъ, кои всѣ находятся въ волѣ Божіей.

Описывая достопримѣчательности и святыни Константинополя, Михаилъ Ивановичъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ особенности церковно-богослужебной практики, облаченій,

устройства и украшенія храмовъ, какъ въ приходскихъ греческихъ церквахъ, такъ и въ патріархіи. Съ особеннымъ вниманіемъ онъ останавливается на поразительномъ для русскаго человѣка неблагочиніи и непорядкахъ, при церковномъ богослуженіи, какъ со стороны священно-служителей, такъ и мірянъ, и при томъ когда священнодѣйствуетъ самъ архіерей. „28 число (января). Утро, воскресенье. Мы были въ церкви св. Николая (въ Галатѣ), читаемъ мы въ дневникѣ, во время службы грековъ. Служилъ архіерей, *но на эту службу должно смотрѣть съ грустью на душѣ.* Представьте себѣ: послѣ благословенія Божія, гдѣ даже вольные умы поддаются общему обряду, здѣсь, взойдя въ церковь, вы увидите въ шляпахъ, фескахъ (феска красный шерстяной колпакъ съ кисточкой). *Я пробрался къ царскимъ вратамъ, гдѣ усмотрѣлъ плачевное состояніе упадка въ православной религіи.* Архіерей служилъ, но служащіе ни благоговѣнія, ни почтенія никакого не имѣли, обыкновеннымъ образомъ разговаривая, не опасаясь. Архіерей, вышедши на заупокойную литію и сѣвши въ кресло, удивилъ меня своимъ вольнымъ обращеніемъ взора во всѣ стороны. Прислуживающіе и сослужащіе, что нужно говорили между собою, нисколько не остерегаясь своего начальника“...

На описаніе достопримѣчательностей города свѣтскаго характера Михаилъ Ивановичъ удѣляетъ немного мѣста въ своемъ дневникѣ, хотя не оставляетъ безъ вниманія ни одну изъ нихъ. Въ дневникѣ объ этого рода памятникахъ и достопримѣчательностяхъ имѣются иногда лишь одни простыя упоминанія, такъ какъ описанія ихъ не входили въ прямыя цѣли паломника.

8 Февраля Михаилъ Ивановичъ, покинувъ своихъ старооскольскихъ спутниковъ, направлявшихся прямо на Аѳонъ, въ Константинополѣ, вмѣстѣ съ Евграфомъ сѣлъ на англійскій пароходъ и, при легкой погодѣ, отправился въ путь, чтобы посѣтить св. мѣста Палестины, Египта и Аравіи. Путешествіе это было скучнымъ, такъ какъ Михаилъ Ивановичъ не зналъ англійскаго языка, а его спутниками были турки, греки и армяне, говорившіе еще менѣе понятнымъ языкомъ. Изъ *русскихъ на пароходѣ* оказалась лишь одна женщина. Какъ

окончилось это великое плаваніе, какіе труды и лишенія перенесъ Михаилъ Ивановичъ на другяхъ болѣе тяжелыхъ путяхъ, какъ, напр., къ Синаю [1]), какія думы, мысли и чувства волновали его, при посѣщеніи имъ желанныхъ мѣстъ, освященныхъ стопами Господа и Его учениковъ, что видѣлъ и что слышалъ онъ за это почти полуторагодичное далекое путешествіе—обо всемъ этомъ достовѣрныхъ документальныхъ данныхъ нѣтъ. Обстоятельный и во многихъ отношеніяхъ интересный дневникъ Михаила Ивановича, которымъ мы доселѣ пользовались для характеристики его, обрывается выѣздомъ изъ Константинополя и, кажется, нѣтъ никакихъ надеждъ, чтобы продолженіе его было когда нибудь отыскано. По свидѣтельству лицъ весьма почтенныхъ изъ монастырской братіи, днелникъ этотъ былъ уничтоженъ пламенемъ во время пожара, бывшаго въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ въ 1887 году, въ августѣ мѣсяцѣ. Наши старанія отыскать письма Михаила Ивановича къ родителямъ или родственникамъ за время его путешествія по востоку не увѣнчались успѣхомъ: мы не имѣемъ за это время даже ни единой записки, писанной съ востока рукою путешественника. Вотъ почему здѣсь намъ приходится оживить въ своей памяти полузабытыя воспоминанія объ этомъ путешествіи самаго покойника о. Макарія, разсказывавшаго намъ кое-что предъ нашею поѣздкою на востокъ къ нашему назиданію и ободренію—это съ одной стороны, а съ другой, довѣриться словамъ его спутника, еще доселѣ здравствующаго на Аѳонѣ о. Пахомія, который въ санѣ іеромонаха, по договорному соглашенію, скрѣпленному письменно, за извѣстное вознагражденіе, какъ знатокъ многихъ восточныхъ языковъ и бывалый человѣкъ, обязался сопровождать молодаго Сушкина на Синай и въ Египетъ.

По всѣмъ этого рода даннымъ, а также судя по увлекающемуся характеру, живому темпераменту и высокому религіозному воодушевленію и настроенности, путешествіе въ Па-

---

[1]) Въ письмѣ къ матери съ Аѳона отъ 19 декабря 1851 г., по поводу своей болѣзни, онъ дѣлаетъ слѣдующее воспоминаніе о своемъ совершеномъ путешествіи: «Вотъ Богу угодно было: проѣхали пустыни, *невыносимые жары*— все Богъ покрывалъ. *Нельзя безъ ужаса вспомнить*, если бы хворать тамъ».

лестину и другія мѣста православнаго востока производило на душу молодаго Сушкина чарующее глубокое впечатлѣніе. Его восхищеніямъ и восторгамъ не было предѣла, такъ какъ мечта его дѣтства осуществилась. Эти для всякаго вѣрующаго человѣка драгоцѣнныя мѣста, политыя кровію и потомъ Божественнаго учителя и Его учениковъ, онъ теперь видѣлъ своими глазами, дышалъ ихъ воздухомъ, согрѣвался ихъ солнцемъ, попиралъ своими грѣшными ногами ихъ священный прахъ. — Каждый камешекъ для него былъ святынею, каждая былинка, всякій кустикъ чахлаго деревца—предметъ восхищенія и обожанія, и съ этими дорогими для него предметами онъ не могъ разстаться равнодушно. Его паломническія сумки, кипарисные сундуки незамѣтно для него самаго переполнялись подобнаго рода палестинскими реликвіями, которыя имѣли назначеніе, во-первыхъ, видомъ своимъ возбуждать въ немъ самомъ священные восторги и переносить его мысль къ этимъ святымъ мѣстамъ, а съ другой, служить дорогимъ подаркомъ для тѣхъ присныхъ его сердцу, которыхъ онъ покинулъ далеко на своей родинѣ [1]). Этими восторгами, безспорно, былъ переполненъ его, къ глубокому сожалѣнію, не сохранившійся дневникъ; ими онъ дѣлился и въ письмахъ къ роднымъ. По словамъ Ивана Ивановича, любимѣйшаго брата о. Макарія, его первое письмо изъ Іерусалима начиналось такимъ знаменательнымъ восклицаніемъ: — „Наконецъ то осуществилась мечта моего дѣтства, лелѣянная *съ тринадцатилѣтняго моего возраста!*“

Нечего и прибавлять, что въ Палестинѣ, на Синаѣ и въ другихъ мѣстахъ востока, какъ и въ Константинополѣ, не было ни одного болѣе или менѣе замѣчательнаго мѣста, которое бы Михаилъ Ивановичъ не видѣлъ своими глазами. Начитанный съ дѣтства, онъ желалъ оживить теперь въ своей памяти тѣ воспоминанія и впечатлѣнія, какія онъ

[1]) «Я отправляю Евграфа, пишетъ о. Макарій къ матери съ Аѳона въ февралѣ 1852 г., и съ нимъ *іерусалимскія вещи*, которыя я поручаю братцу, ибо въ ваши лѣта теперь не до занятія. *Мелочныя вещи, кому угодно, давать есть воля ваша*». Но Ѳеодосья Петровна, мать о. Макарія, лично «разобравъ эти *вещи, разослала* роднымъ и знакомымъ, и всѣ остались довольны». Письмо *отъ 24 апрѣля 1852 г.*

вынесъ изъ книгъ и личнымъ обозрѣніемъ святыхъ мѣстъ и предметовъ навсегда запечатлѣть о нихъ воспоминанія. Поэтому то онъ совершалъ свои переѣзды съ мѣста на мѣсто медленно, не торопясь, съ остановками на такое время, которое обычаемъ и не полагается для простыхъ паломниковъ. Такъ, напр., Михаилъ Ивановичъ прожилъ въ Синайскомъ монастырѣ болѣе мѣсяца, тогда какъ, по установившемуся обычаю, простые поклонники живутъ въ немъ не болѣе восьми дней. Препятствій и ограниченій ему не только здѣсь, но и въ другихъ св. мѣстахъ Палестины и Египта не дѣлали высшіе представители духовной іерархіи, конечно, въ тѣхъ видахъ, что надѣялись отъ богатаго паломника, въ благодарность за свое гостепріимство и предупредительность, получить щедрый вкладъ на нужды св. мѣстъ, ввѣренныхъ ихъ попеченію. И дѣйствительно, Михаилъ Ивановичъ не скупился на вклады, за что восточными патріархами былъ надѣленъ не только высоко-цѣнными для поклонника предметами, въ видѣ частицъ отъ животворящаго древа Господня [1]), обыкновенно не попадающими въ руки простыхъ поклонниковъ, но еще неоднократно былъ приглашаемъ ими на трапезу.

На основаніи простодушныхъ разсказовъ духовника о. Пахомія [2]), весьма критически относившагося къ личности о. Макарія въ свѣтскомъ званіи, мы можемъ отмѣтить и другую сторону личной духовной жизни Михаила Ивановича въ періодъ его путешествія по востоку. Вечернія и утреннія общія молитвы, съ чтеніемъ многихъ акаѳистовъ, заведенныя Михаиломъ Ивановичемъ въ товарищеской квартирѣ въ Одессѣ, не только не были имъ оставлены, а напротивъ все болѣе и болѣе усложнялись введеніемъ новыхъ и новыхъ акаѳистовъ

---

[1]) Не объ этомъ ли крестѣ «трехъ древъ» упоминаетъ о. Макарій въ письмѣ къ отцу отъ 10 Апр. 1852 г.? Родители, присланный имъ крестъ съ Аѳона, «изволили отдать въ Церковь». Письмо отъ 24 Апр. 1852 г.

[2]) На мою просьбу къ о. Пахомію разсказать что нибудь объ ихъ путешествіи съ о. Макаріемъ на Синай, онъ обыкновенно отвѣчалъ: «Ничего нѣтъ особеннаго». — «Развѣ онъ монахъ былъ?» наивно задавалъ вопросъ о. Пахомій. «Путешествовалъ такъ, какъ всѣ православные міряне», заключалъ о. Пахомій и тутъ же передавалъ нѣчто такое, что прямо указывало, что путешествіе Михаила Ивановича было особенное, не похожее на путешествіе «простыхъ мірянъ»...

или молитвъ, когда его товарищами были только о. Пахомій и дворовый человѣкъ Евграфъ. Не нравились эти продолжительныя общія молитвы товарищамъ Михаила Ивановича въ Одессѣ, не пришлись они по душѣ и его синайскимъ спутникамъ, не только легкомысленному Евграфу, но даже и самому о. Пахомію. „Сначала перебрался въ другую комнату Евграфъ, а потомъ и я сталъ просить отцовъ, чтобы мнѣ дали отдѣльную келлію, такъ какъ не было силъ вычитывать всѣ его акаѳисты и исполнять налагаемые имъ каноны“, прибавлялъ добродушно о. Пахомій, не замѣчая самъ, что онъ даетъ въ руки его біографу весьма любопытную черту для характеристики своего спутника. Посѣщеніе храма Божія было неопустительное и каждодневное, по правилу Михаила Ивановича. На Синаѣ, по просьбѣ Михаила Ивановича и съ разрѣшенія старцевъ, о. Пахомій совершалъ ежедневно литургію на славянскомъ языкѣ въ церквицѣ Неопалимой Купины, гдѣ, по принятому на Синаѣ порядку, служится литургія только одинъ разъ въ недѣлю по субботамъ. За этою литургіею Михаилъ Ивановичъ исполнялъ роль чтеца и пѣвца.

Суровая жизнь немногочисленныхъ отцовъ Синайской обители, отдаленнѣйшей отъ цивилизованныхъ центровъ, производила на Михаила Ивановича глубокое впечатлѣніе. Заброшенные въ дикую каменистую пустыню, сдавленные величавыми исполинами окружающихъ гранитныхъ горъ, иноки Синайской обители ведутъ суровый аскетическій образъ жизни, исполненный нерѣдко лишеній въ самомъ насущномъ: убого одѣваются, столъ имѣютъ зачастую изъ хлѣба и разнаго рода злаковъ, воздѣлываемыхъ съ изумительною энергіею въ небольшомъ садикѣ близъ монастыря, и дѣлятъ все свое время между тяжелымъ трудомъ и молитвою въ храмѣ. Особаго рода аскетическіе подвиги, какъ напр., ношеніе веригъ на тѣлѣ и лишеніе себя необходимой одежды для прикрытія своей наготы и т. п., производили и прежде на Михаила Ивановича сильное впечатлѣніе, а теперь, благодаря высокорелигіозной настроенности, обаяніе отъ подобнаго рода подвиговъ было положительно неотразимое. Наблюдая простоту въ костюмѣ синайскихъ иноковъ вообще, а въ нѣкоторыхъ *случаяхъ даже полное* лишеніе его, какъ напр., въ лицѣ

о. Николая, синайскаго монаха, который по временамъ или не надѣвалъ никакой одежды, или же рвалъ имѣвшуюся на немъ одежду и въ монастырѣ и въ пустынѣ ходилъ нагой, — Михаилъ Ивановичъ сталъ задумываться надъ своей страстью къ щегольству. Подъ вліяніемъ этихъ думъ онъ перемѣнилъ свой франтовской костюмъ на простой нанковый халатъ, сшитый ему искусною рукою вышеназваннаго подвижника о. Николая, и въ такомъ видѣ не постѣснился даже предстать предъ нашимъ консуломъ въ Каирѣ. О. Пахомій разсказываетъ объ о. Макаріѣ такой эпизодъ. Когда М. И. вернулся въ Каиръ съ Синая, то немедленно отправился къ консулу, чтобы получить тамъ свѣдѣнія о деньгахъ и письмахъ, присланныхъ на его имя изъ Россіи. „Есть письма на имя Сушкина изъ Россіи?“ робко освѣдомился скромный Михаилъ Ивановичъ у консула. „Да, есть письма на имя *почетнаго гражданина* М. И. Сушкина, а вы кто такой?“ спросилъ тотъ въ недоумѣніи, вглядываясь въ странный костюмъ незнакомца. „Я почетный гражданинъ Сушкинъ“, конфузливо удостовѣрилъ свою личность Михаилъ Ивановичъ. Изумленіе на лицѣ консула было заключительнымъ актомъ этой любопытной сцены, при чемъ Михаилъ Ивановичъ, по словамъ о. Пахомія, получилъ изъ рукъ консула цѣлый мѣшечекъ адресованныхъ на его имя писемъ.

Не оставлялъ въ это время безъ вниманія Михаилъ Ивановичъ и другихъ особенностей своего живаго и впечатлительнаго темперамента, а старался и ихъ урегулировать, дать имъ цѣлесообразное направленіе и даже прямо боролся съ ними. Впечатлительный отъ природы онъ сильно волновался, видя нерасторопность своего слуги Евграфа и нерѣдко даже бранилъ его, но затѣмъ, когда проходилъ его гнѣвъ, онъ прощалъ вину своего любимца и былъ къ нему весьма любезенъ и снисходителенъ. Замѣтивъ эту черту характера въ своемъ хозяинѣ, Евграфъ положительно злоупотреблялъ ею, особенно во время возвращенія съ Синая. По словамъ того-же о. Пахомія, на остановкахъ, утомленный зноемъ пустыни и тяжелою ѣздою на верблюдѣ, Михаилъ Ивановичъ долженъ былъ своими руками разставлять себѣ палатку и даже готовить

чай, тогда какъ его Евграфъ, распластавшись по землѣ, спалъ сномъ праведника, не отказываясь въ то же время ни отъ шатровой тѣни, ни отъ живительнаго стакана чаю, который въ безводной знойной пустыни является для путешественника истиннымъ благодѣяніемъ. „Смѣшно было смотрѣть, говоритъ о. Пахомій, на это превращеніе господина въ слугу и слуги въ господина“. Но Михаилъ Ивановичъ, поволновавшись нѣсколько, черезъ минуту все забывалъ и ѣхалъ снова, какъ ни въ чемъ не бывало, мирно и спокойно, любя всею душею своего легкомысленнаго Евграфа [1]).

Но всѣ духовно-аскетическія упражненія, которымъ доселѣ придавался молодой энтузіастъ, были плодомъ его внутренней религіозной настроенности и отчасти его знакомства съ аскетическими сочиненіями св. отцовъ, которыя онъ любилъ читать еще въ дѣтствѣ. Всѣ они вытекали хотя просто и естественно, безъ всякаго внѣшняго сторонняго побужденія, были чисты и искренни, но имъ предавался Михаилъ Ивановичъ безъ соблюденія мѣры и даже благоразумной постепенности. Вотъ почему не находилъ онъ себѣ единомысленниковъ ни въ Одессѣ среди своихъ товарищей, изъ коихъ многіе потомъ сдѣлались прекрасными монахами, ни тѣмъ болѣе среди своихъ синайскихъ спутниковъ. Михаилъ Ивановичъ, сталкиваясь ежедневно съ людьми, посвятившими себя аскетизму, который во многомъ не походилъ на его представленіе объ этомъ подвигѣ, инстинктивно чувствовалъ потребность найти опытнаго „старца-учителя“, который бы могъ указать настоящій истинный путь къ аскетизму, идя по которому онъ бы не изнемогалъ и не отчаявался въ достиженіи цѣли, а постепенно, хотя и не безъ труда, совершенствовался бы и приближался бы къ ней. Такого именно опытнаго старца учителя онъ и нашелъ въ лицѣ отца Іеронима, духовника русскаго Пантелеимоновскаго монастыря, когда прибылъ на Аѳонъ.

---

[1]) Въ письмѣ къ матери съ Аѳона отъ 1852 г. о. Макарій рекомендуетъ Евграфа такъ: «въ дорогѣ онъ былъ для меня хорошимъ спутникомъ», а въ *письмѣ къ ней-же* отъ 2 апрѣля того-же года пишетъ: «я ему благодаренъ, *онъ за мною смотрѣлъ* хорошо».

Изъ Александріи на Аѳонъ Михаилъ Ивановичъ ѣхалъ черезъ Смирну и Солунь на пароходѣ, а оттуда на св. Гору сухопутно. Въ Пантелеимоновскій монастырь онъ прибылъ вечеромъ 3 ноября 1851 г. и былъ весьма ласково встрѣченъ игуменомъ — архимандритомъ Герасимомъ и духовникомъ Іеронимомъ, которые уже заранѣе были извѣщены о пріѣздѣ къ нимъ столь дорогого для нихъ паломника.

ГЛАВА IV.

Краткій историческій очеркъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ съ 1735 года до вступленія въ число его братіи о. Макарія.

Бѣдственное состояніе русскаго Пантелеимоновскаго монастыря и полное отсутствіе въ немъ съ 1735 года русскихъ иноковъ. Рѣшеніе протата продать монастырскія земли для уплаты долговъ монастыря, а монастырь вычеркнуть изъ числа 20 святогорскихъ обителей. Заступничество вселенскаго патріарха Каллинника и избраніе въ игумены монастыря ксенофскаго іеромонаха Саввы. Заботы послѣдняго о приведеніи монастырскихъ финансовъ въ лучшее состояніе. Неблагопріятное для обители военное движеніе на св. Горѣ въ 1820—21 годахъ. Игуменъ обители Герасимъ и его попытка призвать въ монастырь русскихъ иноковъ. Поселеніе въ обители въ 1835 г. о. Аникиты (князя Шахматова-Ширинскаго) съ нѣсколькими русскими иноками и удаленіе ихъ въ малороссійскій Ильинскій скитъ. Причины этого несогласія грековъ съ русскими. Вторая попытка поселенія русскихъ иноковъ въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ въ 1839 году во главѣ съ духовникомъ о. Павломъ и неожиданная смерть послѣдняго. Обращеніе русскихъ иноковъ къ старцу Арсенію съ просьбою стать во главѣ ихъ. Отказъ его и избраніе въ духовники русскаго братства въ Пантелеимоновской обители о. Іоанникія, въ схимѣ о. Іеронима. Вступленіе его въ 1840 г. въ монастырь и рукоположеніе въ іеромонахи. Характеристика о. Іеронима, сдѣланная инокомъ Парѳеніемъ и К. Леонтьевымъ. Приливъ русскихъ иноковъ въ Пантелеимоновскій монастырь. Заботы о. Іеронима о точномъ соблюденіи древнихъ киновіальныхъ правилъ въ обители, о поддержаніи братской любви и взаимнаго довѣрія между греческими иноками и русскими, объ улучшеніи крайне скуднаго монастырскаго стола, объ удовлетвореніи первыхъ необходимыхъ религіозныхъ потребностей русской братіи и вообще о матеріальномъ обезпеченіи обители. Обращеніе за помощью къ своимъ соотечественникамъ и отправка въ Россію сборщиковъ аѳонскихъ иноковъ. Результаты этихъ обращеній и сборовъ. Главный помощникъ о. Іеронима—священникъ С. Веслинъ, въ иночествѣ Серафимъ святогорецъ. Его заслуги для обители и труды. Содѣйствіе о. Іерониму со стороны игумена Герасима и его помощника іеродіакона Иларіона.— Вступленіе Михаила Ивановича въ русскую Пантелеимоновскую обитель и первыя его впечатлѣнія. Сближеніе съ о. Іеронимомъ и тайное признаніе Михаила Ивановича о цѣли своего пріѣзда на Аѳонъ. Боязнь о. Іеронима немедленно удовлетворить желаніе молодого Сушкина и причина этого. Письмо Михаила Ивановича отъ 9 ноября 1851 г. къ матери съ просьбою благословить его вступить въ монахи и упросить о томъ же отца. Значеніе этого письма въ біографіи о. Макарія. Путешествіе по Аѳону Сушкина, его простуда и жестокая болѣзнь. Постриженіе въ схиму съ именемъ Макарія. Чувства, овладѣвшія великосхимникомъ непосредственно послѣ постриженія. Первыя впечатлѣнія на родинѣ въ Тулѣ, когда тамъ получена была вѣсть о совершившемся фактѣ.

Трудныя и тяжелыя времена переживала русская аѳоно-*пантелеимоновская* обитель, когда переступилъ порогъ ея

порты скромный молодой энтузіастъ-паломникъ, будущій знаменитый ея игуменъ.

Съ 1735 года греческій элементъ въ этой обители взялъ окончательный перевѣсъ надъ русскимъ, который мало по малу совершенно былъ вытѣсненъ изъ нея [1]). Новые насельники монастыря греки оставили прежній строгій *киновіальный* образъ жизни и учредили *идіоритмъ* [2]). Многоначаліе,

---

[1]) Странств. В. Григоровича-Барскаго по святымъ мѣстамъ востока. 1887 г. Спб. ч. III, стр. 296.

[2]) Слово это происходитъ отъ греческаго ἰδιόρυθμος, что значитъ *своеобычный*. Въ *идіоритмахъ*, «подчиняясь въ главныхъ основаніяхъ монастырской жизни общему уставу, монахи имѣютъ право жить гораздо свободнѣе, чѣмъ въ киновіяхъ: общаго обязательнаго стола нѣтъ, каждый можетъ ѣсть въ своей кельѣ (хотя въ трапезѣ каждый день готовится какое нибудь самое простое кушанье для неимущихъ посѣтителей, для работниковъ и для монаховъ, не желающихъ ѣсть у себя въ кельѣ). Сверхъ того, одинъ монахъ можетъ быть *лично* очень богатъ, а другой не имѣетъ ничего и т. д. Всѣхъ своихъ денегъ отдавать въ общую кассу, какъ въ киновіяхъ, монахъ своеобычнаго монастыря не обязанъ. Всѣмъ выдается изъ монашескихъ кладовыхъ и погребовъ *нѣчто* общее: масло, мука, сыръ, яйца и т. п., а сверхъ того каждый можетъ пріобрѣтать и поддерживать свои средства какъ хочетъ»... Нѣкоторые изъ монаховъ этихъ монастырей или *прозстосы* «занимаютъ въ монастырѣ по пяти, шести и десяти хорошихъ комнатъ; имѣютъ въ банкахъ гдѣ нибудь или въ своихъ сундукахъ *свои* большія деньги, сверхъ того вклада, который они внесли въ кассу обители для полученія лучшихъ комнатъ и другихъ привилегій. Они одѣваются въ шелковыя рясы, сидятъ въ келліи на широкой турецкой софѣ, ѣдятъ мясо въ скоромные дни, а въ постные рыбу, являются представителями обители, ѣздятъ изрѣдка въ Аѳины, Стамбулъ, Одессу, Кишиневъ и т. д. Такихъ людей найдется (въ Ватопедѣ, напр.) на 200 слишкомъ монаховъ не *болѣе десяти или двѣнадцати*. Остальные люди бѣдные, которые исполняютъ въ обители различныя работы (или, говоря по монашески, *послушанія*): служатъ при церкви, варятъ кушанье, мѣсятъ хлѣбы, рубятъ дрова и т. д. Всѣ они получаютъ, кромѣ опредѣленной провизіи, еще небольшое жалованье изъ монастырской кассы и *на сторону* поэтому работать не могутъ»... «Онъ (т. е. монахъ идіоритма) имѣетъ больше свободы. Во первыхъ, онъ не обязанъ ходить на всевозможныя службы въ церковь, подобно киновіату; можетъ, не спросясь, прочесть молитвы дома, это предоставляется его совѣсти; во вторыхъ, онъ свободенъ въ выборѣ пищи, одежды, общества» и т. п. «Въ своеобычной обители одинъ монахъ можетъ пригласить другого пообѣдать съ нимъ вмѣстѣ въ кельѣ, побесѣдовать, помолиться вмѣстѣ... можетъ гулять, когда кончитъ работу, сколько угодно; нельзя только, не спросясь у начальства, пойти въ другой монастырь или въ аѳонскій городокъ въ Карею. Нельзя, разумѣется, не содержать постовъ, нельзя слишкомъ *часто не присутствовать* при церковномъ богослуженіи и т. п.». На-

вызываемое самымъ строемъ новой монастырской жизни, въ видѣ соборнаго управленія представительными старцами мо-

---

противъ, въ *общежительныхъ* (κοινόβιον) монастыряхъ царствуетъ строжайшій коммунизмъ: никто не имѣетъ ни права личной собственности, ни денегъ при себѣ, ни пищи въ своей комнатѣ безъ особаго на то разрѣшенія начальства, да и то очень рѣдко, въ случаѣ путешествія, болѣзни, или вообще чего нибудь исключительнаго»... «Безъ разрѣшенія духовника, монахи не имѣютъ права бесѣдовать по двое, по трое въ кельяхъ своихъ,—и за этимъ смотрятъ строго, особенно относительно молодыхъ»... «Въ киновіяхъ, особенно въ греческихъ, которыя съ иныхъ сторонъ еще строже русскихъ, не позволено, напр., имѣть вечеромъ лампы или свѣчи, безъ спроса, для чтенія, даже іеромонахамъ, которые, благодаря своему сану и постоянному утомительному подвигу должнаго богослуженія, всегда имѣютъ кой-какія привилегіи: нельзя, безъ спроса духовника или игумена, выйти за ворота (т. е. монастыря)». (Русск. Вѣстн. 1873 г., кн. IV, стр. 651—654, прим.) Кромѣ этихъ двухъ главныхъ видовъ монашеской жизни на Аѳонѣ, мы встрѣчаемъ здѣсь и нѣсколько иныхъ. Въ настоящемъ очеркѣ намъ нерѣдко придется говорить о *келліотахъ, кавіотахъ и ксиромахъ*, которые суть ничто иное, какъ названія иныхъ родовъ иноческой аѳонской жизни. *Келліотами* именуются монахи, живущіе не въ монастыряхъ, а въ особыхъ довольно обширныхъ домахъ, построенныхъ на землѣ, купленной у одного изъ 20 аѳонскихъ монастырей, подѣлившихъ между собою весь аѳонскій полуостровъ. Эта покупка совершается по особой граматѣ, называемой *омологіею*, въ которой покупатель выговариваетъ у монастыря право имѣть особую церковь, небольшое количество братіи, не свыше, однако, 15 человѣкъ, разсадить виноградникъ, масличныя деревья и огороды для продовольствія братіи, завести скотъ и построить домашнія пристройки, необходимыя въ обиходѣ. Упомянутая омологія заключается на трехъ лицъ: на старца или правителя келліи и на двухъ его учениковъ, которые, по смерти старца, въ порядкѣ старшинства, занимаютъ его мѣсто и наслѣдуютъ его права и достояніе. При этомъ, при переходѣ келліи отъ старца къ его ученикамъ, этими послѣдними уплачивается условленная плата монастырю и въ омологію вписывается новое лицо для того, чтобы эта келлія не была отобрана въ собственность монастыря, а находилась бы преемственно въ однихъ рукахъ. Отсюда нѣкоторыя келліи на Аѳонѣ насчитываютъ до 600 лѣтъ своего существованія и болѣе. Жизнь монашеская и чинъ церковный въ этихъ келліяхъ монастырскіе киновіальные, но безъ того строгаго ригоризма, какой мы видимъ въ монастыряхъ. Интересы келліотовъ защищаютъ монастыри, на земляхъ которыхъ построены ихъ келліи.—*Кавіоты или калибиты* — это отшельники, имѣющіе небольшіе домики (καλύβα), построенные на землѣ какого нибудь монастыря. При этихъ домикахъ церквей нѣтъ, не имѣется и земель для виноградниковъ и огородовъ. — Владѣлецъ его имѣетъ право лишь принять къ себѣ на временное сожительство, въ качествѣ квартиранта, *одного* подобнаго ему *кавіота* или ксиромаха. Послѣ смерти владѣльца, *калиба поступаетъ* въ собственность того монастыря, на землѣ котораго она *построена, и отъ воли обители* зависитъ передача ея въ другія руки. Въ

настыря (проэстосами), которые погодно и по очереди передаютъ свою власть изъ рукъ въ руки, какъ въ наше время, такъ и въ прошломъ столѣтіи не способствовало процвѣтанію монастырей, а вело всегда и ведетъ нынѣ къ упадку матеріальнаго благосостоянія, строгой монашеской дисциплины, къ водворенію въ нихъ внутреннихъ безпорядковъ и неустройствъ, мѣшающихъ правильному и мирному развитію обителей. Русская Пантелеимоновская обитель не явила собою счастливаго исключенія, а пошла обычною дорогою, которая привела ее къ обнищанію и полнѣйшему разоренію. Въ 1803 году аѳонскій протатъ [1]), принимая во вниманіе крайне бѣдственное состояніе русскаго монастыря, которому на Карей [2]) не было довѣрія даже на 20 піастровъ (около 1 р. 50 к. с.), порѣшилъ уже было исключить этотъ монастырь изъ списка святогорскихъ монастырей; земли, ему принадлежащія, продать для уплаты тяжелыхъ долговъ, лежавшихъ на этомъ монастырѣ, а оставшійся денежный избытокъ употребить на общественныя нужды прочихъ аѳонскихъ монастырей. Но этому тяжелому приговору карейскаго протата не суждено было осуществиться. Русскій Пантелеимоновскій монастырь неожиданно нашелъ себѣ заступника и покровителя въ лицѣ вселенскаго патріарха Калинника, всегда несочувствовавшаго идіоритмамъ. Онъ сталъ на сторону св. Пантелеимоновскаго монастыря и старался доказать киноту св. Горы, что не тактично и не политично

параллель *кавіотамъ* и *келліотамъ*, имѣющимъ хотя небольшія, но собственныя денежныя средства, на Аѳонѣ существуетъ еще родъ отшельниковъ, именуемыхъ *ксиромахами* (ξηρόμαχος), которые не располагаютъ никакими денежными средствами. Живутъ они большею частію въ естественныхъ пещерахъ или землянкахъ и изрѣдка на скопленныя деньги имѣютъ возможность нанимать теплый уголъ у кавіотовъ, въ качествѣ квартирантовъ. Одежду, мягкій хлѣбъ, сухари и изрѣдка деньги они получаютъ изъ монастырей, а на другіе надобности принуждены зарабатывать средства вытачиваніемъ ложечекъ или крестиковъ, вязаньемъ чотокъ, шитьемъ одежды и башмаковъ и т. п. ремеслами. Къ числу ксиромаховъ можно отнести и всѣхъ анахоретовъ Карулья.

[1]) Протатомъ называется на Аѳонѣ собраніе представителей или антипросоповъ 20 святогорскихъ монастырей по дѣламъ, касающимся св. Горы вообще.

[2]) Карея небольшой торговый городокъ, находящійся въ центрѣ Аѳона.

уничтожать *русскую обитель* въ то время, когда Россія своими послѣдними войнами съ Турціею пріобрѣла рѣшающее значеніе на судьбу восточныхъ христіанъ. Устройство и приведеніе въ надлежащій порядокъ разстроенныхъ монастырскихъ дѣлъ въ Руссикѣ было возложено святѣйшимъ патріархомъ на благочестиваго, уже преклонныхъ лѣтъ, но энергичнаго и опытнаго старца, іеромонаха Ксенофской обители Савву, который, желая оправдать оказанное ему довѣріе со стороны вселенскаго патріарха, ревностно принялся было за порученное ему дѣло и много даже сдѣлалъ добра обители, но, за смертію, не успѣлъ довести до конца всѣхъ своихъ благихъ намѣреній. Наступившія въ слѣдъ затѣмъ волненія на св. Горѣ, по случаю греческаго возстанія за свою независимость въ 1820—21 годахъ, понудили многихъ мирныхъ святогорцевъ покинуть свои монастыри и искать пріюта за чертою св. Горы. Послѣ заключенія мира въ 1830 году, собравшаяся малочисленная и бѣдная братія русскаго Пантелеимоновскаго монастыря во главѣ съ своимъ игуменомъ Герасимомъ [1]), преемникомъ Саввы, по совѣту мудраго старца іеродіакона Венедикта, рѣшилась пригласить въ монастырь русскихъ иноковъ, чтобы съ ихъ помощію устроить обитель.

На этотъ призывъ грековъ охотно откликнулся извѣстный въ ту пору іеромонахъ Аникита (въ мірѣ князь С. А. Ших-

---

[1]) Подробная біографія этого игумена написана инокомъ Парѳеніемъ ч. IV стр. 260—264. «Игуменъ Герасимъ имѣетъ удивительный даръ разсужденія, пишетъ Парѳеній. Двѣсти человѣкъ у него духовныхъ чадъ и всѣми управляетъ не властительски, но отечески... Никогда у него келлія не затворяется, яко врачебница... проводивши всѣхъ, и самъ исходитъ изъ келліи. Прежде посѣщаетъ болящихъ братій, потомъ обходитъ всѣ келліи и посѣщаетъ всѣхъ рабочихъ и рукодѣльщиковъ; потомъ исходитъ внѣ монастыря и посѣщаетъ всю братію, трудящуюся на разныхъ послушаніяхъ, и самъ съ ними трудится... На трудахъ братію никогда не понуждаетъ, но еще удерживаетъ и часто приказываетъ отдыхать. Въ церкви всегда является прежде всѣхъ... Пищи, кромѣ общей братской трапезы, не употребляетъ. Часто на трапезѣ говоритъ изустныя поученія и даетъ братіи наставленія, а иногда и обличаетъ братскіе немощи и недостатки; но имя ничье не объявляетъ, а только даетъ понимать. А говоритъ всегда со слезами и съ отеческою любовію и всю братію приводитъ въ слезы... И не только одни его чада почитаютъ, *но и вся* св. Аѳонская гора его ублажаетъ, яко строгаго хранителя общежительныхъ *иноческихъ* уставовъ» (Сказ. о странств. ч. IV, стр. 260—261).

матовъ-Ширинскій) [1]), 9 іюня 1835 года прибывшій на св. Аѳонскую гору и временно поселившійся въ малороссійскомъ Ильинскомъ скиту [2]). Набожный и сердобольный о. Аникита, собравъ около себя до 15 „желающихъ“ переселиться въ Руссикъ, по словамъ о. Парѳенія, „не знавши,—кто какого свойства и разума“, 2 іюля того же года отправился съ ними пѣшкомъ въ Пантелеимоновскій монастырь, неся на рукахъ икону святителя Митрофанія воронежскаго. Въ Руссикѣ онъ былъ встрѣченъ греческою братіею весьма радушно. Русскимъ дали церковь св. Іоанна Предтечи [3]). Самъ о. Аникита, согласно данному имъ обѣщанію, 4 іюля отправился въ Солунь, чтобы оттуда ѣхать въ Іерусалимъ, а русскую братію Пантелеимоновскаго монастыря поручилъ вѣдѣнію духовника Прокопія, человѣка „хотя и добраго сердцемъ, какъ его характеризуетъ о. Серафимъ святогорецъ [4]), но неопытнаго и слабаго на то, чтобы удержать свое общество въ границахъ безусловнаго послушанія и подчиненности строгимъ правиламъ киновіи или общежитія“. Старцамъ обители о. Аникита вручилъ 3,000 левовъ на довершеніе готовой вчернѣ церкви [5]) во имя св. Митрофанія.

„Русскіе грековъ уважать и слушаться не стали, описываетъ начавшіеся съ отъѣздомъ о. Аникиты въ Пантелеимо-

---

[1]) Обстоятельный біографическій очеркъ о. Аникиты, прочитанный въ засѣданіи Императорской россійской академіи 29 октября 1838 г., напечатанъ отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ: «О жизни и трудахъ іеромонаха Аникиты, въ мірѣ князя С. А. Шихматова». Спб., 1853, изд. 2. Интересныя біографическія данныя сообщаетъ объ о. Аникитѣ его любопытный дневникъ: «Путешествіе іеромонаха Аникиты (въ мірѣ князя С. А. Ш.-Шихматова) по святымъ мѣстамъ востока въ 1834—1835 годахъ, изданный священникомъ В. Жмакинымъ за прошлый 1891 г. въ журналѣ «Христіанское Чтеніе» № 1—2, № 5—6, № 7—8, № 9—10 и № 11—12; *инокъ Парѳеній* въ своемъ извѣстномъ «Сказаніи о странствованіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и св. землѣ». М. 1855 г., ч. IV, стр. 241 — 246; ч. I, стр. 150—152; ч. II, стр. 218—222; *святогорецъ Серафимъ* въ «Письмахъ о святой горѣ Аѳонской» М. 1883 г., ч. I, стр. 51—53 и др.

[2]) О жизни и трудахъ іером. Аникиты, стр. 50; «Христ. Чтен.», 1891 г. № 5—6, стр. 530.

[3]) Сказан. о странствіи, ч. II, стр. 220.

[4]) Письма о св. Аѳонской горѣ, стр. 53.

[5]) «Христ. Чтен.», 1891 г. № 5—6, стр. 531; № 11—12, стр. 554.

новскомъ монастырѣ безпорядки инокъ Парѳеній, но всегда стали противорѣчить, еще къ тому же и стращать, что монастырь — нашъ, русскій, а начальникъ у насъ князь; мы васъ выгонимъ. Отчего греки, вся братія смутились.. и стали говорить игумену Герасиму и старцу Венедикту, что мы съ русскими жить не можемъ и богатства ихъ не хотимъ; лучше сухари съ водою будемъ ѣсть, да одни; русскіе разстроили всю нашу жизнь“ [1]). То правда, что русскіе вели себя въ монастырѣ нетактично, но не безъ вины по отношенію къ русскимъ были и греки. „Если я не ошибаюсь въ моихъ замѣчаніяхъ, пишетъ объ этомъ времени нашъ русскій путешественникъ по Аѳону В. Давыдовъ, то *русскіе монахи терпятъ въ своемъ монастырѣ много притѣсненій*, не только въ хозяйственномъ отношеніи, но и въ управленіи монастырскимъ имѣніемъ и даже въ церковной службѣ, которую не дозволяется имъ отправлять на славянскомъ языкѣ“ [2]). Тотъ же о. Парѳеній, отнесшійся съ суровою критикою къ ильинскимъ выходцамъ, не скрываетъ, однако, и того, что доля вины за эти безпорядки падаетъ на грековъ вообще. „Грековъ русскаго монастыря, говоритъ онъ, болѣе побудили на изгнаніе князя *греки прочихъ монастырей*, потому что они предусматривали, что ежели русскіе вселятся въ русскій монастырь, то у всѣхъ монастырей свою землю отберутъ, а наипаче, ежели будетъ жить князь“ [3]). Какъ бы тамъ ни было, но фактъ на лицо, когда о. Аникита 9 мая 1836 г. воротился изъ Іерусалима на Аѳонъ [4]) и прибылъ въ русскій Пантелеимоновскій монастырь, то сразу же попалъ въ самый разгаръ расходившихся человѣческихъ страстей: „русскіе стали жаловаться на грековъ, а греки на русскихъ“ [5]). „Попущеніемъ Божіимъ свыше, замѣчаетъ по этому поводу о. Ани-

---

[1]) Сказан. о странствіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и св. Землѣ. Ч. II, стр. 221.

[2]) Путевыя записки, веденныя во время пребыванія на Іоническихъ островахъ въ Греціи, Малой Азіи и Турціи въ 1835 г. Спб. 1840 г., ч. II, стр. 191.

[3]) Сказан. о странствіи, ч. II, стр. 223.

[4]) «Христ. Чтен.», 1891 г., № 11—12, стр. 448.

[5]) Сказаніе о странствіи, ч. II, стр. 221.

кита въ своемъ дневникѣ, сатана возбранилъ дѣлу благому, возмутивъ старцевъ монастырскихъ *страшиться тамъ, идѣже не бѣ страхъ*, такъ что не смотря на обѣщаніе свое и на увѣщаніе мое, отреклись они совершенно отъ своихъ словъ и отказались вовсе отъ устроенія въ монастырѣ своемъ престола во имя великаго святителя *Митрофана*“ [1]), церковь котораго „оставалась безъ окончанія до его возвращенія“ [2]). Кроткому и миролюбивому о. Аникитѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ покинуть негостепріимный монастырь и искать себѣ и своей братіи пріюта опять въ малороссійскомъ скиту св. пророка Иліи. 8 числа іюня мѣсяца, послѣ литургіи и молебна угоднику Митрофанію, русскіе иноки икону его „понесли изъ монастыря въ русскій Ильинскій скитъ“. На пути, „проѣзжая мимо, говорится въ дневникѣ о. Аникиты, древній нашъ русскій монастырь, въ которомъ братія наша, до 30 человѣкъ отъ греческихъ своихъ собратій, въ томъ же монастырѣ иночествовавшихъ, побіени быша, остановился въ развалинахъ сей опустѣвшей обители и съ сопутниками своими, поставивъ икону св. Митрофана въ параклисѣ Божіей Матери, довольно еще уцѣлѣвшемъ, отслужилъ по усопшимъ панихиду и потомъ продолжалъ путь въ скитъ св. Иліи, куда вскорѣ и прибылъ благополучно, и принятъ былъ любезно старцами и братіей“ [3]). Такъ окончилась полною неудачею первая попытка русскихъ иноковъ поселиться въ своемъ древнемъ достояніи, въ русскомъ Пантелеимоновскомъ монастырѣ. О. Аникита, получившій назначеніе, еще въ бытность свою въ Іерусалимѣ, состоять іеромонахомъ при нашемъ посольствѣ въ Аѳинахъ, въ скоромъ времени покинулъ Аѳонъ [4])

---

[1]) «Христ. Чтен.», 1891 г., № 11—12, стр. 449.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibid., стр. 450—453.

[4]) Предъ выѣздомъ въ Аѳины о. Аникита вручилъ возвращенные ему пантелеимоновскими старцами 3000 левовъ о. Ѳеодору, присоединивъ къ нимъ еще 4000 левовъ, собранные на тотъ же предметъ въ Одессѣ А. С. Сундіемъ, и упросилъ старцевъ Ильинскаго скита построить на эти деньги параклисъ въ честь св. Митрофанія. «Христ. Чтен.», 1891 г., № 11 — 12, стр. 454, 450 примѣч.

и отправился къ мѣсту своего служенія, гдѣ и скончался 7 іюня 1837 года [1]).

Въ 1839 году была сдѣлана новая попытка привлечь въ русскій Пантелеимоновскій монастырь русскихъ монаховъ. По приглашенію монастырскихъ властей, въ обители поселился іеросхимонахъ духовникъ Павелъ [2]) съ нѣсколькими русскими монахами, которые вышли изъ состава братіи Ильинскаго малороссійскаго скита, по случаю происходившихъ въ немъ безпорядковъ. Но о. Павелъ прожилъ въ монастырѣ всего только восемь мѣсяцевъ и скончался, оставивъ монастырю весьма почтенную сумму денегъ въ 70,000 (около 7 тысячъ рубл.) піастровъ, которая дала возможность хотя нѣсколько поправить разстроенные финансы монастыря. Оставшіеся братія изъ русскихъ, послѣ кончины своего духовника, съ благословенія о. игумена Герасима, обратилась къ о. Арсенію, [3]) знаменитому въ ту пору подвижнику и опытнѣйшему духовнику всѣхъ русскихъ, разсѣянныхъ еще по многочисленнымъ калибамъ и келліямъ св. Горы, съ просьбою, чтобы онъ перешелъ съ своими учениками на постоянное житье въ русскій Пантелеимоновскій монастырь и собралъ бы около себя братію изъ русскихъ. Старецъ Арсеній отказался принять на себя непосильный уже для его преклоннаго возраста трудъ и предложилъ старцамъ обители, не безъ ихъ желанія, выборъ свой остановить на его ученикѣ о. Іоанникіѣ, проживавшемъ тогда на кельѣ св. пророка Иліи, близъ Ставрони-

---

[1]) Ibid., стр. 460 О жизни и трудахъ іером. Аникиты, въ мірѣ князя С. А. Шихматова, стр. 66.

[2]) Біографическія свѣдѣнія о личности игумена Павла сообщаетъ инокъ Парѳеній въ своемъ «Сказаніи о странствіи» ч. IV стр. 234—241, ч. II, стр. 107—110.

[3]) «Живетъ во св. Горѣ Аѳонской болѣе двадцати лѣтъ въ совершенномъ нестяжаніи, говорили аѳонскіе монахи объ о. Арсеніѣ иноку Парѳенію, въ глубочайшей пустынѣ, неимѣющій никакого тѣлеснаго утѣшенія: пищу употребляетъ самую постную, не ѣстъ ни рыбы, ни сыру, ни масла, а спитъ весьма мало, развѣ одинъ часъ въ сутки, и то сидя. Любовь же имѣетъ неограниченную, и столько милостивъ, что часто и книги свои отдаетъ на какую кому нужную потребу. Онъ насъ и держитъ во св. горѣ Аѳонской, а ежели бы не онъ, то отъ такихъ великихъ скорбей половина бы ушли паки въ Россію, но онъ никому не даетъ благословенія; а кто что безъ благословенія его сдѣлаетъ, или куда пойдетъ, то всѣ страдаютъ и пропадаютъ» (Сказ. *о странств. ч. II, стр.* 119—120).

китскаго монастыря, съ двумя своими учениками. О. Іоанникій сначала рѣшительно отказывался, такъ какъ поселеніе его въ Руссикѣ было связано съ необходимостію принять рукоположеніе въ іеромонаха, чего онъ всегда страшился, но убѣжденный своимъ старцемъ Арсеніемъ, предъ авторитетомъ котораго онъ благоговѣлъ, онъ, наконецъ, согласился, продалъ свою келлію, раздалъ свое имущество ксиромахамъ русскимъ и 20 Октября 1840 года переселился съ своими учениками въ Пантелеимоновскій монастырь. 18 числа Ноября мѣсяца о. Іоанникій (въ схимѣ Іеронимъ) былъ рукоположенъ Григоріемъ, митрополитомъ Адріанопольскимъ, во іеродіакона, а 21 того же мѣсяца во іеромонаха и благословленъ [1]) быть духовникомъ для русской братіи [2]).

Какова же личность этого организатора русскаго Пантелеимоновскаго монастыря, духъ и направленіе котораго еще живы въ монастырѣ и до нашихъ дней, и этого могучаго борца за русское дѣло на св. Горѣ? Мы лично не были знакомы съ о. Іеронимомъ, скончавшимся въ 1885 году 14 ноября, а поэтому принуждены обрисовать его высоко-нравственный образъ словами лицъ, хорошо его знавшихъ. Вотъ какой отзывъ даетъ о немъ ученикъ о. Іоанникія и даже сожитель его по Ильинской кельѣ инокъ Парѳеній, служившій при немъ нѣкоторое время за повара и за пекаря, и за чтеца, и за канонарха.

„Отца же Іоанникія (Іеронима тожъ) разсмотрѣлъ, пишетъ о. Парѳеній, и нашелъ въ немъ великаго и ученаго мужа, во внѣшней и въ духовной премудрости искуснаго и въ Божественномъ и отеческомъ писаніи много начитаннаго и свѣдущаго. Хотя и азъ много читалъ книгъ, но противъ

---

[1]) По обычаю восточной церкви, въ духовники назначаются лишь искусные въ духовной жизни старцы іеромонахи, и надъ ними епископъ прочитываетъ особенную, на сей случай имѣющуюся въ Архіератиконѣ, молитву, которую избираемый выслушиваетъ, стоя на колѣнахъ...

[2]) Много данныхъ о личности о. Іеронима сообщаетъ инокъ Парѳеній въ своемъ «Сказаніи о путеш.» ч. II, стр. 168—173, ч. I стр. 264—270 и др. Этими свѣдѣніями и во многихъ мѣстахъ *буквально* воспользовался А. Ковалевскій для своей брошюры: «Іеросхимонахъ Іеронимъ, духовникъ русскаго на *Аѳонской горѣ Пантелеимонова* монастыря» М. 1887 г.

его—какъ капля противъ моря: и по вся часы отъ него пользовался; чтобы азъ отъ него не спросилъ,—скорый давалъ мнѣ отвѣтъ. И весьма былъ кротокъ и снисходителенъ; могъ всѣ немощи наши нести такъ, что азъ во всю жизнь мою такого кроткаго и терпѣливаго не видалъ и во всѣхъ добродѣтеляхъ совершенъ былъ; не словомъ училъ, но во всемъ дѣломъ показывалъ, и во всемъ образъ былъ намъ,—и *словомъ былъ сладкоглаголивъ, твердъ и разсудителенъ и такую имѣлъ силу въ словѣ, что хотя бы былъ каменный сердцемъ, и то могъ всякаго уговорить и въ слезы привести, и всякаго могъ увѣщать и наставить на истинный путь*... Росту былъ высокосредняго, волосы длинные свѣтлорусые, борода длинная и широкая русая, лицомъ чистъ и бѣлъ и всегда веселъ, взглядъ самый пріятный, но весьма блѣденъ и худощавъ отъ великихъ подвиговъ и отъ слабаго здоровья, часто съ нами занимался въ духовныхъ разговорахъ и часто проводили до самой утрени безъ сна. За счастіе почитали, когда онъ съ нами займется такою бесѣдою: мы забывали свое естество и сонъ. И столько прилѣпилось сердце мое къ нему и возлюбила душа моя его, что за велик ю потерю считалъ, аще который часъ его не могъ видѣть и слышать отъ него полезное слово; когда увидимъ его лице—забываемъ сами себя. И положилъ я намѣреніе никогда отъ него не разлучаться даже до смерти. А когда онъ случался боленъ [1]), то мы тѣ дни плакали и просили Бога да подастъ ему здравіе“ [2]). Нарисованный портретъ о. Іоанникія, хотя принадлежитъ перу его страстнаго поклонника и писанъ въ періодъ начальной поры его аскетической жизни, тѣмъ не менѣе нельзя ему отказать въ правдивости и въ замѣчательномъ сходствѣ съ оригиналомъ. Сохранившіяся живыя воспоминанія объ этомъ старцѣ въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ до настоящаго времени служатъ тому самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ. Это съ одной

---

[1]) О. Іеронимъ страдалъ грыжею, приступы которой производили мучительную боль, часто безпокоили его, мѣшали ему иногда исполнять свои обязанности и, наконецъ, отъ этой же болѣзни онъ и сошелъ въ могилу.

[2]) *Сказан. о странств.* ч. II стр. 170.

стороны. Съ другой, мы имѣемъ передъ собою болѣе художественный портретъ сего великаго старца, нарисованный болѣе опытною рукою и уже въ періодъ физической и моральной его зрѣлости, портретъ, который не только не противорѣчитъ первому, а напротивъ указываетъ намъ ту нравственную высоту, до которой поднялся, идя прямою дорогою отъ молодыхъ лѣтъ до старости, покойный о. Іеронимъ. Этотъ второй отзывъ сдѣланъ недавно покойнымъ К. Леонтьевымъ, бывшимъ солунскимъ консуломъ, болѣе года въ 1871 году прожившимъ на Аѳонѣ, какъ для цѣлей дипломатическаго характера, такъ и для удовлетворенія своей всегда ему присущей наклонности къ созерцательной жизни. К. Леонтьевъ [1]) стоялъ въ очень близкихъ отношеніяхъ къ обоимъ старцамъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря: къ о. Іоанникію и о. Макарію, и на его правдивый отзывъ мы можемъ вполнѣ положиться. „О. Іеронимъ, пишетъ К. Леонтьевъ, сталъ духовникомъ и старцемъ еще немногочисленной тогда русской братіи въ монастырѣ св. Пантелеимона. Это былъ не только инокъ высокой жизни, это былъ человѣкъ болѣе чѣмъ замѣчательный. Не мнѣ признавать его святымъ—это право церкви, а не частнаго лица, но я назову его прямо *великимъ:* человѣкомъ съ великой душою и *необычайнымъ* умомъ. Родомъ изъ неособенно важныхъ старооскольскихъ купцовъ (Воронежской губ.?) [2]), не получивши почти никакого образованія, онъ чтеніемъ развилъ свой сильный природный умъ и до способности понимать прекрасно самыя отвлеченныя богословскія сочиненія, и до умѣнья проникаться въ удаленіи своемъ всѣми самыми живыми современными интересами. Твердый, непоколебимый, безстрашный, предпріимчивый; смѣлый и осторожный въ одно и тоже время; глубокій идеалистъ и дѣло-

---

[1]) К. Н. Леонтьевъ, бывшій консулъ, умный публицистъ, статьи котораго по восточному вопросу читаются съ большимъ интересомъ и въ настоящее время, и хорошій романистъ жилъ послѣдніе годы въ Оптиной пустынѣ въ качествѣ простого рясофора, гдѣ и скончался 12 ноября 1891 года.

[2]) О. Іоанникій родился въ 1803 г. въ Старомъ-Осколѣ Курской губерніи отъ набожныхъ родителей Павла Григорьевича и Маріы Аѳанасьевны Соломенцовыхъ,

вой донельзя; физически столь же сильный (?), какъ душевно; собою и въ преклонныхъ годахъ еще поразительно красивый,— отецъ Іеронимъ безъ труда подчинялъ себѣ людей, и даже я замѣчалъ, что на тѣхъ, которые сами были выше умственно и нравственно, онъ вліялъ еще сильнѣе, чѣмъ на людей обыкновенныхъ. Оно и понятно. Эти послѣдніе, быть можетъ, только боялись его; люди умные, самобытные, умѣющіе разбирать характеры, отдавались ему съ изумленіемъ и любовью. Я, говоритъ К. Леонтьевъ, на самомъ себѣ, въ 40 лѣтъ испыталъ эту непонятную даже его притягательную силу. Видѣлъ это дѣйствіе и на другихъ“ [1])... „Отецъ Іеронимъ былъ человѣкъ желѣзной воли по преимуществу. Его внутреннее „самованіе“ [2]), вѣроятно имѣло цѣлью прежде всего смягчить свое сердце, сломать, смирить свою *по природѣ* гордую волю. Возможно также, что именно съ намѣреніемъ отстранить отъ себя всѣ искушенія власти надъ кѣмъ бы то ни было, онъ такъ упорно и долго отказывался отъ іеромонашества и въ Россіи и на Аѳонской горѣ, и только самое строгое повелѣніе его святогорскаго наставника, старца Арсенія, вынудило его принять хиротонію... Отецъ Іеронимъ былъ до того всегда *покоенъ и невозмутимъ*, что я, замѣчаетъ К. Леонтьевъ, имѣвшій съ нимъ частыя сношенія въ теченіе года слишкомъ, ни

---

[1]) Гражданинъ. 1889 г. № 196.

[2]) «Когда изучишь монаховъ съ доброжелательствомъ и въ то же время съ безпристрастіемъ, пишетъ К. Леонтьевъ, то монашество начинаетъ казаться какимъ то «самованіемъ» по опредѣленному образцу, при помощи Божіей и при руководствѣ наставниковъ... Чувствуешь, что по *изволенію* своему, по усердію, по искренности вѣры и любви къ идеалу, человѣкъ сдѣлалъ много, одержалъ надъ собою много побѣдъ въ томъ или другомъ отношеніи; видишь, догадываешься, что «самованіе» это у него было усердное, нерѣдко даже жестокое, безпощадное къ самому себѣ... Но что же дѣлать, если у одного натура золотая, у другого—мѣдная, а иного деревянная и глиняная, и чаще всего смѣшанная какая нибудь: золото—въ одномъ, желѣзо—въ другомъ, глина—въ третьемъ. Заслуга невидимая передъ Богомъ, быть можетъ и равная, но, видимый передъ людьми, результатъ не тотъ. Опытные старцы руководители, слѣдя за внутренней борьбой, зная, *что* кому тяжело, отлично понимаютъ всѣ эти оттѣнки... И мы со стороны, если хотимъ быть добросовѣстными судьями и не смущаться, должны выучиться *понимать, что нельзя* и требовать отъ всѣхъ натуръ равной и одинаковой *чистоты окончательнаго* монашескаго образа». (Граждан. 1889 г. № 192).

разу не видалъ—*ни чтобы онъ гнѣвался, ни чтобы онъ смѣялся*, какъ смѣются другіе. Едва—едва улыбнется изрѣдка, никогда не возвыситъ голоса, никогда не покажетъ ни радости особой ни печали. Иногда только онъ немного посвѣтлѣе, иногда немного мрачнѣе и суровѣе. А между тѣмъ онъ всѣ чувства въ другихъ понималъ, самыя буйныя, самыя непозволительныя и самыя малодушныя. Понималъ ихъ тонко, глубоко и снисходительно. Всѣ боялись его и всѣ стремились къ нему сердцемъ" [1]).

Вотъ въ руки такого-то опытнаго духовника-старца, человѣка съ сильнымъ характеромъ и рѣдкою жизненною выдержкою, таланта-самородка, стоявшаго цѣлою головою выше всѣхъ его окружающихъ, ввѣрило Провидѣніе судьбы русскаго Пантелеимоновскаго монастыря, доведеннаго до крайняго убожества и едва не вычеркнутаго изъ списка святогорскихъ обителей. Вѣра въ лучшее будущее русскаго монастыря, обаяніе личности духовника и глубокаго старца игумена Герасима, окруженныхъ ореоломъ высокихъ качествъ ума и сердца среди тогдашнихъ насельниковъ св. Горы, а главное безотрадное положеніе русскихъ людей среди иноковъ другихъ національностей—все это, вмѣстѣ взятое, было достаточнымъ побужденіемъ для этихъ послѣднихъ, оставивъ свои бѣдныя калибки и естественныя пещеры, искать себѣ пріюта въ бѣдной, но гостепріимно открывшей свои двери русской Пантелеимоновской обители. Въ непродолжительное время около о. Іеронима образовалась довольно значительная кучка русскихъ людей, отдавшихъ себя въ безусловное подчиненіе беззавѣтно любимому ими опытному духовнику и игумену монастыря, искренно желавшихъ всѣ силы свои посвятить на благо обители. Нелегкая задача предстояла о. Іерониму, если не слить два разноплеменные и разнохарактерные элемента въ одно цѣлое, то благоразумными внушеніями примирить ихъ, такъ какъ предыдущій опытъ при о. Аникитѣ показалъ, что безъ взаимныхъ уступокъ жизнь совмѣстная грековъ и русскихъ подъ одною кровлею была не-

---

[1]) Гражданинъ. 1889 № 246.

мыслима. Отдавая предпочтеніе грекамъ въ обители, какъ нѣкотораго рода хозяевамъ, онъ постоянно внушалъ русской братіи, чтобы они не входили въ споры и разногласія съ греками, а стремились бы къ той цѣли, ради которой пришли въ монастырь, т. е. къ спасенію своей души, для чего необходимы миръ и братская любовь.

Строгій киновіальный образъ жизни монаховъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря [1]), суровая обстановка и крайне скудная непривычная для русскаго человѣка пища, съ чѣмъ греки-монахи легко уживались, — все это для русскихъ иноковъ казалось тяжелымъ и трудно выносимымъ подвигомъ. Въ этомъ отношеніи не веселую картину жизни русскихъ иноковъ Пантелеимоновскаго монастыря рисуетъ даже и такой восторженный пѣвецъ аѳонскихъ красотъ и аѳонской иноческой жизни, какъ о. Серафимъ свято-

---

[1]) Инокъ Парѳеній слѣдующими чертами описываетъ жизнь иноковъ русскаго монастыря: «каждый день исповѣдуютъ свои помыслы отцамъ своимъ духовнымъ. Каждую недѣлю причащаются св. тайнъ тѣла и крови Христовой. Пищи же употребляютъ весьма мало. Хлѣба и пищи подаютъ всѣмъ поровну; всегда бываетъ въ простые дни одна пища вареная и каждому—своя чаша; другая что-либо изъ овощей: или соленыя маслины, или ино что. Своей части мало кто съѣдаетъ. Иногда поставляютъ и вино, но мало его кто пьетъ, и то пополамъ съ водой. Въ праздники же два варенія бываетъ. Въ понедѣльникъ, среду и пятокъ всегда бываетъ одна трапеза и то сухояденіе; во вторникъ и четвертокъ—съ деревяннымъ масломъ, въ субботу же и недѣлю иногда подаютъ и сыръ (козій) соленый. Млека же и коровьяго масла никогда не бываетъ. Съ масломъ готовятъ только два дни на сырной недѣли, два дни на Пасхѣ, рыбы же вкушаютъ въ великіе праздники, егда бываетъ всенощное бдѣніе. Квасу же не знаютъ—какой онъ. Егда же не бываетъ вина, то пьютъ воду; въ келіяхъ же своихъ ничего не имѣютъ, ниже воды, ниже чѣмъ украшаютъ, ниже когда свѣтильника вжигаютъ, ниже лампады, ниже кто можетъ запереть келію, егда изыдетъ на послушаніе, ниже когда нагрѣваютъ, да и печей нѣту, только нѣкоторые русскіе себѣ подѣлали. Въ келіяхъ каждый имѣетъ только нужную одежду и постелю, одну икону, одну книгу для чтенія и то не каждый; да и время не имѣется—когда и читать; чтеніе бываетъ болѣе въ церкви и на трапезѣ и на общемъ послушаніи, въ келіѣ же болѣе занимаются молитвою и поклонами. Церковное же правило такое: къ вечерни со всѣхъ послушаній сходятся въ монастырь. Которые далеко, тѣ тамъ и читаютъ. И строго отъ игумена наказано, чтобы церковнаго правила отнюдь не оставлять, потому что монаху настоящее послушаніе есть молитва, а прочее послушаніе есть подѣліе, только ради скуки и унынія. И потому къ вечерни всѣ поспѣваютъ *въ монастырь*». *Сказан. о странствов.* ч. II, стр. 196—197.

горецъ. „Надобно, впрочемъ, сознаться, пишетъ онъ, что бдѣніе не столько утомляетъ мою болѣзненную плоть, сколько здѣшняя трапеза: бобъ, и фасоль, чечевица и рѣвитъ—всѣ эти и подобныя имъ произведенія святогорскихъ нивъ сами по себѣ очень вкусны и питательны,—но тяжелы, такъ тяжелы для слабаго желудка, что я нерѣдко чрезвычайно страдаю отъ нихъ, и мои жизненныя силы истощаются... Исправить трапезу, судя по стѣснительному положенію Руссика въ настоящее время, почти нѣтъ возможности... Я вижу многихъ изъ братій въ одинаковомъ со мною изнеможеніи отъ вліянія трапезы... Въ то время, какъ Руссикъ имѣлъ рыбныя ловли на Дунаѣ [1]), нѣкоторые изъ нашего братства *чрезвычайно скорбьли и жаловались на бобъ и фасоль, исключительно составлявшіе нашу трапезу* и просили духовника озаботиться улучшеніемъ стола,—тѣмъ болѣе, что тогда Дунай могъ лакомить насъ прекрасною рыбою. Частыя жалобы изнемогающей братіи слишкомъ озабочивали духовника, такъ что онъ рѣшился, наконецъ, передать ихъ геронтѣ (т. е. игумену). Мы это знали, надѣялись на добросердечіе геронты, и *одна мысль о близкой измѣнѣ трапезы изъ неудобоваримой въ легкую питательную, въ русскомъ вкусѣ, утѣшала насъ, была часто предметомъ братскихъ бесѣдъ*“ [2])... Заботливый о. Іеронимъ, конечно, сознавалъ справедливость этихъ жалобъ, болѣлъ душею, но удовлетворить желанію братіи не было у него силъ. Какъ во многихъ другихъ случаяхъ, такъ и въ настоящемъ опытный духовникъ успокоилъ взволнованные умы, благодаря своей находчивости, разсказомъ о чудномъ видѣніи, бывшемъ одному изъ братій, болѣе другихъ недовольному трапезою. Разсказъ, изложенный о. Серафимомъ въ его письмахъ къ друзьямъ, произвелъ глубокое впечатлѣніе на всю братію, которая, по

---

[1]) «Рыбныя ловли на Дунаѣ, по словамъ о. Серафима, были брошены, какъ слишкомъ опасныя для пребывающихъ тамъ иноковъ, по многимъ отношеніямъ ихъ къ міру». Письм. Святогорца ч. III, стр. 56.

[2]) Письма Святогорц. ч. III, стр. 52—53. Нѣсколько писемъ іером. Сергія, извѣстнаго подъ именемъ Святогорца и др. къ игумену Антонію Бочкову. (Изданіе Общ. Ист. и древн. росс. при М. Универ.). М. 1874, стр. 17.

словамъ святогорца, „оставила плотоугодныя жалобы на трапезу, довольствуясь тѣмъ, что поставятъ“ [1]).

Забота о духовномъ воспитаніи ввѣренной его попеченію братіи была для о. Іеронима дѣломъ первой необходимости, но не забывалъ онъ ни на минуту и о той гнетущей нищетѣ, какую онъ засталъ въ монастырѣ и о тѣхъ первыхъ его потребностяхъ, которыя такъ настойчиво и краснорѣчиво заявляла суровая дѣйствительность. Братія монастыря просила, какъ мы видѣли, кусокъ насущнаго хлѣба, который бы можно было ѣсть, искала *теплаго угла* и въ то же время ощущала настоятельную потребность въ устройствѣ особаго и вмѣстительнаго храма, гдѣ бы имѣла возможность удовлетворять своей первой потребности—молиться на славянскомъ языкѣ. Увеличивающееся постоянно количество братіи изъ русскихъ дѣлало непригоднымъ для этой цѣли небольшой храмъ св. Митрофанія. Удовлетворить всѣмъ этимъ насущнымъ потребностямъ своей братіи монастырь не могъ, такъ какъ, кромѣ долговыхъ обязательствъ, по которымъ требовалось уплачивать ежегодно большіе проценты, въ кассѣ монастырской ничего не было. Чтобы выйдти изъ этой гнетущей нужды о. Іерониму оставался одинъ исходъ—обратиться съ воззваніемъ къ благочестивымъ соотечественникамъ и почитателямъ св. Горы, чтобы они посильною лептою помогли русскому монастырю, и послать въ предѣлы Россіи сборщиковъ милостыни [2]). Обращеніе къ доброму русскому сердцу, любившему издавно не щадить своихъ средствъ на благоукрашеніе свято чтимыхъ

---

[1]) Ibid. стр. 54—55.

[2]) 1 Октября 1849 года были отправлены въ Россію сборщиками милостыни оо. Іоиль, Нифонтъ и Сильвестръ, въ схимничествѣ Селевкій, который весьма обстоятельно и простодушно описалъ потомъ въ своемъ «Разсказѣ о своей жизни и о странствованіи по святымъ мѣстамъ» все свое настоящее путешествіе и тѣ чудеса, которыя онъ творилъ, при помощи святогорскихъ камешковъ. Стр. 194, 201, 216 и др. Плодомъ путешествія о. Селевкія по Россіи были 4000 рублей, привезенные имъ въ обитель (стр. 218), и 50 золотыхъ, врученные потомъ духовнику (стр. 221), послѣ одного видѣнія. Кромѣ сего, о. Селевкій привезъ не мало вещей, пожертвованныхъ для храма (стр. 213) и для монаховъ (стр. 217), и нерѣдко пересылалъ деньги въ письмахъ, въ бытность свою по сбору въ Россію (стр. 206). Безспорно, не *съ пустыми руками* вернулись въ обитель и прочіе сборщики.

обителей, нашло себѣ полное сочувствіе, и изъ Россіи потекли въ русскій аѳонскій монастырь пожертвованія деньгами и вещами. О. Іерониму удалось расположить къ русской обители двухъ именитыхъ вятскихъ купцовъ Г. Чернова и И. И. Стахѣева, на средства которыхъ была и начата постройка большого русскаго Покровскаго собора, оконченнаго и освященнаго 10 Января въ 1853 г. Иконостасъ для этого храма былъ пожертвованъ игуменомъ Антоніемъ Бочковымъ [1]).

Ближайшимъ помощникомъ и сотрудникомъ изъ русскихъ о. Іерониму въ данныхъ обстоятельствахъ былъ нѣкто о. *Симеонъ Веслинъ* [2]), священникъ вятской губерніи, болѣе у насъ извѣстный подъ именемъ о. Серафима святогорца. Своими поэтическими письмами о св. Горѣ, изданными обителью въ 50 году, онъ ознакомилъ русскихъ людей съ св. Горою, расположилъ ихъ къ пожертвованіямъ [3]) и затѣмъ лично собралъ немалую милостыню отъ своихъ друзей и благодѣтелей въ пользу обители. Русская Пантелеимоновская обитель съ благодарностію вспоминаетъ имя о. Серафима, какъ одного изъ своихъ приснопамятныхъ ктиторовъ, потрудившагося немало и талантливымъ перомъ и увлекательнымъ словомъ на пользу обители.

Старецъ игуменъ Герасимъ и его образованнѣйшій и гуманнѣйшій намѣстникъ іеродіаконъ Иларіонъ [4]) старались вся-

---

[1]) Нѣсколько писемъ святогорца и другихъ къ игумену Антонію стр. 8—12.

[2]) Краткая, но мѣткая характеристика о. Серафима сдѣлана о. игуменомъ Антоніемъ Бочковымъ въ предисловіи къ упомянутой въ предыдущемъ примѣчаніи брошюрѣ.

[3]) Объ этомъ вліяніи писемъ святогорца о св. Аѳонской горѣ на русскихъ людей свидѣтельствуютъ схимонахъ Селевкій въ своемъ разсказѣ «о своей жизни и о странствованіи по святымъ мѣстамъ» стр. 171 и даже покойный митрополитъ московскій Филаретъ (Арх. Савва. Собран. мнѣній и отзывовъ Филарета митр. москов., т. V, ч. I, стр. 85).

[4]) О. Иларіонъ—уроженецъ «Скотыни». Какъ бѣдный сирота, онъ былъ принятъ на воспитаніе сначала родными, а потомъ валашскимъ княземъ Александромъ Ралисомъ, который и усыновилъ его. Въ 1821 году князю Александру, по повелѣнію султана Махмута, отрубили голову, и о. Иларіонъ снова остался сиротою. Въ это время приняла въ немъ участіе княжна Мурузы Смарагдица, которая и отдала его на воспитаніе къ епископу *Мелетію*,

чески оказывать содѣйствіе о. Іерониму въ его трудахъ, такъ какъ ясно видѣли, что они дѣйствительно направлены ко благу ихъ обѣднѣвшей обители.

Всѣ пожертвованія, приходившія изъ Россіи, о. Іеронимъ старался дѣлить поровну, при чемъ, чтобы расположить грековъ къ русскимъ, старался даже отдавать имъ лучшія вещи, а для русской братіи оставлялъ худшія, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда пожертвованія направлялись прямо въ русскій соборъ или на русскую братію. Видя эту самоотверженную дѣятельность, старцы—игуменъ Герасимъ и о. Иларіонъ всѣми силами старались поддержать согласіе и единодушіе между греками и русскими и устранять всякаго рода недоразумѣнія, возникавшія съ той или другой стороны, такъ какъ этимъ только и обусловливалось дальнѣйшее процвѣтаніе монастыря.

Въ эти то тяжелые годы для русской Пантелеимоновской обители, начинавшей мало по малу обновляться и становиться на тотъ путь, идя по которому она достигла своего высокаго значенія на Аѳонѣ въ настоящее время, прибылъ на св. Гору молодой Сушкинъ. Раскрывая передъ молодымъ поклонникомъ гостепріимныя двери обители, о. Іеронимъ и прочіе старцы смотрѣли на него, и это едва ли можно отрицать, какъ на такого поклонника, расположить котораго въ пользу обители было для нихъ дѣломъ желательнымъ и естественнымъ. Имъ уже было извѣстно объ его происхожденіи изъ богатѣйшаго дома тульскихъ именитыхъ купцовъ Сушкиныхъ, какъ отъ о. Серафима, такъ и отъ прежде него прибывшихъ на Аѳонъ его сверстниковъ и спутниковъ старооскольцевъ. Но вскорѣ же обстоятельства показали, что они имѣютъ дѣло не съ случайнымъ мимолетнымъ паломникомъ, а съ горячимъ энтузіа-

---

завѣдывавшему въ то время константинопольскою школою. Когда преосвященный Мелетій былъ сдѣланъ митрополитомъ Солунскимъ, то онъ рукоположилъ о. Иларіона во діакона. Отъ рукоположенія во іерея и даже епископа ученый о. Иларіонъ рѣшительно отказался и до конца своей жизни прожилъ въ скромномъ санѣ іеродіакона, пользуясь почетомъ и любовью не только греческой братіи, но и русской. О. Иларіонъ, по убѣжденію, былъ горячій руссофилъ и всегда поддерживалъ русскихъ. Схиму о. Иларіонъ *принялъ въ 1832 году*, а скончался въ 1886 году.

стомъ, готовымъ навсегда дѣлить съ ними суровую аскетическую жизнь.

Строгій дисциплинарный порядокъ, заведенный въ монастырѣ, благолѣпное денно-нощное богослуженіе и простой образъ жизни отцовъ произвели на душу Михаила Ивановича глубокое впечатлѣніе. Необыкновенно симпатичный образъ умнаго аскета духовника Іеронима показался тѣмъ давно знакомымъ ему образомъ, который онъ такъ долго и тщетно искалъ. Душею чистою онъ уже полюбилъ о. духовника, успѣлъ мысленно отдаться ему и не могъ утаить отъ него своей завѣтной мысли, что „онъ не просто только поклонникъ и богомолецъ у св. мѣстъ, но человѣкъ, жаждущій идти по стопамъ его аскетизма“ [1]). Это признаніе молодаго человѣка любви и сердечныхъ увлеченій, который тоже въ свою очередь произвелъ хорошее впечатлѣніе на о. Іеронима, весьма понравилось послѣднему, и въ его проницательномъ умѣ быстро пронеслась уже радостная мысль—изъ этого молодаго энтузіаста сдѣлать себѣ преданнѣйшаго помощника и съ его именемъ связать судьбу ввѣренной ему обители. Но сдержанный о. духовникъ, непривыкшій къ проявленію восторговъ во внѣ, на это горячее признаніе увлекающагося молодаго поклонника спокойно и даже нѣсколько сурово отвѣтилъ: „пусть поживетъ, погоститъ, поучится, пусть проситъ у отца разрѣшенія постричься... Тогда увидимъ“. Съ горестію выслушалъ такой себѣ приговоръ пылкій Михаилъ Ивановичъ, и мысль уже о возвратѣ въ домъ родителей, которой онъ боялся, начала посѣщать его голову нерѣдко. Но о. Іеронимъ не только не пугалъ молодаго Сушкина мыслію о возвратѣ на родину, а какъ увидимъ ниже, поселялъ въ немъ увѣренность въ возможности осуществленія его желанія, только необходимо было выждать время. „Сушкины—люди очень богатые и сильные, мы, признавался о. Іеронимъ К. Леонтьеву, *опасались постричь его: отецъ могъ обвинять насъ въ томъ, что мы кой-какъ поспѣшили постричь сына въ надеждѣ на бо-*

---

[1]) Гражданинъ. 1889, № 196.

гатый вкладъ. Мы не желали имѣть въ Россіи такую худую славу и повредить этимъ обители. Человѣка попроще можно было бы и безъ такихъ колебаній постричь“ [1]).

Но мысль встать въ ряды „ангелоподобныхъ людей“, высказанная о. духовнику и не встрѣтившая, повидимому, съ его стороны сочувствія, не покидала Михаила Ивановича ни на минуту. Ему хотѣлось, по совѣту духовника, заручиться согласіемъ родителей на свое постриженіе въ монашество, чтобы потомъ можно было осуществить свое желаніе безпрепятственно. Однакоже, на благословеніе своего строгаго отца онъ лично не разсчитывалъ и поэтому рѣшился дѣйствовать черезъ свою мать Ѳеодосью Петровну, отъ которой онъ „ничего не скрывалъ“ и которая въ тайнѣ „желала того же“. Въ письмѣ къ ней съ Аѳона отъ 9 Ноября 1851 г., т. е. черезъ шесть дней послѣ прибытія, онъ проситъ мать, „уговорить батюшку“ не препятствовать ему вступить въ число братіи русской Пантелеимоновской обители. Вотъ это письмо, любопытное во многихъ отношеніяхъ и устраняющее всякіе кривотолки [2]) по поводу постриженія о. Макарія въ монашество:

„Любезнѣйшая и безцѣннѣйшая матушка Ѳеодосья Петровна! Изъ Смирны [3]) я писалъ къ вамъ, моя родная, а теперь я пріѣхалъ во св. Гору, *гдѣ и хочу просить вашего благословенія. Матушка, благословите!* При помощи Божіей и моей Покровительницы, за твоими молитвами, *быть можетъ, и помыщу себя здѣсь.* Припадаю къ стопамъ ногъ вашихъ и прошу: не оскорбляйся, не огорчайся, помни слова Спасителя: *вѣрующему вся возможна. Уговори батюшку:* лучше

---

[1]) Ibid. № 243.

[2]) Какъ въ статьяхъ, написанныхъ объ о. Макаріѣ по поводу его смерти, такъ, по преимуществу, на св. Горѣ среди тамошнихъ иноковъ въ устныхъ разсказахъ сложились цѣлыя легенды, переполненныя самыми нелѣпыми подробностями объ обстоятельствахъ постриженія о. Макарія въ иночество. Мы весьма рады, что имѣемъ возможность помѣстить цѣликомъ собственноручное письмо о. Макарія, устраняющее всякія неправильныя сужденія о лицахъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ этомъ событіи, весьма важномъ въ его жизни.

[3]) Письмо изъ Смирны, какъ равно и остальныя письма о. Макарія, *писанныя имъ во время* путешествія по востоку, до насъ не дошли.

намъ молиться другъ о другѣ, чѣмъ имѣть свиданіе. Скажу вамъ: Бога ради не скорби... Матушка, быть можетъ, если Господу Богу угодно,—и утвердитъ. *Вы тоже желали.* Помолитесь о мнѣ. Прочтите житіе Пимена, 27 Августа: „что онъ отвѣчалъ матери?“ Это лишь бы утвердилъ Господь. *Здѣсь рай, а особо, если этотъ духовникъ будетъ живъ.* Быть можетъ, Царица Небесная и пошлетъ свою милость. Матушка, если любишь Христа, возблагодари Его и утѣшайся этою мыслію: что я,—если пріѣду,—жениться? Сохрани, Господь! Развѣ Богу угодно будетъ допустить врагу посмѣяться, но у него милосердія болѣе. Если я теперь пріѣду, то мнѣ надобно жить еще сколько? А кто поручится, что я не буду имѣть искушеній? *Я уже и то не имѣю горячности, какъ прежде; все холодно.* Я уже такъ положился на волю Матушки Божіей: что Она возвѣститъ устами духовника *И мнѣ духовникъ никакъ не совѣтуетъ ѣхать, а его здѣсь считаютъ изъ русскихъ первымъ въ монашескомъ опытѣ.* Я увѣренъ что вы меня не будете отводить, а уговаривайте батюшку: вотъ здѣсь строится церковь, и я хочу просить васъ. *Если бы милостію Царицы Небесной я остался здѣсь,* то вмѣсто свиданія вы бы распорядились свою икону Тихвинскія (Божія Матери) сюда отдать, но съ тѣмъ, (такъ) какъ здѣсь придѣлы отдѣлываются, и, быть можетъ, духовника упрошу, даже я уже намекнулъ, во имя Тихвинскія, а у насъ у всѣхъ благословенная икона въ путь. *Теперь я не смѣю и просить батюшку,* а повремени, чтобы для здѣшней постройки дать что нибудь, ибо, хотя и я здѣсь не буду, все хорошо для души. А особо мнѣ хотѣлось отдѣлать на свой счетъ придѣлъ общей Заступницы. Вы простите, *я такъ только осмѣлился вамъ, моя радость, написать: ничего отъ васъ не скрываю, потому и пишу.* Особо, матушка, благослови же меня, не скорби, а молись и отслужи Боголюбской Богородицѣ молебенъ. Меня и тебя Господь утѣшитъ. Цѣлую тебя и кланяюсь до земли. Прости и благослови! *Батюшку поощрите, чтобы благословилъ.* И впередъ отслужите молебенъ, а потомъ и пишите благословеніе. Остаюсь любящій сынъ вашъ Михаилъ Сушкинъ“.

Послѣ *отправки приведеннаго* письма, обстоятельства такъ

измѣнились рѣзко въ жизни Михаила Ивановича, что желаніе его сердца исполнилось гораздо скорѣе, чѣмъ это онъ и его окружающіе могли предполагать. Какъ новичекъ на св. Горѣ, Михаилъ Ивановичъ, послѣ праздника 8 ноября, рѣшился объѣхать св. Гору съ цѣлью осмотрѣть ея монастыри и поклониться святынямъ, находящимся въ нихъ. Но не успѣлъ онъ осуществить свою мысль и на половину, какъ схватилъ, по неосторожности, жестокую мѣстную лихорадку, которая нерѣдко укладываетъ свои жертвы, непривычныя къ климату св. Горы, и на вѣчный покой. Съ трудомъ добрался Михаилъ Ивановичъ до греческаго Кутлумушскаго монастыря, близъ Кареи, и слегъ въ постель окончательно. По распоряженію старцевъ Пантелеимоновскаго монастыря, онъ былъ перенесенъ въ русскій монастырь уже на носилкахъ. Болѣзнь не поддавалась тѣмъ простымъ медицинскимъ средствамъ, которыми располагала обитель, чтобы облегчить страданія больнаго, и приняла такіе угрожающіе симптомы, что стали отчаяваться въ его выздоровленіи. Опасность собственнаго положенія не скрылась отъ внимательнаго Михаила Ивановича, прислушивавшагося что говорятъ около него. По тревожнымъ лицамъ окружающихъ и слезамъ своего Евграфа, не отходившаго отъ постели болящаго, онъ понялъ, что дни его жизни сочтены. Михаилъ Ивановичъ обратился снова къ о. Іерониму съ горячею просьбою, чтобы ему, находящемуся на краю могилы, не отказали бы хотя теперь въ томъ, на что имѣетъ право всякій мірянинъ, случайно умирающій на высотахъ аѳонскихъ; чтобы хотя въ этотъ часъ смертный сподобили бы его того ангельскаго образа, о которомъ онъ лелѣялъ мечту съ дѣтства. Отказать въ этомъ случаѣ никто изъ старцевъ не былъ въ силахъ. 27 ноября надъ Михаиломъ Ивановичемъ былъ совершенъ чинъ великой схимы [1]) въ со-

---

[1]) «Многіе, пишетъ К. Леонтьевъ, и понять не могутъ—зачѣмъ же это умирающаго постригать? Вѣдь онъ жить уже по монашески не будетъ. Обѣтовъ самоотверженія—уже исполнить на этой землѣ не въ силахъ. Это какой-то безсмысленный, старый обычай, какая-то формальность, самообольщеніе, которое понятно было въ суевѣрныя времена Іоанна IV и Бориса Годунова, но теперь!? И «теперь», и тогда, во времена московскихъ царей,

кращенномъ видѣ, дабы не утомить сложностію обрядовъ болящаго, и онъ нареченъ былъ *Макаріемъ*.

Во все время совершенія обряда Михаилъ Ивановичъ сидѣлъ на постели въ полудремотѣ, а когда окончился чинъ постриженія, то онъ погрузился въ глубокій мирный сонъ, весьма замѣтно укрѣпившій его. Пробудившись, и чувствуя себя лучше, о. Макарій сталъ припоминать все случившееся съ нимъ передъ сномъ. Вспомнивъ, что все прошлое уже не существуетъ, что міръ, въ которомъ такъ много выстрадалъ, такъ много пережилъ, гдѣ онъ оставилъ милыхъ сердцу своему, что все это отъ него уже теперь отдѣлено неприступною оградою въ видѣ великосхимнической мантіи, о. Макарій содрогнулся и слезы невольно полились по его блѣдному, изможденному болѣзнію, лицу. Два чувства, совершенно разнородныя, волновали молодого инока. Съ одной стороны, онъ плакалъ отъ радости и счастія, такъ какъ легко и неожиданнымъ для него образомъ исполнилась завѣтная мечта его

основы и общій духъ православія были неизмѣнны... И тогда и теперь умирающіе постригаются не для того, чтобы жить на землѣ по монашески, а для того, чтобы чистыми предстать предъ страшнымъ судилищемъ Господнимъ. Постриженіемъ уничтожаются и омываются всѣ прежніе грѣхи, а тѣхъ новыхъ, въ которые будетъ неизбѣжно впадать живой монахъ, оставшійся опять на землѣ, умирающій уже совершить не успѣетъ. Однажды я, продолжаетъ К. Леонтьевъ, у этого самаго отца Макарія спросилъ: «Что такое постриженіе—*таинство* это или только священный обрядъ?» «Оно относится къ таинству покаянія и есть его высшая степень, отвѣчалъ онъ».—Я никогда не встрѣчалъ такого опредѣленія въ катихизисахъ и, не будучи самъ богословомъ, могу въ этомъ случаѣ ручаться по совѣсти только за достовѣрность моего свидѣтельства, а не за догматическую правоту аѳонскаго аскета. Быть можетъ, вопросъ этотъ относится къ числу тѣхъ нерѣшенныхъ еще окончательно высшимъ церковнымъ авторитетомъ вопросовъ, которыхъ, по мнѣнію иныхъ русскихъ богослововъ, еще существуетъ довольно много въ системѣ восточно-православнаго ученія (такъ думаетъ, между прочимъ о. Иванцовъ-Платоновъ). И эта неоконченность системы восточно-православія не только не должна пугать насъ, но, напротивъ того, она должна насъ радовать, ибо такое положеніе дѣлъ ручается за то, что церковь православная можетъ не только еще продолжать свое *земное существованіе* посредствомъ одного строгаго охраненія, но и *жить*, т. е. развиваться далѣе на незыблемыхъ апостольскихъ корняхъ своихъ». Граждан. 1889, № 243. Вопросъ о значеніи чина постриженія былъ предметомъ довольно оживленнаго обсужденія на страницахъ «Церковн. Вѣстн.» за 1889 г.

дѣтства, а съ другой, отъ боязни передъ гнѣвомъ своего отца, которому онъ далъ слово вернуться на родину и который не желалъ его постриженія. Тревога души и слезы усилили пароксизмы, и больной снова впалъ въ безпамятство. Болѣзнь тяжелая продолжалась до января 1852 года.

Извѣстіе о постриженіи Михаила Ивановича въ монахи на родинѣ, въ Тулѣ, было, само собою понятно, неожиданнымъ и произвело разнообразное впечатлѣніе. Иванъ Діонисьевичъ, отецъ о. Макарія, остался недоволенъ поступкомъ сына и нѣкоторое непродолжительное, впрочемъ, время [1]) не только не писалъ ему писемъ, но даже совершенно не говорилъ о немъ ни дома, ни на сторонѣ. Ѳеодосья Петровна втайнѣ радовалась совершившемуся факту, о которомъ она давно мечтала, а поэтому сейчасъ-же вступила съ своимъ любимцемъ въ самую живую переписку [2]), хотя видомъ передъ своимъ мужемъ не выказывала своего удовольствія и была сдержана. Объ этомъ событіи никому изъ остальныхъ родныхъ, жившихъ въ Тулѣ, не разсказывалось, такъ какъ боялись, чтобы посторонніе разспросами о молодомъ монахѣ не причиняли огорченія Ивану Діонисьевичу. Фактъ этотъ сдѣлался предметомъ толковъ, спустя недѣлю или больше, послѣ полученія письма въ домѣ Сушкиныхъ.

---

[1]) Если не ошибаемся, первое письмо отъ отца о. Макарій получилъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1852 года. (См. письмо къ матери отъ 4 мая 1852 года).

[2]) Мать посылаетъ о. Макарію свое благословеніе, желаетъ ему укрѣпленія въ подвигѣ, забыть міръ и не скучать, со слезами на глазахъ заявляетъ, что она сама не скучаетъ о немъ (письмо отъ 24 апрѣля 1852 года), проситъ у сына благословенія (письмо 15 іюня 1852 г.), ищетъ у него прощенія за тѣ наказанія, какія она дѣлала ему въ дни дѣтства его (письмо отъ 3 апр. 1852 г.), становится за него самымъ неотступнымъ ходатаемъ передъ *отцомъ и безпрекословною* исполнительницею всѣхъ его желаній (см. ниже *и въ частности письмо* отъ 29 января 1853 года).

ГЛАВА V.

Схимонахъ о. Макарій и его воспитаніе въ обители подъ руководствомъ о. Іеронима.

Отправленіе на родину слуги Евграфа и письмо къ матери съ просьбою наградить его 500 р., выдать ему весь мірской костюмъ и выкупить Евграфа изъ крѣпостной зависимости. Первыя послушанія о. Макарія и его иноческая келейная жизнь. Переписка съ матерью и характеристика на основаніи этой переписки думъ и чувствъ молодого схимонаха. Руководство о. Іеронима въ первыхъ опытахъ аскетическихъ подвиговъ о. Макарія. Борьба съ мыслями о прошломъ и стараніе помириться съ суровою дѣйствительностію. Изнеможеніе въ этой борьбѣ и обращеніе къ матери за молитвою объ укрѣпленіи его въ иноческихъ подвигахъ. Любовь къ матери и семьѣ и стремленіе о. Макарія «увлечь своихъ родителей въ міръ на высотѣ». Совѣты матери часто причащаться Св. Таинъ, читать непрестанно молитвы, оставить семейныя хлопоты, раздавать бѣднымъ милостыню. Совѣтъ отцу устроить странноприимный домъ въ Тулѣ и настойчивость съ этимъ совѣтомъ. Побужденіе отца и другихъ членовъ своей семьи къ пожертвованіямъ на нужды Пантелеимоновской обители. Приглашеніе отца и братьевъ лично удостовѣриться въ насущныхъ потребностяхъ обители. Отношеніе о. Макарія къ внѣшнимъ событіямъ. Крымская война и волненія по этому поводу среди русской братіи въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ. Попытка о. Серафима выѣхать въ Россію и ея неудачи. Успокоеніе братіи старцами обители напоминаніемъ имъ объ обѣтахъ монашескихъ. Тяжелое положеніе монастыря во время крымской войны. Рукоположеніе о. Макарія въ іеродіакона и іеромонаха и назначеніе его вторымъ духовникомъ русской братіи Пантелеимоновской обители. Раздѣленіе труда между двумя духовниками и отношенія ихъ другъ къ другу. Искусы и воспитательныя мѣры о. Іеронима по отношенію къ о. Макарію для выработки характера и для подготовленія его къ будущему положенію игумена русской аѳонской обители. Примѣры подобныхъ искусовъ со словъ К. Леонтьева и на основаніи разсказовъ очевидцевъ. Рѣдкая привязанность о. Макарія къ своему старцу о. Іерониму и тяжелая скорбь послѣ его потери.

Въ концѣ января здоровье о. Макарія замѣтно стало улучшаться, хотя лихорадочные пароксизмы еще продолжа-

лись, и онъ „сидѣлъ въ кельѣ безвыходно“. Отправивъ своего спутника Евграфа на родину, крайне тяготившагося монастырскою жизнію, о. Макарій послалъ на имя матери письмо, въ которомъ дѣлаетъ его собственникомъ своего богатаго и щегольского гардероба [1]) и проситъ мать „походатайствовать передъ батюшкой, по данному имъ слову прежде и на смертномъ одрѣ, наградить его пятьюстами рублями серебромъ“. „Вы знаете, пишетъ о. Макарій въ оправданіе своей просьбы, я всегда былъ расположенъ, да я вамъ говорилъ часто, что онъ заслуживалъ, и въ дорогѣ онъ былъ для меня хорошимъ спутникомъ и во время болѣзни былъ очень необходимъ, особо по новости въ обители“. Ту же просьбу онъ повторяетъ въ письмѣ отъ 3 апрѣля 1852 г. и почти тѣми же словами. Мать согласилась [2]) „успокоить его на счетъ награды и откупа Евграфа“, который потомъ дѣйствительно былъ удовлетворенъ во всѣхъ отношеніяхъ [3]) и даже выкупленъ отъ крѣпостной зависимости [4]).

Къ маю о. Макарій значительно уже оправился и съ усердіемъ принялся за исполненіе правилъ монашеской жизни. Посѣщая храмъ, онъ въ то же время „ходилъ на всѣ общія послушанія,—болѣе же виноградъ сажать“. Сверхъ этого, ему „дали на руки библіотеку“ [5]), въ которой онъ любилъ проводить время за чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ. Къ этимъ послушаніямъ нѣсколько позже присоединили новое, особенно нравившееся о. Макарію,—это быть канонархомъ за всякимъ богослуженіемъ [6]).

---

[1]) «Платье мое: шуба лисья—она уже истаскана,—перина и кой какая мелочь, что оставлено въ Одессѣ, я, пишетъ о. Макарій, отдадъ ему, равно и шинель. А васъ прошу отдать сукно на память. Прошу васъ, благословите и не соблазнитесь на это, Господь мнѣ возвѣстилъ на сердце, да по моему,—что я чувствую, еслибы въ состояніи былъ, сдѣлалъ бы болѣе». Письмо отъ февр. 1852 г.

[2]) Письмо отъ 24 апрѣля 1852 г.

[3]) Письмо отъ 29 октября 1852 г.

[4]) Письмо отъ 29 января 1853 г. «Я получилъ отъ Евгр. Ив. письмо, пишетъ о. Макарій, онъ благодаритъ васъ и я съ своей стороны благодарю Господа Бога за внушеніе вамъ въ мысль. Какъ вы освободили его, такъ да освободитъ Господь васъ въ воздушномъ путешествіи».

[5]) Письмо отъ 4 мая 1852 г.

[6]) *Письмо отъ 20 окт. 1852 г.*

Молодой монахъ, преданный всею душею исполненію своего долга, съ глубокаго утра до поздней ночи былъ занятъ, „не видѣлъ какъ идутъ дни“ и лишь мечталъ о томъ, чтобы „Господь своею милостію не оставилъ, промчалъ дни—и поскорѣе за гробъ“ [1]). Новость положенія нравилась молодому восторженному иноку, хотя шаги его на этомъ новомъ пути были робки и не лишены скорбей, посреди которыхъ онъ находилъ утѣшеніе въ опытномъ и горячо его полюбившемъ духовникѣ о. Іеронимѣ. „Благодарю Бога, я не скучаю, пишетъ о. Макарій своей доброй и плачущей слезами радости и умиленія матери,—и часто утѣшаюсь своею жизнію. Что Богъ дастъ далѣе, а теперь я спокоенъ. Бываютъ скорби, искушенія, бури помысловъ, *но духовникъ утѣшаетъ и разрѣшаетъ недоумѣніе. Для тѣла здѣсь выгоды мало, но для души—раздолье*“ [2]).

Порвать связь съ міромъ, съ которымъ человѣкъ разстался вчера и гдѣ такъ много оставлено милаго пріятнаго,—дѣло нелегкое даже для натуръ менѣе нѣжныхъ, чѣмъ какою былъ о. Макарій, а поэтому нравственная внутренняя борьба была вполнѣ естественна на первыхъ порахъ его иноческой жизни. „Вы убѣждаете меня забыть міръ и не скучать о его суетномъ состояніи, любезнѣйшая матушка, отвѣчаетъ на совѣтъ матери о. Макарій,—на сіе вамъ скажу: *забыть его стараюсь*. Если быть одной ногой здѣсь, а другой тамъ,—что будетъ? *Но безъ воспоминанія—нельзя: еще такъ свѣжо въ памяти все!* А затѣмъ, врагъ рода человѣческаго стремится затмить благую жизнь, услаждая мысль о прошломъ; но скучать о мірѣ, какъ я теперь себя чувствую,—нисколько не думаю. О! если бы, при помощи Божіей и вашихъ молитвъ, Господь далъ и впередъ не думать о немъ! О! неизреченна, была бы Его милость! Это самое благодѣтельное для насъ“ [3]).

Но стараніе—стараніемъ, а сила привычки, рѣзкая суровая дѣйствительность, окружающая молодого инока, къ тому же повторявшіеся весьма часто лихорадочные пароксизмы,

---

[1]) Письмо отъ 4 мая 1852 года; письмо отъ 15 іюня 1852 года.
[2]) Письмо отъ 24 апрѣля 1852 г.
[3]) Письмо отъ августа 1852 г.

доводившіе и безъ того его слабый организмъ до полнаго истощенія, скудный непривычный столъ [1]), аскетическія келейныя упражненія, за исполненіе которыхъ онъ принялся съ жаромъ своей страстной увлекающейся натуры,—все это чаще и чаще переносило его мысль къ прошлому, хотя и оставленному имъ, но все же еще близкому его сердцу и доступному его чувствамъ. Въ борьбѣ съ самимъ собою, съ своею натурою, съ своими старыми привычками онъ изнемогалъ и въ этомъ изнеможеніи искалъ утѣшенія, то въ муд-

---

[1]) Къ осени приступы лихорадки стали повторяться чаще, поэтому старцы отправили о. Макарія для поправленія на келью о. Серафима—святогорца. «Здоровье мое, пишетъ о. Макарій отъ 20 октября, помаленьку идетъ впередъ. Я уже началъ опять послушаніе, только еще церковное, т. е. канонархать, а живу въ полчаса ходу отъ монастыря на кельѣ съ Святогорцомъ для воздуха. Ибо здѣсь въ пустынѣ да и правила монастырскія уменьшены, особо по службѣ, кромѣ канона келейнаго, т. е. 13 четокъ и 100 поклоновъ земныхъ и пищу можно употреблять полегче. Я уволенъ на 10 дней, а послѣ уже опять въ обитель. Но здѣсь безъ дѣла скучно». Выборъ даннаго мѣста для новоначальнаго энтузіаста монаха былъ сдѣланъ удачно во всѣхъ отношеніяхъ и, конечно, не безъ мудраго совѣта о. Іеронима. Здѣсь во второй разъ послѣ Одессы о. Макарій встрѣтился лицомъ къ лицу съ восторженнымъ поклонникомъ св. Горы и любителемъ тихой пустынной жизни. «Въ свободное время, посвящая приличнымъ занятіямъ аскетической жизни», о. Серафимъ далъ въ увлекательномъ словѣ и на дѣлѣ своему случайному, не менѣе восторженному, сожителю и ученику не мало уроковъ высшаго аскесиса. Всю жизнь о. Макарій хранилъ благоговѣйную память объ о. Серафимѣ и за его назидательные уроки былъ ему весьма благодаренъ. Что же касается благорастворенности воздуха, необходимаго для поправленія здоровья больного, то лучшаго мѣста, какъ Козмодемьянская келья о. Серафима, трудно было и указать. «Мѣстность восхитительная, заоблачная, описываетъ положеніе своей келіи о. Серафимъ, что по временамъ разстилаются ниже живописнаго моего холма, отдѣляя меня съ моею кельею отъ низменныхъ юдолей святогорскаго прибрежья... Признаюсь—это настоящій эдемъ, потому что кругомъ фруктовый садъ самый роскошный: кромѣ пустынныхъ криновъ, плѣнительныхъ розъ, незабудокъ и прочихъ сельныхъ цвѣтовъ, также душистыхъ кипарисовъ, кромѣ виноградныхъ лозъ, вьющихся по моимъ террасамъ, здѣсь есть черешня, сливы двоякаго рода, персики, дули, груши, яблоки, разнаго рода орѣшникъ, смоквы или винныя ягоды, миндаль, разныя произведенія огородныхъ нивъ. А виды-то! а даль-то, въ своемъ живописномъ разнообразіи и съ безграничною равниною Эгейскихъ водъ! Особенно вечеръ здѣсь упоителенъ, тѣмъ болѣе вечеръ лунный,—это высокое наслажденіе души, при таинственномъ созерцаніи *дивнаго Творца* въ безконечномъ разнообразіи Его твореній!» (Письма Святогорца *о Свят. Горѣ. М.* 1883 г., ч. III, стр. 56).

рыхъ бесѣдахъ своего духовника, то взывалъ къ нѣжно любящей матери о ея молитвахъ, чтобы ими устоять незыблемымъ въ этой борьбѣ. „Одного прошу у васъ, пишетъ онъ къ матери, молись за меня, да утвердитъ Господь меня въ подвигѣ великаго ангельскаго образа, да удостоюсь оправдать данные обѣты предъ Богомъ, да утвердитъ во мнѣ *мысль къ вниманію о молитвѣ*, какъ о себѣ, такъ и о васъ всѣхъ вообще, *да дастъ силы къ понесенію всякихъ встрѣтившихся искушеній*, да буду искушаемъ, но не впаду въ нихъ. Матушка, молись за сына своего да дастъ Господь ему цѣломудріе, смиреніе, терпѣніе, послушаніе и *избавитъ отъ суетныхъ мыслей и гордости*“ [1]). „Матушка, помолись за меня къ Господу, да дастъ мнѣ силы къ терпѣнію и подвигамъ. Послѣ частыхъ болѣзней изнемогаю. Въ болѣзни привыкнешь часто ѣсть и пить, да и здоровый за тоже примешься, да и празднословить привыкнешь, а послѣ съ трудомъ отвыкаешь... Иногда скучно: *вспомнишь о васъ, о пищѣ* [2]), *къ которой я охотникъ былъ;*—а тутъ духовникъ напитаетъ пищею духовною и радъ бы сейчасъ въ могилу“ [3]). „Сынъ можетъ-ли забыть отца и мать? Точно я далъ обѣтъ забыть васъ, пишетъ о. Макарій родителямъ, развивая свою прежнюю мысль, *но для міра на землѣ*, а не для міра на высотѣ, куда можно увлечь и васъ, въ царствіе небесное идти вѣчно вмѣстѣ, въ рай сладости и жить съ однимъ Отцемъ свѣтовъ и Матерію Бога нашего. Но и здѣсь забыть васъ я не въ состояніи. Мысль о проведенномъ дѣтствѣ между васъ и юношествѣ подъ вашимъ наставленіемъ, минуты свиданія и минуты послѣдняго „простите!“ едва-ли забудутся. Быть можетъ, если бы вы воспитали насъ иначе, мы были бы чужды религіи, но все бывшее и настоящее повергаетъ въ чувство благодарности, и слезы умиленія невольно вырываютъ молитвенный вздохъ о вашемъ спасеніи. *Такъ, любезнѣйшіе родители, въ убогой кельѣ Макарія, часто воспоми-*

---

[1]) Письмо отъ 3 апрѣля 1852 г.

[2]) «Трапеза постная. Рыба не существуетъ, кромѣ субботы и воскресенья». Письмо отъ 15 іюня 1852 г.

[3]) Письмо къ матери отъ 11 октября 1852 г.

наются прирослія имена Іоанна и Θеодосіи, да помилуетъ ихъ Господь и Пресвятая Владычица“ [1]).

Не удивительно поэтому, что въ эту пору своей монашеской жизни постоянная корреспонденція съ родными была для о. Макарія „истиннымъ утѣшеніемъ“, письма его нѣжно любимой матери, „упитанныя материнскою любовію“, были для него „бальзамомъ, врачующимъ душу и тѣло“, наполняли глаза его слезами и трогали до глубины души“ [2]).

Сознавая хорошо свой сыновній долгъ по отношенію къ своимъ родителямъ, молитвамъ и воспитанію которыхъ онъ обязанъ и бытіемъ и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ въ данное время, [3]) о. Макарій сталъ прилагать все стараніе, чтобы на дѣлѣ осуществить свою мысль—„увлечь своихъ родителей въ міръ на высотѣ“. Съ этою цѣлью онъ неотступно, и даже къ неудовольствію иногда своихъ читателей, наполняетъ свои письма къ матери назидательными уроками о христіанской жизни, исполненной полнаго самоотреченія и самоограниченія.

„Матушка, пишетъ о. Макарій о великомъ постѣ 1852 года,— прошу васъ Бога ради пріобщитесь этотъ постъ два

---

[1]) Общее письмо къ родителямъ отъ того же числа и года.

[2]) Письмо отъ 3 апрѣля 1852 г.; письмо отъ 24 того же года и мѣсяца. «Вы пишите, что какъ умѣли, такъ и написали. О, матушка, что мнѣ политика! Она уже мнѣ приторна. Что можетъ быть утѣшительнѣе вашихъ словъ въ христіанскомъ духѣ. Вы молитесь, благословляете, желаете утвержденія мнѣ въ обители—что же мнѣ нужно? Я этого и ищу. Можетъ ли ваше сердце и душа говорить противное. Члену своего сердца, духа и плоти преклоняю главу мою до лица земли и благодарю съ чувствами неизрѣченной радости за ваше вниманіе ко мнѣ недостойному. Не жалѣю я о мірѣ, прискучилъ онъ мнѣ и въ послѣднее время чуть не завлекъ въ свои сѣти, но видно помощь Божія и *ваши молитвы* удостоили меня (монашества)» Письмо отъ 15 іюня 1852 г.

[3]) «За васъ я, пишетъ о. Макарій матери, обязанъ молиться день и ночь, а вы у меня просите извиненія, что во время малолѣтства оскорбляли меня. Милая добрая матушка, быть можетъ это, т. е. ваши наставленія и привели меня (въ монастырь)». Письмо отъ 3 апрѣля 1852 г. «Быть можетъ, замѣчаетъ онъ въ другомъ письмѣ *твои молитвы меня внустили подъ кровъ Божія Матери*». Письмо отъ августа 1852 г. «Не плачь, моя родная! Матерь Божія тебя утѣшитъ и за меня грѣшнаго, что *ты вручила меня Ей и на Ея жребій*». Письмо отъ 3 апрѣля 1852 г.

раза; вы увидите, какъ для души полезно... Пріобщиться св. Таинъ я вамъ, матушка, непремѣнно совѣтую два раза на первой и страстной седмицахъ. Пожалуйста, вы не вѣрьте причудамъ туляковъ, соединяйтесь ближе со Христомъ... Мы до конца жизни не будемъ достойны, а вамъ теперь все благопріятствуетъ“ [1])... „Опять постъ, говорится въ томъ же году о постѣ успенскомъ. Вы не пріобщались св. Таинъ. Я васъ увѣряю Богомъ, что, кромѣ спасенія души, вы ничего не получите: и совѣсть мирнѣе и спокойнѣе на душѣ будетъ. Не слушайте мірскихъ разговоровъ. Прежніе христіане пріобщались каждую недѣлю. Ваши лѣта уже теперь такія, что можно отказаться отъ домашнихъ заботъ. Впрочемъ, какъ угодно,—только нужно исполнять св. Таинъ пріобщеніе“ [2]).

„Не все поклоны, даетъ совѣты своей матери о. Макарій относительно христіанской жизни вообще, а возьмите лѣстовочку или четочки, что положено у васъ пройдите, въ сидячемъ положеніи или ляжте, и не считайте это за грѣхъ.... потому всегда поклоненіе творить нельзя. Если стоя не можете читать—сядьте, не сумнѣвайтесь, а надѣйтесь на Бога... Читайте почаще молитву Іисусову и Богородице Дѣво, радуйся“, гдѣ придется. Эти двѣ молитвы возвышаютъ горѣ душу [3]), молитва „Господи Іисусе“ и Богородицѣ, сидя, ходя, лежа—вездѣ да будетъ съ вами. Не забывай бѣдныхъ, но безъ ропота подавай, сколько можешь“ [4]). „Молитва къ Богу и любовь ближняго есть всѣ заповѣди; въ сихъ двухъ законъ и пророки висятъ. Что дѣлать, быть можетъ, иногда врагъ и наводитъ, будто жалко сдѣлать что, или подать, или пожертвовать, но дѣло Божіе безъ награды не бываетъ, а особо, если оно сдѣлано безъ жалости внутренней и наружной. Этого должно беречься. За то въ то время, когда разлучится душа отъ тѣла, эти дѣла будутъ щитомъ огражденія. Точно, тяжело теперь молиться, тяжело сносить грубости, невыносимо исполнять волю чуждаго распоряженія, но

---

[1]) Письма отъ февраля 1852 г.; 11 октября 1852 г.; 13 октября 1854 г. и др.
[2]) Письмо отъ августа 1852 г.
[3]) Письмо отъ февраля 1852 г.
[4]) Письмо отъ 11 октября 1852 г.

что тамъ за предѣлами гроба, гдѣ и за праздное слово дадутъ отвѣтъ? Побѣждайте мысль, воспрещающую наградить бѣдняка, не дѣлать добро какое либо, но вспомните вѣчность: царствіе небесное или адъ, средней дороги нѣтъ,—тогда доброе дѣло насильно сдѣлаешь, и значитъ,—двѣ побѣды: побѣдишь мысленнаго врага и сдѣлаешь добро. Спасайтесь, мои дражайшіе и милые родители, быть можетъ, встрѣтимся, если не здѣсь, то тамъ въ раю сладости, а въ рай дорога, изреченная самимъ Господомъ: многими скорьбми подобаетъ внити въ царство небесное“ [1]). „Спѣшите, спѣшите еще сѣять, чтобы послѣ собирать, пекитесь о ближнемъ, не щадите богатствъ, будьте покойны, не раздадите, Господь усугубитъ сторицею здѣсь и на небѣ“ [2]).

Въ этой заботѣ о спасеніи души своихъ родителей, а также изъ неложнаго состраданія къ ближнему сначала нерѣшительно, а потомъ настойчиво совѣтуетъ родителямъ устроить страннопріимный домъ. „Если купите (т. е. домъ для себя) и должно перейти въ оный, мой совѣтъ: прежде отслужите бдѣніе, молебенъ и позовите Христову братію, покормите ихъ, а они осыпятъ васъ благословеніемъ и молитвою. Простите дерзостному совѣту, но любовь и состраданіе къ ближнему все превозмогутъ“ [3]). „Нищъ и убогъ да восхвалитъ имя ваше, пишетъ о. Макарій своимъ родителямъ въ числѣ прочихъ пожеланій по поводу перехода ихъ въ новый домъ, да будетъ домъ вашъ благодатію Божіею исполненный, *око слѣпымъ, нога хромымъ, пріютъ странника и покровъ бездомнаго сироты*; правда и миръ да водворятся между вами, да исполнятся слова Господа: *Блаженъ мужъ щедря и дая, устроитъ словеса своя на судъ*. Блажени милостивіи яко тіи помиловани будутъ“ [4]). „Желаю вамъ быть всѣми членами ближнему, не забывая ихъ нужды и скорби, а они-то упрочатъ житіе тамъ и здѣсь своими вздо-

---

[1]) Письмо отъ 20 октября 1852 г.
[2]) Письмо отъ 11 октября 1852 г.
[3]) *Письмо* отъ 15 іюня 1852 г.
[4]) *Письмо отъ* 27 ноября 1852 г.

хами и слезами о благоденствіи вашемъ“ [1]). „Беру на себя смѣлость безпокоить васъ, начинаетъ свою рѣчь о. Макарій о странноприимномъ уже домѣ. Я получилъ изъ Тулы письмо, въ коемъ мнѣ пишутъ и просятъ попросить васъ о странноприимницѣ Матренѣ Ивановнѣ. Простите моему окаянству, я боялся оставить такое дѣло безъ извѣщенія васъ, да и *духовникъ благословилъ. Я спрашивался*, потому что я теперь посторонній общества мірского и получилъ въ отвѣтъ: быть можетъ, вашему батюшкѣ боятся предложить, а вы не объясните, васъ упрекнутъ, а посему, съ благословенія Божія, начинаю. Приложите къ вашему дому, иже на небесѣхъ, еще нѣсколько совершенствъ да и здѣсь память на землѣ. Простите моему скудоумному совѣту. Уже вамъ извѣстно, что она, т. е. Матрена Ивановна желаетъ давно устроить въ городѣ странноприимницу, который, къ несчастію, не имѣетъ оной, то мое окаяннаго такое мнѣніе: собрать общество и предложить подписку, сколько соберется—положить въ банкъ и процентами содержать, а между тѣмъ и частная милостыня будетъ. Покрайности, если содержать нельзя, то пріютъ-то будетъ бѣдному страннику, дрожащему отъ стужи, изнемогающему отъ зноя и жажды. *Ахъ! какъ этотъ тяжелъ путь съ деньгами, а кольми паче безъ оныхъ!* Вы теперь можете предложить, не согласятся, значитъ,—нѣтъ воли Божіей. Между тѣмъ, на ономъ страшномъ нелицемѣрномъ судищи вы услышите блаженный гласъ Христа: страненъ бѣхъ и введосте мене, нагъ бѣхъ и одѣясте мя, жаждахъ и напоисте меня, алкахъ и дасте ми ясте, болѣнъ бѣхъ и посѣтисте мя. Пріиди благословенное чадо Отца моего, наслѣдуй уготованное тебѣ царство отъ сложенія міра. Какъ дивны такія слова сладчайшаго Іисуса! И еще: Блаженни милостивіи, яко тіи помиловани будутъ. О, какъ хорошъ рай сладости! Конечно, быть можетъ, васъ и оскорбятъ, но вспомните ради сладчайшаго Іисуса, Который и крови своея не пожалѣлъ. Какая память за гробомъ! Каждый скажетъ: да упокоитъ его Господь, какъ онъ насъ упокоилъ, а душа отъ

---

[1]) *Письмо отъ 15 іюня 1852 г.*

сихъ словъ свѣтлѣется Духомъ святымъ. Преклоняю главу мою къ стопамъ вашимъ, да не лишите, возлюбленнѣйшіе родители, себя сея славы не здѣсь, а въ вѣчности. Не жалѣйте сѣять сѣмена добродѣтелей изъ вашего имущества, что будетъ далѣе Богъ вѣсть. Прости, прости моей дерзости. *Люблю васъ любовію духовною и стремлюсь воздать вамъ за полученная мною отъ васъ земная, да получите небесная чрезъ ваши добродѣтели, особо милостыню*“ [1]). Въ письмѣ отъ 29 генваря 1853 г. о. Макарій уже спрашиваетъ Ивана Діонисьевича: „странноприимный домъ утвердили ли и на какихъ основаніяхъ“? Черезъ полтора мѣсяца онъ пишетъ по тому же поводу новое письмо къ отцу и для убѣжденія его представляетъ новые не менѣе обширные доводы, ссылаясь снова на письмо къ нему, писанное якобы „не чернилами, а слезами“ [2]). „Не могу, пишетъ онъ, сказать вамъ настоятельно, но прошу васъ не упустите сего случая. Помнить должно: *царствіе Божіе нудится и нудницы восхищаютъ* [3]). А придетъ время и радъ бы нудиться, да нечѣмъ. Вотъ вы бы подали теперь 5 или 10 коп. да нельзя. А между тѣмъ каждую недѣлю уже вы лишились столькихъ молитвенниковъ. Быть можетъ, вы разсмѣетесь и скажете: молитвенники?! Да—молитвенники. Что за дѣло (намъ судить) ихъ поведеніе. *Господь не говоритъ: дайте моему добронравному меньшему брату*, а просто: *сотвористе единому отъ*

---

[1]) Письмо отъ 17 сентября 1852 г.

[2]) Изъ этого письма и именно изъ словъ его: «Хотя я и писалъ вамъ, кажется, съ прошлымъ письмомъ, но тогда, *по собственному внушенію*, а теперь по просьбѣ другого» видно ясно что мысль о странноприимномъ домѣ или принадлежитъ ему лично, или навѣяна была духовникомъ. Онъ и забылъ, что и въ первомъ письмѣ онъ ссылался на письмо изъ Тулы. Очевидно, онъ желалъ замаскировать свой *собственный* планъ объ учрежденіи такого дома.

[3]) Эту фразу о. Макарій и на склонѣ своихъ лѣтъ любилъ часто повторять. «Когда мнѣ случалось, пишетъ К. Леонтьевъ, въ тяжкія минуты какого нибудь нравственнаго или тѣлеснаго изнеможенія открывать душу мою этому умному, благородному и святому человѣку, и онъ говорилъ мнѣ: «*Понудьте себя,—только понуждающіе себя восхищаютъ Царствіе небесное*». Я чувствовалъ, что онъ, этотъ герой самоотверженія о Богѣ, имѣетъ право *мнѣ такъ говорить!*» «Гражд.» № 191, 1889 г.

меньшихъ братій, не разбирая кто—онъ. Онъ судится отъ своихъ дѣлъ, а мы отъ своихъ... Особо дѣлаетъ замѣчаніе о путешествующихъ, говоря, что, если Господь, заповѣдая апостоломъ своимъ сказалъ: *въ оньже градъ внидете, дайте миръ ему, аще не пріемлетъ васъ, отрясите прахъ ногъ вашихъ* и миръ вашъ возвратится къ вамъ. Эти слова—ужасны. Въ виду то апостоловъ, быть можетъ, пройдетъ Одинъ, Его же недостоинъ весь міръ, и не дастъ мира граду нашему. Какъ это понять и кто виноватъ за отнятіе мира у цѣлаго города? [1]) Быть можетъ, возжелали бы и это сдѣлать, да уйдетъ. Восхищайте царствіе Божіе, покуда есть время. Не безпокойтесь о будущемъ состояніи вашего семейства. *Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущій.* Вотъ вамъ, любезнѣйшіе родители, предстоитъ купля бриліанта высокой цѣны; вы заплатите мало, а пользы получите много“ [2]). Просьба о. Макарія была уважена. Странноприимный домъ былъ устроенъ Иваномъ Діонисьевичемъ.

Желаніе помочь своей *метаніи* [3]), крайне нуждающейся въ матеріальныхъ средствахъ, помочь при помощи родительскихъ капиталовъ, въ которыхъ и онъ себя признавалъ участникомъ, и тѣмъ еще болѣе поспособствовать все той же настойчиво имъ преслѣдуемой цѣли—спасенію ихъ души, побуждало о. Макарія въ каждомъ своемъ письмѣ просить ихъ или о милостынѣ въ монастырь, или же объ участіи ихъ въ устройствѣ храмовъ его и благоукрашеніи ихъ. „Я теперь, любезнѣйшая матушка, осмѣливаюсь тебѣ написать вотъ о чемъ, пишетъ о. Макарій черезъ нѣсколько дней послѣ своего постриженія, еще на одрѣ болѣзни. Какъ братцы сочетались бракомъ, имѣли милость отъ васъ на подарки невѣстамъ, то я, какъ теперь поступилъ въ монашество и на

---

[1]) Здѣсь о. Макарій намекаетъ на то обстоятельство что Иванъ Діонисьевичъ, какъ *городской голова*, болѣе прочихъ долженъ пещись о мирѣ и благополучіи ввѣреннаго ему обществомъ города.

[2]) Письмо отъ 16 марта 1853 г.

[3]) Метаніею на востокѣ называютъ монастырь, въ которомъ въ первый разъ инокъ дѣлаетъ поклонъ—*метаніе* (μετανόια) игумену о принятіи его въ число братства.

жребій Царицы небесной, то моя, если дерзаю сказать, Невѣста, Которой себя обручилъ, воздастъ и вамъ. Здѣсь строится храмъ Покрова Пресвятыя Богородицы и, по необходимости, для русской братіи келіи. *Уже много русскихъ*, а монастырь имѣетъ долгу 60 тысячъ рублей, поэтому я и припадаю къ стопамъ ногъ вашихъ, хотя не вдругъ, попросите батюшку *въ хорошее время и въ тихій часъ*. Я уже не смѣю писать. А какъ вамъ Матерь Божія внушитъ и когда, отслужите молебенъ Боголюбскія Божія Матери и послѣ скажите, авось намъ Господь поможетъ устроить. Прошу васъ Бога ради не оставьте ради Божія Матери. Она васъ Сама утѣшитъ“ [1]). Просьба эта удалась вполнѣ и въ письмѣ отъ 24 апрѣля 1852 г. о. Макарій благодаритъ мать „за участіе“, за то, что „испросила у батюшки для Покрова Божія Матери въ честь Ея строющагося храма и для насъ убогихъ келій, а равно для престола одежду. Отъ души васъ благодарю, прибавляетъ онъ. Пусть сама Общая Заступница васъ наградитъ въ будущей жизни, одѣнетъ васъ ризою нетлѣнія и славы небесной“ [2]). „Слава Богу, восклицаетъ восторженный и упоенный своимъ успѣхомъ инокъ Макарій, что я теперь удостоюсь слышать здѣсь между именами создателей и благотворителей имена моихъ близкихъ сердцу, имена моихъ дражайшихъ родителей и братьевъ. О, какъ сладко вспомнить и человѣку о добродѣтели своихъ безцѣнныхъ на землѣ! Какъ же будетъ самому человѣку, когда будетъ взвѣшиваться жизнь его на общемъ пути мытарствъ? О, тогда *сколько радости, сколько благодарности за мысль и тому, кто ее подалъ!* Одна добродѣтель (такимъ образомъ) въ жизни еще дала шагъ къ необозримому пространству на небо, ближе къ Сладчайшему Іисусу, а молитва Богоматери за незабвеніе Ея причистаго дома—все это дѣла небесныя. Да усладитъ

---

[1]) Письмо отъ 19 декабря 1851 г. Та же просьба и почти одними и тѣми же словами повторяется въ письмахъ о. Макарія отъ 3, 24 апрѣля и отъ 4 мая 1852 г.

[2]) Въ письмѣ отъ 15 іюня выражается восторгъ сына по поводу этой первой жертвы родителей въ русскій Пантелеимоновскій монастырь и указывается, но крайне неразборчиво, въ чемъ состояло это пожертвованіе.

васъ Господь и Пречистая Матерь здѣсь на землѣ и тамъ на высотѣ покроетъ своимъ могущественнымъ омофоромъ, облечетъ васъ въ ризу нетлѣнія и вѣнцы райскіе да украсятъ ваши головы“ [1]). „Братецъ писалъ, читаемъ мы въ другомъ письмѣ, что вамъ Господь внушилъ *сдѣлать или поправить иконостасъ*. Слава Богу, что подобныя дѣла есть плодоносная земля, на коей произойдетъ сторичный плодъ. Я радуюсь, что вы имѣете мысль о вѣчности, чтобы и тамъ пріуготовить и облегчить путь мимо Міродержца. Матерь Божія Сама васъ осѣнитъ своимъ покровомъ“ [2]).

Но на этомъ о. Макарій не остановился, а пошелъ дальше въ своихъ настойчивыхъ просьбахъ. Онъ рѣшился просить своихъ родителей „построить больницу съ церковью, въ которой будетъ приноситься безкровная жертва за весь родъ“ и такимъ образомъ, „сдѣлать вѣчное неизгладимое о себѣ и о всѣхъ поминовеніе“. Какъ и въ другихъ случаяхъ, такъ и въ данномъ, о. Макарій обращается „къ любезнѣйшей и дражайшей матушкѣ“ „позаботиться попросить батюшку“, „похлопотать, дабы безкровная жертва, которою очищаются наши грѣхи, приносилась бы постоянно, когда возможно, по уставу церкви“ [3]). И эта просьба о. Макарія, какъ мы знаемъ [4]), была уважена родителями. Въ русскомъ Пантелеимоновскомъ монастырѣ имѣется *параклисъ* [5]) въ честь всѣхъ аѳонскихъ святыхъ при братской больницѣ, построенный на иждивеніе И. Д. Сушкина.

„Сосудъ прекрасный въ обители первый“, [6]) „подсвѣчники, парча, штофная матерія, газы, книги“ и т. п. пред-

---

[1]) Письмо отъ 11 октября 1852 г.

[2]) Письмо отъ 20 октября 1852 г.

[3]) Письмо отъ 13 октября 1854 г.

[4]) Русск. мон. св. великомуч. и цѣлит. Пантелеимона на св. горѣ Аѳонской. М. 1886 г., изд. 7, стр. 107.

[5]) Параклисомъ называются на Аѳонѣ небольшіе храмы, разсѣянные по угламъ обширныхъ монастырскихъ зданій. Они устрояются для раннихъ литургій съ цѣлью облегчить монашествующимъ поминовеніе многочисленныхъ именъ благодѣтелей и поклонниковъ.

[6]) Письмо отъ 11 октября 1852 г.

меты [1])—все это въ монастырѣ или жертва родителей о. Макарія, или же его брата Василія Ивановича изъ Петербурга [2]). Вообще, со времени вступленія о. Макарія въ число братіи русскаго Пантелеимоновскаго монастыря, какъ выражаются старцы его, онъ „тѣсно соединилъ духомъ Христовой любви и единенія“ [3]) родителей Сушкиныхъ съ отцами обители и сдѣлалъ ихъ главными благотворителями, жертвователями и устроителями ея.

О. Макарію желательно было, чтобы Иванъ Діонисьевичъ всталъ еще въ болѣе тѣсное общеніе съ обителью, проникся къ ней большею любовью и расположеніемъ, для чего онъ неоднократно [4]) приглашалъ отца побывать на Аѳонѣ. Но этотъ планъ его не удался. Иванъ Діонисьевичъ не видѣлъ Аѳона, по недостатку времени, которое уходило у него на отправленіе разнаго рода служебныхъ обязанностей по выборамъ горожанъ, но за то тамъ гостили и неоднократно его дѣти: Василій и Петръ Ивановичи, своими жертвами не забывавшіе обитель до послѣдняго времени. Что же касается Ивана Діонисьевича, то онъ, кромѣ указанныхъ выше пожертвованій, до самой своей смерти ежегодно, ко дню своего ангела, высылалъ въ обитель по 500 рублей [5]) на „утѣшеніе братіи“.

Итакъ, вотъ какими думами, мыслями и чувствами жилъ схимникъ Пантелеимоновской аѳонской обители о. Макарій; вотъ что занимало его умъ, душу и сердце на этихъ первыхъ шагахъ его иноческаго подвига. Исполненіе иноческаго послушанія, молитва, келейное правило, мысль о спасеніи себя и своихъ присныхъ, бесѣды съ духовникомъ, чтеніе аскетическихъ и нравственно-назидательныхъ книгъ — все это съ избыткомъ переполняло время его короткаго дня и у

---

[1]) Письмо отъ 17 сентября 1852 г.; письмо старцевъ, писанное рукою святогорца Серафима, того же года и числа.

[2]) «Церковная утварь и прочія драгоцѣнныя украшенія—это даръ и жертва благодѣтелей—Сушкиныхъ». Русск. мон. св. вел. и цѣл. Пантелеимона, стр. 82.

[3]) Письмо отъ 17 сентября 1852 г.

[4]) Письмо отъ 27 ноября 1852 г.; письмо отъ 29 января 1853 г. и др.

[5]) *Письмо отъ* 18 января 1856 г.

него не хватало времени думать о томъ, что дѣлается за стѣнами его обители. А между тѣмъ надъ его отечествомъ нависла мрачная туча; его соотечественники были наканунѣ безпримѣрно-кровавой и тяжелой крымской войны, объявленной манифестомъ Императора Николая Павловича 20 октября 1853 года. Для о. Макарія небо чисто, безоблачно, атмосфера благорастворенна. По его письмамъ какъ будто бы все обстоитъ благополучно. Во всей его перепискѣ нѣтъ ни малѣйшей тѣни опасенія, боязни за свою судьбу, судьбу отечества и русскаго монастыря на Аѳонѣ. И если бы не лаконическая замѣтка, весьма, впрочемъ, характерная: „мы еще живы, а что дѣлается между державами, мы знаемъ, въ пустынѣ. Ожидаемъ воли Божіей, какъ Ему угодно будетъ. По силѣ молимся о васъ“ [1]),—то можно было бы подумать, что объ объявленіи крымской войны ему даже и неизвѣстно [2]). Тогда какъ изъ другихъ источниковъ знаемъ что предъ началомъ войны не обошлось дѣло безъ волненій въ русскомъ Пантелеимоновскомъ монастырѣ среди монашествующихъ русскихъ.

„Но вотъ наступилъ 1853 годъ, пишетъ біографъ о. Серафима святогорца. Между Россіей и Турціей возгорѣлась война, *слухи о которой произвели страшное смущеніе въ русской братіи и по всему Аѳону*, и многіе изъ насъ, страшась мести, кровожадности и коварства фанатиковъ-турокъ, спѣшили на время войны удалиться въ Россію. Думалъ уѣхать въ отечество и о. Сергій (святогорецъ Серафимъ) [3]), но

---

[1]) Письмо отъ 12 января 1854 г.

[2]) На нашъ вопросъ къ Ивану Ивановичу, брату о. Макарія, нѣтъ-ли какихъ извѣстій въ письмахъ послѣдняго о состояніи монастыря во время нашихъ войнъ крымской и 1877 года, мы получили отъ него такой любопытный отвѣтъ: «А что въ ихъ обители происходило когда, онъ *никогда не писалъ намъ ничего*... былъ очень скрытенъ о. архимандритъ Макарій, но монаху такъ и должно быть. Доброе молчаніе —ни въ чемъ отвѣтъ». Письмо ко мнѣ отъ 18 января 1890 г.

[3]) «1853 года мая 16 дня. По случаю разрыва и наступленія войны и я бѣдный, пишетъ Святогорецъ въ своихъ келейныхъ запискахъ, долженъ оставить и оставлю, конечно, безцѣнный Аѳонъ на время, дондеже мимо идетъ гнѣвъ Господень. Если продлитъ Богъ жизни, одно мое желаніе было и есть,—умереть на Аѳонѣ». Письма Святогорца о св. горѣ Аѳонской, ч. III, стр. 157; Сравн. стр. 68.

Пресвятая Богородица не восхотѣла отпустить доблестнаго своего воина со св. горы Аѳонской. Три раза собирался онъ въ путь и три раза пароходъ приставалъ не къ той пристани, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидали его“ [1]). О. Серафимъ принялъ это за указаніе свыше и вернулся обратно въ монастырь, а 17 декабря 1853 года тихо и мирно скончался.

Что касается остальныхъ монаховъ русскихъ, то они были удержаны на св. горѣ мудрыми совѣтами старца игумена Герасима и ближайшихъ его совѣтниковъ. Когда старцы монастыря замѣтили уныніе и волненія среди русской братіи, то немедленно составили соборъ для обсужденія мѣръ, необходимыхъ къ успокоенію взволнованныхъ умовъ. На вопросъ о. духовника Іеронима: „вслѣдствіе наступившей войны братія русскіе начали смущаться, то какъ благоволите поступать?“ Архимандритъ Герасимъ отвѣтилъ: „Схимонахи должны помнить свои обѣты и никакихъ треволненій не бояться, а положиться на волю Божію“. О. архимандритъ Амвросій, участникъ собора, прибавилъ къ сказанному игуменомъ: „А развѣ монатейные могутъ оставлять свои обѣты?“ Всѣ участники собора единымъ голосомъ отвѣтили: „Нѣтъ, не могутъ“. Тогда игуменъ заключилъ: „Рясофорные и послушники пусть руководятся совѣтами старца, а если не могутъ понести, то пусть уѣзжаютъ“ [2]). Соборное рѣшеніе было передано отцамъ и волненіе между ними стало мало по малу утихать. Только наиболѣе робкіе изъ русскихъ оставили Аѳонъ, а всѣ прочіе, положившись на волю Божію, остались на св. Горѣ мужественно переносить всѣ невзгоды и лишенія тяжелаго военнаго времени.

Мы, къ сожалѣнію, лишены всякой возможности изобразить состояніе русской обители на Аѳонѣ въ данную тяжелую годину, такъ какъ о. Макарій не касался этихъ сторонъ жизни ея, занятый своею внутреннею жизнію, а письма старцевъ аѳонскихъ, писанныя къ родителямъ о. Макарія, къ

---

[1]) Ibid., стр. 106.

[2]) Это свѣдѣніе заимствовано нами изъ дневника событій въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ, оставшемся въ рукописи о. Мины.

великому прискорбію, до насъ не сохранились. Во всякомъ случаѣ оно было въ высшей степени критическимъ, какъ это можно заключать по письму старцевъ обители, посланному въ Тулу предъ самымъ окончаніемъ крымской кампаніи. „Изображать-ли вамъ настоящее наше положеніе? пишутъ отцы аѳониты, но оно ужь было нами описано вамъ нѣкогда [1]). Не будемъ поэтому раздражать души нашей и вашей *безотрадностію нашего нынѣшняго состоянія*, скажемъ вамъ только, что *мы пока еще существуемъ*, покрываемые заступленіемъ Богоматери. *Всякій, имѣющій даже и холодное воображеніе, представивъ себѣ наши обстоятельства, можетъ понять ясно наше положеніе.* Недавно само высшее турецкое правительство предписало продавцамъ съѣстныхъ припасовъ, возвысившимъ на нихъ цѣну почти до неимовѣрности, продавать преимущественно хлѣбъ по назначенной отъ него цѣнѣ. Цѣна же правительства слѣдующая: 4 піастра (піастръ 16 копѣекъ ассигнаціи) за око (3 фунта) низшаго качества и 5 піастровъ за око высшаго качества. Замѣтьте, *само правительство признаетъ таковую цѣну умѣренною!* Но правительство разослало только свои предписанія, а запасовъ-то хлѣбныхъ не увеличило, слѣдовательно, къ чему же послужатъ его предписанія [2]). Недостатокъ жизненныхъ насущныхъ припасовъ, ихъ страшная дороговизна, прекращеніе всякаго почти общенія съ родиною, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прилива пожертвованій, какъ единственнаго средства къ существованію обители, обременительные проценты по долговымъ обязательствамъ прежняго времени, наконецъ, постоянный страхъ за свою жизнь—все это дѣлало жизнь русскихъ иноковъ на Аѳонѣ въ это время не только тяжелымъ, но по истинѣ „страдальческимъ“ подвигомъ [3]), какъ характеризуютъ ее сами иноки.

22 февраля 1853 года о. Макарій былъ рукоположенъ во

---

[1]) Письма этого между 22 письмами о. Макарія, присланными намъ Иваномъ Ивановичемъ, мы не находимъ.

[2]) Письма отъ 18 января 1856 г.

[3]) Ibidem.

іеродіакона. Мы имѣемъ весьма обширное и любопытное письмо его къ родителямъ объ этой перемѣнѣ въ его жизни, уясняющее въ значительной степени и самое его непреодолимое стремленіе къ иночеству. „По отправкѣ писемъ, т. е. на родину, разсказываетъ о. Макарій, я былъ позванъ къ отцу нашему духовнику, коего я нашелъ въ церкви предѣльной преподобнаго Сергія стоящимъ предъ алтаремъ Господнимъ въ епитрахилѣ. Честнѣйшій отецъ уже ждалъ меня. По вхожденіи, онъ приказываетъ мнѣ лобызать св. иконы, а послѣ этого началъ дѣлать духовное испытаніе отъ юности моихъ преступленій предъ Богомъ и Божіей Матерью. Сдѣлавъ наставленіе, онъ приказываетъ пройти всю жизнь мою и передать ему. Меня смутило это обстоятельство. Я косвенно хотя и слышалъ, но всякому слуху нельзя вѣрить. Пройдти цѣлую жизнь! Сколько воспоминаній, терзающихъ душу, сколько смущенія отъ прелоговъ вражіихъ, наносимыхъ его злобою, сколько радости духовной, сколько ужаса и трепета отъ такихъ приказаній! Испытавшій оное знаетъ, но постороннему зрителю кажется обыкновеннымъ... Ты долженъ очистить въ оставшіеся дни твои прошедшее время. И объявилъ мнѣ духовникъ волю нашего о. игумена и его, что они желаютъ меня произвести недостойнаго во іеродіакона [1]). Не умѣю сказать и выразить вамъ тѣхъ чувствъ. *Мысль служить Господу въ сонмѣ темъ ангеловъ, касаться пречистымъ Его Тѣлу и Крови своими окаянными устами и руками, быть сподоблену осьняемымъ св. Духомъ, присутствовать воплощенію Христову до Его вознесенія, имѣть невидимо сослужащихъ небесныхъ силъ, быть объяту божественнымъ пламенемъ, въ присутствіи Св. Троицы*—все ужасало меня. Я трепеталъ за мое недостоинство, недоумѣвая и зная, какая честь [2]) и какая ужасная отвѣтственность за всякое

---

[1]) «Тебѣ Владыкѣ и Пречистой Матери Твоей угодно было возвѣстить старцамъ о семъ, пишетъ въ томъ же письмѣ о. Макарій нѣсколько ниже, *сколько не возражалъ и не просилъ оставить меня еще въ общемъ послушаніи*». Слѣдовательно, о. Макарій не безъ возраженій и убѣжденій рѣшился принять хиротонію.

[2]) *Въ объясненіе* причинъ поступленія о. Макарія въ монашество

неосторожное движеніе, всякій нечистый помыслъ. Сколько милосердія Божія, только и правосудія! Но все еще мнѣ казалось тѣнью, что я узрѣлъ въ настоящемъ видѣ. Но да будетъ воля Господня: Онъ удивилъ на мнѣ грѣшномъ свои неизрѣченныя милости, Онъ не попуститъ врагу нашему оскорбить меня окаяннаго, а защититъ своею неизреченною милостію". Далѣе о. Макарій подробно описываетъ самый чинъ рукоположенія и проситъ родительскихъ молитвъ, „да дастъ ему Господь силу благодати Св. Духа, и Матерь Божія да покрыетъ его въ предстояніи неосужденно престолу Вышняго, соблюсти чистоту и непорочность его служенія, да сослужаще его пречистому Тѣлу и Крови Христовой и обходяще Его божественный престолъ, да ниспослетъ благоговѣніе, вниманіе и память о страстѣхъ Господнихъ, страхъ, трепетъ, умиленіе предъ величествомъ славы Его, невидимо сѣдящему и небеснымъ чинамъ предстоящимъ, да сохранитъ меня Господь своею благодатію и Пресвятая Богородица покрыетъ своимъ честнымъ омофоромъ отъ всякаго дѣла, слова, помысла душетлѣннаго, да приступая къ Святая святымъ, страшнымъ таинамъ Христовымъ, да не опалюся огнемъ пра-

---

К. Леонтьевъ, между прочимъ, пишетъ и слѣдующія слова, которыя совпадаютъ съ словами вышеприведеннаго письма. «Любовь къ столь торжественному и столь трогательному православному богослуженію, говоритъ онъ, тоже сильно дѣйствуетъ на молодыхъ религіозныхъ мечтателей. Само собою разумѣется, что при самомъ искреннемъ смиреніи и сознаніи своей грѣховности, набожный юноша, поступая въ монахи, не можетъ не мечтать иногда и о томъ, что, быть можетъ, онъ удостоится стать со временемъ іеромонахомъ, что онъ самъ будетъ совершать «великія и страшныя таинства», какъ онъ будетъ произносить въ храмѣ тѣ самые возгласы, которые теперь его со стороны такъ сильно потрясаютъ. Люди, отбившіеся отъ церкви, отвычные отъ *истиннаго* «дѣдовскаго» несентиментальнаго православія и понять уже не въ силахъ всей сладости подобныхъ мечтаній, но кто не утратилъ настоящей вѣры, или кого Господь помиловалъ и возвратилъ опять къ ней какими бы то ни было, Ему извѣстными, путями, тотъ понимаетъ подобныя желанія, тотъ завидуетъ служащему іеромонаху *такою завистію, какую никакая заповѣдь запретить не можетъ*—завистію доброю, любящею, чистою ревностью по Господнимъ таинствамъ и по службѣ великой и священной апостольской церкви нашей. *Я увѣренъ, что покойный старецъ архимандритъ Макарій, еще будучи красивымъ щеголемъ—Мишей Сушкинымъ, мечталъ объ этомъ безнадежно и робко*». «Гражданинъ», 1889 г. № 192.

восудія Божія, да не свяжусь веригами прегрѣшеній моихъ, да, приступая къ Божественной трапезѣ, не наведу на себя гнѣва Божія, прикасаясь недостойнѣ, но да будетъ Его благодать, укрѣпляющая и воспоминающая о страшномъ таинствѣ, да въ чувствѣ благоговѣйномъ предстану Господу Славы, сослужаще въ приношеніи св. Даровъ о всѣхъ и за вся... Молитесь, молитесь за меня, опасно хожу, а я молюсь за васъ въ церкви при всякомъ удобномъ случаѣ, по своей немощи“ [1]).

Въ 1856 году 3 іюня архіепископомъ Никодимомъ о. Макарій былъ рукоположенъ во іеромонаха и вскорѣ же назначенъ вторымъ духовникомъ русской монашествующей братіи. Дѣйствительное положеніе вещей въ монастырѣ, однако, не требовало столь поспѣшнаго возвышенія молодого іеромонаха о. Макарія на такой почетный постъ среди монашествующей братіи. По понятіямъ святогорцевъ, духовникъ считается вторымъ лицемъ послѣ игумена, играетъ весьма важную роль въ жизни обители съ киновіальнымъ устройствомъ, такъ какъ передъ нимъ раскрывается до мелочей дневная жизнь каждаго индивидуума, всецѣло поэтому становящагося въ моральную зависимость отъ духовника, который по тому же самому основанію и пользуется между тѣмъ всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ. То правда, что о. Іеронимъ, страдая приступами мучительной болѣзни, иногда былъ не въ состояніи отправлять своихъ обязанностей; вѣрно также и то, что количество русской братіи въ монастырѣ значительно возросло, (такъ напр., еще въ 1852 году русскихъ монаховъ считалось уже 80 человѣкъ), но не здѣсь кроются истинныя причины настоящаго на первый взглядъ непонятнаго обстоятельства. Онѣ лежатъ гораздо глубже.

О. Іеронимъ успѣшно и съ полнымъ авторитетомъ къ своей умной многознающей и опытной особѣ исполнялъ свои прежнія обязанности духовника и могучаго вождя по пути прогресса русской обители; и если, по немощи своей, не былъ въ состояніи въ тотъ или иной день, въ ту или дру-

---

[1]) *Письмо* отъ 16 марта 1853 года.

гую недѣлю исполнять *свое послушаніе*, то отъ этого самое дѣло не терпѣло никакого ущерба, къ тому же 80 человѣкъ далеко еще не представляли непобѣдимой силы, съ которой не могъ бы справиться такой гигантъ ума и воли, какимъ былъ о. Іеронимъ. Не нужно забывать и того обстоятельства, что, съ назначеніемъ о. Макарія себѣ въ помощники, онъ нисколько не снялъ съ себя тяжкаго бремени руководителя. По прежнему, съ утра до глубокой ночи, двери его келіи не затворялись; по прежнему всѣ отъ великосхимника до послушника съ своими „недоразумѣніями“, „помыслами“ и „искушеніями“ шли на бесѣду къ „старому батюшкѣ“, какъ называли иноки о. Іеронима въ отличіе отъ о. Макарія, и искали успокоенія, разрѣшенія, необходимыхъ средствъ и т. д. у этого послѣдняго. О. Макарій еще не пріобрѣлъ въ ихъ глазахъ необходимаго авторитета и, привыкшій самъ до селѣ сообразовать свою волю съ волею „батюшки“, ни на что не могъ рѣшиться безъ его благословенія. О. Макарій бодрый, молодой, неутомимый вѣдалъ внѣшнія монастырскія дѣла, гдѣ нуженъ былъ зоркій глазъ, молодая твердая нога, преданный человѣкъ и былъ послушнымъ и безпрекословнымъ исполнителемъ воли „батюшки“, который изъ своей келіи видѣлъ все и все предусматривалъ. „Онъ служитъ каждый день литургію, характеризуетъ эту сторону дѣятельности о. Макарія г. К. Леонтьевъ, онъ исповѣдуетъ съ утра до вечера; онъ вездѣ—у всенощной, на мулѣ, на горахъ, на лодкѣ въ бурную погоду, онъ спитъ *по три часа въ сутки*, онъ безпрестанно въ лихорадкѣ, онъ въ трапезѣ ѣстъ самыя плохія постныя блюда,—онъ, котораго отецъ и братья милліонеры“ [1]). Не свалить тяжелое бремя на плечи молодого о. Макарія, а приблизить къ себѣ, воспитать и приготовить его къ будущей великой роли въ многолюдной обители, желалъ проницательный о. Іеронимъ. Послѣдній своимъ умомъ уже въ это время прозрѣвалъ будущія судьбы славной русской обители. Необходимо было поэтому приготовить и достойныхъ дѣяте-

[1]) «Русск. Вѣстникъ». 1873 г. кн. 4, стр. 682. Статья эта подписана псевдонимомъ: «*Н. Константиновъ*» и принадлежитъ перу уже извѣстнаго намъ К. Леонтьева.

лей къ грядущему времени, чтобы они могли и постоять за себя и въ состояніи были бы искусною рукою смѣло взять кормило правленія въ разноплеменномъ монастырѣ. О. Іеронимъ прежде всего остановилъ свое вниманіе на о. Макаріѣ, въ умѣ своемъ порѣшивъ поставить его во главѣ монастыря, но не прежде, какъ достаточно продолжительнымъ искусомъ воспитаетъ и приготовитъ его къ этой роли.

Съ первыхъ дней пребыванія въ русско-аѳонскомъ Пантелеимоновскомъ монастырѣ на впечатлительнаго о. Макарія благородная, невозмутимо-спокойная личность умнаго аскета—подвижника, духовника о. Іеронима, этого „перваго человѣка изъ русскихъ въ монашескомъ опытѣ“, произвела глубокое впечатлѣніе. О. Макарій искренно полюбилъ этого „ангелоподобнаго человѣка“ всѣми чувствами своей нѣжной души, отдался въ руки этого гиганта мысли и воли и сдѣлался его покорнымъ и послушнымъ рабомъ, не будучи еще инокомъ. Изъ переписки о. Макарія съ родителями мы видимъ, что самый Аѳонъ былъ для него раемъ, „особо если этотъ духовникъ будетъ живъ“, который „никакъ не совѣтывалъ ему ѣхать“ назадъ въ Россію. Въ монашествѣ о. Іеронимъ „утѣшаетъ“ о. Макарія „среди скорбей и искушеній“, „разрѣшаетъ сомнѣнія и бури помысловъ“, „питаетъ пищею духовною“, руководитъ его совѣтами родителямъ и т. д. Иначе говоря, о. Іеронимъ становится отцемъ и попечителемъ инока Макарія, котораго суровый аскетъ въ свою очередь сердечно полюбилъ и къ которому онъ тоже привязался самымъ искреннимъ образомъ О. Іеронимъ не могъ своимъ пытливымъ окомъ не замѣтить въ о. Макаріѣ „сильной идеальной его натуры, которая видна была и въ самой наружности: въ его блѣдномъ продолговатомъ лицѣ, въ его задумчивыхъ глазахъ и даже въ той сильной впечатлительности и подвижности, которую не могли уничтожить въ немъ вполнѣ ни природная твердость характера, ни ужасающая непривычный умъ суровость аѳонской дисциплины, подъ дѣйствіемъ которой онъ такъ долго прожилъ“ [1]), а поэтому по-

[1]) «Граждан.» 1890 г. № 192.

любилъ, приблизилъ его къ себѣ и для будущей его широкой дѣятельности заставилъ его пройти тяжелую школу высшаго духовнаго и душевнаго искуса. О. Макарію, какъ человѣку подвижному, горячему, человѣку любви и сердечныхъ увлеченій, „нужно было для успѣшнаго начальствованія и для той внѣшней борьбы съ людьми и обстоятельствами, къ которой онъ былъ предназначенъ, нѣсколько остыть и окрѣпнуть въ рукахъ человѣка покойнаго и непреклоннаго, но тѣмъ не менѣе искренняго въ духовныхъ вожделѣніяхъ своихъ“ [1]), каковымъ былъ покойный о. Іеронимъ. Этотъ искусъ, это „смиреніе“ послушнаго, но съ вышеописанными чертами самостоятельнаго характера, ученика подъ руководствомъ своего сильнаго духомъ учителя далась о. Макарію весьма нелегко, такъ какъ задѣвались нерѣдко самыя больныя струны его впечатлительной натуры. И къ чести этихъ обоихъ столповъ иноческой жизни на Аѳонѣ, нужно сказать, что они оба до конца жизни удержались въ томъ положеніи, какое заняли по отношенію одинъ къ другому съ самаго начала ихъ совмѣстной жизни: отецъ Іеронимъ въ роли опытнаго учителя и руководителя, а о. Макарій въ роли послушнаго ученика, по единому взгляду любимаго учителя всегда и во всякій часъ дня и ночи готоваго къ его услугамъ. Эти поистинѣ идеальныя отношенія одного великаго старца къ другому болѣе великому для посторонніихъ наблюдателей казались положительно удивительными. „Я, пишетъ очевидецъ К. Леонтьевъ объ о. Макаріѣ, даже часто дивился, глядя на него и слушая его рѣчи, какъ могла эта натура, столь нѣжная, казалось, во всѣхъ смыслахъ столь идеальная и сердечная, и быстрая;—какъ могла она подчиниться такъ беззавѣтно, глубоко, искренно и безотвѣтно всему тому формализму, который въ хорошемъ монашествѣ неизбѣженъ! Скажу еще—нетолько неизбѣженъ, но и въ высшей степени плодотворенъ для духа, ибо онъ-то, этотъ *общій формализмъ*, дающій такъ мало простора индивидуальнымъ расположеніямъ, даже нерѣдко хорошимъ, можетъ быть болѣе всего

---

[1]) Ibid. № 246.

другаго упражняетъ волю инока ежечасными понужденіями и смиряетъ его своенравіе, заставляя иногда даже и движеніе любви и милосердія—предпочесть послушаніе начальству или уставу.—Поживши, я понялъ скоро и самъ всю душевную, психологическую, такъ сказать, важность всего того, что многіе, по грубому непониманію, зовутъ „излишними внѣшностями". — Но и понявши, я продолжалъ дивиться, какъ такая, выражаясь по нынѣшнему, „нервная" натура смогла подчиниться всему этому такъ глубоко и такъ искренно"! [1]) И ничто не нарушало этихъ идеальныхъ отношеній ученика къ учителю: ни разность ихъ сана и положенія (о. Макарій былъ архимандритомъ и игуменомъ, а о. Іеронимъ до смерти удерживалъ за собою скромный титулъ „іеросхимонаха" духовника), ни даже тѣ „жестокіе искусы", которымъ послѣдній подвергалъ своего ученика. „Я, пишетъ тотъ же очевидецъ, видѣлъ ихъ вмѣстѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, видѣлъ сыновнія отношенія *архимандрита* (т. е. о. Макарія) къ своему великому старцу (т. е. о. Іерониму); зналъ, что онъ уже и тогда, избранный въ кандидаты на званіе игумена въ случаѣ кончины столѣтняго старца Герасима, безусловно повиновался о. Іерониму и нерѣдко получалъ отъ него выговоры даже и при мнѣ" [2]). Эти-то „выговоры" и были „тяжелымъ искусомъ" для о. Макарія, такъ какъ большею частію проступки его вытекали непосредственно изъ глубины его добраго впечатлительнаго сердца, весьма чуткаго къ горю и радости своего ближняго и съ обычной точки зрѣнія не только незаслуживали порицанія, а напротивъ, должны бы быть одобряемы и награждаемы. Наблюдательный и правдивый біографъ о. Макарія, неоднократно нами цитуемый, К. Леонтьевъ, приводитъ весьма характерный случай подобнаго искуса.

„Однажды, разсказываетъ онъ, пришлось архимандриту Макарію, по особому случаю, служить (не помню въ какой

---

[1]) Ibid. № 192.
[2]) Ibid. № 246.

праздникъ, обѣдню за чертой Аѳона [1]) на ватопедской башнѣ. Башня эта, служившая когда-то крѣпостью для защиты монашескихъ береговъ, теперь имѣетъ значеніе простого хутора или подворья какого-то, принадлежащаго богатому греческому монастырю Ватопедъ. Въ башнѣ есть очень маленькая и бѣдная домовая церковь. Въ ней-то и совершилъ о. Макарій литургію въ сослуженіи молодого приходскаго греческаго священника изъ ближайшаго селенія Ериссо... Онъ съ молодымъ священникомъ, приглашеннымъ для совмѣстнаго съ нимъ служенія, не только обошелся какъ нельзя ласковѣе, но даже на прощаніе подарилъ ему для его приходской церкви очень красивые и совсѣмъ новые воздухи бѣлаго глазета съ пестрымъ шитьемъ. (О. Макарій привезъ ихъ съ собою, зная, до чего убога церковь на этой заброшенной башнѣ). Когда, по окончаніи обѣдни, мы сѣли—онъ на мула, я на лошадь свою и поѣхали обратно въ Русикъ, о. Макарій самъ сознался мнѣ въ этомъ добромъ дѣлѣ своемъ, небольшомъ, конечно, по вещественной цѣнности, но очень значительномъ по нравственному смыслу, (ибо это былъ даръ святогорца представителю враждебнаго святогорцамъ селенія). Отецъ Макарій сказалъ мнѣ съ тѣмъ веселымъ и сіяющимъ умомъ и добротою—выраженіемъ лица, которое я такъ любилъ.

— „Мнѣ ужъ и его бѣднаго (т. е. молодого священника) захотѣлось утѣшить. Пусть и онъ повеселѣе уѣдетъ домой“...

Въ словахъ о. Макарія, обращенныхъ ко мнѣ, когда мы тронулись въ путь,—мое, и безъ того такъ сильно расположенное къ нему, сердце прочло столько живой и тонкой любви, что мнѣ захотѣлось тотчасъ же поцѣловать его благородную руку! И будь мы одни, безъ свиты, я навѣрное и, сидя верхомъ, сдѣлалъ бы это. Да, меня восхитило это трогательное движеніе его сердца, но не такъ взглянулъ на дѣло, общій намъ обоимъ, суровый и великій наставникъ.

---

[1]) Границей святой Горы отъ «міра» считается небольшой ручей, текущій по кустамъ, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ оканчивается плоскій, низменный перешеекъ и начинается первая аѳонская крутизна. *Примѣч. К. Леонтьева.*

Когда, вернувшись въ Русикъ, я пришелъ въ келью къ о. Іерониму, онъ сказалъ мнѣ при самомъ архимандритѣ:

„Отецъ Макарій-то видѣли? Воздухи подарилъ священнику! Съ какой стати раздавать такъ ужъ щедро монастырское добро—и кому же: врагу аѳонскаго монастыря“!

Отецъ Макарій сначала молчалъ и улыбался только, а потомъ сказалъ что-то, не помню, до этого дѣла вовсе не касающееся и ушелъ. Оставшись со мною на единѣ, о. Іеронимъ вздохнулъ глубоко и сказалъ:

„Боюсь я, что онъ безъ меня все истратитъ. Онъ такъ ужъ добръ, что дай ему волю, такъ онъ все тятинькино наслѣдство въ орешекъ сведетъ“!

Я, разумѣется, сталъ защищать о. Макарія и мнѣ было немножко досадно на старца, что онъ вмѣсто того, чтобы раздѣлять нашу небольшую духовную радость, охлаждаетъ ее практическими соображеніями. На возраженія мои отецъ Іеронимъ отвѣчалъ мнѣ кратко и серьезно, съ одной изъ тѣхъ небесно-свѣтлыхъ своихъ улыбокъ, которыя чрезвычайно рѣдко озаряли его мощное и строгое лицо и дѣйствовали на людей съ неотразимымъ обаяніемъ. Онъ сказалъ мнѣ такъ:

— „Чадочко Божіе, не бойся! *Его сердца мы не испортимъ... онъ ужъ слишкомъ милосердъ и благъ.* Но вѣдь игумену сто лѣтъ; я тоже приближаюсь къ разрѣшенію моему,— *ему скоро придется быть начальникомъ, пасти все это стадо... И гдѣ же? здѣсь на чужбинѣ!* Само по себѣ—оно и хорошо, что онъ эти воздухи подарилъ, и вы видите по жизни нашихъ монаховъ, что имъ самимъ-то ничего ненужно. Но монастырю средства нужны. *И отца Макарія надо безпрестанно воздерживать и пріучать къ строгости. Онъ у насъ „увлекательный“ человѣкъ*“.

Такъ сказалъ старецъ.

При видѣ этой неожиданной и неизобразимой улыбки на прекрасномъ величественномъ ликѣ, при еще менѣе ожиданной для меня рѣчи на „ты“ со мною,—при этомъ отеческомъ воззваніи—„чадочко Божіе“—ко мнѣ сорокалѣтнему и столь грѣшному, мнѣ захотѣлось уже не руку поцѣловать у него,

а упасть ему въ ноги и поцѣловать валеную старую туфлю на ногѣ его. Даже и эта ошибка „увлекательный“ вмѣсто „увлекающійся“ человѣкъ,—эта маленькая „немощь образованія“ въ связи съ столькими великими силами духа и она восхитила меня“! [1]).

Весьма нерѣдко случалось о. Макарію получать выговоры отъ о. Іеронима и монастырскія наказанія, въ видѣ канона на четкахъ, даже въ такихъ случаяхъ, когда онъ былъ правъ. Исполняя свою обязанность по должности второго духовника, а позже даже и будучи уже архимандритомъ, о. Макарію нерѣдко приходилось наталкиваться на разнаго рода проступки монашествующей братіи, за которые онъ, по уставу монастыря, на виновныхъ налагалъ каноны, смотря по степени проступка каждаго. Нерѣдко случалось, особенно съ новоначальными монашествующими, еще недостаточно дисциплинированными и съ вспыльчивымъ характеромъ, что они оставались недовольными тѣми канонами, которые на нихъ налагались о. Макаріемъ. Раздраженные и озлобленные они отправлялись съ жалобою на о. Макарія къ о. Іерониму и въ рѣзкихъ выраженіяхъ высказывали ему свое неудовольствіе. Старецъ о. Іеронимъ молча и спокойно выслушивалъ несвязную и горячую рѣчь недовольнаго, при чемъ въ большинствѣ случаевъ былъ на лицо и обвиняемый, понимая всю неправоту задѣтаго за живое жалобщика и въ душѣ вполнѣ раздѣляя мнѣніе о. Макарія, старецъ духовникъ обыкновенно заключалъ невозмутимо-спокойнымъ тономъ: „Богъ да проститъ“ и протягивалъ въ знакъ разрѣшенія отъ „канона“ свою широкую мускулистую руку для лобызанія виновному. Затѣмъ, слегка повернувшись въ сторону о. Макарія, прибавлялъ: „Ты—не правъ, и посему самъ потяни канонъ въ столько-то четокъ“. Яркая краска стыда и оскорбленнаго невинно самолюбія разливалась по его блѣдному изнуренному лицу, но черезъ минуту, подавивъ въ себѣ чувство неудовольствія, онъ съ нѣжною улыбкою на устахъ, подходилъ къ рукѣ любимаго старца за благословеніемъ, чтобы немедленно же въ

[1]) «Граждан», 1889 г. № 246.

своей келіи исполнить канонъ за другого. Изъ келіи духовника оба выходили довольными и счастливыми: одинъ съ сознаніемъ того, что онъ оправдался предъ о. духовникомъ, котораго всѣ боялись въ монастырѣ, а другой, что ему Господь послалъ новое испытаніе и, быть можетъ, на пользу ближняго. И дѣйствительно, какъ нерѣдки бывали случаи, что жалобщики, особенно если это были люди неиспорченные нравственно и не загрубѣли въ порокахъ, а только лишь вспыльчивые по натурѣ, выйдя съ торжествомъ побѣжденнаго изъ келіи духовника, еще на пути въ собственную келію начинали раскаиваться въ несправедливо нанесенномъ оскорбленіи о. Макарію, съ кротостію принявшему это оскорбленіе, и весьма часто возвращались къ духовнику и падали ему въ ноги съ словами: „батюшка, простите меня окаяннаго! Я погорячился, благословите мнѣ канонъ понести". Также молча и спокойно выслушивалъ эту покаянную кроткую рѣчь раскаившагося о. духовникъ, какъ и первую безсвязно-горячую, говоря ласковымъ голосомъ: „Богъ благословитъ", т. е. нести уже разъ наложенный канонъ. Радовался о. Іеронимъ, видя это чистосердечное покаяніе виновника, радовался и веселился, смотря на своего любимца о. Макарія, восходящаго отъ силы въ силу въ дѣлѣ своего нравственнаго усовершенствованія съ каждымъ днемъ и одновременно съ этимъ все болѣе и болѣе, не смотря на свою сравнительную молодость, пріобрѣтающаго почтеніе и уваженіе въ средѣ иноковъ обители.

Разсказы иноковъ аѳоно-пантелеимоновской обители переполнены подобными фактами отношеній между двумя великими старцами, и въ нихъ мы не усматриваемъ даже и тѣни какихъ либо случайныхъ недоразумѣній между старцами. Опытный „въ иноческомъ подвигѣ" о. Іеронимъ хорошо зналъ натуру своего ученика и уроки „искушеній" никогда не возлагалъ на него выше его силъ, или старался искусно соразмѣрять съ степенью его воспріимчивости, а мягкій и привязанный къ нему, любящій всѣми силами своей нѣжной души о. Макарій привыкъ безпрекословно подчиняться волѣ „батюшки", научился и опытно *дознался, что все то,* что дѣлается, или что исходитъ отъ него,

все хорошо и направляется ко благу или его лично или же цѣлаго монастыря. Отсюда-то миръ, любовь и единомыслiе сохранились между старцами до ихъ послѣдней разлуки, послѣдовавшей съ кончиною о. Iеронима 14 ноября 1885 года. Поэтому-то никому эта разлука не была такъ горька и чувствительна, какъ о. Макарiю, который свою христiанскую скорбь выразилъ въ замѣчательно-краснорѣчивомъ словѣ [1]),

[1]) Мы считаемъ весьма умѣстнымъ помѣстить это небольшое слово о. Макарiя здѣсь цѣликомъ, такъ какъ оно въ значительной степени дополнитъ сдѣланную нами характеристику личности о. Iеронима. Вотъ это слово: «И такъ любвеобильнѣйшiй отецъ и великiй благодѣтель нашъ, сострадательный ко всѣмъ помощникъ, люботрудный ктиторъ обители, вѣрный наставникъ ко спасенiю и стяжатель рѣдкаго дара умной молитвы, духовнаго разсужденiя и другихъ дарованiй и добродѣтелей,—теченiе свое ты совершилъ на землѣ силою укрѣпившаго и обогатившаго тебя Христа, преплылъ житейское море многоразличныхъ искушенiй, бѣдъ и болѣзней, благодатiю Его окриляемъ и обрѣлъ себѣ милостiю Божiею ничѣмъ невозмущаемый покой. Но что за сонмы окружаютъ тебя? Вождь, отче и наставниче нашъ, се чада твои прiидоша къ тебѣ, не кончину твою зрѣти, но отъ медотичивыхъ устъ твоихъ глаголы живота вѣчнаго слышати, а ты спишь, сомкнувъ очи и уста свои. Возстани и благослови! Увы, онъ бездыханенъ!.. Отче умолкли твои привѣтливыя слова, съ которыми всѣхъ встрѣчалъ ты, слова состраданiя, одобренiя и утѣшенiя, съ которыми всѣхъ отпускалъ отъ себя. Увы, какая плачевная утрата! Гдѣ нашъ отецъ? Гдѣ нашъ наставникъ? Кого мы лишились? Отче, отче! Пробудись и вонми: бѣдность проситъ милостыню, странникъ жаждетъ твоего утѣшенiя, больной ждетъ твоихъ молитвъ и утѣшенiя, падшiй въ искушенiе ждетъ отрады въ своей бѣдѣ. Но нѣтъ, вѣрно ни мой голосъ, ни голосъ всѣхъ насъ не сильны возбудить тебя. Послѣ 33-лѣтняго странничества твоего въ отечествѣ и послѣ 50-лѣтней жизни иноческой и духовнической на св. Горѣ, жизни многополезной и благоплодной, и съ тѣмъ вмѣстѣ многоскорбной и многоболѣзненной, ты возлегъ на долгiй покой и крѣпкiй сонъ до гласа трубы архангельской. Давно желалъ и жаждалъ ты разрѣшиться отъ узъ плотскихъ и денно-нощно молился о томъ; любовь же къ тебѣ всѣхъ чадъ твоихъ какъ бы пересиливала твою молитву общимъ молитвеннымъ воплемъ и продленiи жизни твоей для пользы и блага ихъ. А теперь видно пришло время пересидить твоей молитвѣ усердную молитву всего братства. Успокойся же, непрестанный труженниче, до общаго возбужденiя, послѣ котораго да подастъ тебѣ всеблагiй Мздовоздаятель и вѣчное упокоенiе со святыми. Но, Владыко живота и смерти! Ты зриши нашу скорбь, слышиши стенанiя сердецъ нашихъ, зриши потоки слезъ, орошающихъ очи наши, дерзаемъ Тебѣ рещи: гдѣ имамы наставника и совѣтника ко спасенiю нашему? Гдѣ обрящемъ утѣшенiе въ скорбяхъ и напастяхъ, послѣ взятiя Тобою сего мудраго наставника, опытнаго руководителя и любвеобильнаго пѣстуна нашего? Сего ради, припадающе

сказанномъ имъ надъ прахомъ о. Іеронима, при послѣднемъ цѣлованіи. Горячую любовь къ своему покойному духовнику, уваженіе къ его авторитету сохранилъ о. Макарій и послѣ этой разлуки до самой своей мирной кончины. Ежедневно до самой своей кончины, послѣ утренней и вечерней трапезы, о. Макарій склонялъ свою старческую главу надъ дорогой ему могилою подъ мощные звуки общебратскаго пѣнія „Со святыми упокой“, и всѣ замѣчательные дни въ жизни почившаго были, какъ для него самаго, такъ и для всей братіи монастыря, днями особенно усердной и продолжительной молитвы объ упокоеніи почившаго въ нѣдрахъ Авраама. Часы рѣдкаго отдыха, или глубокихъ размышленій онъ любилъ проводить въ кельѣ почившаго, въ которой, по приказанію о. Макарія, всѣ вещи почившаго были оставлены въ томъ самомъ видѣ и положеніи, въ какомъ они находились въ моментъ смертнаго часа ихъ владѣльца. Сюда о. Макарій удалялся, чтобы подышать въ той атмосферѣ, которая окружала великаго старца и вдохновляла его къ его высокой миссіи, здѣсь онъ *мысленно* повѣрялъ свои думы и туги сердечныя своему батюшкѣ, какъ онъ это прежде дѣлалъ, при его жизни, „усты ко устомъ“, черпая всегда изъ глубокаго кладезя его духовной и практической опытности ободренія и утѣшенія въ трудномъ дѣлѣ духовнаго управленія такою великою паствою, какъ русскій Пантелеимоновскій монастырь съ болѣе

молимъ Тя, благоутробне Господи: прими въ руцѣ Твоего владычнаго защищенія насъ осиротѣвшихъ въ живомъ поученіи слова Твоего и истины, и буди намъ Самъ, со всеблагою Матерью Твоею, руководителемъ и вождемъ нашего спасенія, живота и свѣта. Сотвори милость Твою съ преставльшимся отъ насъ отцемъ нашимъ: не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ, прощавшимъ всѣхъ; аще бо беззаконія назриши, Господи, то кто постоитъ, аще и единъ день житія его будетъ на землѣ? Дадимъ убо послѣднее цѣлованіе незабвенному нашему отцу и мудрому наставнику, оросимъ прахъ его слезами, съ возношеніемъ теплыхъ молитвъ о упокоеніи его въ нѣдрахъ Авраамовыхъ. Ты же, отче нашъ, молимъ тя послѣднимъ нашимъ прошеніемъ: аще дастъ тебѣ Господь дерзновеніе къ престолу величествія Своего, не забуди насъ чадъ своихъ, посѣщая души и сердца наши, испрошеніемъ благодати отъ Господа нашего Іисуса Христа. Прости насъ, руководитель нашъ, иди съ миромъ въ обитель небесную! Въ устахъ и сердцахъ нашихъ не умолкнетъ сей стихъ: вѣчная твоя память, достоблаженный отецъ нашъ, приснопоминаемый! Аминь». А. Ковалевскій. Іеросхим. Іеронимъ. М. 1887 г., стр. 29—30.

чѣмъ въ тысячу человѣкъ братіею и при томъ русскихъ и грековъ. Оставленныя покойнымъ келейныя записки, [1]) и доселѣ еще не напечатанныя въ цѣломъ видѣ, были въ этомъ случаѣ для о. Макарія нѣкоторою замѣною утраченной личной бесѣды: ими онъ поучался и назидался, и въ нихъ онъ черпалъ уроки духовной житейской опытности.

[1]) Отрывокъ изъ этихъ записокъ напечатанъ отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ: «Изъ келейныхъ записокъ русскаго аѳонскаго старца». Изд. 2-е. 1888 г.

ГЛАВА VI.

СОТРУДНИКИ О. МАКАРІЯ—УЧЕНИКИ И ВОСПИТАННИКИ О. ІЕРОНИМА.

Воспитательное значеніе о. Іеронима по отношенію къ прочимъ членамъ русской общины въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ на Аѳонѣ. Характеристика важнѣйшихъ аѳонскихъ старцевъ и сотрудниковъ о. Макарія, а именно: монаха Азаріи, іеромонаховъ Павла и Арсенія, архимандрита Андрея, іеромонаха Рафаила, архимандритовъ Іерона и Паисія. Обученіе русскихъ иноковъ языкамъ ново-греческому и турецкому. «Русско-греческій словарь—разговоры—грамматика» о. Іеронима и его превосходства предъ подобною книгою г. Каріанди. Воспитаніе русскихъ иноковъ въ обще-аѳонской греческой карейской школѣ. Характеристика дѣятелей русскаго Пантелеимоновскаго монастыря, вышедшихъ изъ этой школы: іеромонаха Наѳанаила, монаха Матѳея и іеромонаха Агаѳадора. Воспитаніе нѣкоторыхъ иноковъ въ университетахъ и академіи (напр. о. архимандрита Геннадія) и причины, почему аѳонскіе монастыри вообще не сочувствуютъ стремленію молодежи къ высшему богословскому образованію. Характеристика второстепенныхъ дѣятелей и сотрудниковъ: іеромонаха Григорія—русскаго кукузеля, іеромонаховъ Михаила, Иларіона, Іосифа, Алексѣя и др. Переходъ къ дальнѣйшему разсказу. Общая характеристика русской монашеской общины на Аѳонѣ словами графа Вогюэ.

ОДИНЪ въ полѣ—не воинъ, гласитъ мудрость народная. И это хорошо понималъ лучшій и умнѣйшій представитель ея о. Іеронимъ. Онъ сознавалъ, что для поднятія пристижа русскаго имени на Аѳонѣ среди мнящихъ себя быти мудрыми эллиновъ, *для той* великой борьбы изъ за обладанія монастыремъ,

какая все съ большею и большею очевидностію назрѣвала, а также для его обладанія, управленія и прогресса,—одной личности, хотя бы и одаренной всѣми талантами,—недостаточно, необходимы были помощники и сотрудники. О. Іеронимъ и въ этомъ отношеніи много работалъ и достигъ, нужно сознаться, замѣчательныхъ результатовъ. Будучи въ одно и тоже время иконописцемъ, строителемъ — техникомъ, музыкантомъ, хорошимъ богословомъ и вообще практическимъ дѣльцемъ, о. Іеронимъ старался сдѣлать такими же и выдающихся лицъ изъ окружающей его братіи. Въ заведенной имъ школѣ иконописи [1]) мастера изъ русскихъ работали подъ руководствомъ опытныхъ учителей, при его непрестанномъ надзорѣ и его личныхъ указаніяхъ, и многіе потомъ изъ этой школы вышли прекрасными иконописцами, поставщиками иконъ для монастыря, щедро раздающаго ихъ своимъ многочисленнымъ почитателямъ. Литографскій [2]) и печатный станки, о чемъ обстоятельнѣе у насъ рѣчь будетъ ниже, находились въ опытныхъ рукахъ и снабжали почти всю обширную территорію нашего отечества картинами религіознаго содержанія, образками на бумагѣ и даже брошюрами духовнаго содержанія. Впрочемъ, печатный аѳонскій станокъ дѣйствовалъ недолго, но литографскій

---

[1]) Эта иконописная школа просуществовала въ монастырѣ недолго, такъ какъ обученные въ ней лучшіе мастера не оставались въ обители, а уходили на келіи и тамъ самостоятельно занимались живописью, снабжая за извѣстную плату произведеніями своей кисти и Пантелеимоновскій монастырь. Школа эта для монастыря доставляла, такимъ образомъ, хлопоты и требовала большихъ расходовъ, но пользы ему не приносила. Вотъ почему нынѣ на Аѳонѣ въ русскомъ монастырѣ не существуетъ никакой школы иконописи, и присылаемыя съ Аѳона русскимъ Пантелеимоновскимъ монастыремъ иконы въ Россію пишутся, по заказу обители, художниками греками, живущими на келіяхъ.

[2]) Говоря о литографскомъ станкѣ на Аѳонѣ, нельзя не упомянуть здѣсь о талантливой личности о. архидіакона Лукіана, мирно доживающаго свой вѣкъ на ближайшей къ монастырю келіи. Первыя литографскія работы на Аѳонѣ были дѣломъ рукъ или его самаго, или же учениковъ, работавшихъ подъ его непосредственнымъ надзоромъ. О. Лукіанъ недурной живописецъ. Его кисти принадлежатъ многія иконы, хранящіяся въ монастырѣ, и даже картины, украшающія монастырскіе архондарики или гостинные.

не прекращалъ свою работу до семидесятыхъ годовъ, когда, наконецъ, нашли болѣе удобнымъ и выгоднымъ литографскія работы перенести въ Москву, гдѣ онѣ производятся и доселѣ.

Съ кончиною старца Серафима-святогорца русская братія Пантелеимоновскаго монастыря осталась безъ опытнаго и дѣлового секретаря, который ей крайне необходимъ для веденія обширной корреспонденціи съ отечествомъ, съ высокопоставленными особами духовнаго и свѣтскаго званій, какъ у насъ въ Россіи, такъ и на востокѣ, занимающими оффиціальное положеніе и имѣющими такое или иное отношеніе къ обители. Обязанности эти были возложены на земляка покойнаго старца Серафима, на о. *Азарію*. Вятскій семинаристъ, нѣкоторое время бывшій препод вателемъ греческаго языка въ одномъ изъ уѣздныхъ духовныхъ училищъ, постриженникъ Пантелеимоновскаго монастыря, о. Азарія обратилъ на себя вниманіе о. Іеронима своимъ глубокимъ природнымъ умомъ, соединеннымъ съ проницательностію и тонкимъ критицизмомъ, а также неистощимымъ чисто русскимъ живымъ юморомъ. Принявъ на себя эту нелегкую обязанность, о. Азарія, благодаря усидчивости и упорному труду, быстро освоился съ своемъ положеніемъ, изучилъ весь монастырскій механизмъ, вошелъ во всѣ дѣла и сталъ, можно сказать, правою рукою покойныхъ старцевъ. Всякое дѣло, такъ или иначе касавшееся монастыря, не прежде начиналось, какъ старцы посовѣтуются съ о. Азаріемъ; никакая бумага монастырская не миновала зоркихъ его глазъ, и всѣ совѣты его и замѣчанія имѣли въ глазахъ старцевъ весьма важное значеніе. Особенную услугу о. Азарія оказалъ монастырю во время распри русскихъ съ греками изъ-за правъ на монастырь. О. Азарія, можно сказать, одинъ вынесъ эту борьбу на своихъ могучихъ плечахъ. Посреди дѣловой и весьма сложной обширной оффиціальной переписки, о. Азарія находилъ время ратовать за правое русское дѣло и путемъ печати. Его перу принадлежатъ статьи, печатавшіяся въ нѣкоторыхъ греческихъ константинопольскихъ, аѳинскихъ и нашихъ русскихъ („Московскія вѣдомости“ и „Голосъ“) газетахъ, подъ псевдонимомъ „любителя истины“. Спокойное изложеніе фактовъ исторіи и

трезвый взглядъ на дѣло много содѣйствовали въ свое время разъясненію его и успокоенію умовъ, встревоженныхъ задорнымъ тономъ нѣкоторой части восточной журналистики. Ему принадлежитъ первая мысль о приведеніи въ извѣстность всѣхъ наличныхъ документовъ обители и объ изданіи ихъ въ свѣтъ въ русскомъ переводѣ, который онъ же и выполнилъ. Перу его принадлежатъ двѣ книги, неутратившія значенія и цѣнности и въ настоящее время: „Аѳонскій Патерикъ“ и „Сказанія о жизни Божіей Матери“. О. Азарія привелъ въ порядокъ монастырскую библіотеку и подготовилъ во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго себѣ ученика и преемника въ лицѣ о. Матѳея.

Экономическая хозяйственная сторона обители была поручена весьма умному, энергичному до самоотверженія и опытному въ хозяйствѣ о. Павлу, уроженцу Острогожска, Воронежской губерніи, который въ этой должности остается и по настоящее время. Отличаясь замѣчательною силою воли и характера, несокрушимою настойчивостію въ исполненіи своихъ нерѣдко весьма сложныхъ плановъ, особенно въ строительномъ дѣлѣ, которые иногда по своей смѣлости приводятъ спеціалистовъ даже въ изумленіе, неутомимый и подвижный далеко не по своимъ солиднымъ лѣтамъ, о. Павелъ представляетъ изъ себя рѣдкій образецъ домовитаго хозяина, которому отдаютъ дань уваженія за это даже греческіе аѳонскіе иноки, вообще недружелюбно расположенные къ русскимъ. Отсюда весьма понятно то выдающееся положеніе сего старца, особенно при нынѣшнемъ игуменѣ — аскетѣ, какое онъ занимаетъ среди братіи. Вся внѣшняя сторона дѣятельности монастыря находится въ мощныхъ рукахъ эконома о. Павла; все относящееся сюда исходитъ отъ него непосредственно и къ нему направляется; на долю игумена-аскета остается духовное водительство братіи по пути духовнаго усовершенствованія, каковой путь ему болѣе знакомъ и доступенъ. Не въ этихъ ли качествахъ ума и характера, а также въ его высоко-честной тридцатилѣтней дѣятельности на пользу дорогой ему обители, никѣмъ никогда не заподозрѣнной, кроются, быть можетъ, причины недовольства со стороны нѣкоторыхъ выдающимся положеніемъ этой личности въ обители?

Трудно дать вѣрную оцѣнку живой личности; правдивая характеристика возможна послѣ смерти, когда улягутся человѣческія страсти, но, на сколько мы знаемъ и понимаемъ нынѣшнее положеніе вещей въ русской Пантелеимоновской обители, должны откровенно сказать, что о. Павелъ, какъ экономъ этой обители, не замѣнимъ...

Ближайшимъ помощникомъ о. Павла былъ хорошо извѣстный у насъ въ Россіи іеромонахъ Арсеній, [1]) большею частію, вмѣсто Аѳона, проживший и даже скончавшійся въ предѣлахъ своего отечества. Уроженецъ Тверской губерніи, купеческій сынъ, онъ получилъ первоначальное образованіе въ уѣздномъ училищѣ и до поступленія въ монашество жилъ долгое время въ Петербургѣ у дяди Базилевскаго, служившаго управляющимъ по откупамъ. Здѣсь онъ на личныя средства продолжалъ свое образованіе: обучался коммерческимъ наукамъ, французскому языку и музыкѣ. Въ хорошемъ обществѣ, которое окружало въ это время Александра Ивановича (мірское его имя), онъ докончилъ свое самообразованіе и усвоилъ пріемы свѣтскаго приличія. Изъ Петербурга онъ очутился довѣреннымъ лицемъ на золотыхъ пріискахъ въ Енисейскѣ, въ компаніи Баркова, а оттуда, по смерти своего отца, онъ переѣхалъ въ Чистопольскій уѣздъ Казанской губерніи и устроилъ здѣсь свой свѣчной и мыловаренный заводъ. Въ Казани онъ задумалъ было жениться, но невѣста, засватанная имъ у одного изъ мѣстныхъ купцовъ, неожиданно отказала ему. Этотъ отказъ подѣйствовалъ на него удручающимъ образомъ, и онъ находился въ нерѣшительности, какъ направить свою жизнь дальше. Поступленіе его меньшаго брата Іоанна въ послушники Саровской пустыни вывело его изъ затрудненія, и онъ безповоротно рѣшилъ оставить всѣ свои дѣла и послѣдовать примѣру меньшого брата. Но прежде чѣмъ избрать для себя какое нибудь пристанище въ видѣ монастыря, онъ рѣшился посѣтить православный востокъ и удовлетворить влеченію сво-

---

[1]) Его біографическій очеркъ напечатанъ отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ: «Русскаго на Аѳонѣ Пантелеимоновскаго монастыря іеромонахъ Арсеній» изд. 3, М. 1890 г.

его сердца съ ранняго дѣтства. Заѣхавъ по пути на Аѳонъ, Александръ Ивановичъ увлекся строгостію общежительныхъ порядковъ въ монастырѣ и рѣшилъ поступить въ число его иноковъ. Послѣ прохожденія общихъ для всѣхъ братій послушаній, его, какъ опытнаго и знакомаго съ письмоводствомъ, назначили въ монастырскую канцелярію подъ руководство о. Пантелеимона [1]) для веденія обширной монастырской корреспонденціи. Здѣсь симпатичныя стороны его мягкаго характера, его домашнее самообразованіе, начитанность въ свято-отеческой литературѣ и бойкое перо съ весьма изящнымъ почеркомъ не остались незамѣченными опытными старцами обители, и они порѣшили дать этому талантливому человѣку иное назначеніе. 6 марта 1859 года о. Арсеній былъ постриженъ въ монахи, 11 іюня 1861 года рукоположенъ въ іеромонаха, а 28 августа 1862 года отправленъ въ Россію съ святынею для сбора милостыни на пользу обители. Выборъ лица для такой трудной миссіи сдѣланъ былъ весьма удачно, а по этому и результаты ея, какъ и нужно было ожидать, были блистательные. Окончивъ съ успѣхомъ возложенное на него порученіе, о. Арсеній, однако, не возвратился на Аѳонъ, а, по указанію старцевъ, долженъ былъ оставаться въ Москвѣ съ аѳонскою святынею, временно помѣщенною при Богоявленскомъ монастырѣ. Здѣсь на него возложена была издательская дѣятельность монастыря, въ которой онъ былъ не только механическимъ исполнителемъ чужихъ распоряженій, но и главнымъ редакторомъ этихъ изданій, а, со времени изданія журнала „Душеполезный Собесѣдникъ“, даже и плодовитымъ сотрудникомъ его. Отсюда же изъ Москвы, онъ велъ первоначально всѣ дѣла относительно устройства на Кавказѣ Симоно-Кананитскаго монастыря, именуемаго „Новымъ Аѳономъ“. Всѣ порученія, возлагавшіяся

---

[1]) Личность о. Пантелеимона заслуживаетъ нѣкотораго къ себѣ вниманія со стороны нашихъ читателей. О немъ мы скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, въ XI главѣ: «издательская дѣятельность русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ». Здѣсь же отмѣтимъ, что, на первыхъ порахъ, своего вступленія въ монастырь, онъ, за грамотность и недурной почеркъ, былъ сдѣланъ руководителемъ монастырской канцеляріи и пользовался вполнѣ расположеніемъ къ себѣ старцевъ монастыря.

на него монастыремъ, онъ выполнялъ съ замѣчательною энергіею и добросовѣстностію, не щадя собственныхъ силъ и здоровья. Но на долю о. Арсенія неожиданно для него самаго выпалъ и новый трудъ, выполнить который можетъ только личность незаурядная. Во время своего путешествія со святынею по Россіи, а потомъ уже живя въ Богоявленскомъ монастырѣ Москвы, о. Арсеній, благодаря своей общительности и симпатичному характеру, пріобрѣлъ очень много знакомыхъ въ разныхъ слояхъ русскаго общества. Отъ этихъ знакомыхъ о. Арсеній былъ заваленъ письмами съ разнаго рода вопросами относительно жизни въ мірѣ, поступленія въ монашество и жизни въ монастырѣ, относительно разнаго рода сомнѣній и колебаній немощной совѣсти человѣка и т. п. О. Арсеній никогда и никому не отказывалъ въ своемъ совѣтѣ, въ сердечномъ утѣшеніи и въ добромъ словѣ, хотя, при сложности возлагавшихся на него порученій изъ монастыря, на корреспонденцію съ знакомыми онъ удѣлялъ время обыкновенно изъ короткой своей ночи, засиживаясь нерѣдко за нею до самой утрени. Всѣ письма его [1]) дышали отеческою любовью, всегдашнею готовностію разтворить душевную скорбь ближняго сердечнымъ участіемъ и словомъ утѣшенія и ободренія. Теплотою и задушевностію вѣяло отъ каждаго его слова. Широкое и всестороннее знакомство съ жизнію, рѣдкая опытность въ духовной жизни, большая начитанность въ свято-отеческой литературѣ—все это дѣлало его письма въ высшей степени поучительными, занимательными, и они доставляли получавшимъ ихъ истинную отраду, величайшее наслажденіе. Великую пользу принесъ русскому народу о. Арсеній своими письмами и издательскою дѣятельностію, но его заслуги для обители, можно сказать, неисчислимы. Живя въ первопрестольной столицѣ русскаго государства, жители которой искони отличаются религіозностію, усердіемъ и щедродательностію на нужды храмовъ и монастырей, покойный о. Арсеній не только служилъ молебны и собиралъ мило-

---

[1]) Часть этихъ писемъ издана въ особыхъ брошюрахъ: «Письма въ Бозѣ почившаго аѳонскаго старца іеромонаха о. Арсенія къ разнымъ лицамъ» въ *2-хъ выпускахъ.*

стыню, но главнымъ образомъ направлялъ свои усилія къ тому, чтобы прочно обосноваться въ Москвѣ и имѣть право говорить: „вотъ и мы теперь, помощію угодника Божія, постоянные жители Москвы“. Этого онъ и достигъ вполнѣ, устроивъ на одной изъ бойкихъ улицъ Москвы аѳонскую часовню во имя св. Пантелеимона, которая даетъ русскому Пантелеимоновскому монастырю богатыя матеріальныя средства и, конечно, на долго останется главнымъ источникомъ ея обезпеченія,—это, съ одной стороны, а съ другой, таже часовня является посредницею живого и легкаго общенія между Россіею и русскимъ народомъ и Аѳономъ и русскою Пантелеимоновскою обителью на немъ.

Нѣкоторое время труды о. Арсенія въ Москвѣ раздѣлялъ съ нимъ нынѣшній игуменъ—архимандритъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря о. Андрей, который, однако, оставался на этомъ послушаніи сравнительно недолго. Любя уединеніе, по природной склонности къ аскетизму, о. Андрей тяготился суетливою столичною жизнію и удалился на Аѳонъ въ монастырь, гдѣ онъ дѣлилъ все свое время между точнымъ выполненіемъ всѣхъ монастырскихъ, положенныхъ, по уставу, службъ, и келейными духовными упражненіями аскетическаго характера. Благодаря симпатичному голосу, ясной и выразительной дикціи, о. Андрей пользовался среди братіи обители славою лучшаго „канонарха“, въ каковой роли имѣли удовольствіе его видѣть и слышать всѣ тѣ изъ посѣтителей Аѳона, которые пріѣзжали туда къ „нарочитымъ“ или великимъ праздникамъ. Какъ „строитель Таинъ Божіихъ“,—это выдающійся примѣръ благоговѣнія, истаго ревнителя церковнаго благолѣпія и строгаго выполнителя православнаго богослуженія „разумно и благообразно“, по сложившимся на Аѳонѣ преданіямъ старцевъ. За свою высоко-аскетическую жизнь, о. Андрей долгое время состоялъ на „хуторѣ“ Крумица духовникомъ довольно многочисленной братіи, живущей тамъ постоянно для работъ.

Въ монастырѣ среди русскихъ монашествующихъ всегда выдвигался, и весьма замѣтно, симпатичный іеромонахъ и духовникъ о. Рафаилъ (вятичъ). Съ полугимназическимъ образованіемъ, начитанный въ свято-отеческой литературѣ и

даже свѣтской, живой и остроумный о. Рафаилъ для образованныхъ посѣтителей русскаго Пантелеимоновскаго монастыря былъ незамѣнимымъ собесѣдникомъ, „живымъ человѣкомъ“ посреди людей „не отъ міра сего“. Красивая наружность, изящныя манеры, развязная и остроумно-бойкая рѣчь его производила на этихъ посѣтителей самое пріятное впечатлѣніе, и они уѣзжали изъ обители положительно очарованными о. Рафаиломъ. Тѣ же симпатичныя качества его характера и хорошее знаніе современнаго разговорнаго ново-греческаго языка расположили въ его пользу и даже снискали ему почетную извѣстность и средц монашествующихъ аѳонскихъ грековъ. Старцы обители не могли не понимать того значенія, какое естественнымъ образомъ онъ занялъ въ средѣ братства, и стали, не смотря на его сравнительную молодость, недавность въ обители и даже нѣкоторыя „немощи“, постепенно возвышать его въ глазахъ старцевъ-іеромонаховъ. О. Рафаилъ имѣлъ всѣ доступныя аѳонскому иноку награды: набедренникъ и палицу, считался настоятелемъ греческаго пантелеимоновскаго собора и носилъ почетнѣйшее на Аѳонѣ титло „духовника“. Въ виду этого на Аѳонѣ греки, болгары, русскіе и даже нѣкоторые изъ братіи Пантелеимоновской обители стали смотрѣть на о. Рафаила, какъ на будущаго преемника игумена Макарія. Мысль эта, кажется, не была чужда и самому о. Рафаилу, о чемъ можно догадываться по его настойчивому желанію видѣть „преемника“ объявленнымъ, еще при жизни покойнаго о. Макарія. Провидѣнію, какъ увидимъ послѣ, угодно было жребіемъ указать преемника покойному игумену въ лицѣ нынѣшняго игумена о. Андрея, никогда не мечтавшаго объ этой высокой чести, и разрушить тайныя надежды желавшихъ ея. Оставалось примириться, такимъ образомъ, съ совершившимся фактомъ, какъ это и сдѣлали другіе люди, не менѣе сильные характеромъ и умомъ и не мало потрудившіеся на пользу своей обители, но о. Рафаилъ почему-то посмотрѣлъ на дѣло Божіе иначе. Съ вступленіемъ на игуменскій тронъ о. Андрея, когда устанавливался нынѣшній порядокъ жизни въ русской Пантелеимоновской обители на Аѳонѣ, когда, слѣдовательно, требовалась особая, дружеская, совмѣстная работа

всѣхъ представительныхъ старцевъ ея, о. Рафаилъ неожиданно сдѣлался не только лицемъ совершенно индеферентнымъ, но тайно всталъ даже въ оппозицію къ этому порядку. Едва ли можно было отъ этого ожидать благихъ послѣдствій для обители, и трудно было бы предсказать, чѣмъ все это кончилось, если бы счастливый случай не вызвалъ о. Рафаила изъ Пантелеимоновской обители и не поставилъ его во главѣ знаменитѣйшей русской Саровской обители. Русская Пантелеимоновская обитель проводила о. Рафаила со скорбію, потому что она потеряла въ немъ талантливую силу, но съ сердечнымъ пожеланіемъ ему трудиться успѣшно на пользу дорогого отечества въ свято-чтимой русскимъ народомъ обители и обрѣсти снова „миръ душевный“, котораго онъ лишился въ послѣдніе дни своего пребыванія на Аѳонѣ...

Нынѣшній архимандритъ—игуменъ ново-аѳонской Симоно-Кананитской обители о. Іеронъ — человѣкъ скромный и въ высшей степени трудолюбивый. Воспитывался онъ въ обители подъ непосредственнымъ вліяніемъ знаменитыхъ старцевъ, будучи келейникомъ о. Макарія. Въ качествѣ помощника эконома практически достигъ весьма замѣчательныхъ познаній по части архитектурной и инженерной и, устройствомъ ввѣренной его попеченію обители на Кавказѣ, онъ приводитъ въ восторгъ не только обычныхъ посѣтителей-поклонниковъ своей новосозданной обители, но даже удостоился одобренія Ихъ Величествъ [1]), въ послѣднее путешествіе на Кавказъ въ 1888 году.

Неоспоримо важную услугу оказалъ монастырю извѣстный о. Паисій [2]), болѣе двадцати лѣтъ занимавшій должность завѣдывающаго подворьемъ въ Константинополѣ. Полуграмотный, но отъ природы весьма умный, съ непреклонною силою воли и настойчивымъ характеромъ, о. Паисій былъ все время энергичнымъ и неустаннымъ работникомъ для своей обители. Руководимое имъ подворье было всегда образцовымъ въ ряду другихъ русскихъ подворій—Андреевскаго и Ильинскаго и

---

[1]) Граждан. 1888 г. № 296.

[2]) Весьма интересныя свѣдѣнія сообщаются объ о. Паисіи въ корреспонденціяхъ «Новаго Времени» за 1888 г. № 4,540 и № 4,547.

и охотно привлекало въ свои гостепріимныя стѣны массы нашихъ поклонниковъ и поклонницъ. Для этихъ послѣднихъ о. Паисій былъ увлекательнымъ проповѣдникомъ, „прозорливцемъ“, бичевавшимъ ихъ пороки и увлеченія. Имя его было весьма популярно среди поклонниковъ, которые подъ вліяніемъ его убѣжденій и разсказовъ объ Аѳонѣ, нерѣдко измѣняли курсъ своего паломническаго пути и ѣхали на Аѳонъ, вопреки своимъ намѣреніямъ, лишь бы провѣрить разсказы о. Паисія. Такимъ образомъ, о. Паисій привлекъ въ свою обитель многихъ благодѣтелей. Отъ природы весьма умный и общительный по характеру, онъ былъ радушно принимаемъ въ нашихъ константинопольскихъ посольствѣ и консульствѣ, которыя нерѣдко по важнымъ дѣламъ спрашивали совѣта о. Паисія. Не удивительно поэтому, что о. Паисій находилъ для себя самую сильную поддержку въ авторитетѣ своихъ знаменитыхъ старцевъ, сердечно его любившихъ. Къ сожалѣнію, однако, нужно сказать, что весьма полезный въ этой скромной роли аѳонскаго инока, о. Паисій не чуждъ былъ всегда стремленія къ іеромонашеству, на которое онъ, по уставу аѳонскому, не имѣлъ права [1]), и это стремленіе погубило эту весьма полезную силу для монастыря и для нашего отечества. Увлеченный обѣщаніями почестей и архимандритскаго сана со стороны извѣстнаго вольнаго казака Ашинова Н. И., который по долгу проживалъ у него въ Константинополѣ, о. Паисій, на склонѣ лѣтъ своихъ, оставилъ Константинополь и русскій аѳонскій монастырь и, послѣ рукоположенія въ санъ архимандрита въ С.-Петербургѣ, рискнулъ связать свою судьбу съ судьбою упомянутаго авантюриста. Читателямъ хорошо памятна печальная судьба пресловутой абиссинской миссіи [2]) и знаменитая кровавая танд-

---

[1]) О. Паисій когда-то былъ шалопутскимъ пророкомъ. Послѣ отреченія отъ прежнихъ заблужденій, уже на Аѳонѣ описалъ свою небезупречную въ нравственномъ отношеніи жизнь въ этой роли въ особой брошюрѣ: «Вразумленіе заблудшимъ и исповѣдь обратившагося отъ заблужденія». Одесса, 1885 года.

[2]) Л. Николаева. «Абиссинская миссія архимандрита Паисія и Н. И. *Ашинова*». *Одесса, 1889* г.

журская эпопея, а поэтому мы не будемъ говорить объ ней. Воротившись въ Россію, архимандритъ Паисій поселился временно въ Александро-Невской лаврѣ, а нынѣ обреченъ доживать свой недолгій вѣкъ на покоѣ въ Саровской пустынѣ.

Воспитывая будущихъ дѣятелей на благо русской обители на Аѳонѣ, о. Іеронимъ не забывалъ, что этимъ труженникамъ придется всегда работать среди людей иного племени, иного языка, а поэтому для успѣха самаго дѣла необходимо практическое знакомство съ людьми, съ которыми имъ придется жить и дѣйствовать, и знаніе ихъ языка. Всѣми зависящими отъ него мѣрами поощряя иноковъ русскихъ къ изученію языковъ новогреческаго и турецкаго, о. Іеронимъ, самъ прекрасно владѣя языкомъ ромейскимъ или новогреческимъ, рѣшился составить для желающихъ учиться этому языку „Русско-греческій словарь“, въ которомъ помѣстилъ болѣе чѣмъ шесть тысячъ словъ простого греческаго языка, нѣсколько необходимыхъ фразъ для повседневныхъ разговоровъ и краткую грамматику этого языка. Такъ какъ иноки изъ русскихъ большею частію люди, вышедшіе изъ народныхъ школъ и незнакомые съ греческимъ алфавитомъ, не могли читать греческія слова, написанные греческимъ алфавитомъ, изучить который дѣло нелегкое, то о. Іеронимъ рѣшился напечатать свой „Русско-греческій словарь—разговоры—грамматика“ *русскимъ шрифтомъ*, чтобы, такимъ образомъ, облегчить пользованіе этою книгою большинству иноковъ. Словарь этотъ, вышедшій въ свѣтъ въ 1865 г. и набранный руками аѳонскихъ русскихъ иноковъ въ существовавшей тамъ нѣкоторое время *русской типографіи*, для многихъ остается и доселѣ единственнымъ руководствомъ, хотя нынѣ нерѣдко можно видѣть у иноковъ и другую подобную книжку, изданную въ Одессѣ г. Каріанди. Для русскихъ людей, занимающихся изученіемъ новогреческаго языка, книжка о. Іеронима представляетъ больше удобствъ, чѣмъ эта послѣдняя книга, такъ какъ греческія фразы ея переданы весьма близко къ ихъ нынѣшнему произношенію, а не такъ, какъ тѣ же фразы должны быть написаны. Вотъ почему по книжкѣ г. Каріанди рѣшительно нельзя научиться говорить безъ учителя и безъ практики. Благодаря такимъ стараніямъ о. Іеронима, всѣ почти упо-

мянутые дѣятели свободно владѣютъ новогреческимъ языкомъ. Многіе и изъ братіи также хорошо говорятъ на этомъ и болгарскомъ языкахъ. Для изученія турецкаго языка нѣкоторые изъ братіи (напр., нынѣшній грамматикъ о. Матѳей) посылались въ Константинополь, гдѣ они занимались подъ руководствомъ нарочито нанятыхъ учителей.

Но, по сложности дѣлъ монастырскихъ, обители необходимы были всегда и образованные люди изъ русскихъ, для того чтобы изъ нихъ можно было имѣть антипросоповъ для карейскаго кинота, гдѣ дѣла ведутся на греческомъ языкѣ, грамматиковъ (секретарей) для разбора и отвѣтовъ на греческую корреспонденцію, для лицъ, завѣдующихъ метохами и т. д. Вотъ поэтому-то, какъ о. Іеронимъ, такъ потомъ и о. Макарій старались нѣкоторымъ изъ братіи, болѣе способнымъ и чувствующимъ любовь къ наукѣ, давать настоящее школьное образованіе. Послѣ всесторонняго искуса на разныхъ послушаніяхъ, начиная съ мытья тарелокъ, чистки картофеля на обще-братской трапезѣ, ношенія камней, исполненія обязанностей погонщика муловъ, караульщика винограда и огородовъ и т. п., двадцати-лѣтніе юноши крестьяне и мѣщане отправляются на Карею и тамъ засаживаются за греческій букварь. Находясь подъ непрестаннымъ руководствомъ учителя-грека, эти юноши въ теченіи шести-семи лѣтъ настолько изучиваютъ эллинскій языкъ, что владѣютъ имъ потомъ свободнѣе, чѣмъ даже своимъ природнымъ. Эти русскіе ученики наравнѣ съ учениками греками прослушиваютъ полный гимназическій курсъ въ тамошней общеаѳонской школѣ [1]), подъ руководствомъ опытныхъ дидаскаловъ, свободно слушаютъ лекціи на ново-греческомъ языкѣ, легко переводятъ Аристотеля, Платона и читаютъ бѣгло творенія святыхъ отцовъ: Василія великаго, Іоанна Златоуста, Григорія Богослова и другихъ и иногда въ успѣхахъ даже превосходятъ своихъ сверстниковъ природныхъ грековъ. Такую школу образованія прошли выдающіеся дѣятели въ обители св. Пантелеимона о. о. Наѳанаилъ, Матѳей, Агаѳадоръ и др.

---

[1]) Карейская монашеская школа, какъ гласитъ находящаяся на ней надпись, *окончена постройкою* 15 апрѣля 1844 года.

Первый настолько освоился съ греческою жизнію и языкомъ, что рѣшительно ничѣмъ не отличался въ жизни отъ своихъ сотоварищей по киноту, въ которомъ онъ много лѣтъ состоялъ антипросопомъ (представителемъ) русскаго Пантелеимоновскаго монастыря. Не смотря на свое курское происхожденіе, онъ считался на Аѳонѣ за чистокровнаго грека, и трудно было убѣдить аѳонскихъ эллиновъ въ томъ, что въ его жилахъ течетъ настоящая русская кровь. Усвоивъ ихъ образъ жизни до мелочей, зная въ совершенствѣ ихъ языкъ, о. Наѳанаилъ переродился даже и характеромъ. Онъ былъ порывистъ и увлекающійся человѣкъ въ своихъ обычныхъ поступкахъ, рѣчистъ, сидя на балконѣ за стаканомъ холодной воды съ ложкою густого варенья, но онъ въ то же время остороженъ въ важныхъ дѣлахъ, касающихся его монастыря, предусмотрителенъ, изворотливъ и даже хитеръ, когда задѣваются его насущные интересы. Онъ молчаливъ въ кинотѣ, когда ведется разговоръ о дѣлахъ его не касающихся, но рѣчь его быстра и стремительна, когда онъ бывалъ задѣтъ за живое. Однимъ словомъ, и на взглядъ русскаго человѣка—это былъ истый сынъ свободной Эллады. Греки называли его „хитрецомъ“ и весьма рѣдко вѣрили тому, о чемъ онъ говорилъ откровенно, всегда подразумѣвая нѣчто болѣе важное въ тайникѣ его души, о чемъ онъ настойчиво молчалъ. Это-то положеніе и давало ему нерѣдко возможность устраивать и направлять свои дѣла къ благопріятному окончанію совершенно неожиданными для его сотоварищей путями. Эти только бывало дивятся его ловкости и умѣнью все такъ скоро и легко обдѣлывать. Смерть весьма рано отняла у обители этого даровитаго дѣятеля. О. Наѳанаилъ скончался († 1890) г. пятидесяти лѣтъ съ небольшимъ.

О. Матѳей—харьковскій купеческій сынъ, исполняетъ въ монастырѣ должность граматика или секретаря по греческимъ дѣламъ. О. Матѳей корреспондируетъ со всѣмъ Аѳономъ, съ великою церковью константинопольскою и съ правительствомъ. Онъ превосходно владѣетъ языками ново-греческимъ и эллинскимъ классическимъ, пишетъ и читаетъ по турецки, нѣсколько знакомъ съ языками латинскимъ и французскимъ. Это *лингвистъ и ученый* въ настоящемъ, можно сказать, смы-

слѣ этого слова. Свободные часы отъ своихъ прямыхъ обязанностей по должности секретаря онъ проводитъ обыкновенно въ монастырской библіотекѣ, которая, благодаря его неустаннымъ заботамъ и горячей любви къ книгамъ, ежегодно пополняется новыми капитальными пріобрѣтеніями. Въ настоящее время, по количеству рукописей греческихъ и южно-славянскихъ и по ихъ важной научной цѣнности, библіотека нашего монастыря на Аѳонѣ можетъ стоять на ряду съ лучшими библіотеками Аѳона — Лаврскою, Ватопедскою и др. Библіотека приведена въ порядокъ, и о. Матѳей составляетъ обстоятельное описаніе всѣхъ имѣющихся въ его распоряженіи рукописей. Поэтому нерѣдко его можно видѣть въ библіотекѣ надъ сличеніемъ греческихъ твореній рукописныхъ по лучшимъ изданіямъ этихъ твореній западныхъ ученыхъ Мая, Гоара, Свайнсона, Питры, Миня и др., и въ самыхъ рукописяхъ и на поляхъ ихъ разнаго рода замѣчанія и варіанты, сдѣланные его рукою и весьма интересные для ученаго изслѣдователя. Отсюда о. Матѳей обнаруживаетъ замѣчательно богатую эрудицію, которой можетъ позавидовать всякій ученый, и своею начитанностію и знакомствомъ съ рукописями и печатною литературою поражаетъ многихъ ученыхъ путешественниковъ. Но о. Матѳей не только знатокъ богословской письменности, опытный палеографъ, издатель нѣкоторыхъ произведеній древней письменности съ собственными примѣчаніями и предисловіями (Ему въ новомъ изданіи аѳонскаго Патерика принадлежитъ открытіе и изданіе весьма многихъ сказаній объ отцахъ, подвизавшихся на Аѳонѣ), а также страстный нумизматъ, будучи хорошо знакомъ съ восточною нумизматикою, имѣетъ свѣдѣнія въ греческой эпиграфикѣ и любитель древностей классическихъ и церковныхъ. Жажда знаній у этого простого, въ высшей степени скромнаго инока, чуждаго всякихъ почестей и отличій, отказывающагося даже отъ принятія сана іеромонаха, неоднократно ему предлагаемаго, — поразительная. Нѣтъ такого предмета, которымъ бы онъ не интересовался, о чемъ бы онъ не желалъ выслушать разумную рѣчь заѣзжаго спеціалиста, чтобы потомъ пріобрѣтенныя имъ случайною бесѣ*дою свѣдѣнія келей* — примѣнить на дѣлѣ, при своихъ непрерыв-

ныхъ книжныхъ или ученыхъ работахъ. Можно только сожалѣть о томъ, что этотъ даровитый инокъ не прошелъ настоящей систематической школы, безъ которой самыя его занятія двигаются медленно и едвали даже въ полномъ видѣ сдѣлаются когда нибудь достояніемъ людей науки. Свойственная о. Матѳею скромность и флегматичность его характера будутъ всегда стоять на дорогѣ его благихъ намѣреній и всѣхъ прекрасныхъ плановъ [1]).

О. Агаѳадоръ, родомъ москвичъ [2]), еще сравнительно молодой іеромонахъ и антипросопъ русской Пантелеимоновской обители въ карейскомъ протатѣ. Своимъ возвышеніемъ въ монастырѣ онъ обязанъ природному уму, всегдашнему стремленію къ образованію, ради котораго онъ прошелъ полный курсъ наукъ въ карейской школѣ и легко побѣдилъ всю эллинскую премудрость, а также мягкому симпатичному характеру, образцовой монашеской жизни, и вообще прирожденной ему разсудительности. Не смотря на свою молодость, онъ былъ близкимъ человѣкомъ покойнаго о. Макарія, который посвящалъ его въ тайны своихъ помышленій, и нынѣ, какъ опытный и разсудительный духовникъ, пользуется среди монашествующей братіи обители почетомъ и уваженіемъ.

Были примѣры, когда болѣе даровитые иноки, по окончаніи курса карейской школы, поступали въ аѳинскій университетъ и оканчивали курсъ въ нашихъ духовныхъ Академіяхъ. Таковъ бывшій начальникъ аѳинской русской миссіи, о. архимандритъ Геннадій, постриженникъ русскаго Пантелеи-

---

[1]) Прекрасную характеристику личности о. Матѳея сдѣлалъ преподаватель волоколамскаго духовнаго училища П. Соколовъ, посѣтившій св. Гору лично, въ статьѣ: «Русскіе монахи-археологи на Аѳонѣ». Москов. вѣд. 1890 г. № 25 стр. 7.

[2]) О. Агаѳадоръ изъ купеческаго сословія пришелъ подвизаться на Аѳонъ съ двумя другими своими братьями, которые имѣютъ іеромонашескій санъ и всѣ отъ природы люди весьма талантливые. Старшій братъ о. Мина, скончавшійся въ 1888 году, долгое время состоялъ личнымъ секретаремъ о. Макарія и, послѣ своей смерти, оставилъ до 30 книгъ всевозможныхъ замѣтокъ и дневниковъ. Ему мы многимъ обязаны, при составленіи настоящей своей работы. Второй братъ о. Уріилъ—анахоретъ отшельникъ, талантливый иконописецъ, подъ руководствомъ котораго воспиталось нѣсколько весьма *дѣльныхъ живописцевъ.*

моновскаго монастыря на Аѳонѣ, обучавшійся въ аѳинскомъ университетѣ и кандидатъ С.-Петербургской духовной Академіи. Но стремленія проводить своихъ иноковъ чрезъ высшія общеобразовательныя и спеціальныя школы у аѳонскихъ монастырей являются рѣдко. Самое большее, что дѣлаютъ для нихъ обители и старцы богатыхъ аѳонскихъ монастырей—это позволяютъ своимъ питомцамъ окончить курсъ на Халкахъ въ Константинополѣ, въ существующей тамъ богословской школѣ. Это дѣлается вовсе не изъ обскурантизма, какъ полагаютъ нѣкоторые, а изъ естественнаго желанія разумную силу привлечь опять въ свою обитель, чтобы она въ благодарность за воспитаніе поработала бы для ея блага. Тогда какъ иноки съ высшимъ образованіемъ, потолкавшіеся въ стѣнахъ аѳинскаго университета, а иногда и нѣмецкихъ университетовъ, рѣдко потомъ возвращаются въ обитель и стремятся находить подходящую для себя дѣятельность въ міру. Само собою понятно, имѣть полезныя силы, тратить на нихъ средства монастырей, съ тѣмъ чтобы ихъ потомъ потерять навсегда—дѣло нерасчетливое, а поэтому и опасенія аѳонскихъ монастырей по отношенію къ высшей школѣ имѣютъ свои вполнѣ резонныя и, съ практической точки зрѣнія, даже разумныя основанія.

Говоря о выдающихся дѣятеляхъ и сотрудникахъ покойнаго о. Макарія, мы далеки отъ мысли считать представленный нами списокъ таковыхъ полнымъ. Мы знаемъ не мало такихъ лицъ и именъ, которыя хотя и не занимали столь выдающихся положеній въ русской Пантелеимоновской общинѣ на Аѳонѣ, какъ указанные, но дѣятельность которыхъ не прошла безплодною для обители, а посему не можетъ не быть помянута здѣсь благодарностію. Въ числѣ этихъ, такъ сказать, второстепенныхъ дѣятелей русской Пантелеимоновской обители на Аѳонѣ первое мѣсто мы отводимъ симпатичнѣйшему о. іеромонаху Григорію, русскому Кукузелю [1]) на Св. горѣ Аѳонской.

Бывшій крѣпостной крестьянинъ, о. Григорій обладалъ

---

[1]) *Кукузелемъ* называется знаменитый греческій пѣвецъ, жившій на *Аѳонѣ въ лаврѣ св. Аѳанасія*, какъ полагаютъ, въ XII столѣтіи.

отъ природы рѣдкимъ музыкальнымъ талантомъ и свободно владѣлъ многими музыкальными инструментами. Свои музыкальныя способности онъ развилъ, находясь въ составѣ хора и оркестра у своего помѣщика, большого цѣнителя и любителя пѣнія и музыки. Русскій меценатъ обратилъ вниманіе на выдающіяся способности своего дворовaго человѣка и сдѣлалъ его регентомъ и дирижеромъ, а потомъ за эти таланты и труды по приведенію въ образцовый порядокъ его хора и оркестра отпустилъ на свободу. О. Григорій былъ истинный артистъ въ душѣ и продолжалъ служить своему любимому искусству въ родномъ городѣ въ Старомъ Осколѣ. Здѣсь онъ давалъ уроки музыки и пѣнія и устроилъ и управлялъ хорами при многихъ приходскихъ церквахъ. Увлеченный общимъ теченіемъ старооскольской молодежи, стремившейся въ началѣ пятидесятыхъ годовъ въ монашество на Аѳонъ, о. Григорій рѣшился и самъ оставить міръ прозы и искать удовлетворенія своей артистической душѣ въ мірѣ идеальномъ, въ жизни аскетической, гдѣ царитъ одна гармонія, а диссонансы становятся едва уловимы, или совершенно не слышны. О. Григорія мы видимъ въ Одессѣ въ числѣ спутниковъ о. Макарія, гдѣ онъ составилъ весьма недурной хоръ изъ своихъ сотоварищей-паломниковъ. Подъ его руководствомъ тотъ же хоръ на изумрудныхъ водахъ Босфора, въ присутствіи о. Серафима—святогорца, привѣтствуетъ Царьградъ могучими звуками національнаго русскаго гимна: „Боже, Царя храни“. У береговъ св. Аѳонской горы—цѣли стремленія, о. Григорій сыгралъ себѣ и своимъ товарищамъ съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ послѣднюю мірскую лебединую пѣснь на гитарѣ, инструментъ которымъ превосходно владѣлъ о. Григорій и съ которымъ онъ не разставался и во время своего путешествія, и здѣсь на глазахъ у всѣхъ сломалъ гитару и выбросилъ въ море, рѣшившись, какъ онъ намъ лично признавался, отселѣ никогда не брать въ руки ни одного инструмента (особенно любилъ онъ скрипку и, если не измѣнила намъ память, кларнетъ-пистонъ) и „пѣть Богу своему разумно, дондеже есть“. Это свое обѣщаніе онъ выдержалъ до самой смерти. О. Іеронимъ, большой любитель пѣнія церковнаго и *знатокъ; сразу оцѣнилъ* дарованія новоначальнаго инока Пан-

телеимоновской обители и поручилъ ему организовать хоръ изъ русскихъ иноковъ. Съ любовью и увлеченіемъ отдался о. Григорій любимому дѣлу и потратилъ на него всѣ свои богатыя силы духовныя и физическія, благодаря чему онъ достигъ замѣчательныхъ результатовъ. Изъ полуграмотныхъ крестьянъ и мѣщанъ,—главный контингентъ монаховъ русской Пантелеимоновской обители,—онъ образовалъ такой богатый голосами и музыкально-дисциплинированный хоръ, который приводилъ въ восторгъ не только нашихъ паломниковъ, но даже вызывалъ одобренія и восхищенія у нашихъ царственныхъ особъ, у высокопоставленныхъ лицъ русскихъ и иностранныхъ и даже знатоковъ музыки и пѣнія, случайно попадавшихъ на св. Аѳонскую гору. О. Григорій записалъ и переложилъ на голоса весьма много мелодій, такъ называемаго нынѣ, аѳонскаго распѣва и сдѣлалъ не мало переложеній и упрощеній въ піесахъ русскихъ извѣстнѣйшихъ композиторовъ духовной музыки. Традиціи его долго будутъ жить на Аѳонѣ и поддерживаться регентами, учениками покойнаго о. Григорія. Послѣдніе годы своей жизни этотъ въ высшей степени скромный, но богатый талантами человѣкъ, доживалъ, окруженный всеобщею любовію братства, въ кельѣ на Крумицѣ, близъ моря, и являлся въ монастырь на клиросъ только въ храмовые праздники, во время которыхъ мы и познакомились съ этою замѣчательною личностію и имѣли удовольствіе слышать образцовое аѳонское пѣніе подъ его руководствомъ. О. Григорій скончался въ 1890 году въ глубокой старости.

О. Михаилъ, какъ завѣдывающій Пантелеимоновскимъ подворьемъ въ Ростовѣ на Дону, уже много лѣтъ пользуется большою извѣстностію въ Россіи. Казалось, что этотъ человѣкъ созданъ самою природою для Аѳона, чтобы тамъ вести жизнь суроваго анахорета, какимъ онъ остается и въ міру, живя посреди постоянныхъ хлопотъ и заботъ о нуждахъ своей великой обители, но Аѳонъ не даетъ о. Михаилу спокойствія и уединенія и оставляетъ его несмѣнно на одномъ и томъ же посту въ виду его важности, какъ мѣста, откуда получаетъ *монастырь полное* годовое продовольствіе. Энергичная дѣ*ятельность о. Михаила* нашла себѣ оцѣнку и въ правитель-

ственныхъ сферахъ, и о. Михаилъ награжденъ наперстнымъ крестомъ, отъ св. Синода выдаваемымъ.

Нельзя не упомянуть здѣсь объ о. іеромонахѣ Иліодорѣ, который долгое время завѣдывалъ подворьемъ въ Солунѣ и нынѣ считается въ числѣ „представительныхъ“ старцевъ своей обители, объ о. Иларіонѣ, дѣятельнѣйшемъ сотрудникѣ о. архимандрита Іерона и экономѣ ново-аѳонской Симоно-Каноницкой обители, объ о. Іосифѣ, долгое время состоявшемъ завѣдующимъ подворьемъ монастыря въ г. Солуни и любителѣ-пчеловодѣ, который нынѣ почти всецѣло посвятилъ себя уходу за „Божіей пчелкой“, объ о. Алексѣѣ, управляющемъ нынѣ подворьемъ въ С.-Петербургѣ и объ о. Іоанникіѣ, живомъ и умномъ довѣренномъ монастыря на подворьѣ въ Константинополѣ. Но назвать по имени всѣхъ отцевъ, потрудившихся и трудящихся еще на пользу и съ честію для русской Пантелеимоновской обители на Аѳонѣ и тѣмъ заслужившихъ себѣ признательность, нѣтъ никакой возможности. Мы вѣримъ, что имена этихъ невидимыхъ міру труженниковъ-ратоборцевъ за русское дѣло на св. Горѣ напишутся въ „книгѣ живота“.

Послѣ всего нами сказаннаго въ предшествующихъ главахъ, мы, наконецъ, подошли къ событіямъ глубокаго интереса и величайшей важности въ исторіи русской общины Пантелеимоновскаго монастыря на св. горѣ Аѳонской. Посему, чтобы перейти къ дальнѣйшему разсказу и этотъ переходъ сдѣлать естественнымъ, мы оглянемся назадъ и въ общихъ чертахъ постараемся охарактеризовать:—что представляла изъ себя небольшая сравнительно кучка русскихъ иноковъ наканунѣ этихъ событій, которымъ суждено было не только взволновать святогорскихъ отшельниковъ на долгое время, но даже занимать умы великихъ дипломатовъ первоклассныхъ европейскихъ государствъ? Это съ одной стороны. Съ другой, каковъ тотъ элементъ, упорную борьбу съ которымъ должна была выдержать эта община неожиданно для себя, чтобы отстоять право на свое существованіе на св. Горѣ и *скрытый антагонизмъ* котораго она должна была чувствовать

потомъ въ теченіе многихъ лѣтъ до нашихъ дней? Чтобы быть безпристрастнымъ, мы характеристику эту сдѣлаемъ краснорѣчивыми словами большаго знатока востока и замѣчательнаго ученаго археолога графа Мелхіора Вогюэ, случайно посѣтившаго Аѳонскую гору во время разгара этой борьбы. „*Элементъ русскій*, пишетъ онъ, *такъ еще малъ*, онъ до того стушевывается при общемъ взглядѣ на общину, что мы даже не упомянули о немъ въ нашемъ эскизѣ. Я говорю, продолжаетъ графъ Вогюэ, объ элементѣ славянскомъ, о группѣ русскихъ, которые *въ числѣ семи или восьми сотъ монаховъ населяютъ одинъ изъ наибольшихъ монастырей на Аѳонѣ, именно монастырь св. Пантелеимона и два скита во имя св. Андрея и пророка Иліи*. Здѣсь нѣтъ и рѣчи о какомъ нибудь упадкѣ силъ, о разложеніи; напротивъ того приходится имѣть дѣло съ поколѣніемъ новымъ, нетронутымъ, которое хотя и уноситъ насъ въ средніе вѣка, но въ средніе вѣка Запада. Должно быть были важныя причины, заставившія этихъ неофитовъ переселиться сюда изъ своихъ степей. Всѣ уставы они исполняютъ со всею строгостію и съ охотою предаются нѣкоторымъ работамъ. *Эти русскіе монахи составляютъ одну тѣсную семью, повинующуюся и горячо любящую свое отечество; это покорное орудіе находится въ рукахъ нѣсколькихъ настоятелей, одаренныхъ рѣдкими административными способностями*. Группа эта быстро развивается, будучи вполнѣ обезпечена (?) въ матеріальномъ отношеніи. Извѣстно, какъ ревностно Россія оберегаетъ свои религіозныя учрежденія въ Палестинѣ; съ тѣми же чувствами, если еще не въ сильнѣйшей степени она относится къ своимъ аѳонскимъ дѣтищамъ. Благодаря обильнымъ приношеніямъ своей матери—родины, всѣ русскія постройки въ монастырѣ процвѣтаютъ и улучшаются въ той мѣрѣ, какъ греческія ветшаютъ и бѣднѣютъ; русскіе покупаютъ здѣсь земли, постоянно строятъ новыя кельи, возобновляютъ громадные храмы, величественно украшая ихъ... *Они имѣютъ свою типографію, свои собственныя мастерскія гравировальныя и фотографическія*, которыя во всевозможныхъ видахъ и произведеніяхъ распространяютъ ихъ понятія о *святой Горѣ*.

„Едва ли намъ нужно объяснять значеніе этой небольшой кучки людей, тѣсно связанныхъ между собою, дѣятельныхъ, богатыхъ и въ то же время владѣющихъ землею среди общества разобщеннаго, предоставленнаго своимъ собственнымъ средствамъ. Вліяніе этой группы и уваженіе чувствуемое къ ней въ такой средѣ, какъ Аѳонъ, находящійся почти въ самомъ центрѣ востока, превосходитъ все, что только можно вообразить, исходя изъ нашихъ общественныхъ привычекъ. Вліяніе это обусловливается богатствомъ, независимостію и энергіею, т. е. тѣми условіями жизни, которыя обыкновенно сильно уважаются въ странѣ, гдѣ ихъ не существуетъ. *Не трудно угадать, послѣ того, тотъ страшный антагонизмъ, который долженъ былъ возникнуть между прежними обладателями Горы и новыми пришельцами, явившимися съ такимъ сильнымъ аппетитомъ къ ихъ скудной трапезѣ. Вся жизнь, на которую только способенъ Аѳонъ, нынѣ сосредоточилась въ этой борьбѣ.* Невольныя опасенія, внушаемыя отживающему поколѣнію монаховъ необыкновенною дѣятельностію руководителей русской общины, ихъ явнымъ превосходствомъ, составляютъ одно изъ самыхъ интересныхъ зрѣлищъ, уцѣлѣвшихъ еще для путешественниковъ. Заставая за дѣломъ этихъ суровыхъ апостоловъ, намъ казалось, что предъ нами предстали древніе франконскіе и саксонскіе монахи, такъ удачно разрушившіе нѣкогда феодальное зданіе. *Всегда въ дорогѣ или пѣшкомъ, или на кораблѣ, на пути въ Карею или въ Стамбулъ, не чувствительные къ физической усталости, не знающіе покоя, проповѣдующіе и дома, и съ высоты своего сѣдла, изъ всѣхъ страстей сего міра сохранившіе одну только любовь къ своей народности* — они напоминали намъ собою апостоловъ XII вѣка Бернарда и Арнольда Бресчіанскаго“ [1]). Такъ писалъ о русской монашеской общинѣ на Аѳонѣ въ данное время по сравненію ея съ общинами греческихъ монастырей ученый иностранецъ и намъ ничего не остается прибавить къ сказанному. Sapienti sat.

[1]) Syrie, Palestin. mont Athos. Voyage au pays du passe. edit. XII. Paris. 1878 pag. 323—326.

ГЛАВА VII.

НА КАНУНѢ БОРЬБЫ РУССКИХЪ СЪ ГРЕКАМИ НА АѲОНѢ.

Приниженное положеніе русскихъ иноковъ въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ на первыхъ порахъ. Обстоятельства, способствовавшія пробужденію въ нихъ самосознанія. Требованія со стороны русскихъ иноковъ у игумена и греческой братіи славянскаго чтенія въ трапезѣ и славянскаго пѣнія въ храмѣ. «Канонизмъ» для совмѣстной жизни монаховъ двухъ національностей и его чрезмѣрныя претензіи. Отказъ русскихъ принять этотъ «канонизмъ». Броженія и недовольство среди греческихъ монаховъ. Протестъ греческихъ монаховъ противъ устройства дома для карантиннаго чиновника и пристани для русскихъ пароходовъ близъ Пантелеимоновскаго монастыря. Потопленіе бочки и слѣдствіе по этому поводу. Угрозы со стороны греческихъ монаховъ игумену Герасиму и о. Иларіону. Выходъ изъ монастыря 26 недовольныхъ монаховъ. Мирная жизнь въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ обѣихъ національностей и причины этого явленія. Объявленіе о. Макарія «нареченнымъ преемникомъ» о. игумена Герасима и недовольство по сему случаю въ средѣ монаховъ-грековъ. Событія аѳонскія и внѣаѳонскія, способствовавшія усиленію вражды грековъ къ русскимъ. Святопавловское дѣло. Принятіе въ Ксенофѣ игумена изъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря. Провозглашеніе русскаго андреевскаго скита *ставропигіальнымъ* и возведеніе о. Ѳеодорита въ архимандриты. Вмѣшательство русскаго солунскаго консула въ дѣла русскаго ильинскаго скита. Болгарская схизма. Удаленіе аѳонскихъ эпитроповъ отъ управленія монастырскими метохами въ русской Бессарабіи. Подстрекательства эпитроповъ въ средѣ недовольныхъ греческихъ монаховъ. Константинопольская печать и ея характеристика. Отношеніе печати къ греко-русскому пантелеимоновскому процессу и къ русскимъ вообще. Классификація газетъ по ихъ симпатіямъ и антипатіямъ къ русскимъ. Сужденіе о газетѣ «Μένιππος».

Русскіе иноки, вступившіе въ Пантелеимоновскій монастырь *въ 1840 году* вмѣстѣ съ отцемъ Іеронимомъ, хотя по-

селились въ немъ по усиленной просьбѣ греческихъ монаховъ, однако, эти послѣдніе и не думали считать ихъ равными себѣ. Греки смотрѣли на русскихъ, какъ на пришлецовъ, своихъ рабовъ, которые обязаны были за плохой пріютъ и крайне скудный столъ работать на монастырь, подвергаться всевозможнаго рода лишеніямъ, нуждамъ и т. п. Малочисленность русской братіи, безвыходно-тяжелое положеніе монастырскихъ финансовъ и полная почти скудость личныхъ средствъ—все это заставляло русскую братію временно мириться съ своимъ приниженнымъ положеніемъ въ монастырѣ.

Посѣщеніе Аѳона и въ частности русскаго Пантелеимоновскаго монастыря въ 1845 г. великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ [1]) подняло престижъ русскихъ въ глазахъ грековъ-аѳонитовъ, и сами русскіе аѳонцы стали съ этихъ поръ смотрѣть на себя, какъ на членовъ или представителей великой русской націи. Послѣдовавшій вскорѣ за тѣмъ приливъ русскихъ иноковъ, весьма значительный притокъ пожертвованій въ руки русскаго духовника, который, какъ и раньше, продолжалъ поддерживать единодушіе между разноплеменною братіею и дѣлился всѣмъ съ греками, а также чрезмѣрное высокомѣріе и надмѣнность этихъ послѣднихъ по отношенію къ русскимъ побудило нашихъ соотечественниковъ возвысить свой голосъ на самозащиту, заявить и о своихъ правахъ въ монастырѣ. Однако, эти заявленія начались съ весьма умѣренныхъ требованій и только лишь потомъ уже постепенно росли и росли, благодаря начавшимся внутреннимъ неурядицамъ. Такъ, когда количество братіи изъ русскихъ, послѣ крымской компаніи, возросло свыше ста человѣкъ, то они заявили игумену и греческой братіи желаніе слышать на трапезѣ чтеніе порусски или послявянски, хотя бы два раза въ недѣлю, а именно въ среду и пятницу, при чемъ и трапезу въ эти дни благословлялъ бы русскій іеромонахъ. Игуменъ Герасимъ и благомыслящая часть греческой

---

[1]) Довольно обстоятельное описаніе этого посѣщенія сдѣлано очевидцемъ его извѣстнымъ о. Серафимомъ святогорцемъ. Русск. мон. св. Пантелеим. стр. 126—135.

братіи, имѣя въ виду заботы русской братіи „о благосостояніи монастыря“ и „неуклонные труды“, согласились на просьбу русскихъ, но ревнители не поразуму воспротивились и долгое время не являлись на трапезу въ тѣ дни, когда чтеніе было по славянски. Это происходило въ 1857 году, а въ 1866 году былъ установленъ относительно чтенія на трапезѣ нынѣшній порядокъ, т. е. одинъ день читать по гречески, а другой день по славянски. Такой же порядокъ былъ заведенъ и относительно псалмопѣній въ храмѣ.

Это первое требованіе русскихъ и то усиліе, съ какимъ они добились его удовлетворенія, показали и тѣмъ и другимъ самымъ наглядным образомъ, что полюбовная совмѣстная жизнь монаховъ разноплеменныхъ націй въ одномъ монастырѣ едвали возможна, если точно не будутъ регламентированы условія этого сожитія и не разграничены права обѣихъ народностей. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ грекамъ, которые предложили русскимъ составить „уставъ“ совмѣстной жизни. Русскіе, хотя и удивились такому предложенію грековъ, такъ какъ въ общихъ чертахъ условія эти уже были выработаны еще въ 1840 году, при вступленіи ихъ въ Пантелеимоновскій монастырь, однакоже, согласились на него. Но когда выработанный „уставъ“ греками былъ преподнесенъ на утвержденіе русской братіи, то здѣсь-то и „открылись многихъ сердецъ помышленія“. Греки въ этомъ „уставѣ“ требовали а) сокращенія количества русской братіи до одной четверти или, по крайней мѣрѣ, до одной трети всего количества греческой братіи, b) чтобы игуменъ монастыря былъ всегда греческаго происхожденія и c) чтобы монашествующіе греки занимали господствующее положеніе въ монастырѣ. Русскіе не согласились утвердить выработанный греками „уставъ“. Въ монастырѣ среди греческихъ монаховъ, озлобленныхъ отказомъ русскихъ, произошли волненія.

Недовольство противъ русскихъ еще болѣе возросло въ средѣ грековъ, когда съ 1858 г. русскіе пароходы съ поклонниками прямо стали приходить на Аѳонъ и останавливаться въ виду русскаго Пантелеимоновскаго монастыря. Въ это время, по просьбѣ капитана русскаго парохода турецкій карантин*ный чиновникъ* выстроилъ для себя небольшой домикъ близъ

монастыря и надъ нимъ поднялъ турецкій флагъ. Это было сдѣлано въ тѣхъ видахъ, чтобы прописку паспортовъ пасажировъ русскій пароходъ долго не задерживался подъ Аѳономъ. Греки увидѣли во всемъ этомъ происки русскихъ. Имъ показались, что все это сдѣлано, по просьбѣ русскихъ и по желанію русскаго консульства въ Константинополѣ, съ цѣлью поставить монастырь подъ надзоръ турецкой власти. Русскіе старались успокоить грековъ, показать выгоды для монастыря отъ пріѣзда къ Аѳону русскихъ пароходовъ и отъ поселенія вблизи монастыря турецкаго карантиннаго чиновника, но греки не слушали убѣжденій русскихъ иноковъ и продолжали волноваться. Греки потребовали снятія флага съ угрозою, въ случаѣ неисполненія ихъ требованія, взорвать самый домъ. Требованіе это было удовлетворено, но греки не успокоились. Въ одну изъ ближайшихъ ночей бочка, за которую привязывались русскіе пароходы, исчезла подъ водою. Сначала предполагали, что это сдѣлалъ кто либо посторонній монастырю, но, по разслѣдованію, оказалось, что потопленіе бочки было дѣломъ нѣсколькихъ греческихъ монаховъ монастыря св. Пантелеимона во главѣ съ духовникомъ монастыря іеромонахомъ Нифонтомъ. Дѣлу этому не желали дать огласки, чтобы успокоить взволнованные умы, а поэтому дальнѣйшее разслѣдованіе было прекращено.

Но и послѣ этого спокойствіе не возстановилось въ монастырѣ. Недовольные продолжали волноваться и требовали отъ игумена Герасима и іеродіакона Иларіона, его помощника, этихъ „адамантовыхъ защитниковъ русскихъ правъ“, какъ ихъ назвали наши соотечественники иноки, чтобы они перестали поддерживать русскихъ, въ противномъ случаѣ грозили имъ смертію. Въ одну ночь на дверяхъ келлій о. игумена и о. Иларіона оказались нарисованными *кинжалъ и пистолетъ*— весьма не двусмысленные намеки, къ чему присуждали своихъ старцевъ недовольные. Трудно было предвидѣть, чѣмъ окончились бы всѣ эти волненія и тревоги, еслибы счастливому исходу ихъ не помогли сами недовольные. Желая, очевидно, запугать прочую братію монастыря, недовольные двадцать шесть монаховъ во главѣ съ о. Нифонтомъ *вышли* изъ состава братіи Пантелеимоновскаго монастыря, чѣмъ помогли

водворить, по крайней мѣрѣ, на время миръ и согласіе въ обители. Описанныя событія происходили въ 1863 году.

Слѣдующіе годы почти вплоть до 1870 года прошли сравнительно мирно для русской обители на Аѳонѣ. Причинъ этого обстоятельства было не мало. Для поправленія крайне разстроенныхъ финансовъ Пантелеимоновскаго монастыря въ 1858 г. были отправлены въ Россію за сборомъ милостыни вторично прежніе сборщики: іеромонахъ Макарій Семыкинъ и схимонахъ о. Селевкій [1]). На смѣну этихъ лицъ, въ качествѣ сборщика милостыни, 28 Августа 1862 года выѣхалъ съ Аѳона весьма симпатичный и даровитый іеромонахъ Арсеній (Мининъ). Съ нимъ аѳонскіе старцы отправили въ Россію слѣдующія святыни: крестъ съ частію Животворящаго Древа, часть отъ камня живоноснаго гроба Господня, часть мощей св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона, чудотворную икону тихвинскія Царицы небесныя и др. [2]).

Благодаря замѣчательному успѣху этой миссіи, о чемъ мы ниже скажемъ подробнѣе, щедро лились пожертвованія въ русскій Пантелеимоновскій монастырь, и самые завзятые противники русскихъ не могли не видѣть, кому они обязаны настоящимъ своимъ благосостояніемъ обители. Греческимъ монахамъ приходилось волею неволею мириться съ обстоятельствами, такъ какъ матеріальный перевѣсъ былъ вполнѣ на русской сторонѣ. Вскорѣ же потомъ воспослѣдовали и другія обстоятельства, которыя убѣдили грековъ, что и нравственная сила русскихъ значительно возрасла. Въ 1866 году съ 27 по 29 Іюля прожилъ на Аѳонѣ русскій посланникъ при Отоманской портѣ Н. П. графъ Игнатьевъ, который самымъ наглядным образомъ убѣдился въ дурномъ отношеніи къ русскимъ грековъ и сдѣлался съ этихъ поръ мощнымъ защитникомъ русскихъ интересовъ на св. Горѣ. „Посѣщеніе это не только поддержало значеніе монастыря сего, говорится въ „Описаніи русскаго Пантелеимоновскаго монастыря“, но и доставило ему случай быть посредникомъ въ извѣстныхъ отно-

---

[1]) «Разсказъ свят. схимонаха Селевкія о своей жизни» стр. 229.

[2]) *Русскаго* на Аѳонѣ Пант. м. іеромонахъ Арсеній. М. 1890 г. стр. 20.

шеніяхъ между св. Горою и представителями русской власти, и сдѣлало оный рѣшителемъ нѣкоторыхъ дѣйствій, имѣющихъ вліяніе на судьбы самого Аѳона“ [1]). Прибываніе на Аѳонѣ 16 и 17 Іюня въ 1867 году великаго князя Алексѣя Александровича тоже не прошло безслѣдно для исторіи русскаго иночества на Аѳонѣ. Это посѣщеніе [2]), какъ и предыдущія, краснорѣчиво говорило, что русскихъ на Аѳонѣ помнятъ въ предѣлахъ ихъ отечества не только обычные смертные, свои послѣдніе гроши несущіе сюда для спасенія души, но и великій Государь могущественной державы, представителемъ Котораго являлся его сынъ, что, слѣдовательно, третировать русскихъ нельзя и что въ тяжелыхъ обстоятельствахъ они всегда найдутъ для себя могущественныхъ защитниковъ.

Совмѣстная мирная жизнь русскихъ иноковъ съ греческими монахами въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ на Аѳонѣ продолжалась, однако, не долго. Въ стѣнахъ обители въ 1870 году произошло одно важное событіе, которое въ будущемъ должно было оказать значительное вліяніе на внутренній строй обители и на судьбу русскихъ иноковъ на Аѳонѣ, не ускользнувшее отъ вниманія недоброжелателей русскихъ монаховъ. Сущность этого событія заключается въ слѣдующемъ. Глубокій старецъ игуменъ Герасимъ, желая приготовить на случай своей смерти достойнаго себѣ преемника для занятія игуменскаго трона въ обители св. Пантелеимона, остановилъ свой выборъ на о. Макаріѣ, какъ человѣкѣ выдающемся среди остальныхъ братій по уму и по своей примѣрной во всѣхъ отношеніяхъ монашеской жизни. Въ этомъ случаѣ игуменъ Герасимъ подражалъ примѣру своего знаменитаго старца, игумена Саввы, который избралъ его себѣ въ преемники, тоже еще при своей жизни. Скромный и непритязательный о. Макарій, возведенный въ санъ

---

[1]) Изд. 7, Моск. 1886 г. стр. 160.

[2]) Описаніе этого пріѣзда См. въ книгѣ: «Русск. мон. св. Пантелеимона на св. горѣ Аѳонской» стр. 136—159 и болѣе обстоятельно въ отдѣльной брошюрѣ: «Двухдневное пребываніе на св. горѣ Аѳонской Его Императорскаго высочества великаго князя Алексѣя Александровича» СПБ. 1868 г.

архимандрита еще въ 1868 году, когда богомольствовалъ на Аѳонѣ преосвященный Александръ, бывшій епископъ Полтавскій [1]), сознавая хорошо, что настоящее его избраніе въ преемники о. игумену Герасиму не понравится инокамъ-грекамъ и даже можетъ повести прямо къ волненіямъ въ монастырѣ,—долго и рѣшительно отказывался отъ высокой чести стоять когда нибудь во главѣ своей „метаніи“. Но его отговорки и опасенія не были приняты въ резонъ, и о. Макарій 15 октября 1870 года объявленъ „нареченнымъ преемникомъ“ старца игумена. Въ средѣ монаховъ — грековъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря сейчасъ же, послѣ этого объявленія, какъ и предполагалъ о. Макарій, нашлись недовольные, которые начали смущать и волновать остальныхъ иноковъ обители, спокойно отнесшихся къ совершившемуся обычному въ жизни святогорскихъ монастырей факту. И можно думать, что это одно обстоятельство, взятое само по себѣ, едвали бы раздуло издавна тлѣвшуюся искру затаенной вражды грековъ къ русскимъ до той силы, какая проявилась на св. Горѣ въ рѣдкихъ въ исторіи иночества смутахъ и соблазнительныхъ неурядицахъ, если бы къ этому событію не примѣшался цѣлый рядъ другихъ фактовъ, съ которыми такъ или иначе связывалось русское имя. Эти побочныя событія, изъ коихъ большая часть, по словамъ очевидцевъ, „совершенно случайны и вовсе незначительны и въ другое время прошли бы незамѣченными“ даже, были аѳонскія и внѣ-аѳонскія.

А) „Есть на Аѳонѣ греческій монастырь св. Павла и Георгія, пишетъ К. Леонтьевъ (тожъ Н. Константиновъ). Онъ не богатъ и не слишкомъ бѣденъ, и между прочимъ имѣетъ земли въ Бессарабіи. Братія этого монастыря, ведущая строгую киновіальную жизнь, была давно недовольна своимъ игу-

---

[1]) Пріѣздъ на Аѳонъ сего епископа описанъ въ особой брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Посѣщеніе Аѳона русскимъ архипастыремъ Полтавскимъ, а прежде настоятелемъ соловецкаго монастыря во время бомбадированія онаго англичанами». Одесса 1869 г. *Достойное замѣчанія совпаденіе.* Нынѣшній игуменъ о. Андрей рукоположенъ во іеромонаха этимъ же преосвященнымъ Александромъ и въ тотъ же день, когда о. Макарій былъ возведенъ въ санъ *архимандрита.*

меномъ, за то что онъ не жилъ въ монастырѣ, и если возвращался на Аѳонъ, то каждый разъ не надолго, и проживалъ въ Константинополѣ монастырскіе доходы [1]) подъ предлогомъ разныхъ хлопотъ по дѣламъ".

„Братія говорили: „Если ты игуменъ, живи здѣсь и начальствуй надъ нами; если ты хочешь жить на сторонѣ, мы можемъ избрать тебя въ *эпитропы* (въ повѣренные по дѣламъ Аѳона) и тогда уѣзжай. Игуменомъ же ты больше быть надъ нами не можешь".

„Игуменъ прибѣгъ къ защитѣ патріарха. Патріархъ (Аѳимъ) прислалъ на Аѳонъ отъ себя экзарха, который, съ помощію аѳонскаго протата (синода) и одного незначительнаго турецкаго чиновника изъ христіанъ, [2]) приступилъ къ разбирательству этого дѣла. Святопавловскіе монахи, большею частію пылкіе Кефалонійцы, горячо отстаивали свое исконное право мѣнять игуменовъ. Протатъ раздѣлился. Представители значительнаго большинства монастырей были въ пользу братіи святопавловской, имъ хотѣлось поддержать независимость Аѳона въ его внутреннихъ вопросахъ. Иверъ, богатый и вліятельный Ватопедъ, болгарскій Зографъ и Руссикъ [3]) были въ пользу святопавловской братіи. Нѣкоторые изъ бѣднѣйшихъ греческихъ киновій перешли на сторону игумена и патріархіи".

„Борьба была продолжительна. Святопавловская братія была рѣшительно осаждена въ своей обители. Монахи—

---

[1]) Имѣя въ своемъ распоряженіи монастырскую печать, игуменъ этотъ дѣлалъ даже долги отъ имени монастыря.

[2]) Чиновникъ этотъ г. Аристоклй-паша состоитъ и доселѣ на государственной службѣ и преподаетъ философію въ одномъ изъ высшихъ турецкихъ учебныхъ заведеній. Ему приписывается составленіе «канонизма для святой Горы», предложеннаго патріархомъ Іоакимомъ II Аѳону, который долго и упорно отказывался принять оный. Но патріархъ настоялъ на своемъ и добился признанія и утвержденія его со стороны турецкаго правительства, которое недавно обнародовало его въ книгѣ «Дестуръ» или въ собраніи законовъ. Практическаго значенія этотъ «канонизмъ» не имѣетъ на Аѳонѣ и до настоящаго времени.

[3]) Руссикъ въ этомъ дѣлѣ прибѣгъ даже къ посредничеству русскаго посла въ Константинополѣ Н. П. графа Игнатьева, который и оказалъ свое вліяніе на окончательное рѣшеніе этого вопроса въ патріархіи.

кефалониты заперлись и не хотѣли пускать ни игумена, ни экзарха, ни турецкаго чиновника... Послѣ того какъ экзархъ патріаршій уѣхалъ съ Аѳона, святопавловцы поставили на своемъ и *выбрали себѣ игумена не изъ своей среды, но одного грека, который въ послѣднее время жилъ въ особой кельѣ и когда-то принадлежалъ къ числу братіи греко-русскаго монастыря Св. Пантелеимона*“.

Б) „Какъ нарочно почти въ то же самое время, въ смежномъ съ русскимъ монастыремъ, греческомъ киновіальномъ монастырѣ Ксенофѣ, скончался старый игуменъ и ксенофскіе иноки, подобно святопавловскимъ, предпочли *избрать себѣ въ игумены одного грека іеромонаха изъ того же монастыря св. Пантелеимона*“...

В) „Нынѣшній вселенскій патріархъ Анѳимъ занималъ патріаршій престолъ въ то время, когда Серайская келья (нашъ русскій Андреевскій скитъ) сталъ скитомъ: онъ, такъ сказать, открывалъ этотъ скитъ и всегда сохранялъ къ нему особое расположеніе. Онъ не разъ во времена удаленія своего отъ патріаршаго престола говаривалъ, какъ слышно, что непремѣнно сдѣлаетъ что нибудь для Серайцевъ, когда будетъ опять патріархомъ“.

„Прошедшею зимою онъ, по словамъ того же очевидца событій, вспомнилъ свое обѣщаніе. Онъ прислалъ игумену Ѳеодориту крестъ, архимандричью мантію и граммату, въ которой объявлялъ андреевскій скитъ ставропигіальнымъ или патріаршимъ скитомъ. Отецъ Ѳеодоритъ названъ былъ въ этой граммать не *дикеемъ*, какъ обыкновенно на Аѳонѣ называютъ настоятелей зависимыхъ скитовъ, *а игуменомъ* (титулъ, присвоенный здѣсь лишь начальникамъ двадцати независимыхъ монастырей)“.

„Всѣ эти знаки патріаршаго благоволенія къ отцу Ѳеодориту и его обители не освобождали, однако, Андреевскій скитъ отъ его зависимости отъ Ватопеда. Ватопедское духовное начальство предъ этимъ само не задолго сдѣлало отца Ѳеодорита архимандритомъ“ [1])...

---

[1]) *Русск. вѣстн.* 1873 г. кн. IV, стр. 665—668.

Г) Наконецъ, въ малороссійскомъ скиту св. пророка Иліи, находящемся на землѣ греческаго Пандократоровскаго монастыря, происходила въ это время оживленная борьба изъ за чести быть *дикеемъ* скита, послѣ смерти отца Паисія. Къ этой борьбѣ мы вернемся еще потомъ, а теперь замѣтимъ лишь, что въ этой борьбѣ всѣ малороссы подѣлились на двѣ партіи: во главѣ бо́льшей стоялъ о. Андрей, избранный въ дикея и признанный въ этомъ званіи Пандократорскимъ монастыремъ, а партіею меньшинства руководилъ умный о. Иннокентій, бывшій 26 лѣтъ экономомъ въ скитѣ при покойномъ игуменѣ. Борьба эта приняла чудовищные размѣры и производила страшный соблазнъ на Аѳонѣ, такъ что гостившій въ ту пору на Аѳонѣ солунскій консулъ К. Леонтьевъ, долженъ былъ вмѣшаться, впрочемъ, не безъ просьбы пандократорскихъ грековъ и положить конецъ этой скандалезной распрѣ.

Изъ событій внѣ-аѳонскихъ на первомъ мѣстѣ необходимо поставить, такъ называемую, „болгарскую схизму“. Начавшіяся съ 1859 года несогласія между болгарами и константинопольскою патріархіею, вызванныя преобразованіями въ организаціи послѣдней, въ концѣ концовъ разрѣшились тѣмъ, что великая константинопольская церковь 16 сентября 1872 года объявила болгаръ *схизматиками* и отлучила ихъ отъ церкви. На этотъ весьма рѣшительный, но не чуждый политически-церковнаго пристрастія, поступокъ церковь константинопольская искала согласія и одобренія *у святѣйшаго Синода русской церкви*, который, хотя и не защищалъ открыто болгаръ, но своего согласія на отлученіе ихъ отъ церкви не далъ, и „посланіе вселенскаго патріарха и членовъ константинопольскаго собора на имя святѣйшаго Синода по грекоболгарскому церковному вопросу“ оставилъ безъ отвѣта [1]).

[1]) «Какое бы мнѣніе ни далъ по сему дѣлу всероссійскій Синодъ, писалъ покойный митрополитъ московскій Филаретъ отъ 8 іюня 1866 года, вѣроятнѣйшее послѣдствіе то, что обѣ стороны (т. е. греки и болгары) будутъ не довольны, и не примутъ онаго; слѣдственно, пользы не будетъ, *совѣтующая сторона будетъ оскорблена*, и миръ между церквами и народами, болѣе или менѣе, потерпитъ ущербъ». Архіеп. Савва. Собран. мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета по дѣламъ православн. церкв. на востокѣ. Спб. 1886 г. стр. 362.

Уже этого одного поступка было довольно, чтобы задѣть самолюбіе грековъ, у которыхъ много лѣтъ идутъ споры съ болгарами далеко не церковнаго характера, и возбудить ненависть къ русскому имени вообще. Тогда же раздавались на востокѣ горячіе голоса за то, чтобы объявить схизматиками и русскихъ, но отъ этого неблагоразумнаго поступка представители восточной церкви воздержались. Однако же, именно съ этого времени въ обществѣ и особенно въ печати на востокѣ установили полную солидарность русскихъ съ болгарами и даже отожествили тѣхъ и другихъ. Возникаетъ, такимъ образомъ, обвиненіе Россіи *въ панславизмѣ*, сущность и значеніе котораго ясно никто не представляетъ и не понимаетъ хорошо, но который, къ удивленію, сдѣлался страшнымъ пугаломъ не только для политиковъ востока [1]), но даже и просвѣщеннаго запада и таковымъ остается и доселѣ.

---

[1]) Превосходную характеристику пониманія публицистами востока несуществующаго у насъ *панславизма* даетъ намъ К. Леонтьевъ въ своей прекрасной статьѣ: «Панславизмъ на Аѳонѣ». «Русскій пчелъ разводитъ на святой Горѣ, пишетъ К. Леонтьевъ, можетъ быть, по русской методѣ. Онъ панславистъ! А сынъ его? Сынъ, почти обманомъ сманившій отца сюда, о! сынъ его, конечно, агентъ Игнатьева, Фадѣева, Каткова».

«Уважаютъ греки русскихъ духовниковъ? Панславизмъ.

«Берутъ греки другихъ монастырей изъ греческихъ иноковъ Руссика, живущихъ дружно съ русскими, игумена. Панславизмъ.»

«Берутъ скитскіе андреевцы въ свою русскую среду одного грека монаха ученаго, чтобы учить русскую молодежь свою погречески... Какова хитрость. Каковъ панславизмъ»!

«Богатъ Зографъ болгарскій? Панславизмъ, потому что болгары и русскіе одно и тоже».

«Богатъ Ватопедъ греческій? Панславизмъ, потому что имѣнія его въ Россіи».

«Бѣдны греческіе монастыри: Ксенофъ, Симонъ-Петръ, Эсфигменъ? *Опасно*,— ихъ подкупятъ».

«Волнуются Запорожцы? Бунтъ! Интрига! Панславизмъ!»

«Помогъ русскій консулъ грекамъ—дурно сдѣлалъ. Зачѣмъ вмѣшался?»

«Не помогъ—и того хуже. Видете, и права грековъ не хотятъ поддержать».

«Болѣнъ русскій консулъ... Онъ ничего почти не ѣстъ, говорятъ люди. Слухи ходятъ даже, что онъ хочетъ постричься. Вздоръ! Больной человѣкъ, воспитанный по европейски, какъ всѣ эти проклятые русскіе чиновники, не смѣетъ болѣть на Аѳонѣ; для этого есть воды всеспасительной Германіи... Возможно ли вѣрить, что ему пріятно съ монахами? что за скука! *Мы, Эллины, вотъ тоже* европейцы, однако, никогда туда не ѣздимъ, хотя

Послѣ „болгарской схизмы“ въ ряду названныхъ событій оказалъ большое вліяніе фактъ удаленія изъ русской части Бессарабіи, въ началѣ семидесятыхъ годовъ истекающаго столѣтія, аѳонскихъ греческихъ монаховъ, завѣдывавшихъ тамошними угодьями-лѣсами и землями, принадлежавшими греческимъ аѳонскимъ монастырямъ. Русское правительство въ это время нашло неудобнымъ, въ виду разныхъ злоупотребленій и безпорядковъ, замѣченныхъ имъ въ управленіи этими землями и лѣсами, оставлять ихъ долѣе въ рукахъ аѳонскихъ иноковъ и рѣшилось взять управленіе ими на себя, обязавшись, однако, уплачивать монастырямъ, за вычетомъ суммъ, потребныхъ на народное образованіе жителей мѣстнаго края и на расходы по управленію монастырскими землями, три пятыхъ всѣхъ доходовъ, получаемыхъ съ этихъ угодій. Изгнанные силою изъ этихъ метоховъ аѳонскіе эпитропы, во главѣ съ извѣстныхъ богачемъ ватопедскимъ эпитропомъ *Ананіею*, явившись на Аѳонъ въ страшномъ озлобленіи противъ русскаго правительства и русскихъ вообще, искали удобнаго случая, чтобы излить свою злобу на неповинныхъ ни въ чемъ передъ ними русскихъ иноковъ, живущихъ на св. Горѣ. Такимъ удобнымъ случаемъ имъ показался фактъ объявленія о. Макарія „нареченнымъ преемникомъ“ старца игумена Герасима въ русскомъ Пантелеимоновскомъ монастырѣ и недовольство имъ въ средѣ нѣкоторыхъ братій его греческаго происхожденія. Явившись въ средѣ послѣднихъ, эпитропъ Ананія съ товарищами открыто и горячо внушали недовольнымъ патріотамъ такія мысли: „Что вы смотрите на русскихъ? Теперь время и потѣснить ихъ. Они у Церкви отняли болгаръ, а у монаховъ метохи. Я первый бы, прибавлялъ безпощадный о. Ананія, далъ милліонъ піастровъ, еслибы хорошенько потѣснить русскихъ и, при удобномъ

отъ насъ Аѳонъ и ближе. Кто же нынѣ уважаетъ монашество?! Кто-жъ вѣритъ въ мощи, благодать, чудеса, въ исповѣдь и покаяніе?» Русск. Вѣстн. 1873 г. кн. IV, стр. 683. Къ этой превосходной характеристикѣ г. Леонтьева нужно прибавить лишь то, что и современные восточные публицисты не пошли дальше въ пониманіи сущности панславизма у насъ, о которомъ они ежедневно трактуютъ и такъ и сякъ.

случаѣ, удалить ихъ съ Аѳона". Въ фактѣ избранія о. Макарія въ преемники о. игумену Герасиму они видѣли захватъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря въ руки русскихъ монаховъ, которые, по ихъ словамъ, внѣ всякаго сомнѣнія, выгонятъ изъ него монаховъ-грековъ и сдѣлаютъ его русскимъ достояніемъ. Для болѣе сильнаго убѣжденія своихъ соплеменниковъ они указывали въ примѣръ на себя самихъ и на тѣ вышеупомянутые, совершенно случайные факты, которые имѣли мѣсто въ жизни св. Горы описываемаго времени и которые для людей спокойныхъ и трезво-относящихся къ переживаемымъ событіямъ, нисколько не были убѣдительны. Но возмутители знали съ кѣмъ имѣютъ дѣло и дѣйствовали смѣло и настойчиво. Поэтому, пока еще не ушло время, они совѣтовали своимъ соплеменникамъ всячески воспрепятствовать избранію о. Макарія въ преемники игумену Герасиму и тѣмъ помѣшать пагубному *панславистическому движенію*, и безъ того едвали не охватившему, какъ казалось подстрекателямъ, на основаніи указанныхъ фактовъ, всей Аѳонской горы. Напуганнымъ умамъ они рисовали ужасныя картины панславистическихъ махинацій и коварныхъ замысловъ съ цѣлью стереть съ лица аѳонской земли греческій элементъ. Лишеніе монастыря и даже куска насущнаго хлѣба— вотъ что указывали въ перспективѣ своимъ якобы недальновиднымъ патріотамъ подстрекатели. Однимъ словомъ, злоба и настойчивость подстрекателей сдѣлали свое дѣло, и волненіе въ средѣ греческой братіи русскаго Пантелеимоновскаго монастыря началось, которое потомъ, осложняясь и перепутываясь новыми фактами и явленіями въ жизни св. Горы и внѣ ея, перешло въ открытое, можно сказать, поголовное гоненіе на русскихъ иноковъ, охватившее всю Аѳонскую гору.

Въ связи съ неразумными рѣчами озлобленныхъ подстрекателей крайне недобросовѣстное и въ высшей степени страстное и запальчивое отношеніе константинопольской печати къ событіямъ, происходившимъ на св. Горѣ, является новымъ и немалозначительнымъ факторомъ поспособствовавшимъ усиленію вражды грековъ къ русскимъ. Въ самомъ дѣлѣ что же *изъ себя представляла* въ данное время константинопольская

періодическая печать? Каковы ея принципы и направленіе и каково ея моральное значеніе въ обществѣ? На эти крайне любопытные вопросы даетъ намъ весьма обстоятельные отвѣты корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей", хорошо знакомый съ константинопольскою жизнію вообще и съ нравами публицистики ея въ частности.

„Въ числѣ курьезныхъ предметовъ въ Турціи, пишетъ онъ, находится, безспорно, и періодическая печать. Въ настоящее время, какъ въ столицѣ такъ и въ провинціи издаются многія газеты. Газеты, издающіяся въ провинціи служатъ, за небольшимъ исключеніемъ, органами генералъ-губернаторовъ и ограничиваются, кромѣ оффиціальныхъ сообщеній, лишь похвалами распоряженіямъ и дѣйствіямъ властей. Въ Константинополѣ, кромѣ турецкихъ, армянскихъ, греческихъ и болгарскихъ газетъ, выходятъ также французскія. Послѣднія издаются иностранцами, прибывшими сюда съ единственною цѣлію найти себѣ средства къ жизни. Въ другомъ мѣстѣ одного этого обстоятельства достаточно было бы, дабы лишить эти газеты всякаго значенія и важности, но, вслѣдствіе общей аномаліи дѣлъ въ Турціи, онѣ играютъ здѣсь самую важную роль. Издатели ихъ, пользуясь предоставленными иностранцамъ въ Турціи привилегіями и правами, весьма мало стѣсняются, при выборѣ извѣстій и при обсужденіи дѣйствій правительства [1]). Такъ какъ, съ другой стороны, онѣ читаются всѣми пребывающими въ Турціи иностранцами, расходятся въ Европу, то турецкіе государственные люди, дорожащіе въ извѣстной степени общественнымъ мнѣніемъ европейскихъ націй, по необходимости, стали интересоваться ихъ направленіемъ и отзывами. Не имѣя возможности препятствовать имъ въ проведеніи неблагопріятныхъ себѣ отзывовъ, они стараются располагать ихъ къ себѣ щедрыми пособіями и подарками. Эти пособія и подарки составляютъ главный доходъ издателей. Послѣдніе, имѣя въ виду лишь нажить себѣ состояніе, *охотно продаютъ свои*

[1]) Въ настоящее время всѣ газеты и журналы, печатающіеся въ Константинополѣ, подчинены строгой и весьма стѣснительной правительственной цензурѣ, а поэтому крайне пусты и безсодержательны.

Примѣч. автора.

услуги всѣмъ, кто хочетъ купить ихъ, вслѣдствіе чего они часто мѣняютъ взгляды и направленіе. Напрасно, кто сталъ бы искать въ этихъ газетахъ добросовѣстнаго раскрытія убѣжденій и взглядовъ пишущихъ въ нихъ лицъ. Все, что въ нихъ печатается, пишется по заказу. Слѣдуя примѣру иностранцевъ, или, справедливѣе, вступая на журнальное поприще по одинаковымъ съ ними побужденіямъ, *издатели греческихъ газетъ также мало заботятся о честномъ служеніи истинѣ*, вслѣдствіе чего здѣшнія газеты должно читать лишь, какъ куріозъ, относясь съ крайнею недовѣрчивостію ко всѣмъ ихъ увѣреніямъ о безпристрастіи и добросовѣстности. *Дабы подъйствовать на читателя въ желаемомъ ими смыслѣ, упомянутыя газеты считаютъ позволенными всѣ средства*“ [1]).

На основаніи этой не лестной, но совершенно безпристрастной и вѣрной характеристики, какъ это мы можемъ судить изъ непосредственнаго нашего знакомства съ періодическою печатію Константинополя въ описываемое нами время, можно безошибочно умозаключать, что печать эта стояла не на высотѣ своего призванія, и мы напрасно будемъ искать въ ней безпристрастія, спокойнаго и трезваго отношенія къ переживаемымъ событіямъ и „честнаго служенія истинѣ“. Узкій національнизмъ, духъ партіозности и преклоненіе предъ тяжестью кошелька—вотъ что двигало перомъ константинопольскихъ публицистовъ. Поэтому нисколько неудивительно, если въ ихъ горячихъ статьяхъ по вопросамъ политики и церковнымъ дѣламъ мы постоянно наталкиваемся на крайне—односторонніе и прямо даже невѣрныя сужденія, на игнорированіе всѣмъ и каждому извѣстныхъ фактовъ исторіи или же невѣрное ихъ освѣщеніе и подтасовку, преднамѣренное замалчиваніе или искаженіе явленій и фактовъ, противорѣчащихъ проводимымъ ими взглядамъ и воззрѣніямъ и стремленіе выдвинуть на первый планъ хотя и побочныя явленія, но говорящія въ пользу ихъ тенденцій, при чемъ, само собою понятно, густоты красокъ и сильныхъ словъ, нужныхъ для возбужденія умовъ ихъ легковѣрныхъ читателей, они нисколько

---

[1]) *Москов. Вѣдом.* 1875 г. № 7.

не щадятъ. Все сказанное сейчасъ вполнѣ приложимо и къ тѣмъ статьямъ, которыя были написаны въ константинопольскихъ газетахъ по поводу вышеуказанныхъ аѳонскихъ событій и въ частности относительно возникшихъ разногласій между монахами русскими и греческими Пантелеимоновскаго монастыря. „Въ константинопольскихъ газетахъ, пишетъ К. Леонтьевъ, началась тотчасъ же между самими греками по этому поводу полемика. Одна газета обзывала панславистами аѳонскихъ грековъ за то, что они опираются на русское вліяніе, за то, что живутъ русскими подаяніями [1]), за то что многіе изъ нихъ расположены къ Россіи и поддаются внушеніямъ русскихъ духовниковъ Пантелеимоновскаго монастыря отцовъ Макарія и Іеронима, размѣщающихъ будтобы по своей волѣ игуменовъ по греческимъ киновіямъ на св. Горѣ (Ксенофъ и св. Павелъ). Противники этой газеты затронутые за живое обращали противъ нея тоже самое оружіе и звали чуть ни самого патріарха панславистомъ за то, между прочимъ, что онъ сдѣлалъ свято-андреевскій русскій скитъ патріаршимъ и какъ будто-бы пытался этимъ оскорбить начальствующій Ватопедъ и за то, что онъ принялъ сторону аѳонской оппозиціи въ святопавловскомъ дѣлѣ“ [2]). Однимъ словомъ, всюду и вездѣ константинопольскіе публицисты видѣли происки ненавистнаго имъ панславизма и доказательствами его существованія въ предѣлахъ ими возлюбленной Османской имперіи наполняли цѣлые столбцы своихъ нечистоплотныхъ газетъ. „Всѣми средствами“ они старались увѣрить Турецкое правительство, что *панславизмъ*—опасный врагъ Турціи и Эллады. Не удивительно по этому нисколько, что эти публицисты не только отмѣтили съ удовольствіемъ всѣ вышеуказанныя событія на Аѳонѣ, какъ доказательства несомнѣннаго существованія въ

---

[1]) Здѣсь, очевидно, разумѣются монастыри, получающіе изъ Россіи деньги съ бессарабскихъ своихъ имѣній. Ватопедъ, по словамъ К. Леонтьева, получаетъ отъ 90,000 до 150,000 руб. серебромъ, Зографъ отъ 50,000 до 60 тысячъ руб., Ксиропотамъ (?) и свято-Павловская обитель имѣютъ въ Россіи имѣнія съ обезпеченными доходами. Русск. вѣстн. 1873 г. IV кн. стр. 165. Греческій Иверскій монастырь владѣетъ въ Москвѣ Никольскимъ монастыремъ, который приноситъ ему богатые доходы.

[2]) Русск. вѣстн. 1873 г. кн. IV, стр. 677.

предѣлахъ Турціи панславизма, но не прошли молчаніемъ вмѣшательства русскаго солунскаго консула въ дѣла Ильинскаго скита и даже самого факта посѣщенія и пребыванія на Аѳонѣ русскихъ консуловъ—битольскаго (г. Якубовскій, въ послѣдствіи солунскій консулъ) исолунскаго (г. К. Леонтьевъ), которыхъ газеты обозвали даже агитаторами панславистическихъ идей. „Имена этихъ двухъ консуловъ, пишетъ К. Леонтьевъ, особенно солунскаго, безпрестанно являлись въ послѣднее время въ газетахъ. То одинъ изъ этихъ консуловъ изображается пламеннымъ панславистическимъ *писателемъ*, тогда какъ у насъ въ Россіи нѣтъ ни одной не только *всеславянской* газеты, но и какой бы то ни было политической статьи или книги подписанной его именемъ [1]). То располагая огромною какой-то суммой, онъ подкупилъ въ пользу Россіи всѣ бѣднѣйшія греческія обители на Аѳонѣ. То онъ живетъ въ андреевскомъ скиту, гдѣ ему помогаютъ *десять русскихъ монаховъ писарей*, тогда какъ тамъ очень трудно найти хоть одного свободнаго монаха для переписки. То онъ послалъ куда-то статью, доказывающую, что весь Аѳонъ есть добыча русскихъ. То онъ агентъ Каткова въ Македоніи. То одинъ консулъ (битольскій) спѣшитъ къ другому на Аѳонъ изъ Солуня, и оба они совѣщаются тамъ о панславизмѣ, тогда какъ намъ здѣсь извѣстно, что эти оба чиновника *на Аѳонъ никогда вмѣстѣ не были*, и что солунскій консулъ лежалъ больной, почти умирающій въ городѣ Кавалѣ, верстахъ въ 150 или 200 отъ Аѳона въ то время, когда битольскій консулъ посѣтилъ *одинъ* Святую Гору“ [2]).

Считаемъ совершенно лишнимъ дѣлать здѣсь обширныя извлеченія изъ константинопольскихъ газетъ описываемаго нами времени, чтобы видѣть гнусную ложь, тяжелыя клеветы и недобросовѣстныя инсинуаціи, какія писали въ нихъ на русскихъ царьградскіе публицисты, такъ какъ съ этою публицистикою мы будемъ имѣть дѣло въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

---

[1]) К. Леонтьевъ пишетъ здѣсь сущую правду, потому что многочисленныя статьи его, напечатанныя въ русскихъ газетахъ и журналахъ, подписывались *псевдонимомъ: Н. Константиновъ*.

[2]) *Русск. вѣстн.* 1873 г. кн. IV, стр. 677.

Какъ во время „греко-русскаго Пантелеимоновскаго процесса“ въ 1874 и 75 годахъ, такъ и нѣсколько позже, во время русско-турецкой войны 1877 и 78 годовъ клеветы на русскихъ аѳонскихъ иноковъ взводились однѣ и тѣ же и писались онѣ однимъ и тѣмъ же языкомъ. Греческія константинопольскія газеты, безъ зазрѣнія совѣсти, повторяли во время войны на своихъ страницахъ дословно то самое, что писали о русскихъ по поводу „пантелеимоновскаго процесса“. Теперь же, имѣя въ виду общій характеръ и направленіе константинопольской печати, указанные нами выше, мы лишь сдѣлаемъ попытку классифицировать многочисленные органы этой печати по ихъ симпатіямъ и антипатіямъ къ русскимъ инокамъ на Аѳонѣ.

Самыми ярыми и сильными противниками русскихъ иноковъ на Аѳонѣ были большія греческія газеты: «Νεολόγος», и «Θράκη». Послѣдняя изъ нихъ за крайность своихъ воззрѣній, страстность и настойчивость въ проведеніи ихъ въ публику, подвергалась неоднократному закрытію, но всякій разъ воскресала къ жизни, мѣняя лишь свою вывѣску (она называлась „Ἑπτάλοφος“, „Κωνσταντινούπολις“), но всегда оставаясь вѣрною своему руссофобскому направленію. Къ этимъ греческимъ газетамъ нужно присоединить и французскую константинопольскую газету „Phare du Bosphore“, издававшуюся въ „какомъ то германо-греческомъ духѣ“, какъ ее охарактеризовалъ покойный К. Леонтьевъ и въ полемикѣ противъ русскихъ нисколько не отличавшуюся отъ названныхъ греческихъ газетъ. Злостная статья этой французкой газеты подъ заглавіемъ: „Русскіе на Аѳонѣ“, была подробно разобрана К. Леонтьевымъ въ его прекрасной статьѣ: „Панславизмъ на Аѳонѣ“ и на каждое обвиненіе данъ былъ серьезный отвѣтъ.

Русскую сторону поддерживали и являлись представителями „разумно-патріотической печати“, газеты: солидная и весьма добросовѣстная „Βοζάντις“, вступившій въ 1874 году уже въ пятый годъ своего существованія трехдневный „Θεατής“, статьи котораго по аѳонскимъ дѣламъ писались всегда съ одушевленіемъ и неподдѣльною искренностію (См. № 717, окт. 8, ет. 1874; № 726, окт. 31, тотъ же годъ и другіе номера); только что народившаяся на свѣтъ Божій въ апрѣлѣ мѣсяцѣ

1875 года ежедневная „Ἐποχή“ [1]) и другія нѣкоторыя газеты.

Полуоффиціозный „Ἀνατολικὸς ἀστήρ“ и молодая, основанная въ 1874 году „Μικρὰ Ἀσία“ старались сохранить полное безпристрастіе въ обсужденіи происходившихъ событій и смотрѣть на дѣло безъ всякихъ предвзятыхъ идей, но это безпристрастіе имъ далеко не всегда удавалось. Жизнь, общественное мнѣніе, весьма горячо относившееся къ происходившимъ событіямъ, невольно увлекали дирижеровъ этихъ газетъ въ сторону съ той колеи, по которой они желали идти, и они невольно платили дань времени и своему національному происхожденію.

Среди многочисленныхъ органовъ константинопольской печати этого времени довольно замѣтно выдѣляется странная, чтобы не сказать болѣе, юмористическая газета „Μένιππος“, которая стала выходить съ перваго мѣсяца 1874 года и всего одинъ разъ въ недѣлю по пятницамъ. Какъ это ни удивительно, но эта *греческая* газета должна быть названа ярою поборницею и защитницею интересовъ русскихъ иноковъ на Аѳонѣ и безпощадною противницею ихъ враговъ въ Константинополѣ и на Аѳонѣ, т. е. *грековъ*. Рѣзко и иногда, можно сказать, до неприличія, систематически послѣдовательно и горячо она нападала на этихъ послѣднихъ, указывая имъ всю комичность ихъ положенія въ роли защитниковъ православія и народности, а также исконныхъ правъ, принадлежащихъ греческой національности, на которыя (т. е. права) никто не претендовалъ и которые никто и никогда не попиралъ. Не смотря, однако, на все это, при чтеніи статей газеты „Μένιππος“, невольно у насъ возникаетъ сомнѣніе въ искренности и безкорыстіи служенія ея интересамъ русскихъ аѳонскихъ иноковъ. Почтенные современники греко-русскаго Пантелеимоновскаго процесса увѣряютъ насъ, что въ свое время далеко не добро-

---

[1]) Газета эта съ № 4 уже начинаетъ заниматься церковными вопросами и помѣщаетъ передовую статью подъ такимъ заглавіемъ: «Τὸ οἰκουμενικὸν πατριαρχεῖον καὶ ὁ Ἄθος». «Пообѣщавшись, говорится въ этой статьѣ, что *мы желаемъ заняться всѣми вопросами, которые касаются нашей церкви и народа*, мы полагаемъ, что время *изслѣдовать событія, происходившія въ послѣднее время на Аѳонѣ*, событія некрасиваго свойства» и т. д.

душный „юморъ“ этой газетки дѣйствовалъ на читателей, которые въ теченіе цѣлой недѣли питались „возбуждающими“ статьями крайнихъ руссофобскихъ газетъ „Νεόλογος“ и „Θράκη“. будто бы примиряющимъ и успокоительнымъ образомъ. Охотно вѣримъ имъ на слово, но не можемъ скрыть своего непосредственнаго впечатлѣнія, полученнаго отъ знакомства съ газетою „Μένιππος“, дотолѣ намъ совершенно неизвѣстною. Теперь, спустя почти двадцать лѣтъ послѣ событій, о которыхъ трактуетъ газета, „юморъ“ ея испарился совершенно и намъ нужно было сдѣлать надъ собою большое усиліе, чтобы для знакомства съ характеромъ ея направленія, прочесть нѣсколько номеровъ, переполненныхъ неприличными и кощунственными выходками [1]) по адресу враговъ русскихъ иноковъ на Аѳонѣ.

Такимъ образомъ, событія, которыя происходили въ стѣнахъ обители св. Пантелеимона, на Аѳонѣ вообще и внѣ черты св. Горы, гдѣ такъ или иначе примѣшивалось русское

---

[1]) Для образца мы возмемъ на удачу нѣсколько номеровъ этой газеты и сдѣлаемъ переводъ юмористическихъ телеграммъ, какія помѣщались въ нихъ. «Аѳонъ. 1 ноября. Близъ монастыря св. Пантелеимона обнаружена святыми отцами священнаго собора небольшая дырочка (τρυπίτσα), равная носу иголки, и доказано, что это большой ходъ, которымъ русскіе святотатственно намѣрены таскать въ свое отечество народность и православіе. *Совершена литанія о заключеніи дырочки*». «Оттуда же того же дня. Вчера показался большой рой муравьевъ, выходящій, какъ бы густое облако, изъ нѣкоей трещины одного стараго дерева близъ монастыря св. Пантелеимона. Это ничто иное, какъ русскіе, превращенные въ муравьевъ, чтобы насъ усыпить и взять у насъ эллинизмъ и православіе, но отцы бодрствуютъ надъ муравьями. *Въ нынѣшнія «мирныя прошенія» прибавлено слѣдующее прошеніе*: «ὑπὲρ ἐξολοθρεύσεως τῶν μυρμήγκων». «Оттуда же. Полночь. Совершается торжественная литанія объ удаленіи и уничтоженіи русскихъ монаховъ. Возлагаемъ надежду нашу на Бога, *что онъ услышитъ нашу смиренную* молитву и всѣхъ ихъ проклятыхъ (τοὺς ἀναθεματισμένους) уничтожитъ ради эллинизма и равославія» (№ 35, Νοεμβρ. 8). «Аѳонъ. Октября 9. Русскіе встаютъ ночью и таскаютъ мѣшками въ Россію эллинизмъ и православіе. Поспѣшайте! Погибаетъ эллинизмъ, погибаетъ православіе». «Оттуда. Сегодня. Составилось большое скопище мышей и комаровъ, злоумышляютъ противъ эллинизма и православія. Извѣстите Бутира, Іалема, Ананію, Икіади, Психари, Каратеодори, Калліади, Маврогени и Хіа, чтобы они стояли на стражѣ, потому что погибаетъ эллинизмъ, погибаетъ православіе» (№ 31, окт. 11). Въ этомъ родѣ писались и *всѣ другія* статьи настоящей газеты.

имя, въ связи съ подстрекательствами и наускиваніями людей вліятельныхъ и богатыхъ, но весьма враждебно настроенныхъ противъ русскихъ, а главнымъ образомъ въ виду крайне пристрастнаго отношенія ко всѣмъ событіямъ того времени константинопольской вліятельной публицистики, запальчиво писавшей противъ Россіи вообще и русскихъ иноковъ на Аѳонѣ въ частности—все это вмѣстѣ взятое сильно вооружило противъ русскихъ общественное мнѣніе не только на востокѣ, но даже потомъ и на далекомъ западѣ. Неудивительно поэтому, что довольно было одного маловажнаго событія въ жизни русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ, а именно желанія игумена Герасима, по случаю своей тяжелой болѣзни въ 1873 году, объявить о. Макарія дѣйствительнымъ игуменомъ обители, чтобы возстали противъ русскихъ не только отцы этой обители греческаго происхожденія, но весь Аѳонъ, вся, можно сказать, греческая нація. Такъ начался извѣстный „греко-русскій Пантелеимоновскій процессъ“, долгое время волновавшій общественное мнѣніе на востокѣ и бывшій предметомъ оживленнаго и всесторонняго обсужденія европейской и нашей русской печати.

Мрачныя картины, наводящія на глубокія размышленія, представляетъ собою жизнь святогорская за эти тяжелые годы. „Тамъ гдѣ вчера и прежде христіанская любовь и единеніе, самое основаніе и правило нашего благочестія, подобно щиту и бронѣ охраняли единовѣрныхъ противъ всякаго коварнаго умысла и нападенія, теперь, характеризуетъ жизнь аѳонскую за это время современникъ, поднимается невыразимая вражда и спорливость, а страсти разгараются до того, что исчезаетъ всякое различіе между справедливымъ и несправедливымъ, каноническимъ и незаконнымъ, появляется смѣшеніе и извращеніе понятій и, что еще хуже, изъ-за земныхъ стремленій и желаній забывается самая вѣра, которая, по видимому, составляетъ средоточіе всей борьбы. Всякаго православнаго христіанина можетъ изумить и привести къ печальнымъ мыслямъ о будущемъ то, что этотъ бурный потокъ страстей, увлекая людей не крѣпкихъ, въ своемъ неудержимомъ стремленіи захватываетъ ту священную Гору, которая для достопочтенныхъ отшельниковъ, разорвавшихъ

всѣ земные узы, служитъ какъ бы мѣстомъ отдохновенія и подкрѣпленія, при восхожденіи на высоту небесную, которые приходятъ и обитаютъ въ священныхъ тамъ убѣжищахъ для того, чтобъ подвизаться въ добродѣтели и цѣломудріи и вдали отъ разновидныхъ мірскихъ искушеній заботиться о душевномъ своемъ совершенствѣ. И кто бы повѣрилъ, что и досточтимый Аѳонъ сдѣлался позорищемъ страстей и споровъ и что на этомъ священномъ мѣстѣ духовнаго подвижничества и самоотреченія въ наши дни готовы разыграться сцены, потрясающія въ основаніи уваженіе и благоговѣніе, внушаемые православнымъ вѣрующимъ однимъ именемъ святой Горы“ [1]). Въ это время „отношенія между греческими и русскими монахами сдѣлались такъ раздражительны, что святая обитель не переставала быть зрѣлищемъ ссоръ и споровъ, совершенно неприличныхъ и живущимъ въ мірскомъ обществѣ, и тѣмъ болѣе отцамъ, предавшимъ себя монашеской и подвижнической жизни“ [2]).

---

[1]) Христ. Чтен. 1874 г. кн. IX—X, стр. 835—836.

[2]) По поводу вопроса объ аѳон. монаст. Св. Пантелеимона. Спб. 1874 г. стран. 54.

ГЛАВА VIII.

ГРЕКО-РУССКІЙ ПАНТЕЛЕИМОНОВСКІЙ ПРОЦЕССЪ.

Желаніе игумена Герасима, при своей жизни, сдѣлать о. Макарія игуменомъ какъ ближайшій поводъ къ волненіямъ въ монастырѣ. Общая картина святогорской жизни во время процесса. Намѣреніе грековъ сжечь монастырь и убѣжденія о. духовника Саввы. Клеветы о. Евгенія на русскихъ передъ протатомъ. Отказъ эконома-грека въ рабочихъ рукахъ для русскихъ иноковъ. Переселеніе на русскую половину о. Иларіона и его поддержка русскихъ. Двукратная попытка отвести воду монастыря. Удаленіе о. Нафанаила отъ должности грамматика обители. Отобраніе у русскихъ монастырской печати. Запрещеніе поминать на литургіи имена старцевъ Макарія, Іеронима и Иларіона. Просьба о раздѣлѣ со стороны русскихъ иноковъ и согласіе на него игумена Герасима. Отказъ въ раздѣлѣ со стороны греческой братіи. Учрежденіе *симпракторовъ* и захватъ ими власти въ монастырѣ. Положеніе о. Макарія въ обители и отъѣздъ его въ Константинополь. Отобраніе у русскихъ документовъ монастыря. Жалоба русскихъ иноковъ на грековъ протату. Слѣдствіе по этому поводу двухъ коммисій—шестичленной и девятичленной. Поведеніе этихъ коммисій въ отношеніи ихъ къ русскимъ инокамъ. Канонизмъ для совмѣстной жизни русскихъ иноковъ съ греческими монахами и отказъ принять его со стороны первыхъ. Протестъ русскихъ въ протатѣ и его безуспѣшность. Обращеніе за рѣшеніемъ спорнаго дѣла къ суду великой церкви. Горячее участіе русскаго посла Н. П. Игнатьева въ судьбѣ русскихъ иноковъ на Аѳонѣ и характеристика положенія ихъ въ это время словами письма о. Пантелеимона къ профессору Ф. А. Терновскому. Смерть игумена о. Герасима и избраніе въ игумена о. Макарія. Отказъ патріарха утвердить это избраніе и назначеніе перебаллотировки, въ присутствіи патріаршихъ экзарховъ. Вторичное избраніе о. Макарія и утвержденіе его патріархомъ. Характеристика этихъ выборовъ графа М. Вогюэ. Протестъ недовольныхъ выборами и волненія по этому поводу въ монасты ѣ. Возвращеніе о. Макарія на Аѳонъ и его возведеніе на игуменскій тронъ. Рѣчь о. Макарія къ братіи. Донесеніе протата патріарху и экзархамъ о возстановленіи въ обители «прежняго законнаго порядка». Прощальная молитва экзарховъ, выборъ духовниковъ для греческой братіи и отъѣздъ ихъ съ Аѳона. Разрѣшительная грамматa патріарха въ Пантелеимоновскій монастырь. Общее заключеніе главы.

Лишь только сдѣлалось извѣстнымъ греческимъ инокамъ *Пантелеимоновскаго* монастыря намѣреніе о. игумена Гера-

сима объявить, при своей жизни, дѣйствительнымъ игуменомъ о. Макарія, какъ они, и безъ того крайне враждебно настроенные противъ русскихъ, заволновались въ обители и стали совѣщаться о томъ, что имъ необходимо предпринять въ эту, по ихъ мнѣнію, критическую минуту. На совѣщаніе ими былъ приглашенъ изъ Діонисіатскаго монастыря духовникъ старецъ Савва. „Аманъ, пропалъ нашъ монастырь! Игуменъ—схизматикъ, діаконъ Иларіонъ—схизматикъ и русскіе—схизматики!“ кричали раздраженные голоса недовольныхъ на этомъ собраніи. Нѣкоторые изъ нихъ сознались о. духовнику въ томъ, что они задумали сжечь монастырь и готовы потомъ за это богоугодное, по ихъ мнѣнію, дѣло даже пострадать, если ихъ будутъ преслѣдовать протатъ и турецкое правительство, чтобы получить мученическіе вѣнцы. Эти нелѣпыя рѣчи горячихъ головъ испугали старца духовника, который сталъ уговаривать протестантовъ, совѣтуя имъ оставить это намѣреніе, такъ какъ этимъ безумнымъ поступкомъ они сдѣлаютъ лишь „радость діаволу и еретикамъ“. Недовольные вняли совѣту старца, рѣшились оставить безъ исполненія свое намѣреніе, но совершенно не успокоились и продолжали волноваться и тревожить мирную жизнь русскихъ иноковъ. Такъ, іеромонахъ Евгеній, антипросопъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря, посланный защищать участокъ земли, принадлежащій Богородичному скиту Ксилургу, но несправедливо захваченный Пандократорскимъ монастыремъ, вмѣсто исполненія своей прямой обязанности, въ присутствіи кинота, высказалъ самымъ наглымъ образомъ возмутительныя клеветы на русскихъ. Въ монастырѣ экономъ-грекъ запретилъ новоначальному монаху работать на русской половинѣ, говоря: „монахъ долженъ заниматься келейнымъ дѣломъ“. Русскіе принесли жалобу о. Иларіону на эти поступки представителей монастыря. О. Иларіонъ принялъ сторону русскихъ и хотѣлъ даже смѣнить эконома съ послушанія, но греки не только не позволили сдѣлать это, а даже стали просить о. Иларіона не поддерживать болѣе русскихъ, говоря: „мы всѣ у ногъ твоихъ. Кромѣ тебя ни Іеронима, ни Макарія мы знать не хотимъ“. Но о. Иларіонъ продолжалъ стоять *на своемъ* и оставался на сторонѣ русскихъ, къ ко-

торымъ онъ даже переселился въ корпусъ, опасаясь непріятностей со стороны бунтовщиковъ. Въ ночь на 9 января 1874 года было „выпущено водохранилище, и самое начало источника воды забито досками, вода отведена въ сторону". Тоже повторилось и въ ночь на одинадцатое января съ тою разницею, что воды на сей разъ не могли отвести. Русскіе, опасаясь за свою жизнь, въ корридорахъ своего корпуса учредили постоянный караулъ.

Затѣмъ греки потребовали удаленія о. Нафанаила, бывшаго впослѣдствіи антипросопомъ въ Карей (о немъ см. выше), отъ должности грамматика. Хотя о. Нафанаилъ велъ дѣла хорошо и держалъ себя, какъ замѣчается въ дневникѣ, „такъ деликатно, что и самые старцы удивлялись его скромности, ибо онъ никогда не перенесъ какого нибудь разговора греческаго русскимъ, или дурнаго мнѣнія о русскихъ", однако, о. Іеронимъ обѣщался удовлетворить эту просьбу греческихъ отцовъ Евгенія, Анастасія и Елевѳерія, которые къ тому же пригрозили, въ случаѣ неисполненія этой просьбы, изрубить на куски ненавистнаго имъ грамматика. Миръ и тишину въ обители сулили эти отцы, если „это первое зло въ монастырѣ" будетъ удалено отъ занимаемой имъ должности и ихъ просьба будетъ уважена. 15 Января о. Нафанаилъ былъ удаленъ отъ должности, а его мѣсто занялъ уже упоминаемый нами неоднократно о. Евгеній. Однако, обѣщанный миръ не водворился. Греки потребовали, чтобы о. Иларіонъ перешелъ на греческую половину, и когда онъ отказался уважить ихъ просьбу, потребовали отъ него монастырскую печать. 17 Января прекратили поминать на ектеніяхъ въ храмѣ имена отцовъ Іеронима, Макарія и Иларіона. Священникъ, рѣшившійся было не подчиняться этому распоряженію, былъ запрещенъ въ священнослуженіи.

Тогда русскіе, видя, что требованіямъ и наглости грековъ не предвидится конца, рѣшились черезъ о. Іеронима просить у игумена благословенія на раздѣлъ. О. Герасимъ согласился на это желаніе, но греки не хотѣли слышать о какомъ бы то ни было дѣлежѣ и удовлетвореніи русскихъ монаховъ, такъ *какъ* „монастырская земля, по ихъ словамъ,—достояніе *греческой націи*". *Въ* этихъ безполезныхъ для дѣла перегово-

рахъ прошло почти цѣлыхъ два дня — 26 и 27 января. 28 января игуменъ Герасимъ рѣшился учредить *симпракторовъ* или трехъ помощниковъ себѣ, которые должны были обсудить тѣ основанія, на которыхъ можетъ быть произведенъ самый раздѣлъ. Когда о. Іеронимъ узналъ, что эти симпракторы, между прочимъ, будутъ распоряжаться и внутренними монастырскими дѣлами, завѣдывать монастырскимъ имуществомъ, то прямо и рѣшительно заявилъ: „пока я живъ, не допущу распоряжаться этимъ предметомъ другимъ; кошелекъ въ моихъ рукахъ—также и воля". Не согласился о. Іеронимъ и на требованіе грековъ удалить отъ порты монастырской келліотовъ, приходящихъ за милостынею, дѣлая, впрочемъ, ту уступку, что греки могутъ отказывать въ милостынѣ греческимъ келліотамъ. Это послѣднее распоряженіе симпракторовъ повело къ ссорѣ между привратниками греческимъ и русскимъ, при чемъ первый въ запальчивости выразился даже о хлѣбѣ такъ: „Не хочу его, я лучше буду ѣсть вотъ этотъ сухарь, но свой, а не русскій". Хотя симпракторы о. Григорій, Аѳанасій и Агапій и не добились признанія ихъ власти со стороны русской братіи, однако, это не помѣшало названнымъ лицамъ захватить власть въ свои руки и объявить что монастырь управляется уже симпракторами, какъ представителями братства, а не игуменомъ. Непризнанные властители немедленно потребовали отъ русскихъ выдачи монастырской печати, которая и была передана имъ, но подъ условіемъ, выговореннымъ русскими напередъ, чтобы отъ мѣста храненія печати было три ключа, изъ коихъ одинъ хранился бы у о. Иларіона, другой у симпракторовъ, а третій у русскихъ. На этомъ, однакоже, не остановились симпракторы. На другой же день, т. е. 20 февраля они потребовали отъ русскихъ возвратить всѣ монастырскіе документы и хрисовулы, которые однимъ изъ русскихъ монаховъ (о. Азаріемъ) приводились въ должный порядокъ. Русскіе отказались исполнить требованіе грековъ. Тогда эти послѣдніе распустили слухъ, что русскіе поддѣлываютъ документы, что они намѣрены отправить ихъ въ Константинополь и т. п. и прямо заявили что безъ выдачи документовъ они не выпустятъ за ограду монастыря о. Макарія, собиравшагося выѣхать въ Констан-

тинополь, такъ какъ положеніе его въ монастырѣ было не выносимо тяжелое. Греки перестали приглашать его для торжественныхъ богослуженій, для чтенія разрѣшительной молитвы въ качествѣ духовника и даже, припомнивъ, что дѣдъ о. Макарія былъ раскольникъ, пустили по Аѳону нелѣпый слухъ, что онъ *не крещенъ*, „а такъ въ родѣ еретика липованъ или молоканинъ“. Выдать документы совѣтывалъ русскимъ о. Иларіонъ, но они упорно отказывались, опасаясь, конечно, за цѣлость и неповрежденность этихъ документовъ. Тогда греки составили въ протатъ прошеніе за подписью 100 человѣкъ, въ которомъ обвиняли русскихъ въ присвоеніи монастырскихъ документовъ. Но этимъ дѣло не ограничилось: греки стали грозить русскимъ, что если они не выдадутъ монастырскихъ актовъ, то они отнимутъ у нихъ монастырскую печать. Угроза была тяжелая. Русскіе, наконецъ, рѣшились выдать акты, но съ такимъ условіемъ, чтобы они были положены въ несгораемый сундукъ, который бы стоялъ или въ библіотекѣ или въ ризницѣ, а ключи отъ этого сундука находились бы одинъ у грековъ, а другой у русскихъ. Греки притворно согласились на всѣ требованія русскихъ, но когда получили въ свои руки монастырскіе документы, то не выполнили ниодного требованія русской братіи, даже не дали росписки въ полученіи ихъ отъ русскихъ. Передача документовъ русскими грекамъ совершилась 25 февраля.

Русскіе теперь поняли самымъ наглядным образомъ, что миръ въ обители не можетъ водвориться мѣрами кротости, снисхожденій и всевозможнаго рода уступокъ расходившимся греческимъ монахамъ; необходимо вмѣшательство постороннее и авторитетное слово лицъ власть имѣющихъ. Рѣшено было отправить о. Макарія въ Константинополь, чтобы онъ изложилъ ходъ всѣхъ обстоятельствъ, случившихся въ монастырѣ, русскому посланнику Н. П. графу Игнатьеву, дабы онъ принялъ зависящія отъ него мѣры объ огражденіи русскихъ интересовъ на Аѳонѣ. Греки узнали объ этомъ намѣреніи русскихъ и пытались помѣшать [1]) отъѣзду о. Макарія, котораго приказано было схватить въ монастырской портѣ, но онъ

[1]) Письмо о. Іеронима отъ 1 марта 1874 г. къ отцамъ въ Москву.

ускользнулъ незамѣтно отъ бдительнаго ока монастырской стражи и 15 марта 1874 года сѣлъ на пароходъ, направляющійся въ Константинополь. Это первое рѣшеніе. Во вторыхъ, постановили обратиться къ протату съ просьбою, чтобы онъ зависящими отъ него мѣрами примирилъ двѣ враждующія національности.

Аѳонскій протатъ немедленно отправилъ въ монастырь св. Пантелеимона увѣщательную грамату, но когда она не возъимѣла желаннаго дѣйствія къ успокоенію взволнованныхъ умовъ, рѣшилъ составить *шести-членную коммиссію эпитровъ*, которая, по всестороннемъ изслѣдованіи причинъ этихъ безпорядковъ, должна была „прекратить возникшія несогласія и водворить снова вожделѣнный миръ и тишину въ священномъ семъ общежитіи“. Коммиссія явилась въ Пантелеимоновскій монастырь 21 марта и, увидѣвши, что однимъ простымъ убѣжденіемъ въ данномъ случаѣ дѣла не поправишь, въ виду наступленія праздника пасхи, удалилась изъ монастыря ни съ чѣмъ. Послѣ праздниковъ, по просьбѣ старцевъ, 23 апрѣля уже была послана протатомъ *девяти-членная коммиссія* съ одинаковымъ порученіемъ, что и прежде Обѣ эти коммиссіи держали себя чрезвычайно странно, чтобы не сказать прямо враждебно по отношенію къ русскимъ монахамъ, и „приходили въ монастырь не для того, чтобы, посредствомъ нелицепріятнаго распроса и разслѣдованія, *составить правильное и справедливое мнѣніе о существующей распрѣ*, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ „любитель истины“, а чтобъ приладить рѣшеніе, предварительно начертанное и постановленное, основывающееся на племенномъ различеніи и презрѣніи очевидныхъ правъ русскихъ монаховъ, и имѣющее цѣлью совершенное ихъ порабощеніе“ [1]).

Такъ, въ самомъ первомъ засѣданіи шести-членной коммиссіи уже поднятъ былъ вопросъ о томъ, чтобы о. Иларіонъ, какъ сторонникъ русскихъ монаховъ, былъ выведенъ изъ засѣданія собранія эпитроповъ. Только заступничество о. Герасима помѣшало эпитропамъ привести въ осуществленіе

---

[1]) По поводу вопроса объ Аѳонскомъ монастырѣ св. Пантелеимона. Спб. 1874 г., стр. 59.

свое несправедливое намѣреніе. Вслѣдъ за тѣмъ, когда были окончены приготовленія къ засѣданіямъ, избраны депутаты по восьми человѣкъ съ каждой стороны и объявленъ краткій перерывъ, то посланники протата не остались въ нейтральной комнатѣ—архандариконѣ (гостинной), какъ это слѣдовало сдѣлать, а удалились на греческую половину и тамъ имѣли съ греками продолжительное совѣщаніе, при закрытыхъ дверяхъ. Это поведеніе судей не понравилось русскимъ и они выразили желаніе переговорить съ игуменомъ Герасимомъ, но имъ въ этомъ на отрѣзъ отказали. На вечернемъ засѣданіи того же дня постановлено было, чтобы уполномоченные русскихъ и грековъ письменно изложили свои требованія и представили ихъ къ утреннему засѣданію слѣдующаго дня. Однако, когда 22 числа утромъ русскіе уполномоченные представили свои требованія, то эпитропы протата объявили имъ, что они не намѣрены дѣлать полнаго разслѣдованія, что они лишь донесутъ о всемъ, что они видѣли въ монастырѣ, протату, который уже приметъ зависящія отъ него мѣры къ успокоенію недовольныхъ. Девяти-членная коммиссія, открывшая свои засѣданія съ 23 апрѣля и занимавшаяся разслѣдованіемъ всѣхъ поводовъ къ спорамъ съ начала 1857 года, дѣйствовала не такъ, какъ того требовали въ рукахъ ея находящіяся доказательства, а сообразно съ тѣми указаніями, которыя получила заранѣе изъ Кареи отъ протата. Высшую степень несправедливости и пристрастія по отношенію къ русскимъ эта коммиссія проявила, при составленіи новаго устава (κανονισμός) совмѣстной жизни грековъ съ русскими въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ. Въ этомъ канонизмѣ, состоявшемъ изъ 22 параграфовъ и обнародованномъ 14 мая 1874 года, мы читаемъ слѣдующіе, между прочимъ, любопытные пункты:

1) „Сей священный монастырь св. славнаго великомученика Пантелеимона, называемый русскій, *былъ, есть и будетъ греческій.*

2) „Игуменъ сего священнаго монастыря, *какъ издревле, такъ и на всегда, будетъ грекъ вѣрноподданный державы Отоманской Имперіи.*

3) „*Количество* русскихъ братій опредѣляется, чтобы

впредь *на одну треть меньше всегда существующаго количества грековъ.*

4) „Должна быть устроена общая касса, внутри которой долженъ положиться весь до сего времени находившійся въ рукахъ русскихъ, неизвѣстный грекамъ, денежный капиталъ обители и всякое другое имѣніе, которое въ будущемъ пріобрѣтено".

Въ концѣ 4 пункта: „Братіямъ русскимъ дозволяется ради языка имѣть духовника своего отдѣльно, только для чисто духовныхъ предметовъ, и назначаемаго и удаляемаго самимъ игуменомъ".

Достаточно этихъ пунктовъ, чтобы можно было сказать, что этому *канонизму* [1]) не могло быть никакой будущности. И дѣйствительно, русскіе монахи представили свои возраженія на этотъ канонизмъ данной коммиссіи ранѣе даже истеченія двадцати четырехъ часовъ, назначенныхъ коммиссіею на это. Но, когда коммиссія, пораженная быстротою отвѣта, отказалась принять возраженія со стороны русской братіи, то на слѣдующій день 16 мая эти возраженія чрезъ особыхъ делегатовъ были отправлены въ Карею. Отцы, засѣдавшіе въ кинотѣ, молча выслушали заявленіе русскихъ делегатовъ и не приняли отъ нихъ самыхъ возраженій. Делегаты положили нераспечатанную бумагу на столъ и удалились въ монастырь объявить о полной безуспѣшности своей миссіи.

Русское братство Пантелеимоновскаго монастыря ясно увидѣло теперь, что на Аѳонѣ оно не найдетъ правды и удовлетворенія своимъ законнымъ требованіямъ, а посему рѣшилось споръ съ греками перенести на судъ великой церкви. Съ этою цѣлью оно избрало изъ своей среды болѣе практичныхъ и умныхъ делегатовъ, поставивъ во главѣ ихъ уже находившагося въ то время въ Константинополѣ о. Макарія, снабдило ихъ нужными бумагами и необходимыми полномочіями и отправило ихъ въ Константинополь изложить всю суть дѣла предъ патріархомъ Іоакимомъ II и собо-

---

[1]) Содержаніе статей этого канонизма передано довольно обстоятельно «любителемъ истины» въ книгѣ «По поводу вопроса» стр. 64—66.

ромъ клириковъ и мірянъ при немъ [1]). Греческое братство Пантелеимоновскаго монастыря сдѣлало тоже самое: оно съ своей стороны послало въ Константинополь своихъ делегатовъ.

Такимъ образомъ, арена борьбы русскихъ съ греками переносится въ Константинополь и сосредоточивается въ пат-

---

[1]) Во все время, такъ называемаго, Пантелеимоновскаго процесса русская братія молилась въ своихъ церквахъ о дарованіи мира и тишины особыми нарочито на сей случай составленными прошеніями и молитвою. Вотъ эти прошенія *на великой ектеніи*:

«О еже благословити доброе намѣреніе и дѣло рабовъ твоихъ и благоизволити благополучно начати и спѣшно, кромѣ всякаго препятія, во славу Твою скончати, силою, дѣйствомъ и благодатію пресвятаго Духа, Господу помолимся».

«О еже ко благому тщанію рабовъ своихъ благопоспѣшство, со всякимъ довольствомъ, силою дѣйствомъ и благодатію пресвятаго своего Духа подати, Господу помолимся».

«О еже приставити дѣлу сему Ангела-Хранителя, еже невидимо отразити вся противныя вещи видимыхъ и невидимыхъ враговъ и во всемъ благопоспѣшство и мудрость къ совершенію, силою дѣйствомъ и благодатію пресвятаго своего Духа подати, Господу помолимся».

На сугубой ектеніи:

«Во всемъ поспѣшествуяй и всѣмъ во благое, Господи, милостивно и рабомъ Твоимъ, намъ, нынѣ Тебѣ молящимся, поспѣшествуй, Спасе, и во благополучное совершеніе дѣлу ихъ спѣшно произвестися благослови, молимтися, всемогій Владыко, услыши и помилуй».

«Ангела Твоего Хранителя постави дѣлу сему, благоувѣтливе Господи, и еже воспятити вся препятія видимыхъ и невидимыхъ враговъ, поспѣшество же во всемъ ко благополучному совершенію, молимтися, преблагій Спасе, услыши и помилуй».

«Во славу Твою вся творити повелѣвый, Господи, рабомъ Твоимъ, благословеніемъ Твоимъ поспѣшество благополучное къ совершенію подаждь, молимтися, даровитый Творче, услыши и помилуй».

По сугубой ектеніи возгласъ: «Паки и паки колѣна преклоньше, Господу помолимся» *и молитву сію, а въ праздничные дни безъ колѣнопреклоненія. Молитва*:

«Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, пріими недостойное моленіе наше въ оставленіе грѣховъ и беззаконій нашихъ, ими же раздражихомъ Твое человѣколюбіе и прогнѣвахомъ Твою благость, и отврати отъ насъ гнѣвъ свой праведно на ны движимый. и утоли *вся нестроенія нынѣ сущія, и подаждь миръ, тишину, любовь же и утвержденіе рабомъ Твоимъ*, ихъ же честною Твоей искупилъ еси кровію, славы ради имене Твоего, утвержденія же и укрѣпленія церкви Твоея, да вси славимъ пречестное и великолѣпое имя Твое Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. *Аминь*».

ріархіи въ засѣданіяхъ св. Синода и смѣшаннаго совѣта [1]) при вселенскомъ патріархѣ, въ русскомъ посольствѣ, въ подворьѣ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря въ Галатѣ и на страницахъ константинопольскихъ газетъ, чрезъ которыя отголоски ея проникаютъ въ мѣстное общество, живо интересовавшееся и съ напряженіемъ ожидавшее исхода этой борьбы. У насъ подъ руками письмо одного современника, принимавшаго дѣятельное участіе во время греко-русскаго пантелеимоновскаго процесса, адресованное къ покойному профессору кіевской духовной академіи Ф. А. Терновскому. Въ немъ яркими красками изображается вся трудность положенія русскихъ аѳонскихъ иноковъ въ данный моментъ, съ одной стороны, и то горячее участіе русскаго посла въ Константинополѣ Н. П. Игнатьева, которое онъ принималъ въ ихъ судьбѣ, съ другой.

„Мартъ, апрѣль и май прошли въ самомъ безпокойномъ состояніи, говорится въ этомъ письмѣ, и мы были въ натянутомъ, трудномъ и скорбномъ состояніи. Рѣшеніе протата было столь пристрастно къ національности и такъ несправедливо, что русскіе должны были войти въ протестъ и подать жалобу святѣйшему патріарху, вслѣдствіе чего въ концѣ мая пріѣхалъ сюда (т. е. въ Константинополь) нашъ архимандритъ о. Макарій, а въ началѣ іюня—о. Азарій и я (т. е. о. Пантелеимонъ) съ нѣкоторыми братіями. Дѣло наше пустое само по себѣ, развиваясь и смѣшиваясь съ другими вопросами, приняло весьма обширные размѣры, такъ что въ концѣ концовъ оказалось, что *мы имѣемъ дѣло не съ про-*

---

[1]) Члены этого совѣта, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая часть его относились къ русскимъ аѳонскимъ инокамъ весьма враждебно и не стѣснялись въ засѣданіяхъ совѣта произносить возмутительныя инсинуаціи на нихъ. Образчикомъ этого рода рѣчей можетъ служить «чтеніе» въ засѣданіи синода и смѣшаннаго совѣта 21 августа 1874 года, вышедшее потомъ въ Аѳинахъ отдѣльною брошюрою подъ такимъ заглавіемъ: Ἀνάγνωσμα ἐν τῇ κατὰ τὴν κά Αὐγούστου συνεδριάσει τῆς ἱερᾶς συνόδου καὶ τοῦ ἐθνικοῦ συμβολίου ὑπὸ τὴν προεδρείαν τῆς Α θειοτάτης Παναγιώτητος τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου Ἰωακείμ τοῦ Β' περὶ τοῦ ζητήματος τῆς ἐν τῷ ἁγιωνύμῳ ὄρει ἱερᾶς μονῆς τοῦ ἁγίου Παντελεήμονος». Ἐν Ἀθην. 1874 ἐτ. Весьма вѣскія возраженія на это чтеніе было напечатано въ газетѣ «Βοζάντις» № 1824 и въ Моск. вѣд. № 271 и далѣе за тотъ же 1874 годъ.

татомъ только, но и съ синодомъ патріархата, даже съ цѣлою націею, возбужденною до крайняго ожесточенія газетнымъ громомъ въ теченіе послѣднихъ пяти-шести лѣтъ. Желаніе наше раздѣлиться съ греками: имъ уступить приморскій Руссикъ, а себѣ отстроить нагорный или наоборотъ,—представило вопросъ весьма трудный и почти неудобоисполнимый [1]), а потому дѣло наше болѣе мѣсяца было совершенно безъ движенія и только во второй едва-едва было разсмотрѣно. При разсмотрѣніи, происходили довольно жаркія пренія, доходившія до раздѣленія мнѣній, [2]) и бомбардировка была

---

[1]) Тоже самое говорится и въ письмѣ о. Арсенія изъ Москвы отъ 22 іюля къ тому же профессору Ф. А. Терновскому.

[2]) Здѣсь о. Пантелеимонъ, очевидно, имѣетъ въ виду бурное засѣданіе 18 сентября 1874 года по вопросу о національности и подданствѣ игумена русскаго Пантелеимоновскаго монастыря. Святѣйшій патріархъ Іоакимъ II, находя несправедливымъ и пристрастнымъ требованіе, чтобы игуменъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ былъ *грекъ* и непремѣнно *турецкій подданный*, на чемъ настаивали протатскій канонизмъ и нѣкоторые члены смѣшаннаго совѣта, такъ какъ въ другихъ монастыряхъ св. Горы, хотя игумены греки по происхожденію, но далеко *не всѣ* они подданные султана, предложилъ отстрочить разсужденія о подданствѣ игумена до выработки общаго канонизма для всей св. Горы. Это предложеніе патріарха вызвало цѣлую бурю со стороны членовъ смѣшаннаго совѣта, нерасположенныхъ къ русскимъ аѳонскимъ инокамъ, такъ что пять членовъ его: І. Икіади К. Каратеодори. С. Мавроген, А. Психари и Калліади вышли изъ состава смѣшаннаго совѣта. Даннымъ предложеніемъ вселенскаго патріарха остались весьма недовольны и руссофобскія газеты «Νεολόγος» и «Θράκη», поспѣшившія обвинить патріарха въ панславизмѣ, и членовъ синода и остальныхъ членовъ смѣшаннаго совѣта въ подкупѣ русскими деньгами. Чрезмѣрное усердіе этихъ органовъ печати въ данномъ случаѣ и ихъ неприличныя выходки противъ главы константинопольской церкви и почтенныхъ членовъ синода и совѣта не остались не замѣченными въ сферахъ отоманскаго правительства, которое чрезъ оффиціальный органъ «Turquie» сдѣлало этимъ греческимъ газетамъ серьезное внушеніе. «Считаемъ своимъ долгомъ, говоритъ газета «Turquie», выразить свое сожалѣніе, что *два здѣшнихъ греческихъ органа* продолжаютъ свое дѣло (т. е. разсужденія по поводу выхода пяти членовъ изъ смѣшаннаго совѣта) *съ излишней энергіей только волнующей общественное мнѣніе* и даже позволяютъ себѣ наложить пятно на искренность вселенскаго патріарха и большинство членовъ названныхъ учрежденій. Они забываютъ, что нынѣ возсѣдающій на константинопольской каѳедрѣ былъ недавно возведенъ на нее, по всеобщему избранію какъ духовенства, такъ и народа, чего конечно, не могло бы случиться, если бы опытъ прошлаго не убѣдилъ всѣхъ въ высокихъ способностяхъ и *преданности* этого архипастыря интересамъ церковной общины». Христ. *Чтен. 1874 г., кн. XI, стр.* 388.

серьезная. Наконецъ, послѣ разногласій въ собраніи и доказательствъ, представленныхъ съ нашей стороны, члены синода и смѣшанной коммиссіи (изъ мірскихъ членовъ, имѣющихъ право не согласиться и не принять патріаршаго рѣшенія) пришли къ заключенію, что *русскимъ нельзя отказать имѣть монастырь на Аѳонѣ.* Оставалось только провѣрить акты, на кои ссылались мы въ прошеніи,—есть ли они и какіе именно, но въ это время подвернулось іерусалимское дѣло, (о возбужденіи арабовъ кѣмъ то изъ служащихъ въ русскомъ агетнствѣ въ Акрѣ), которое было принято здѣсь горячо и въ соединеніи съ нашимъ представило страшное, по обаянію всей греческой націи, слово: *филитизмъ*, и отодвинуло наше дѣло на неопредѣленное время съ опасностію принять противоположный оборотъ. *Если бы не искреннее участіе русскаго посла, столь для насъ неоцѣнимо-благодѣтельное, то не только бы просьба наша и всѣ, хотя и фактическія доказательства не имѣли (бы) никакого значенія и остались (бы) безъ удовлетворенія*, но греки выгнали бы насъ съ Аѳона, въ чемъ и состояла главная задача всѣхъ притѣсненій и обидъ сдѣланныхъ ими русскимъ. Замыселъ этотъ у нихъ давній, и планъ вытѣсненія русскихъ съ Аѳона составленъ былъ еще въ прошлый годъ здѣсь коммиссіею, отъ чего наши греки (т. е. пантелеимоновцы) и члены протата и дѣйствовали такъ смѣло".

„Но, наконецъ, на дняхъ послѣдовало такое рѣшеніе, (которое, впрочемъ, въ слѣдующемъ засѣданіи можетъ измѣниться, какъ это и случалось уже не разъ): нашего о. архимандрита Макарія утвердить игуменомъ, (не раздѣляя насъ съ греками) и послать съ нимъ двухъ архіереевъ для введенія его въ полныя права съ тѣмъ, чтобы всѣхъ привести въ его повиновеніе, а кто не захочетъ, того смирить, т. е. заставить противъ воли или удалить изъ обители. Слѣдовательно, рѣшеніе вполнѣ въ пользу нашу, и чего бы желать больше? Но это можно сказать тогда, когда бы дѣло было не съ греками. Въ этомъ рѣшеніи помазано только наше любочестіе и т. п., но въ сущности греки могутъ не нынѣ, такъ завтра открыть свои притязанія и выгнать насъ изъ монастыря *даже и* съ игуменомъ нашимъ. И это не догадка.

Мы не разъ слышали о совѣщаніи ихъ между собою, что *нужно успокоить русскихъ, пока посломъ въ Константинополь г. Игнатьевъ, а когда не будетъ г. Игнатьевъ, тогда можно поступить съ русскими, какъ угодно, ибо никто* [1] *за нихъ прежде не заступался, никто не заступится и послѣ*“ [2].

Быстрому, конечно, сравнительно и благопріятному для русскихъ иноковъ на Аѳонѣ окончанію греко-русскаго пантелеимонскаго процесса въ Константинополѣ, помимо настойчивости и энергіи со стороны русскихъ делегатовъ, направлявшихъ всѣ усилія, чтобы отстоять свои права на монастырь и на мѣсто себѣ среди святогорскихъ насельниковъ другихъ націй, а также сильной поддержки русскихъ интересовъ со стороны могущественнаго въ эту пору въ Константинополѣ русскаго посла Н. П. Игнатьева, помогли немало и обстоятельства, случившіяся въ стѣнахъ обители св. Пантелеимона. 8 мая 1874 года скончался на 103 году отъ рожденія игуменъ Герасимъ. Греческіе делегаты стали просить вселенскаго патріарха, чтобы онъ немедленно отправилъ въ монастырь одного изъ своихъ синодскихъ архіереевъ въ качествѣ намѣстника. Эта мѣра, по ихъ мнѣнію, необходима была въ видахъ предупрежденія и устраненія могущихъ произойти въ монастырѣ замѣшательствъ и безпорядковъ, но въ тайнѣ они льстили себя надеждою имѣть на своей сторонѣ въ монастырѣ одного лишняго единомышленника. Но ихъ планъ неожиданнымъ для нихъ образомъ былъ разрушенъ телеграфною депешею на имя вселенскаго патріарха, извѣщавшею, что въ монастырѣ впредь до избранія новаго игумена править всѣми дѣлами составленная смѣшанная эпитропія изъ грековъ и русскихъ. Со стороны грековъ былъ

---

[1]) Къ великому удовольствію нашему, мы можемъ засвидѣтельствовать, что надежды этого рода греческой націи не сбылись. Въ лицѣ нынѣшняго гуманнаго и высокопросвѣщеннаго посла нашего при Отоманской портѣ А. И. Нелидова русскіе иноки монастыря св. Пантелеимона имѣютъ сильнаго покровителя и неустаннаго защитника ихъ интересовъ.

Примѣч автора.

[2]) *Письмо о. Пантелеимона* изъ Константинополя къ профессору Ф. А. *кому отъ 26* августа 1875 г.

избранъ о. іеродіаконъ Иларіонъ, а со стороны русскихъ о. духовникъ Іеронимъ и экономъ о. Павелъ.

На девятый день послѣ смерти игумена Герасима эпитропія предложила братіи монастыря, по святогорскому обычаю, приступить къ избранію новаго игумена. Согласно состоявшемуся рѣшенію братіи еще 15 Октября 1870 года и воли покойнаго игумена, въ кандидаты на игуменскій тронъ былъ предложенъ о. архимандритъ Макарій, который большинствомъ 406 голосовъ противъ четырехъ и былъ тутъ-же избранъ въ преемники покойному игумену. О состоявшемся избраніи чрезъ нарочитаго делегата о. экономa Павла монастырь извѣстилъ вселенскаго патріарха который, однако, не утвердилъ настоящаго избранія, а предложилъ произвести перебаллотированіе, въ присутствіи нарочитыхъ патріаршихъ экзарховъ. Это дѣлалъ патріархъ въ тѣхъ видахъ, чтобы успокоить взволнованные умы, устранить отъ себя всякія нареканія и фактъ избранія въ игумены о. Макарія поставить внѣ всякихъ подозрѣній. „А чтобы законно и канонически рѣшенное, надлежащею заботливостію и начальственнымъ правомъ святой церкви Христовой постановленное и опредѣленное, и самымъ дѣломъ исполнилось, такъ какъ въ послѣднее время преставился ко Господу бывшій игуменъ Герасимъ, мы, писалъ вселенскій патріархъ Іоакимъ II въ сиггиліонѣ (граматѣ) по поводу избранія въ игумены о. Макарія, *постановили послать экзархами* священнѣйшихъ митрополитовъ никейскаго кѵръ Іоанникія и деркійскаго кѵръ Іоакима (бывшаго въ послѣдствіи вселенскимъ патріархомъ подъ именемъ Іоакима IV † 1887 года), чтобы они, отправившись въ сказанную священную обитель, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ объявятъ всѣмъ неизмѣнное рѣшеніе церкви для прекращенія соблазновъ и смутъ, вселяя согласіе и міръ приличными совѣтами и увѣщаніями, *пригласили въ то же время всѣхъ отцевъ обители къ прямодушному и безпристрастному избранію игумена, подъ наблюденіемъ тѣхъ самыхъ экзарховъ и въ присутствіи двухъ уполномоченныхъ совѣтомъ св. Горы*“ [1]).

11 іюля избранные экзархи отправились на Аѳонъ, а 20

[1]) Русск. *мон. св. великомучен.* и цѣлит. Пантелеймона стр. 236.

числа того же мѣсяца, послѣ того какъ прибыли въ Пантелеимоновскій монастырь два уполномоченные представителя отъ карейскаго кинота [1]) и когда, при помощи *векилъ-каймакама* (въ родѣ нашего становаго пристава), были удалены изъ монастыря четыре главныхъ подстрекателя изъ грековъ, въ русскомъ Покровскомъ соборѣ было приступлено къ переголосованію [2]). Подъ наблюденіемъ названныхъ экзарховъ, каждый братъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря безъ различія національностей долженъ подать свой голосъ за кандидата на игуменскій тронъ. Подача голоса заключалась въ подписи своего имени подъ актомъ избранія въ игумены о. архимандрита Макарія. Подъ актомъ подписалось 424 человѣка, т. е. подано было количество голосовъ нѣсколько болѣе, чѣмъ во время баллотировки, и о. Макарій, такимъ образомъ, былъ объявленъ *избраннымъ* во игумена. „Когда все такъ въ порядкѣ и законно было сдѣлано, читаемъ мы въ сигиліонѣ, утверждающемъ о. Макарія на игуменствѣ, поелику *великимъ большинствомъ голосовъ преподобнѣйшихъ отцевъ избранъ канонической игуменъ*, преподобнѣйшій іеромонахъ и архимандритъ кѵръ Макарій, мужъ разумный и добродѣтельный, постриженецъ и членъ сей священной обители, котораго общимъ прошеніемъ и представили намъ,

---

[1]) Въ числѣ представителей отъ кинота находился и нынѣ здравствующій симоно-петрскій игуменъ-архимандритъ Неофитъ, который во все время процесса былъ на сторонѣ русскихъ и открыто говорилъ въ ихъ защиту предъ членами протата. Это обстоятельство сблизило о. Неофита съ покойнымъ о. Макаріемъ, который, памятуя его услуги, до самой кончины былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ и даже выхлопоталъ для него предъ Св. Синодомъ русской Церкви право сдѣлать въ Россіи сборъ милостыни на устройство ветхой и бѣдной, а въ 1891 году въ маѣ мѣсяцѣ сгорѣвшей до основанія, обители. (См. нашу замѣтку о пожарѣ этой обители въ «Церков. Вѣд.». За 1891 г. № 30). О. Неофитъ два года находился въ предѣлахъ нашего отечества, былъ принятъ повсюду весьма радушно и возвратился на Аѳонъ не съ пустыми руками...

[2]) По словамъ корреспондента «Моск. Вѣдом.», прежде переголосованія экзархи предложили братіи подписать двѣ бумаги по выбору. На одной было написано: «*Подчиняемся* рѣшенію великой Церкви и *согласны* приступить къ выборамъ игумена», а на другой: «*Не подчиняемся* рѣшенію великой *Церкви* и *не согласны* приступить къ выборамъ игумена». Первая бумага *была покрыта будто бы* 415 подписями, а вторая 118. «Моск. Вѣд.» 1875 г. № 203.

какъ достойнаго и способнаго управлять богоугодно тою священною обителью, усердно вымаливая и отъ нашей церкви Христовой признанія и подтвержденія постановленія и игуменства его нашею патріаршею и синодальною сиггилидною на пергаминѣ граматою, то мы письменно опредѣляемъ соборнѣ съ находящимися тутъ священнѣйшимъ архіереями и пречестными во святомъ Духѣ возлюбленными нашими братіями и сослужителями, чтобы въ силу вышеизложеннаго общаго рѣшенія священнаго Синода и достопочтеннаго народнаго совѣта о пребываніи и совмѣстномъ въ любви жительствованіи всѣхъ отцевъ подвизающихся въ сказанномъ священномъ общежитіи святаго Пантелеимона, безъ какого бы то ни было привилегированнаго или племеннаго различія, и о пользованіи всѣхъ ихъ безъ исключенія равными правами, рѣшенія, имѣющаго значеніе и силу неизбѣжную и неизмѣнную во всякое время, какъ основаннаго на священныхъ канонахъ и отеческихъ законоположеніяхъ, согласнаго и сходнаго съ издревле установленными порядками, опредѣленіями и уставами всѣхъ священныхъ общежитій, избранный теперь большинствомъ голосовъ въ игумена священной сей обители и канонически имѣющій поручительства за себя и въ непорочномъ жительствованіи свидѣтельствуемый преподобнѣйшій *архимандритъ киръ Макарій былъ и назывался* и всѣми признавался игуменомъ и начальникомъ общежитія (киновіархомъ) помянутой нашей патріаршей и ставропигіальной обители святаго Пантелеимона, называемой Руссикъ, и до конца своей жизни держалъ игуменство въ ней по правиламъ и установленіямъ общежитій. А его преподобіе обязанъ, какъ преимущій предъ всѣми братіями, наблюдать и возбуждать всѣхъ къ добродѣтели и общежительное ихъ пребываніе соблюдать въ точности по древнимъ уставамъ для избирающихъ общежительную жизнь, *себя перваго представляя примѣромъ добродѣтели и житія безпорочнаго*, имѣть попеченіе и заботиться о пользѣ и выгодахъ священной сей обители, усердно хлопотать о содержаніи и нуждахъ ея и съ разсужденіемъ домоправительствовать, пользуясь, безъ всякаго племеннаго различія, и совѣтами мужей опытнѣйшихъ и превосходящихъ другихъ смысломъ и возростомъ и съ ними обсуждать дѣла, потому что спасеніе есть

во мнозѣ совѣтѣ (Прит. XI, 14) по приточнику. А всѣ братія въ общежитіи должны повиноваться и подчиняться этому каноническому игумену своему и внимать его предложеніямъ и увѣщаніямъ, никто вообще не противясь и не противорѣча, но исполняя все то, чтобы ни было повелѣно отъ него. А кто не захочетъ повиноваться, тотъ послѣ перваго и втораго вразумленія, по слову Апостола (I, Коринѳ. V, 6, 13), да будетъ изгнанъ имъ, чтобы и другихъ не заражалъ. Всѣ же теперь уже подвизающіеся братія и имѣющіе впослѣдствіи поступить изъ священной любви къ общежительному пребыванію, должны имѣть все общее, имѣя каждый равныя права и питаясь одинаково, кромѣ если кому, по немощи тѣлесной или по другой какой неизбѣжной причинѣ, встрѣтится препятствія употреблять одинаковую съ другими братіями пищу, по разсужденію и испытанію о немъ игумена, имѣющаго право устроять каждаго по немощи его, нисколько поэтому не подлежа эпитеміи ни самъ, ни тѣ, о коихъ онъ устроетъ такъ. А прежде всего должны жить въ согласіи и духовной любви, имѣя по Богу братолюбное расположеніе, какъ бы одна душа, обитающая во многихъ тѣлахъ и совокупно заботясь о мѣстѣ своего покаянія (т. е. монастыря), [1]) поступая каждый такъ, какъ повелѣваетъ игуменъ. А кто и кто бы то ни было изъ всѣхъ освященный или мірянинъ (бѣлецъ), одолѣваемый грубостію или высокомѣріемъ, дерзнетъ когда нибудь тайно или явно, непосредственно или посредственно, словами или поступками внести смуту, неравенство и нестроеніе въ общежительный порядокъ и строй священной сей обители, или въ противность канонамъ захочетъ возбудить желанія племеннаго различенія и привиллегированнаго положенія, полагать препятствія равному для всѣхъ подвизающихся отцовъ пользованію правами и обособлять что нибудь изъ принадлежащаго общему братству, или какимъ бы то ни было образомъ нанести безпокойство и вредъ священному сему общежитію, и находящимся въ немъ теперь

---

[1]) Нужно замѣтить, что переводъ настоящей граматы хотя близокъ къ *подлиннику*, но имѣетъ немало шероховатостей и даже неточностей.

или въ послѣдствіи имѣющимъ жить отцамъ, и вообще захочетъ извратить хотя бы въ самомъ маломъ синодально опредѣленное въ настоящей граматѣ, таковой, какого бы сана и степени ни былъ, да будетъ отлученъ отъ святой животворящей и нераздѣлимой блаженной Троицы, единаго естествомъ Бога, и проклятъ и не прощенъ и повиненъ всѣмъ клятвамъ отеческимъ и соборнымъ“ [1]).

Переголосованіе или перебаллотировка о. Макарія въ игумена была произведена, въ присутствіи митрополитовъ-экзарховъ, съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ предписываемыхъ закономъ и выработавшеюся практикою формальностей, и прошла съ рѣдкими въ подобныхъ случаяхъ спокойствіемъ и чинностію, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ посторонній, но заслуживающій полнаго довѣрія случайный наблюдатель, извѣстный французскій ученый археологъ и путешественникъ графъ Мельхіоръ Вогюэ. „Никогда въ жизни намъ, пишетъ этотъ путешественникъ, не случалось присутствовать на выборахъ, которые бы имѣли такой своеобразный характеръ. День былъ воскресный: любопытство (la curiosite) заставило насъ всю ночь провести въ церкви, чтобы присутствовать при русскомъ торжественномъ богослуженіи, чтобы слышать великолѣпное пѣніе, наблюдать выраженіе этихъ лицъ, которыя горячо молились предъ алтаремъ за своего Царя. Цѣлую ночь блѣднолицые монахи провели на ногахъ, освѣщенные блестящею мглою восковыхъ свѣчъ: никакой печали, кромѣ печали неба, не отражалось на ихъ физіономіяхъ. Мы заснули, когда занималась заря, а раннимъ утромъ были разбужены колокольнымъ звономъ. Мы уже стали собираться, чтобы присутствовать при новой церемоніи, какъ намъ объявили, что звонъ этотъ призываетъ монаховъ на ихъ совѣщанія. *Событіе столь долго ожидаемое, долженствовавшее громко разразиться по всей восточной церкви, событіе, около котораго сгруппировалось все, что осталось страстнаго въ мірѣ духовномъ, совершалось предъ нашими глазами тихо, мирно, такъ что нельзя было замѣтить даже малѣйшаго признака какого нибудь*

[1]) Русск. монаст. св. Пантел. стр. 237–239.

волненія. Никакой подозрительный звукъ не нарушалъ тишины монастырской, развѣ только на нѣкоторыхъ лицахъ видна была какая то необыкновенная озабоченность, да коегдѣ по угламъ длинныхъ корридоровъ слышалось тихое шептаніе. Человѣкъ не предувѣдомленный, могъ бы подумать, что монахи собираются по обыкновенію къ утреннему служенію" [1]). Вышепроцытованный нами патріаршій сигиліонъ также свидѣтельствуетъ о полной законности произведенныхъ выборовъ.

Но, не смотря на все это, явились недовольные произведенными выборами—шесть членовъ карейскаго протата и шесть монаховъ обители св. Пантелеимона, при чемъ первые нашли, что уполномоченные отъ протата яко-бы „не сообразовались съ данными имъ наставленіями" [2]). Недовольные написали протестъ въ весьма сильныхъ выраженіяхъ, при чемъ грозили даже „возобновленіемъ Сициліанской вечерни" [3]), и отправили его къ патріарху, который, однако, не придалъ ему никакого значенія, сдѣлавъ протестантамъ отеческое замѣчаніе. Не мирившіеся съ фактомъ состоявшагося избранія, монахи монастыря св. Пантелеимона продолжали волноваться и протестовать противъ новаго порядка жизни въ монастырѣ. Такъ, когда 1 сентября русскіе иноки потребовали отъ о. Евгенія и Анастасія ключи отъ Пантелеимоновскаго собора, то послѣдніе отказались выдать ихъ, а параэкклисіархъ собора о. Іоаннъ на церковныя двери наклеилъ портреты султана, убравъ ихъ цвѣтами, и надъ папертью водрузилъ турецкій флагъ. Турецкій чиновникъ, бывшій при этомъ нашелъ неумѣстнымъ и не своевременнымъ такое выраженіе вѣрноподданическихъ чувствъ султану, собственноручно снялъ флагъ и сказалъ при этомъ: „Подданство и повиновеніе правительству состоитъ не въ томъ, чтобы выставлять портреты и выкидывать флаги, но въ исполненіи его воли". Этотъ фактъ наглядымъ образомъ показалъ русскимъ инокамъ, что огонь вражды грековъ къ нимъ еще не потухъ, и по-

---

[1]) Syrie, Palestin. mont Athos. voyage au pays du passe pag. 327—328.
[2]) «Москов. Вѣд.» 1875 г. № 210.
[3]) *Ibid. № 239.*

сему, чтобы разъ на всегда удалить зло изъ среды своей, они предложили недовольнымъ оставить монастырь и искать себѣ пристанища въ другомъ мѣстѣ. Надѣленные деньгами и необходимыми предметами къ жизни, главные вожаки греческихъ братій 6 сентября были удалены изъ обители, которая теперь готовилась къ встрѣчѣ новаго игумена.

24 сентября, избранный въ игумена и утвержденный патріархомъ, о. Макарій возвратился изъ Константинополя на Аѳонъ. Ликующая братія, торжествовавшая счастливый исходъ процесса, устроила ему блестящую встрѣчу. 26 сентября, во время литургіи, совершенной никейскимъ митрополитомъ Іоанникіемъ, въ присутствіи девяти членовъ протата и секретаря его, о. Макарій получилъ знаки игуменскаго достоинства: патерицу или игуменскій жезлъ и архіерейскую мантію съ источниками и былъ возведенъ на игуменскій тронъ. „Сознаю, говорилъ взволнованнымъ голосомъ новый игуменъ своей братіи, въ первый разъ вошедшій на тронъ, что не по силамъ моимъ возлагается сей *голговскій крестъ* на мою выю, но помня что сила Божія въ немощахъ совершается я грѣшнѣйшій, движимый взаимною любовью и убѣждаемый обстоятельствами времени, а вмѣстѣ и призываемый на сіе высокое служеніе высокопоставленными лицами двухъ національностей, рѣшаюсь, призвавъ въ помощь Господа, заступленіе Царицы неба и земли и предстательство св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона возлагаемое на меня послушаніе по желанію и великихъ адамантовъ терпѣнія старцевъ нашихъ Іеронима и Иларіона и вашему, я воспріялъ, зная что это была воля и въ Бозѣ почившаго старца нашего о. игумена Герасима“ [1]).

Члены карейскаго протата, послѣ поставленія въ игумена о. Макарія, немедленно извѣстили патріарха и экзарховъ чрезъ особыя оффиціальныя посланія, въ которыхъ говорилось, что „*прежній законный порядокъ въ названной обители вполнѣ возстановленъ*“ и что, согласно обычаямъ и порядкамъ св. Горы ввели, 26 сего мѣсяца, въ день памяти св. Іоанна Богослова въ должность настоятеля названной оби-

[1]) *Изъ слова о Макарія* къ братіи по поводу его поставленія въ игумена.

тели архимандрита Макарія, недавно выбраннаго на эту должность большинствомъ пребывающей въ обители братіи“ [1]).

Въ воскресенье, 28 сентября, прочтена была патріаршими экзархами разрѣшительная молитва, которою прощались всѣ иноки, такъ или иначе провинившіеся во время происходившихъ въ обители смутъ, и тутъ же избраны особые духовники для греческихъ монаховъ, а въ понедѣльникъ, 29 сентября, экзархи, выполнивъ возложенныя на нихъ порученія, выѣхали съ Аѳона въ Константинополь [2]). Въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же 1875 года вселенскій патріархъ издалъ особую разрѣшительную грамматy, которою разрѣшалъ всѣ вольные и невольные грѣхи братій Пантелеимоновскаго монастыря, совершенные ими въ періодъ пережитыхъ волненій въ немъ. Подъ грамматою имѣются подписи всѣхъ синодальныхъ архіереевъ [3]).

Такъ окончился надѣлавшій много шуму на Аѳонѣ и далеко за его предѣлами знаменитый греко-русскій Пантелеимоновскій процессъ, породившій страшную вражду между національностями русскою и греческою, не прекратившуюся окончательно и до настоящаго времени, вражду недостойную св. Горы, какъ мѣста безмолвія и непрестанной молитвы за весь христіанскій міръ, взирающій съ благоговѣніемъ на это мѣсто высшихъ духовныхъ подвиговъ. Тяжело было положеніе въ это время русскихъ иноковъ, находившихся подъ страхомъ гнетущей ихъ мысли, что не нынче—завтра они очутятся за порогомъ обители, даже внѣ милаго ихъ душѣ и сердцу Аѳона, ради котораго они оставили все и порвали связи съ дорогою далекою родиною, но несравненно тяжелѣе было положеніе тѣхъ, которымъ суждено было стоять на стражѣ русскихъ интересовъ. Какія ужасныя нравственныя страданія пережили за это время старцы оо. Макарій и Іеронимъ—это едва-ли можно представить себѣ, хотя бы то и

---

[1]) Объ эти грамматы въ русскомъ переводѣ напечатаны въ «Моск. Вѣд.» 1875 г. № 272.

[2]) «Моск. Вѣд.» 1875 г. № 267.

[3]) Полный текстъ этой грамматы напечатанъ въ константинопольской газетѣ «Μικρὰ Ἀσία» № 195 за 1875 г.

приблизительно. Люди, стоявшіе близко къ старцамъ въ эту тяжелую пору ихъ жизни, не могутъ говорить безъ слезъ о безсонныхъ ночахъ, проведенныхъ ими или на молитвѣ или за работою, о разнаго рода иныхъ лишеніяхъ, нравственныхъ страданіяхъ и т. п. Думалъ-ли скромный и не искательный о. Макарій, удалявшійся въ безмолвную пустыню отъ житейскихъ треволненій и дрязгъ и желавшій лишь мира и тишины для постояннаго богомыслія, что онъ будетъ выброшенъ изъ обители въ самую пучину человѣческихъ страстей и людской злобы? И нужно было имѣть громадную силу воли, всепрощающую христіанскую любовь къ людямъ, полную покорность долгу, преданность своей „метаніи“ и сознаніе правоты самаго дѣла, чтобы незыблемо устоять посреди всѣхъ этихъ дрязгъ, пошлостей, злостной клеветы и инсинуацій. Здѣсь то будущій игуменъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ, какъ злато въ горнилѣ, очищался, искушался и нравственно укрѣплялся, чтобы потомъ всегда побѣдоносно выходить изъ всякаго рода испытаній и трудностей. За эти-то высокія качества ума и сердца великаго старца о. Макарія [1]) Провидѣніе, быть можетъ, и послало ему великаго совѣтника и могущественную поддержку въ лицѣ Н. П. Игнатьева, русскаго посла при Отоманской Портѣ, который оказалъ незамѣнимую услугу успѣху русскаго дѣла на Аѳонѣ во время греко-русскаго Пантелеимоновскаго процесса. Русскіе аѳонскіе иноки живо хранятъ въ своей благодарной памяти эти услуги своего „ктитора“, какъ титулуютъ они Н. П. Игнатьева, и долго еще будутъ поминать на великомъ выходѣ за литургіею дорогія каждому изъ нихъ имена *Николая и Елены со чады*, т. е. графа и графини.

---

[1]) Графъ Н. П. Игнатьевъ высоко цѣнилъ о. Макарія и свое уваженіе къ его выдающимся достоинствамъ выразилъ по поводу его смерти въ телеграммѣ на имя о. Іерона, архимандрита-игумена Симоно-канонитскаго монастыря на Кавказѣ. Вотъ эта телеграмма: «Миръ праху, вѣчная память *доблестному подвижнику* архимандриту Макарію, *вѣрному служителю церкви. Кончина глубоко опечалила меня.* Да пребудетъ благословеніе отцевъ Іеронима и Макарія незабвеннымъ». Игнатьевъ. 22 іюня.

ГЛАВА IX.

РУССКІЕ ИНОКИ НА АѲОНѢ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877 и 78 ГОДОВЪ.

Русскій игуменъ въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ и его мѣры къ водворенію въ немъ мира и общежительнаго порядка. Возстаніе Герцеговинцевъ и Босняковъ. Война Турціи съ Сербіею и Черногоріею. Дюнишскій погромъ сербской арміи и заступничество императора Александра II. Событія въ Турціи и слухи о войнѣ Россіи съ Турціею. Заботы правительства о русскихъ инокахъ на Аѳонѣ на случай войны. Секретное разъясненіе солунскаго консула Т. П. Юзефовича министерской телеграмы отъ 3 Апрѣля 1877 года. Частныя телеграммы на Аѳонъ съ извѣстіемъ объ объявленіи войны. Телеграмма А. И. Нелидова. Отвѣтъ солонскому консулу старцевъ о. Макарія и о. Іеронима. Извещеніе Т. П. Юзефовича о прекращеніи дипломатическихъ сношоній съ Турціею, объ объявленіи войны и о томъ, что русскіе на Аѳонѣ поручены покровительству французскаго консульства въ Солунѣ. Манифестъ о войнѣ и переходъ чрезъ границу русскихъ войскъ. Положеніе русскихъ иноковъ на Аѳонѣ во время войны. Нападки и инсинуаціи на нихъ со стороны константинопольскихъ газетъ «Θράκη», «Phare du Bosphore», «Νεολόγος» и аѳинскаго «Νεολγόος»—а». Депеша г. Лейарда напечатанная въ «Синей книгѣ», о русскихъ инокахъ на Аѳонѣ и значеніе ея въ глазахъ турецкаго правительства. Протестъ аѳонскихъ иноковъ противъ этой депеши. Безпокойства турецкаго правительства относительно русскихъ иноковъ на Аѳонѣ и объ ихъ поведеніи. Аудіенція патріарха у султана и его завѣренія въ полной благонадежности русскихъ. — Недовѣріе къ отзыву патріарха и рѣшеніе совѣта министровъ выселить русскихъ съ Аѳона въ Анатолію. Отказъ патріарха исполнить это рѣшеніе и причины его. Просьба обиженнаго недовѣріемъ правительства патріарха объ отставкѣ. Конфедиціональное сообщеніе патріарха черезъ Капу-Кехаи министру иностранныхъ дѣлъ. *Вторичный совѣтъ министровъ* и посылка на Аѳонъ для разслѣдованія ложно

возводимыхъ обвиненій на русскихъ иноковъ Зиверъ-бея и хіосскаго митрополита Амвросія. Посылка патріархомъ на Аѳонъ Іоакима, митрополита деркоискаго съ тою же цѣлію и для переписи количества монаховъ во всѣхъ монастыряхъ, обида грековъ и ихъ жалобы на патріархію Мустафѣ-пашѣ. Внушеніе послѣдняго по адресу грековъ. Пріѣздъ на Аѳонъ слѣдственныхъ коммисій подъ начальствомъ Зиверъ-бея и изъ Солуня подъ начальствомъ Мустешара. Пребываніе на Аѳонѣ Кирилла, митрополита Гревенонъ и цѣль его пріѣзда. Погромъ солунскаго пантелеймоновскаго подворья и заключеніе въ тюрьму о. Алексѣя и о. Адама. Хлопоты о. Гликерія объ освобожденіи узниковъ у митрополита солунскаго Іоакима, во французскомъ консульствѣ и у аѳонскаго эпитропа. Заключеніе въ тюрьму о. Гликерія. Отправка всѣхъ аѳонскихъ отцовъ для суда въ Константинополь и заключеніе въ тамошней тюрьмѣ. Описаніе тюрьмы и думы и чувства узниковъ. Освобожденіе изъ тюрьмы, свиданіе съ патріархомъ и съ отцами въ подворьѣ Пантелеймоновскаго монастыря. Заключеніе въ тюрьму о. Иларіона. Намѣреніе солунскаго паши относительно о. Павла. Эпизоды изъ жизни русскихъ иноковъ на Аѳонѣ во время войны комическаго характера. Взятіе Плевны и Санъ-Стефанскій прелиминарный договоръ. Пріѣздъ на Аѳонъ изъ Филиппополи трехъ русскихъ офицеровъ и ихъ встрѣча въ обители. XXII статья Санъ-Стефанскаго договора и надежды, возбужденныя ею у русскихъ иноковъ монастыря св. Пантелеймона и скитовъ. Толки по поводу ея въ газетахъ: «Ἀνατολικὸς ἀστήρ», «Θράκη» и «Νεολόγος». Толкованіе этой статьи маркизомъ Солсбери и разъясненіе по этому поводу въ особый «промеморіи» князя Горчакова. Засѣданіе Берлинскаго конгресса 4 іюля по новому стилю и предложеніе лорда Солсбери относительно измѣненій XXII статьи на пять пунктовъ въ его редакціи. Разныя поправки, сдѣланныя въ этихъ пяти пунктахъ представителями Турціи и другихъ державъ. LXII статья берлинскаго трактата. Поясненіе къ ней въ депешѣ маркиза Солсбери. Общій выводъ изъ сказаннаго въ этой главѣ.

Въ монастырѣ св. Пантелеимона, съ переходомъ власти въ руки русскихъ, стало все быстро измѣняться: недовольные выходили изъ монастыря, между братіею водворялись нарушенные миръ и любовь,[1]) возстановлялись во всей строгости

[1]) Покойный о. Макарій въ этихъ видахъ составилъ особое слово, которое въ рукописи ходило по рукамъ между братіею. «Намъ, говорилось въ этомъ словѣ, нужно забыть все, сдѣланное попущеніемъ Божіимъ собратіями нашими. Рцемъ братіямъ и сердцемъ и усты глаголъ любви, ненавидящимъ намъ простимъ вся во имя Господа, всѣмъ хотящаго спаситися, и воспріимемъ отъ нынѣ путь любви братственнаго снисхожденія и о Христѣ единенія. Не будемъ смотрѣть одинъ на другаго съ завистію, злобою и не-

древніе общежительные уставы, производились новыя постройки и улучшенія въ монастырѣ и т. д. „Казалось, пишетъ монастырскій дѣписатель, чего бы лучше—наслаждаться миромъ и спокойствіемъ, но въ ту же зиму стали носиться тревожные слухи о неистовствахъ турокъ въ Сербіи и Болгаріи и какъ бы не было войны". Дѣйствительно, еще въ 1875 году возстали на защиту своей свободы мужественные Герцеговинцы [1]), а за ними и Босняки. Турки вторглись въ эти предѣлы и произвели страшныя неистовства, поразившія всю Европу. Изъ сочувствія къ страждущимъ своимъ собратіямъ взялись за оружіе Сербы и Черногорцы и 18 іюня 1876 года объявили войну Турціи.

Сербская война, какъ извѣстно, окончилась *дюнишскимъ* погромомъ, и самое существованіе сербскаго княжества обязано заступничеству великодушнаго русскаго монарха покойнаго Александра II, который своимъ могущественнымъ словомъ остановилъ дальнѣйшее движеніе турецкихъ войскъ въ предѣлы Сербіи. Событія въ самой Турціи, слѣдовавшія одно за другимъ, тоже ничего не предвѣщали добраго. Послѣ насильственной смерти Абдула-Асиза, русскаго сторонника, кратковременнаго царствованія его брата Мурада V, на престолъ турецкій вступилъ нынѣшній императоръ Абдулъ-Гамидъ, недружелюбно настроенный по отношенію къ русскимъ. Вся Европа съ напряженіемъ ожидала разрѣшенія этого тяжелаго положенія, всѣ съ часу на часъ ждали войны. Количество паломниковъ на Аѳонъ постепенно сокра-

---

нависть, не будемъ говорить любопретельно. ...Если сравнить, то ничего мы не понесли противу бывшихъ испытаній съ предшественниками нашими всѣхъ вѣковъ иноческаго бытія! Не будемъ обвинять кого либо, кромѣ своихъ недостатковъ, а будемъ лучше благодарить Господа, что мы есмы чада Божіей любви, а не гнѣва, что Онъ милосердный по благости своей благоволилъ намъ узрѣть Его неизреченную милость, великое заступленіе Царицы Небесной и помощь св. страстотерпца Пантелеимона, яко не по грѣхамъ нашимъ воздалъ есть намъ Великая церковь въ лицѣ своихъ высокосвященныхъ пастырей и избранныхъ въ содѣйствіе благочестивыхъ христіанъ смотрѣла на наше дѣло безпристрастно и, послѣ долговременной борьбы съ человѣческими страстями, благоволила рѣшить дѣло нашей горькой распри по всей справедливости законовъ не только церковныхъ, но и человѣческихъ. Оно не умретъ въ исторіи!»

[1]) *Москов. вѣдом.* 1875 г. № 210.

щалось, но русскіе пароходы продолжали еще совершать рейсы къ св. Горѣ почти до самаго Покрова. Зимою пароходы приходили къ св. Горѣ очень рѣдко, и паломники пріѣзжали въ самомъ ограниченномъ числѣ. Послѣдній русскій пароходъ, пытавшійся подъ покровительствомъ посла проникнуть на Аѳонъ къ Пасхѣ, т. е. 27 марта, долженъ былъ оставить свою попытку, а русскіе паломники вернуться въ Россію уже черезъ Тріестъ.

3 Апрѣля 1877 года россійское императорское консульство въ Солунѣ получило изъ Петербурга слѣдующую телеграмму: „Передайте архимандриту Макарію совѣтъ, чтобы Русскіе, опасающіеся оставаться на Аѳонѣ, немедленно бы отправились на Кавказъ чрезъ Поти въ Кутаисъ на наемномъ французскомъ пароходѣ, не сходя на берегъ въ Константинополѣ" [1]). Сообщая этотъ *министерскій совѣтъ* по назначенію, солунскій консулъ Т. П. Юзефовичъ снабдилъ его *секретнымъ* разъясненіемъ съ своей стороны, „Очевидно, писалъ онъ о. Макарію, дѣло идетъ не о русскихъ поклонникахъ, а о монахахъ русскихъ, обитающихъ на Аѳонѣ вообще. Телеграмма эта для меня не понятна въ томъ отношеніи, что если ее выполнить буквально, то найдется столько охотниковъ и будетъ такой переплохъ на св. Горѣ, какого вообще не слѣдовало бы желать, какъ и для уѣзжающихъ, такъ и для остающихся.—Передаю вамъ это извѣстіе въ которомъ заключается не непремѣнное желаніе выполненія, а только *совѣтъ*, такъ сказать, предложеніе облегчить участь боящихся. Слѣдовательно, все предоставляется вашему и о. Іеронима благоусмотрѣнію. Какъ видно, однако, желательно, чтобы въ случаѣ рѣшенія устрашенныхъ укрыться въ Россіи, они отправились вмѣстѣ и въ одно мѣсто а не по одиночкѣ.—Должно быть это есть спеціальное разрѣшеніе для аѳонскихъ монаховъ и объ этомъ, полагаю, предупреждены власти въ Поти. Пароходъ подъ французскимъ, а не инымъ флагомъ, рекомендуется преимущественно,—это тоже слѣдуетъ замѣтить. Объ этой телеграммѣ знаю только я, да о. Іосифъ.

---

[1]) Эта министерская телеграмма, посланная изъ С.-Петербурга въ 4 часа *по полудни* получена въ Солунѣ въ 8 часовъ вечера.

Слѣдовательно, вамъ легко выполнить ее и оставить безъ послѣдствій. *Мое мнѣніе личное скорѣе отправить боящихся по островамъ, либо въ Грецію, мало по малу, подъ благовиднымъ предлогомъ.* А такое переселеніе хотя и легко сдѣлать, но что скажутъ греческія обители и каково будетъ жить оставшимся? Повторяю, что вамъ ближе извѣстно все и телеграмму сохранимъ въ тайнѣ. О вашемъ рѣшеніи увѣдомьте меня, а если меня уже не будетъ въ Солунѣ, то поручите передать письмо во французское консульство для пересылки ко мнѣ. Предупредите и г. Нелидова, если будете знать, что онъ еще въ Константинополѣ.

Еще не получилъ я послѣдняго приказанія уѣзжать отсюда, но у меня все уже готово и *война неизбѣжна*".

Въ тотъ же почти день получено на Аѳонѣ, нѣсколько частныхъ телеграммъ съ подобными же совѣтами: отъ о. Арсенія, управляющаго аѳонскимъ подворьемъ въ Москвѣ, отъ о. Владиміра, завѣдующаго подворьемъ въ Константинополѣ, двѣ отъ В. И. Сушкина, брата о. Макарія и, наконецъ, 7 Апрѣля отъ г. Нелидова изъ Константинополя. Совѣтъ, послѣдняго сопровождался личнымъ мнѣніемъ, въ общемъ сходнымъ съ мнѣніемъ Т. П. Юзефовича. „Съ своей стороны думаю, писалъ онъ, что Аѳону вовсе опасность не угрожаетъ, а бѣжать преждевременно было бы несовмѣстно съ монашескимъ обѣтомъ и съ достоинствомъ русскаго имени".

О. о. Макарій и Іеронимъ, обсудивши всѣ совѣты своихъ благодѣтелей и доброжелателей, рѣшились не производить паники на Аѳонѣ среди русской монашествующей братіи, а предоставить все волѣ Божьей и подвергнуться всѣмъ лишеніямъ и ужасамъ военнаго времени. „Сейчасъ почтенно-пріятное письмо ваше отъ 3 Апрѣля сего года мы имѣли честь получить писали старцы руссиковскаго монастыря въ отвѣтъ на письмо Т. П. Юзефовича, въ коемъ вы изволите передавать намъ полученную Вами бумагу отъ тогоже числа. Прочитавши оную, мы были весьма удивлены ея значенію и недоумѣваемъ, кого она касается—нашей ли обители только, или всего населенія Аѳона? Какъ то, такъ и другое не совпадаетъ съ нашимъ положеніемъ, ибо собственно удаленіе изъ

нашей обители большинства братства можетъ принести послѣдствія для насъ весьма не интересныя. Бывшее дѣло наше, еще „такъ свѣже“, что имъ примутъ мѣры воспользоваться наши сожители и, *по своей любви къ намъ*, пожалуй мы, по прибытіи обратно братства, не найдемъ и входа въ свою обитель. А потому, чѣмъ болѣе останется братства въ обители, тѣмъ будетъ полезнѣе для насъ. По крайней мѣрѣ, это наше человѣческое разсужденіе собственно о своемъ братствѣ, отъѣзда же нашего желаютъ сожители наши. Если объявить эту бумагу всѣмъ вообще, то мы можемъ повредить себѣ и другимъ. Вамъ извѣстѣнъ бытъ нашего русскаго простолюдина. Таковое предъявленіе встревожитъ не только Русскихъ, но и другія націи, и оставшимся будетъ трудно не тревожится на св. Горѣ. Затѣмъ, пріѣздъ въ Кутаисъ такого громаднаго братства, не говорю всего Аѳона, а нашего? Теперь, и часть онаго, посланнаго нами, не находитъ мѣста, а что сказать, если соберутся изъ другихъ обителей безъ средствъ и не найдутъ тамъ не только средствъ къ содержанію, но и помѣщенія? Правительству же до монаховъ ли теперь? Но главное то, что здѣсь можно повредить и тому положенію, въ которомъ находимся. Слѣдовательно, предложеніе этой бумаги неудобоисполнимо. Приходя на Аѳонъ, каждый зналъ куда идетъ: не сегодня то завтра, а должно было ожидать этого событія, ибо оставленіе обители весьма вредно, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ для насъ отношеніи. Благоволите намъ оказать свою милость и заступничество таковымъ образомъ: поручите насъ какой либо державѣ, имѣющей сильное вліяніе, чтобы она всегда могла насъ защищать всевозможными мѣрами, средствами и своимъ сильнымъ вліяніемъ на нашъ бытъ, какъ внѣшній, такъ и внутренній, т. е. какъ нашу обитель, такъ Андреевскій и Ильинскій скиты и всѣхъ вообще Русскихъ на Аѳонѣ. Тогда могутъ скорѣе устраниться неудобства и непріязненныя дѣйствія. Предполагаемъ, вы это сами можете устроить, или же благоволите сообщить о семъ въ то же мѣсто, откуда вами получена бумага съ предложеніемъ намъ совѣта. Бумага же, полученная отъ васъ, не объявлена никому, для отклоненія могущихъ быть замѣшательствъ и

разныхъ неудобствъ. Мы такого мнѣнія. На острова отправляться тоже немыслимо: вѣдь вездѣ нужны средства, да и большія, а мы ими не изобилуемъ такъ, что-бы раздѣлиться на нѣсколько лагерей, а келліоты непремѣнно и возложатъ все заботы на нашу обитель, а вѣдь ихъ не десятокъ, а цѣлыя сотни. Мы ждемъ послѣдняго извѣстія и тогда уже объявимъ братству о дѣлѣ. Благословенія на отправку не будемъ давать, а напротивъ каждаго"... [1]).

Въ отвѣтъ на это письмо аѳонскихъ старцевъ Т. П. Юзефовичъ отъ 11 апрѣля за № 91 извѣстилъ ихъ о прекращеніи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Турціею, о своемъ выѣздѣ изъ Солуни и объ объявленіи войны. „По приказанію Императорскаго правительства, прервавшаго сношенія съ Портою, я, писалъ Т. Юзефовичъ, спустилъ сегодня флагъ консульства нашего въ Солуни и выѣзжаю изъ предѣловъ оттоманскихъ, поручивъ покровительство русскихъ интересовъ господину Маллѐ (Mallet), французскому консулу въ этомъ городѣ. Личность господина Маллѐ служитъ порукою, что въ продолженіе нашихъ непріязненныхъ отношеній съ турками все возможное будетъ сдѣлано для охраны нашихъ православныхъ братій на Аѳонѣ отъ всякихъ непріятностей. Знаніе русскаго языка секретаремъ французскаго консульства г. Краевскимъ, человѣкомъ весьма честнымъ, тоже можетъ облегчить сношенія нашихъ обителей съ консульствомъ, взявшимъ на себя трудъ охраны.—Это увѣдомленіе покорнѣйше прошу обитель сообщать скитамъ нашимъ и всѣмъ кому надлежитъ для свѣдѣнія.—Призывая милость Божію для низпосланія скораго мира и покоя, вѣрую, что Пресвятая Владычица не оставитъ и нынѣ Святую Гору, зрѣвшую гораздо большія бѣды, проходившія мимо ея".

12 Апрѣля 1877 года былъ прочитанъ манифестъ о войнѣ съ Турціею, и наши войска перешли русскую границу. Русскіе иноки на Аѳонѣ остались, такимъ образомъ, на долго оторванными отъ дорогого и любезнаго имъ отечества, которому пришлось пережить за это время тяжелую годину бѣдъ,

---

[1]) *Настоящее* черновое письмо о. Макарія мы имѣли въ неоконченномъ *видѣ.*

иногда не имѣя изъ него никакихъ свѣдѣній. Много горя и клеветъ со стороны враговъ, опасеній за каждый день своего существованія на Аѳонѣ, прямо физическихъ страданій, соединенныхъ иногда съ лишеніемъ свободы, пережили за это время наши иноки на св. Горѣ. Увлекшись интересомъ къ судьбѣ нашихъ „братушекъ“, злоключеніями которыхъ очень много и съ излишнимъ усердіемъ занималась наша пресса въ это время, мы совершенно забыли о тѣхъ, которые „плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей нашихъ“, о нашихъ инокахъ на Аѳонѣ, добровольно очутившихся въ плѣну Османовъ и подвергшихъ себя всѣмъ ужасамъ военнаго времени. О нихъ никто, сколько намъ извѣстно, не вспомнилъ въ это время и не сказалъ слова участія къ нимъ, а потому наша рѣчь о судьбѣ русскихъ иноковъ на Аѳонѣ во время нашей войны 1877 и 78 годовъ имѣетъ для нашихъ читателей характеръ полной новизны и должна представлять для нихъ, такъ сказать, двойной интересъ.

Едва лишь началась русско-турецкая война, какъ затаенная злоба грековъ къ русскимъ обнаружились со всею чудовищною силою. Константинопольскія, уже извѣстныя намъ, руссофобскія газеты, на время притихшія, снова заговорили о русскихъ инокахъ на Аѳонѣ своимъ обычнымъ языкомъ и старались всячески выставить ихъ передъ правительствомъ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, указывая на нихъ какъ на виновниковъ начавшейся войны. Распространяемыя ими клеветы и инсинуаціи на русскихъ охотно были приняты на страницы европейскихъ газетъ, какъ, напр., въ англійской газетѣ „Times“ и даже фигурировали на страницахъ англійской „Синей книги“. Ближайшимъ поводомъ для константинопольскихъ газетъ заговорить снова о русскихъ инокахъ на Аѳонѣ было назначеніе на Кассандру, недалекій отъ Аѳона полуостровъ, каймакана и разсужденіе по этому поводу въ пресловутомъ турецкомъ парламентѣ. Депутатъ изъ Смирны нѣкто Енитехерли-хаджи-Аметъ-ефенди коснулся мимоходомъ положенія дѣлъ на Аѳонѣ и указалъ на могущія быть опасности со стороны тѣхъ 10,000 русскихъ людей, которые живутъ здѣсь. Ненавистница русскихъ, газета „Θράκη“ воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы снова забить тревогу противъ

„обрусенія Аѳона“ и „убійственныхъ послѣдствій будущности жителей Македоніи“.

Поправляя депутата и уменьшая цифру русскихъ монаховъ на Аѳонѣ съ 10,000 на 7,000, названная газета задается такими вопросами: „Откуда же они и что ищутъ въ этомъ эллинскомъ обиталищѣ? Развѣ мало въ Россіи степей, гдѣ они могли бы, монашествуя, спасти свои души отъ доброненавистника?“ „Потребовалось бы сказать, отвѣчаетъ газета, многое, если-бы мы захотѣли разсмотрѣть цѣли этого скопа калогеровъ, кромѣ того для открытія сихъ цѣлей требуется и не малая острота зрѣнія. Безмятежное это убѣжище, которое эллинская монашеская политика [1]) сохранила священнымъ подъ духовною юрисдикціею Великія Церкви и политическою властью султана, превращается постепенно чуждыми этими завоевателями въ центръ преступныхъ дѣйствій, которыя, если только не будетъ во время уничтожено съ корнемъ это гнѣздо заинтересованными—церковію народомъ и государствомъ, то не замедлятъ оказать свое существованіе пагубнѣйшимъ образомъ. Но еще есть время для предупрежденія полной катастрофы, для того, чтобы исторгнуть съ корнемъ тѣ плевелы, которыя рука злодѣйской политики [2]) посѣяла и возрастила на этой нивѣ. Напрасно прежде „Θράκη“, а съ нею вмѣстѣ и всѣ патріотическія сердца (?) подвизались словомъ за интересы народа и церкви, призывая неописанныя права историческихъ ктиторовъ обители Пантелеимона, на которую прежде всего направлена была осада завоевателей. Ослиныя совѣсти, пигмеи, враждебные народу и церкви, вздумали, превращая преданія и исторію, создать (новыя права), всякое стараніе разбивалось о несокрушимое политическое вліяніе, отравившее атмосферу, и мерзкія испаренія коего проникли въ политическіе и церковные круги; всякая здравая энергія, которая появлялась бы въ патріархіи была ниспровергаема непреклонною тою

---

[1]) Очевидно, здѣсь разумѣется признаніе греческихъ аѳонскихъ монаховъ подданными турецкаго султана въ 1430 г. 1 мая и обязательство ихъ платить *харачъ* или подать.

[2]) *Разумѣется политика* на востокѣ графа Н. П. Игнатьева.

политикою, которая не щадила никакихъ средствъ вещественныхъ и нравственныхъ для развращенія совѣстей. И, наконецъ, цѣль ея была достигнута. Обитель Пантелеимонова перешла во власть русскихъ". Далѣе идетъ рѣчь о канонизмѣ для св. Горы и возможно-скорѣйшемъ его одобреніи правительствомъ и великою церковью. Въ этомъ газета видитъ спасеніе св. Горы отъ панславизма. „Такимъ образомъ, заключаетъ „Θράκη", Императорское правительство доставляетъ случай, дабы была исправлена та ужасная ошибка, каковую всесильное тогда въ Константинополѣ русское вліяніе посадило на шею церкви къ ея же вреду и исключительно въ пользу славянскихъ цѣлей. По истинѣ была бы вина и вина непростительная, если бы доставленный случай прошелъ безъ положительнаго результата, котораго вправѣ теперь требовать обезчещенная тогда народная совѣсть, расхищенныя права церкви. Результатомъ исправленія должны быть: защита этихъ правъ и *лишеніе всякаго права, пріобрѣтеннаго насильственно влѣзшими во св. Гору, подъ видомъ друзей и братьевъ, ехиднами сѣвера, возвращеніе надъ монастырями правъ Эллинской церкви*, упроченіе правъ этихъ канонизмомъ, воздвигающимъ преграду всякому завистливому поползновенію на эти права и, наконецъ, ограниченіе оргіи, чрезъ каковыя народному достоянію угрожаетъ то, что оно впадетъ въ руки его *непримиримыхъ и извѣстныхъ враговъ государства и церкви нашей*. И дѣйствительно, кто они? Откуда они пришли и что у нихъ за права, которыя они защищали противъ тѣхъ законоположеній, каковыя и исторія, и преданія сохранили до вчерашняго дня и бывшія эллинскими до тѣхъ поръ, пока не было безчеловѣчнаго гоненія ктиторовъ ихъ желѣзною дипломатіею". Въ концѣ статьи газета обращается къ правительству съ просьбою „принять рѣшеніе мужественное, патріотическое и справедливое, согласно съ указаніями долга и пользами церкви и государства" [1]). Что означаютъ эти послѣднія слова, названная газета опредѣленно и ясно высказала въ другой своей статьѣ подъ заглавіемъ: „Необходимая мѣра", кото-

[1]) „Θράκη" № 1034, 3 іюня 1877 г.

рая написана по поводу статьи во французской газетѣ „Phare du Bosphore“ по тому же предмету.

„Съ нѣкотораго времени вниманіе Императорскаго правительства, пишетъ французская газета, говорится въ газетѣ „Θράκη“, поглощаютъ многія попеченія и не позволяютъ ему заняться вопросомъ, который можетъ рѣшиться именно теперь лучше, нежели въ иное время. Существуетъ въ южной оконечности Македоніи около тысячи русскихъ, которые постепенно вползли на Аѳонъ и производятъ дѣятельную славянскую пропаганду въ самыхъ нѣдрахъ Оттоманской державы. *Хотя они и носятъ монашескій образъ и повидимому совершенно чужды политики, тѣмъ не менѣе люди эти русскіе и тѣмъ не менѣе ведутъ постоянную корреспонденцію со всѣми панславистическими комитетами.* Пришли они на-Аѳонъ небольшими кучками, смиренные, и послушные сначала, но потомъ, однако, подняли голову и изъ гостей сдѣлались господами на малой части полуострова. Говорили мы въ свое время что слѣдовало объ опасномъ семъ нашествіи, производившемся подъ покровительствомъ русскаго посольства и которое отняло у греческаго народа одну изъ важнѣйшихъ обителей на Аѳонѣ и многія недвижимыя имѣнія. Мы разсказали въ то время [1]), говоря о служеніяхъ панславистическаго механизма, и способѣ этого поселенія, также объ устроенныхъ въ Одессѣ, Галатѣ и другихъ мѣстахъ отдѣленіяхъ для служенія переселенію русскихъ монаховъ, и потому не считаемъ нужнымъ повторять тоже. Къ счастію, прошло уже то время, когда нужно было употреблять всѣ средства и доводы, чтобы доказать, что *славизмъ угрожаетъ цѣлости Оттоманской имперіи.* Программа этихъ комитетовъ, которую нѣкогда объявляя, мы подвергали сами себя опасности, кровавыми буквами пишется теперь отъ Адріатики до Ефрата, и Императорское правительство знаетъ теперь, какого довѣрія стоятъ эти апостолы славянства съ тихою и покорною внѣшностію. Не безызвѣстно ему, что, если течетъ теперь щедро кровь ея подданныхъ, если погибли

---

[1]) Прекрасный и обстоятельный разборъ этой статьи сдѣланъ Н. Константиновымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1873 г., кн. IV. стр. 684—701.

экономическія его силы, если народы ея подтвержены ужасамъ истребительной войны, то причина всему этому та беззаботность, съ какою оно смотрѣло на ту подземную работу, какую *производили въ Румеліи монахи и народные учители*. Воспитавшіеся въ Кіевѣ и Москвѣ народные учители и монахи подвигнули Болгаръ, вызвали междоусобную войну, возбудили общественное мнѣніе въ Англіи, воодушевили оппозицію, парализовали старанія англійскаго правительства и доставили, наконецъ, свободу дѣйствія Россіи. Не можетъ существовать сомнѣнія въ томъ, что *для подобнаго же успѣха въ Македоніи Россія двинула своихъ монаховъ*. Не надо забывать, что въ глазахъ русской политики занятіе этой страны (т. е. Македоніи) въ тысячу разъ важнѣе настоящей Болгаріи, просто ради того, что обладатель Солуня есть обладатель и столицы востока. Достаточно бросить взглядъ на карту, чтобы убѣдиться, что южная сторона Ѳракіи, не захваченная въ границы, очерченныя Игнатьевымъ на конференціи для Болгаріи, своимъ отдѣленіемъ отъ прочей Румеліи, представляетъ легкую добычу. *И такъ, нужно, чтобы Императорское правительство, пользуясь предоставленнымъ ему военнымъ положеніемъ правомъ, непремѣнно избавило бы Св. Гору отъ толпы русскихъ монаховъ, явившихся на ней и отдало бы прежнимъ владѣтелямъ ѣ обители и ихъ недвижимую собственность, каковую захватили они въ то время, когда вѣрилось, что уступками могли умягчить корыстолюбіе сѣвернаго колосса.* Греческій народъ сталъ дѣйствительно достоинъ этого удовлетворенія, ибо показалъ въ самыя трудныя времена непоколебимую вѣрность и великое терпѣніе въ виду жертвъ, налагаемыхъ на него войной“ [1]). Въ виду полной солидарности взглядовъ обѣихъ газетъ, „Θρᾴκη“ оставалось лишь подписаться подъ этою статьею французской газеты, что она и сдѣлала, съ полною готовностію, воспроизведя ее цѣликомъ на своихъ страницахъ.

Дитя, достойное своей матери, аѳинская газета „Νεολόγος“, основанная однимъ изъ бывшихъ редакторовъ константинопольской газеты того же имени г. *Ялемосомъ* и просуществовавшая

[1]) «Θρᾴκη» отъ 8 августа 1877 г. № 1083.

на бѣломъ свѣтѣ весьма недолго, въ своихъ инсинуаціяхъ и нападкахъ на русскихъ иноковъ на Аѳонѣ и на Россію вообще, далеко опередила соименную константинопольскую газету и всѣ другіе руссофобскіе органы печати. Очевидно, свобода печати, дарованная эллинамъ конституціею, увлекшая г. Ялемоса на почву Аттики, дала возможность ему со всею злобою и желчностію излить на русскихъ гнѣвъ страшнаго негодованія и презрѣнія [1]).

Инсинуаціи, ожесточенныя нападки и чудовищная клевета этой печати на русскихъ иноковъ на Аѳонѣ и обвиненія ихъ въ коварныхъ махинаціяхъ и злыхъ намѣреніяхъ по отношеніи къ Македоніи, Ѳессаліи и другимъ областямъ Османской имперіи производили сильное впечатлѣніе не только на умы общества, питавшагося исключительно свѣдѣніями этихъ газетъ, но даже на турецкое правительство и нѣкоторыхъ дипломатовъ великихъ западныхъ державъ, располагавшихъ всегда свѣдѣніями изъ болѣе чистыхъ и достовѣрныхъ источниковъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что г. Лейардъ, англійскій посланникъ при Оттоманской портѣ, сообщившій „достовѣрныя свѣдѣнія“ относительно русскихъ иноковъ на Аѳонѣ своему правительству въ особой депешѣ, которая потомъ попала и на страницы англійской оффиціальной „синей книги“, почерпнулъ ихъ изъ этого грязнаго источника. Въ противномъ случаѣ, онъ не наговорилъ бы въ краткой депешѣ столько нелѣпостей и противорѣчій дѣйствительному положенію вещей на Аѳонѣ, сколько въ ней обнаружено сейчасъ же послѣ ея обнародованія. „Узналъ я, говорится въ донесеніи г. Лейарда, *изъ достовѣрнаго источника* (?),

---

[1]) Для знакомства съ языкомъ этой газеты приведемъ начало статьи подъ заглавіемъ «Аѳонистъ Россіи». Вотъ оно: «А, наконецъ, спала отвратительная маска! Наконецъ, разорвалось покрывало обмана! Наконецъ, исчезло жалкое пугало, и явился нагой и отвратительный видъ Скиѳа въ мрачномъ своемъ безобразіи! Снялъ воинскіе доспѣхи благоговѣйнаго крестоносца, подъ которымъ скрывалъ коварный злодѣйскій свой умыселъ. Сбросилъ романическую мантію рыцаря свободы, и показался, наконецъ, мрачный и коварный, кровожадный сарматъ, варварскій и дикій сынъ Урала и Волги» и т. д. Νεολόγος отъ 4 марта 1878 г. № 164. Дальнѣйшія выписки изъ этой цинически-кощунственной статьи мы прекращаемъ, имѣя въ виду условія нашей *цензуры*.

что въ настоящую минуту русскіе агенты стараются произвести возстаніе грековъ и болгаръ въ Македоніи и Ѳессаліи, *деньги же на это и злокознества идутъ собственно изъ греческихъ монастырей Аѳона (?!). Русское правительство учинило предводителемъ (?) нѣкоего монаха Макарія изъ княжескаго рода (!!)*, который большими денежными затратами успѣлъ въ томъ, что его избрали игуменомъ монастыря св. Пантелеимона“ [1]). Здѣсь все отъ начала до конца ложь и противорѣчія, лучшимъ доказательствомъ чего, по нашему мнѣнію, кромѣ извѣстныхъ нашимъ читателямъ исторически достовѣрныхъ фактовъ, можетъ служить, между прочимъ, и то обстоятельство, что греческіе аѳонскіе монастыри, крайне возмущенные легкомысленною фразою этой депеши: „деньги и злокознества идутъ собственно изъ *греческихъ* монастырей Аѳона“, написали сильный протестъ и отправили его для напечатанія въ константинопольской газетѣ „Νεολόγος“. Въ протестѣ назывался „клеветникомъ тотъ, кто сообщилъ такое полнѣйшее свѣдѣніе“ и выражались отцами вѣрноподданническія чувства султану.

Пока нападки и клеветы на русскихъ иноковъ на Аѳонѣ ограничивались лишь столбцами мѣстныхъ газетъ, турецкое правительство относилось къ нимъ спокойно, но когда однородныя обвиненія и притомъ „изъ достовѣрнаго источника“ появились на страницахъ иностранныхъ оффиціальныхъ документовъ, то дальнѣйшее равнодушное отношеніе къ нимъ сдѣлалось невозможнымъ. Необходимо было или изслѣдовать всесторонне образъ поведенія русскихъ иноковъ на Аѳонѣ и опровергнуть взводимыя на нихъ обвиненія, или принять нужныя мѣры къ ихъ удаленію съ Аѳона. Рѣшено было спросить мнѣнія на счетъ поведенія ихъ у главы константинопольской церкви, въ духовной зависимости у себя державшей и св. Гору, для чего патріархъ былъ приглашенъ на аудіенцію къ султану. Патріархъ Іоакимъ II далъ его величеству султану по данному вопросу завѣренія вполнѣ успокоительнаго характера. Но правительство почему то отнеслось къ этимъ

---

[1]) Текстъ этой депеши былъ напечатанъ въ греческомъ переводѣ въ константинопольской газетѣ «Νεολόγος» отъ 16 августа 1877 г. № 2524.

завѣреніямъ патріарха съ недовѣріемъ, такъ какъ, послѣ упомянутой аудіенціи, стало извѣстнымъ намѣреніе его, обсуждавшееся и одобренное даже и на совѣтѣ министровъ, выселить русскихъ иноковъ съ Аѳона въ Анатолію, въ монастырь Сумелла, находящійся близъ Трапезунда. Въ этомъ смыслѣ было послано предложеніе святѣйшему патріарху, чтобы онъ привелъ въ осуществленіе настоящее рѣшеніе правительства. Оскорбленный недовѣріемъ правительства къ его завѣреніямъ, Іоакимъ II сдѣлалъ возраженіе на это предложеніе, заявивъ категорически, что онъ лично не находитъ достаточныхъ причинъ къ этому выселенію русскихъ иноковъ, такъ какъ „они, во первыхъ, писалъ патріархъ, ваши подданные, во вторыхъ, послушныя чада церкви и въ третьихъ, въ продолженіи своей жизни на Аѳонѣ не показали никакого противодѣйствія, какъ правительству, такъ и церкви. Слѣдовательно, заключилъ онъ свои возраженія авторитетно, я не могу взять на свою отвѣтственность такого поступка. Если же почтенное правительство замѣчаетъ въ чемъ либо русскихъ, живущихъ на Аѳонѣ, или имѣетъ какое либо подозрѣніе, то можетъ распорядиться, какъ ему благоугодно, въ чемъ я препятствовать не смѣю, а для оправданія великія церкви подамъ отношеніе великой церкви“. Свою угрозу патріархъ и выполнилъ немедленно, подавъ правительству прошеніе объ отставкѣ.

Въ своемъ отношеніи патріархъ выражалъ, во первыхъ, глубокую скорбь о томъ, что, при всемъ его желаніи содѣйствовать почтенному правительству во всѣхъ его нуждахъ, оно ему не довѣряетъ, даже и послѣ тѣхъ увѣреній, каковыя имъ заявлены его величеству султану, а также и высокопоставленнымъ членамъ блистательной Порты; во вторыхъ, что правительство болѣе довѣряетъ клеветникамъ и навѣтникамъ, которые могутъ повредить государству и нанести ему какую либо новую непріятность и, въ третьихъ, что онъ, объясняя правительству, вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ оное уволить его отъ трудовъ и заботъ, которые при старости окружаютъ его.

Подавъ это прошеніе, его святѣйшество, между прочимъ, *приказалъ своему* Капу-Кехаи (чиновникъ особыхъ поруче-

ній въ сношеніяхъ патріархіи съ правительствомъ) сказать министру иностранныхъ дѣлъ конфиденціально, что „русскіе живущіе на Аѳонѣ, не пойдутъ съ Аѳона, ибо они пришли жить на Аѳонѣ, но негдѣ либо въ другомъ мѣстѣ Турціи, ибо у православныхъ есть на это мѣсто особое воззрѣніе, по святости онаго, что свидѣтельствуетъ самое его названіе „Вертоградъ Панагіи", живущимъ на которомъ даны Богоматерью особыя обѣтованія и запрещенъ входъ для женщинъ, которыя служатъ преткновеніемъ въ другомъ мѣстѣ,—что все и влечетъ съ далекаго сѣвера на Аѳонъ благоговѣйныхъ русскихъ, оставляющихъ родину, званіе, богатство и все близкое сердцу для того только, чтобы въ этомъ далекомъ уголкѣ пріобрѣсти себѣ душевное спасеніе. Вотъ что ихъ увлекло на Аѳонъ, а не другія какія либо цѣли, приписываемыя имъ теперь клеветниками. Когда правительство вздумаетъ имъ предписать выѣздъ, то непремѣнно они въ свою очередь подадутъ протестъ въ германское посольство, сказавъ, что они были въ подданствѣ турецкаго правительства, собственно вслѣдствіе пребыванія по религіознымъ цѣлямъ на Аѳонѣ, и не отрицаются отъ этого подданства, исполняя обязанности, возлагаемыя правительствомъ, но съ сегодня они объявляютъ себя русскими подданными подъ покровительствомъ германскаго посольства, которое, конечно, тотчасъ ихъ приметъ и тогда пойдутъ съ турецкимъ правительствомъ переписки и новыя затрудненія, могущія надѣлать много шума, а наше правительство и безъ того терпитъ много нападокъ". Министръ принялъ къ свѣдѣнію сообщеніе патріарха и обо всемъ сдѣлалъ подробное донесеніе великому визирю. Былъ созванъ вторичный совѣтъ министровъ, который постановилъ оставить русскихъ въ покоѣ, но назначить особаго чиновника и послать его на военномъ пароходѣ, чтобы онъ изслѣдовалъ истинное положеніе дѣлъ на мѣстѣ, гдѣ живутъ русскіе, и далъ правительству вѣрныя о немъ свѣдѣнія. Къ этому же, въ виду слуховъ о нѣкоторыхъ волненіяхъ грековъ, присоединялось порученіе присмотрѣться къ поведенію и аѳонскихъ греческихъ монаховъ. Для выполненія настоящаго порученія былъ избранъ правительствомъ Зиверъ-Бей, а со стороны патріархіи членъ синода, митро-

политъ Амвросій Хіосскій, какъ членъ слѣдственной коммисіи православнаго вѣроисповѣданія [1]).

Его святѣйшество вселенскій патріархъ, еще раньше, чѣмъ была наряжена эта коммисія правительствомъ, послалъ на св. Гору своего племянника митрополита Іоакима Деркоскаго экзархомъ и поручилъ ему собрать подробныя свѣдѣнія о живущихъ на Аѳонѣ съ точнымъ указаніемъ отечества, званія, лѣтъ отъ роду и лѣтъ нахожденія на св. Горѣ, а также успокоить и прекратить тѣ безпорядки и распри, какіе въ ту пору происходили въ монастыряхъ ксенофскомъ, костамонитскомъ и между Кепропотамомъ и Симоно-Петромъ. Нелегко было экзарху уладить дѣла въ монастыряхъ греческихъ, но едвали не труднѣе для него было добиться списковъ монашествующихъ лицъ въ каждомъ изъ аѳонскихъ монастырей. Греки почему-то сочли это требованіе обиднымъ для себя и медлили его выполненіемъ, хотя требованіе экзарха о спискахъ было разослано циркулярно по всѣмъ монастырямъ. Они даже жаловались на патріархію Мустафѣ-пашѣ, мутесарифу города Сереса (гражданскому губернатору), пріѣхавшему на Аѳонъ на особомъ пароходѣ 19 іюля, въ бытность его на Кореѣ 28 іюля. Здѣсь же греческіе монахи не преминули выставить на видъ, что патріархія передала монастырь русскимъ, чѣмъ ввела этотъ элементъ въ святогорское общество, котораго они не желали, и самое требованіе списковъ считали ничѣмъ инымъ, какъ желаніемъ патріархіи защитить русскихъ аѳонскихъ монаховъ. Паша на это отвѣтилъ жалующимся: „правительство, имѣя въ виду русскихъ, не упускаетъ изъ виду смотрѣть и на другіе элементы св. Горы. Правительство въ данномъ случаѣ сдѣлало особую честь св. Горѣ, что потребовало списки не чрезъ свѣтскаго чиновника, а чрезъ великую церковь, потому что чиновникъ за такое упорное неисполненіе давно бы многихъ арестовалъ, а экзархъ, какъ человѣкъ духовный, снис-

---

[1]) Свѣдѣнія эти мы заимствуемъ изъ брошюры, разосланной благодѣтелямъ по заключеніи мира весной 1878 года. «О состояніи Аѳона во время войны русско-турецкой». Къ этой брошюрѣ мы нерѣдко будемъ отсылать *ниже нашихъ читателей.*

ходитъ этимъ наружнымъ безпорядкамъ". Но и послѣ этого внушенія греки упорно отказывались отъ подачи списковъ черезъ экзарха [1]) въ великую церковь и представили ихъ лишь черезъ солунскаго пашу, чѣмъ страшно обидѣли патріарха Іоакима II.

8 сентября, утромъ, предъ литургіею показался въ виду Аѳона военный турецкій пароходъ. Русскіе иноки монастыря св. Пантелеймона, находившіеся подъ сильнымъ впечатлѣніемъ полученныхъ отъ 29 августа свѣдѣній изъ Солуня о страшномъ погромѣ ихъ подворья и о заключеніи въ тюрьму жившихъ тамъ иноковъ іеродіакона Алексѣя, схимонаха Адама и Гликерія (объ этомъ подробнѣе рѣчь впереди), пришли въ смущеніе. Они предполагали, что это ѣдетъ слѣдственная коммисія по этому солунскому дѣлу и что монастырь такъ же, какъ и подворье, подвергнется обыску. Тотчасъ послали монаха на пароходъ узнать, кто пріѣхалъ и съ какою цѣлью. По справкамъ оказалось, что это были командированные правительствомъ для изслѣдованія настоящаго положенія дѣлъ на Аѳонѣ министерскій чиновникъ Зиверъ-Бей и Амвросій, митрополитъ Хіосскій. Первый потребовалъ къ себѣ Каймакама и таможеннаго чиновника Бикира—эфенди, а митрополитъ Амвросій посовѣтовалъ о. игумену отслужить поскорѣе литургію и пріѣхать для свиданія съ нимъ на пароходъ. По окончаніи литургіи, о. Макарій немедленно отправился на пароходъ, гдѣ былъ принятъ прибывшими весьма благосклонно. Гости были приглашены къ обѣденному столу въ монастырь, послѣ котораго обошли всѣ постройки и заведенія обители, попросили списки монашествующей братіи и, распростившись съ о. игуменомъ, отправились на Карею, а оттуда въ объѣздъ по монастырямъ. Въ Русскъ гости вернулись 14 числа. Зиверъ-Бей былъ очень любезенъ и внимателенъ къ отцамъ русской обители и видимо показы-

[1]) Экзархъ, между прочимъ, посовѣтовалъ о Макарію не поминать на богослуженіи русскій императорскій домъ. Поэтому до окончанія войны читались такъ эктеньи: «О благочестивыхъ и богохранимыхъ царѣхъ и князѣхъ Господу помолимся». «Еще молимся о милости жизни и т. д. ктиторовъ и благодѣтелей св. обители сей: Александра, Маріи» и весь царствующій домъ поименно.

валъ довольство и хорошее впечатлѣніе, которое онъ уносилъ съ собою изъ своего путешествія на Аѳонъ, и такъ какъ погода была дождливая и на морѣ бушевала буря, то гости прожили въ монастырѣ до 17 числа сентября мѣсяца. Сюда пріѣзжали представители русскихъ скитовъ Андреевскаго и Ильинскаго, чтобы засвидѣтельствовать правительству свое почтеніе и объяснить, что цѣли ихъ пребыванія на Аѳонѣ совершенно мирныя и съ политикою ничего не имѣютъ общаго.

18 числа сентября прибылъ къ Аѳону другой пароходъ изъ Солуня, на которомъ пріѣхали два архіерея: митрополитъ Кириллъ Гревенонъ и Іоакимъ, митрополитъ Дерконскій, по исполненіи возложеннаго на него порученія патріархомъ возвращавшійся въ Константинополь и Мустешаръ (товарищъ губернатора). Отцы обители новыхъ гостей встрѣтили колокольнымъ звономъ и краткою литіею въ храмѣ, такъ какъ прибывшіе были всѣ христіане, а потомъ угощали ихъ на архондарикѣ повосточному. Послѣ встрѣчи между митрополитами и обоими турецкими чиновниками довольно продолжительное время шла оживленная дѣловая бесѣда. Затѣмъ Зиверъ-Бей и митрополиты Хіосскій и Дерконскій откланялись отцамъ обители и, при колокольномъ звонѣ, отправились на военный пароходъ, чтобы ѣхать въ Константинополь. О. Макарій проводилъ гостей на пароходъ и тамъ любезно простился съ ними.

По возвращеніи съ парохода, была предложена вновь прибывшимъ гостямъ трапеза, послѣ которой Мустешаръ осматривалъ библіотеку и нѣкоторыя монастырскія постройки, при чемъ всячески старался быть любезнымъ съ отцами обители, чтобы расположить ихъ къ себѣ. Мустешаръ напоминалъ о клеветахъ, возводимыхъ на русскихъ, и спрашивалъ отцовъ: не имѣютъ ли они на кого нибудь особыхъ жалобъ? Отцы отвѣтили отрицательно, заявляя, что они скорбятъ лишь о разногласіяхъ между монастырями. На слѣдующій день, послѣ продолжительной бесѣды съ о. игуменомъ, Мустешаръ отправился въ Ксиропотамъ, чтобы съ этого монастыря начать свой объѣздъ Св. Горы, а митрополитъ уѣхалъ на Карею.

20 Сентября митрополитъ Кириллъ въ карейскомъ кинотѣ *предъявилъ* бумагу отъ великой церкви, въ которой говори-

лось, во первыхъ, о томъ, что на Св. Гору посылаются три митрополита, изъ коихъ Кириллъ Гревенонъ для изслѣдованія дѣлъ по гражданскому вѣдомству и для собиранія свѣдѣній о русскихъ инокахъ на Аѳонѣ, во вторыхъ, высказывалось порицаніе за неприличные поступки съ митрополитомъ Дерконскимъ въ Ксенофѣ и за неподачу каталоговъ съ именами монаховъ и, въ третьихъ, выражалась надежда, что аѳониты будутъ внимательнѣе къ настоящему экзарху.

По объѣздѣ Св. Горы, Мустешаръ вернулся въ Пантелеймоновскій монастырь и прожилъ, по случаю дурной погоды, съ 23 по 26 Сентября. Во все это время онъ совѣтовалъ старцамъ жить въ мирѣ и согласіи съ прочими монастырями, подчиниться канонизму, выработанному патріархіею, а во всемъ остальномъ быть совершенно покойными, такъ какъ онъ лично убѣдился въ ихъ благонамѣренности. 26 Сентября Мустешаръ, въ сопровожденіи многочисленной братіи и при колокольномъ звонѣ, оставилъ монастырь и отправился на пароходъ, чтобы ѣхать обратно домой.

Такъ закончились всѣ слѣдствія въ русскомъ Пантелеймоновскомъ монастырѣ, увѣрившія турецкое правительство въ полной благонадежности русскихъ монаховъ, такъ какъ по ироническому, но совершенно справедливому замѣчанію газеты „Θράκη“ слѣдователи „не находили въ монастырѣ никакихъ иныхъ орудій, кромѣ богослужебныхъ книгъ, да молитвенниковъ и не менѣе опасные снаряды: бобы, фасоли, лахана (капуста), колокиѳья (демьянки) и маслины, которые составляютъ зимніе запасы калогеровъ. Предсѣдатель игуменъ встрѣчалъ членовъ коммисіи съ полнымъ монашескимъ благодушіемъ и нашелъ непреоборимый аргументъ, дабы убѣдить ихъ, что всѣ противъ него и его братіи обвиненія были совершенно неосновательны. *Коммисіи возвращались очарованными сердечнымъ и хлѣбосольнымъ пріемомъ монаховъ Св. Горы*“ [1]).

Но не всегда и не вездѣ такъ благополучно и безъ дурныхъ послѣдствій для аѳонскихъ русскихъ иноковъ оканчи-

---

[1]) Θράκη отъ 13 Ноября 1877 г.

вались разслѣдованія по подозрѣніямъ разныхъ турецкихъ слѣдственныхъ коммисій. Страшный погромъ солунскаго аѳонскаго русскаго подворья и заключеніе въ темницу 29 Августа 1877 года о. іеродіакона Алексѣя съ товарищами, о чемъ мы упоминули выше, служатъ къ тому яркою иллюстраціею. Въ этомъ послѣднемъ весьма прискорбномъ случаѣ дѣло не обошлось для неповинныхъ ни въ чемъ иноковъ безъ тяжелыхъ физическихъ и моральныхъ страданій. Вотъ какъ разсказываетъ эпически, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма трогательно, о всѣхъ обстоятельствахъ этого событія о. Алексѣй въ письмѣ отъ 20 февраля 1878 года къ покойному игумену о. Макарію.

До 29 августа, по словамъ о. Алексѣя, онъ и его товарищи жили въ Солунѣ спокойно и въ полной безопасности: получали исправно корреспонденцію изъ Россіи и аккуратно исполняли всѣ монастырскія порученія, возлагавшіяся на нихъ. Клеветы на монастырь и на русскихъ иноковъ на Аѳонѣ доходили и до ихъ слуха, но они мало придавали имъ значенія, такъ какъ хорошо знали, откуда и изъ какого источника онѣ выходятъ. Главнымъ агитаторомъ противъ русскихъ иноковъ на Аѳонѣ и инсинуаторомъ былъ нѣкто проигуменъ кепропотамскаго монастыря кyръ Прокопій, проживавшій въ это время по дѣламъ своего монастыря въ Солунѣ. Онъ открыто и не стѣсняясь говорилъ, что „русскихъ ни одного не останется; во чтобы то ни стало, очистимъ Аѳонъ отъ русскихъ; что руссиковскіе отбили у грековъ монастырь ни за что и что *въ Руссикѣ игуменъ ворочаетъ всѣмъ Аѳономъ*“ и т. д. Въ послѣднихъ словахъ, подчеркнутыхъ нами, намекалось, между прочимъ, на то обстоятельство, что въ спорѣ кепропотамскаго монастыря съ Симоно-петрскимъ изъ-за келліи Одоидá игуменъ Руссика о. Макарій, въ виду правоты дѣла и по установившимся добрымъ отношеніямъ между монастырями, стоялъ на сторонѣ Симоно-петрійцевъ. Вотъ почему, когда Кепропотамъ проигралъ процессъ съ Симоно-петрскимъ монастыремъ, то о. Прокопій, считая виновникомъ всего этого руссиковскихъ монаховъ изъ русскихъ и ихъ игумена о. Макарія, въ страшномъ озлобленіи *на нихъ сдѣлалъ* прямо доносъ на русскихъ иноковъ солун-

скому паше. Онъ заявилъ послѣднему, что „игуменъ Руссика Макарій изъ царскаго рода, и что онъ не игуменъ, а агентъ русскаго императорскаго двора, что онъ живетъ не для спасенія или монашества, а равно и вся братія его, но для возбужденія къ возстанію народностей, подданныхъ турецкихъ, особенно славянъ, и что они имѣютъ огромную корреспонденцію съ Россіею и съ славянскимъ комитетомъ, что всякую почту получаютъ и отсылаютъ чувалы (т. е. мѣшки) писемъ, что русскіе имѣютъ въ монастырѣ большіе запасы военныхъ снарядовъ и многихъ скрытыхъ полководцевъ подъ черною рясою и большія суммы денегъ“ и т. д. Этотъ нелѣпый доносъ возъимѣлъ желанное дѣйствіе, такъ какъ солунскій паша (черкесъ по происхожденію), былъ весьма недружелюбно настроенъ по отношенію къ русскимъ вообще. Результатомъ его была посылка на Аѳонъ мустешара для всесторонняго разслѣдованія тамъ въ монастырѣ по данному доносу, о чемъ мы сказали выше, и назначеніе слѣдственной коммисіи подъ командою брата мустешара здѣсь съ цѣлью на мѣстѣ, въ солунскомъ аѳоно-пантелеймоновскомъ подворьѣ, захватить преступную корреспонденцію и подвергнуть строжайшему допросу главныхъ агитаторовъ и виновниковъ панславистической пропаганды.

Вечеромъ 29 августа упомянутая коммисія явилась въ подворье русскаго пантелеимоновскаго монастыря. Братъ Мустешара и начальникъ явился раньше, опасаясь, чтобы отцы не разбѣжались. Освѣдомившись о томъ, что отцы дома, онъ вызвалъ отца Алексѣя для переговоровъ. Но истинное значеніе этихъ переговоровъ открылось тотчасъ же, потому что въ дверяхъ подворья появилась цѣлая толпа военныхъ людей. Это были жандармскій полковникъ, два офицера, полицейскій и десять солдатъ, вооруженныхъ тесаками и револьверами. Братъ Мустешара прямо приступилъ къ дѣлу. Онъ потребовалъ къ себѣ всю корреспонденцію, т. е. письма благодѣтелей, жертвователей и отвѣты на нихъ аѳонскихъ отцовъ. Требованіе было исполненно немедленно. Взятыя письма были собраны въ платокъ. Но этимъ члены коммисіи не удовлетворились. Подозрѣвая, что отцы самыя важныя письма скрываютъ, члены коммисіи

приступили къ самому тщательному обыску внутреннихъ жилыхъ помѣщеній и наружныхъ надворныхъ пристроекъ: они взламывали сундуки, дулапы (поставцы), столовые ящики, осматривали постели, конюшни, отхожія мѣста, сараи и т. д. Но всѣ усилія и старанія найти что нибудь подозрительное, въ родѣ, напр., скрытаго военнаго оружія, или секретныхъ писемъ, оказались тщетными. На этомъ, однако, дѣло не остановилось. По окончаніи обыска, отцамъ приказано было слѣдовать за ними для объясненія съ пашею. Отцы исполнили приказаніе и были отведены подъ конвоемъ во дворъ суда, гдѣ должны были болѣе часу ожидать пріѣзда паши. Когда появился паша, опросилъ каждаго вопросами: кто вы? и откуда? и получивъ отвѣты, молча удалился. Отцы продолжали стоять на дворѣ. Наступила ночь. „Ночь уже совершенно застигла насъ въ гостяхъ, иронически замѣчаетъ о. Алексѣй въ своемъ письмѣ. Турки и Мустешаръ сами выразились, что мы у нихъ въ гостяхъ, и не подъ стражей, но избави, Боже, всякаго человѣка отъ такой гостимости"! Наконецъ, уже поздно вечеромъ отцовъ ввели въ сторожевую комнату, гдѣ помѣщались караульные солдаты. Отъ табачнаго дыму и зловонія отцы задыхались. Предложенъ былъ обѣдъ, но узники, не смотря на аппетитъ, отказались отъ ѣды. Подано было кофе. Около полночи отцовъ перевели въ комнату темницы, гдѣ днемъ принимаются арестанты. „Пробывши нощь въ этой комнатѣ, пишетъ о. Алексѣй, мы много передумали о своей судьбѣ и всю нощь слушали звукъ желѣзъ, которыми были скованы бѣдные узники — славяне. Звуки эти не давали намъ спокойно спать. Унылый тонъ желѣзъ вонзался и въ наши сердца. На другой день мы уже ждали чего то рѣшительнаго въ своей участи, но ея не было". Въ этой комнаткѣ, въ страшной жарѣ, духотѣ и зловоніи, голодными просидѣли отцы цѣлыхъ три дня. Хлѣба было достать имъ трудно, но если и доставали, то онъ „отъ скорби и тѣсноты сердечной" не съѣдался. Черезъ три дня отцы были отведены и временно водворены ужь въ настоящей тюрьмѣ, въ полной неизвѣстности относительно своей участи. Въ концѣ недѣли имъ объявили, что они будутъ су*димы военнымъ* судомъ и въ субботу ихъ водили въ сера-

скиріатъ, но потомъ снова водворили на прежнее мѣсто. Судъ не состоялся якобы потому, что судьи разошлись по домамъ. Въ воскресеніе объявили отцамъ, что они будутъ отправлены для суда и слѣдствія въ Константинополь. Въ полдень даже провели ихъ подъ конвоемъ 50 человѣкъ солдатъ до пароходной пристани и обратно назадъ въ тюрьму по той причинѣ, что въ этотъ день не было парохода въ Константинополь. Утромъ въ понедѣльникъ о. Алексѣй съ товарищемъ предстали на судъ предъ коммисіею изъ пяти членовъ подъ предсѣдательствомъ Мустешара Костантинидиса. Каждому изъ обвиняемыхъ были предложены слѣдующіе вопросные пункты: кто и откуда родомъ? Для чего пріѣхали изъ Россіи жить на Аѳонъ? Кто у васъ игуменъ? Сколько монастырь получаетъ доходовъ? и проч. Здѣсь снова было объявлено отцамъ, что они будутъ отправлены въ Константинополь на судъ высшаго начальства и для перевода на турецкій языкъ отобранной у нихъ корреспонденціи.

Вскорѣ послѣ того, какъ отцы были посажены подъ арестъ, въ Солунь прибылъ съ пантелеймоновскаго Каламарійскаго метоха монахъ Гликерій и, узнавъ о случившемся въ подворьѣ, обратился за совѣтомъ къ солунскому митрополиту Іоакиму (нынѣ патріарху Іоакиму III), но тотъ посовѣтовалъ о. Гликерію по добру по здорову уѣзжать восвояси, дабы и самому не испить той чаши, которая досталась на долю его собратій. Однако о. Гликерій такимъ убѣжденіемъ не удовлетворился и, по совѣту нѣкоторыхъ, отправился къ французскому консулу, чтобы ему разсказать о всемъ происшедшемъ на русскомъ подворьѣ. Консулъ принялъ его ласково и сейчасъ-же отправился къ пашѣ для объясненій. Паша объяснилъ консулу причину заключенія аѳонскихъ отцовъ, объявивъ ихъ находящимися въ подозрѣніи у правительства, и то, что они будутъ отправлены въ Константинополь къ высшему начальству съ письмами для прочтенія ихъ. Изъ отвѣта паши, переданнаго консуломъ, о. Гликерій понялъ, что на освобожденіе отцовъ нѣтъ никакой надежды. Тогда онъ рѣшился добиться свиданія съ узниками черезъ аѳонскаго эпитропа. Но когда пришли эпитропы и о. Гликерій къ пашѣ, то онъ спросилъ послѣдняго: не онъ ли

жаловался французскому консулу? Когда тотъ далъ утвердительный отвѣтъ, паша замѣтилъ ему внушительно: „Развѣ ты не знаешь царскаго мѣстнаго правительства и обращаешься къ чужому? Кто научилъ тебя?“ Отецъ Гликерій отвѣтилъ, что онъ не помнитъ, кто далъ ему такой совѣтъ, и что къ консулу онъ обратился съ испугу, желая помочь освобожденію своихъ собратій. Паша пригрозилъ ему тюрьмою, если онъ не назоветъ по имени совѣтника, но о. Гликерій стоялъ на своемъ, а поэтому и былъ посаженъ 3 Сентября въ тюрьму, но не въ ту, въ которой сидѣли прочіе отцы. Съ послѣдними онъ увидѣлся уже при допросѣ Мустешара, въ присутствіи аѳонскаго эпитропа, когда узники, признавая себя чистыми отъ всякаго подозрѣнія, просили слѣдователя, какъ людей монастырскихъ, отдать ихъ на поруки аѳонскому эпитропу. Въ просьбѣ этой было отказано, и отцы подъ конвоемъ вмѣстѣ съ прочими арестантами были отправлены въ Константинополь.

Послѣ трехдневнаго плаванія, узники прибыли въ Константинополь, гдѣ ихъ встрѣтилъ новый конвой, проводившій ихъ до самой тюрьмы. „При входѣ нашемъ, пишетъ о. Алексѣй о тюрьмѣ, объялъ насъ страхъ и трепетъ, когда мы увидѣли палаты, наполненныя арестантами, все болѣе Болгарами. — Въ каждомъ отдѣленіи по 50 человѣкъ арестантовъ всѣ вмѣстѣ; сырость, темнота, вонь, вошь, клопы и всякаго рода нечистота. Увы, участь тяжелая! Пища царская— хлѣбъ и вода“. Вскорѣ послѣ пріѣзда съ узниковъ былъ снятъ вторично допросъ, однородный съ тѣмъ, какой былъ сдѣланъ въ Солуни.

Прошло 40 дней, въ теченіи которыхъ какъ-бы забыли о заключенныхъ: никто о нихъ не спрашивалъ и покуда ихъ не тревожили. Отцы стали рѣшительно подумывать о близкомъ смертномъ своемъ концѣ. На эти мрачныя мысли ихъ наводили дурные слухи и доходившія до нихъ газетныя извѣстія. Такъ они услыхали, что ихъ присуждаютъ къ ссылкѣ въ Иконію, а въ одной турецкой газетѣ они прочли, что „четырехъ русскихъ монаховъ поймали въ Солуни, которые хотѣли возмутить Македонію къ возстанію, но тщательный *паша солунскій* захватилъ бунтовщиковъ и представилъ оныхъ

въ Константинополь, гдѣ царское правительство опредѣляетъ ихъ въ каторжную работу".

На 50 день заключенія, одного изъ отцовъ смотритель тюрьмы позвалъ на свиданіе съ кѣмъ то. Оказалось, что въ тюрьму явился изъ патріархіи Капу-Кехайи и передалъ узникамъ записочку, въ которой говорилось, что патріархъ хлопочетъ за нихъ и имѣетъ надежду въ скоромъ времени освободить ихъ. „Что за радостныя были эти строки! восклицаетъ о. Алексѣй. Что за ангелъ благовѣститель возвѣстилъ намъ сію радость—будущую свободу! Этою вѣстію мы немного укрѣпились духомъ упованія на скорую свободу". Но прошла цѣлая недѣля и о насъ опять какъ-бы забыли. Опять стали носиться слухи, что насъ сошлютъ въ Африку въ какой-то ссылочный монастырь. „Но вотъ наступаетъ 26 день октября, пишетъ о. Алексѣй. Знаменательный день — праздникъ святаго великомученика Дмитрія Солунскаго. Въ 9 часовъ дня сидѣли мы задумавшись, чего-то какъ будто ждали. Разсказываемъ, кто изъ насъ мыслитъ, нѣчто о нашемъ рѣшеніи. Вдругъ приходитъ смотритель замка, подходитъ къ намъ и говоритъ: „Ну, идите". Мы испугались до того, что сдѣлались внѣ себя. Онъ говоритъ: „не бойтесь, берите все съ собою ваше платье". Но у насъ его было весьма мало. Мы поторопились, взяли и пошли за нимъ. Вышедши вонъ, положили платье, насъ повели къ вице-визирю, который посмотрѣлъ на насъ съ улыбкою и сказалъ погречески: „идите, часъ добрый"! Капу-Кехайи и мы поклонились ему низко и пошли вонъ. Выходя изъ комнатъ, а равно и изъ воротъ мы прослезились отъ радости и пошли вмѣстѣ съ Капу-Кехайи и его кавасомъ прямо въ патріархію, гдѣ принялъ насъ святѣйшій патріархъ радостно, отечески и распрашивалъ насъ о случившемся съ нами несчастіи, утѣшалъ насъ и поучалъ терпѣнію и упованію на Бога. Потомъ посовѣтывалъ побыть немного въ патріархіи для безопасности, но я сообщилъ владыкѣ, что у насъ много вшей и проч.; святитель сказалъ: „ну идите къ собратіямъ вашимъ и отцамъ, пусть они порадуются на васъ". Мы взяли благословеніе у святителя и, въ сопровожденіи каваса, отправились на свое подворье, гдѣ было трогательное свиданіе съ отцами и братіями нашими. Вре-

мя было позднее, уже ночь, но мы среди родной о Господѣ семьи воздавали благодареніе Господу Богу и Пречистой Владычицѣ Богородицѣ и святѣйшему патріарху Іоакиму, виновнику нашего освобожденія изъ заключенія. Слава Богу о всемъ".

Тюремное заключеніе, хотя не столь продолжительное и не при столь тяжелой обстановкѣ, какъ солунскіе отцы, перенесъ и о. іеромонахъ Илларіонъ, который, живя въ Константинополѣ, попалъ въ подозрѣніе у правительства. Въ день выѣзда его изъ Константинополя на Пантелеимоновское подворье, рано утромъ явился какой то турокъ и пожелалъ видѣться съ о. Илларіономъ. Напуганные отцы, опасаясь чего нибудь не добраго, не допустили этого свиданія, говоря, что о. Илларіонъ не можетъ съ нимъ разговаривать по турецки. Тогда турокъ спросилъ отцовъ: „правда ли, что онъ собирается ѣхать сегодня". Отцы отвѣтили нерѣшительно: „можетъ быть". Тогда онъ сказалъ: „скажите ему, что его непремѣнно съ парохода возьмутъ въ полицію. Для сего пусть онъ ѣдетъ на пароходъ раньше, дабы имѣть время оправдаться отъ подозрѣній и успѣть на пароходъ къ его отходу". Отцы не повѣрили тайному вѣстнику, но на всякій случай пряняли нужныя мѣры предосторожности: всѣ вещи, которыя они намѣревались отправить съ о. Илларіономъ, они сдали по коносаменту, почту отправили оффиціальнымъ путемъ, а не на рукахъ, и о. Илларіона свезли на пароходъ за долго до отхода парохода. Но полицейскіе не спѣшили и арестовали о. Илларіона передъ послѣднимъ свисткомъ. Тотчасъ былъ съ него снятъ допросъ: зачѣмъ онъ пріѣхалъ? О. Илларіонъ отвѣтилъ, что онъ пріѣхалъ сюда, чтобы отправиться на леченіе въ Бруссу минеральными водами, но ему отсовѣтывали ѣхать туда по причинѣ страшныхъ жаровъ. Послѣ объясненія о. Илларіонъ былъ заключенъ въ дворянскомъ отдѣленіи тюрьмы, гдѣ и пробылъ до вечера слѣдующаго дня. Освобожденіемъ своимъ о. Илларіонъ обязанъ тому же покровителю русскихъ патріарху Іоакиму, который, тотчасъ послѣ арестованія о. Илларіона, былъ извѣщенъ о случившемся отцами подворья [1]).

---

[1]) *Изъ донесенія* о. Макарію антипросопа отъ 3 іюля.

По всей вѣроятности таже, если не болѣе тяжелая, участь ожидала и неутомимаго труженика, эконома монастыря іеромонаха Павла, котораго солунскій паша призналъ „энергичнымъ дѣятелемъ славянскаго комитета“, еслибы не послѣдовала смѣна враждебнаго русскимъ паши и подпись Санъ-Стефанскаго прелиминарнаго договора [1]).

Но среди этихъ тяжелыхъ обстоятельствъ военнаго времени, ежедневно грозившихъ русскимъ на Аѳонѣ новыми и новыми непріятностями и тревогами, было въ жизни русскаго Пантелеимоновскаго монастыря за это время нѣсколько эпизодовъ и комическаго свойства. Такъ, еще до начала войны, въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1876 г., нежданно негаданно появился на Аѳонѣ о. Мельхиседекъ, бывшій на послушаніи въ Таганрогѣ при о. Малахіи. Подъ вліяніемъ газетныхъ слуховъ о неистовствахъ Турокъ въ Сербіи и Болгаріи, стали распускаться нелѣпыя извѣстія и о томъ, что Турки напали на Аѳонъ и вырѣзали якобы всѣхъ отцовъ. Слухи эти достигли и до о. Мельхиседека, который, послѣ разсужденія о томъ, что отцы теперь сподобились мученическихъ вѣнцовъ, а онъ нѣтъ, тайно, безъ спроса оставилъ свое послушаніе, сѣлъ на пароходъ и отправился на Аѳонъ, чтобы и себя причислить къ лику мучениковъ. Но каково же его было разочарованіе, когда, по прибытіи на св. Гору, онъ увидѣлъ всѣхъ отцовъ въ добромъ здоровьѣ. Вмѣсто мученическаго вѣнца на о. Мельхиседека былъ наложенъ сорокодневный канонъ на четкахъ въ трапезѣ (самое тяжелое наказаніе) о. игуменомъ, а по окончаніи его, было предписано ему воротиться къ своему послушанію. но въ наказаніе не на пароходѣ, а на монастырскомъ суднѣ.

Другой случай относится уже къ разгару самой войны. Послѣ долгаго томительнаго ожиданія, Плевна была взята Русскими. Вѣсть объ этомъ быстро достигла и Аѳона, всегда живо интересовавшагося событіями на театрѣ войны. Отцы возликовали при этой радостной вѣсти, а одинъ схимонахъ Трофимъ изъ Болгаръ въ своемъ экстазѣ дошелъ до того. что сталъ насмѣхаться надъ Греками, приговаривая: „когда придутъ Русскіе, то мы васъ такъ и такъ“. Греки пожало-

[1]) Изъ брошюры, разосланной послѣ войны благодѣтелямъ.

вались о. игумену, который призвалъ о. Трофима къ себѣ, сдѣлалъ ему строгое внушеніе и назначилъ трехдневный канонъ на четкахъ въ трапезѣ. О. Трофимъ не выдержалъ и воскликнулъ при этомъ: „Хоть 40 дней протяну (четку), паша беретъ“!...

Послѣ взятія Плевны, плѣна арміи Османа-паши и его самого, наши военныя дѣла пошли блистательно къ быстрому окончанію войны. Послѣ скораго военнаго похода впередъ, войска наши встали у воротъ Константинополя въ деревнѣ Санъ-Стефано и принудили Турокъ просить о перемиріи. 19 Февраля былъ подписанъ прелиминарный Санъ-Стефанскій договоръ, и военныя дѣйствія прекратились.

Послѣ пасхи прибылъ изъ Одессы на Аѳонъ послушникъ монастыря и одинъ поклонникъ. Почта стала ходить исправно. Въ Константинополь отправлены были пѣвчіе, остававшіеся, однако, тамъ долго безъ всякаго дѣла. Все предвѣщало о скоромъ заключеніи полнаго мира, но истинными вѣстниками его для русскихъ иноковъ на Аѳонѣ были офицеры русской арміи въ Филиппополѣ: статскій совѣтникъ докторъ Николай Ѳеодоровичъ Ментинъ, хирургъ Лука Яковлевичъ Мибовъ и артиллерійскій капитанъ Леонидъ Людвиговичъ Германъ, которые совершенно неожиданно прибыли въ Пантелеймоновскій монастырь на баркасѣ, послѣ пятидневнаго плаванія. Отцы, обрадованные такимъ пріѣздомъ, сдѣлали для дорогихъ гостей—героевъ оконченной войны царскую встрѣчу съ колокольнымъ звономъ, съ возженіемъ паникадилъ и т. п. и угостили ихъ на славу. Гости прожили на Аѳонѣ двое сутокъ и успѣли побывать въ Зографѣ, Хиландарѣ, Иверѣ, Пандократѣ и въ русскихъ скитахъ—Андреевскомъ и Ильинскомъ, гдѣ ихъ принимали съ почетомъ и съ полнымъ радушіемъ, и уѣхали, оставивъ по себѣ самыя добрыя воспоминанія въ сердцахъ аѳонскихъ иноковъ.

Вскорѣ были обнародованы пункты мирнаго Санъ-Стефанскаго договора, изъ котораго отцы русскихъ аѳонскихъ обителей увидали, что и они не забыты ихъ благодѣтелемъ и „ктиторомъ“ графомъ Н. П. Игнатьевымъ. Относительно русскихъ иноковъ на Аѳонѣ въ договорѣ содержалась весьма *важная статья XXII*, гласившая такъ:

„Русскіе духовные лица, паломники и иноки, путешествующіе или пребывающіе въ Европейской и Азіатской Турціи, будутъ пользоваться тѣми же правами, преимуществами и льготами, какъ иностранныя духовныя лица другихъ народностей. За императорскимъ посольствомъ и за русскими консульствами въ Турціи признается право оффиціальной защиты, какъ вышеозначенныхъ лицъ, такъ и ихъ имуществъ, а равно духовныхъ, благотворительныхъ и другихъ учрежденій въ святыхъ мѣстахъ и въ другихъ мѣстностяхъ".

„Аѳонскіе монахи русскаго происхожденія сохранятъ свои имущества и прежнія льготы и будутъ продолжать пользоваться *въ трехъ монастыряхъ имъ принадлежащихъ* и въ зависящихъ отъ нихъ учрежденіяхъ тѣми же правами и преимуществами, которыя обезпечены за другими духовными учрежденіями и монастырями Аѳонской Горы" [1]).

Эта статья, наполнившая сердца русскихъ иноковъ, живущихъ на Аѳонѣ и по преимуществу въ русскихъ скитахъ, андреевскомъ и ильинскомъ, невыразимою радостію, не прошла незамѣченною греческою и даже европейскою печатью. Статья эта признавала русскіе скиты независимыми отъ монастырей, на земляхъ которыхъ они поселились и съ которыми у скитовъ бывали непрерывныя недоразумѣнія, длившіяся иногда подрядъ нѣсколько лѣтъ. Газета „Ανατολικὸς ἀστήρ" выразила недоумѣніе относительно трехъ монастырей съ монахами русскаго происхожденія, полагая что подъ двумя монастырями разумѣются монастыри Хиландарскій и Болгарскій, въ которыхъ по словамъ газеты „вошло въ обычай совершать богослуженіе по славянски" и разъяснила, что „аѳонскіе обители, къ какой бы не принадлежали, народности въ церковномъ смыслѣ подчиняются вселенскому константинопольскому трону [2]). Враждебная „Θρακη" высказала полное недоумѣніе при чтеніи данной статьи. „Изъ существующихъ на Аѳонѣ монастырей числомъ 20, говоритъ газета, ни одинъ не принадлежитъ монахамъ русскаго проис-

---

[1]) Полный текстъ «прелиминарнаго» мирнаго договора напечатанъ въ Прав. Вѣстн. 1878 г. № 54.

[2]) Анатол. ἀστηρ № 26, 31 Марта 1878 г.

хожденія. Если это, при подписаніи трактата, ускользнуло отъ вниманія Савфетъ-паши, то неужели мы можемъ предположить, что не было извѣстно и русскому уполномоченному генералу Игнатьеву, который можетъ болѣе всякаго другаго знать, какая происходила борьба только изъ за одного требованія живущихъ въ обители св. Пантелеймона русскихъ монаховъ—избрать игуменомъ русскаго урожденца? И если только ради одного снисхожденія находящихся въ патріархіи устроено избраніе Макарія, то изъ этого не слѣдуетъ, что обитель эта принадлежитъ монахамъ русскаго происхожденія. Самая предпринятая тогда борьба, употребленныя средства, насилія, наконецъ, и угрозы, чтобы достигнуть поставленія игумена русскаго происхожденія, показываютъ совершенно противное. Да и тѣ изъ нашихъ высшихъ клириковъ, которые съ такою безразборчивостію совѣсти работали для успѣха и приведенія въ дѣйствіе желанія русской пропаганды, даже и они не признали тогда русскаго монастыря на Аѳонѣ. Даже сами и тѣ, кто непосредственно въ этомъ заинтересованъ, выставляя тогда право избранія игумена русскаго происхожденія, никакъ не рѣшились посягнуть на право господства, что и ясно провозвѣстили чрезъ здѣшній извѣстный ихъ органъ „Βυζάντις“ и особою брошюрою“.

„Но если эта—одна изъ этихъ обителей, которая санъ-стефанскимъ трактатомъ превращается въ русскую, хотя уже доказано пространными и неопровержимыми доказательствами, какъ и какими средствами проползли въ оную шайки русскихъ монаховъ,—какіе же это другіе два монастыря, принадлежащіе монахамъ русскаго происхожденія? Развѣ, можетъ быть, скитъ св. Андрея, принадлежащій Ватопедской обители, и скитъ пророка Иліи, исключительно русскими населенный и принадлежащій Пандократору? Но § говоритъ *о монастыряхъ, а не о скитахъ*. Мы не вѣримъ, чтобы русскій уполномоченный не зналъ различія между монастыремъ и скитомъ. Но здѣсь то видно и скрывается все искусство стратегической штуки, которою графъ Игнатьевъ, пользуясь *невѣдѣніемъ* подобныхъ вещей уполномоченнаго Высокой Порты, за[illegible]ъ однимъ выстрѣломъ убить двѣ дичи: возве-

сти скиты въ монастыри и ихъ же, какъ принадлежность русскую, утвердить. Слѣдовательно, планъ, коего добивался бывшій при Высокой портѣ посланникъ, избраніемъ Макарія, патріарха киръ Іоакима и возведеніемъ,— чего всякими способами добивались, но не успѣли,— дикея скита св. Андрея въ игумена при патріархѣ блаженныя памяти Аѳоимѣ изъ Ефеса,—какъ видно достигъ полнѣйшаго успѣха. Русское господство надъ Аѳонскою горою въ непродолжительномъ времени будетъ полнѣйшее! Иначе невозможно объяснить 22 § санъ-стефанскаго трактата, касающагося Аѳонскихъ монастырей". Далѣе названная газета совѣтуетъ патріархіи обратить серьезное вниманіе [1]) на это „явное попраніе церковныхъ и народныхъ правъ", „въ виду критическаго положенія окружающихъ обстоятельствъ", работать „съ благоразуміемъ даже и съ достоинствомъ націи честолюбивой и клиру, понимающему высокую свою миссію", а для сего созвать „великое народное собраніе, которое разсудитъ о томъ, что должно дѣлать". Въ частности газета предлагаетъ „сочинить и подать протестъ европейскимъ державамъ о присвоеніи аѳонскихъ монастырей, подчиненныхъ только неоспоримому господству вселенскаго патріархата" [2]).

„Создатель новой Болгаріи генералъ Игнатьевъ, пишетъ по поводу той же XXII статьи „Νεολόγος", почитая полуостровъ Халкидики спицею въ глазахъ Болгаріи, не смотря даже на то, что онъ совершенно отдѣлялся отъ материка, нашелъ средство и его ославянить, опредѣляя въ трактатѣ русское покровительство надъ членами русской Церкви въ Аѳонѣ и химерическія никогда несуществовавшія права русскихъ обителей во св. горѣ. Лихорадочное это нетерпѣніе генерала открыло свѣту, что онъ за человѣкъ и что это за цѣли, къ коимъ стремились всѣ тѣ въ Константинополѣ махинаціи, которыя называются „Болгарскій вопросъ" и „вопросъ оби-

---

[1]) Θράκη № 1251, 25 марта 1878 года.

[2]) Аѳонская газета „Ἑρμῆς" отъ 7 апрѣля 1878 года пишетъ по поводу этой статьи слѣдующее: «Съ удовольствіемъ извѣщаемъ, что замѣчанія Θράκη на 22 § трактата св. Стефана обратили особенное вниманіе патріархіи, и, по полученнымъ нами удостовѣреніямъ, священный синодъ займется этимъ вопросомъ на сей недѣлѣ» № 284.

тели св. Пантелеимона“ и къ которымъ были притянуты иные, какъ жертвы, а иные и преступно участвовали въ оныхъ“ [1]).

Съ такой узко-національной, враждебной точки зрѣнія посмотрѣли на XXII статью санъ-стефанскаго договора греческія газеты, всегда стремившіяся отстаивать никѣмъ и никогда не попираемыя права эллинизма и греческой церкви и всегда до крайности враждебныя и пристрастныя къ Болгарамъ и ко всему тому, что можетъ поднять ихъ политическое значеніе въ глазахъ Европы. Но иначе и весьма широко понялъ значеніе этой статьи извѣстный англійскій дипломатъ маркизъ Солсбери, усмотрѣвшій въ ней нарушеніе международныхъ отношеній и интересовъ европейскихъ державъ, заинтересованныхъ во всѣхъ частяхъ Оттоманской имперіи. „За этимъ (т. е. послѣ заботъ о населеніи Θессаліи и Эпира) слѣдуютъ, пишетъ онъ въ своей циркулярной депешѣ отъ 1 Апрѣля (по нов. стилю) 1878 г., обязательства для покровительства членамъ русской Церкви, конечно, не менѣе ограниченныя въ своемъ объемѣ, чѣмъ тѣ статьи Кайнарджійскаго трактата, на коихъ основались притязанія, упраздненныя въ 1856 году. На подобные уговоры не могутъ посмотрѣть съ удовольствіемъ ни греческое правительство, ни державы, для коихъ всѣ части Оттоманской имперіи суть предметъ общаго интереса. Общимъ послѣдствіемъ этой части трактата будетъ *усиленіе могущества Русской имперіи въ странахъ и на прибрежіяхъ, гдѣ господствуетъ греческое населеніе, не только къ ущербу этой націи, но и всякой страны, имѣющей интересы на востокѣ Средиземнаго моря*“ [2]).

Неудивительно, что такое пониманіе статьи XXII преліминарнаго мирнаго договора вызвало со стороны нашего покойнаго канцлера князя Горчакова опроверженія пунктъ за пунктомъ въ особомъ „циркулярѣ россійскимъ посламъ въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ и Римѣ отъ 28 марта

---

[1]) Νεολόγος № 2745, 27 марта 1878 г.

[2]) Переводъ этой депеши помѣщенъ въ «Московск. Вѣд.» 1878 г., № 80. Газета «Ἡμέρα», воспроизводя на своихъ страницахъ это мѣсто циркуляра лорда Солсбери, относитъ XXII статью «къ русскимъ монахамъ на Аѳонѣ» № 173, 26 апрѣля, 1878 г.

(9 апрѣля) 1878 года", или вѣрнѣе въ особой къ нему „промеморіи". Изъ 12 пунктовъ „промеморіи", 7 пунктъ особенно важный и гласитъ такъ: „Слѣдующее условіе, относящееся до покровительства членамъ русской Церкви, было *понято весьма худо*, если его уподобляютъ договору Кайнарджійскому, отмѣненному въ 1856 году. Условіе Кайнарджійское относилось *до православнаго греческаго исповѣданія* и могло распространяться на всѣхъ подданныхъ султана, исповѣдающихъ эту вѣру; санъ-стефанскій же договоръ упоминаетъ исключительно о монашествующихъ духовныхъ лицахъ и паломникахъ *русскихъ и русскаго происхожденія*, и устанавливаетъ въ ихъ пользу лишь тѣ права, выгоды и преимущества, которыя принадлежатъ духовнымъ лицамъ другихъ народностей. Послѣ этого нельзя признать справедливымъ утвержденіе, что совокупность санъ-стефанскихъ постановленій способна *увеличить могущество Россійской имперіи въ странахъ, гдѣ преобладаетъ греческое населеніе въ ущербъ этого народа и всѣхъ странъ, имѣющихъ интересы на востокѣ Средиземнаго моря*" [1]).

Но не смотря на столь категорическое опроверженіе неправильнаго пониманія XXII статьи санъ-стефанскаго трактата, англійскіе дипломаты остались при своемъ прежнемъ пониманіи ея. Поэтому въ засѣданіи [2]) 4 іюля (по новому стилю) 1878 года Берлинскаго конгресса разсмотрѣніе упомянутой статьи началось съ того, что лордъ Солсбери прочиталъ предложенныя на разсмотрѣніе конгресса измѣненія этой статьи на слѣдующіе пункты:

1) „Всѣ жители Оттоманской имперіи въ Европѣ, какова бы ни была ихъ религія, будутъ пользоваться полнымъ равенствомъ правъ. Они будутъ допускаемы ко всѣмъ общественнымъ должностямъ и почестямъ и будутъ принимаемы во свидѣтели предъ трибуналами.

2) „Всѣ исповѣданія будутъ пользоваться полною свободою; ни іерархическая организація различныхъ общинъ, ни

---

[1]) Прав. Вѣстн. 1878 г. № 71.

[2]) Переводъ протоколовъ этого засѣданія мы заимствуемъ изъ Моск. Вѣд. 1878 г. № 187.

отношенія ихъ къ ихъ духовнымъ вождямъ не должны встрѣчать никакихъ стѣсненій".

3) „Духовныя лица, богомольцы и монахи всѣхъ національностей, путешествующіе или проживающіе въ Европейской и Азіатской Турціи, будутъ пользоваться полною свободою правъ, преимуществъ и привилегій".

4) „Право оффиціальнаго покровительства признано за дипломатическими представителями и консульскими агентами державъ въ Турціи, какъ относительно означенныхъ лицъ, такъ и ихъ владѣній, заведеній религіозныхъ, благотворительныхъ и иныхъ во святыхъ мѣстахъ и внѣ ихъ".

5) „Монахи Аѳонской горы сохранятъ свои владѣнія и прежнія преимущества и будутъ пользоваться безо всякаго исключенія полнымъ равенствомъ правъ и прерогативовъ".

Представляя эти параграфы на обсужденіе конгреса, лордъ Солсбери сдѣлалъ къ нимъ примѣчаніе, въ которомъ пояснилъ, что „первые два параграфа этого предложенія представляютъ примѣненіе къ Оттоманской имперіи принциповъ, принятыхъ конгресомъ относительно Сербіи и Румыніи; три послѣдніе параграфа имѣютъ цѣлью распространить на духовенство всѣхъ національностей преимущества условій статьи 22, спеціально касающихся русскаго духовенства".

Предложенныя маркизомъ Солсбери измѣненія въ XXII статьѣ санъ-стефанскаго договора въ принципѣ были одобрены всѣми державами, но въ частностяхъ сдѣланы были нѣкоторыя измѣненія и поправки. Такъ, напр., турецкій уполномоченный Кара-теодори-паша относительно перваго пункта предложенія проситъ смотрѣть не какъ на нѣчто новое, а какъ на такіе принципы, которыми всегда руководствуется его правительство. Въ доказательство своей мысли онъ читаетъ сообщеніе, полученное имъ предъ тѣмъ отъ своего правительства. Вотъ это сообщеніе: „Въ виду заявленій, сдѣланныхъ на конгресѣ при различныхъ обстоятельствахъ въ пользу религіозной терпимости, вы уполномочиваетесь объявить съ вашей стороны, что мнѣніе Высокой Порты въ этомъ случаѣ совершенно согласуется съ цѣлью, къ которой стремится Европа. Ея постоянныя преданія, ея вѣковая политика, *инстинктъ ея населенія*—все побуждаетъ ее къ тому. По всей

имперіи религіи самыя различныя исповѣдаются милліонами подданныхъ Султана и никто не былъ стѣсненъ въ своемъ вѣрованіи и въ отправленіи обрядовъ своего исповѣданія. Императорское правительство рѣшилось поддерживать во всей силѣ этотъ принципъ и дать ему все требуемое имъ расширеніе". Поэтому уполномоченный просилъ, если будетъ принято англійское предложеніе конгресомъ, то чтобы, по крайней мѣрѣ, было заявлено, что принципы, о которыхъ идетъ рѣчь, согласны съ тѣми, какими руководится его правительство и чтобы конгресъ прибавилъ слѣдующую, напр., фразу въ § 1: „согласно заявленіямъ Порты и прежнимъ распоряженіямъ, которыя она желаетъ поддерживать".

Лордъ Солсбери не возражалъ противъ этой прибавки, но заявилъ, что хотя эти мѣры дѣйствительно встрѣчаются въ заявленіяхъ Порты, но не всегда были соблюдаемы на практикѣ.

Въ томъ же первомъ пунктѣ конгресъ рѣшилъ выбросить спеціальное обозначеніе Европы, въ силу споровъ того же уполномоченнаго Кара-теодоріи-паши о словѣ „въ Европѣ".

§§ 2 и 3 приняты безъ измѣненій.

Въ 4 § турецкіе уполномоченные Кара-теодоріи-паша и Мехмедъ-Али-паша настаивали выпустить слово „владѣній", опираясь на протоколъ 1868 года, относящійся къ праву собственности иностранцевъ и исключающій всякое спеціальное покровительство относительно недвижимости. Если церковныя недвижимыя имущества, подчиненныя въ силу протокола 1868 года мѣстной юрисдикціи, были бы по смыслу § 4 поставлены въ тоже время подъ оффиціальное покровительство дипломатическихъ представителей и консульскихъ агентовъ, то произошли бы большія административныя и судебныя затрудненія. Такъ какъ уполномоченные Турціи упорно отстаивали свои требованія, то конгресъ согласился съ ихъ требованіемъ.

Относительно послѣдней строки 4 § французскій уполномоченный *Вадингтонъ*, напоминая о пріобрѣтенныхъ правахъ Франціею въ св. мѣстахъ, представляетъ конгресу слѣдующую редакцію, которая должна окончить 4 §: „Пріобрѣтенныя Франціею права сохраняются неприкосновенно, и рѣ-

шено, чтобы никакое посягательство не было дѣлаемо противъ statu quo въ святыхъ мѣстахъ".

Предложеніе это было принято единогласно. Итальянскій уполномоченный Убри требуетъ, чтобы въ 5 § за словами „монахи Аѳонской горы" слѣдовали слова: „какова бы ни была ихъ родина".

Эта прибавка была принята конгресомъ.

Переработанное такимъ образомъ предложеніе маркиза Солсбери составило LXII статью берлинскаго трактата, которая читается слѣдующимъ образомъ:

„Такъ какъ Высокая Порта выразила твердое намѣреніе соблюдать принципъ религіозной свободы въ самомъ широкомъ смыслѣ, то договаривающіяся стороны принимаютъ къ свѣдѣнію это добровольное заявленіе.

„Ни въ какой части Оттоманской имперіи различіе вѣроисповѣданія не можетъ подаватъ повода къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія гражданскими и политическими правами, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ.

„Всѣ будутъ допускаемы, безъ различія вѣроисповѣданій, свидѣтельствовать въ судахъ.

„Свобода и внѣшнія отправленія всякаго богослуженія обезпечиваются за всѣми, и ни какія стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами.

„Духовныя лица, паломники и иноки всѣхъ націй, путешествующіе въ Европейской или Азіатской Турціи, будутъ пользоваться одинаковыми правами, преимуществами и привилегіями.

„Право оффиціальнаго покровительства признается за дипломатическими и консульскими агентами державъ въ Турціи какъ по отношенію вышепоименованныхъ лицъ, такъ и ихъ учрежденій духовныхъ, благотворительныхъ и другихъ на святыхъ мѣстахъ и въ другихъ мѣстностяхъ.

„Права, предоставленныя Франціи, строго сохраняются

за нею, и само собою разумѣется, что statu quo на святыхъ мѣстахъ не можетъ подвергнуться никакому нарушенію.

„*Иноки Аѳонской горы, изъ какой бы они ни были страны, сохранятъ свои имущества и будутъ пользоваться безъ всякихъ исключеній полнымъ равенствомъ правъ и преимуществъ*“ [1]).

Отправляя копію „берлинскаго трактата“ 13 іюля изъ Берлина на имя главнаго государственнаго секретаря ея величества, маркизъ Солсбери приложилъ къ ней особую депешу, въ которой весьма откровенно и не безъ самодовольства по поводу XXII статьи санъ-стефанскаго договора писалъ слѣдующее: „Спеціальное покровительство, выговоренное для духовныхъ лицъ русской религіи (?) и для русскихъ монастырей на Аѳонской горѣ, и предоставленное русскому правительству право участвовать въ выработкѣ учрежденій для остальныхъ частей европейской Турціи встрѣтили возраженія правительства ея величества, такъ какъ этимъ усиливалось могущество русской Имперіи въ тѣхъ странахъ и на тѣхъ берегахъ, гдѣ преобладаетъ греческое населеніе. *Эти исключительныя постановленія были совершенно откинуты*“ [2]).

Такимъ образомъ, на берлинскомъ конгресѣ всѣ надежды русскихъ иноковъ на Аѳонѣ вообще и русскихъ скитянъ въ частности рухнули безвозвратно; сладкія мечты стать въ рядъ двадцати остальныхъ самостоятельныхъ святогорскихъ монастырей и навсегда освободиться отъ той тяжелой и капризной зависимости монастырей иной національности разлетѣлись, какъ дымъ по вѣтру, и русскіе аѳонскіе иноки были возвращены, такъ сказать, въ первобытное состояніе, въ какомъ находились они до войны. „Исключительныя постановленія“ санъ-стефанскаго договора, созданныя благодѣтелемъ и покровителемъ русскихъ иноковъ на Аѳонѣ Н. П. Игнатьевымъ, „были совершенно откинуты“, благодаря настойчивости англійскихъ дипломатовъ на берлинскомъ конгресѣ, а посему страданія и положительные матеріальные убытки, понесенные нашими соотечественниками—аѳонскими

---

[1]) Правит. Вѣстн. 1873 № 168.
[2]) *Моск. вѣдом.* 1878 г. № 176.

иноками за время войны, остались совершенно безъ всякаго вознагражденія. Въ выигрышѣ оказались ничего непотерявшіе монахи другихъ вѣроисповѣданій, живущіе или временно пребывающіе въ предѣлахъ османской Имперіи. Нѣтъ надобности имѣть широкое воображеніе, чтобы представить себѣ, какъ велико было бы значеніе русскихъ на Аѳонѣ, если бы XXII статья санъ-стефанскаго договора получила санкцію на берлинскомъ конгресѣ и въ карейскомъ аѳонскомъ протатѣ возсѣдали бы теперь *три русскихъ антипросопа*, когда и нынѣ, при *одномъ* (отъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря) опытномъ и дѣловомъ антипросопѣ, умѣющемъ находить союзниковъ въ антипросопахъ другихъ монастырей иной національности, при твердой поддержкѣ нашей русской дипломатіи въ Константинополѣ, оно не незначительно.

ГЛАВА X.

ОТНОШЕНІЯ СТАРЦЕВЪ РУССКАГО ПАНТЕЛЕИМОНОВСКАГО МОНАСТЫРЯ ОО. МАКАРІЯ И ІЕРОНИМА КЪ РУССКИМЪ АѲОНСКИМЪ СКИТАМЪ.

Безпорядки въ Ильинскомъ скиту послѣ смерти дикея Паисія II. — Вмѣшательство для прекращенія ихъ солунскаго консула и избраніе дикеемъ скита о. Гервасія.—Новые безпорядки въ скиту и новое избраніе въ дикеи скита о. Андреи.—Характеристика о. Иннокентія, его отношенія и дѣятельность.—От. Андрей и эпитропъ Гладковъ.—Старцы о. Макарій и о. Іеронимъ въ роли миротворцевъ между о. Андреемъ и о. Иннокентіемъ.—Письмо къ о. Андрею о. Іеронима и его послѣдствія.—Русскій андреевскій *ставропигіальный* скитъ.—Недоразумѣнія въ скиту въ 1878 году между настоятелемъ и братіею и бурныя волненія по этому поводу въ его стѣнахъ. — Устраненіе о. Ѳеодорита отъ должности настоятеля и безпримѣрное его миролюбіе и смиреніе.—Энергическая поддержка о. Ѳеодорита со стороны старцевъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря и совѣты послѣднихъ, направленные къ умиротворенію братіи въ скиту. — Защита о. Ѳеодорита кирiархическимъ Ватопедскимъ монастыремъ и стремленіе послѣдняго примирить братію съ настоятелемъ. — Разрѣшительная грамота о. Ѳеодорита братіи скита и согласіе послѣдней возстановить о. Ѳеодорита въ званіи дикея.—Новый канонизмъ скита и его ограниченія. — Примиреніе братіи съ о. Ѳеодоритомъ и возстановленіе его въ должности.—Сообщеніе объ этомъ событіи въ Россикъ. — Новые безпорядки въ скиту. — Приговоръ монастыря относительно виновныхъ въ этихъ безпорядкахъ.—Положеніе дѣлъ въ скиту послѣ возстановленія о. Ѳеодорита въ званіи дикея и выѣздъ послѣдняго въ Петербургъ.— Послѣдніе годы его жизни.—Послѣдствія описанныхъ внутреннихъ безпорядковъ въ обоихъ русскихъ аѳонскихъ скитахъ.

Въ предшествующихъ главахъ мы не разъ упоминали о живомъ участіи старцевъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря о. Макарія и о. Іеронима въ дѣлахъ аѳонскихъ греческихъ мо-

настырей (разумѣемъ дѣла: свято-павловское, ксенафское и симоно-петрское съ ксинопотамомъ), и ихъ стараніяхъ всячески поддержать правое дѣло и водворить въ этихъ монастыряхъ нарушенный миръ и братскую любовь, хотя сами они нерѣдко, въ благодарность за все это, получали непріятности, огорченіе и даже доносы, какъ это было въ послѣднемъ случаѣ со стороны ксинопотамскаго проигумена о. Прокопія. Старцы Русика всегда предпочитали „худой миръ крупной ссорѣ“. Но если они такъ относились къ монашествующимъ изъ грековъ, далеко не дружелюбно настроеннымъ къ русскимъ, тѣмъ скорѣе можно было ожидать отъ нихъ и горячихъ симпатій и большаго участія къ судьбѣ своихъ соотечественниковъ русскихъ, такъ или иначе нуждавшихся въ ихъ помощи, къ поддержкѣ добрымъ словомъ и опытномъ указаніи. И дѣйствительно, старцы Пантелеимоновскаго монастыря никогда не отказывались отъ высокой роли „миротворцевъ“ и добрыхъ совѣтниковъ, когда ихъ вызывали на это свои братія русскіе. Изъ многихъ фактовъ участливаго отношенія старцевъ о. Макарія и о. Іеронима къ дѣламъ нашихъ русскихъ скитовъ на Аѳонѣ мы отмѣтимъ два особенно выдающихся: замѣшательства въ Ильинскомъ скиту послѣ смерти настоятеля (дикея) о. Паисія II и большія недоразумѣнія въ Андреевскомъ скиту между настоятелемъ о. архимандритомъ Ѳеодоритомъ и братіею скита въ 1878 году. Оба указанные нами факта изъ жизни русскихъ скитовъ на Аѳонѣ весьма сложны въ ходѣ своего развитія, любопытны по своимъ бытовымъ характернымъ подробностямъ, рисующимъ внутренній бытъ скитскаго аѳонскаго иночества весьма рельефно, и сами по себѣ полны живаго драматизма, останавливающаго невольно на себѣ вниманіе всякаго, кому интересны судьбы русскаго иночества на Аѳонѣ. Но мы далеки отъ мысли слѣдить, такъ сказать, шагъ за шагомъ за этими событіями въ жизни русскихъ скитовъ, за всѣми перипетіями тѣхъ внутреннихъ неурядицъ, какія произошли въ скитахъ въ томъ и другомъ случаѣ, хотя для этого мы располагаемъ всѣми нужными матеріалами. Дѣлать это въ настоящее время мы считаемъ, во-первыхъ, преждевременнымъ такъ какъ лица, принимавшіе живое участіе въ

томъ и другомъ дѣлѣ и игравшія въ нихъ видную роль, въ большинствѣ еще благополучно здравствуютъ, во-вторыхъ, всѣмъ подробностямъ указанныхъ событій мы находимъ болѣе приличнымъ занимать мѣсто въ исторіи этихъ скитовъ, чѣмъ въ нашемъ настоящемъ очеркѣ, и въ третьихъ, для нашей настоящей цѣли главный интересъ заключается лишь въ томъ, чтобы отмѣтить факты, рисующіе нашихъ старцевъ въ роли „миротворцевъ“ и указывающіе на тотъ высокій авторитетъ, какимъ они пользовались на Аѳонѣ среди своихъ соотечественниковъ. Съ этой стороны мы и изложимъ здѣсь оба упомянутыя нами событія, касаясь другихъ явленій на столько, на сколько это необходимо будетъ для связнаго разсказа.

Въ 1871 году 5 сентября скончался настоятель русскаго ильинскаго скита на Аѳонѣ о. Паисій II, родомъ болгаринъ. Будучи отъ природы весьма умнымъ человѣкомъ и сильнымъ по характеру, о. Паисій умѣлъ ладить съ греками Пандократоровскаго монастыря, отъ котораго въ зависимости находится ильинскій скитъ, и крѣпко держалъ бразды правленія въ своемъ скиту, насельники котораго, какъ бывшіе казаки, проявляли нерѣдко не свойственную ихъ сану склонность къ вольности и даже безпорядкамъ [1]). Со смертію о. Паисія, безпорядки въ скиту возобновились. Причиною ихъ были разногласія по поводу избранія новаго игумена скита. Согласно завѣщанію о. Паисія, игуменъ долженъ быть избранъ изъ числа монаховъ, не принадлежащихъ къ братству скита, такъ какъ онъ никого не находилъ достойнымъ изъ наличныхъ отцовъ къ занятію этого мѣста. Меньшинство братіи, во главѣ котораго стоялъ умный и энергичный о. Иннокентій, 26 лѣтъ исправлявшій въ скиту должность эконома, желало выполнить волю покойнаго настоятеля. Но большинство, которымъ руководилъ о. іеромонахъ Андрей, желало во

[1]) Объ этихъ непохвальныхъ качествахъ ильинскихъ скитниковъ говоритъ хотя и весьма сдержанно, даже оффиціальная брошюра: «Русскій общежительный скитъ св. пророка Иліи на аѳонской горѣ», вторично изданная въ Одессѣ въ 1889 году на средства скита для раздачи русскимъ поклонникамъ, стр. 37—39.

чтобы то ни стало избрать преемникомъ о. Паисію кого нибудь изъ своей среды и считало достойнымъ кандидатомъ на должность настоятеля названнаго о. Андрея. Пандократоръ не утвердилъ избранія большинства, чѣмъ вызвалъ крайнее недовольство со стороны братіи скита противъ себя и даже открытое возмущеніе. Явившійся въ полномъ составѣ членовъ протатъ, чтобы уговорить возмутившихся, не былъ впущенъ въ ограду скита и удалился ни съ чѣмъ крайне обиженный. Меньшинство обратилось за помощью къ проживавшему тогда на Аѳонѣ русскому солунскому консулу К. Леонтьеву, прося его принять зависящія отъ него мѣры для успокоенія возмутившихся. Но консулъ, считая себя не компетентнымъ въ данномъ дѣлѣ, не прежде рѣшился принять участіе, какъ послѣ усиленныхъ просьбъ о томъ протата и отцовъ Пандократорскаго монастыря. Благодаря вмѣшательству К. Леонтьева, возмущеніе было прекращено, въ дикеи на мѣсто о. Паисія былъ избранъ о. Гервасій, прочитана была всѣмъ архіерейская разрѣшительная молитва и повидимому въ скиту водворился миръ. Недовольные, находившіеся внѣ стѣнъ скита, не бездѣйствовали и выжидали лишь удобнаго случая къ возобновленію безпорядковъ, которые начались немедленно, послѣ отъѣзда изъ скита русскаго консула. Неискательный о. Гервасій, въ виду этихъ волненій, отказался отъ настоятельства, вышелъ даже изъ состава братіи скита, въ которомъ водворилась снова анархія и остальные годы своей жизни провелъ на покоѣ въ русскомъ Пантелеимоновскомъ монастырѣ, принявъ схиму съ именемъ Гавріила. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, о. Андрей успѣлъ убѣдить пандократоровскихъ проэстосовъ въ безполезности дальнѣйшаго сопротивленія вступленію его въ должность дикея скита, такъ какъ единственно этимъ только можно, по его словамъ, умиротворить братію скита, причемъ не преминулъ, какъ это въ обычаѣ общежительныхъ монастырей св. Горы нынѣшняго времени, наобѣщать имъ за свое утвержденіе цѣнные подарки. Если вѣрить письму одесскаго купца г. Гладкова, довѣреннаго русскаго ильинскаго скита на Аѳонѣ, то о. Андрей за свое утвержденіе дикеемъ скита заплатилъ пандократоров-

скимъ проэстосамъ 500 турецкихъ лиръ и впредь ежегодно обѣщался платить по 100 лиръ [1]). Какъ бы тамъ ни было, но о. Андрей достигъ своего, и мѣсто дикея въ русскомъ Ильинскомъ скиту осталось за нимъ.

Съ переходомъ власти въ руки о. Андрея и его сторонниковъ въ скиту быстро все измѣнилось. Начальственныя должности были розданы ближайшимъ лицамъ къ о. Андрею, а прежніе дѣятели были отставлены отъ должностей и должны были или уступить свое мѣсто новымъ лицамъ и снизойти на положеніе обычныхъ рядовыхъ монаховъ скита, или же даже выйти вовсе изъ состава скитской братіи, что и сдѣлали нѣкоторые, какъ напр., оо. Пахомій и Рафаилъ. Труднѣе всего было примириться съ новымъ приниженнымъ и даже гонимымъ положеніемъ въ скиту такому выдающемуся дѣятелю его, какъ о. Иннокентію, 26 лѣтъ въ роли эконома первенствовавшему въ немъ и пользовавшемуся такимъ большимъ вліяніемъ среди братіи, что еслибы онъ желалъ, то могъ легко и безъ труда занять мѣсто дикея скита. Высокомѣрное отношеніе къ нему новаго настоятеля о. Андрея дѣлало совмѣстную ихъ жизнь въ скиту невозможною, и о. Иннокентій рѣшился низвергнуть установившійся порядокъ и избрать для скита новаго настоятеля. Въ своемъ намѣреніи и планахъ онъ опирался на свое прежнее вліяніе среди монашествующей братіи, изъ коихъ многіе были его „духовныя чада“, на дружественныя связи съ довѣреннымъ монастыря въ Таганрогѣ о. Филаретомъ, а главнымъ образомъ на поддержку сильнаго эпитропа скита, одесскаго купца Михаила Романовича Гладкаго, весьма нерасположеннаго къ новому настоятелю о. Андрею. Сочувствіе этихъ двухъ лицъ было важно для о. Иннокентія въ томъ отношеніи, что въ рукахъ ихъ сосредоточивались большія скитскія суммы денегъ, въ которыхъ весьма нуждался новый настоятель скита, а планъ о. Иннокентія и заключался въ томъ, чтобы поставить о. Андрея съ братіею въ финансовыя затрудненія, чѣмъ объясняется, между прочимъ, и его личный отказъ сдать новому настоятелю монастырскую кассу, бывшую дотолѣ на его рукахъ.

[1]) Письмо Гладкова къ старцамъ Руссика отъ 27 октября 1873 г.

О. Иннокентій разсчитывалъ, по своимъ прежнимъ отношеніямъ къ оо. Макарію и Іерониму, привлечь на свою сторону въ данномъ случаѣ и ихъ сочувствіе.

Но разсчеты его не оправдались почти во всѣхъ отношеніяхъ. Со смертію о. Паисія и послѣ пережитыхъ волненій въ скиту предъ избраніемъ въ настоятеля о. Гервасія и послѣ значеніе о. Иннокентія и его вліяніе на ходъ дѣлъ въ скиту сильно пошатнулись, къ тому же и дѣйствія его въ данномъ случаѣ не отличались послѣдовательностію и смѣлостію [1]), тогда какъ ловкій и умный о. Андрей, опираясь на большинство, рѣшительнымъ образомъ своихъ распоряженій и поступковъ успѣлъ завоевать въ скиту прочное положеніе. Неудивительно поэтому, что не смотря на старанія о. Иннокентія отыскать себѣ единомышленниковъ и сторонниковъ въ средѣ „лучшихъ изъ братій“ и „болѣе привязанныхъ къ нему“, онъ выслушалъ съ ихъ стороны относительно задуманнаго имъ переворота уклончивый отвѣтъ, что они „хотя сердечно желаютъ, но *на это подать голосъ или подписаться никакъ не посмѣютъ*“. [2]) Медлилъ и выжидалъ обстоятельствъ осторожный о. Филаретъ, чтобы принять ту или другую сторону. Открыто и энергично высказался противъ установившагося порядка вещей лишь гордый и своенравный эпитропъ скита М. Р. Гладковъ, 14 лѣтъ привыкшій вмѣшиваться въ дѣла скита и безаппеляціонно распоряжаться ими, опираясь всегда на свою матеріальную силу, которая заключалась въ большихъ суммахъ пожертвованій, проходившихъ черезъ его руки. „Съ помощію Божіею, извѣщаетъ г. Гладковъ о. Иннокентія, началъ дѣйствовать объ избавленіи св. обители отъ невѣжихъ и дурныхъ людей, какъ то удалить Андрея отъ игуменства и его товарищей... и поставить игуменомъ человѣка, который можетъ сдѣлать обители пользу и поставить ее на такую степень, на которой она обитала; а

---

[1]) «Не знаю, что и дѣлать и какъ поступить, чтобы низвергнуть негодныхъ обладателей, откровенно сознавался о. Иннокентій въ письмѣ къ Гладкову. *При томъ же боюсь, чтобы не пала на меня вся бѣда за нарушеніе нынѣшняго спокойствія*, хотя только наружнаго и, кажется, недолговременнаго». Письмо отъ 15 сентября 1873 года.

[2]) *Письмо отъ 15* сентября 1873 года.

именно *я назначаю* (!?) быть игуменомъ отцу Антонію, серайскому благочинному“ [1]) и т. д. Въ письмѣ къ старцамъ Руссика Гладковъ проситъ „содѣйствовать“ ему въ этомъ, или же во вторичномъ избраніи на должность дикея о. Гервасія [2]). Довѣреннымъ же монастыря, явившимся къ г. Гладкову съ письмомъ новаго дикея о. Андрея, требовавшаго скитскія деньги, онъ прямо объявилъ: „пока настоятелемъ о. Андрей, я денегъ изъ банка не дозволю брать“ и тутъ же пригрозилъ, что если братство не уважитъ его желаніе низвергнуть о. Андрея, то „я буду дѣйствовать чрезъ посланника нашего въ Константинополѣ и Святѣйшій Синодъ и не допущу монастырь до разоренія“ [3]).

О. Макарій и о. Іеронимъ, доселѣ уклонявшіеся отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ дѣла Ильинскаго скита и рѣшительно избѣгавшіе переписки [4]) съ о. Иннокентіемъ, совѣтовали послѣднему всякаго рода корреспонденціи съ ними предпочитать личную бесѣду „усты ко устомъ“. Теперь, когда ими было получено отъ г. Гладкова письмо о содѣйствіи, то они рѣшились дать обстоятельный и продуманный совѣтъ, какъ самому г. Гладкову, такъ и о. Иннокентію. „Желаніе ваше писали отцы г. Гладкову, относительно перемѣны нынѣшняго настоятеля — *вещь неосуществимая*, съ какой бы стороны мы не стали разсматривать этотъ предметъ. Съ чего и съ какого повода начать это дѣло? И кто будетъ начинать оное? Братія скита перемѣны своего настоятеля не желаетъ, настоятель самъ о семъ не думаетъ, монастырь, завѣдующій скитомъ, самъ дѣлать въ немъ какія нибудь перемѣны никакой причины, никакого повода не находитъ. Итакъ, кто же и по какимъ причинамъ будетъ устранять нынѣшняго настоятеля Ильинскаго скита отъ занимаемаго имъ мѣста? Если двое или трое изъ скитской братіи и желаютъ перемѣны настоятеля, то ихъ голосъ въ этомъ случаѣ не можетъ имѣть

---

[1]) Письмо отъ 24 августа 1873 года.

[2]) Письмо г. Гладкова къ старцамъ отъ 4 и 5 сентября 1873 г.

[3]) Письмо г. Гладкова къ о. Иннокентію отъ 16 октября 1873 г.

[4]) Письмо о. Макарія отъ 30 окт. 1873; сравн. письмо о. Иннокентія отъ 27 окт. того *же года*.

значительнаго вѣса; всѣ дѣла избирательныя рѣшаются по большинству голосовъ, и большинство голосовъ всегда имѣетъ перевѣсъ предъ меньшинствомъ, какъ и вамъ извѣстно. Да и сами указываемыя вами лица въ настоятели скита Ильинскаго вмѣсто нынѣшняго, т. е. отцы Гервасій и Антоній никоимъ образомъ не рѣшаться взойти *на шаткій этотъ тронъ*. О. Гервасій еще не забылъ и хорошо помнитъ испытанныя имъ, въ бытность его въ скитѣ, замѣшательства и тревоги и ужъ, конечно, не пожелаетъ подвергаться снова этимъ треволненіямъ. *Онъ и держался въ скитѣ рѣшительно только изъ уваженія къ нашимъ его о семъ упрашиваніямъ*. О. Антоній не пойдетъ, ибо вѣдь они поддерживали карьеру о. Андрея, да и просто по неохотѣ заниматься подобнаго рода дѣлами. Да и то нужно сказать, *что малороссы съ великороссомъ не уживутся. Нѣтъ, если теперь водворился тамъ хоть какой нибудь миръ, то пусть ужъ онъ и пребываетъ, если теперь улеглись тамъ треволненія, то и поднимать ихъ ужъ не нужно*. Таковъ нашъ взглядъ на занимающій васъ предметъ относительно перемѣны нынѣшняго настоятеля Ильинскаго скита. Таково наше мнѣніе о семъ предметѣ. Знаемъ и понимаемъ и мы очень хорошо, что дѣло это дѣйствительно требуетъ измѣненія въ своемъ составѣ. Но опасно приступить къ этому измѣненію, ибо вмѣсто простаго измѣненія пожалуй все перепутаемъ, переломаемъ и сокрушимъ. Вотъ что!“ [1]).

Это правдивое и откровенное письмо старцевъ Пантелеимоновскаго монастыря весьма не понравилось М. Р. Гладкову, который прямо назвалъ его „непріятнымъ“. Не обращая никакого вниманія на вполнѣ резонные доводы старцевъ и не желая успокоиться на ихъ благоразумномъ совѣтѣ, но вмѣсто этого проникнутый страстнымъ желаніемъ заставить старцевъ дѣйствовать согласно съ его планами и желаніями, г. Гладковъ позволилъ себѣ написать старцамъ Руссика довольно рѣзкое и исполненное угрозъ письмо. „Если судьба столкнула меня, писалъ онъ старцамъ въ отвѣтъ на предыдущее письмо, быть участникомъ при св. Ильинской обители

---

[1]) *Письмо* старцевъ къ Гладкову отъ 22 сентября 1873 г.

около 14 лѣтъ трудиться, то *я не оставлю*, чтобы люди, не имѣвшіе вовсе понятія,—что значитъ монахъ безъ вѣры христіанской, разными мошенническими средствами и подкупомъ монастырскими деньгами сдѣлались ради своего діавольскаго честолюбія властителями и разорителями скита,—*я допустить не могу* и прошу васъ, такъ какъ *вы на св. Аѳонской горѣ считаетесь первымъ русскимъ монастыремъ и имѣете вліяніе на другіе монастыри*, то потому вы можете и даже должны взять на себя трудъ по долгу христіанства и спасти св. церковь отъ раззоренія. *Въ противномъ случаѣ я вынужденъ буду русскому правительству и св. Синоду описать всѣ дрязги и все что дѣлается съ пожертвованіями бѣдныхъ вдовъ и сиротъ, которыя посылаютъ изъ Россіи на Аѳонъ, и вынужденъ буду тотъ письменный сборъ денегъ раскрыть, какой дѣлаютъ аѳонскіе монахи въ Россіи и выйдетъ тогда плохо для всѣхъ*“ [1]).

На эти весьма рѣзкія слова и даже угрозы оскорбленнаго, но безсильнаго самолюбія отцы Макарій и Іеронимъ отвѣчаютъ пространно и въ примирительномъ тонѣ съ подробнымъ объясненіемъ, почему они не вмѣшиваются въ дѣла Ильинскаго скита. „Мы, пишутъ старцы, опять повторяемъ тоже, что начинать въ настоящее время что либо противъ установившагося какого ни на есть порядка въ ильинскомъ скиту теперь несвоевременно. Вамъ вѣдь извѣстно, что здѣсь на св. Горѣ каждый изъ монастырей настолько пользуется самостоятельностію, что вмѣшательство во внутреннія распоряженія и управленіе какого-нибудь другаго монастыря и даже самого Протота не мыслимо и не допускается на практикѣ. Слѣдовательно, участіе въ этомъ дѣлѣ нашимъ вліяніемъ на скитъ не принесетъ никакихъ результатовъ. Ильинскій скитъ состоитъ въ вѣдѣніи монастыря Пандократора, на который мы вліять рѣшительно не можемъ, по извѣстному нерасположенію грековъ къ русскимъ вообще, а въ частности потому, что они не станутъ дѣйствовать по чьимъ либо указаніямъ. Кромѣ того, сохраненіе настоящаго порядка вещей

---

[1]) Письмо отъ 27 октября 1873 года.

для Пандократора желательно уже потому одному, что вы упоминаете въ письмѣ вашемъ, т. е. что въ этомъ ихъ вещественный интересъ. Изъ этого слѣдуетъ, что какъ только узнаютъ о. Андрей и братія, его приверженцы, о нашихъ стараніяхъ въ смыслѣ перемѣны у нихъ игумена, то непремѣнно обратятся къ своему монастырю, т. е. въ Пандократоръ и засвидѣтельствуютъ своими подписями, что какъ игуменъ братіею, такъ и братія имъ довольны (они уже это сдѣлали). Безъ сомнѣнія, монастырь представитъ это обоюдное засвидѣтельствованіе въ Протатъ и тогда съ этой главной стороны они будутъ обезпечены, а всякое подобное начинаніе непремѣнно пронесутъ они по Аѳону, какъ коварные происки Руссика и о. Иннокентія. Нѣтъ, боголюбивѣйшій Михаилъ Романовичъ, не потому мы не хотимъ принимать въ этомъ дѣлѣ дѣятельнаго участія, что безучастно взираемъ на бѣдственное положеніе скита, или равнодушно относимся къ его начальственнымъ безпорядкамъ и жалкимъ смущеніямъ, нѣтъ, но опытное сознаніе настоящаго положенія здѣшнихъ дѣлъ заставляетъ насъ такъ поступать, при всемъ нашемъ душевномъ сочувствіи вашимъ благимъ намѣреніямъ и ревности о славѣ Божіей, Его св. церкви и св. обители, для которой вы столько потрудились. Повторяемъ, что мы душевно во всемъ этомъ вамъ сочувствуемъ и сожалѣемъ съ прискорбіемъ, что благія намѣренія ваши касательно перемѣны игумена не могутъ быть приведены теперь въ исполненіе. Въ духовное утѣшеніе ваше скажемъ, что Господь изрекшій, что и за поданную чашу воды будетъ дарована мзда, тѣмъ болѣе не презритъ вашихъ усердныхъ четырнадцатилѣтнихъ трудовъ на пользу св. обители и во славу Его св. имени, разумѣется, награда не вещественная, а духовная соблюдается вамъ на небесахъ“.

„Касательно же заявленія вашего правительству аѳонскихъ письменныхъ сношеній вы хорошо знаете, что и св. Сѵноду и правительству извѣстно о нашихъ письменныхъ сношеніяхъ съ родными и благодѣтелями нашими, а также и то, что единственный способъ существованія и выполненіе жизненныхъ потребностей аѳонскимъ обитателямъ есть боголюбезные дары Россіи. Всякій человѣкъ и менѣе васъ обла-

дающій нравственными силами можетъ легко нанести искушеніе, но что же затѣмъ? Сдѣланное добро похваляется всѣми. Если скитскіе отцы сдѣлали не хорошо, то чѣмъ же причиною другія сотни людей, могущихъ потерпѣть непріятность и потому скорбѣть и лишиться насущнаго хлѣба? Аще благоугодно вамъ, пріимите нашъ совѣтъ такой, что вамъ необходимо ближе ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ нашихъ дѣлъ, а для сего, если Господь восхощетъ и живы будемъ, вамъ нужно прибыть сюда. Итакъ, съ Божіею помощію, проведши зиму, послѣ Пасхи или къ Пасхѣ пожалуйте къ намъ на св. Гору. Разумѣется, при этомъ вы заручитесь чѣмъ либо отъ нашего посольства въ Константинополѣ и тогда, можетъ быть, что либо и можно будетъ устроить. Не отрицаемъ, что всѣ приверженцы покойнаго старца съ радостію согласятся на перемѣну, но, если поступить безвременно, то вся тягость и отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ падетъ на нихъ, а они уже и такъ перенесли много скорбей, а пущенный слухъ и разговоръ о перемѣнѣ о. Андрея много уже надѣлали имъ вновь скорбей, о коихъ, вѣроятно, уже сообщилъ вамъ о. Иннокентій. Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что съ мнѣніемъ нашимъ вполнѣ согласенъ и о. Иннокентій. Кромѣ того, малѣйшая попытка къ поколебанію установившагося покоя скита отзовется неблагопріятно и на вещественномъ его достояніи, ибо со стороны о. Андрея и прочихъ это будетъ признано какъ бы покушеніемъ на ихъ власть, и они станутъ ее защищать и отстаивать, разумѣется, платя за поддержку оной кому слѣдуетъ“ [1]).

Ублажая всячески задѣтаго за живое сильнаго эпитропа, готоваго ради своего самолюбія не пощадить и всю Аѳонскую гору, доказывая ему безполез ность и несвоевременность всякихъ перемѣнъ въ ильинскомъ скиту, въ виду установившагося въ немъ обычнаго теченія монашеской жизни, старцы Руссика не забывали и о томъ человѣкѣ, который болѣе прочихъ и совершенно незаслуженно пострадалъ и никакъ не могъ теперь примириться съ установившимся порядкомъ жизни въ немъ. Цѣня заслуги о. Иннокентія для ильинскаго

[1]) Письмо отъ 15 декабря 1873 г.

скита и хорошо понимая, что пока не будетъ ублаготворенъ и успокоенъ этотъ человѣкъ, за прочность нынѣшняго порядка и за спокойствіе въ скиту нельзя поручиться, о. Іеронимъ, при первомъ удобномъ случаѣ, черезъ одного монаха скита далъ совѣтъ о. Андрею примириться съ о. Иннокентіемъ и, если то возможно, то возвратить ему то положеніе въ скиту, какое онъ съ честію занималъ цѣлыхъ 21 годъ. О. Андрей съ любовію принялъ совѣтъ мудраго старца и поспѣшилъ его же самого поставить судіею тѣхъ недоразумѣній, какія произошли въ скиту между о. Иннокентіемъ и имъ. „Отеческая ваша и любоисполненная попечительность, писалъ о. Андрей къ о. Іерониму, благоволитъ оказывать въ нашей неопытности предосторожность, а тѣмъ болѣе ограничить въ обители миръ и согласіе, съ тѣмъ чтобы поставить въ первобытную должность о. Иннокентія и проч. и тѣмъ намъ сохранить единеніе духа въ союзѣ мира, но мы съ покорностію просимъ вашего благоволенія принять ваши мѣры на разсмотрѣніе и оцѣнить ихъ вѣрность къ св. обители *посредствомъ сихъ переписокъ, премудрости исполненныхъ* [1]); а къ тому и причины удаленія ихъ отъ должности не отъ меня одного, но отъ общаго согласія всего братства, не соизволяя его ни къ какой должности по причинѣ противности его и по общему распоряженію. За то предлагаемъ оныя переписки вашему духовному разсужденію—принять оный благословный трудъ и дать намъ совѣтъ по вашему отеческому разсмотрѣнію, и мы будемъ ожидать со всепокорною преданностію вашему высокопреподобію вашего отвѣта, принимая на себя долгъ послушанія, если онъ послужитъ равно всему согласію братства, принять старческое благоволеніе съ цѣлованіемъ“ [2]).

На этотъ вызовъ отцовъ ильинскаго скита о. Іеронимъ незамедлилъ дать отвѣтъ, въ которомъ обстоятельно и откро-

---

[1]) Здѣсь о. Андрей разумѣетъ секретную переписку о. Иннокентія, захваченную у послѣдняго въ келліи. Эту переписку въ копіяхъ о. Андрей отправилъ при этомъ письмѣ на просмотръ о. Іеронима. Она состояла изъ 8 писемъ о. Иннокентія, 5 писемъ Гладкова и одного письма о. Макарія.

[2]) *Письмо о Андрея* къ о. Іерониму отъ 7 Декабря 1873 г.

венно высказалъ свой взглядъ на происшедшія событія и на личность о. Иннокентія. „Случайно мы, писалъ о. Іеронимъ, завлеченные въ дѣла вашего скита, *много и незаслуженно пострадали* и за то собственно, что мы истинно желали добра скиту св. пророка Иліи и всѣми силами еще сейчасъ по смерти старца желали вамъ мира и любви съ о. Иннокентіемъ. И кто вѣсть? Быть можетъ, по услышаніи вами нашего совѣта, вы бы примирились съ о. Иннокентіемъ и тогда же бы могъ утвердиться порядокъ, котораго *вы достигли чрезъ ужасныя скорби и душевныя потрясенія*. Но Господу видно угодно было, чтобы вы прошли чрезъ горнило скорбей. Справедливо, что переписка о. Иннокентія для васъ должна казаться неправильною и тяжелою, но поставьте себя на точку о. Иннокентія. Я не хочу защищать его (скорѣе я могъ бы пользоваться временемъ, почеловѣчески судя, отплатить о. Иннокентію за нѣкоторыя противодѣйствія обители во время нѣкоторое), но, по совѣсти моей, скажу вамъ: не должно вамъ и всей обители вашей забывать дѣятельности и двадцатишестилѣтнихъ трудовъ о. Иннокентія для пользы скита. Возьмите его нравственную сторону: *вѣдь одно слово его согласія могло поставить его іеромонахомъ, игуменомъ обители вашей еще при старцѣ, ибо этого желали старецъ, монастырь и архимандритъ Климентъ*, но онъ устоялъ противъ этого, сознавая себя недостойнымъ. Слѣдовательно, нужно оцѣнить достоинство человѣка. Теперь же вѣдь онъ желаетъ участвовать въ трудахъ вашихъ, какъ при покойномъ старцѣ. Скажу откровенно, *при его благоразуміи и смѣтливости*, вы многое найдете для скита полезнаго и, конечно, состоя въ вашемъ къ нему довѣріи и расположеніи, онъ никогда не захотѣлъ бы вести своихъ переписокъ. Какъ человѣкъ, онъ чувствуетъ себя *оскорбленнымъ, обиженнымъ и презрѣннымъ*, а послѣднее, по немощи человѣческой, и заставило вести оную. Это-то меня и заставило сказать вашему монаху о успокоеніи о. Иннокентія, чтобы таковымъ поступкомъ вамъ самимъ и всему обществу быть спокойнымъ или, какъ видно изъ копіи писемъ, что онъ желаетъ имѣть для успокоенія своего келлію внѣ оби-

тели [1]), дайте ему—*лишь бы не нарушался ваш порядокъ*. Что же касается до письма о. Макарія, то успокойтесь: письма наши къ Гладкову есть ничто болѣе, какъ прошеніе, *чтобы не разрушился заведенный теперь порядокъ* и прошеніе продолженія оного. Самъ о. Иннокентій свидѣтельствуетъ въ одномъ изъ писемъ къ Гладкову, что мы болѣе не взойдемъ въ дѣла вашего скита, да по истинѣ мы не находимъ времени свои дѣла производить какъ слѣдуетъ, а не только о постороннихъ толковать. Подтверждаемъ и вамъ, если я выразился нѣсколько въ пользу о. Иннокентія, то это болѣе ничего, какъ желаніе вожделѣннаго мира въ обители вашей, о чемъ просимъ и молимъ Господа и Пречистую Его Матерь" [2]).

Окончательное примиреніе о. Андрея съ о. Иннокентіемъ, однако, не состоялось, и о. Иннокентій не былъ возстановленъ въ своей должности, какъ совѣтывали о. Андрею старцы русскаго Пантелеимоновскаго монастыря. Это обстоятельство заставило о. Иннокентія выѣхать изъ скита св. пророка Иліи и отправиться въ Россію, гдѣ онъ въ Кіевѣ и скончался въ 1878 году. Недолго, впрочемъ, усидѣлъ „на шаткомъ тронѣ" дикея русскаго ильинскаго скита и самъ о. Андрей, уступивъ его чрезъ семь лѣтъ своего неспокойнаго правленія [3]),

---

[1]) Это желаніе построить особую келлію о. Иннокентій высказалъ въ письмѣ отъ 3 іюля 1873 г. къ о. Филарету, у котораго для этой надобности онъ просилъ 800 рубл. серебр.

[2]) Письмо это намъ извѣстно въ черновикѣ и безъ точной даты его отправки по назначенію.

[3]) Въ правленіе сего о. Андрея совершилось въ Ильинскомъ скиту чудо, заактированное собственноручными подписями настоятеля и важнѣйшихъ старцевъ ея, свидѣтелей чудеснаго явленія. Актъ этотъ, нигдѣ доселѣ не напечатанный, надписывается такъ: «Сказаніе о знаменіи, явленномъ отъ иконы Божіей Матери Тихвинскія, находящейся въ русскомъ общежительномъ Ильинскомъ скитѣ на Аѳонской горѣ, коей мѣра и подобіе съ чудотворной иконы въ Тихвинской обители» и дословно гласитъ слѣдующее:

«1877 года, февраля 17 дня, въ четвертокъ на второй недѣлѣ святыя четыредесятницы, послѣ отправленныхъ часовъ въ соборной церкви во имя св. пророка Иліи, въ третьемъ часу дня (по европейски 8 часовъ утра), увидѣли мы нижеподписавшіеся семь человѣкъ на иконѣ Божіей Матери Тихвинской, находящейся въ кивотѣ, за престоломъ въ алтарѣ сея соборн. *церкве, ясный мокрый слѣдъ* слезъ, пролитыхъ изъ праваго глаза Божіей *Матери чрезъ всю икону* внизъ и кои всѣ остановились на рамѣ иконы, а

преемнику своему о. Товіи, избранному въ настоятели 8 сентября 1879 года. О. Андрей, отказавшись отъ настоятельства, совершенно вышелъ изъ состава братіи скита и удалился на безмолвіе въ одну изъ пустынныхъ келлій, гдѣ благополучно здравствуетъ и доселѣ.

На мѣстѣ небольшой келліи или „серая“ (дворца) патріарха константинопольскаго, извѣстнаго у насъ въ Россіи подъ именемъ Аѳанасія Лубенскаго или сидящаго, на землѣ ватопедскаго монастыря, основался въ 1849 году русскій андреевскій скитъ, извѣстный на Аѳонѣ болѣе подъ прежн-

---

на лѣвомъ глазѣ стояла одна большая капля слезы, которая минутъ черезъ 10 при насъ скатилась на полвершка внизъ. И мы въ это время сіи слезы вытерли ватою начисто и самую икону вынимали изъ кивота для осмотрѣнія ея съ обѣихъ сторонъ, и она оказалась совершенно сухою, а послѣ поставили оную на свое мѣсто и, всѣ вышедши, заперли церковь съ тѣмъ, чтобы туда никто не входилъ. Послѣ же черезъ три часа, въ половинѣ седьмаго, какъ только перетокали (окончили удары въ деревянное ручное било деревяннымъ молоткомъ) на вечернѣ, мы вошли въ церковь и вновь увидѣли на сей иконѣ не совсѣмъ ясные засохшіе отъ времени слѣды слезъ, пролитыхъ изъ обоихъ очей Божіей Матери изъ праваго глаза чрезъ всю икону внизъ, кои остановились въ значительно замѣтной мокротѣ на правой ланитѣ, груди и внизу на рамѣ, а изъ лѣваго глаза по иконѣ внизъ и кои всѣ остановились на правой благословляющей ручкѣ предвѣчнаго младенца Спасителя, а ниже ручки не пошло по иконѣ ни одной капли, тогда какъ вся ручка была замочена слезами, подобно какъ бы въ ту минуту значительно облита водою. И на сей ручкѣ слезы стояли, какъ мы смотрѣли, болѣе часа, что было достойно удивленія. И въ тоже время мы увидѣли на лѣвомъ глазѣ одну большую каплю слезы, которая чрезъ четверть часа при насъ скатилась по иконѣ внизъ вершка на три. Но во все это время на обѣихъ глазахъ была отъ слезъ очень замѣтная мокрота. По видѣніи семъ, мы опять всѣ эти слезы вытерли, и послѣ того уже слезъ отъ иконы не видѣли. Въ истинномъ показаніи всего этого и свидѣтельствуемъ собственноручною подписью и приложеніемъ нашей Ильинской обители печати. 21 февраля 1877 года.

Подлинное подписали:
Русскаго общежительнаго скита св. пророка Иліи,
Настоятель, Іеросхимонахъ *Андрей*.
Іеромонахъ *Паисій*.
Іеросхимонахъ *Каллистъ*.
М. П. Іеромонахъ *Ливерій*.
Іеродіаконъ *Ѳеоктистъ*.
Монахъ *Мануилъ*.
Монахъ Герасимъ.

нимъ именемъ „Серая“ [1]). Стараніями и трудами приснопамятныхъ своихъ ктиторовъ оо. Виссаріона и Варсонофія, а главнымъ образомъ покойнаго архимандрита о. Ѳеодорита скитъ этотъ былъ приведенъ въ цвѣтущее состояніе и полное благоустройство. Мудрою предусмотрительностію послѣдняго скитъ св. апостола Андрея обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи на столько, что его существованіе съ братіею около 200 человѣкъ стоитъ нынѣ внѣ всякихъ случайностей, благодаря собранному трудами архимандрита Ѳеодорита и положенному въ банкъ „на вѣчныя времена“ капиталу съ правомъ пользованія процентами съ него на содержаніе скита. За свою многолѣтнюю полезную дѣятельность [2]), природный умъ и въ высшей степени симпатичный мягкій характеръ о. Ѳеодоритъ пользовался уваженіемъ и всеобщею любовію на Аѳонѣ; цѣнилъ и уважалъ его вселенскій патріархъ Аѳоимъ, въ видѣ исключенія, возведшій русскій андреевскій скитъ на степень *ставропигіальнаго* или патріаршаго и утвердившій его лично въ званіи архимандрита, которое ему даровано было киріархическимъ (начальственнымъ) ватопедскимъ монастыремъ незадолго предъ тѣмъ особою грамматою. Для полнаго благополучія скита не доставало, по мнѣнію о. Ѳеодорита и его ближайшихъ совѣтниковъ и сотрудниковъ, полнаго единодушія и мира среди братіи, нарушаемыхъ нѣкоторыми изъ представительныхъ старцевъ въ скиту, не мирившихся съ установившимися въ скиту порядками и выдающимся положеніемъ нѣкоторыхъ близкихъ къ настоятелю лицъ. Къ глубокому прискорбію, благодушный о. Ѳеодоритъ, не безъ влія-

---

[1]) Обстоятельныя свѣдѣнія о скитѣ можно почерпнуть изъ слѣдующихъ брошюръ: «Серай, новый русскій скитъ св. апостола Андрея Первозваннаго на Аѳонѣ» Спб. 1858 г.; «Общежительный русскій скитъ св. ап. Андрея Первозваннаго» Одесса 1875; «Происхожденіе и основаніе общежительнаго скита во имя св. ап. Андрея Первозваннаго на св. Горѣ Аѳонской». Одесса. 1885 и «Краткой историч. очеркъ русскаго на Аѳонѣ Свято-Андреевскаго общежительнаго скита съ приложеніемъ повѣствованія о чудесахъ отъ принадлежащей сему скиту иконы Божіей Матери «въ скорбѣхъ и печалѣхъ утѣшеніе». Одесса. 1890.

[2]) Многосторонняя и плодотворная дѣятельность о. Ѳеодорита подробно *описана въ «Краткомъ* истор. очеркѣ русск. на Аѳонѣ Свято-Андр. скита» *стр. 18—24.*

нія этихъ своихъ приближенныхъ, избралъ мѣру для достиженія своего желанія неудобную и даже суровую. Удаленіе изъ скита недовольныхъ лицъ, къ чему присудила великая церковь протестантовъ, показалось для всѣхъ мѣрою весьма тяжелою и подало поводъ къ волненіямъ въ средѣ скитской братіи. Враждебные элементы въ скиту воспользовались этими волненіями и направили всѣ усилія, чтобы вырвать власть изъ рукъ о. Θеодорита и удалить изъ скита его ближайшихъ совѣтниковъ. Былъ затребованъ отъ о. Θеодорита немедленно полный отчетъ въ расходахъ монастырскихъ суммъ; такъ какъ обнаружился якобы недочетъ въ нихъ на 790 турецкихъ лиръ, о. Θеодоритъ выведенъ изъ игуменской келліи, отобраны отъ него всѣ ключи и предложено ему „отказаться отъ игуменства“. У келліи о. Θеодорита, „стояла“ и денно и нощно стража, которая препятствовала ему сдѣлать „и одинъ шагъ за порту (за ворота скита) и ни съ кѣмъ имѣть свиданія или писать куда либо“. Въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, постигшихъ о. Θеодорита неожиданно, онъ рѣшительно растерялся и незналъ, что предпринять ему, чтобы успокоить взволнованную братію и водворить къ скиту хотя бы и прежній порядокъ. Поэтому, жалуясь откровенно въ своихъ письмахъ къ о. Макарію на тяжелое свое положеніе въ скиту въ это время и называя себя не безъ горькой ироніи „игуменомъ на покоѣ безъ покоя“, о. Θеодоритъ на оффиціальный вопросъ въ кинотѣ: „дѣйствительно ли онъ стѣсненъ, ограниченъ и не имѣетъ свободы выходить изъ скита или поѣхать куда онъ хочетъ“? далъ весьма уклончивый отвѣтъ: „прежде дѣйствительно порта скита была заперта, по желанію всего братства, а потому не одинъ я былъ ограниченъ, но и вся братія. Но внутри скита мы, говорилъ о. Θеодоритъ, были свободны, ходили въ церковь, въ трапезу и прочее. Между прочимъ, у насъ стража была, но это для того только, чтобъ вслѣдствіе какого нибудь недоразумѣнія въ разговорахъ между собою не вышло раздраженія и неурядицы. Но — жалобъ я никакихъ не имѣю на братство“. Этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ ни каймакама, въ присутствіи котораго допрашивался о. Θеодоритъ, ни членовъ протата, ни тѣмъ болѣе ближайшихъ лицъ, расположенныхъ

къ нему и страдающихъ теперь вмѣстѣ съ нимъ. Изъ послѣднихъ нѣкоторые пытались даже измѣнить эту форму отвѣта о. Ѳеодорита, но, кажется, безуспѣшно. Русскій антипросопъ о. Нафанаилъ, донося отъ 24 марта 1878 г. о. Макарію о странномъ поведеніи на допросѣ о. Ѳеодорита, въ объясненіе прибавляетъ, что у него „отъ многоденнаго смущенія и неудовольствія *органы чувствительные ослабли очень*“. Но странность этого поведенія вѣрнѣе всего нужно объяснить именно тѣмъ, что испуганный оборотомъ, какой принялъ ходъ событій въ скиту, о. Ѳеодоритъ теперь боялся, чтобы своими жалобами не усложнить дѣла и не раздражить недовольныхъ противъ себя еще болѣе. Здѣсь же въ этомъ миролюбіи о. Ѳеодорита и въ глубокой скорби о безпорядкахъ внутри любимой и его трудами и заботами устроенной обители нужно искать причинъ для объясненія и другихъ болѣе важныхъ его поступковъ. Такъ, когда „общимъ братскимъ желаніемъ и согласіемъ“ 6 апрѣля 1878 года былъ избранъ, вопреки желанію ватопедскаго монастыря, іеромонахъ о. Антоній, въ дикеи скита, то о. Ѳеодоритъ, какъ писали серайскіе эпитропы о. Макарію, не только „избраніемъ его на сію высокую степень остался *весьма доволенъ*“ но и „первый утвердилъ свое согласіе на это своеручнымъ подписомъ къ составленному братствомъ акту по сему предмету“. Въ письмѣ отъ 17 апрѣля 1878 по поводу праздника Пасхи за подписью своего и новоизбраннаго настоятеля о. Ѳеодоритъ „не излишнимъ считаетъ братски освѣдомить, что онъ должность игуменскую и управленіе обителію, по слабости здоровья своего, *произвольно* передалъ своему ученику іеромонаху Антонію и самъ остается въ обители *на покоѣ* и будетъ заниматься исключительно однимъ только духовнымъ руководствомъ братіи т. е. быть духовнымъ отцемъ“.

Въ дѣйствительности же положеніе о. Ѳеодорита въ своей обители было невыносимо тяжелое, изъ котораго онъ рѣшительно не зналъ какъ выйти. Единственная надежда у него

---

[1]) Изъ донесенія антипросопа о. Нафанаила къ о. Макарію отъ 28 марта 1878 г.

была на старцевъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря о. Макарія и о. Іеронима и къ нимъ то обратился онъ за помощію. „Вашихъ три строки и одно слово Николаю Павловичу Игнатьеву и я воскресъ, останусь на своемъ мѣстѣ, св. обитель сохранена и вся братія успокоится", просилъ старцевъ въ своихъ интимныхъ письмахъ о. Ѳеодоритъ. „О, честнѣйшіе отцы! Слезно умоляю васъ въ такую годину испытаній помозите и защитите, какъ обитель, такъ и мои заслуги совѣтами и ходатайствомъ у общаго нашего благодѣтеля Н. П. Игнатьева. Ваше слово и его—и я спасенъ". И отцы русскаго Пантелеимоновскаго монастыря, цѣня высокія качества ума и сердца о. Ѳеодорита и его заслуги для скита, глубоко скорбѣли о происходящихъ въ скиту безпорядкахъ и старались всячески выражать несчастному страдальцу свои симпатіи. Они не прекращали поминать о. Ѳеодорита съ братіею на всѣхъ церковныхъ службахъ, въ день его ангела 10 марта чрезъ архикунакчея (т. е. завѣдующаго домомъ русскаго антипросопа на Карей) о. Савву прислали просфору и письменное привѣтствіе со днемъ тезоименитства, оффиціально черезъ своего антипросопа выразили свое соболѣзнованіе по поводу прискорбныхъ событій въ скиту, пересылали его корреспонденціи, снабжали нужными деньгами, по его просьбѣ, указанныхъ имъ лицъ, вообще оказывали всякаго рода услуги и одолженія, а въ концѣ концовъ, когда не предвидѣли другаго исхода изъ разъигравшихся событій, давали ему совѣтъ добровольно сложить съ себя игуменскія полномочія, къ чему склонялся и самъ о. Ѳеодоритъ. „Посовѣтовать вамъ, писали руссиковскіе старцы, что мы предполагали, то благодать Божія просвѣтила Ваше отеческое сердце—вы уже сотворили въ день воскресенія и благо вамъ. Воскресшій да устроитъ вся, еже на пользу вамъ и благоустроенному скиту Вашему и братіи. Изъ сего видно будетъ всѣмъ, что *вы отецъ своихъ чадъ, блюститель порядка и хранитель мѣста, столькими трудами пріобрѣтеннаго и поставленнаго предъ лицемъ всего міра. Это единственное средство спасетъ скитъ отъ разрушенія—ваше добровольное оставленіе управленія онымъ и всепрощеніе братству смущенія.* Время и обстоятельства укажутъ неопытнымъ ихъ ошибку. Но на это нужно много смиренно-

мудрія, терпѣнія. А какъ попущено испытаніе отъ воли промысла Божія, то это для пользы духовной. А какъ вы просвѣщены благодатію и сдѣлали истинное евангельское самоотверженіе, которое (не только) всѣ духовные люди похвалятъ, но и чада ваши духовныя со временемъ всѣ оцѣнятъ вашъ примѣрный поступокъ, ибо все сдѣлано вами изъ пользы ближнему, т. е. своимъ чадамъ, которыя не замедлятъ раскаяться, а *мы остаемся сочувствующіе и молящіеся* о благоустроеніи вашей св. обители и о дарованіи вамъ благодушія".

О. Θеодоритъ, высоко цѣнимый своимъ киріархическимъ монастыремъ (κυρίαρχος μονή) за указанныя выше достоинства ума и сердца, съ самого начала произшедшихъ въ андреевскомъ скиту безпорядковъ нашелъ сильную для себя поддержку и защиту въ монастырѣ. Ватопедскій монастырь черезъ своего антипросопа всѣ усилія направлялъ къ тому, чтобы учинить „симвивазмъ" (συμβιβασμός) т. е. полюбовное соглашеніе о. Θеодорита съ братіею скита и оставить его на своемъ мѣстѣ. Въ этихъ видахъ отцы Ватопедскаго монастыря не дали своего согласія на избраніе новаго настоятеля въ скиту, говоря недовольнымъ: „Невозможно вамъ и намъ перемѣнить сего игумена. Мы его поставили. *Онъ васъ почти всѣхъ собралъ и устроилъ скитъ*, какъ вы и видите, то мы не можемъ поступить съ нимъ худо послѣ такихъ трудовъ. И впредь мы надѣемся, что *онъ не разоритъ скитъ*, но другому ввѣрять опасно". Поэтому, когда вселенскій патріархъ своею грамматою отъ 2 января 1879 г. потребовалъ, чтобы о. Θеодоритъ былъ по прежнему игуменъ скита и пригласилъ посодѣйствовать ему въ этомъ монастыри Ватопедскій и русскій Пантелеимоновскій, то киріархическій монастырь сталъ дѣйствовать съ большею смѣлостію и рѣшительностію. Чтобы ускорить примиреніе о. Θеодорита съ провинившеюся предъ нимъ братіею и чуждавшеюся теперь примиренія съ нимъ изъ боязни за дурныя послѣдствія въ будущемъ, данъ былъ совѣтъ о. Θеодориту, чтобы онъ „особымъ актомъ примиренія" успокоилъ „немощствующихъ". Благостный и миролюбивый старецъ не замедлилъ послѣдовать доброму совѣту своихъ благожелателей и немедленно издалъ разрѣшительную

граммату для всей братіи, писанную своею собственною рукою. Эта полная отеческой любви, иноческаго смиренія и всепрощающаго снисхожденія къ слабостямъ человѣческимъ граммата гласитъ такъ:

„Во славу Пресвятыя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа я, старецъ русскаго на Аѳонѣ святаго апостола Андрея Первозваннаго скита архимандритъ Ѳеодоритъ, при помощи Божіей и общихъ молитвъ и желаній, дѣлаю сей актъ примиренія съ моими отцами и братіями и о Христѣ духовными моими чадами въ томъ, что Божіимъ попущеніемъ сдѣлавшееся въ нашемъ скиту искушеніе и разстройство причинило старчеству и общежитію нашему большой вредъ внутренній и внѣшній, духовный и вещественный. И хотя причина этому искушенію вначалѣ скоро была уничтожена, но послѣдствія разстройства братіи, къ сожалѣнію, приняли большіе размѣры и доселѣ продолжаются, не находя исхода изъ своего разстроеннаго положенія и тѣмъ дѣлаютъ препятствіе душевному спасенію, требующему спокойствія въ духовной жизни особенно въ общежитіи. Продолжающееся смущеніе также много вредитъ и внѣшнему вещественному благосостоянію скита, зависящему отъ благоустроенія общежитія нашего. Тяжелый опытъ *годоваго смущенія* и неустройства нашего скита многихъ изъ братій отяготили до того, что они, не предвидя добраго исхода изъ настоящаго разстроеннаго положенія, начали изъявлять свои желанія возвратиться къ совершенному порядку общежитія, основанному Богомъ на повиновеніи старчеству. *Но только нѣкоторымъ препятствуетъ это сдѣлать одно сомнѣніе въ моемъ всепрощеніи: что будто бы я, по принятіи начальства, буду имъ мстить и выгонять или вытѣснять ихъ изъ обители, то для уничтоженія этого сомнѣнія, въ увѣреніе въ моемъ старческомъ всепрощеніи, они изъявили желаніе впредь получить отъ меня примирительный актъ за должнымъ утвержденіемъ, какъ и гдѣ слѣдуетъ.* Таковое желаніе отцовъ и братій и о Господѣ чадъ моихъ духовныхъ я принимаю, какъ спасительное средство, указанное намъ Самимъ Богомъ для боголюбезнаго умиротворенія нашего. Хотя въ періодъ этого искушенія и неоднократно *для пользы* моего общества пренебрегалъ мое само-

любіе и дѣлалъ самоотверженіе, а теперь для возобновленія и утвержденія общей любви и спасительнаго между нами мира, тѣмъ болѣе я долженъ попрать мое самолюбіе и сдѣлать самоотверженіе святымъ обѣщаніемъ на желаемой братіею бумагѣ Богомъ внушеннаго примирительнаго акта. Итакъ, отцы и братія мои, согласно желанію вашему, внушенному вамъ отъ Бога, въ увѣреніе я даю вамъ сію бумагу за подписомъ и общимъ утвержденіемъ, и торжественно даю мое старческое обѣщаніе во всепрощеніи, основанномъ на евангельскихъ словахъ Самого Господа нашего Іисуса Христа, изрекшаго намъ: „Аще вы отпущаете отъ сердецъ вашихъ согрѣшенія братіямъ вашимъ и Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ согрѣшенія ваша. Аще же вы не отпустите отъ сердецъ вашихъ согрѣшенія братіямъ вашимъ и Отецъ вашъ небесный не отпуститъ вамъ согрѣшенія ваша“. Потому и я во имя Божіе всѣмъ отцамъ и братіямъ, принимавшимъ участіе въ бывшемъ смущеніи, торжественно обѣщаюсь предать оное совершенному забвенію и всѣхъ въ ономъ (участвовавшихъ) отъ сердца моего прощаю и разрѣшаю, и забываю, и обѣщаюсь никому за оное не мстить никоимъ образомъ: ни тайно, ни явно, ни стороною, ниже словомъ и никакимъ образомъ не вытѣснять, не высылать изъ скита никого. Итакъ, предъ лицемъ Божіимъ и во имя Его я даю вамъ, отцы мои и братія, мое старческое всепрощеніе всѣмъ погрѣшностямъ вашимъ, сдѣланнымъ вами противъ меня, во время бывшаго смущенія. Желаю и молюсь, да даруетъ вамъ оное всепрощеніе и Самъ Господь. При помощи Его, потщитесь возвратиться ко боголюбезному благоустроенію совершеннаго общежитія, да по слову св. Писанія, „прославимъ Бога и въ душахъ и въ тѣлесахъ нашихъ, яже суть Божія“. При этомъ я и васъ, отцы и братія мои, приглашаю къ тому же, и вы съ своей стороны дайте мнѣ предъ Богомъ ваше обѣщаніе, чтобы болѣе не сѣтовать на меня за мою *нечаянную ошибку*, которая подала причину къ смущенію. Предайте ее забвенію, да послужитъ она къ духовному опыту въ предбудущее время, по слову св. Писанія, что „любящимъ Бога вся поспѣшествуетъ во благое“. И такъ, Богъ мира да умиротво-

ритъ всѣхъ насъ во славу свою, молитвъ ради Пресвятыя Богородицы и всѣхъ святыхъ. Аминь".

Братіи русскаго андреевскаго скита, утоленной годичными смутами и неурядицами, послѣ полученія отъ бывшаго своего любимаго настоятеля акта всепрощенія, ничего не оставалось дѣлать, какъ немедленно же съ повинною обратиться къ Ватопедскому монастырю и искать у него прощенія и возстановленія въ скиту прежняго порядка вещей. „Мы нижеподписавшееся братство русскаго общежительнаго св. апостола Андрея Ватопедскаго скита „Серая", писали 12 января 1879 года отцы скита, настоящею нашею бумагою заявляемъ священному и честнѣйшему киріархическому нашему монастырю, что такъ какъ, благодатію Божіею, прекратилось произшедшее между нами и почтеннымъ нашимъ дикеемъ, архимандритомъ господиномъ Θеодоритомъ извѣстное обители несогласіе, возстановилось же полное между нами примиреніе, то, по общему мнѣнію и согласію, рѣшили и согласились, дабы высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ господинъ Θеодоритъ *былъ по прежнему дикеемъ священнаго нашего скита, но вспомоществуемый въ хозяйственномъ управленіи онымъ составленною для сего четырехчленною экономическою эпитропіею и совѣтовался бы съ избраннѣйшими отцами*, что и его высокопреподобіе о. Θеодоритъ принимаетъ. А преподобнѣйшіе отцы іеромонахи Дороѳей и Антоній удаляются изъ скита. Доведя сіе до свѣдѣнія священной и честнѣйшей киріархической нашей обители, *просимъ простить насъ Христоподражательныхъ въ томъ, что мы обезпокоили оную нашими несогласіями и предать сіе забвенію, признать же опять высокопреподобнѣйшаго архимандрита о. Θеодорита дикеемъ священнаго скита.* Засимъ имѣемъ честь быть съ подобающимъ къ нашей киріархической обители почтеніемъ братія священнаго русскаго скита „Серая". (Слѣдуютъ подписи).

Ватопедскій монастырь весьма обрадовался этой „повинной" сераевскихъ скитянъ, такъ какъ они выразили охотно и добровольно тѣ самыя желанія и намѣренія, какія согласовались вполнѣ съ желаніями киріархической обители. Послѣ удаленія названныхъ въ „повинной" отцевъ изъ скита, съ

вознагражденіемъ ихъ въ 150 турецкихъ лиръ единовременно и съ обязательствомъ доставлять имъ *кубань*, т. е. все необходимое къ жизни, пока они находятся на св. Горѣ, было приступлено къ возстановленію о. Ѳеодорита въ прежнемъ званіи. Прибывшіе изъ монастыря проэстосы оо. Даніилъ, Кириллъ, Мельхиседекъ и грамматикъ (секретарь) монастыря не прежде, однако, приступили къ возстановленію о. Ѳеодорита, какъ выработанъ былъ, съ общаго согласія, новый канонизмъ скита, который какъ будто вызывался къ жизни и желаніемъ братства, чтобы о. Ѳеодоритъ былъ „вспомоществуемый четырехчленною экономическою эпитропіею и совѣтовался бы съ избранными отцами“.

Выработанный Ватопедскою обителью „на многократныхъ собраніяхъ эпитроповъ и проэстосовъ, священный соборъ ея составляющихъ“, новый „канонизмъ“ скита не произвелъ хорошаго впечатлѣнія на старцевъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря [1]) и не безъ ограниченій былъ принятъ и о. Ѳеодоритомъ [2]). Первымъ не нравилась въ новомъ „кано-

---

[1]) Покойный о. Мина сохранилъ для насъ весьма любопытныя замѣчанія на нѣкоторые параграфы серайскаго канонизма, выработаннаго въ это время ватопедскимъ монастыремъ. Эти замѣчанія принадлежатъ поборнику строгихъ киновіальныхъ началъ и древне-монашескаго старчества, покойному духовнику русскаго Пантелеимоновскаго монастыря о. Іерониму. Вотъ эти замѣчанія на нѣкоторые параграфы:

§ 1. «Управленіе состоитъ изъ дикея и 16 другихъ равноправныхъ ему, а въ другихъ правилахъ и болѣе его. *Гдѣ-же тутъ общежитіе?*»

§ 6. «*Шестой членъ—чистый идіоритмъ*, ибо представляетъ ежегодное избраніе, и потому неизбѣжное волненіе, а бѣдный дикей въ сторонѣ. *Какое же тутъ старчество?*»

§ 9. «Дикей долженъ совѣщаться съ эпитропами, а если такъ, то для чего же еще нуженъ соборъ? *Развѣ для того, чтобы сдѣлать многоначаліе, т. е. республиканское правленіе*».

§ 13. «Въ этомъ членѣ дается власть собору надъ дикеемъ. *И тутъ выражена аристократія, а не киновія. Изъ сего произойдутъ презорства, подозрѣнія и нескончаемыя смуты*».

[2]) «За послѣдній совѣтъ, мнѣ сообщенный — *удержать за собой духовное управленіе и старчество*, писалъ отъ 5 февраля 1879 года о. Ѳеодоритъ старцамъ Руссика, мною прежде было заявлено въ братскомъ соборѣ, когда три раза приглашали и просили принять начальство. На мое заявленіе всѣ были согласны, такъ и учрежденное правленіе я согласился признать *съ нѣкоторыми измѣненіями, которыя сочелъ несогласными съ мѣстными и церковными правилами*».

низмѣ“ попытка ограничить игумена, ввести соборное управленіе монастырей идіоритмовъ и уничтожить строго-киновіальное устройство скита, а дикею андреевскаго скита показались нѣкоторые пункты новаго „канонизма“ „несогласными съ мѣстными и церковными правилами“. Но послѣ „нѣкоторыхъ измѣненій“ и всесторонніхъ обсужденій, подавшихъ людямъ неблагонамѣреннымъ поводъ, между прочимъ, распускать ложный слухъ о томъ, что „старецъ не согласенъ на принятіе канонизма“, о. Ѳеодоритъ далъ согласіе на принятіе новаго канонизма и 14 февраля за литургіею былъ возстановленъ въ званіи настоятеля. Братія сдѣлала ему установленное на этотъ случай *метаніе* (поклонъ) и вручила ему ключи обители. Послѣ литургіи и праздничной трапезы, была избрана „геронтія“, состоящая изъ 12 человѣкъ скитскихъ старцевъ, и эпитропія, въ составъ которой вошли о. о. Варнава, Никонъ, Виталій и Ѳеоклитъ.

О такомъ радостномъ событіи о. Ѳеодоритъ поспѣшилъ извѣстить старцевъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря, которые такъ искренно и участливо относились къ нему во все время происходившихъ въ скиту безпорядковъ. Онъ благодарилъ о. архимандрита Макарія за его „духовное руководство и вообще за всѣ мудрыя дѣйствія, которыми онъ могъ управлять въ лицѣ довѣреннаго св. обители его честнѣйшаго о. Нафанаила“ и извѣщалъ, что дѣло скитское окончилось и „привело братство къ общему спокойствію“. Въ постскриптумѣ выражалась „искренняя благодарность“ „въ особенности“ о. духовнику Іерониму за его „искренніе совѣты и участіе въ трудныхъ дѣлахъ смиренныя обители“. Старцы Пантелеимоновской обители немедленно высказали о. Ѳеодориту „неизъяснимую радость“ по поводу того обстоятельства, что „*корабль получилъ своего настоящаго кормчаго*“ и желали ему, чтобы „Богодарованный миръ“ „благодать Божія усвоила св. обители и возобновила духъ святаго общежитія и старчества, установленнаго Богоносными отцами“.

Пожеланіе старцевъ монастыря св. Пантелеимона оказалось не напраснымъ. Миръ не „усвоился“ обители и былъ нарушенъ въ ней раньше, чѣмъ это можно было ожидать. „Неожиданно произошло въ скиту *новое смущеніе*, пишутъ въ Като-

педъ отъ 15 апрѣля 1879 года дикей и эпитропы скита,— произведенное старѣйшими изъ братій онаго, которые стараются перемѣнить нѣкоторыхъ изъ членовъ эпитропіи въ противность недавно составленнаго, подписаннаго и припечатаннаго торжественнаго взаимнаго документа, и что отцы эти осмѣлились запереть эпитропскую комнату, гдѣ находится касса и печать скита, да еще поставили и четырехъ стражей сторожить эпитропію и препятствовать дикею и эпитропамъ приближаться туда и исполнять обязанности своей должности". Этотъ новый инцидентъ или „такое состояніе вещей, совершенно безчинное", для Ватопедской обители, „трудившейся почти цѣлый годъ, дабы возвратить Серайскому скиту миръ и порядокъ" показался „прямо оскорбительнымъ". Монастырь потребовалъ немедленно „снять замокъ, наложенный на кассу „эпитропій", „принять также и стражей, стерегущихъ эпитропиконъ и оставить эпитроповъ, пусть свободно входятъ въ оный и свободно занимаются, какъ эпитропы", и предписалъ, чтобы „всѣ 12 членовъ геронтіи и три изъ эпитроповъ непремѣнно явились завтра въ священную обитель всѣ вмѣстѣ". О. Ѳеодоритъ не былъ приглашенъ въ монастырь по болѣзни. Цѣль этого вызова геронтіи и эпитропіи заключалась въ томъ, чтобы „изобрѣсти средства къ прекращенію настоящаго смущенія и замѣшательства" [1]).

Хотя, вопреки предписанію, явились въ монастырь не всѣ вызванные: на лицо не было семи членовъ геронтіи, Ватопедъ, однако, не нашелъ возможнымъ отложить засѣданіе и немедленно приступилъ къ слѣдствію о причинахъ произшедшихъ безпорядковъ въ скиту и „изобрѣтенію средствъ къ прекращенію ихъ". „Какъ изъ словесныхъ объясненій всѣхъ оныхъ (бывшихъ въ монастырѣ) отцевъ, такъ изъ смысла письма", присланнаго изъ скита въ монастырь о возникшихъ безпорядкахъ „стало извѣстно ясно и очевидно", что *между геронтіею находятся нѣкоторые члены, желающіе ниспровергнуть новый порядокъ въ скиту, учрежденный недавно*

---

[1]) *Всѣ эти* свѣдѣнія заимствуются изъ бумаги Ватопедскаго монастыря *въ Андреевскій скитъ* отъ 15 апрѣля 1879 года за № 136.

учиненнымъ и получившимъ силу закона торжественнымъ взаимнымъ документомъ и что члены эти водятся духомъ партіи, мстительности и явной вражды противъ дикея и эпитроповъ скитскихъ, которыхъ они злостно обвиняютъ въ письмѣ своемъ къ священной нашей обители, что будто бы дѣлаютъ они великіе расходы и прочее и, наконецъ, вмѣсто того, чтобы доказать на дѣлѣ эти злоупотребленія, начинаютъ, такъ сказать, опять старую пѣсню, нападая на одного только изъ эпитроповъ, монаха Никона, и желая его смѣнить, какъ будто бы онъ одинъ есть причина всѣхъ золъ, намѣреваясь чрезъ это получить право смѣнить затѣмъ постепенно безъ всякой важной причины и другихъ членовъ эпитропіи, а если можно, то и самого дикея и такимъ образомъ достигнуть своихъ тайныхъ цѣлей".

Вслѣдствіе всего этого, не желая никакъ допустить свободно, чтобы въ скиту былъ нарушенъ порядокъ и спокойствіе и служилъ бы игралищемъ нѣсколькихъ этихъ самозванныхъ геронтовъ, одобряемъ и рѣшаемъ, писалъ ватопедскій монастырь отъ 17 апрѣля 1879, послѣ всесторонняго обсужденія настоящаго положенія дѣлъ въ скиту—1), чтобы сейчасъ же была уничтожена мѣра, по которой тѣхъ изъ членовъ оной, какіе находятся внѣ скита замѣняютъ въ геронтіи антипросопы (исправляющіе должность), впредь же геронтію должны составлять только тѣ члены оной, какіе находятся лично въ скиту; 2) должны быть немедленно устроены вслѣдствіе этого замѣстители шести членовъ, посланныхъ внѣ скита, т. е. преподобнѣйшіе Діонисій, Миронъ, Савва, Андроникъ, Иларіонъ и Ѳалдей; 3) такъ какъ, кромѣ двоихъ членовъ геронтіи, т. е. іеромонаха Варсонофія и монаха Анастасія, прочіе десять членовъ оной осмѣлились приложить замокъ на эпитропскую кассу и поставить при ней стражей, посему должны быть сейчасъ же изъ числа членовъ геронтіи уволены: изъ нихъ Моисей, Власій, Спиридонъ и Тихонъ пусть удаляются въ свои келліи (комнаты), а вмѣсто ихъ да будутъ назначены четыре другихъ изъ братій скита—тихіе, миролюбивые, почтенные и имѣющіе требуемый возрастъ и достоинства. Эти четыре съ тѣми двумя, т. е. іеромонахомъ Варсонофіемъ и монахомъ Анаста-

сіемъ составятъ геронтію до конца настоящаго года. Изъ числа же увольняемыхъ шести замѣстителей преподобнѣйшіе Діонисій, Савва и Андроникъ да удалятся также въ свои келліи, а преподобнѣйшіе Миронъ и Иларій да будутъ посланы на метохъ (хуторъ) въ Кузла, дабы тамъ исполнить свой канонъ (наказаніе) на два мѣсяца, какъ люди возмутители безпокойные. А Ѳаддей какъ болѣе другихъ возмутитель и съ самаго начала не признавшій новаго порядка вещей и не подписавшійся ни въ торжественномъ документѣ, ни въ избраніи дикея, долженъ быть немедленно удаленъ изъ скита послѣ того, какъ будетъ дана ему сумма денегъ для его содержанія въ количествѣ, какое будетъ опредѣлено ему братствомъ скита. Такимъ образомъ, заключаютъ свое опредѣленіе отцы Ватопедскаго монастыря, мы убѣждены, что возстановится между дѣлами скита нарушенный миръ, спокойствіе и порядокъ, ради коего мы толико потрудилися и для коего мы примемъ всевозможныя мѣры, дабы утвердить оный и это для славы и пользы скита, отцы коего имѣютъ положительную нужду въ ненарушимомъ спокойствіи и порядкѣ. Они обязуются впредь почитать своего начальника архимандрита г. Ѳеодорита дикея и эпитроповъ, подчиняясь имъ во всемъ и съ готовностію исполнять приказанія ихъ и послушанія, каковыя имъ будутъ назначать“ [1]).

Исполненіе „буквально всего того, что въ настоящемъ письмѣ одобрено и рѣшено“ было возложено на особыхъ уполномоченныхъ, отправленныхъ изъ Ватопедскаго монастыря въ скитъ, на проэстоса о. Іакова и на старца о. Ѳеодосія.

Но вожделенный миръ и братолюбіе, чего теперь домогался скитъ и о чемъ усердно старался Ватопедскій монастырь, направляя къ тому „всевозможныя мѣры“, покинули русскій андреевскій скитъ на Аѳонѣ на долго, если только не навсегда. Того полнаго довѣрія братіи къ своему настоятелю, той искренности и сердечности отношеній между ними,

---

[1]) Письмо изъ Ватопедскаго монастыря въ Андреевскій скитъ отъ 17 апрѣля 1878 г. за № 138.

какія существовали раньше, не стало въ скиту и обѣ стороны, правящая и управляемая, стояли другъ къ другу на почтительномъ разстояніи. Дисциплина монашеская была разшатана въ сильной мѣрѣ, и своеволіе давало себя чувствовать на каждомъ шагу. Не могъ равнодушно относиться къ этимъ анормальностямъ добрѣйшій и миролюбивѣйшій о. Ѳеодоритъ, отдавшій всѣ силы и труды своему излюбленному дѣтищу, взлелѣянному его заботами. Жертвуя всѣмъ на благо созданнаго имъ скита, незабвенный о. Ѳеодоритъ для успокоенія его братіи, для водворенія въ немъ мира и братолюбія рѣшился на безпримѣрную добровольную жертву, каковою былъ онъ самъ лично. Полагая, что съ удаленіемъ его изъ скита прежній мирный порядокъ возстановится самъ собою, и желанный миръ снизойдетъ въ обитель, онъ осудилъ себя въ добровольное изгнаніе. Кормило правленія, которое о. Ѳеодоритъ честно и съ знаніемъ дѣла держалъ много лѣтъ, передалъ онъ эпитропіи и геронтіи и, подъ предлогомъ устройства нужныхъ скитскихъ дѣлъ, 6 мая 1879 года выѣхалъ съ Аѳона въ Петербургъ, гдѣ и прожилъ по 16 ноября 1880 года. Вернувшись обратно въ родной скитъ онъ еще болѣе почувствовалъ свою ненужность въ скиту, гдѣ за это время успѣлъ привиться довольно хорошо новый навязанный Ватопедскимъ монастыремъ порядокъ внутренняго правленія, — „*республиканскій*“ какъ его называлъ покойный о. Іеронимъ, или монастырей аѳонскихъ идіоритмовъ, а потому рѣшился окончательно освободить родной и дорогой ему скитъ отъ своей персоны. Подъ предлогомъ леченія своего здоровья, которое отъ усиленныхъ и продолжительныхъ трудовъ и пережитыхъ треволненій и дѣйствительно сильно пошатнулось, о. Ѳеодоритъ выѣхалъ въ городъ Одессу и проживалъ свои послѣдніе дни въ тамошнемъ скитскомъ подворьѣ, почти не имѣя никакого вліянія на скитскія дѣла. Имя отца Ѳеодорита фигурировало еще на всѣхъ бумагахъ скита и къ нему прибавлялось титло „настоятель“, но это было ни болѣе ни менѣе, какъ желаніе этимъ хорошо извѣстнымъ именемъ въ нашемъ отечествѣ прикрыть „неизвѣстность“ тѣхъ именъ, которые заправляли дѣлами скита. Здѣсь въ Одессѣ 10 августа 1887 года и скончался о. Ѳеодоритъ, похороненный вдали отъ дорогаго Аѳона—

и любимаго имъ скита, которому онъ отдалъ цѣлыхъ 45 лѣтъ своей жизни, на мѣстномъ городскомъ кладбищѣ...

Разсказанные нами факты изъ жизни русскихъ аѳонскихъ скитовъ не прошли безслѣдно для дальнѣйшей судьбы этихъ скитовъ. Вмѣшательство киріархическихъ монастырей во внутреннюю жизнь нашихъ скитовъ, вызванное описанными нами событіями, сдѣлалось послѣ этого явленіемъ, можно сказать, постояннымъ и повело къ частымъ столкновеніямъ и недоразумѣніямъ между тѣми и другими, уладить которыя дѣло весьма нелегкое. Въ частности послѣдствіемъ событій 1871 года въ Ильинскомъ скиту являются нынѣшнія постоянныя столкновенія съ Пандократорскимъ монастыремъ, весьма сильно мѣшающія внутреннему благоустройству нашего скита, а послѣдствіемъ событій въ андреевскомъ скиту—новый канонизмъ, навязанный скиту Ватопедскимъ монастыремъ и разъ навсегда лишившій его строго киновіальнаго порядка, вмѣсто котораго водворилась въ скиту борьба партій и преслѣдованіе личныхъ интересовъ. Все это съ особенною рельефностью обнаружилось здѣсь, при избраніи въ дикеи покойнаго о. духовника Иларіона, болѣе извѣстнаго въ Россіи подъ именемъ о. архимандрита Іосифа, бывшаго синодальнаго ризничаго. Указанныя явленія однако естественны въ жизни нашихъ скитовъ на Аѳонѣ и понятны для насъ, но мы съ трудомъ можемъ объяснить себѣ нынѣшнюю холодность даже, можно выразиться, натянутость отношеній между русскимъ Пантелеимоновскимъ монастыремъ и нашими скитами на Аѳонѣ, рѣзко бьющую въ глаза даже поверхностному наблюдателю и посѣтителю Аѳона. Разсказанные нами факты участливаго сношенія старцевъ русскаго монастыря къ событіямъ въ стѣнахъ нашихъ скитовъ, повидимому, должны были бы привести къ инымъ результатамъ, къ болѣе тѣсному сближенію между ними. Русскимъ инокамъ ни на минуту не слѣдовало бы забывать совѣтъ пророка Давида: „се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ“ (Псал. 132, 1). Въ полномъ единодушіи всѣхъ русскихъ на Аѳонѣ—залогъ ихъ преуспѣянія и сила ихъ могущества. Что же касается усиливающагося годъ отъ году соперничества во всѣхъ от-

ношеніяхъ у нашихъ скитовъ съ Пантелеймоновскимъ монастыремъ, проявляющагося иногда довольно рѣзко и странно, то для насъ лично это печальное явленіе составляетъ уже положительную загадку, и мы отказываемся даже вообразить себѣ, къ чему оно можетъ привести наше русское аѳонское монашество въ будущемъ.

ГЛАВА XI.

Устройство метоховъ и странноприимныхъ подворій въ предѣлахъ Турціи и Россіи русскимъ Пантелеймоновскимъ монастыремъ на Аѳонѣ.

Приведеніе въ порядокъ монастырскихъ финансовъ и возобновленіе зданій монастыря и улучшеніе монашескаго быта.—Заботы о старомъ Руссикѣ.—Скитъ „Новая Ѳиваида".—Устройство метоховъ кассандрійскаго, каламарійскаго и сикійскаго.—Планы оо. Макарія и Іерона о „новомъ Аѳонѣ" на Кавказѣ.—Ходатайство по этому поводу передъ посломъ графомъ Н. П. Игнатьевымъ и полный его успѣхъ.—Выборъ мѣста для монастыря делегатами и первыя постройки на немъ.—Оффиціальное утвержденіе Ново-Аѳонской Симоно-Канонитской обители на Кавказѣ.—Освященіе собора въ честь Апостола Симона-Канонита и открытіе школы для абхазскихъ дѣтей.—Посѣщеніе „Ново-Аѳонской" обители Государемъ Императоромъ.—Цвѣтущее состояніе этой обители и ея культурная миссія въ краѣ.—Сооруженіе Пантелеймоновской часовни въ Москвѣ въ 1883 году.—Устройство въ Петербургѣ ново-аѳонскаго подворья и храма,—подворья Пантелеймоновскаго монастыря въ Константинополѣ, Одессѣ, Анапѣ, Новороссійскѣ, Сухумѣ и др. и ихъ значеніе.

Съ поселеніемъ русскихъ въ Пантелеймоновской обители на Аѳонѣ, какъ гласитъ извѣстная намъ грамата патріарха Іоакима II отъ 1875 г., она „не только *освободилась отъ бѣдности и лежащихъ на ней долговъ, но и пришла въ цвѣтущее и блестящее положеніе*, благодаря общежитель-

ному устройству, благочестивымъ пожертвованіямъ и ревностной заботливости русскихъ монаховъ о добромъ состояніи ея". Въ этомъ отношеніи особенную услугу монастырю оказалъ покойный іеромонахъ Арсеній, который, съ благословенія старцевъ монастыря, объѣздилъ въ 1863—1867 гг. почти всю Россію съ св. мощами и тѣмъ привлекъ вниманіе русскихъ людей къ монастырю и расположилъ ихъ къ пожертвованіямъ въ него, и доселѣ еще не изсякающимъ. Благодаря этимъ пожертвованіямъ, матеріальное благосостояніе монастыря быстро измѣнилось къ лучшему: старые монастырскіе огромные долги были уплачены, храмы монастыря благолѣпно украшены и снабжены богатою церковною утварью и блестящею и обильною ризницею, возведены были капитальныя постройки внутри монастыря и расширены старыя зданія, самый монашескій бытъ значительно улучшенъ и, наконецъ, обращено было серьезное вниманіе на благоустройство принадлежащихъ монастырю земель и хуторовъ (метоховъ), крайне запущенныхъ и даже пришедшихъ въ полное разрушеніе во время безденежья и монастырскихъ неустройствъ.

Вниманіе старцевъ прежде всего было обращено на такъ называемый „старый или нагорный Руссикъ", отстоящій отъ монастыря на одинъ часъ ходу, въ которомъ, по словамъ Григоровича-Барскаго, „россійскіе иноцы чрезъ множество лѣтъ жительствоваху и имъ обладаху даже до 1735 года". Это старое гнѣздо русскихъ поселеній къ началу истекающаго столѣтія пришло въ полное разрушеніе и представляло изъ себя печальныя руины, наводившія тяжелое уныніе на русскихъ паломниковъ—посѣтителей св. Горы. „Изумительно, размышлялъ извѣстный путешественникъ по востоку А. Н. Муравьевъ, стоя у подножія этихъ дорогихъ русскому сердцу развалинъ, какъ скоро поѣдаетъ время, этотъ лютый звѣрь, все, что только оставлено людьми на его произволъ, какъ-бы остовы, пожираемые хищными жильцами лѣсовъ. Давно-ли, кажется, не болѣе восьмидесяти лѣтъ, тутъ еще совершалось богослуженіе? живъ даже и человѣкъ на немъ присутствовавшій (это 115-лѣтній старецъ Дамаскинъ-Давидъ, скончавшійся въ 1856 г.), и вотъ уже пѣтъ слѣдовъ самаго храма? Осталась одна лишь малая

церковь Успенія, съ немногими обрывками стѣнной живописи, и та грозитъ паденіемъ; у самыхъ воротъ монастырскихъ разрыта яма, изъ которой бѣлѣютъ человѣческія кости: вѣроятно тутъ была усыпальница братіи; но на это равнодушно смотрятъ жильцы аѳонскіе. Итакъ, вотъ та знаменитая обитель русская, къ которой искони стремились наши предки! Рука человѣческая предала ее въ руки времени и все исчезло. Теперь тутъ вой осенней дубравы или томный ропотъ ручья, или откликъ отзывающихся иногда камней, вмѣсто пѣнія ликовъ въ бывшемъ жильѣ иночествующихъ“ [1]. Но, не смотря на такое печальное состояніе описанныхъ руинъ, каждый русскій посѣтитель Аѳона отъ простолюдина до сына русскаго царя считаютъ своимъ священнымъ долгомъ поклониться имъ, полюбоваться очаровательными ихъ окрестностями и оживить въ своей памяти дорогое историческое прошлое, связанное съ этими грудами камней, чудно перевитыхъ дикимъ плющемъ. Подъ живымъ впечатлѣніемъ всего перечувствованнаго здѣсь невольно является у нихъ похвальное желаніе видѣть эти дорогія руины возобновленными. Подобное желаніе высказываютъ старцамъ Пантелеймоновскаго монастыря: въ 1866 г. архимандритъ при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ Леонидъ (покойный намѣстникъ московской Троице-Сергіевской лавры), въ 1867 г. Великій Князь Алексѣй Александровичъ, въ 1868 г. епископъ полтавскій Александръ и др. Старцы вполнѣ раздѣляли мнѣніе высокихъ посѣтителей Аѳона, но до 1868 г., по отсутствію денежныхъ средствъ, не могли начать здѣсь какихъ бы то ни было построекъ. Только въ этомъ году, 25-го іюля, послѣ соборнаго водоосвященія во главѣ съ преосвященнымъ полтавскимъ Александромъ, было приступлено къ закладкѣ корпуса для братіи [2]. Новый корпусъ долженъ былъ войти въ

---

[1] Письма съ востока въ 1849—1850 годахъ. Спб. 1851, ч. I, стр. 278—279.

[2] Въ старомъ Русикѣ живетъ немного братіи, человѣкъ не болѣе 20, такъ какъ уставъ здѣсь соблюдается съ большею строгостію, чѣмъ даже въ самомъ монастырѣ, и потому не всякій можетъ вынести строгость его. Братія стараго Русика воздерживается отъ употребленія елея въ пищу въ теченіе пяти дней недѣли черезъ цѣлый годъ.

связь съ остатками древней башни, въ которую заключился царственный юноша, впослѣдствіи знаменитый сербскій архіепископъ Савва, и откуда онъ выбросилъ черезъ окно свои царственныя одежды и волосы посланнымъ отца, явившимся уговаривать его вернуться подъ родительскій кровъ. Въ башнѣ была устроена церковь [1] во имя этого святителя, освященная 3-го іюня 1871 года. Средства на возобновленіе „стараго Руссика“ главнымъ образомъ были даны ростовскимъ купцомъ (на Дону) С. Н. Кошкинымъ и монахинею Борисовской пустыни Маріониллою (въ мірѣ рязанская помѣщица Анна Ралгина).

Въ 1871 году покойнымъ о. архимандритомъ Макаріемъ былъ заложенъ въ Старомъ Руссикѣ величественный двухъэтажный соборъ въ честь великомученика Пантелеймона. Храмъ этотъ, по мысли строителя, липецкаго купца И. И. Окорокова, своею грандіозностью и роскошью отдѣлки долженъ былъ превосходить всѣ прочіе аѳонскіе храмы. Матеріаломъ для него былъ аѳонскій бѣлый тесанный мраморъ. Для внутреннихъ украшеній были изготовлены изъ того же мрамора колонны съ чудными коринѳскими капителями весьма искуснаго рѣзца. Но вскорѣ начавшаяся вражда въ монастырѣ между братствомъ греческимъ и русскимъ, а также носившіеся по Аѳону упорные слухи о выселеніи русскихъ со св. Горы побудили послѣднихъ прекратить постройки въ старомъ Руссикѣ до болѣе благопріятнаго времени, которое, къ глубокому сожалѣнію, не наступило и доселѣ. Послѣ процесса и поставленія о. Макарія игуменомъ, явились въ обители новыя нужды, удовлетворить которыя было необходимо, какъ, напр., настоятельная необходимость построить обширный храмъ для постоянно возраставшей русской братіи въ самой обители, а затѣмъ монастырь лишился благодѣтеля, на средства котораго производились постройки, скончавшагося въ обители въ 1878 г. схим-

---

[1] Кромѣ параклиса св. Саввы Сербскаго въ томъ же корпусѣ имѣются еще два параклиса въ честь 42 мучениковъ въ Амморіи и въ честь св. великомученицъ Варвары, Екатерины, Александры, Параскевы и всѣхъ прочихъ св. мученицъ.

никомъ съ именемъ Иліи. Такимъ образомъ къ руинамъ прошлыхъ вѣковъ въ старомъ Русикѣ присоединились еще болѣе печальныя руины нашего времени. Глядя на потемнѣвшій уже отъ сырости и проросшій кустарникомъ печальный остовъ этого соборнаго храма, и также на валяющіеся близъ него въ безпорядкѣ и безъ призора, почти на самой дорогѣ въ Корею, прекрасные стержни, базы и капители изъ мрамора съ украшеніями, во многихъ мѣстахъ уже попорченными и побитыми, невольно сжимается сердце отъ боли и является горькая мысль, что этоть прекрасный матеріалъ лежитъ здѣсь въ полномъ забытьѣ съ еще болѣе печальнымъ будущимъ, если только заботливая рука не приберетъ его въ надежное и сохранное мѣсто.

Вмѣсто неоконченнаго и дорого стоющаго соборнаго храма за чертою древняго монастыря начатъ постройкою въ 1880 г., а оконченъ въ 1883 году довольно приличный, но небольшой храмъ въ честь чудотворной иконы Почаевской Божіей Матери.

Предметомъ особенныхъ заботъ и попеченій лично покойнаго отца игумена Макарія былъ „метохъ“ *Кромица* или *Хромайтисса*, находящійся въ 25 верстахъ отъ монастыря, на самой границѣ Аѳонскаго полуострова, на западъ къ перешейку, соединяющему полуостровъ съ Македоніею. На пространствѣ болѣе чѣмъ 10 верстъ въ окружности, которое было долгое время въ запустѣніи, по причинѣ лежащихъ на немъ долговъ, и служило мѣстомъ пастбища муловъ, благодаря заботамъ покойнаго игумена, разведены въ настоящее время обширные виноградники и цѣлыя рощи масличныхъ и лимонныхъ деревьевъ. Выдѣлываемое на Крумицѣ свѣтло-розовое виноградное вино знатоками его считается однимъ изъ лучшихъ на всемъ Аѳонѣ. Здѣсь же имѣются отличнѣйшіе огороды овощей, которыми питается не только многочисленная братія (около 200 чел.) этого метоха, но часть ихъ идетъ даже и въ самый монастырь. Мѣстоположеніе этого метоха можно безъ преувеличенія назвать очаровательнымъ. Съ большой арсаны (пристани), миновавъ рощи лимоновъ и маслинъ, подымаешься по отлогой горной тропинкѣ, по обѣимъ сторонамъ которой вьются виноградныя лозы, и достигаешь мѣста,

съ котораго любуешься лазорево-голубою поверхностію водъ обоихъ заливовъ, хребтомъ македонскихъ горъ и влѣво высокою вершиною бѣлоснѣжнаго Олимпа. Воздухъ мѣстности чистъ и прозраченъ; зной умѣряется здѣсь близостью воды и непрестаннымъ движеніемъ горныхъ вѣтровъ. Неудивительно поэтому, что мѣстность эта въ гигіеническомъ отношеніи гораздо счастливѣе, чѣмъ мѣстность, на которой расположена нынѣшняя обитель св. великомученика Пантелеймона. Весьма понятно поэтому и то, что больные обители для поправленія своего здоровья, изнуреннаго господствующими въ ней лихорадками и по другимъ причинамъ, уходятъ на Крумицу и удивительно быстро возстановляютъ свои силы.

На средства тамбовской купчихи Т. В. Долговой здѣсь была устроена небольшая церковь во имя преподобнаго Платона Студійскаго (имя это носилъ супругъ строительницы) и св. мученицы Татьяны. Затѣмъ уже на собственныя средства покойнаго отца Макарія былъ сооруженъ большой храмъ въ честь иконы Божіей Матери Казанской, который по плану, вмѣстимости и украшеніямъ воспроизводилъ монастырскій соборный храмъ въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы до пожара, бывшаго въ монастырѣ въ 1887 году въ августѣ мѣсяцѣ. При храмѣ были выстроены обширные корпуса для братіи, а также разнаго рода постройки для выдѣлки вина, масла и т. п. Крумица, какъ мѣсто особенно любимое покойнымъ игуменомъ и устроенное имъ, слыло въ средѣ монашествующихъ на Аѳонѣ подъ именемъ „батюшкина мѣста“.

На землѣ описаннаго метоха, близъ границъ земель Хиландарскаго монастыря, въ мѣстности весьма очаровательной и богатой растительностію, на значительной высотѣ надъ моремъ, создался, съ благословенія старцевъ обители св. Пантелеймона, скитъ, названный „Новою Ѳиваидою“. Здѣсь дозволено было селиться тѣмъ изъ русскихъ иноковъ, которыхъ гнали съ своихъ земель монашествующіе греки, желая окончательно вытѣснить русскій элементъ со св. Горы. Въ короткое время съ 1882 года въ „Новой Ѳиваидѣ“ поселилось болѣе 200 человѣкъ, которые живутъ въ пустынныхъ *калиахъ*, разбросанныхъ на бо̀льшомъ пространствѣ. На сред-

ства монастыря были устроены здѣсь соборный храмъ въ честь всѣхъ Аѳонскихъ святыхъ и нѣкоторыя зданія, монастырь же доставлялъ нуждающимся все необходимое: муку, масло и т. п. Стараніями инока Игнатія устроена больница съ храмомъ во имя свв. великомучениковъ Пантелеймона и Артемія, а на иждивеніе живущаго въ этомъ скитѣ іеромонаха Антонія устроена двухъэтажная кладбищенская церковь вверху во имя живоначальной Троицы, а внизу въ честь свв. апостоловъ Петра и Павла. Послѣдняя церковь освящена 27-го іюня 1891 года.

Метохи *кассандрскій* (на полуостровѣ того же имени, вдающемся въ Эгейское море), *каламарійскій* (близъ Солуня) и *сикійскій* (на полуостровѣ между Аѳономъ и Кассандрою) были также не оставлены безъ вниманія. Послѣ того, какъ заботами монастыря они были выведены изъ той запущенности и полуразрушенія, въ которыхъ пребывали при игуменахъ-грекахъ, въ достаточной мѣрѣ стали снабжать монастырь хлѣбомъ, прекраснымъ сѣномъ, сыромъ, яйцами и т. п.

Но старцы Пантелеймоновскаго монастыря не ограничились лишь возстановленіемъ руинъ, починкою и исправленіемъ полуразрушеннаго и приведеніемъ въ должный порядокъ запущеннаго, они постарались завести новые метохи, открыть новые источники доходовъ для своего монастыря, чтобы навсегда обезпечить его безбѣдное существованіе. Этого мало. У нихъ, подъ вліяніемъ пережитыхъ треволненій во время извѣстнаго процесса съ греками, грозившими русскимъ полнымъ выселеніемъ съ Аѳона, явилась даже счастливая мысль связать свою судьбу съ роднымъ отечествомъ, поставить себя подъ покровительство своего правительства, завязать съ нимъ болѣе живое общеніе, чѣмъ это было доселѣ, и тѣмъ самымъ разъ навсегда во первыхъ оградить себя отъ всякаго опасенія за теплое убѣжище, если бы въ томъ когда нибудь явилась надобность, а во-вторыхъ, всѣми имѣющимися въ монастырѣ средствами за это послужить съ пользою для того края, который пріютилъ ихъ. Всѣ эти намѣренія старцевъ осуществились болѣе блистательно, чѣмъ это можно было ожидать съ перваго взгляда.

Политическія и внутреннія обстоятельства того времени сложились самымъ благопріятнымъ образомъ для аѳонцевъ.

1874 годъ, какъ мы знаемъ, былъ тяжелымъ годомъ для русской братіи Пантелеймоновскаго монастыря. Извѣстный процессъ съ греками былъ въ полномъ разгарѣ. Но въ то время, когда совѣтъ турецкихъ министровъ присуждалъ русскихъ аѳонскихъ иноковъ къ ссылкѣ въ глубь Малой Азіи, а враждебная константинопольская печать сулила имъ нѣдра Африки, сами иноки не оставались бездѣятельными, а подыскивали себѣ мѣстечко для поселеній болѣе удобное и болѣе выгодное. Оо. Макарій и Іеронъ обратились къ русскому послу въ Константинополѣ графу Н. П. Игнатьеву, своему защитнику и покровителю, съ просьбою, чтобы онъ исходатайствовалъ право русскимъ пантелеймоновскимъ монахамъ поселиться на Кавказѣ, на мѣстѣ, которое будетъ указано высшимъ начальствомъ. Графъ съ полною готовностію исполнилъ просьбу уважаемыхъ имъ старцевъ, на которую не замедлило послѣдовать отъ намѣстника Кавказа, великаго князя Михаила Николаевича, занятаго въ ту пору мыслію о русской колонизаціи ввѣреннаго его попеченію края, полное согласіе. 26-го августа 1875 года аѳонскіе делегаты: іеромонахъ Арсеній и оо. Агапій и Іеронъ были уже въ Тифлисѣ и направлялись въ Сухумскій округъ, чтобы тамъ выбрать и пріискать мѣсто, удобное для основанія Ново-Аѳонскаго монастыря[1].

Отправленные съ Аѳона делегаты были снабжены весьма обстоятельною и любопытною инструкціею[2] и особою запискою „очевидца“ относительно выгодъ и невыгодъ тѣхъ мѣстностей, которыя указывались русскимъ правительствомъ для основанія

---

[1] Подробная исторія основанія этой обители находится въ книгѣ архимандрита Леонида: „Абхазія и въ ней ново-аѳонскій Симоно-Канонитскій монастырь“. М. 1885 г. ч. II, стр. 99—138.

[2] Подлинная эта инструкція носитъ такое заглавіе: „О Кавказѣ. Взглядъ на избираемое мѣсто, дарованное по ходатайству его высокопревосходительства г. посла Н. П. Игнатьева Государемъ Императоромъ Всероссійскимъ для водворенія аѳонскаго монашества, 1875 г.“, и сообщена намъ любезно о. іеродіакономъ Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ о. І., которому и считаемъ долгомъ принести свою глубокую благодарность, какъ за это сообщеніе, такъ и за нѣкоторыя другія.

предполагаемаго монастыря. Делегаты обязаны были дѣйствовать въ духѣ данной имъ инструкціи, которая была скрѣплена подписью самого игумена—архимандрита Макарія. Имъ лично рекомендовалось инструкціею „смотрѣть на дѣло это не бѣгло, не машинально, а съ углубленіемъ въ предметъ, ибо предстоитъ выбрать мѣсто не на время нѣкое, и не для выселокъ какихъ либо изъ монастыря, а на всѣ времена и для цѣлаго монашескаго поколѣнія, которое должно,—непремѣнно должно,—развиться и быть оплотомъ для другихъ мѣстъ, или же, такъ сказать, центральнымъ (?) развѣтвленіемъ монашества". Въ этихъ видахъ делегатамъ внушалось „не упускать изъ виду", при выборѣ удобнаго мѣста для построенія на Кавказѣ монастыря, слѣдующее:

1. Мѣсто должно быть пространное, хотя теперь и дается позволеніе на избраніе ограниченнаго, и мѣсто красивое [1].

2. Чтобы оно имѣло самый здоровый климатъ, о чемъ можно узнавать отъ разныхъ окружныхъ мѣстныхъ жителей, но особенно въ центральномъ статистическомъ комитетѣ, о чемъ будетъ упомянуто [2] ниже: ибо жители и привыкнуть успѣли, съ дѣтства живя въ томъ климатѣ и не подвергаясь злокачественной кавказской лихорадкѣ.

3. Обиліе воды во всякое время года и воды хорошей, проточной, на которой притомъ можно бы устроить мельницу.

4. Земля плодородная и для хлѣбопашества и для садоводства.

5. Лѣсъ строевой и дровяной.

6. Камень для зданій, или вмѣсто него глина для кирпича.

Примѣчаніе. Кромѣ лѣса и земли, долженствующихъ отрѣзаться для монастыря, нужно, чтобы и по сосѣдству было изобиліе того и другого для временной ли покупки или, въ случаѣ надобности, на всегдашнее пріобрѣтеніе.

7. Такъ какъ рѣки на Кавказѣ преимущественно обилуютъ

---

[1] Въ подлинникѣ сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: „Всѣ древніе святые отцы выбирали мѣсто для монастырей по преимуществу самое красивое, что̀ замѣчено и современными путешественниками".

[2] См. одиннадцатый пунктъ сей инструкціи.

рыбою, то имѣть это въ виду, какъ предметъ необходимый для монастыря и монастыря не на 60 человѣкъ, а чтобы достаточно и на 6,000 человѣкъ, если Матери Божіей угодно будетъ умножить тамъ монашество.

8. Неизбѣжно также обратить вниманіе и на удобство сообщенія:

а) съ Чернымъ моремъ,

б) съ ближайшимъ городомъ или Тифлисомъ,

в) съ желѣзною дорогою.

Примѣчаніе. Удобство сообщенія необходимо во многихъ отношеніяхъ, именно:

аа) Если будетъ избытокъ произведеній (какъ напр., въ Пицюнтѣ рыбы и грибовъ), то было бы куда сбыть.

бб) Если же недостатокъ (ибо не можетъ же быть все на одномъ мѣстѣ, напримѣръ, деревянное масло), то было бы откуда достать.

вв) Кромѣ произведеній, для монастыря все должно покупаться гдѣ-либо: въ Тифлисѣ, Новочеркаскѣ или Астрахани, смотря по тому, къ какому изъ сихъ городовъ будетъ ближе и удобнѣе сообщеніе съ избраннаго мѣста.

гг) Главнѣе же всего имѣть въ виду, что съ Аѳономъ сообщеніе должно быть постоянное, а слѣдовательно, близость Чернаго моря важнѣе Тифлиса и проч., тѣмъ болѣе, что чрезъ Черное море удобнѣе получать все нужное изъ Новочеркасска и т. п.

дд) Вобще говоря, морское сообщеніе несравненно удобнѣе, особенно для доставки тяжестей, и Черное море нужнѣе Каспійскаго.

9. Буде мѣсто отдалено отъ этихъ условій, но удобно во всѣхъ другихъ, то обстоятельно нужно узнать—можно-ли и гдѣ и какъ провести дорогу къ нимъ и чего это приблизительно будетъ стоить?

10. Вѣрнѣе всего въ этомъ случаѣ, не полагаясь на свою опытность, употребить стараніе отыскать людей, хорошо знакомыхъ со всѣми условіями мѣстностей и отъ нихъ узнавать нужныя подробности.

11. А и того выше отнестись въ Тифлисѣ къ главному

члену Статистическаго Комитета и главному инженеру, разумѣется при чьей либо авторитетной рекомендаціи и просить его или ихъ, чтобы обратили вниманіе и оказали возможное содѣйствіе, которое весьма благодѣтельно и важно при такомъ избраніи мѣста, когда для монашества должна наступить новая эра.

Всѣ члены Комитета, а и того болѣе главный и давній членъ, знакомы съ топографіею всего Кавказа и со всѣми частными его подраздѣленіями по всѣмъ мѣстамъ. Такой членъ дѣйствительно лучше и вѣрнѣе самихъ жителей можетъ разсказать всѣ свойства занимаемой ими мѣстности и указать съ точною ясностію и вѣрностію именно такое мѣсто, какое нужно для насъ, т. е. которое бы соотвѣтствовало цѣли избранія. Потому что жители, особенно мало выѣзжавшіе изъ своихъ селеній, не могутъ вѣрно разсказать о другой отдаленной мѣстности, да и своей не знаютъ такъ точно и вѣрно, какъ статистики-инженеры, изучавшіе Кавказъ, и особенно при сравненіи одной мѣстности съ другою.

Избранія лучшаго и вѣрнѣйшаго нельзя сдѣлать, какъ симъ способомъ.

Все это относится къ внѣшнему быту монастыря; оно важно, но важнѣе то, чтобы мѣсто соотвѣтствовало и духовному назначенію. Для сего:

1. Всего лучше, если избранное мѣсто будетъ подальше отъ селеній.

Примѣчаніе. Не говорю здѣсь, что оно должно быть ограждено указомъ отъ допущенія женщинъ, — это не относится къ дознанію мѣстности, но къ свѣдѣнію имѣть нужно, ибо рано или поздно, это должно послѣдовать.

2. Красота мѣста—одно изъ условій развитія духовнаго для внимательныхъ.

3. Чтобы, кромѣ мѣста для скита или монастыря, было еще отдѣльное для отшельническихъ келій,—мѣсто отдѣленное самою природою, т. е. или горою, или лѣсомъ, или рѣкою и т. п.

Одною этою инструкціею старцы Пантелеймоновской обители не ограничились, а въ особомъ „продолженіи“ изложили своимъ делегатамъ обстоятельныя свѣдѣнія относительно жи-

тейскихъ удобствъ и невзгодъ тѣхъ мѣстъ Кавказа, какія указывались правительствомъ для будущаго монастыря. Свѣдѣнія эти собраны были „очевидцемъ“ на мѣстѣ изъ достовѣрныхъ источниковъ и не лишены для читателя живого интереса. Не придавая особеннаго значенія ходившимъ слухамъ о жестокой лихорадкѣ, якобы господствующей на всемъ восточномъ берегу Чернаго моря, „продолженіе“ инструкціи обращаетъ вниманіе делегатовъ на „опасность во время политическихъ переворотовъ“, т. е. на случай военнаго времени, когда монастырь, будучи не защищенъ какою-либо крѣпостію, легко „можетъ быть ограбленъ и случайно зашедшимъ пароходомъ, при крейсеровкѣ зашедшимъ къ этимъ берегамъ“. Здравое разсужденіе, замѣчается въ этомъ прибавленіи къ инструкціи, говоритъ больше въ пользу отдаленности избираемаго мѣста, какъ отъ селеній, по случаю могущихъ быть соблазновъ и проч., такъ и отъ береговъ—на случай военнаго времени“. Далѣе слѣдуетъ краткая характеристика предложенныхъ русскимъ аѳонскимъ инокамъ мѣстностей на Кавказѣ для устройства новой обители.

„Указанное мѣсто въ Бедія, говорится въ „продолженіи“, положительно неудобно во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что и упоминать о сихъ неудобствахъ не стоитъ. Еслибы досталось или избралось такое мѣсто для монастыря нашего, то надо считать это не только ошибкою и уронomъ, но и наказаніемъ Божіимъ“.

„Другое мѣсто, указываемое въ Псху, тоже совершенно не годится. Оно отдалено отъ всѣхъ мѣстъ, въ горахъ, съ самымъ труднымъ и неудобнымъ путемъ. Хотя тамъ продѣлывается верховая дорога, но зимою Псху недоступна, по случаю заваливающихъ всю мѣстность снѣговъ, кои выпадаютъ тамъ раньше всѣхъ мѣстъ и сходятъ только въ маѣ. Для Псху нужно провизіи заготовлять на 8 мѣсяцевъ и единственно только изъ Сухумъ-Кале, до коего 4 или 5 дней пути самаго труднаго и неудобнаго. Прежде въ Псху жили разбойники, но и теперь мѣсто это славится воровствомъ такъ, что лучшаго нигдѣ нельзя найти. Лѣтомъ тамъ стоитъ гарнизонъ, а зимой—никого. Вѣтра тамъ жгучи и столь сильны, что просто

рѣжутъ или пропитываютъ насквозь. Если тамъ кто уживется изъ монаховъ, то будетъ спасенъ. Только едва-ли кто будетъ жить!"

„Пицюнтъ съ новоустроеннымъ монастыремъ св. Духа, гдѣ похороненъ св. апостолъ Симонъ Канонитъ, стоитъ при потокѣ надъ моремъ между Сухумомъ и Гагры. Съ моря виденъ далеко. Мѣсто ровное, сѣнокосное и хлѣбопашное, съ мелкимъ лѣсомъ вблизи и съ строевымъ въ 7—8 верстахъ, гдѣ грибовъ бываетъ такъ много, что въ урожайный годъ пріѣзжаютъ изъ города собирать ихъ. Ихъ можно приготовлять сотни пудовъ и продавать. Въ рѣчкѣ много ловится рыбы, но въ морѣ самая обильная, тутъ ловля всякой рыбы, но (преимущественно) бѣлой. Разстояніемъ отъ Сухумъ-Кале за 60 верстъ, а отъ мѣстечка Гудауть верстъ 40—50. Село того же названія Пицюнтъ въ 2—3 верстахъ. Тамъ бываетъ лихорадка, но меньшая, нежели на Аѳонѣ.

Есть еще одно мѣсто близъ Сухумъ-Кале (въ 12 верстахъ), называемое тоже мѣстомъ Симона Канонита между селеніями Сырцха и Ачирха, гдѣ была древняя церковь и селище извѣстнаго разбоями, послѣ полковника Абхазскаго Хасанъ-Маргани, но названіе это неизвѣстно ни по исторіи, ни въ другихъ мѣстахъ Грузіи, а только ближніе жители называютъ такъ.

Гагры выше Пицюнта между горъ, гдѣ древле подвизались многіе отшельники, отъ коихъ сохранились еще пещеры. Есть рѣчка небольшая безрыбная. Лѣсъ въ горахъ и достать трудно. Тамъ только воздухъ хорошій, а другого удобства для монастыря нѣтъ. Путь туда трудный, а черезъ рѣку, протекающую между Пицюнтомъ и Гагрою, нельзя иначе переправиться, какъ на паромѣ или лодкѣ, коихъ на пути семъ пока нѣтъ.

Царская станица Ставропольской губерніи далеко и отъ моря и отъ Грузіи, хотя и золотое дно.

Послѣ всего сказаннаго о приведенныхъ выше мѣстахъ, мы, заключаетъ свое обозрѣніе „очевидецъ", должны указать на лучшее и удобнѣйшее, на которое и просимъ обратить все ваше вниманіе, и если можно постараться пріобрѣсти именно это мѣсто—*Дандры* (Драида?). Отстоитъ отъ Сухумъ-Кале верстъ на 20 къ Кутаису, а отъ Поти верстъ на 40. Тамъ былъ древ-

ній епархіальный соборъ, который возобновили недавно; стоитъ на возвышенномъ красивомъ мѣстѣ. Близъ его есть малое селеніе домовъ въ 10 новыхъ христіанъ, кои переселяются къ морю, и церковь должна остаться такъ, но она числится приходная, и священникъ живетъ тамъ. Внизу при самомъ мѣстѣ малая рѣчка, а другая Кадоръ въ 1 верстѣ, она рыболовная. При впаденіи этой рѣки въ море ловится осетеръ. Рыбы такъ обильно, что зимою бываетъ 30—40 к. за пудъ: кефаль и сельди. Мѣсто самое хлѣбородное, есть сѣнокосы. Вблизи мѣста виноградныя дерева, приносящія пудовъ по 30 каждое, а за версту отъ мѣста начинается темный лѣсъ верстъ на 20. Около сего мѣста пройдетъ желѣзная дорога въ 1 верстѣ. Отъ моря отстоитъ въ 4 верстахъ. Нѣтъ мѣста лучше во всей Абхазіи, такъ что земля тамъ цѣнится или стоитъ по 1,000 рубл. за десятину, ибо самая плодородная, какъ и вино—лучше всѣхъ мѣстъ. И климатъ здоровѣйшій противъ другихъ мѣстъ.

Вся трудность будетъ заключаться въ томъ, чтобы для поселянъ построить новую церковь тамъ, гдѣ они поселились при морѣ. Но это сдѣлать теперь не трудно, потому что жителей около церкви нѣтъ. Но мѣста—пройти всю Абхазію и Грузію не найти (т. е. лучшаго)"!

Этотъ отзывъ „очевидца" о нѣкоторыхъ мѣстахъ Кавказа для предполагаемаго ново-аѳонскаго монастыря заключается слѣдующимъ авторитетнымъ внушеніемъ, очевидно, обращеннымъ къ делегатамъ монастыря, посланнымъ на Кавказъ, написаннымъ собственною рукою игумена—архимандрита Макарія: *„Обратите ваше вниманіе на Дандры и употребите все ваше стараніе, чтобы оно принадлежало Аѳону. Какъ говоритъ очевидецъ, что вѣчно будемъ благодарить мы и потомки наши, ибо нѣтъ лучшаго по плодородности, климату, водѣ, лѣсу, винограду, рыбной ловлѣ, мѣста въ Грузіи"*. Но не смотря на столь категорически выраженное желаніе старцевъ выбрать мѣсто для устройства монастыря на Кавказѣ въ Драндахъ, уполномоченные оо. Арсеній, Іеронъ и Агапій не нашли, однако, удобнымъ занять это мѣсто, на которомъ нѣсколько позже основана была обитель съ храмомъ въ честь

Успенія Божіей Матери аѳонскимъ іеромонахомъ Варлаамомъ. Выборъ делегатовъ русскаго Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ остановился на лучшемъ, по своему центральному положенію въ Абхазіи, живописномъ и плодородномъ мѣстѣ, на развалинахъ Анакопіи у древняго храма святаго апостола Симона Канонита, на берегу рѣки Псыртсхи.

23-го ноября прибылъ на Кавказъ іеромонахъ Іеронъ (нынѣ архимандритъ и настоятель ново-аѳонской обители), весьма дѣятельный и практически опытный въ строительномъ искусствѣ, чтобы начать постройки на выбранномъ мѣстѣ и положить основаніе будущей обители. Съ полученіемъ утвержденія 27-го ноября объ отводѣ 327 десятинъ земли подъ Ново-Аѳонскую обитель, о. Іеронъ приступилъ къ закладкѣ храма въ честь Покрова Богоматери и къ возобновленію полуразрушенной генуэзской башни, верхъ которой предназначался для помѣщенія почетныхъ посѣтителей обители, а низъ для складовъ монастырскаго добра. 17-го октября 1876 года упомянутый храмъ былъ освященъ и въ тотъ-же день открыта школа для сиротъ мѣстныхъ абхазскихъ жителей. Приступили уже было и къ подготовкѣ матеріала для возобновленія Симоно-Канонитскаго храма, но, въ виду приближающихся военныхъ дѣйствій, все это, по приказанію власти, монахи должны были оставить и искать себѣ пріюта въ грузинскомъ Гелатскомъ монастырѣ Кутаисской губерніи.

Оставленный монастырь сильно пострадалъ во время войны, по окончаніи которой аѳонскимъ инокамъ пришлось снова возстановлять его. Воротившись къ своему разоренному монастырю, они принялись 1 окт. 1878 г. за постройку храма въ честь Покрова Богоматери, который окончили и освятили 3-го февраля 1879 года. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, а именно 8-го декабря 1879 г. новоустрояемая обитель на Кавказѣ удостоилась, по всеподданнѣйшему докладу оберъ-прокурора Св. Синода, получить утвержденіе Государя Императора вмѣстѣ съ замѣчательнымъ актомъ Его великихъ милостей русскимъ аѳонскимъ инокамъ. Вотъ пунктъ этого весьма любопытнаго оффиціальнаго акта:

1) Новоучрежденная обитель открывается подъ именемъ

Ново-Аѳонскаго Симоно-Канонитскаго монастыря и, *какъ отрасль аѳонскаго Пантелеймонова монастыря*, соблюдаетъ, подобно Пантелеймонову монастырю, общежительный уставъ аѳонскихъ монастырей.

2) Обитель эта, на одинаковомъ основаніи съ находящимися въ Россіи греческими монастырями: Никольскимъ въ Москвѣ, Екатерининскимъ въ Кіевѣ и Молдавскимъ въ Ново-Нямецкомъ въ Бессарабіи, подлежитъ въ отношеніи поведенія ея братіи наблюденію мѣстнаго епархіальнаго начальства и Святѣйшаго Синода, *а въ отношеніи внутренняго ея строя и хозяйственной части, состоя въ зависимости отъ Пантелеймонова монастыря, дѣйствуетъ по приказанію и по распоряженію послѣдняго.*

3) Настоятель новой обители назначается на первый разъ, по избранію аѳонскаго Пантелеймонова монастыря, изъ русскаго ея братства, а на послѣдующее время настоятель сей обители избирается братіею ея, съ согласія Пантелеймонова монастыря, изъ братій той или другой обители и объ избранныхъ представляется каждый разъ на утвержденіе Св. Синода.

4) Въ ново-образуемой обители имѣть монашествующихъ на первый разъ до 50 человѣкъ, а впослѣдствіи, *когда по нуждамъ и для распространенія просвѣтительной дѣятельности сей обители въ краѣ окажется необходимымъ и по средствамъ монастыря будетъ возможно, число монашествующихъ въ ней можетъ быть увеличиваемо по мѣрѣ надобности и средствъ обители, безъ испрошенія особыхъ каждый разъ разрѣшеній на то.*

5) Монашествующая братія въ составъ новой обители опредѣляется Пантелеймоновскимъ монастыремъ исключительно изъ русскаго его братства.

6) *Назначенныя для сей цѣли изъ Пантелеймонова монастыря въ новую обитель монашествующія лица снабжаются видами для проѣзда посольствомъ въ Константинополь безъ предварительныхъ о семъ сношеній съ святѣйшимъ Синодомъ*, съ ручательствомъ посольства объ ихъ личности, правоспособности и благонадежности къ предназначенному имъ служенію. *Примѣнительно къ сему посольство снабжаетъ*

паспортами на проѣздъ и монашествующихъ лицъ, временно командируемыхъ по монастырскимъ надобностямъ изъ Пантелеймонова монастыря на новую обитель.

7) Если кто-либо изъ братіи новой обители окажется, по неблагонадежности, недостойнымъ его званія, то таковой, по сношенію настоятеля обители съ Пантелеймоновскимъ мона, стыремъ, или по распоряженію мѣстнаго епархіальнаго начальства немедленно удаляется изъ обители. Въ соотвѣтствіе сему въ обитель эту отнюдь не допускаются ни тѣ лица, которыя подвергнутся епархіальнымъ начальствомъ монастырскому подначалію, ни тѣ, которыя приговоромъ свѣтскаго суда присуждаются къ заключенію или эпитеміи въ монастырѣ.

8) Какъ земля, предназначенная мною [1] для обезпеченія содержанія новой обители и школы при ней, такъ движимыя и недвижимыя имущества и денежные капиталы, какіе въ пользу ея могутъ быть завѣщаемы и жертвуемы, или пріобрѣтаемы русскимъ братствомъ Пантелеймонова монастыря, независимо отъ монастырскихъ средствъ сего послѣдняго, должны составлять неотъемлемое достояніе этой обители и не могутъ ни въ какомъ случаѣ ни требоваться, ни обращаться и отчуждаться во владѣніе и собственность Пантелеймонова монастыря.

9) *Въ случаѣ смутныхъ обстоятельствъ на востокѣ и невозможности дальнѣйшаго пребыванія на Аѳонѣ, братство Пантелеймонова монастыря получаетъ убѣжище въ новой обители, какъ отрасли сего монастыря,* обязанной своимъ началомъ и образованіемъ усердію его братства, и въ такомъ случаѣ настоятель Пантелеймонова монастыря вступаетъ съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода въ управленіе этою обителію, подчиняясь духовному въ Имперіи начальству, на одинаковомъ съ русскими монастырями основаніи, а настоятель сей послѣдней дѣлается его намѣстникомъ.

---

[1] Актъ этотъ подписанъ главнокомандующимъ кавказскою арміею генералъ-фельдмаршаломъ *Михаиломъ*, великимъ княземъ и начальникомъ кавказскаго горскаго управленія генералъ-лейтенантомъ *Комаровымъ*.

10) Новообразуемая обитель обязывается не производить сборовъ подаяній по книгамъ и не испрашивать отъ правительства ни пособій, ни жалованья отъ казны.

О таковомъ Высочайшемъ соизволеніи объявляя вамъ, настоятель и братія Ново-Аѳонскаго Симоно-Канонитскаго монастыря, заключаетъ этотъ актъ царской милости августѣйшій главнокомандующій, призываю благословеніе Божіе на предстоящій вамъ подвигъ. Да процвѣтаетъ ново-учрежденная обитель въ тишинѣ и мирѣ на берегахъ Абхазіи и да послужитъ она мѣстному населенію, пребывающему въ дикости и невѣжествѣ, примѣромъ жизни мирной и труженической, образцомъ человѣколюбія, кротости и терпѣнія. Да воспитаетъ школа, устроенная при обители, въ молодомъ поколѣніи изъ туземцевъ привычку къ полезному труду и любовь къ знанію, необходимому для земледѣльца!

Иноки ново-аѳонской обители съ радостію приняли этотъ дорогой для нихъ актъ царской милости и еще съ большимъ усердіемъ принялись за свою культурную миссію, которая возлагалась на нихъ высшею властію. 10 мая былъ освященъ соборный храмъ въ честь св. апостола Симона-Канонита, а къ началу учебнаго года послѣдовало освященіе большого двухъ-этажнаго зданія для школы 20 абхазскихъ сиротъ, которыя воспитываются на полномъ монастырскомъ иждивеніи.

Съ присоединеніемъ къ Ново-Аѳонской обители въ 1885 г. пришедшаго въ крайнее запущеніе, но знаменитаго по своимъ историческимъ преданіямъ, софійскаго Пицундскаго храма [1], построеннаго византійскимъ императоромъ Юстиніаномъ для ново-просвѣщенныхъ абхазцевъ въ 551 году, иноки Ново-Аѳонской обители принялись за устройство и приведеніе въ должный порядокъ этого храма [2]. Уже возобновленъ въ этомъ

---

[1] О Пицундскомъ Софійскомъ храмѣ подробныя свѣдѣнія можно находить въ книгѣ намѣстника Троице-Сергіевской Московской лавры, архимандрита Леонида: «Абхазія» стр. 30—41; въ брошюрѣ Н. Мурзакевича 1876 г. «Пицундскій Успенія пр. Богородицы монастырь на восточномъ берегу Чернаго моря»; Зап. Импер. Одесскаго общества ист. и древностей 1877 г. т. X.

[2] На этотъ храмъ обращали свое вниманіе еще императоры Александръ I и Николай I. Въ 1844 году была даже ассигнована сумма въ 35,193 р. 50 к.

храмѣ придѣлъ въ честь св. Іоанна Златоуста, смерть котораго, по преданію, связывается съ даннымъ мѣстомъ, устроены келіи болѣе чѣмъ для 40 человѣкъ братіи, здѣсь живущей, которая совершаетъ богослуженіе и обработываетъ довольно большой, приписанный къ этому храму, участокъ земли.

Наконецъ, въ послѣднее посѣщеніе Кавказа Государемъ Императоромъ со всѣмъ его августѣйшимъ семействомъ, въ бытность его въ Ново-Аѳонской обители 24-го сентября 1888 г., иноки обители, въ присутствіи Ихъ Величествъ, сдѣлали закладку новаго собора [1], близъ котораго и имѣютъ быть возведены будущія постройки обители.

Благоустроенная въ самое короткое время Ново-Аѳонская обитель и ея въ высшей степени благотворное культурное значеніе для края производитъ на посѣтителей ея чарующее впечатлѣніе. Восторгами переполнены и записи ихъ въ монастырской книгѣ [2], которую предлагаютъ почетнымъ богомольцамъ лица, завѣдывающія гостинницами, и многочисленныя корреспонденціи, печатаемыя въ нашихъ газетахъ и толстыхъ журналахъ [3]. Вотъ одна изъ такихъ корреспонденцій, обстоятельно рисующая бытъ и значеніе Ново-Аѳонской обители.

на его возобновленіе, но осуществить желаніе покойныхъ императоровъ удалось лишь намѣстнику Кавказа, великому князю Михаилу Николаевичу. Въ 1869 г. Пицундскій храмъ освященъ и предлагался Кіево-Печерской обители въ завѣдываніе, но она почему-то отказалась. На свое попеченіе взяла было этотъ храмъ Московская Троице-Сергіевская Лавра, выславшая положенное по штату количество монаховъ, получавшихъ отъ правительства жалованье, но предъ войной 1877 г. и она оставила его. Монахи лаврскіе возвратились въ свою обитель. Храмъ Пицундскій оставленъ былъ на произволъ судьбы, пришелъ въ запущеніе и въ такомъ видѣ оставался до 1885 г.

[1] Душепол. Собесѣдникъ вып. 20, 1888 г. стр. 220—221. М.

[2] Эти отзывы см. въ книгѣ архим. Леонида: „Абхазія“, стр. 136—137; въ брошюрѣ М. Сизикова „Путешествіе на Кавказъ и пребываніе нѣсколько дней въ Ново-Аѳонскомъ Симоно-Канонитскомъ монастырѣ“ М. 1874 г.

[3] Замѣчательно, даже враги монашества и люди, весьма нерасположенные къ аѳонскимъ русскимъ инокамъ, не могутъ надивиться быстрымъ культурнымъ успѣхамъ этихъ послѣднихъ въ Абхазіи, въ странѣ еще недавно дикой и заброшенной. Образчикомъ подобныхъ статей можетъ служить весьма тенденціозная статья нѣкоего М. Ремезова „По своимъ краямъ“ въ „Русской Мысли“ въ VIII кн. за 1892 г. стр. 105—108.

„Пришли на мѣсто, пишетъ извѣстный корреспондентъ „Новаго Времени“ А. Молчановъ, и застали бурьянъ да колючку. Чтобы обозрѣть царскій подарокъ, монахи ходили съ топорикомъ въ рукахъ, просѣкая имъ для себя тропинки. Народъ кругомъ дикій, неимѣющій никакой религіи, привыкшій къ грабежу, разбою, воровству и бездѣлью. Безоружные монахи преодолѣваютъ всѣ трудности: расчищаютъ мѣстность, созидаютъ храмъ, строятъ одинъ за другимъ дома для общежитія и для паломниковъ, проводятъ горныя тропы и настоящее прекрасное шоссе, возобновляютъ старинные храмы, строго руководствуясь ихъ первоначальнымъ видомъ, дѣятельно и любовно отыскиваютъ памятники древности, создаютъ прекрасную пристань, заводятъ собственную каботажную флотилію, болота превращаютъ въ рыбныя озера, горную рѣчку загораживаютъ высокой плотиной и заставляютъ воду работать на мукомольнѣ, въ хлѣбопекарнѣ, въ просвирнѣ etc., разводятъ апельсиновыя, лимонныя и масличныя [1] (болѣе 500 корней) рощи, устраиваютъ фруктовые сады и обширные питомники, прекрасные виноградники (10 десятинъ), пасѣки (около 750 пчел. ульевъ) и проч., проч. [2]. Наконецъ, почти полгоры снято ими и по рельсамъ [3] эта часть свезена въ обрывъ, такъ что на высотѣ образовалась грандіозная площадка, поддерживаемая не менѣе грандіозной, искусственной и въ высшей степени красивой каменной террасой. На этой площадкѣ быстро подвигается впередъ огромное зданіе будущей обители и собора обители, имѣющей видъ почти квадрата съ 60 саженями длины и 50 саж. въ ширину и соборомъ, долженствующимъ занять 20 саженъ. Подъ всей строющейся обителью подвалы, куда

---

[1] Посадки масличныхъ деревьевъ, а также нѣкоторые сорта виноградныхъ лозъ перенесены на Кавказъ съ Аѳонской горы.

[2] Около 20 десятинъ засѣваютъ теперь пшеницею, овсомъ и гречихою и все это родится въ изобиліи! Кромѣ того въ монастырѣ устроены прекрасныя молочныя фермы, благодаря обилію скота крупнаго и мелкаго и роскошныхъ пастбищъ, кирпичные заводы для выдѣлки черепицы, зданія для кузницы, столярной, портняжной, сапожной, для выдѣлки винограднаго вина и т. п.

[3] Желѣзная дорога передвижная, пріобрѣтена обителью въ 1884 г. *въ Тифлисѣ* по весьма сходной цѣнѣ.

провизія доставляется прямо въ вагонеткахъ по рельсамъ... Далѣе тутъ зданія для больницъ, тамъ обширный домъ для миссіонерской школы, гдѣ живутъ на счетъ монастыря 20 туземныхъ мальчиковъ. Словомъ, смѣло и безъ преувеличенія можно утверждать, что здѣсь находится *самый культурный уголокъ всего Кавказа и Закавказья*. А во сколько времени созданъ этотъ чудный уголокъ и кѣмъ? *Въ десять лѣтъ* и простыми людьми, среди которыхъ нѣтъ ни одного ученаго спеціалиста, созданъ на случайныя и совсѣмъ небогатыя средства, хотя кругомъ и около канцеляристы, при помощи казенныхъ спеціалистовъ, расходовали и тратятъ казенные милліоны, не созидая ни дорогъ, ни садовъ, ни домовъ. Да, именно здѣсь невольно воскликнешь: великъ талантъ русскаго человѣка и велика природа Кавказа! Для русскаго простаго люда Новый Аѳонъ имѣетъ огромное значеніе: эта обитель знакомитъ нашего мужика съ благословеннымъ Кавказомъ и наглядно учитъ его, что можетъ дать богатая здѣшняя природа умному труженику надъ ней. Благодѣтельное вліяніе обители на туземное населеніе уже сказалось ясно: много абхазцевъ принимаютъ въ монастырѣ православіе, кражи и разбои въ этой мѣстности прекратились, туземцы охотно идутъ работать въ монастырь и охотно отдаютъ своихъ дѣтей въ монастырскую школу“ [1].

Аѳонская святыня, посланная въ 1863 г. въ Россію, вмѣстѣ съ покойнымъ іеромонахомъ Арсеніемъ, который былъ отправленъ для сбора милостыни, будучи принята русскимъ народомъ съ радостію и любовію, не возвращалась болѣе на св. Аѳонскую гору, а, по ходатайству старцевъ, въ 1873 году нашла себѣ пріютъ въ часовнѣ, устроенной обителью св. Пантелеймона при московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ на Никольской улицѣ. Стеченіе богомольцевъ въ эту часовню было

---

[1] „Новое Время“ 1889 г. № 4880. Слич. ту-же газету № 3870 1886 г., № 5169, 1890 г.; „Гражданинъ“, № 296, 1888 г.; „Русск. Вѣстн.“, 1892 г., VIII кн. стр. 91—94 и др. Абхазцы, окончившіе хорошо курсъ въ монастырской школѣ, поступаютъ въ учительскую семинарію, по окончаніи которой дѣлаются учителями среди своихъ соплеменниковъ и такимъ образомъ естественно становятся и проповѣдниками между ними христіанскаго вѣроученія и просвѣщенія.

сегда многочисленное на столько, что душная и тѣсная часовня не могла вмѣщать всѣхъ, а поэтому многіе должны были стоять на прилегающей къ ней улицѣ и тѣмъ стѣснять правильное движеніе по ней. Это обстоятельство побудило о. Макарія ходатайствовать предъ Св. Синодомъ въ 1879 г. о дозволеніи построить самостоятельную часовню на той же улицѣ въ концѣ, близъ владимірскихъ воротъ, на мѣстѣ, которое незадолго предъ тѣмъ было подарено монастырю однимъ изъ благодѣтелей его. Дозволеніе это было получено и на указанномъ мѣстѣ воздвигнута, по плану архитектора А. С. Каменскаго, изящной архитектуры въ древне-русскомъ стилѣ часовня во имя св. Пантелеймона, освященная 2-го іюня 1883 г. Съ этого дня непрерывно совершаются въ ней всѣ церковныя службы, кромѣ литургіи, стекаются сюда толпы богомольцевъ, чтобы облобызать святыню, которая въ этой часовнѣ постоянно пребываетъ, внести свою посильную лепту на нужды обители, сдѣлать заказы относительно высылки съ Аѳона той или иной иконы хорошаго письма и т. п. „Открытіе часовни дало намъ возможность, говорилъ покойный о. Макарій въ своемъ словѣ, обращенномъ къ братіи Пантелеймоновскаго монастыря еще въ 1877 году, *имѣть прямыя сношенія съ родною намъ Россіею*, щедротами коей существуетъ не только наша обитель, но и многія иныя здѣшнія обители“ [1].

Наконецъ, въ самое послѣднее время аѳонскіе иноки стали прочною ногою въ столицѣ русскаго государства, въ Петербургѣ. Съ разрѣшенія Св. Синода, 17-го августа 1886 г., на углу Забалканскаго просп. и 2-й роты Измайловскаго полка былъ заложенъ обширный и весьма красивый трехъ-престольный храмъ: главный храмъ въ честь иконы Божіей Матери Иверской, а придѣлы въ честь великомученика и цѣлителя Пантелеймона и св. апостола Симона Кананита. Храмъ этотъ, строившійся по плану архитектора Н. Н. Никонова, былъ совершенно готовъ еще въ 1887 году, но освященъ только въ

---

[1] Изъ непапечатаннаго слова о. Макарія, произнесеннаго 1877 г. 11 февраля, къ братіи, по поводу открытія Пантелеймоновской часовни при Богоявленскомъ Московскомъ монастырѣ.

слѣдующемъ году въ послѣднихъ числахъ августа мѣсяца, т. е. 26-го, 27-го и 1-го сентября [1]. При этомъ храмѣ устроено подворье для иноковъ Ново-Аѳонской обители, которой и приписаны храмъ и самое подворье, имѣющіе назначеніе доставлять средства на миссіонерскую дѣятельность кавказской обители.

Стараясь, однако, о расширеніи монастырскихъ владѣній за чертою Аѳона и главнымъ образомъ въ предѣлахъ своего отечества, покойный о. Макарій имѣлъ въ виду: 1) стать ближе къ своимъ соплеменникамъ, хорошо познакомить ихъ съ современнымъ монашествомъ на Аѳонѣ во всѣхъ отношеніяхъ и чрезъ это расширить районъ своего благотворнаго вліянія на нихъ, удовлетворяя, по мѣрѣ возможности, всѣмъ ихъ духовнымъ потребностямъ; 2) подготовить для русской братіи Пантелеймоновскаго монастыря „убѣжище“ на тотъ случай, еслибы когда-нибудь возникли „смутныя обстоятельства на востокѣ“ и не стало „возможности дальнѣйшаго пребыванія на Аѳонѣ“, и 3) обезпечить матеріально монастырь. Съ такими важными задачами покойный игуменъ ни на минуту не забывалъ и о тѣхъ, которые „приносятъ обители свои посильныя жертвы, часто изъ послѣднихъ средствъ, даже съ лишеніемъ и ограниченіями“ [2]. Напротивъ, любя всѣми силами своей доброй души русскій народъ и зная его всегдашнюю любовь и усердіе къ святынѣ, его всегдашнее, чрезъ всю исторію нашего отечества проходящее, стремленіе на православный востокъ, къ *личному* обозрѣнію мѣстъ, освященныхъ особыми явленіями Бога Отца въ Ветхомъ и Іисуса Христа въ Новомъ завѣтахъ, и прославленныхъ знаменательными событіями изъ жизни Божіей Матери, святыхъ апостоловъ, мучениковъ и аскетовъ-отшельниковъ христіанства, о. Макарій самъ лично старался на собранныя отъ него средства облегчить всѣми мѣрами эти

---

[1] Подробныя свѣдѣнія о построеніи и освященіи Петербургскаго Аѳонскаго храма содержатся въ брошюрѣ: „Духовное торжество и сердечная радость между петербургскими почитателями аѳонской святыни“. Изд. 2, Спб., 1889 г.

[2] См. духовное завѣщаніе о. Макарія. Душеполезн. Собесѣдн. в. IX 1889 г., стр. 231.

путешествія въ достославныя мѣста и побуждалъ къ тому же, какъ мы знаемъ изъ его писемъ къ отцу, и другихъ. Устроенныя съ этою цѣлью монастырскія подворья въ Константинополѣ, Одессѣ, въ Таганрогѣ, Анапѣ, Новороссійскѣ и Сухумѣ, а особенно первыя два, служатъ пріютомъ для всѣхъ странниковъ и странницъ нашей матушки Руси. Здѣсь всѣ они встрѣчаютъ истинно-русское широкое гостепріимство, полное радушіе и предупредительность. Здоровая горячая пища въ русскомъ вкусѣ и чай даются всѣмъ посѣтителямъ подворья безъ исключенія и безвозмездно. Въ незнакомыхъ большинству нашихъ паломниковъ городахъ, какъ напримѣръ, въ Одессѣ и Константинополѣ, послѣдніе имѣютъ въ лицѣ аѳонскихъ иноковъ, живущихъ на подворьяхъ, истыхъ благодѣтелей-опекуновъ. Въ Одессѣ на аѳонскомъ подворьѣ, напримѣръ, грамотному паломнику дадутъ печатный бланкъ прошенія къ одесскому градоначальнику о выдачѣ заграничнаго паспорта, въ которомъ ему придется написать лишь имя, отчество, фамилію и званіе—и прошеніе готово, а за неграмотнаго сдѣлаютъ все это хлопотливые монахи, которые потомъ отнесутъ этотъ бланкъ-прошеніе и въ канцелярію градоначальника, и для визитаціи къ генеральному турецкому консулу. Нашему поклоннику нисколько не страшна единственная въ своемъ родѣ турецкая таможня, такъ какъ его всегда защититъ отъ несправедливыхъ претензій „своя братія“. Стамбулъ или Царьградъ для нынѣшняго паломника все равно, что родная деревня. Свободно, подъ руководствомъ проводника-монаха, наши мужички и женщины идутъ во св. Софію, чтобы тамъ помечтать о томъ счастливомъ времени, когда „наши“ замѣнятъ луну на ея куполѣ св. крестомъ, посѣщаютъ патріархію, Влахерны. Ни тѣни страха, ни малѣйшаго замѣшательства, ни въ чемъ отказа или недостатка не чувствуетъ нашъ паломникъ въ Стамбулѣ на подворьяхъ „у нашихъ отцовъ“. Кушаетъ паломникъ сытно и даже сладко, спитъ спокойно и даже мягко, все что нужно для души имѣетъ онъ подъ руками, такъ какъ на подворьяхъ существуютъ часовни или даже маленькіе храмы и въ нихъ ежедневно совер*шается* истово, по аѳонскому уставу, богослуженіе. Мо-

настырь позаботился выхлопотать удешевленную плату для паломниковъ III класса, какъ изъ Константинополя въ Одессу, такъ и изъ Константинополя на Аѳонъ и обратно. Чтобы паломники наши были внѣ всякаго затрудненія и могущихъ возникнуть недоразумѣній на пароходахъ турецкомъ и греческомъ, совершающихъ рейсы между Константинополемъ и св. Горою, они находятся всегда подъ наблюденіемъ особаго человѣка, владѣющаго русскимъ языкомъ и на извѣстныхъ условіяхъ посылаемаго монастыремъ. Весьма нерѣдко монахи подворья на собственныя средства покупаютъ билеты недостаточнымъ паломникамъ на Аѳонъ и обратно, при чемъ, само собою понятно, нѣтъ и не можетъ быть рѣчи о роспискахъ или обѣщаніяхъ возвратить израсходованныя такимъ образомъ деньги. Совѣсти каждаго предоставляется принести благодарность за всѣ эти услуги... Выставленныя кружки для доброхотныхъ подаяній, по вскрытіи, рѣдко содержатъ рублевыя бумажки: бѣдность платитъ за ласку и привѣтъ лептами и сердечною со слезами на глазахъ благодарностію, унося съ собою самое пріятное воспоминаніе о своемъ пребываніи на этихъ подворьяхъ. Въ частности истинные трудолюбцы, послушники подворій: гостинникъ, проводникъ, и т. д. остаются безъ всякаго вознагражденія. Встрѣчая и угощая иногда цѣлыя сотни паломниковъ и даже тысячи (особенно большое стеченіе ихъ бываетъ послѣ Пасхи, при возвращеніи изъ Палестины), эти труженики съ ранняго утра до глубокой ночи быстро бѣгаютъ по многоярусымъ лѣстницамъ подворья, какъ напр., въ Константинополѣ, чтобы напоить и накормить каждаго гостя, не заставить его „скорбѣть“ по случаю медленности или недостатка въ чемъ нибудь. Въ это „горячее время“ не потъ течетъ по выносливой спинѣ русскаго инока-аѳонца, а кровь, и только сознаніе, что это трудъ „ради Бога“, и что онъ необходимъ, какъ подвигъ послушанія, который считается выше поста и молитвы, и только это одно даетъ аѳонскому иноку силы и мужество не пасть подъ тяжестью возложеннаго на него подвига. Хорошо все это сознавая и оцѣнивая, паломники, однако, не могутъ отблагодарить этихъ неусыпныхъ тружениковъ, такъ какъ эти послѣдніе не принимаютъ изъ рукъ ихъ ника-

кихъ вещественныхъ знаковъ признательности, а если и примутъ, то, по закону строгаго общежитія, немедленно вручаютъ *все полученное* своимъ старцамъ, прося при этомъ у благодарныхъ посѣтителей извиненія въ слѣдующей скромной и сердечной фразѣ: „покройте наши немощи своею любовію". Все это невольно трогаетъ паломниковъ-посѣтителей аѳонскихъ подворій, и чувство нравственнаго обязательства предъ гостепріимною братіею навсегда глубоко западаетъ въ ихъ душу. Не удивительно поэтому, что напъ русскій мужикъ шлетъ на Аѳонъ часто послѣднюю копѣйку и ни за что не повѣритъ, что иноки св. Горы, эксплоатируютъ, какъ думаютъ люди въ родѣ М. Ремезова („Русск. Мысль" 1892 г. кн. VIII, стр. 108), его простоту и невѣжество и его трудовую копѣйку тратятъ безцѣльно и безплодно.

ГЛАВА XII.

Просвѣтительно-издательская дѣятельность русской Аѳоно-Пантелеймоновской Обители.

Русскій благочестивый человѣкъ и при томъ паломникъ мало заботится о хлѣбѣ насущномъ, едва-ли не больше онъ страдаетъ отъ недостатка въ пищѣ духовной. Истый русскій паломникъ многія тысячи верстъ проходитъ пѣшкомъ, скудно питаясь чернымъ, не первой свѣжести, хлѣбомъ и водою. Капустныя щи, картофельную похлебку и чашку чая онъ считаетъ роскошью и исключительнымъ благодѣяніемъ въ своей страннической жизни. Удобствъ ночлега его тѣло, истомленное дневнымъ трудомъ и солнечнымъ зноемъ, не ищетъ. Паломникъ, осѣнивъ себя широкимъ русскимъ крестомъ, ложится спать тамъ, гдѣ застала его ночь. Мать сырая земля весьма нерѣдко служитъ для него ложемъ, его убогая заплечная сума съ ржаными сухарями—изголовьемъ, а небо, усѣянное міріадами звѣздъ, покровомъ. Только непогода и жестокая болѣзнь вынуждаютъ странника-паломника искать себѣ пріюта въ попутныхъ деревняхъ, обременять своею особою другихъ людей, также бѣдныхъ, какъ и онъ самъ, но и въ этихъ слу-

чаяхъ онъ скроменъ, неприхотливъ и крайне умѣренъ въ своихъ желаніяхъ, понимая хорошо, что окружающіе его люди дѣлаютъ ему добро „ради Христа“, какъ страннику, и что если онъ самъ терпитъ лишенія и ограниченія, то всѣ они суть пріобрѣтенія для него „ради спасенія души“, какъ первой и главнѣйшей цѣли добровольно принятаго на себя подвига. Но паломникъ, особенно если онъ человѣкъ грамотный или даже мало-мальски знакомый съ букваремъ, скучаетъ, томится, не веселъ въ дорогѣ и положительно жаждетъ почитать или даже послушать что нибудь „божественное“ или „отъ Писаній“. Въ утѣшительныхъ словахъ Евангелія паломникъ ищетъ для своего подвига одобренія и оправданія, такъ какъ ради него ему нерѣдко приходится покинуть дома все милое и дорогое его сердцу и обречь себя добровольно на скорби и лишенія, подъ тяжестью которыхъ онъ нерѣдко изнемогаетъ. Въ писаніяхъ св. Отецъ и особенно въ житіяхъ святыхъ онъ старается найти подходящіе примѣры подобныхъ подвиговъ и въ краснорѣчивыхъ безъискуственныхъ описаніяхъ ихъ почерпнуть для себя необходимые практическіе уроки и назиданіе. Не удивительно поэтому, что за подобнымъ чтеніемъ наши паломники нерѣдко забываютъ и тѣлесный голодъ и тѣ физическія невзгоды, которыя выпадаютъ на ихъ долю во время некратковременнаго странствованія по святынямъ. На привалѣ въ дорогѣ, на грязной палубѣ русскаго парохода, съ одинаковою заботливостію перевозящаго овецъ, быковъ и нашихъ бѣдныхъ паломниковъ, забившись въ укромный уголокъ, наши паломники проводятъ минуты отдыха и многіе часы однообразно-скучнаго отъ бездѣлья и длиннаго морскаго плаванія за чтеніемъ русскаго Евангелія или даже Молитвенника. Около счастливца, раздобывшаго какое нибудь „житіе“ или „душеспасительную повѣсть“ группируются цѣлыя кучи охотниковъ послушать назидательно-утѣшительное чтеніе; всѣ съ живымъ интересомъ и умиленіемъ внимаютъ читаемому и потомъ долго между собою бесѣдуютъ по поводу прочитаннаго. Понимая хорошо эту насущную потребность русскаго народа и желая дать ему назидательное и полезное чтеніе, покойный о. Макарій сдѣлалъ распоряженіе, свято соблюдаемое и доселѣ, чтобы каждаго па-

Ст 292

ломника, ѣдущаго на востокъ или возвращающагося на родину и останавливающагося на подворьяхъ русскаго Пантелеймоновскаго монастыря въ Константинополѣ или въ Одессѣ завѣдующіе сими подворьями снабжали бы „въ благословеніе Аѳонской горы“ безплатно 50-ю брошюрами [1] разнообразнаго

---

[1] Беру первую попавшуюся мнѣ подъ руки пачку брошюръ, тщательно завернутыхъ въ бумагу и приготовленныхъ для раздачи паломникамъ, и въ ней перечисляю для ознакомленія читателей съ характеромъ и содержаніемъ этихъ брошюръ названія ихъ. Всѣ брошюры въ 16 и 24 долю листа печатаны на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ и нерѣдко украшены подходящими къ тексту рисунками. Вотъ какія брошюры составляютъ взятую мною случайно связку: 1) Акаѳистъ св. великомученику Пантелеймону (72 страницы въ 32 долю листа). 2) Путеводитель по святой аѳонской горѣ (72 стр.), 3) при немъ имѣется атласъ видовъ (24) монастырей и скитовъ св. Горы. 4) О кончинѣ міра (32 стр.). 5) Указаніе пути въ царство небесное (18 стр.). 6) Краткія мысли на каждый день (94 стр.). 7) Богъ въ природѣ (36 стр.). 8) Какой вредъ приноситъ человѣку табакъ (16 стр.). 9) Бесѣда о молитвѣ (32 стр.). 10) Глухая исповѣдь (20 стр.). 11) Данное на потребу (30 стр.). 12) Догматъ о св. иконахъ по Стефану Яворскому (63 стр.). 13) О необходимости поминовенія усопшихъ (34 стр.). 14) Бесѣда архіепископа Никанора въ недѣлю блуднаго, при поминовеніи поэта Пушкина (42 стр.). 15) Житіе св. апостола Ѳомы (16 стр.). 16) Сказаніе о жизни и подвигахъ старца Даніила г. Ачинска (51 стр.). 17) Житіе св. Петра, сборщика податей (8 стр.). 18) Житіе св. Нифонта (16 стр.). 19) Житіе св. Филарета милостиваго (32 стр.). 20) Жизнь преподобнаго Петра Аѳонскаго (33 стр.). 21) Аѳонскіе современные подвижники (40 стр.). 22) Путь ко спасенію въ исполненіи заповѣдей Христовыхъ (46 стр.). 23) Житіе пр. Аѳанасія Аѳонскаго (51 стр.). 24) Св. гора Аѳонъ, земной удѣлъ Божіей Матери (26 стр.). 25) Душеполезное чтеніе (31 стр.). 26) Молва міра сего и безмолвіе (72 стр.). 27) Житіе св. Дмитрія мироточиваго (40 стр.). 28) Слово пр. Исихія, пресвитера іерусалимскаго о трезвеніи и молитвѣ (61 стр.). 29) Обѣтованія Богоматери благоговѣйнымъ насельникамъ св. горы Аѳона (31 стр.). 30) Слово св. архіепископа Александрійскаго «о исходѣ души и страшномъ судѣ» (24 стр.). 31) Животворящій крестъ Христовъ (24 стр.). 32) Кончина міра, страшный судъ и вѣчность мукъ (64 стр.). 33) О необходимости и пользѣ частаго причащенія пречистыхъ Таинъ Христовыхъ и о приготовительномъ къ нему покаяніи (40 стр.). 34) Житіе св. Григорія, архіепископа Омиритскаго (40 стр.). 35) Житіе св. Нины, просвѣтительницы Грузіи (34 стр.). 36) О Божіемъ мірѣ (48 стр.). 37) Бесѣды о покаяніи (48 стр.). 38) О Божіемъ словѣ (63 стр.). 39) Святый великомученикъ Пантелеймонъ (32 стр.). 40) Догматъ о св. церковныхъ постахъ по Стефану Яворскому (78 стр.). 41) Адъ и рай (24 стр.). 42) Бесѣда архіепископа Никанора «О трехъ старцахъ или о томъ, что должно изучать и знать

содержанія и различнаго объема и не меньшимъ количествомъ [1] нравственно назидательныхъ „листковъ“. Нѣкоторымъ изъ этихъ паломниковъ, зараженнымъ раскольническими мнѣніями

вѣру христіанскую» (16 стр.). 43) Его-же: «Что такое святой Аѳонъ для православной Россіи?» (16 стр.). 44) О пьянствѣ и другихъ богопротивныхъ привычкахъ: куреніи табаку, сквернословіи, пѣніи мірскихъ пѣсенъ, игрищахъ, катаніяхъ, суевѣріи и божбѣ (112 стр.). 45) Описаніе знаменій и исцѣленій Благодатію Божіею отъ святыхъ мощей и животворящаго креста (140 стр.) и 46) Духовное торжество и сердечная радость между петербургскими почитателями аѳонской святыни (56 стр.). Въ распечатанной пачкѣ до полнаго узаконеннаго количества не достаетъ четырехъ брошюръ.

[1] Въ связкѣ, случайно взятой мною, находятся 52 листка разнаго наименованія: 1) Письма іеромонаха Арсенія къ разнымъ лицамъ (32 стр.) 2) Путь къ спасенію (4 стр.). 3) Замѣчательное обращеніе старообрядки (8 стр.). 4) Кладбище—весьма назидательный учитель (4 стр.). 5) Замѣчательное сновидѣніе (4 стр.). 6) Торжество Божія правосудія (8 стр.). 7) Правила для благочестивой жизни (8 стр.). 8) Дивная христіанская кончина отрока (4 стр.). 9) Христіанинъ—храмъ Божій (8 стр.). 10) Обращеніе къ православію черкеса и татарина (4 стр.). 11) На что постъ? (4 стр.). 12) О чтеніи духовныхъ книгъ (8 стр.). 13) Сказанье объ иконѣ Божіей Матери, именуемой «Избавительница» (8 стр.). 14) Сказаніе объ Иверской иконѣ Божіей Матери (4 стр.). 15) Чудесное исцѣленіе отъ паралича (4 стр.). 16) Кто наслѣдуетъ животъ вѣчный (4 стр.). 17) Седмь таинствъ церковныхъ (4 стр.). 18) На новый годъ (8 стр.). 19) Пророческій сонъ младенца (4 стр.). 20) Какъ душу спасать (8 стр.). 21) Друзья до гроба и за гробомъ (8 стр.). 22) Не отчаявайся въ спасеніи (8 стр.). 23) Четвертая заповѣдь Божія (8 стр.). 24) Скорби ведутъ насъ на небо (4 стр.) 25) Милостыня—самая большая и цѣнная у Бога добродѣтель (4 стр.). 26) Христіанское званіе (8 стр.). 27) Обязанности гражданскія общественныя (4 стр.). 28) Бесѣда о молитвѣ (8 стр.). 29) Святый великомученикъ и цѣнитель Пантелеймонъ (4 стр.). 30) Не дѣла только, но и помыслы будетъ судить Господь (4 стр.). 31) Указаніе пути въ царство небесное (8 стр.). 32) Никакія дѣла, время и мѣсто не могутъ препятствовать намъ молиться (4 стр.). 33) Какъ утвердить въ себѣ памятованіе смерти, живя въ мірѣ среди житейской суеты (4 стр.). 34) Какъ утвердить въ себѣ вѣру въ Бога (4 стр.). 35) Преосвященный Антоній, архіепископъ воронежскій (8 стр.). 36) Бесѣды и наставленія преосвященнаго Антонія (8 стр.). 37) Краткое объясненіе тридцати-трехлѣтняго креста Господа нашего Іисуса Христа (4 стр.). 38) Двѣ главнѣйшія заповѣди Божіи (8 стр.). 39) Дивныя знаменія благодати Божіей (8 стр.). 40) Дѣйствіе благодати Божіей на обращающагося грѣшника (8 стр.). 41) Что такое жизнь и какъ должно жить? (8 стр.). 42) Нѣчто о милостыни нищимъ (4 стр.). 43) Моленіе сладчайшему Господу Іисусу при исходѣ души изъ тѣла (4 стр.). 55) Господь награждаетъ добродѣтельныхъ въ сей

или живущимъ среди раскольниковъ и сектантовъ, первымъ въ назиданіе, а вторымъ въ предотвращеніе отъ соблазновъ и для укрѣпленія въ православномъ вѣроученіи раздаются, по указанію старцевъ, брошюры, написанныя извѣстнымъ у насъ въ Россіи миссіонеромъ аѳонскимъ іеромонахомъ Арсеніемъ и направленныя противъ раскольническихъ и сектантскихъ заблужденій [1]. Всѣ поклонники кромѣ того обдѣляются „на память объ Аѳонѣ“ иконками св. великомученника Пантелеймона, четками изъ „слезъ Богоматери“ и крестиками и ложечками, какъ издѣліями рукъ аѳонскихъ анахоретовъ. Всѣ эти дары боголюбивой братіи аѳонскаго русскаго монастыря составляютъ цѣнное дорогое достояніе бѣдной паломнической сумы во время странничества, служатъ ему пріятною пищею и отдохновеніемъ въ его святомъ, но исполненномъ скорбей и лишеній подвигѣ. Возвращаясь на родину, паломникъ вноситъ эти дары, какъ дорогую святыню, въ родныя семьи, и черезъ раздачу своимъ кровнымъ и близкимъ дѣлаетъ и ихъ причастниками, такъ сказать, того великаго подвига, который совершенъ „трудникомъ Божіимъ“, ихъ дорогимъ молитвенникомъ, заставляетъ и ихъ хотя на нѣсколько часовъ отрѣшиться отъ сѣрой будничной дѣйствительности и, при созерцаніи священныхъ предметовъ далекаго востока, перенестись мысленно въ идеальный міръ. Брошюры и книжечки аѳонскихъ русскихъ подворій переходятъ изъ рукъ въ руки, обходятъ всѣ дома односельчанъ, доставляя духовное наслажденіе

жизни (8 стр.). 45) Молитва къ Богородицѣ предъ иконою «Достойно есть» (2 стр.). 46) Крестъ Христовъ и крестное знаменіе (4 стр.). 47) Плачь о грѣхахъ (4 стр.). 48) Пути промысла Божія (4 стр.). 49) Покаяніе и исповѣдь (8 стр.). 50) Размышеніе о смерти (4 стр.). 51) О покаяніи (4 стр.). 52) Умная молитва—долгъ мірянъ (4 стр.). 53) Св. Нифонтъ епископъ города Констанціи (8 стр.). 54) Святая гора Аѳонъ, земной жребій Божій Матери (4 стр.). 55) Моленіе ко св. великомученику и цѣлителю Пантелеймону (2 стр.). и 56) Пребываніе въ Москвѣ Аѳонской святыни и исцѣленія отъ нея (4 стр.). Въ данной связкѣ количество листовъ превышаетъ нормальную цифру на шесть листковъ.

[1] Всѣ эти брошюры составляютъ прямыя извлеченія изъ II части «Бесѣдъ съ молоканами» іеромонаха Арсенія, изданія Пантелеймонова монастыря на Аѳонѣ.

и здоровую умственную пищу на долгое время. Для самихъ паломниковъ эти брошюры служатъ кромѣ того вещественными доказательствами ихъ подвига и видимымъ вещественнымъ знакомъ духовнаго общенія съ далекими святынями востока. Паломникамъ изъ интеллигенціи и знатнымъ посѣтителямъ, монастырь „на память о себѣ“ раздаетъ цѣнныя изданія, какъ напр. „Второе путешествіе по Аѳону“ Григоровича-Барскаго, изданіе Палестинскаго общества, „Абхазія“ архимандрита Леонида, Аѳонскій Патерикъ, труды епископа Ѳеофана по св. Писанію и твореніямъ (аскетическаго характера) св. Отецъ и т. п. и при томъ въ роскошныхъ переплетахъ.

Просвѣтительная издательская дѣятельность русскаго Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ начинается въ самомъ началѣ второй половины истекающаго столѣтія, вскорѣ послѣ того, какъ русскіе иноки вступили въ число братства этого монастыря. Первою книгою, изданною въ 1850 году на средства монастыря, была хорошо извѣстная у насъ на Руси популярная и возбудившая въ свое время много толковъ книга подъ заглавіемъ: „Письма святогорца о св. Аѳонской горѣ“, написанная священникомъ Вятской епархіи Симеономъ Веслинымъ, болѣе извѣстнымъ у насъ подъ именемъ святогорца Серафима (названная книга, въ виду усиленнаго запроса на нее со стороны русскихъ читателей, была повторена изданіемъ въ томъ же году). Въ 1858 году того же автора была напечатана другая книга: „Сочиненія и письма святогорца, собранныя послѣ его смерти“, а 1861 г. третья: „Стихотворенія святогорца, собранныя послѣ его смерти и посвященныя любителямъ и благотворителямъ“. Всѣ эти произведенія о. Серафима пользовались широкимъ распространеніемъ въ народной массѣ въ свое время, не малочисленныхъ читателей они имѣютъ и доселѣ изъ той же среды. Въ 1860 году былъ напечатанъ монастыремъ, такъ называемый, „Аѳонскій патерикъ“, собранный стараніемъ другого вятскаго семинариста о. Азарія, весьма много и съ пользою потрудившагося для русскаго Пантелеимоновскаго монастыря. Эта книга до настоящаго времени выдержала *шесть* изданій. Въ 1861 году на средства обители

была издана въ Константинополѣ, напечатанная въ существовавшей въ ту пору при патріархіи славяно-болгарской типографіи, довольно также популярная книга подъ названіемъ: „Вышній покровъ“, въ которой собраны сказанія о всѣхъ чудотворныхъ иконахъ св. Аѳонской горы. Въ той же типографіи въ 1862 году напечатана была „Служба и похвальное слово преподобнымъ и богоноснымъ отцамъ нашимъ на св. Аѳонской горѣ просіявшимъ“, а въ 1867 году—„служба въ честь иконы Богоматери, именуемой „Достойно есть“. Въ Россіи въ 1863 году Пантелеймоновская обитель издала „Житіе и страданіе св. великомученика и цѣлителя Пантелеймона“, а въ слѣдующемъ 1864 году—„Молитву св. великомученику и цѣлителю Пантелеймону“ и нѣсколько другихъ мелкихъ брошюръ и листковъ духовно-нравственнаго содержанія. Всѣ эти изданія русскаго Пантелеймоновскаго монастыря, какъ показываютъ и ихъ названія, были направлены къ тому, чтобы удовлетворить естественные запросы русскихъ паломниковъ св. Горы по отношенію къ ея насельникамъ, чтобы въ общедоступныхъ и увлекательныхъ разсказахъ грамотный русскій народъ ознакомить и сообщить ему вѣрныя свѣдѣнія объ этой Горѣ, ея особомъ положеніи среди другихъ паломническихъ пунктовъ православнаго востока, о многочисленныхъ ея святыняхъ и предметахъ христіанской древности, объ особенностяхъ быта ея насельниковъ, о высоко-аскетическихъ подвигахъ ея анахоретовъ прошлаго и настоящаго времени и тому подобныхъ предметахъ.

Сочувственный и, можно сказать, рѣдкій успѣхъ изданій русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на самыхъ первыхъ порахъ и сознаніе той громадной нравственной пользы, какую черезъ подобныя изданія можетъ приносить обитель и своимъ соотечественникамъ и ближайшимъ сосѣдямъ православнымъ славянамъ Балканскаго полуострова, внушили мысль лицамъ, стоящимъ во главѣ братства этого монастыря, развить и расширить свою издательскую дѣятельность. Это намѣреніе ихъ осуществлялось лишь тогда, когда эти изданія по цѣнѣ своей сдѣлаются доступными самымъ бѣднѣйшимъ читателямъ, чего не иначе можно было достигнуть, какъ только

завести свою собственную типографію въ стѣнахъ обители. Разсчетъ на даровой трудъ и собственныя руки представлялъ вѣрную, повидимому, гарантію къ осуществленію благого намѣренія. Задуманное было сдѣлано, и въ 1865 году въ стѣнахъ русской Пантелеймоновской обители открыта была *русско-славянская типографія*[1]. Руками неопытныхъ, но усердныхъ къ дѣлу аѳонскихъ русскихъ иноковъ, была набрана, и весьма недурно для перваго раза, нужно отдать имъ полную справедливость, извѣстная уже намъ книга о. Іеронима: „Русско-греческіе словарь, разговоры, грамматика, напечатанные русскимъ шрифтомъ", отпечатанная въ 1865 г. Здѣсь, сколько намъ извѣстно, были напечатаны еще только три брошюры:

---

[1] Въ какихъ гранціозныхъ размѣрахъ было задумано это предпріятіе мы видимъ изъ письма о. Арсенія на Аѳонъ отъ 28 августа 1864 года. «*Машину для печатанія*, пишетъ онъ о. Іерониму, не совѣтуютъ намъ покупать, ибо за ней много хлопотъ, и нуженъ около нея опытный машинистъ, а всего около машины нужно пять человѣкъ, знающихъ свое дѣло. Бываютъ случаи, что приглашаютъ и стороннаго механика въ случаѣ большого разстройства въ машинѣ. Вмѣсто машины совѣтуютъ намъ купить два стана, стоющіе около 500 рублей оба. На нихъ можно печатать по 1200 листовъ въ день на каждомъ. Устройство ихъ—самое простое. Церковнаго шрифта надѣюсь скоро купить и послать вамъ. А о *словолитнѣ* говорятъ, что и думать не надо. Это многосложнѣйшая и хлопотливѣйшая статья и цѣнная». Словолитня дѣйствительно была оставлена; но дѣло о машинѣ для печатанія обсуждалось долго и послѣ. Въ письмѣ отъ 16 сентября того-же года о. Арсеній пишетъ на Аѳонъ: «Славянскаго шрифта постараюсь поболѣе купить, если возможно, а *о печатной машинѣ*, вѣроятно, о. Мелетій похлопочетъ. Жду его сюда, по письму его. *Не нужно-ли намъ здѣсь хотя изъ жалованья подыскать человѣка, который могъ-бы устроить у насъ книгопечатаніе?* Имѣющійся у насъ человѣкъ знаетъ-ли хорошо дѣло это? Постараюсь поспѣшить послать въ Одессу, что есть нужное для отправки въ обитель». Въ письмѣ слѣдующаго 1865 года говорится по тому-же поводу слѣдующее: «*Церковнаго шрифта о. Мелетій заказалъ здѣсь пудовъ двадцать или поболѣе.* Что дѣлать, — будемъ печатать нужное для себя. А если-бы потребовалась печатная машина, т. е. станокъ, то всего лучше купить, выписавъ чрезъ константинопольскихъ агентовъ, оттуда, гдѣ болѣе дѣлаютъ эти вещи, и обойдется противъ здѣшняго въ половину дешевле. Шрифта крупнаго не отливаютъ, а заказалъ какой могли найти въ словолитнѣ». Въ концѣ концовъ покупка печатной машины не состоялась, и печатались брошюры и листки на обычныхъ печатныхъ станкахъ, о которыхъ говорилъ о. Арсеній въ первомъ своемъ письмѣ.

„Слова Исихія, пресвитера іерусалимскаго", „Житіе св. мученика Дмитрія Солунскаго" и „Обѣтованія Божіей Матери, данныя св. Аѳонской горѣ" и нѣсколько отдѣльныхъ листковъ духовно-нравственнаго содержанія, а затѣмъ пришлось волею-неволею пріостановить дальнѣйшія работы въ этой импровизированной типографіи. Условія дальнѣйшаго существованія ея на Аѳонѣ сложились вполнѣ неблагопріятно для того дѣла, служить которому эта типографія предназначалась, по мысли главнаго иниціатора этого дѣла о. Іеронима. А каковы были эти планы и намѣренія организатора русской Пантелеимоновской обители—они высказаны откровенно въ слѣдующемъ прошеніи, поданномъ отъ имени обители въ 1868 году вселенскому константинопольскому патріарху:

„Изъ заявленій ежегодно приходящихъ на святую Гору немалочисленныхъ благочестивѣйшихъ поклонниковъ изъ *единовѣрцевъ нашихъ славянъ* мы узнаемъ, говорится въ прошеніи Пантелеймоновской братіи отъ 7 августа 1868 года къ вселенскому патріарху, что *они имѣютъ большую нужду въ книгахъ церковно-богослужебныхъ и нравственныхъ*. Отъ нихъ же мы узнаемъ, что ихъ духовныя потребности удовлетворяются исключительно почти книгами, вывозимыми изъ Россіи, пріобрѣтеніе которыхъ сопряжено съ большими затрудненіями и издержками. Въ послѣднее время появились нѣкоторыя славянскія книги, напечатанныя и внѣ Россіи[1], но таковыя

---

[1] Въ 1857 году въ Константинополѣ было дозволено напечатать на болгарскомъ языкѣ Апостолъ и Евангеліе экзарху Александру Стоиловичу, но съ непремѣннымъ условіемъ «устранить воспоминаніе императорской россійской фамиліи и оскорбительныя выраженія противъ Оттоманской державы» (Арх. Саввы. Собран. мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета по дѣламъ православнаго востока стр. 181). Митрополитъ Филаретъ по этому поводу высказалъ свои опасенія относительно могущаго произойти отсюда «болѣе вреда, нежели по первому виду представляется». *«Стоитъ труда*, писалъ по сему случаю великій іерархъ русской церкви, *сдѣлать опытъ доставить Болгарамъ изъ Россіи нужнѣйшія богослужебныя книги, напечатанныя такъ, чтобы враги православія не могли указать на нихъ, какъ на противныя политическому положенію Турціи»*. (Тамъ-же стр. 182). Но мысль эта осталась безъ осуществленія на дѣлѣ въ Россіи. Вторичная попытка къ изданію церковно-богослужебныхъ книгъ для южныхъ славянъ

оказались съ недостатками относительно точности, и потому не имѣли въ средѣ православныхъ должнаго одобренія и распространенія. Искренно сочувствуя въ семъ случаѣ нуждамъ единовѣрныхъ намъ народовъ, *честная наша обитель готова придти къ нимъ на помощь во всемъ, что касается ихъ духовной пользы.* Итакъ, руководимые такимъ желаніемъ и вполнѣ готовые по силѣ принести дѣйствительную пользу нашей св. церкви [1], мы, нижепоименованные, готовы устроить въ нашемъ монастырѣ славянскую типографію для печатанія слявянскихъ церковныхъ и прочихъ душеполезныхъ книгъ и для распространенія ихъ по умѣренной цѣнѣ между православными народами, но съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы это учрежденіе пребывало подъ непосредственнымъ покровительствомъ вашего святѣйшества; мы же покорно и съ благоговѣніемъ обѣщаемся слѣдовать и принимать, что благоугодно будетъ вашему святѣйшеству, посовѣтовать или приказать намъ въ семъ серьезномъ дѣлѣ умственнаго просвѣщенія нашихъ единовѣрцевъ. Доселѣ, снисходя къ усиленнымъ и непрестаннымъ мольбамъ нашихъ братьевъ славянъ относительно пріобрѣтенія по умѣренной цѣнѣ церковныхъ книгъ русскаго (синодальнаго) изданія, въ силу ихъ личныхъ затрудненій въ данномъ дѣлѣ, мы снабжали ихъ, по

относится къ 1866 году и принадлежитъ Осману-пашѣ, который задумалъ выполнить свое намѣреніе въ Сараевѣ въ Босніи въ тамошней турецкой сербской типографіи. Отзывчивый на все, касающееся дѣлъ православной церкви, московскій владыка и на сей разъ не замедлилъ предостеречь православныхъ и затѣю Османа-паши назвалъ «оскорбительною и вредною для православія» (стр. 360), хотя въ то же время бороться съ этою затѣею отсовѣтовалъ и предоставилъ это дѣло вѣдать вселенскому патріарху (стр. 361). Мысль русскихъ иноковъ на Аѳонѣ завести для печатанія церковно-богослужебныхъ книгъ для славянъ Балканскаго полуострова типографію шла, слѣдовательно, на встрѣчу желаніямъ и планамъ московскаго владыки и едва-ли даже не безъ цѣли угодить ему.

[1] У нѣкоторыхъ изъ аѳонскихъ иноковъ было желаніе этими книгами своей типографіи снабжать и русскій народъ. При печатаніи славянскихъ книгъ, пишетъ на Аѳонѣ о. Арсеній отъ 11 октября 1864 г., нельзя не просить разъ навсегда дозволенія печатать такъ: *«печатано съ дозволенія святѣйшаго константинопольскаго патріарха»: таковыя книги, полагаю, и въ Россіи не были-бы преслѣдуемы, какъ не цензурованныя».*

мѣрѣ возможности, означенными книгами. Но понятно всякому, что эта доставка съ нашей стороны требуетъ и большихъ издержекъ и не малой проволочки во времени, и что поэтому просьбы эти нашихъ единовѣрцевъ не всегда могли быть исполняемы. По сему, имѣя въ виду, съ одной стороны, распространеніе по умѣренной цѣнѣ церковныхъ книгъ между единовѣрцами нашими славянскими племенами для удовлетворенія ихъ духовныхъ нуждъ, а съ другой, поддержаніе и укрѣпленіе въ народѣ основъ православной вѣры и христіанской нравственности, считаемъ, какъ самое полезное и вмѣстѣ необходимое, заведеніе на святой Аѳонской горѣ, всѣми чтимой и посѣщаемой съ паломническою цѣлью, славянской типографіи, на что единодушно соглашается и рѣшается наша обитель. Изложивши все вышесказанное вашему святѣйшеству, съ благоговѣйнымъ послушаніемъ и глубочайшимъ почтеніемъ ожидаемъ вашихъ распоряженій, чтобы, при божественномъ содѣйствіи, немедленно приняться за это общеполезное и душеспасительное дѣло на тѣхъ основаніяхъ, каковыя благоугодно будетъ указать вашему святѣйшеству. Лобызая блаженную десницу вашу, пребываемъ вашего божественнаго и покланяемаго святѣйшества смиренные послушники и покорные слуги: игуменъ русскаго на св. Аѳонской горѣ монастыря святаго великомученика и цѣлителя Пантелеймона архимандритъ Герасимъ, духовникъ Іеронимъ и духовникъ Макарій“ [1].

Патріархъ на это прошеніе отвѣтилъ въ обитель 18 сентября того же года особою грамотою за № 3890 (2716) слѣдующимъ образомъ: „Преподобнѣйшіе о. игуменъ и прочіе отцы на святой горѣ Аѳонской находящагося священнаго и честнаго нашего патріаршаго и ставропигіальнаго монастыря Русскика, чада о Господѣ возлюбленная! благодать и миръ вамъ отъ Бога. Изъ сыновней вашей грамоты отъ 7 числа истекшаго августа мѣсяца мы узнали, что вы доносите, повергая на обсужденіе Церкви желаніе ваше относительно учрежденія

---

[1] Греческія копіи съ этого прошенія, а равно и съ отвѣта на него патріарха, любезно сообщены намъ почтеннымъ грамматикомъ и библіотекаремъ монастыря о. *Матѳеемъ*.

въ вашей священной обители славянской типографіи, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ относительно печатанія церковныхъ и прочихъ душеполезныхъ славянскихъ книгъ, для удобнѣйшаго удовлетворенія нуждъ и душевной пользы православныхъ славянъ. Въ отвѣтъ на сіе извѣщаемъ, ваше преподобіе, что эту просьбу вашу мы внесли для всесторонняго разсмотрѣнія святому и священному нашему синоду, по обсужденіи которымъ каждаго пункта настоящаго прошенія и по представленіи намъ его соображеній, мы извѣстимъ васъ немедленно о церковномъ нашемъ рѣшеніи. Благодать Божія и неизреченная милость да будутъ съ вами. Патріархъ константинопольскій во Христѣ молитвенникъ".

Но рѣшенія по сему предмету не дождалась Пантелеймоновская обитель и до сего дня. Дѣло въ томъ, что начавшіяся еще съ 1859 года несогласія между греческою и болгарскою церквами въ данномъ времени приняли довольно обостренный характеръ и разрѣшились потомъ въ 1872 г. объявленіемъ со стороны великой церкви, такъ называемой, „болгарской схизмы". Все это весьма естественно сдѣлало ходатайство русскаго Пантелеймоновскаго монастыря объ открытіи типографіи съ цѣлью печатанія церковно-богослужебныхъ книгъ для болгаръ не своевременнымъ.

Вмѣстѣ съ вышеприведеннымъ прошеніемъ относительно открытія типографіи въ стѣнахъ обители къ вселенскому патріарху было отправлено подобное же ходатайство и къ турецкому правительству, которое немедленно высказалось въ томъ смыслѣ, что, не встрѣчая никакихъ препятствій къ открытію упомянутой типографіи на Аѳонѣ, оно считаетъ необходимымъ, согласно съ существующими въ Турціи узаконеніями касательно печати, назначить на Аѳонъ особаго цензора и подчинить его контролю всѣ тамошнія изданія. Такой отвѣтъ со стороны турецкихъ властей равнялся положительному отказу, такъ какъ принять на Аѳонъ отдѣльнаго цензора значило бы для русскаго Пантелеймоновскаго монастыря отдать себя добровольно подъ контроль, далеко не всегда безпристрастный, турецкаго чиновника и вѣдаться потомъ со всѣми тѣми послѣдствіями, какія могли произойти отсюда для оби-

тели въ будущемъ. Съ полученіемъ такого отвѣта стало небезопасно для обители существованіе въ стѣнахъ ея типографіи и въ тѣхъ небольшихъ размѣрахъ, съ тѣми скромными задачами и цѣлями, какія она начала было выполнять уже безъ оффиціальнаго признанія за нею права на свое бытіе. Чтобы избѣжать могущихъ возникнуть отсюда непріятностей и столкновеній съ турецкими властями, старцы обители рѣшились добровольно закрыть свою типографію. Къ тому, нужно сознаться, были побужденія и чисто, такъ сказать, домашняго характера. Въ типографіи постоянно чувствовался недостатокъ въ опытныхъ и хорошо знающихъ типографское дѣло людяхъ, найти которыхъ среди своихъ иноковъ было дѣло трудное или вовсе невозможное, а мастера-міряне соглашались жить на Аѳонѣ не иначе, какъ за дорогое вознагражденіе. Удешевить, такимъ образомъ, изданія, съ какою цѣлью заводилась типографія на Аѳонѣ, не удавалось, и самое существованіе типографіи въ стѣнахъ обители сдѣлалось лишнею и во многихъ отношеніяхъ небезопасною, по вышеуказаннымъ причинамъ, обузою для нея. И такъ, *первый* и, быть можетъ, послѣдній печатный станокъ на высотахъ св. Аѳонской горы умолкъ навсегда и обреченъ былъ на забвеніе и разрушеніе въ обширныхъ монастырскихъ складахъ. Только литографскій станокъ, заведенный почти одновременно съ типографскимъ, продолжалъ неустанно работать и снабжать наше отечество черезъ паломниковъ картинами своего производства почти до конца семидесятыхъ годовъ, когда рѣшено было, наконецъ, и эти работы передать въ болѣе искусныя руки частныхъ лицъ въ Москвѣ и въ Одессѣ.

Затрудненія, какія встрѣтилъ русскій Пантелеймоновскій монастырь на востокѣ, въ дѣлѣ святаго и совершенно безкорыстнаго служенія нравственно-религіозному просвѣщенію своихъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ-славянъ Балканскаго полуострова, направили просвѣтительно-издательскую дѣятельность обители неожиданно для нея внутрь своего отечества и указали ей самую благотворную почву, на которой она и могла только развиться такъ широко и плодотворно, какъ она стоитъ въ настоящее время. Историческія и бытовыя условія

жизни нашего отечества сложились къ данному времени вполнѣ благопріятно для сего.

Въ 1862 году 28 августа, какъ мы говорили выше, выѣхалъ съ Аѳона весьма даровитый и симпатичный молодой іеромонахъ о. Арсеній (Мининъ), на котораго русскій Пантелеймоновскій монастырь возложилъ нелегкое порученіе объѣхать наше обширное отечество съ аѳонскою святынею и сдѣлать сборъ пожертвованій, крайне необходимыхъ обители для уплаты тяготѣвшихъ надъ нею въ ту пору большихъ долговъ и приведенія ея изъ запустѣнія и ветхости въ благолѣпный и приличный видъ, среди русскаго народа. Пріѣздъ въ Россію о. Арсенія съ аѳонскою святынею счастливо совпалъ съ моментомъ замѣчательнаго религіознаго энтузіазма и пробужденія чувства народнаго самосознанія въ средѣ русскаго народа, послѣдовавшихъ непосредственно послѣ великодушнаго акта милости къ своимъ подданнымъ со стороны покойнаго Царя-Освободителя, т. е. послѣ освобожденія крестьянъ отъ тяжелой крѣпостной зависимости. Стряхнувъ съ себя это иго, русскій народъ спѣшилъ излить передъ Богомъ свою слезно-радостную благодарственную молитву за актъ гуманной и безпримѣрной царской милости, собирался съ силами, чтобы взять въ свои могучія, хотя и неопытныя еще руки бразды дарованнаго ему Царемъ-Освободителемъ самоуправленія, и возчувствовалъ, если когда, то особенно въ это время, насущную потребность въ грамотѣ, въ просвѣщеніи. Неудивительно поэтому, что пріѣздъ о. Арсенія въ Россію съ аѳонскою святынею былъ привѣтствованъ со стороны русскаго народа весьма сочувственно и даже восторженно. Его путешествіе по Россіи, продолжавшееся почти до 1867 года, можно назвать тріумфальнымъ шествіемъ, великимъ обще-народнымъ праздникомъ, восторженными описаніями котораго были переполнены столбцы нашихъ большихъ газетъ обѣихъ столицъ, какъ напримѣръ, „Сѣверной Почты“ (органъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ), „Московскихъ Вѣдомостей“, „Сына Отечества“ и др. „Всюду на поклоненіе святынѣ, описываетъ очевидецъ этого путешествія по Могилевской и Витебской губерніямъ, собиралось множество народа: въ мѣстахъ ночлеговъ отъ 1,000 до 2,000—3,000 че-

ловѣкъ; тамъ же, гдѣ назначались дневки, стекалось до 5,000—10,000, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ, въ Гомелѣ, до 20,000... Поклониться святымъ мощамъ приходили даже жители сосѣднихъ губерній: Смоленской, Черниговской, Минской, Витебской, а по Могилевской губерніи едва-ли найдется одна, даже самая маленькая, деревенька, изъ которой не было бы кого-нибудь на богомольѣ. Ни ненастье, ни рабочая пора, при установившейся съ 10 августа сухой и ясной погодѣ, ничто не удерживало православныхъ отправляться на поклоненіе святынѣ аѳонской. Также усердно ей поклонялись почти всѣ немногочисленные по Могилевской губерніи поселяне-католики... Крестные ходы съ народомъ ожидали святыню иногда за версту предъ селомъ, городомъ или мѣстечкомъ... Крестьянскія дѣти открывали шествіе хода къ церкви, за ними передъ хоругвями, по бѣлорусскому обычаю, четыре дѣвушки несли на носилкахъ въ кіотѣ икону Божіей Матери, съ изображеніемъ на другой ея сторонѣ какого либо святого; за хоругвями шло духовенство, за духовенствомъ старшины и старосты съ значками своего служебнаго значенія... Во время слѣдованія крестнаго хода, дѣти, взрослые... сыпали предъ святынею цвѣты по дорогѣ... Всюду, при встрѣчѣ святыни, вносили ее прямо въ церковь, обходили съ нею престолъ въ алтарѣ и, черезъ царскія врата, тутъ же выносили къ народу на церковную площадь. Во избѣжаніе тѣсноты, при стеченіи множества богомольцевъ, молебствіе съ водосвятіемъ совершалось большею частію передъ церковью, на открытомъ воздухѣ, при чемъ, кромѣ причтовъ, были и хоры пѣвчихъ, составленные въ послѣдніе два-три года изъ крестьянскихъ дѣвочекъ и мальчиковъ, обучающихся въ сельскихъ училищахъ... Многіе изъ прибывшихъ къ святынѣ желали особенно, чтобы самъ аѳонскій іеромонахъ служилъ имъ молебенъ, читалъ надъ ними евангеліе, благословилъ ихъ, чтобы самъ далъ освященной воды, воску, масла для исцѣленія, и о. іеромонахъ исполнялъ желаніе каждаго... Такія торжественныя встрѣчи совершались, какъ при сіяніи теплаго дня, такъ и при глубокомъ мракѣ ночи, представляя картину не только полную христіан-

ского благочестія, но и восхитительную для посторонняго зрителя. Еще умилительнѣе, хотя гораздо смиреннѣе, совершалось ночное моленіе въ малолюдныхъ деревенькахъ, на чистомъ полѣ, на перекресткѣ или на дорогѣ между высокими березами, при слабомъ освѣщеніи десятка мелкихъ восковыхъ свѣчъ, иногда пылающаго въ сторонѣ костра, гдѣ кучка народа въ 200—300 человѣкъ, столпившись около святыни, благоговѣйно слушала тихіе возгласы аѳонскаго іеромонаха, смиренное пѣніе братіи его, шопотомъ повторяя вмѣстѣ съ ними молитвы и пѣснопѣнія"...

„Пока совершалось поклоненіе, священные предметы, находившіеся при святынѣ, какъ то: иконы, изображенія святыхъ на бумагѣ и холстѣ, крестики, образки, четки и книжки, охотно пріобрѣтались усердными богомольцами на память посѣтившей ихъ святыни. Книги всѣ были духовнаго содержанія: житія святыхъ, краткія поученія, акаѳисты цѣлителю Пантелеймону и Божіей Матери и проч.". Бѣднымъ богомольцамъ и дѣтямъ все это „въ благословеніе св. Аѳонской горы" и „на память" о посѣщеніи святыни раздавалъ въ большомъ количествѣ о. Арсеній *даромъ*. „Въ теченіе сорокадневнаго пребыванія и слѣдованія аѳонской святыни по Могилевской губерніи *разобрано и роздано въ даръ иконъ, крестиковъ, книгъ, и прочихъ вещей болѣе ста тысячъ экземпляровъ*... Пріобрѣтенныя иконы, изображенія и печатные листы тутъ-же съ любопытствомъ разсматривались на улицахъ, или даже читались кѣмъ нибудь грамотнымъ въ кучкѣ народа"... Такимъ образомъ, „не говоря уже о благотворномъ съ религіозно-нравственной стороны вліяніи посѣщенія края святынею, она принесла странѣ огромную пользу и успѣшнымъ распространеніемъ между могилевскими бѣлоруссами православныхъ иконъ и книгъ русской печати духовно-нравственнаго содержанія. Совѣты народныхъ училищъ, въ теченіе двухлѣтняго существованія своего, сдѣлали въ этомъ отношеніи едва-ли пятую долю того, что сдѣлала святыня въ 40 дней! Теперь и въ курной темной хатѣ поселянина красуется въ переднемъ углу благолѣпная икона или раскрашенное изображеніе святого,

вмѣсто прежнихъ лубочныхъ иконъ, полинявшихъ и закоптѣлыхъ отъ времени“ [1].

Дознавъ такимъ образомъ личнымъ опытомъ, съ какою жадностію русскій народъ спѣшитъ удовлетворять свой духовный голодъ, какъ высоко цѣнитъ всякую книжку отъ „писаній“ или „житій“, особенно если она носитъ на себѣ слѣды аѳонскаго происхожденія, и понимая громадную пользу отъ этихъ изданій для чести и даже прямой пользы своей обители, о. Арсеній рѣшился приступить къ цѣлому ряду изданій духовно-нравственныхъ книгъ и брошюръ, склоняя всячески содѣйствовать ему въ этомъ благомъ дѣлѣ и старцевъ своей обители. „Составили мы бесѣду о молитвѣ, пишетъ о. Арсеній на Аѳонъ изъ Петербурга въ 1867 году, отпечатаемъ и вамъ пришлемъ. Не угодно ли будетъ и вамъ приготовить что-либо душеполезное? Оно будетъ постепенно печатаемо и тысячи православныхъ будутъ читать и назидаться. Хотя и много есть духовныхъ книгъ, *но когда что носитъ на себѣ печать св. Аѳона, то преимущественно пріемлется съ большею вѣрою, и потому бываетъ полезнѣе для читающихъ. Насъ Господь поставилъ на такое поприще, что если мы пожелаемъ потрудиться, то много можемъ сдѣлать добра, ибо что мы говоримъ, тому вѣрятъ*... Святыня наша, источникомъ чудесъ и знаменій прославившаяся, доставила намъ большую вѣру; ей мы всѣмъ обязаны, и безъ нея я давно уже былъ бы на св. Аѳонѣ“ [2]. „Чрезъ подобныя книжки, пишетъ о. Арсеній въ другомъ письмѣ, распространяется животворное слово Божіе, утверждается вѣра и содѣлывается спасеніе многихъ душъ, особенно при чтеніи описаній о бывшихъ преславныхъ чудесахъ, совершенныхъ по благодати Божіей, хотящей всѣмъ спастися. Сколь велико и многоцѣнно предъ очами Божіими сіе богоугодное дѣло, это можемъ разумѣть изъ словъ Свя-

---

[1] Изъ корреспонденцій министерской газеты «Сѣверная почта» за 1866 г., перепечатанныхъ въ книгѣ: «Описаніе знаменій и исцѣленій отъ св. мощей и части Животворящаго древа креста Господня, принесенныхъ со св. Аѳонской горы». М. 1880 г., стр. 52—57.

[2] Изъ письма о. Арсенія къ о. Іерониму въ 1867 г.

щеннаго Писанія: *аще кто сотворитъ и научитъ сей велій наречется въ царствіи небесномъ*. Ничѣмъ инымъ мы, грѣшные, не можемъ такъ научить, какъ раздаяніемъ душеполезныхъ книгъ и описаній о дѣлахъ Божіихъ“ [1].

Мудрые старцы обители вполнѣ раздѣляли намѣренія своего довѣреннаго о. Арсенія, зависящими отъ нихъ мѣрами поощряли его труды въ столь важномъ дѣлѣ и всячески содѣйствовали съ своей стороны его успѣху, хорошо сознавая важность и пользу отъ этого и для отечества и для славы своей обители. „Пожертвуемъ на это дѣло до одной тысячи рублей, писалъ о. Іеронимъ къ о. Арсенію и въ этомъ родѣ неоднократно, препровождая при письмѣ составленную имъ для напечатанія брошюру: „Напоминаніе православнымъ христіанамъ о повиновеніи властямъ, выписанное изъ Св. Писанія“, ибо оно, при содѣйствіи Божіемъ, *послужитъ на пользу многихъ душъ и отечеству*“ [2].

Начало своей просвѣтительно-издательской дѣятельности о. Арсеній положилъ выпускомъ въ свѣтъ цѣлаго ряда брошюръ, въ свое время съ большимъ интересомъ читавшихся русскими людьми и разошедшихся по Руси въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, подъ заглавіемъ: „Описаніе знаменій и исцѣленій благодатію Божіею бывшихъ отъ святыхъ мощей и части животворящаго древа Креста Господня, принесенныхъ со св. Аѳонской горы изъ русскаго Пантелеймонова монастыря“, съ указаніемъ тѣхъ губерній, по которымъ прослѣдовала аѳонская святыня. По этимъ брошюрамъ русскій народъ хорошо ознакомился съ прибывшею къ нему издалека святынею и съ цѣлебною силою ея для всѣхъ, кто съ вѣрою и молитвою къ ней притекаетъ. Большія хлопоты и непрерывная переписка о. Арсенія съ старцами по поводу составленія жизнеописанія Богоматери, изданія въ свѣтъ акаѳиста и службы въ честь великомученика Пантелеймона и другихъ книгъ падаютъ на этотъ первый періодъ его издательской дѣятельности. Болѣе усиленная и болѣе плодотворная просвѣтительная

---

[1] Изъ письма о. Арсенія на Аѳонъ безъ даты.

[2] Изъ письма о. Іеронима къ о. Арсенію отъ 15 апрѣля 1879 г.

издательская дѣятельность русскаго Пантелеймоновскаго монастыря начинаетъ развиваться, по окончаніи уже путешествія о. Арсенія по Россіи, или вѣрнѣе, послѣ устроенія въ 1873 году особой часовни во имя св. великомученика Пантелеймона при Богоявленскомъ монастырѣ на Никольской улицѣ въ центрѣ Москвы, гдѣ аѳонская святыня была помѣщена на болѣе или менѣе постоянное пребываніе. Съ этого времени о. Арсеній сдѣлался, можно сказать, безвыѣзднымъ почти обитателемъ нашей первопрестольной столицы и съ увлеченіемъ и жаромъ своей живой и энергичной натуры отдался высокому дѣлу служенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія своихъ соотечественниковъ. Литературнымъ и издательскимъ трудамъ о. Арсеній, посреди своихъ сложныхъ и суетливыхъ обязанностей по должности довѣреннаго большой русской обители на Аѳонѣ, отдавалъ весь свой небольшой досугъ, всѣ свободные часы короткой ночи и суетливаго дня, нерѣдко изнемогая подъ тяжестью принятаго на себя труда[1]. Наконецъ, съ 1878 г.,

---

[1] «Теперь на мнѣ такая обуза: печатаніе книгъ и образовъ, откровенно писалъ старцамъ въ обитель о. Арсеній. Съ художниками постоянно непріятности: всякій хочетъ кое-какъ сдѣлать и поскорѣе деньги взять, а станешь говорить,—что не такъ,—и выговорить не дадутъ. Всѣ одного покроя. Я ихъ перепробовалъ. Отъ непріятныхъ хлопотъ и заботъ, чтобъ не захворать. Все это у меня дѣйствуетъ на голову. Къ тому-же дѣла разнаго куча, письменнаго. Теперь очень серьезное дѣло—собраніе чудесъ отъ св. мощей бывшихъ. Послѣ напечатанія книжки, ихъ очень много, болѣе 100. Есть надежда, что отпечатаютъ. Не хочется опустить дѣло это, оно поведетъ къ славѣ Божіей и обители нашей и на пользу многихъ православныхъ. Прошу вашего благословенія на этотъ предметъ, который потребуетъ удѣлить много времени, а у меня его и безъ того нѣтъ. Что дѣлать?.. У меня два стола завалены бумагами, служеніе молебновъ много беретъ времени. Много исполняется не такъ, какъ-бы я желалъ, но нѣтъ времени заняться предметомъ». Письмо отъ 17 ноября, кажется, 1868 г. Въ другомъ письмѣ къ старцамъ о своемъ московскомъ житьѣ, въ Троице-Сергіевской Лаврѣ, о Арсеній пишетъ слѣдующее: «Здоровье замѣтно ослабѣваетъ. Какъ-то Господь поможетъ все кончить? Отдыха ни малѣйшаго не могу имѣть, при всемъ желаніи хотя нѣкоего успокоенія. Утромъ съ 5 часовъ встаемъ и, по неотступной просьбѣ, отправляемся въ дома служить молебны. Потомъ возвращаемся въ лавру, служимъ молебны приходящимъ, а вечеромъ тоже въ домахъ служимъ молебны, или отправляюсь по прочимъ необходимымъ дѣламъ обители. Возвращаюсь въ лавру вечеромъ, по большей части въ 10 часовъ и за-

когда рѣшено было издавать ежемѣсячникъ съ заглавіемъ: „Духовная Бесѣда“, эта просвѣтительно-издательская дѣятельность принимаетъ характеръ строго систематическій и дѣлается правильно-періодическою. Ежемѣсячникъ русскаго Пантелеймоновскаго монастыря, измѣнивъ свое заглавіе нѣсколько разъ, продолжаетъ существовать и до настоящаго времени съ заглавіемъ: „Душеполезный Собесѣдникъ“, которое было усвоено издателями своему журналу съ 1888 года.

Издательская дѣятельность Пантелеймоновскаго монастыря становится непрерывно-періодической со времени основанія въ 1878 г. ежемѣсячнаго изданія „Душеполезныя размышленія“, которое продолжается и до настоящаго времени, съ переименованіемъ въ 1888 г. въ „Душеполезный Собесѣдникъ“.

Программа аѳонскаго ежемѣсячника довольно обширна и любопытна. Она состоитъ изъ слѣдующихъ VII отдѣловъ: I) *Уроки слова благодатнаго*: краткія выдержки изъ св. Писанія, книгъ святоотеческихъ и изъ богослужебныхъ книгъ; II) *Церковно-историческія свѣдѣнія*, о святыняхъ и древностяхъ востока и особенно св. горы Аѳонской, о святыхъ мѣстахъ русской земли, отрывки изъ путешествій по онымъ и под. Разсказы изъ жизни святыхъ, жизнеописанія подвижниковъ благочестія, воспоминанія о нихъ, поучительные случаи изъ ихъ жизни; III) *Назидательное чтеніе*: душеполезные случаи и разсужденія о разныхъ предметахъ вѣры и жизни христіанской, краткія изъясненія нѣкоторыхъ мѣстъ св. Писанія и нѣкоторыхъ богослужебныхъ обрядовъ и пѣснопѣній церковныхъ, краткія слова и поученія, духовныя стихотворенія; IV) *Изъ дневника православнаго христіанина*: проявленія благодатной силы Божіей въ чудесныхъ знаменіяхъ отъ св. мо-

---

нимаюсь, сколько могу, необходимѣйшими письмами и прочими дѣлами, такъ что ни помолиться Богу въ уединеніи, ни сходить въ церковь совершенно нѣтъ времени. Можно найти время, если отказать требующимъ отслужить молебны, но совѣсть воспрещаетъ. Да и какъ будемъ молиться Богу, отказавъ жаждущимъ помолиться и исцѣлиться отъ святыни? Только въ праздники отказываю утромъ и хожу къ литургіи». Письмо отъ 1865 г. Тѣ же жалобы на постоянные недосуги и множество хлопотъ наполняютъ письма о. Арсенія и къ другимъ лицамъ.

щей и иконъ и поучительныя явленія промысла Божія въ разныхъ знаменательныхъ обстоятельствахъ жизни христіанина; V) *Золотыя блестки*: краткія поучительныя мысли и изреченія о разныхъ предметахъ вѣры и благочестія; VI) *Библіографія*: свѣдѣнія о книгахъ и картинахъ духовнаго содержанія и объявленія о нихъ и VII) *Аѳонская лѣтопись*: краткія извѣстія о выдающихся событіяхъ на св. горѣ Аѳонской и особенно въ русской обители св. великомученика Пантелеймона. Въ изданіи помѣщаются *рисунки*, соотвѣтствующіе содержанію статей, изображенія св. иконъ, виды монастырей, портреты замѣчательныхъ и выдающихся дѣятелей православной церкви и т. п. Кромѣ того при изданіи этомъ въ качествѣ приложеній, въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ и листковъ, печатаются статьи по всѣмъ отдѣламъ указанной программы. Листки и брошюры эти, печатающіеся въ количествѣ отъ 35,000 до 40,000 экземпляровъ назначаются обителью для даровой раздачи поклонникамъ и для безплатной разсылки подписчикамъ „Душеполезнаго Собесѣдника“.

Ежемѣсячникъ русскаго Аѳоно-Пантелеймоновскаго монастыря печатается въ количествѣ 22,000 экземпляровъ, а разсылается подписчикамъ и благодѣтелямъ обители въ количествѣ 13,000 экз., *6 разъ въ годъ, по два выпуска сразу*. Причина этого послѣдняго явленія кроется въ чрезмѣрной дешевизнѣ годовой подписной цѣны на ежемѣсячникъ. Изъ *рубля* серебромъ годичной платы съ пересылкою за ежемѣсячное изданіе въ *два печатныхъ листа*, русская Пантелеймоновская обитель, при нынѣшнемъ способѣ разсылки своего изданія—шесть разъ въ годъ, тратитъ только на почтовые расходы *одну четверть подписной цѣны* (24 коп., считая на каждую бандероль двѣ двухкопѣечныя марки). Принимая во вниманіе эти расходы, а также на пересылку, на печать, бумагу, клише для рисунковъ, не считая расходовъ на гонораръ, въ виду того, что печатаемыя въ изданіи статьи большею частію даровыя, не платныя, „Душеполезный Собесѣдникъ“ для русскаго Пантелеймоновскаго монастыря въ матеріальномъ отношеніи приноситъ чистый убытокъ. Вознагражденіемъ для него служатъ безъискусственная *сердечная* благодарность со стороны безплатныхъ его чи-

тателей, нашихъ русскихъ паломниковъ, и сознаніе, что монастырь служитъ великому дѣлу религіозно-нравственнаго просвѣщенія своихъ соотечественниковъ, нерѣдко и послѣднюю копѣйку посылающихъ въ монастырь на его нужды. Эти трудовыя лепты, а равно и прямая матеріальная поддержка настоящаго изданія со стороны нѣкоторыхъ состоятельныхъ „благотворителей“ даютъ возможность обители шире и шире развивать свою просвѣтительно-издательскую дѣятельность съ каждымъ годомъ.

Количество подписчиковъ „Душеполезнаго Собесѣдника“, а равно и такіе факты, какъ *переизданіе* его вторично за годы 1878—81 и *троекратное* повтореніе изданія за 1882 годъ,— все это, по нашему мнѣнію, служитъ весьма наглядньмъ доказательствомъ того, что запросъ на подобное изданіе, интересъ къ нему въ средѣ русскаго народа существуетъ несомнѣнный. Имѣя же въ виду разнообразіе программы изданія, а равно и добросовѣстное, по мѣрѣ возможности, выполненіе ея со стороны издателей, можно думать, что читатели и подписчики этого изданія находятъ въ немъ для себя полное удовлетвореніе. Но мы съ своей стороны не можемъ не пожелать этому родоначальнику, такъ сказать, и прототипу подобныхъ изданій у насъ на Руси въ Троице-Сергіевской Лаврѣ въ Москвѣ, въ Печерской Лаврѣ въ Кіевѣ и др., возможно болѣе широкой извѣстности среди нашей интеллигенціи и большаго распространенія среди русскихъ грамотныхъ людей вообще. Для достиженія того и другаго, по нашему мнѣнію, нѣтъ надобности изданію русскаго Пантелеймоновскаго монастыря, имѣющему въ виду не корыстные разсчеты, а служеніе великому дѣлу нравственно-религіознаго просвѣщенія русскаго народа, прибѣгать къ широковѣщательной рекламѣ, какъ средству весьма обманчивому и ненадежному, но достаточно лишь нѣсколько *оживить и разнообразить* содержаніе самого ежемѣсячника. Наши desiderata по отношенію къ этому изданію не выходятъ за предѣлы вышеуказанной программы въ объемѣ перечисленныхъ семи отдѣловъ, но мы желали бы видѣть въ изданіяхъ русскаго Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ побольше фактовъ и извѣстій изъ текущей аѳонской

жизни, которая находитъ, говоримъ откровенно, довольно слабое отраженіе въ „Душеполезномъ Собесѣдникѣ“. Любопытнѣйшій отдѣлъ программы—*аѳонская лѣтопись* не появляется на страницахъ этого изданія нерѣдко два-три мѣсяца и вовсе не потому, чтобы на высотахъ Аѳона не совершилось за это время ничего достопримѣчательнаго, достойнаго вниманія читателей „Душеполезнаго Собесѣдника“, чтобы въ этомъ избранномъ мѣстѣ безмолвія и высшихъ подвиговъ отшельничества и на самомъ дѣлѣ были „тишь и гладь и Божья благодать“, но потому, что издатели усвоили себѣ правило дѣлиться съ своими читателями извѣстіями лишь „о выдающихся событіяхъ на св. горѣ Аѳонской“, и при томъ „особенно въ русской обители св. великомученика Пантелеймона“. А такъ какъ съ точки зрѣнія смиренно-иноческой заслуживаютъ особеннаго вниманія лишь „проявленія благодатной силы Божіей въ чудесныхъ знаменіяхъ отъ св. мощей и иконъ и поучительныя явленія промысла Божія въ разныхъ знаменательныхъ обстоятельствахъ жизни христіанской“, то отсюда все вниманіе издателей обращено на этотъ четвертый отдѣлъ программы ихъ изданія, и все житейское, повседневное и скоротечное, предпринимаемое и совершаемое по потребностямъ ихъ немощной плоти, предается забвенію, считается недостойнымъ вниманія благочестивыхъ читателей, ищущихъ „душеполезнаго“ назиданія. Отсюда, напр., на страницахъ аѳонскаго изданія не нашло себѣ мѣста такое выдающееся событіе, имѣющее за собою длинное прошлое и тяжелыя послѣдствія въ настоящемъ, какъ состоявшееся распоряженіе аѳонскаго протата о выселеніи изъ Карей свѣтскихъ торговцевъ, художниковъ и т. п. людей, весьма много повредившихъ доброй репутаціи нѣкоторыхъ изъ слабѣйшихъ насельниковъ св. горы. Оповѣстивъ въ свое время своихъ читателей о пожарѣ въ Симоно-Петрскомъ монастырѣ, уничтожившемъ этотъ монастырь до основанія, „Душеполезный Собесѣдникъ“ ни словомъ не обмолвился о его возрожденіи и о первой литургіи, совершенной въ день Рождества Христова истекшаго (1892) года въ возобновленномъ храмѣ. Извѣстіе это далеко не лишнее для русскихъ людей въ виду ого обстоятельства, что его игуменъ о. Неофитъ, прожившій

въ Россіи два года для сбора милостыни на возобновленіе своей обители, успѣлъ пріобрѣсти въ средѣ русскихъ людей симпатіи къ себѣ и сочувствіе къ тяжелому положенію безпріютной братіи. Послѣдовавшее недавно распоряженіе св. Синода о дозволеніи Кутлумушскому монастырю сдѣлать сборъ милостыни въ Россіи, по нашему мнѣнію, возлагаетъ нравственный долгъ на издателей ознакомить русскихъ людей съ историческою судьбою этого монастыря и ея дѣйствительными нуждами. Сдѣлать это тѣмъ болѣе необходимо, что разрѣшеніе сбора милостыни послѣдовало, какъ намъ извѣстно, не безъ участія русскаго Пантелеймоновскаго монастыря. Выдающіяся событія въ жизни другихъ греческихъ и особенно славянскихъ монастырей Аѳона, судьба русскихъ келліотовъ и событія въ ихъ жизни—все это интересный матеріалъ для аѳонской лѣтописи, могущій дать популярность этому изданію и завоевать обширный кругъ читателей. Интересъ къ подобнаго рода свѣдѣніямъ у насъ существуетъ несомнѣнный, чѣмъ объясняется и успѣхъ извѣстнаго журнала „Паломникъ“ и множество описаній путешествій по востоку, печатающихся не только на страницахъ духовныхъ, но даже и нашихъ толстыхъ свѣтскихъ журналовъ.

Высказывая свои desiderata относительно оживленія и полноты седьмаго отдѣла, мы рекомендовали бы издателямъ дать иную постановку и шестому отдѣлу—библіографіи. Не лишне знакомить читателей съ выдающимися изданіями религіозныхъ книгъ и духовныхъ картинъ, но гораздо важнѣе, по нашему мнѣнію, для читателей аѳонскаго изданія знать, что и какъ пишется у насъ объ Аѳонѣ. Въ виду частаго появленія у насъ очерковъ, описаній и путешествій по св. горѣ на страницахъ журналовъ и отдѣльныхъ изданій, отъ кого и прежде всего русскіе люди могутъ ожидать правильной оцѣнки, вѣрнаго освѣщенія явленій изъ современнаго быта святогорскихъ насельниковъ, какъ не отъ самихъ аѳонцевъ на страницахъ ихъ изданія. Авторитетное ихъ слово, сказанное съ любовію къ истинѣ, заградитъ уста многимъ изъ тѣхъ нашихъ туристовъ-паломниковъ, которые берутся писать объ Аѳонѣ, побывъ тамъ двѣ-три недѣли или даже всего нѣсколько дней. Опять таки

мы желаемъ, чтобы русскій народъ видѣлъ Аѳонъ въ его настоящемъ свѣтѣ и именно въ изданіи аѳонскомъ, а не сквозь призму современныхъ предразсудковъ противъ монашества и подъ угломъ зрѣнія легкомысленнаго верхоглядства.

Далѣе. Сообщая „разсказы изъ жизни святыхъ, жизнеописанія подвижниковъ благочестія, воспоминанія о нихъ“ во второмъ отдѣлѣ, намъ думается не лишне было бы въ этотъ отдѣлъ ввести и свѣдѣнія о жизни и подвигахъ современныхъ аѳонскихъ анахоретовъ и иноковъ, если не здравствующихъ, то по крайней мѣрѣ уже отошедшихъ въ вѣчность. Иначе говоря, мы желали бы, чтобы въ „Душеполезномъ Собесѣдникѣ“ дано было видное мѣсто *некрологіи*, при чемъ въ этотъ отдѣлъ попадали бы не только „выдающіяся“ лица по своему положенію въ обители, какъ напр., игумены, духовники, экономы и т. п., а *выдающіеся*, въ собственномъ смыслѣ этого слова, иноки своими духовными подвигами, высокою аскетическою жизнію, каковыми могутъ быть портари (привратники), вордупари (погонщики муловъ), находящіеся на послушаніи на мельницѣ, въ дохіарномъ (вещевомъ) складѣ и проч. Иноческая аѳонская жизнь—весьма сложная въ своихъ проявленіяхъ, а поэтому и рядовые братчики многочисленной монашеской семьи, низшіе исполнительные органы власти игумена, могутъ и дѣйствительно нерѣдко являются воплотителями то той, то иной стороны этого высокаго идеала. Весьма естественно, слѣдовательно, что своею жизнію, которая весьма часто представляетъ въ прошломъ цѣлую сложную драматическую эпопею, они могутъ давать читателямъ „Душеполезнаго Собесѣдника“ весьма назидательный урокъ. Въ этомъ случаѣ мы можемъ указать на одинъ изъ тѣхъ тридцати рукописныхъ сборниковъ, оставшихся послѣ о. Мины, въ которомъ содержатся біографіи всѣхъ иноковъ русскаго Пантелеймоновскаго монастыря. Нѣкоторыя изъ этихъ біографій, по своему интересу, произвели на насъ глубокое впечатлѣніе, и мы свободно могли бы указать имъ мѣсто на страницахъ аѳонскаго ежемѣсячника. Признаемся, мы не безъ сожалѣнія отмѣчаемъ тотъ фактъ, что „Душеполезный Собесѣдникъ“ не помянулъ добрымъ *словомъ* такихъ выдающихся своихъ иноковъ, какъ бывшій

антипросопъ о. Нафанаилъ и о. регентъ Григорій, много и съ великою пользою потрудившихся на благо своей „метаніи“.

Наконецъ, мы желали бы, чтобы въ IV отдѣлѣ было отведено мѣсто описанію особенностей церковно-богослужебной практики современнаго Аѳона. Знакомство съ этою стороною аѳонской жизни въ одинаковой мѣрѣ будетъ интересно и для мірянъ и для нашего духовенства, особенно монашествующаго. Въ виду живого отношенія къ подобнымъ вопросамъ на самомъ Аѳонѣ въ средѣ тамошнихъ „типикарей“ [1], между которыми въ затруднительныхъ случаяхъ существуетъ даже письменный обмѣнъ мыслей, весьма интересно было бы видѣть на страницахъ аѳонскаго изданія рѣшенія по возникшимъ недоумѣннымъ случаямъ въ области церковно-богослужебной практики со стороны этихъ компетентныхъ судей по даннымъ вопросамъ. Многое могло бы быть принято даже и въ нашу практику.

Но всѣ эти „pia desideria“ могутъ осуществиться лишь подъ тѣмъ условіемъ, когда во главѣ изданія станетъ любитель и артистъ своего дѣла, способный вдохнуть въ изданіе „душу живу“. Нужно имѣть въ виду, что успѣхъ въ Россіи такъ называемыхъ „троицкихъ листковъ“ всецѣло зависитъ отъ таланта и замѣчательной энергіи и преданности дѣлу ихъ нынѣшняго редактора о. архимандрита Никона.

Отъ аѳонскаго ежемѣсячника мы переходимъ къ обозрѣнію отдѣльныхъ изданій русскаго Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ за весь періодъ времени съ 1850 года по настоящее время. Спѣшимъ, однако, оговориться, что мы не имѣемъ въ виду предлагать здѣсь нашимъ читателямъ утомительный и подробный перечень этихъ изданій, изъ коихъ нѣкоторые давно уже не печатаются и даже въ продажѣ не встрѣчаются. Скажемъ только, что изъ этихъ изданій образовалась нынѣ уже почтенная библіотека, съ составомъ которой желающіе могутъ

---

[1] О значеніи типикарей въ церковно-богослужебной практикѣ на Аѳонѣ подробнѣе см. въ нашемъ изслѣдованіи: „Современное богослуженіе на православномъ востокѣ“.

ознакомиться по „Каталогамъ [1] книгъ, изданныхъ аѳонскимъ русскимъ Пантелеймоновскимъ монастыремъ“, которые печатаются отдѣльными изданіями и разсылаются всюду желающимъ изъ ихъ книжныхъ складовъ при подворьяхъ въ Москвѣ, Петербургѣ и Одессѣ. Мы постараемся лишь классифицировать эти изданія по предметамъ, дать краткую характеристику каждаго и указать степень распространенности того или иного изданія среди русской читающей публики, какъ она выражается въ цифровыхъ данныхъ—количества изданій и количества экземпляровъ печатаемыхъ при изданіи. Питаемъ увѣренность, что такимъ образомъ мы наглядно и убѣдительно для нашихъ читателей представимъ дѣйствительную картину живой и въ высшей степени плодотворной просвѣтительной и издательской дѣятельности нашей Пантелеймоновской обители на Аѳонѣ.

Въ ряду многочисленныхъ изданій этой обители первое мѣсто принадлежитъ безспорно экзегетическимъ толковательнымъ трудамъ по св. Писанію покойнаго епископа Ѳеофана, а равно и его многочисленнымъ переводамъ восточныхъ отцовъ аскетическаго направленія. Экзегетическіе труды епископа Ѳеофана пріобрѣли ему почетную извѣстность въ нашемъ богословскомъ мірѣ, а переводныя творенія пользуются широкою извѣстностію среди даже мірянъ, любителей духовно-нравственнаго чтенія. Изъ этихъ послѣднихъ заслуживаютъ упоминанія „Слова Симеона новаго Богослова“ въ 2-хъ в. (два изданія, 2-е изд. въ 2500 экз.), „Невидимая брань Никодима святогорца“ (5000 экз.), „Каллистъ патріархъ и сподвижникъ его Игнатій, Ксанѳопулы“ (1000 экз.) и „Добротолюбіе“ въ 5 томахъ (по 3000 экз. каждый томъ). Капитальнѣйшимъ трудомъ преосвящ. Ѳеофана нужно считать послѣдній. Въ его „Добротолюбіе“ вошли извлеченія о монашествѣ изъ твореній такихъ отцовъ, которые до-

---

[1] Въ случайно попавшемъ намъ подъ руки „Каталогѣ“ 1890 г., и при томъ весьма не полномъ, помѣщены названія *болѣе чѣмъ двухъ сотъ изданій*, при чемъ нѣкоторыя изъ этихъ наименованій въ нѣсколько томовъ (напр., Добротолюбіе въ 5 томахъ; Бесѣды съ молоканами въ 2 частяхъ; Душе*полезныя* размышленія въ 10 томахъ и т. д.).

толѣ не находили себѣ мѣста въ изданіи того же наименованія. Но этого мало. Четвертый томъ его „Добротолюбія“ является совершенно новымъ для русскихъ читателей, такъ какъ онъ составленъ исключительно почти изъ катехизическихъ поученій Ѳеодора Студита въ его „Большомъ Катихизисѣ“. Оригиналъ въ пергаменной рукописи XI в. (271 поученіе) взятъ былъ изъ Патмосской рукописи, при посредствѣ проживающаго тамъ на покоѣ въ Іоанно-Богословскомъ монастырѣ бывшаго пелусійскаго митрополита Амфилохія. Остается лишь пожалѣть, что эти поученія переведены не въ цѣломъ видѣ, а лишь въ извлеченіяхъ, по личному вкусу просвѣщеннаго отшельника переводчика. Нельзя пройти молчаніемъ и собственныхъ аскетическихъ сочиненій еп. Ѳеофана, пользующихся большею распространенностію и извѣстностію въ средѣ русскихъ читателей, какъ наприм., „Путь ко спасенію“ (шесть изданій по 5000 экз.), „Письма къ разнымъ лицамъ о разныхъ предметахъ вѣры и жизни“, „Письма о христіанской жизни“ въ 4 частяхъ, „О покаяніи, причащеніи Христовыхъ Таинъ и исправленіи жизни“ (3 издан.), „Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ изъ Слова Божія“ (2 изд. по 5000 экз.), „Что есть духовная жизнь и какъ на нее настроиться“ (2 изд.), „Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасенія“ (2 изд. 4000 экз.) и др. Въ томъ же отдѣлѣ аскетическихъ изданій нужно отмѣтить „Цвѣтникъ духовный“ (3 изд.), „Черты дѣятельнаго благочестія“ (4 изд. въ 5000 экз.), „Прологъ въ поученіяхъ. Св. В. Гурьева“ (въ 6000 экз.), „Псалтирь или богомысленныя размышленія св. Ефрема Сирина“ (5 изд. въ 5000 экз.), „Творенія Антонія великаго“ (1000 экз.), Аввы Исаіи (1000 экз.), Исихія пресвитера іерусалимскаго (6 изд. въ 10,000 экз.) и др.

Второе мѣсто принадлежитъ сочиненіямъ о св. горѣ Аѳонской, чрезъ которыя русскій народъ знакомился съ св. Горою и бытомъ ея насельниковъ. Таковыми нужно считать: „Письма святогорца о св. Аѳонской горѣ“ въ 4-хъ частяхъ (6 изд. въ 10,000 экз.), „Аѳонскій патерикъ“ (6 изд. въ 3000 экз.), „Путеводитель по св. Аѳонской горѣ“ (подробный) (6 изд. въ 10,000 экз.), сокращенный (3 изд. въ 8000 экз.), „Св.

гора Аѳонъ, земной удѣлъ Божіей Матери, мѣстность и обитатели ея“ (10 изд. въ 10,000 экз.), „Второе посѣщеніе св. Аѳонской горы В. Григоровичемъ-Барскимъ (1000 экз.), „Русскій Пантелеймоновскій монастырь“ (7 изд. въ 5000 экз.), „Акты русскаго на св. Аѳонѣ монастыря св. великомученика и цѣлителя Пантелеймона“, „Очеркъ русскаго на Аѳонѣ Пантелеймонова монастыря (6 изд. въ 10,000 экз.), „Описаніе знаменій и исцѣленій“ отъ Аѳонской святыни (5 изд. въ 10,000 экз.) и др. Сюда же къ этому отдѣлу нужно отнести изданія, трактующія о жизни и прославленіи Богоматери, какъ покровительницы Аѳона, и житія святыхъ угодниковъ и подвижниковъ, прославившихся на Аѳонѣ. Таковы изданія: „Сказаніе о земной жизни Пресв. Богородицы“ (6 изд. въ 5000 экз.), „Избранныя слова св. отцовъ въ честь и славу Пр. Богородицы“ (3 изд.), „Слава Богоматери“ по сочиненіямъ митр. Филарета (3000 экз.), „Вышній покровъ надъ Аѳономъ или сказанія о чудотворныхъ, на Аѳонѣ прославившихся, иконахъ Божіей Матери и святыхъ угодниковъ Божіихъ“ (7 изд. въ 5000 экз.), „Сказаніе о чудотворной иконѣ Божіей Матери, именуемой Іерусалимскія, находящейся въ русскомъ на Аѳонѣ Пантелеймоновомъ монастырѣ“ (3 изд. въ 5000 экз.), „Обѣтованія Богоматери благоговѣйнымъ насельникамъ св. Горы“ (7 изд. въ 10,000 экз.) и др., „Житіе, страданія и чудеса св. великомученика и цѣлителя Пантелеймона“ (9 изд. въ 10,000 экз.), „Св. великомученикъ и цѣлитель Пантелеймонъ“ (13 изд. въ 10,000 экз.), житіе Дмитрія Солунскаго (5 изд. въ 10,000 экз.), житіе Аѳанасія (5 изд. въ 10,000 экз.) и Петра аѳонскихъ (5 изд. въ 5000 экз.), житіе Саввы Сербскаго (3 изд.), житіе преподобно-мучениковъ Евфимія, Игнатія и Акакія, на Аѳонѣ подвизавшихся (2 изд. въ 15,000 экз.). Въ связи съ этими книгами и брошюрами стоятъ изданія акаѳистовъ, напр., Божіей Матери „Троеручицѣ“ въ Хиландарѣ (3 изд. въ 5000 экз.), „Достойно есть“ въ Карейскомъ соборномъ храмѣ (2 изд. въ 10,000 экз.), „Скоропослушницѣ“ въ Дохіарѣ (3 изд. въ 10,000 экз.), со службою въ честь той же иконы (въ 3000 экз.), св. великомученику Пантелеймону (12 изд.), Саввѣ Сербскому и др. Для знакомства съ

современными подвижниками Аѳона имѣютъ значеніе брошюры: „Аѳонскіе современные подвижники“ (8 изд. въ 10,000 экз.), біографическіе очерки старцевъ Іеронима (10,000 экз.) и Арсенія (3 изд. въ 3000 экз.) и др.

Что же касается мелкихъ брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія, то перечислить ихъ нѣтъ никакой возможности. Съ ихъ разнообразіемъ по содержанію наши читатели ознакомлены въ началѣ настоящей главы въ двухъ примѣчаніяхъ, въ которыхъ мы указали содержанія связокъ, раздаваемыхъ на Аѳонѣ богомольцамъ „въ благословеніе св. Горы на память“. Всѣ эти брошюры печатаются большею частію въ количествѣ 10,000 экземпляровъ и только нѣкоторыя спускаются до 3,000 экземпляровъ, но за то между ними есть брошюры, которыя печатаются въ 40,000 экземпляровъ, какъ напр., Бесѣда преосвященнаго Никанора, бывшаго херсонскаго и одесскаго „Въ недѣлю блуднаго сына, при поминовеніи раба Божія Александра (поэта Пушкина) по истеченіи 50-лѣтія послѣ его смерти“, его же „Поученіе о театральныхъ зрѣлищахъ въ великій постъ“, его же „Бесѣда о томъ, что не слѣдуетъ христіанскимъ проповѣдникамъ опровергать всѣ лжеученія“, въ 30,000 и 25,000 какъ напр., „Козельщанская Божія Матерь“, „Бесѣда о пьянствѣ“ [1] (3 изд.), „Какой вредъ приноситъ человѣку табакъ?“ (3 изд.) и „Бросьте курить!“ „О вредѣ куренія табаку для здоровья“ (3 изд.); въ количествѣ 15,000, какъ напр., архіепископа Никанора „Поученіе о вегетаріанизмѣ“.

Зная хорошо, что въ средѣ благочестиваго русскаго народа съиздавна разсѣеваются лжеучителями раскола и разныхъ сектъ сѣмена неправаго ученія, и что пастыри русской церкви дѣлаютъ много усилій для борьбы съ ними, русскій Пантелей-

---

[1] „Бесѣда о пьянствѣ“ въ три изданія разошлась около 40,000 экз., брошюра: „Какой вредъ приноситъ человѣку табакъ“, напечатанная въ первый разъ въ Одессѣ въ 1888 г. (число экземпляровъ этого изданія мы не знаемъ), была перепечатана дважды въ Москвѣ—въ 1889 году въ 40,000 экз. и въ 1891 г. въ 30,000 экземпляровъ; брошюра „О вредѣ куренія табаку“ въ 1 изд. въ Одессѣ вышла въ 25,000 экз., а во второмъ и третьемъ изданіяхъ въ Москвѣ 1890 и 1891 годовъ по 10,000 экземпляровъ.

моновскій монастырь рѣшился придти на помощь имъ въ этой борьбѣ своими изданіями. Обителью съ этою цѣлью были изданы въ 60-хъ годахъ весьма полезныя для борьбы съ расколомъ сочиненія гуслицкаго игумена Парфенія: „Виноградъ церковный“, „Ветроградъ духовный“, „Мечъ духовный“, „Обличеніе отвѣтовъ“ и др., печатались противораскольническія брошюры, какъ напр.: „Пути провидѣнія въ жизни одной благочестивой женщины, совращенной въ расколъ и опять возвратившейся въ православную церковь“ (1 изд. 1886 г. въ 25,000 экз.) и др.

Для борьбы съ молоканами, штундистами и вообще съ послѣдователями раціоналистическихъ сектъ обитель выслала изъ среды своей миссіонера о. іеромонаха Арсенія, бывшаго молоканина, который своею неустанною дѣятельностью пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность, и въ помощь русскому духовенству для той же борьбы напечатала два тома его „бесѣдъ православнаго христіанина съ молоканами“ о храмѣ и объ иконахъ (оба тома выдержали уже 3 изданія по 3,000 экз.) и другія его брошюры: „Лжехристы монтано-молоканскіе Иванъ Григорьевъ и Григорій Верещагинъ“ (3 изд. въ 3,000 экз.), Письма къ новообратившимся изъ разныхъ сектъ раскола“ (3,000 экз.) и иныхъ авторовъ: „Вразумленіе заблудшимъ“ (7 изд. въ 10,000 экз.), „Вразумленіе заблудшимъ и исповѣдь обратившихся отъ заблужденія“ (4 изд. въ 3,000 экз.) и др. 14 противосектантскихъ брошюръ о. Арсенія выдержали уже три изданія и печатались всякій разъ не менѣе 3,000 экз. и не свыше 7,000 экз. Съ тою же цѣлью обитель печатаетъ въ 13 брошюрахъ ученіе о разныхъ догматахъ христіанской вѣры по книгѣ митрополита Стефана Яворскаго „Камень вѣры“. И эти брошюры, какъ и первыя, выдержали уже три изданія, но печатаются большею частію въ 5,000 и 10,000 экземпляровъ.

Появленіе въ Россіи секты „пашковцевъ“ побудило обитель переиздать „открытыя письма старосты Исаакіевскаго собора г. Пашкову“ въ количествѣ 25,000 экземпляровъ, и усилившееся въ послѣднее время увлеченіе въ средѣ русскаго интеллигентнаго общества философско-моральными брошюрами графа Толстого, которыя распространялись путемъ рукописей и литогра-

фі й, вызвало необходимость издать въ цѣлыхъ десяткахъ тысячъ рядъ бесѣдъ покойнаго ахіепископа Никанора, направленныхъ къ опроверженію воззрѣній маститаго литератора, облекшагося на склонѣ своихъ лѣтъ въ несвойственную ему тогу философа-моралиста.

Вообще ни одно изъ крупныхъ явленій нашей внутренней политической или религіозной жизни не проходило не замѣченнымъ нашими аѳонскими иноками, которые чутко даже до болѣзненности прислушиваются ко всему тому, что происходитъ внутри ихъ хотя и покинутаго, но все же еще близкаго ихъ сердцу дорогого отечества. Они охотно и съ самоотверженіемъ всегда готовы откликнуться всѣми зависящими отъ нихъ способами на нужды его въ данное время. Черезъ аѳонскія изданія за весь сравнительно еще не длинный періодъ ихъ просвѣтительно-издательской дѣятельности посѣяно не мало добрыхъ сѣмянъ на невоздѣланной еще и обширной нивѣ нашего народнаго религіозно-нравственнаго просвѣщенія. Краснорѣчивыми выразителями народной благодарности и цѣнителями громадной пользы для него отъ изданій русскаго аѳоно-пантелеимоновскаго монастыря являются наши архипастыри, содѣйствующіе этому великому дѣлу народнаго просвѣщенія своими собственными литературными трудами, появляющимися на страницахъ аѳонскихъ изданій. „Лично я, писалъ одинъ изъ здравствующихъ нынѣ сибирскихъ іерарховъ въ Пантелеимоновскій монастырь по поводу кончины игумена-архимандрита Макарія, не имѣю счастія знать кого либо изъ васъ (т. е. братіи монастыря), но ваша свято-подвижническая жизнь, ваши денно-нощныя молитвы, *ваша просвѣтительная дѣятельность, столь много приносящая пользы Россіи*, невольно и душу и сердце мое влекутъ къ вамъ; духъ мой часто-часто привитаетъ между вами. Считаю себя счастливымъ и на всегда остаюсь признательнымъ, что и мои убогія лепты не выброшены *изъ драгоцѣннаго вѣнка вашихъ душеполезныхъ изданій, вѣнка, обнимающаго все наше отечество,—изданій съ необыкновенною любовію и назиданіемъ читаемыхъ Россію.* О, продолжайте, продолжайте это *великое дѣло, превышающее, по моему мнѣнію, всякую лично-со-*

ставную миссію. Жатва теперь многа, и дѣлателей, какъ и всегда, мало. Но будемъ молиться, да изведетъ Господинъ жатвы, если не на жатву, такъ на сѣяніе свое дѣятелей, которые будутъ исполнять слова Премудраго: „Сѣй рано, сѣй поздно, ибо не знаемъ какое взойдетъ и плодъ принесетъ“ [1].

Кто же эти дѣлатели жатвы, руками которыхъ „сплетенъ драгоцѣнный вѣнокъ душеполезныхъ изданій, обнимающій все наше отечество?“ Большинство изъ нихъ, какъ и весьма естественно ожидать, *не аѳонцы*, люди, пріобрѣтшіе почетную извѣстность въ отечествѣ своими литературными трудами. Вотъ имена нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣятелей: митрополитъ сербскій Михаилъ, архіепископы одесскіе и херсонскіе Никаноръ и Дмитрій, епископы Ѳеофанъ, Іустинъ, Мисаилъ и Петръ, архимандриты Антонинъ (бывшій начальникъ іерусалимской миссіи), Леонидъ (бывшій начальникъ Троице-Сергіевской Лавры въ посадѣ) и Никонъ (нынѣшній издатель троицкихъ листковъ), протоіерей Н. И. Флоринскій (кіевскій), М. Путинцевъ, Касьяновъ, І. Полисадовъ, священники В. П. Гурьевъ, Н. Румянцевъ, Дударевъ, Н. Воиновъ, іеромонахи Серафимъ (москв. андроніевскаго монастыря) Стефанъ (Куртѣевъ изъ Вятки), покойный Аскоченскій, проф. Терновскій Ф. А., извѣстный библіографъ и поэтъ С. Г. Пономаревъ, А. Ѳ. Ковалевскій, П. Кременецкій, Г. Русаговъ и др. Но нѣкоторые и изъ аѳонскихъ иноковъ среди нощеденственныхъ молитвъ, келейныхъ правилъ и трудовъ своего послушанія, возлагаемыхъ на нихъ условіями общежительныхъ порядковъ, строго наблюдаемыхъ въ обители, короткіе часы досуговъ посвящали и доселѣ посвящаютъ литературнымъ трудамъ, которые появляются на свѣтъ Божій въ аѳонскихъ изданіяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ составили себѣ даже литературную извѣстность, какъ напр. іеромонахъ святогорецъ Серафимъ [2], старецъ Азарія [3], духовникъ Іеронимъ, іеромонахъ Арсеній (бывшій завѣдующій аѳонскимъ Пантелеимоновскимъ подворьемъ въ Москвѣ), миссіо-

---

[1] Письмо это имѣетъ слѣдующую дату отправителя: „1889 г. 10 авг.“.

[2] О литературной дѣятельности о. Серафима см. у преосвящ. Порфирія. Исторія Аѳона ч. III, отд. II, Спб. 1892 г., стр. 531—532.

[3] Тамъ-же, стр. 532—534.

неръ іеромонахъ Арсеній и игуменъ Парѳеній (бывшій переяславскій). Затѣмъ внесли свои литературныя лепты въ аѳонскую сокровищницу покойный о. архимандритъ Макарій [1], здравствующій монахъ Аркадій, о. грамматикъ и библіотекарь Матѳей, монахъ Михаилъ (бывшій послѣ архимандритомъ Казанской Раифской пустыни), архимандритъ Паисій [2] (начальникъ неудавшейся абиссинской миссіи), о. іеромонахъ Владиміръ, монахъ Селевкій и монахъ Пантелеимонъ (впослѣдствіи архимандритъ Киренскаго Тобольскаго монастыря).

Изъ названныхъ отцовъ—аѳонскихъ иноковъ, труды которыхъ издавались русскимъ Пантелеимоновскимъ монастыремъ, совершенно новыми личностями для нашихъ читателей являются только о. іеромонахъ Владиміръ и монахъ о. Аркадій. Первый, новгородской губерніи уроженецъ, человѣкъ молодой, весьма начитанный въ святоотеческой литературѣ, симпатичный по характеру, съ любовію и усердіемъ исполняетъ свое послушаніе, которое заключается въ завѣдываніи и распоряженіи изъ монастыря относительно монастырскихъ изданій. О. Владиміръ постоянный и, можно сказать, единственный корреспондентъ съ Аѳона въ „Душеполезный Собесѣдникъ“. Отдѣлъ въ этомъ ежемѣсячникѣ подъ названіемъ: „аѳонская лѣтопись“ принадлежитъ исключительно перу о. Владиміра.

О. Аркадій почтенный старецъ изъ вятскихъ семинаристовъ. Замкнутый и весьма скромный отъ природы о. Аркадій остался въ скромномъ званіи простого инока въ теченіе всей своей многолѣтней жизни въ обители, отказываясь отъ

---

[1] На страницахъ аѳонскаго ежемѣсячника напечатано нѣсколько глубоко назидательныхъ поученій, произнесенныхъ о. Макаріемъ къ братіи по разнымъ случаямъ. Покойный о. Макарій былъ ревностный проповѣдникъ Слова Божія и не лишенъ даже дара краснорѣчія, а посему весьма часто поучалъ ввѣренную его попеченію братію. Отъ него въ рукописяхъ осталось весьма много поученій, которыя, благоговѣйно хранящая его память братія, мы надѣемся, издастъ въ свѣтъ „на память“ о почившемъ игуменѣ.

[2] О. Паисій не умѣетъ писать, но съ его словъ составлена брошюра: „Вразумленіе заблудшимъ и исповѣдь обратившагося отъ заблужденія“, изданная русскимъ Пантелеймоновскимъ монастыремъ уже четыре раза.

рукоположенія во іеромонахи, не разъ ему предлагаемаго старцами обители. Глубокій знатокъ древне-греческаго языка и прекрасный каллиграфъ, онъ весь свой досугъ отъ молитвъ и иноческихъ подвиговъ посвящаетъ келейнымъ книжнымъ занятіямъ. Его усердіемъ не мало сдѣлано переводовъ съ древнегреческаго языка для аѳонскихъ изданій и славянскихъ службъ на греческій языкъ для типикарницы Пантелеимоновскаго собора и употребленія въ богослужебной его практикѣ. О. Аркадій весьма искусный составитель службъ и акаѳистовъ по разнымъ случаямъ на церковно-славянскомъ языкѣ.

Что же касается остальныхъ аѳонскихъ иноковъ-писателей, то съ біографическими свѣдѣніями большинства изъ нихъ наши читатели ознакомлены въ шестой главѣ настоящаго очерка. Здѣсь же мы намѣрены остановить ихъ вниманіе лишь на двухъ инокахъ-писателяхъ о.о. Селевкіѣ и Пантелеимонѣ, которые выдаются изъ остальныхъ аѳонскихъ иноковъ и своеобразностію своей натуры и судьбою своихъ литературныхъ дѣтищъ.

Объ о. Селевкіѣ мы говорили выше, какъ о сборщикѣ милостыни въ Россіи, до поѣздки съ тою же цѣлію извѣстнаго о. Арсенія. Въ число иноковъ-писателей о. Селевкій помѣщенъ, потому что отъ него остались напечатанныя имъ самимъ составленныя записки подъ заглавіемъ: „Разсказъ святогорца схимонаха Селевкія о своей жизни и о странствованіи по святымъ мѣстамъ“, Спб. 1860 г. Въ Ярославлѣ, во время пребыванія съ святынею „я, пишетъ объ этихъ запискахъ о. Селевкій, на боку лежучи, писалъ по ночамъ, на своей лежаночкѣ,—больше на память, о томъ, что случилось со мной, съ самаго дѣтства, или отъ колыбели—до этой лежанки“(стр. 236). Нѣкій „рабъ Божій“ исправилъ эти записки и переписалъ набѣло. Въ этихъ запискахъ очень много находится свѣдѣній объ Аѳонской горѣ и характеристикъ современныхъ о. Селевкію иноковъ ея. Самый разсказъ о событіяхъ, имъ описываемыхъ, отличается необыкновеннымъ простодушіемъ и откровенностію, граничащею съ дѣтскою наивностію. Краткія характеристики знакомыхъ ему аѳонскихъ иноковъ, помимо *своеобразнаго* подбора тѣхъ или иныхъ чертъ характера и

образа жизни описываемой имъ личности, наивны до смѣшнаго и прямо соблазнительны для благочестиваго читателя [1]. Не удивительно поэтому, что книжка эта, хотя и написанная авторомъ, по просьбѣ „благодѣтелей“, „въ пользу русскаго

---

[1] „Я, пишетъ о. Селевкій о святогорцѣ Серафимѣ, отвѣчалъ (вопрошавшимъ), что святогорецъ умеръ и *Господь сохранилъ его мозгъ въ головѣ, за его дивныя и святыя мысли, что косточки его желты и благоуханны, а изъ главы истекаетъ мро*“ (Разсказъ, стр. 234). „Схимонахъ отецъ Тимоѳей 12 лѣтъ хранилъ молчаніе. Келлія его была наверху надъ отхожими мѣстами и полна клоповъ. У него не было ни кроватки, ни постели; а служило ему вмѣсто кровати кресло и надъ головою лежала псалтирь. Когда онъ бывало сидитъ на скамейкѣ, то у него на колѣнахъ лежитъ чурочка, въ которой выдолблены двѣ ямочки, а въ нихъ—масляныя зерна. Онъ беретъ по одному зернышку, перекладываетъ изъ одной ямки въ другую, а самъ творитъ Іисусову молитву. Дивный былъ старецъ! Я часто бесѣдовалъ съ нимъ. Бывши у него однажды въ келліи, я говорю ему: „о. Тимоѳей, благослови меня обмести стѣны твоей келліи отъ клоповъ“. А онъ мнѣ сказалъ въ отвѣтъ: „Нѣтъ, отче, клопы для меня полезны: у меня пухнутъ ноги, а они вытягиваютъ изъ нихъ дурную кровь“.—А мы и ничтожную боль, и даже укушеніе блохи не можемъ стерпѣть.—Отецъ Тимоѳей былъ самовольный мученикъ: за то какая была его кончина! Почти цѣлый мѣсяцъ онъ каждый день пріобщался св. Таинъ, и скончался мирно и тихо. *Откопаны косточки его желтыя, какъ воскъ. И у меня была его кость въ сундукѣ, и какъ я бываю открою сундукъ, такъ и пойдетъ благоуханіе неизреченное*“... (Тамъ же. Прилож. стр. 21). „Схимонахъ Захарій—сапожникъ и портной. Пожилъ недолго. Косточки его чистыя“ (стр. 28). „Схимонахъ Аѳанасій былъ на послушаніи на метохѣ. Разъ онъ стоялъ ночью на молитвѣ, вдругъ видитъ подлѣ себя сатану въ видѣ ангела. *Онъ ударилъ его четками, и сатана заушилъ его* и отецъ Аѳанасій оставался глухъ до самой кончины своей. Онъ подвизался очень ревностно. Косточки его откопаны чистыя и желтыя“ (стр. 29). „Схимонахъ Синесій—милая душа. Онъ трудился на келліи Благовѣщенія; тамъ завсегда живутъ человѣкъ шесть старцевъ и онъ всѣмъ служилъ. Надъ нимъ часто смѣялись и поносили его. А кто спроситъ: „о. Синесій, откуда ты родомъ и кто ты?“ Онъ отвѣчалъ: „Я дома пасъ свиней, да и то не годился,—и выгнали меня. И я пришелъ на Аѳонъ какъ нибудь прокормиться». А завсегда находился онъ въ слезахъ въ молитвахъ и трудахъ. До самой смерти онъ былъ послушникомъ. А какая у него была любовь ко всѣмъ! нѣтъ силъ моихъ описать его. Любовь его меня очень плѣняла. Онъ часто говорилъ мнѣ: «Всѣхъ надо любить, и за всѣхъ надо молиться“. И еще часто говаривалъ: «Аще кто не имѣетъ самоукоренія, тотъ не можетъ достигнуть до совершенства». Онъ былъ большой ревнитель къ службѣ и къ правилу. Косточки его откопали желтыя и благоуханныя» (стр. 31) въ такомъ родѣ написано о. Селевкіемъ и множество другихъ характеристикъ.

Пантелеимоновскаго монастыря, особенно нуждавшагося въ пособіи", какъ напечатанная безъ благословенія старцевъ, не была одобрена въ обители и даже присуждена къ сожженію. Въ настоящее время „Разсказъ" о. Селевкія представляетъ „библіографическую рѣдкость" даже на св. Горѣ въ обители.

О. Пантелеимонъ, пишетъ о. Селевкій, молодой монахъ. Онъ изъ прикащиковъ. *Простота его удивительная.* Онъ любитъ читать, пѣть и писать, ко всѣмъ любезенъ, кротокъ и молчаливъ" [1]. Въ общемъ характеристика эта для молодыхъ лѣтъ о. Пантелеимона довольно вѣрная, но характеръ его рѣзко измѣнился въ періодъ его возмужалости, когда, благодаря своимъ дарованіямъ, онъ, какъ главный секретарь монастырской канцеляріи, пріобрѣлъ нѣкоторый вѣсъ и вліяніе на теченіе дѣлъ монастырскихъ. Оказалось, что подъ личиною кротости, молчаливости и даже простоты скрывались далеко не симпатичныя стороны его характера—гордость и непомѣрное честолюбіе [2], заставившіе его покинуть мирный Аѳонъ и искать удовлетворенія въ обителяхъ нашей православной Руси. Желаніе его сердца исполнилось, и о. Пантелеимонъ скончался въ санѣ архимандрита Киренскаго Тобольскаго монастыря. Что касается отмѣченной о. Селевкіемъ въ о. Пантелеимонѣ „любви къ писательству", то она, можно сказать, была болѣзнію его, которую оо. Іеронимъ и Макарій въ письмахъ къ проф. Ф. А. Терновскому называли прямо „литературнымъ зудомъ". О. Пантелеимонъ своими рукописями заваливалъ покойнаго Ф. А. Терновскаго и просилъ его исправлять и печатать, по личному выбору и гдѣ угодно. Онъ

---

[1] Разсказъ святогорца схимонаха Селевкія о своей жизни и о странствованіи по святымъ мѣстамъ. Прилож. стр. 39.

[2] „Не мало удивляемся, писалъ о. Макарій къ о. Пантелеимону въ Оптинскую обитель 17 Апрѣля 1879 г., что тебя страшитъ Аѳонъ. Отъ молодыхъ ногтей ты полагалъ тутъ начало, пользовался всеобщею любовію братіи, по силамъ своимъ проходилъ послушаніе. Неужели одно брюхо ставитъ тебя въ такое положеніе? *Правда, что Высочайшія награды будутъ разширять твои очи*, но все это не надолго. Какой нибудь десятокъ лѣтъ, а тамъ и старость. Но, конечно, разсуждать лучше, нежели испытывать плѣнъ впадевій вражескихъ".

никогда не просилъ гонорара, но заказывалъ отдѣльные оттиски для раздачи своимъ благодѣтелямъ, у которыхъ онъ собиралъ довольно солидныя суммы на изданіе своихъ сочиненій. Нѣкоторые разсказы о. Пантелеимона о современныхъ аѳонскихъ подвижникахъ, послѣ исправленія ихъ рукою Ф. А. Терновскаго, печатались частію въ „Воскресномъ чтеніи“, частію въ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, а иногда и отдѣльными брошюрами. Въ разсказахъ своихъ о. Пантелеимонъ не былъ чуждъ наивности и легковѣрія, а посему производилъ на читателей св. Горы не вполнѣ благопріятное впечатлѣніе. Въ письмахъ старцевъ съ Аѳона къ покойному Ф. А. часто встрѣчаются просьбы поудержать ревность о. Пантелеимона къ литературной славѣ. Но всѣ попытки сдержать неистощимаго любителя „писателя“ разбивались о его упорство и не достигали своей цѣли, пока о. Пантелеймонъ не получилъ полный просторъ для своей литературной дѣятельности, сдѣлавшись начальникомъ упомянутой обители. Но писалъ-ли что нибудь о. Пантелеимонъ, по выходѣ изъ состава братіи Пантелеимоновскаго монастыря, мы, къ сожалѣнію, не можемъ сказать.

Въ видахъ расширенія издательской дѣятельности, съ одной стороны, а съ другой—изъ желанія послужить опять-таки дѣлу народнаго образованія своего отечества, старцы русскаго Пантелеймоновскаго монастыря много заботились о приведеніи въ должный порядокъ и благоустройство монастырской библіотеки и на это не щадили никакихъ жертвъ. Поэтому монастырская библіотека, состоявшая въ началѣ поселенія русскихъ въ обители въ 1844 году, всего только, какъ свидѣтельствовалъ покойный проф. В. И. Григоровичъ [1], *изъ 500 печатныхъ книгъ и 60 рукописей*, достигла нынѣ весьма почтенныхъ размѣровъ: въ ней считается *около 20,000 печатныхъ книгъ и свыше тысячи рукописей*. Пополненіе библіотеки продолжается, благодаря усердію и любви къ книжному дѣлу нынѣшняго библіотекаря о. Матѳея. Ростутъ оба отдѣла ея,

---

[1] Очеркъ путешеств. по Европейской Турціи, стр. 76.

и книжный и рукописный: монастырь выписываетъ много книгъ изъ-за границы и изъ Россіи и не упускаетъ случая пріобрѣтать рукописи, какъ-бы велика ни была просимая за нихъ цѣна. Благодаря всему этому, библіотека русскаго Пантелеймоновскаго монастыря, приведенная въ образцовый порядокъ, можетъ быть поставлена нынѣ на ряду съ лучшими святогорскими библіотеками Ватопеда и Лавры св. Аѳанасія, и благодаря рѣдкому и по истинѣ русскому гостепріимству нынѣшнихъ ея владѣльцевъ, по первому желанію своихъ гостей открывающихъ ея двери, она, можно сказать, единственная на св. горѣ. Русскіе ученые вполнѣ оцѣнили эти преимущества библіотеки русскаго Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ и съ удовольствіемъ нерѣдко проводятъ близъ нея, подъ гостепріимнымъ кровомъ обители, свои лѣтнія каникулы. Желаніе этихъ ученыхъ — одно, чтобы описаніе рукописей этого монастыря, составленное о. библіотекаремъ, увидѣло-бы свѣтъ Божій въ возможно скоромъ времени.

Наконецъ, тому-же святому дѣлу народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ русская Пантелеймоновская обитель не мало послужила и путемъ денежныхъ пожертвованій на нужды нашихъ духовно-учебныхъ заведеній въ губерніяхъ московской, петербургской, херсонской, на Кавказѣ и въ другихъ губерніяхъ нашего отечества. Всѣ наши просвѣтительныя миссіонерскія общества, благотворительныя и т. п. получали всегда вспомоществованія отъ русскаго Пантелеймоновскаго монастыря, и игуменъ его считается постояннымъ членомъ ихъ. Мы не уполномочены объявить тѣ цифры, какія обитель ежегодно жертвуетъ на это святое дѣло служенія благу своего отечества, хотя нѣкоторыя изъ этихъ крупныхъ цифръ намъ и извѣстны. Впрочемъ, эти десятки тысячъ, которые мы могли-бы назвать здѣсь, едва-ли показались-бы достаточными для тѣхъ „изъ современниковъ вѣка сего“, которымъ монастырскія кассы кажутся бездонными, а крестьянскія копѣйки, жертвуемыя въ монастыри, несмѣтными сокровищами... Что-же касается истинно-просвѣщенныхъ русскихъ людей и настоящихъ радѣтелей нашего народнаго просвѣщенія, то для *нихъ заслуги* этой обители были несомнѣнны. Покойный

архіепископъ херсонскій Никаноръ, ходатайствуя о награжденіи о. Макарія орденомъ св. Анны второй степени, полученнымъ имъ всего за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, мотивировалъ свое ходатайство предъ св. Синодомъ заслугами его въ дѣлѣ религіознаго и духовно-нравственнаго просвѣщенія русскаго народа.

Въ заключеніе настоящей главы считаемъ весьма нелишнимъ коснуться и закулисной стороны просвѣтительно-издательской дѣятельности русскаго Пантелеймоновскаго монастыря. Здѣсь насъ лично, впрочемъ, интересуютъ не матеріальныя затраты монастыря на вышеуказанныя изданія, хотя эти затраты немалочисленны и не лишены поучительности, ни тѣ безконечныя хлопоты и труды издателей по собиранію и переводамъ матеріаловъ, какіе печатались и печатаются въ издаваемыхъ ими брошюрахъ и листкахъ, а тѣ коллизіи и непріятности, какія неожиданно и часто вопреки правдѣ выпадали и выпадаютъ на долю издателей и доселѣ. Знакомство хотя-бы то и въ общихъ чертахъ, такъ какъ извѣстныя намъ детальныя подробности не подлежатъ еще публикаціи, съ одной стороны рельефнѣе оттѣнитъ эту высокую просвѣтительную дѣятельность нашего русскаго монастыря на Аѳонѣ, а съ другой—объяснитъ причину, почему аѳонскія изданія появляются на свѣтъ Божій въ своемъ настоящемъ видѣ, а не въ томъ, въ какомъ-бы желали ихъ видѣть нѣкоторые изъ русскихъ людей.

Въ самомъ началѣ издательской дѣятельности иноки русскаго Пантелеймоновскаго монастыря вынесли много непріятностей по поводу изданія ими книги, подъ заглавіемъ: „Описаніе знаменій и исцѣленій благодатію Божіею бывшихъ отъ св. мощей и части животворящаго древа креста Господня, принесенныхъ со св. Аѳонской горы изъ русскаго Пантелеймоновскаго монастыря“. Противникомъ этой книги явился знаменитый покойный московскій митрополитъ Филаретъ, строго слѣдившій въ свое время за печатною духовно нравственною литературою [1]. Выговоръ владыки имѣлъ послѣдствіемъ своимъ

[1] „Вслѣдствіе разговора викарнаго владыки съ митрополитомъ, я, пишетъ о. Арсеній къ старцамъ обители, и не хотя долженъ былъ при

то, что аѳонцы въ послѣдующее время были весьма осторожны съ подобнаго рода изданіями и приступали къ нимъ послѣ серьезныхъ и всестороннихъ обсужденій [1].

Дѣло изданія журнала на самыхъ первыхъ порахъ встрѣтило также неожиданныя для обители и иниціаторовъ его препятствія. Поводомъ послужило названіе журнала „Духовною Бесѣдою“. „Благословите, писалъ о. Арсеній къ старцамъ обители по поводу выхода въ свѣтъ первой книжки журнала. Сдѣлано начало давнишняго моего предположенія объ изданіи журнала. *Заглавіе ему какъ-то неожиданно устроилось—„Духовная Бесѣда“*. Прилагаю два листка. Думаю въ годъ книжекъ 10 издать, если Богъ поможетъ“ [2]. О. Арсеній и не подозрѣвалъ, что, давая это названіе нарождавшемуся журналу, являлся невольнымъ посягателемъ на

рапортѣ представить митрополиту отпечатанныя описанія благодатныхъ исцѣленій. Митрополитъ остался недоволенъ, что о семъ доселѣ не было доведено до свѣдѣнія его, и сказалъ, что цензоръ (добрѣйшій нашъ о. Макарій) не имѣлъ права безъ св. Синода дозволить печатать описаніе чудесъ. Дѣло это теперь начато оффиціальнымъ порядкомъ. Передано оное митрополитомъ ректору духовной академіи, предсѣдателю цензурнаго комитета архимандриту Іоанну, который считается умнѣйшимъ и ученѣйшимъ у насъ въ Россіи и въ то-же время онъ неприступный человѣкъ. По запросу его оказалось что при печатаніи чудесъ, въ типографіи не соблюдено никакого порядка: не выдано мнѣ билетовъ, въ чемъ, вѣроятно, и меня обвинятъ. Словомъ, такъ все спуталось, что сохрани Господи и помилуй! Къ тому-же опасность есть, чтобъ въ газетахъ не было критики на чудеса. Нынѣ свобода печатанія, а здѣсь противниковъ Божіихъ множество. Вотъ въ какомъ положеніи дѣло. О себѣ лично я мало забочусь, а болѣе о чести святыни и обители. Вамъ я уже писалъ, что по началу вовсе не думалъ я о печатаніи чудесъ, а посовѣтовалъ мнѣ это добрѣйшій о. Макарій, цензоръ. Сохрани его, Господи, отъ непріятности и фактора типографіи раба Божія Александра, усерднаго къ обители нашей. Прошу помолиться за нихъ“. Письмо на Аѳонъ 1865 г.

[1] „Описаніе чудесъ, пишетъ о. Арсеній въ одномъ изъ своихъ писемъ на Аѳонъ, предметъ очень важный, *требующій большой осмотрительности*, чтобъ не дать отвѣта предъ Богомъ и не быть посрамленнымъ предъ людьми. Что вы изволите сказать о тѣхъ чудесахъ св. великомученика Пантелеймона, въ коихъ говорится о пожертвованіяхъ обители? Полагаю, по нынѣшнему времени, для многихъ это будетъ соблазнительно. О семъ ваше мнѣніе сообщите мнѣ“. Письмо о. Арсенія 1866 г.

[2] Письмо о. Арсенія на Аѳонъ, отъ 29 декабря 1877 года.

чужую собственность. Дѣло въ томъ, что подъ тѣмъ-же самымъ названіемъ издавался въ Петербургѣ журналъ извѣстнымъ проповѣдникомъ покойнымъ протоіереемъ Яхонтовымъ, который теперь и предъявилъ свои права и претензіи по отношенію къ о. Арсенію. Въ силу этого обстоятельства лишь *два первые выпуска* аѳонскаго журнала вышли въ свѣтъ съ заглавіемъ: „Духовная Бесѣда“, а слѣдующіе третій и четвертый получили новое наименованіе: „Душеполезная Бесѣда“. Но этимъ инцидентъ съ заглавіемъ не былъ исчерпанъ. Петербургская цензура нашла почему-то неудобнымъ и это второе названіе, и поэтому пятый выпускъ журнала получилъ названіе: „Пасха Господня“ и не имѣлъ на себѣ помѣты, что онъ составляетъ продолженіе предыдущихъ четырехъ выпусковъ. Съ шестой книжки журналъ русскаго Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ сталъ издаваться регулярно съ заглавіемъ: „Душеполезныя размышленія“, каковое только въ 1888 году было измѣнено въ настоящее: „Душеполезный Собесѣдникъ“.

Каждая почти изъ большихъ книгъ, изданныхъ на средства русскаго Пантелеймоновскаго монастыря, имѣетъ свою, и нерѣдко длинную и поучительную, исторію. Цѣлыми годами дѣлались подготовленія и велась переписка съ всевозможнаго рода лицами по поводу такихъ книгъ, какъ Акты русскаго Аѳонскаго Пантелеймоновскаго монастыря, жизнь пресв. Богородицы, чудеса св. великомученика Пантелеймона и др. Нерѣдко порученія, какъ напр., составленіе жизни Іисуса Христа по евангелію, переходили отъ одного лица къ другому, дѣлались расходы на предварительную подготовку къ изданіямъ и въ концѣ концовъ дѣло оканчивалось безъ успѣха полнымъ прекращеніемъ. Но часто и по выпускѣ той или иной книги выпадало на долю издателей не мало хлопотъ и даже огорченій. Мы не говоримъ уже о такихъ изданіяхъ, какъ напр., книга о знаменіяхъ и чудесахъ, бывшихъ отъ св. великомученика Пантелеймона, противъ которой, какъ мы сказали, за несоблюденіе формальностей вооружился покойный митрополитъ московскій Филаретъ, или книга: „Христіанскія пѣснопѣнія Пресвятой Царицѣ Небесной Присно-

дѣвѣ Маріи Богородицѣ, составленныя по подобію псалмовъ" новое печатаніе которой впредь воспрещено особымъ указомъ св. Синода за № 5288 по той причинѣ, что „книга эта заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ пѣснопѣній и молитвъ, составленныхъ по тексту библейскихъ псалмовъ съ произвольнымъ отнесеніемъ содержанія ихъ къ лицу Богоматери", что „она напечатана безъ испрошенія на то синодальнаго разрѣшенія". Кары, понесенныя издателями въ этихъ и другихъ случаяхъ, выпали на ихъ долю не безъ ихъ вины и потому съ ними легко мириться. Но въ исторіи просвѣтительной издательской дѣятельности данной обители были такіе случаи, когда она должна была за свое доброе дѣло нести совершенно незаслуженную кару и подвергаться даже несправедливымъ нареканіямъ. Къ числу подобныхъ случаевъ мы относимъ недавно окончившееся дѣло по изданію Пантелеймоновскою обителью нѣкоторыхъ сочиненій покойнаго херсонскаго архіепископа Дмитрія (Муретова). Здѣсь вся правда на сторонѣ обители, но въ концѣ концовъ въ выигрышѣ осталась не она.

Дѣло это документально происходило такъ. Здравствующій нынѣ епископъ тобольскій Іустинъ, въ бытность свою еще викаріемъ херсонской епархіи при покойномъ архіепископѣ Дмитріѣ, стоялъ къ послѣднему въ близкихъ отношеніяхъ и, по старости высокопреосвященнаго, исполнялъ роль его душеприказчика. „Родные (къ сожалѣнію они не названы по имени) въ Бозѣ почившаго Дмитрія, архіепископа херсонскаго,—писалъ 10 сентября 1888 года преосвященный Іустинъ на Аѳонъ въ Пантелеймоновскую обитель, поручили мнѣ собрать для полнаго изданія всѣ творенія его, *а за трудъ собранія дали право напечатать нѣкоторыя изъ нихъ, по моему избранію.* Не имѣя времени, охоты и средствъ къ самоличному изданію оныхъ, осмѣливаюсь предложить вашему высокопреподобію, не благоволите-ли издавать ихъ въ вашемъ по истинѣ „Душеполезномъ Собесѣдникѣ". То же самое предложеніе, но въ болѣе опредѣленной формѣ, повторилъ преосвященный Іустинъ въ письмѣ на Аѳонъ того же года 28 декабря. „*Семьдесятъ статей* изъ сочиненій того-же архіепископа Дмитрія, выбранныхъ мною, писалъ въ этомъ письмѣ

епископъ Іустинъ, и расположенныхъ въ семи выпускахъ, подъ названіемъ: „Цвѣты изъ сада Дмитрія архіепископа херсонскаго“ (я отправляю вамъ). Въ такомъ видѣ я хотѣлъ самъ издать ихъ, но нашелъ это для себя неудобнымъ. *А потому передаю ихъ и право на изданіе ихъ вамъ, издавайте какъ хотите*: такъ-ли, какъ они собраны—книжками, или-же отдѣльными статьями. То и другое будетъ весьма полезно, по моему мнѣнію“. Предложеніе это было принято и семь выпусковъ: „Цвѣты изъ сада Дмитрія, архіепископа херсонскаго“ были напечатаны и поступили въ книжные склады для продажи. Но тутъ неожиданно для обители выступилъ съ протестомъ нѣкій надворный совѣтникъ С. П. Никитскій, пріобрѣвшій въ свою собственность право изданія всѣхъ сочиненій покойнаго Дмитрія, архіепископа херсонскаго, отъ ближайшихъ родственниковъ покойнаго (отъ племянника и родного брата) и дѣло грозило перейти въ формальный судебный процессъ. Но обѣ стороны, къ счастію, во-время пришли къ соглашенію, и Пантелеймоновская обитель за 1,000 рублей отъ С. П. Никитскаго пріобрѣла себѣ право изданій сочиненій покойнаго преосвященнаго херсонскаго. Правая сторона осталась несомнѣнно въ матеріальномъ проигрышѣ, утѣшаясь мыслію, что она ароматъ этихъ прекрасныхъ цвѣтовъ изъ сада знаменитаго витіи и богослова разнесетъ по всему лицу широкой Руси, чего никогда не сдѣлали-бы „собственники“ этихъ цвѣтовъ и на половину.

О другихъ подобнаго рода столкновеніяхъ мы не говоримъ, потому что они вполнѣ естественны и извѣстны всякому, кто хотя нѣсколько причастенъ тяжелому дѣлу издательства, при которомъ поставляется на первый планъ не меркантильный разсчетъ, грязный барышъ и нажива, а служеніе великому дѣлу религіознаго и нравственнаго просвѣщенія своего народа, ищущаго свѣта истины, и высокое сознаніе: „аще кто сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ царствіи небесномъ“.

XIII.

Послѣдніе годы жизни о. Макарія.

Воззрѣніе русскаго народа на монастыри вообще и аѳонскіе въ частности. Вытекающія отсюда взаимныя обязательства съ той и другой стороны. День игумена о. Макарія и сложныя обязанности его, какъ въ храмѣ такъ и въ келіи. Духовникъ о. Макарій и начальникъ обители. Радости и огорченія для о. Макарія: пріѣзды на Аѳонъ царственныхъ и знатныхъ особъ, смерть духовника Іеронима, пожары въ обители и на Крумицѣ и другія несчастія.

Нощеденственное, непрерывное и чинное богослуженіе, съ строгимъ выполненіемъ уставовъ церковнаго и монашескаго, по воззрѣнію русскаго народа, составляетъ неотъемлемую принадлежность всякаго благоустроеннаго монастыря, и тѣмъ болѣе монастыря святогорскаго, по самому своему исключительному положенію располагающаго своихъ начальниковъ къ неусыпной молитвѣ и непрестаннымъ духовнымъ подвигамъ. Русскій набожный человѣкъ, вѣчно занятый заботою о кускѣ насущнаго хлѣба, и рѣдко поэтому имѣющій возможность удѣлять время на продолжительную молитву, рисуетъ въ своемъ представленіи всякаго монаха ангелоподобнымъ человѣкомъ, отрекшимся отъ міра и всѣхъ его прелестей, строгимъ подвижникомъ, неустаннымъ молитвенникомъ не столько о себѣ и о своихъ немощахъ, сколько о немощахъ присныхъ ему по духу и плоти. Не удивительно поэтому, что во многихъ религіозныхъ нашихъ семействахъ, не утратившихъ вѣру въ идеальнаго монаха, является и доселѣ весьма часто желаніе имѣть хотя бы то и одного молитвенника-монаха изъ своей среды. Это желаніе весьма нерѣдко высказывается даже цѣлою деревнею, извѣстнымъ околоткомъ и даже городомъ. Въ этой-то вѣрѣ въ идеальнаго монаха, въ воззрѣніяхъ нашего народа на монастыри вообще и нужно искать объясненіе того факта, что русскій народъ любитъ монастыри, охотно посѣщаетъ ихъ, хотя бы они находились на отдаленныхъ окраинахъ нашего отечества *или* заграницей, выстаиваетъ благолѣпныя и продолжи-

тельныя богослуженія безъ скуки и несетъ въ нихъ часто послѣднюю свою трудовую копѣйку. Понимая хорошо всѣ эти требованія и запросы русскаго народа по отношенію къ монастырямъ, покойный о. игуменъ Макарій всячески старался удовлетворить имъ, съ цѣлью поддержать въ нашемъ народѣ вѣру въ идеальное монашество. Безусловное подчиненіе строгому уставу общежитія, введенному въ обители, точное выполненіе церковнаго устава за богослуженіемъ, которое обычно совершалось не спѣшно, съ торжественною религіозною церемоніальностію и прекраснымъ исполненіемъ мощными голосами древне-церковныхъ мелодій и мѣстныхъ аѳонскихъ напѣвовъ—все это требовалось безусловно отъ велико-схимника до новоначальнаго монаха, желающаго пребывать въ числѣ братіи русскаго Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ. Самъ покойный игуменъ своимъ личнымъ примѣромъ безукоризненно - точнаго выполненія установленныхъ въ обители порядковъ и уставовъ побуждалъ къ тому же меньшую братію.

Первый ударъ колокола, призывающаго братію въ 12 часовъ къ пробужденію отъ короткаго сна и къ исполненію келейнаго [1] правила, нерѣдко заставалъ покойнаго игумена еще за дѣлами прошедшаго дня, или же за обширною корреспонденціею; спѣшно тогда завершалъ о. игуменъ свои нескончаемыя дѣла и немедленно становился для исполненія келейнаго правила. Призывъ била церковнаго, предваряющаго обыкновенно звонъ въ колоколъ предъ началомъ всякаго богослуженія, побуждалъ старца быть въ храмѣ, въ особой келейкѣ на хорахъ, на своемъ мѣстѣ, до начала богослуженія. Здѣсь онъ выстаивалъ обыкновенно всякую утреню съ полунощницею, а въ праздничные дни все всенощное бдѣніе, которое длится обычно по 12 часовъ, не присаживаясь даже и въ положенное, по уставу, время, такъ какъ не имѣлъ для этого ни минуты свободнаго времени. „Двери небольшаго па-

[1] Правило это заключается для схимонаховъ въ 1,200 поясныхъ и 100 земныхъ поклонахъ по чёткѣ, изъ коихъ послѣдніе оставляются лишь въ праздничные, субботніе и поѣлейные дни. Для простыхъ монаховъ канонъ состоитъ въ половинномъ количествѣ поклоновъ, а новоначальные полагаютъ только 300 поклоновъ.

раклиса (комнатки) въ Покровскомъ соборѣ, за которыя одинъ за другимъ, безъ отдыха для духовника, входили желавшіе исповѣдываться, пишетъ И. Ѳ. Красковскій по личному наблюденію, осаждались такою плотною толпой монаховъ и поклонниковъ, что потъ катился по ихъ лицамъ. По два, по три часа дожидались очереди, лишь бы только проникнуть за эти завѣтныя двери и „у самого батюшки“ исповѣдаться. Трудно, пожалуй, этому повѣрить, но это фактъ, что отецъ Макарій, особенно поклонниковъ, иногда по часу и болѣе времени исповѣдывалъ, *за то и исповѣдь эта была такою, какую у латинянъ называютъ „генеральною“. О. Макарій не допрашивалъ о грѣхахъ*, особенно по требнику, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые неопытные или небрежные духовники, *а исповѣдающійся самъ во всемъ сознавался вслѣдствіе одного намека прозорливаго старца, глядѣвшаго такимъ ласковымъ, всепрощающимъ, но въ то же время глубокимъ взоромъ, что тотъ невольно чувствовалъ предъ собою присутствіе Всевѣдущаго и Всемилосердаго, но и Карающаго, а потому содрогался душой и падалъ ницъ въ трепетномъ сознаніи своей грѣховности.* Нѣкоторые поклонники пріѣзжали на Аѳонъ нарочно для того только, чтобы исповѣдаться у о. Макарія“ [1].

Послѣ окончанія продолжительной утрени, когда начиналась ранняя литургія, о. Макарій уходилъ въ свою келлію, вычитывалъ тамъ правило предъ причащеніемъ и за часъ до звона спускался въ назначенный имъ самимъ параклисъ или храмъ для совершенія поздней литургіи. Ежедневное совершеніе литургіи или, по крайней мѣрѣ, пріобщеніе Святыхъ Таинъ послѣ литургіи было потребностію его души; и тяжелымъ для себя несчастіемъ считалъ покойный игуменъ, если болѣзнь или какія нибудь исключительныя обстоятельства въ жизни обители мѣшали ему приготовиться къ этому великому священнодѣйствію. Два часа онъ лично совершалъ проскомидію и, при своей рѣдкой памяти, поминалъ на ней всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ когда либо въ жизни сталкивали его обстоя-

---

[1] „Макарій аѳонскій, игуменъ и священно-архимандритъ Аѳонскаго св. Пантелеймоновскаго монастыря“. М. 1889 г., стр. 47.

тельства. Вся присутствующая въ это время братія обязана была вычитывать объемистые монастырскіе синодики. Самая литургія, совершаемая покойнымъ неторопливо, съ рѣдкимъ благоговѣніемъ и торжественностію, съ замѣчательною для семидесятилѣтняго старца бодростію, длилась обыкновенно два-три часа и на всѣхъ присутствующихъ за богослуженіемъ производила чарующее и навсегда неизгладимое впечатлѣніе. Это продолжительное богослуженіе однако не освобождало покойнаго старца отъ нѣкоторыхъ другихъ добровольно принятыхъ на себя обязательствъ, т. е. отъ совершенія второстепенныхъ молитвословій или послѣдованій, которыми онъ до конца своей жизни предварялъ и оканчивалъ всякую свою литургію. Такъ, напримѣръ, предъ началомъ литургіи онъ совершалъ молебенъ о здравіи благодѣтелей и всей братіи обители и по преимуществу о братіи, находящейся на различныхъ монастырскихъ „послушаніяхъ“, причемъ послѣднихъ поминалъ по-именно на память, и послѣ литургіи служилъ панихиду за всѣхъ умершихъ въ обители и за благотворителей ея. Иногда онъ переносилъ панихиду на начало, а молебенъ служилъ послѣ литургіи, но то и другое совершалъ неопустительно каждый день.

Окончивъ длинную службу, по преимуществу въ дни праздничные, когда богослуженіе въ обители бываетъ особенно продолжительно, покойный игуменъ съ юношескою бодростію входилъ въ гостинную въ верхнемъ этажѣ монастырскихъ зданій и съ самою добродушною улыбкою привѣтствовалъ находящихся на лицо гостей съ праздникомъ или же добрымъ утромъ. Ни вздоха, ни тѣни жалобы на усталость никто не слышалъ отъ него, а по его свѣтлому, сіяющему очаровательною улыбкою, лицу нельзя и подумать, что этотъ старецъ провелъ всю ночь безъ сна. Чашечка кофе съ лимономъ, стаканъ холодной воды съ вареньемъ и рюмка домашняго фруктоваго рому—вотъ утреннее подкрѣпленіе старца. Ударъ колокола, призывающаго братію въ трапезу, побуждалъ игумена спѣшить туда же. Отъ трапезы обще-братской покойный о. Макарій никогда не удалялся и измѣнялъ ей изрѣдка по вечерамъ и при томъ въ такихъ случаяхъ, когда присутствіе

игумена на трапезѣ въ архондарикѣ было положительно необходимо.

Возвращеніе о. игумена въ свою келлію послѣ обѣда ожидалось обыкновенно съ нетерпѣніемъ массою ксиромаховъ—аѳонскихъ монаховъ бѣдняковъ и келліотовъ, явившихся къ доброму старцу за подаяніемъ и съ разнаго рода пустыническими нуждами. Съ терпѣніемъ и любовію выслушивались имъ просьбы ихъ, давались необходимыя наставленія и разъясненія и удовлетворялась почти безъ отказа всякая ихъ нужда. Долго потомъ послѣ пріема у игумена, не затворялись двери монастырской *рухальной* (вещевой складъ), изъ которой по карточкамъ, съ лаконическими надписями на нихъ: „ряска", „рубаха", „башмаки" и т. п. выдавались, съ благословенія игумена, нужные предметы для аѳонскихъ бѣдняковъ. Послѣ пріема чужихъ, являлись къ игумену свои братья съ разнаго рода своими нуждами и потребностями, какъ вещественными, такъ и духовными, ища у него вразумленія, наученія и наставленія относительно „искушеній", „помысловъ", „немирностей" и т. д. О. игуменъ старался удовлетворить каждаго по его желанію, не подавая вида, что онъ усталъ, или желаетъ отдохнуть. Пріемъ просителей прекращался обыкновенно келейникомъ о. Іоанномъ, всею душею преданнымъ своему старцу-игумену. Удаливъ просителей, ожидающихъ своей очереди отъ дверей игуменской келліи, онъ обыкновенно объявлялъ игумену, что просителей болѣе уже нѣтъ, запиралъ двери келліи на ключъ, который нерѣдко и бралъ съ собою, и такимъ образомъ укладывалъ старца на покой [1]. За часъ до вечерни о. Макарій выпивалъ стаканъ чаю и снова продолжалъ пріемъ просителей.

Во время вечерни покойный игуменъ самъ лично читалъ акаѳисты, установленные въ Пантелеймоновской обители на каждый день. Послѣ ужина, если полагалось двѣ трапезы [2],

[1] Въ послѣднее время у о. Макарія выработался обычай спать тонкимъ сномъ въ своемъ креслѣ, такъ что достаточно было скрипнуть дверью, чтобы бодрость немедленно вернулась къ нему, и наоборотъ, онъ быстро засыпалъ, когда удалялся посѣтитель.

[2] Въ понедѣльникъ, въ среду и пятницу въ Пантелеймоновской обители бываетъ одна трапеза.

и слѣдовавшаго за нимъ повечерія, старецъ-игуменъ принималъ очередныхъ іеромонаховъ, діаконовъ, типикарей, повара, лицъ, находящихся на различныхъ послушаніяхъ, выслушивалъ отъ нихъ отчетъ за истекшій день и дѣлалъ имъ новыя распоряженія на слѣдующій день. Этихъ посѣтителей смѣняли монастырскіе духовники, экономъ, секретарь и вообще старшіе изъ братіи. Съ ними обыкновенно обсуждались важнѣйшія текущія дѣла монастыря. Старцы обители уступали въ свою очередь мѣсто почетнымъ посѣтителямъ или гостямъ обители, ищущимъ случая побесѣдовать съ игуменомъ наединѣ о предметахъ духовныхъ. За этими бесѣдами незамѣтно проходила короткая монашеская ночь, и съ „повѣсткою“ въ 12 часовъ ночи на „канонъ“ неусыпный игуменъ нерѣдко начиналъ новый день своей трудовой жизни безъ отдыха. Если не было подобныхъ посѣтителей, то игуменъ удалялся въ свою канцелярію и тамъ двумъ или тремъ писцамъ одновременно диктовалъ отвѣтныя письма благотворителямъ и друзьямъ обители. Самъ онъ, по болѣзни глазъ, писалъ рѣдко и отвѣчалъ лишь на секретныя и *духовныя* письма.

Первый въ храмѣ Божіемъ и вѣчно занятый монастырскими дѣлами покойный игуменъ бывалъ первымъ и на монастырскихъ послушаніяхъ. Пріѣдетъ ли судно съ хлѣбомъ, привезутъ ли въ снопахъ сѣно, послѣ торжественной встрѣчи съ крестнымъ ходомъ, о. Макарій снималъ свою ряску, спускался въ трюмъ судна и черпакомъ насыпалъ зерно въ мѣшки, а братія, ободренная примѣромъ игумена, быстро таскала эти мѣшки въ обширныя монастырскія кладовыя. И здѣсь за этою работою въ духотѣ, подъ палящимъ солнцемъ, онъ оставался иногда добрую половину дня. Нерѣдко видѣла братія своего игумена и съ мѣшками или снопами сѣна на плечахъ. На рѣзку винограда онъ выходилъ первый, а затѣмъ уже слѣдомъ шли любящія его духовныя чада.

О своихъ монашескихъ обязанностяхъ о. Макарій ни на минуту не забывалъ даже и во время, такъ сказать, своихъ развлеченій, которыя онъ дозволялъ себѣ, по совѣту докторовъ и по убѣжденію старцевъ. Садясь на муловъ, чтобы побывать въ другихъ монастыряхъ Аѳона, или на пароходахъ

обители, чтобы подышать чистымъ морскимъ воздухомъ и посмотрѣть на свое взлелѣенное дѣтище „Крумицу“, лишь только монастырь скрывался изъ виду путешественниковъ, о. Макарій подавалъ знакъ къ начатію вечерни; и пароходные матросы или спутники его на мулахъ верхомъ, при закатѣ солнца, вычитывали положенное, по уставу, вечернее богослуженіе. Всякій привалъ или остановка на ночлегъ служили мѣстомъ приготовленія къ литургіи, а раннее утро слѣдующаго дня проходило у него въ ближайшемъ храмѣ въ служеніи обычно-продолжительной литургіи.

Въ такихъ постоянныхъ заботахъ и трудахъ на благо ввѣренной его попеченію обители, которой онъ посвятилъ лучшіе годы своей жизни и недюжинный умъ, и въ неусыпной молитвѣ о себѣ и о дорогой его любящему сердцу Россіи, провелъ о. Макарій почти всѣ сорокъ лѣтъ своей иноческой аѳонской жизни. Свѣтлыхъ и, поистинѣ, счастливыхъ дней было не много въ его тяжелой и трудовой жизни, но тѣмъ они были для него дороже, цѣннѣе, тѣмъ глубже они напечатлѣвались въ его памяти, хранившей сладостныя воспоминанія о нихъ даже на закатѣ дней его земного поприща. Такими днями для него были дни пріѣздовъ на Аѳонъ членовъ нашего царствующаго дома: великихъ князей Алексѣя Александровича, Константина Константиновича и великой княгини Александры Петровны и приснопамятныхъ благодѣтелей и покровителей обители, нашихъ пословъ при Оттоманской Портѣ графа Н. П. Игнатьева, А. И. Нелидова и др. Въ эти знаменательные дни своей жизни покойный старецъ игуменъ особенно оживалъ духомъ и старался исчерпать всѣ доступныя для него и обители средства, чтобы проявить по отношенію къ дорогимъ гостямъ чувства трогательной глубокой преданности, безпредѣльной радости и сердечной благодарности, какими были переполнены сердца каждаго инока обители отъ игумена до послѣдняго послушника. На встрѣчу дорогимъ гостямъ къ самому морю выходилъ игуменъ въ этихъ случаяхъ съ крестнымъ ходомъ, со множествомъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ въ дорогихъ блестящихъ облаченіяхъ. По обѣимъ сторонамъ пути отъ моря до самой мона-

стырской порты, устланнаго лавромъ, миртою и цвѣтами, стояли многочисленные иноки въ своихъ монашескихъ одѣяніяхъ, съ глубокимъ поклономъ привѣтствовавшіе дорогихъ гостей. Торжественный звонъ монастырскихъ доброгласныхъ колоколовъ привѣтствовалъ вступленіе гостей въ обитель, за порогомъ которой ихъ ожидали невиданныя и поразительныя зрѣлища. Небольшой, но изящный по своей архитектурѣ, Пантелеймоновскій соборъ, принявъ праздничный видъ своимъ убранствомъ, горѣлъ тысячами огней, возженныхъ не только на подсвѣчникахъ и паникадилахъ, но даже на „хоросѣ“ [1], который для выраженія особенной радости и торжества обители приводился въ качательное движеніе, представляя глазамъ зрителей невиданную у насъ картину игры свѣта, и въ широко раскрытыя церковныя двери принималъ подъ свои своды прибывшихъ на Аѳонъ посѣтителей. Краткая торжественная литанія въ честь дорогихъ гостей, многолѣтіе съ провозглашеніемъ именъ ихъ и съ отвѣтомъ на него со стороны стройнаго многоголоснаго монастырскаго хора производятъ неотразимое чарующее впечатлѣніе на гостей, которыхъ радушный хозяинъ обители приглашалъ потомъ въ монастырскій архондарикъ (гостинную), чтобы, по русскому обычаю, напоить ихъ чаемъ и угостить монастырскимъ хлѣбомъ и солью.

Вечеромъ того же дня для дорогихъ гостей, а главнымъ образомъ для команды пароходовъ, на которыхъ они прибыли, по распоряженію игумена, совершалось „бдѣніе“, по аѳонскому обычаю, продолжающееся чрезъ всю ночь, съ цѣлью всѣмъ и каждому изъ пріѣзжихъ дать возможность помолиться предъ мощами св. угодника и цѣлителя св. Пантелеймона. За всенощнымъ бдѣніемъ самъ игуменъ вычитывалъ акаѳистъ св. Пантелеймону и исповѣдывалъ каждаго, кто желалъ на завтра приступить къ принятію Св. Таинъ. Затѣмъ предъ разставаніемъ съ гостями, игуменъ являлся на пароходы, слу-

---

[1] «Хоросомъ» называется мѣдный или серебряный узорчатый кругъ, состоящій изъ двухъ полукруговъ, огибающій многоярусное съ цѣпями паникадило, спущенное въ него изъ купола. На хоросѣ въ ячейкахъ разставлены свѣчи, зажигаемыя въ великіе праздники.

жилъ напутственный молебенъ, одѣлялъ всѣхъ и каждаго отъ царственныхъ и высокопоставленныхъ особъ до послѣдняго кочегара на пароходѣ книгами, брошюрами, видами Аѳона, крестиками, ложечками и четками, сдѣланными руками аѳонскихъ анахоретовъ, и, снабдивъ всю команду и пароходъ необходимою провизіею на дорогу, съ благоположеланіями и благословеніемъ отпускалъ ихъ въ „водное шествіе“.

Эти пріѣзды къ Аѳонской горѣ царственныхъ особъ, лицъ высокопоставленныхъ и военныхъ пароходовъ давали возможность русскимъ людямъ ближе присмотрѣться къ свѣтлой личности покойнаго игумена, о которомъ большинство знало лишь по слухамъ отъ другихъ, заглянуть хотя бы то и разъ въ жизни въ глубь его нѣжной и любящей души, поддаться обаянію его простой задушевной рѣчи по вопросамъ религіи или о предметахъ вседневной жизни и унести на память съ собою дорогой образъ этого великаго неусыпнаго молитвенника за Русь православную, за весь русскій народъ. Для обители св. Пантелеймона и самого о. Макарія эти короткіе большею частію визиты были высокою честію и создавали мощныхъ покровителей и друзей въ средѣ сильныхъ міра сего. До самой кончины о. Макарій состоялъ въ перепискѣ съ нѣкоторыми изъ членовъ нашей императорской фамиліи.

Много скорбей и непріятностей, какъ мы уже знаемъ, пережилъпокойный о. Макарій въ первые годы своей иноческой жизни на Аѳонѣ, но не мало ихъ выпало на его долю и при концѣ ея. Первымъ тяжелымъ ударомъ для него была потеря нѣжно-любимаго имъ старца духовника о. Іеронима, которому онъ беззавѣтно былъ преданъ, какъ любящій покорный сынъ [1].

---

[1] Мы имѣемъ въ настоящее время весьма любопытное письмо о. Іеронима отъ 30 августа 1875 г., характерными чертами обрисовывающее предъ нами отношенія двухъ великихъ старцевъ другъ къ другу, которому и даемъ здѣсь мѣсто. „Высокопреподобнѣйшій о. игуменъ Макарій, желаю вамъ о Господѣ радоватися! По полученіи визирскаго утвержденія всѣ мы русскіе какъ бы оживились надеждою на благоустроеніе нашего общества. Дай-то, Господи! О подробностяхъ хода нашего дѣла *здѣсь* пишутъ вамъ, *съ дозволенія моего*, другіе. А я скажу вамъ по поводу вашего смущенія: „Что скажутъ братія, особенно передовые, относительно затратъ?“ Это меня весьма удивило. Отвѣчаю укоромъ вашему легкомыслію. По

Съ его потерею о. Макарій почувствовалъ себя одинокимъ, безсильнымъ, безпомощнымъ, и жизнь дальнѣйшая показалась ему безцѣльною, ненужною. Съ этого времени, по замѣчанію лицъ его окружающихъ, онъ замѣтно осунулся, физически одряхлѣлъ.

Но не успѣла зажить первая рана въ добромъ сердцѣ покойнаго игумена, какъ Провидѣніе послало ему новое испытаніе, не менѣе тяжкое. Въ ночь съ 6 на 7 августа 1887 года, около 3 часовъ пополуночи, когда вся братія находилась за утреннимъ богослуженіемъ и готовилась начать торжественное величаніе въ честь русскаго святителя Митрофанія воронежскаго, которому въ обители посвященъ небольшой соборный храмъ, надъ алтаремъ храма Покрова Пресвятыя Богородицы, отъ неизвѣстныхъ причинъ загорѣлась нижняя, переполненная старьемъ, комната. Пламя чрезъ слуховое окно подъ крышею быстро пробилось наружу и зловѣще освѣтило весь монастырь. Раздались частые удары набата, и монастырь, дотолѣ спокойный, зашумѣлъ и заволновался. Начавшаяся суета

какому праву вы изволите приписывать себѣ, или свободному своему произволу затраченное въ довѣренномъ *нами* вамъ общемъ нашемъ процессѣ? *Все вами сдѣлано съ нашего вѣдѣнія и совѣта.* Да и самое игуменство потребовалось намъ не для о. Макарія, а для нашего общества. Не случись въ это время между нами о. Макарія, такъ, безъ сомнѣнія, другой занялъ бы это мѣсто, ибо оно, т. е. игуменство, принадлежитъ монастырю, а не личности. И такъ, посему вы должны все приписывать обществу, *а у этого общества въ это время былъ и старецъ, коего вы называете духовникомъ Іеронимомъ, коего вы всегда слушали и слушаетесь. Вотъ на него-то вы имѣете полное право возлагать всѣ тяжести нашего процесса, и это будетъ воистину такъ, ибо безъ моего согласія вы ничего (въ ходѣ нашего дѣла) не дѣлали важнаго.* И такъ, прошу васъ, не возноситесь, приписывая себѣ большую отвѣтственность. Да и жалѣть нечего, лишь бы Богъ далъ намъ благоустроиться во славу Его и на спасеніе душъ нашихъ. Аминь. До повѣщенія васъ нашею телеграммою не пріѣзжайте сюда (т. е. на Аѳонъ). Потерпите, покуда все здѣсь успокоится и приведется въ порядокъ. Будущность положенія нашего на Аѳонѣ пусть васъ не ужасаетъ. Если и попустится для насъ что тяжелое, то это будетъ на пользу намъ русскимъ. Братія всѣ, благодаря Бога, мирны и спокойны, ожидаютъ съ нетерпѣніемъ конца враждебной намъ тяжбы и вашего скораго возвращенія, *изъ числа коихъ азъ первый.* Богъ терпѣнія да пребудетъ съ вами и съ нами. *Ожидающій васъ* грѣшный вашъ духовникъ и собратъ Іеронимъ".

прекратила богослуженіе. Вскорѣ затѣмъ провалился потолокъ надъ алтаремъ, и пламя черезъ царскія двери проникло въ средину храма, который, будучи четьмовой [1] македонской постройки, быстро охваченъ былъ огнемъ. Среди густой тьмы ночи багровое пламя моремъ разливалось по новому корпусу монастырскихъ зданій, истребляя одинъ за другимъ параклисы и братскія келліи и бросало свой яркій блескъ на окружающую монастырь мѣстность [2]. Братія, особенно помоложе, превратившись на время въ пожарную команду, оказывали чудеса храбрости и отваги, появляясь съ пожарными трубами то въ одномъ, то въ другомъ опасномъ мѣстѣ. Уже пронесли на носилкахъ нѣсколько человѣкъ, получившихъ страшные обжоги и раны, въ братскую больницу, но энергія братіи нисколько не ослабѣвала. Посреди всеобщей сумятицы и толкотни рѣзко выдѣлялась приземистая фигура покойнаго игумена, одѣтаго въ плохенькую рясу, по которой ниспадала густая, длинная сѣдая борода. Старецъ стоялъ неподвижно, какъ бы застывъ на мѣстѣ, и держалъ своими сухими, дрожащими руками, горѣ поднятую чудотворную икону іерусалимской Божіей Матери, съ глазами полными слезъ, обращенными къ небу. Вотъ гдѣ покойный искалъ спасенія своему любимому монастырю, объятому теперь яркимъ пламенемъ.

Но лишь только съ вершинъ Аѳона заблистали первые лучи восходящаго солнца, озарившіе печальную картину пожара, который сталъ къ утру мало по малу ослабѣвать, о. Макарій, измученный нравственно и физически волненіями пережитой страшной ночи, передалъ святыни Аѳона на руки о. іеродіакона Тихона и далъ распоряженіе о начатіи литургіи. Старецъ экклисіархъ опытною рукою на ручномъ билѣ пробилъ повѣстку, искусный звонарь ударилъ „во вся тяжкая“, по случаю храмоваго праздника, и посреди шума и суеты

---

[1] *Четьмою* называется постройка, состоящая изъ столбовъ съ наложенными на нихъ крестъ на крестъ довольно прочными дранницами, обмазанными глиною и оштукатуренными известью.

[2] Во все время пожара стояла полная тишина въ воздухѣ, тогда какъ на противоположной сторонѣ Аѳонскаго полуострова всю ночь дулъ сильный вѣтеръ...

началась обычная монастырская жизнь. Для служенія литургіи о. Макарій назначилъ соборъ святителя Митрофанія, стоящій вблизи горѣвшаго корпуса и потому все время находившійся въ большой опасности, которая окончательно еще неминовала и въ эту минуту. Облачившись вмѣстѣ съ двумя другими іеромонахами, о. Макарій по обычаю совершилъ продолжительную проскомидію, неторопливо, съ особеннымъ воодушевленіемъ, и стараясь казаться спокойнымъ, при случайно собравшихся пѣвчихъ, отслужилъ литургію и молебенъ празднуемому святителю, при чемъ въ концѣ его прочиталъ молитву надъ коливомъ. Не обнаружилъ о. Макарій особеннаго волненія за литургіею даже и въ то время, когда раза два отъ падавшихъ сверху горящихъ бумагъ и досокъ загоралась паперть Митрофаніевскаго собора.

По окончаніи литургіи, когда пожаръ былъ уже потушенъ, о. игуменъ по обычаю посѣтилъ архондарикъ и затѣмъ въ простой черной въ знакъ скорби, печали, мантіи [1] съ посохомъ въ рукахъ отправился въ трапезу, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ожидала измученная, проголодавшаяся братія. Трапеза была праздничная. Послѣ трапезы, по случаю храмоваго праздника, братіи было предложено „коливо“ (сухая кутья), причемъ старецъ взволнованнымъ голосомъ въ назиданіе и утѣшеніе братіи сказалъ слѣдующее слово:

„Возлюбленные о Господѣ отцы и братія! Господу во св. Троицѣ славимому Богу благоугодно было посѣтить праведнымъ своимъ гнѣвомъ нашу обитель и лишить насъ нашего духовнаго пристанища—священнаго храма нашего Пресвятыя Богородицы. Принимая постоянно отъ десницы всеблагого Владыки нашего вся благая, пріимемъ нынѣ съ благодареніемъ и противная сему: Его отеческое наказаніе, *яко чада Его есмы. Ибо*, по слову апостола, *мы наказываемые являемся чадами Его, аще же безъ наказанія пребываемъ, яко прелюбодѣйчища есмы.* Возблагодаримъ же создателя нашего, яко чада Его есмы мы, которыхъ Онъ посѣтилъ отеческимъ сво-

[1] На Аѳонѣ всѣ игумены и съ давнихъ временъ носятъ архіерейскую съ источниками мантію.

имъ наказаніемъ для смиренія нашего. Да не превозносимся же впредь и да не изыскиваемъ иныхъ причинъ, кромѣ нашихъ немощей и неисполненія обязанностей нашихъ предъ Господомъ. Пусть каждый изъ насъ провѣритъ совѣсть свою и тогда, при свѣтѣ ея, увидитъ ясно свои недостатки. А потому прошу и убѣждаю васъ, отцы и братія, не упрекать другъ друга и не пересуживать, ибо, что постигло насъ, есть совершенно распоряженіе наказующей десницы Божіей за нехраненіе своихъ обязанностей и священныхъ обѣтовъ иноческихъ предъ Нимъ, начиная отъ моего недостоинства и простираясь на всѣхъ и каждаго изъ насъ. Постараемся паче всего, при помощи благодати Божіей, за молитвы Царицы Небесной, сознать и исправить наши немощи и недостатки, кои каждому скажетъ собственная совѣсть, и понесемъ смиренно и братолюбно посѣтившее насъ испытаніе: одинакова ли преданность наша Ему во дни благополучія и злополучія? Господь Богъ и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ благодатію и щедротами своея благости, молитвами Пресвятыя Владычицы Богородицы и святыхъ предстателей нашихъ, да укрѣпитъ насъ въ благодушномъ терпѣніи и послушаніи Его волѣ, ей же вручаю и предаю всѣхъ васъ и самого себя".

Слово это, произнесенное о. Макаріемъ съ сильнымъ волненіемъ въ голосѣ и прерываемое слезами, будучи проникнуто чувствомъ полной покорности и преданности волѣ Провидѣнія, произвело на слушателей глубокое впечатлѣніе.

Изъ трапезы о. Макарій вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ вліятельнѣйшихъ старцевъ обители отправился на мѣсто пепелища, гдѣ рабочіе были заняты уборкою мусора, горѣлыхъ балокъ и желѣзныхъ связей уничтоженнаговъ пламени храма. Когда они по лѣстницамъ, переполненнымъ мусоромъ, поднялись вверхъ и вошли въ то мѣсто, гдѣ находился алтарь сгорѣвшаго соборнаго храма, то всѣхъ ихъ поразило слѣдующее зрѣлище. Престолъ, который былъ все время среди самаго страшнаго пламени, стоялъ совершенно невредимымъ на своемъ мѣстѣ: на немъ лишь въ двухъ или трехъ мѣстахъ прогорѣла шелковая индитія. Даже деревянный иконостасъ остался почти въ полной сохранности, попортилась лишь его позолота, тогда

какъ рядомъ съ этимъ валялись въ безформенной массѣ расплавленныя желѣзныя цѣпи, мѣдное паникадило и желѣзныя толстыя связи. Эта картина произвела на игумена, старцевъ и многихъ изъ любопытствующихъ и окружившихъ ихъ братій столь сильное впечатлѣніе, что многіе, подъ вліяніемъ религіознаго экстаза, стали рвать священную индитію на престолѣ, съ цѣлью сохранить куски ея на память объ этомъ необыкновенномъ явленіи. Игуменъ Макарій, подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ, тутъ же высказалъ желаніе, чтобы престолъ храма оставался нерушимо на своемъ мѣстѣ и въ будущемъ храмѣ, къ постройкѣ котораго было немедленно приступлено. „Если Божія Матерь сохранила все это невредимымъ, сказалъ о. Макарій, то мы не въ правѣ нарушить что либо изъ сего".

На это печальное событіе многіе изъ братіи посмотрѣли, однако, далеко не такъ, какъ внушалъ имъ игуменъ Макарій въ вышеприведенномъ словѣ, а стали подыскивать свои объясненія причинъ постигшаго несчастія и тѣмъ подали поводъ къ толкамъ и броженіямъ умовъ въ обители. Этого сорта иноки поставили данное событіе въ прямую причинную связь съ совершенно случайнымъ явленіемъ, имѣвшимъ мѣсто въ обители наканунѣ, т. е. 6 августа [1], и стали даже обвинять

[1] 6-го августа отбылъ съ Аѳона турецкій пароходъ „Victoria", нарочито нанятый одною высокообразованною дамою Е. М. М., единственный сынъ которой находился въ числѣ послушниковъ русскаго Пантелеймоновскаго монастыря, съ цѣлью повидаться съ сыномъ, не желавшимъ покидать Аѳона. Въ компаніи ея находились двѣ—три другія русскія женщины, пожелавшія хотя бы и издали видѣть Св. Гору, и русскій вице-консулъ въ Дарданелахъ г. Юговичъ. Монастырь принялъ гостей радушно. На пароходъ были привезены мощи св. великомученика Пантелеймона, отслуженъ предъ ними молебенъ съ акаѳистомъ, всѣ женщины исповѣдались у о. духовника Рафаила и въ праздникъ Преображенія пріобщились Св. Таинъ, которыя были нарочито оставлены для нихъ отъ литургіи и принесены на пароходъ. Вечеромъ 6-го августа, предъ отправленіемъ парохода, посѣтилъ путешественницъ о. игуменъ Макарій и благословилъ ихъ. Пароходъ проводили трезвономъ съ монастырской колокольни... См. брошюру: «Четыре дня на пароходѣ у береговъ Св. Горы. Разсказъ путешественницы, издаваемый въ пользу курскаго благотворительнаго общества. Курскъ. 1888 г.». Въ этомъ пребываніи парохода съ женщинами подъ аѳонскою горою и въ посѣщеніи его игуменомъ и усмотрѣли нѣкоторые иноки обители нарушеніе заповѣди Богоматери, будто-бы запретившей женщинамъ пріѣздъ къ ея «жребію». Пожаръ настоящій былъ, по ихъ мнѣнію, наказаніемъ монастырю за нарушеніе этой заповѣди (стр. 15).

игумена въ нарушеніи яко-бы завѣтовъ глубокой старины.. Объ этомъ покойный игуменъ, хотя и зналъ, но выжидалъ времени, чтобы выступить съ сильнымъ словомъ обличенія и положить всему конецъ. Случай къ этому представился скоро же.

29 августа съ юго-западной стороны Аѳона показались густыя облака дыма, ясно видимыя и въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ. По нимъ сейчасъ же догадались, что монастырь постигло новое несчастіе: горѣлъ на огромномъ пространствѣ лѣсъ благоустроеннѣйшаго метоха обители „Крумица“. Для тушенія страшнаго пожара были отправлены многіе изъ братій обители, которымъ, послѣ громадныхъ усилій, едва удалось потушить огонь только на четвертый день [1]. На слѣдующій день, т. е. 30 августа, по окончаніи торжественной литургіи и благодарственнаго молебна по случаю тезоименитства Государя Императора, когда братія, по обычаю, собралась въ архондарикъ, чтобы привѣтствовать игумена, послѣдній, поблагодаривъ братію за поздравленія и пожелавъ Государю Императору счастливаго и долголѣтняго царствованія, обратился въ ту сторону архондарика, откуда были видны клубы густого дыма, и, окинувъ всѣхъ присутствующихъ глазами, полными слезъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ произнесъ: „Братія, имѣйте любовь между собою и постигающія насъ несчастія принимайте съ покорностію волѣ Божіей безропотно“. Въ тотъ же самый день, по окончаніи братской трапезы, о. Макарій счелъ благовременнымъ обратиться къ братіи съ особымъ словомъ вразумленія и утѣшенія.

„Вотъ и насъ, братія, говорилъ между прочимъ игуменъ, въ полунощи совершенно неожиданно для насъ постигло огненное посѣщеніе отъ десницы Господней, привело насъ въ скорбь и страхъ своимъ угрожающимъ пламенемъ, истребляя на глазахъ нашихъ наше главное молитвенное пристанище и жилище наше. И Господь вѣсть, чѣмъ окончилось бы сіе посѣщеніе, если-бы Самъ Онъ, наказующій и въ самомъ наказаніи

---

[1] О пожарѣ на Крумицѣ обстоятельныя свѣдѣнія сообщаетъ И. Ѳ. *Кринковскій въ своей книгѣ*: «Макарій Аѳонскій» стр. 140.

милующій, не остановилъ бы Своею десницею огненное стремленіе. Слава долготерпѣнію Его къ намъ многогрѣшнымъ! Слава щедротамъ Его человѣколюбія!

„Сіе посѣщеніе послано было намъ ради исправленія и покаянія нашего. *Но, къ несчастію, не вняли мы воззванію Божію*, не исполнили Его хотѣнія. Вмѣсто покаянія, вмѣсто вниманія къ своей собственной совѣсти и исправленія собственныхъ немощей, *многіе изъ насъ, братія, начали изыскивать вины въ другихъ*, приписывая Божіе наказаніе какъ бы случаю, обвиняя того и другаго изъ ближнихъ и не сознавая истинной причины сего посѣщенія — общей нашей неисправности предъ Богомъ и несоблюденія обязанностей священнаго монашескаго званія. Не того хотѣлъ и требовалъ Господь отъ насъ. *Жертва Богу духъ сокрушенъ, а среди насъ возникъ духъ ропота, недовольства, изыскиванія вины не собственной, а ближнихъ.* Такъ мало проявилось въ насъ любви братской и смиреннаго самообвиненія. Посему мы навлекли на себя и *вторичное наказаніе* праведнаго Господа, снова вразумляющаго насъ и зовущаго на покаяніе. Возблагодаримъ долготерпѣніе и щедроты Отца нашего небеснаго и потщимся нынѣ внять его отеческому наказанію. Смиреннымъ признаніемъ своихъ немощей укротимъ злорѣчивый языкъ нашъ, скорый на пересуды ближняго; сокрушеніемъ сердца, вниманіемъ къ своему монашескому званію, взаимною братскою любовію преклонимъ на милость Господа; престанемъ отъ духа ропота и неудовольствія; исповѣдуемъ предъ Господомъ свои собственныя немощи и недостатки, послѣдуя примѣру св. апостола Павла, именующаго себя первымъ изъ грѣшниковъ; соединимся братскою любовію, и сія любовь соединитъ насъ съ Господомъ, ибо сказано: „въ мирѣ мѣсто Его“. И Самъ Спаситель нашъ устами своими намъ вѣщаетъ въ божественномъ Евангеліи: „По сему узнаютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою“.

Слово это произвело на присутствующихъ глубокое впечатлѣніе, и толки по поводу перваго пожара въ обители затихли совершенно.

XIII.

Послѣдніе годы жизни о. Макарія.

Болѣзнь о. Макарія и совѣты ему, чтобы продлить дни его жизни.—Выборъ преемника.—Приготовленія къ смерти.—Послѣдній вечеръ въ его жизни.—Послѣдняя литургія о. Макарія и его смерть.—Погребеніе и его духовное завѣщаніе.—Сочувственныя письма изъ Россіи въ обитель по поводу кончины о. Макарія.—Замѣчаніе о судьбѣ костей о. Макарія.

Пережитыя треволненія не прошли безслѣдно для нервно-впечатлительной натуры о. Макарія, который, и послѣ этого печальнаго событія, хотя по прежнему бодрился и старался нисколько не отступать отъ установленнаго имъ образа жизни, но силы видимо для всѣхъ начали измѣнять ему, онъ замѣтно ослабѣлъ, а въ январѣ 1888 года слегъ даже въ постель. Болѣзнь его приняла столь угрожающіе симптомы, что не только окружающіе о. Макарія, но даже и онъ самъ лично сталъ думать о близости своей кончины. Неожиданно, однако, для всѣхъ произошелъ переломъ въ болѣзни, и о. Макарій быстро началъ поправляться. Любящая братія и врачи теперь настойчиво совѣтовали ему, во первыхъ, не утомлять себя чрезмѣрно монастырскими дѣлами и пощадить свои слабыя силы, ради блага обители, и для сего рекомендовали ему избрать преемника себѣ по управленію обители и мало по малу ввести его въ кругъ тѣхъ сложныхъ обязанностей, какія долженъ нести игуменъ такой обширной обители, какою считается нынѣ русскій Пантелеимоновскій монастырь на Аѳонѣ; во вторыхъ, рѣже служить литургіи, по крайней мѣрѣ не болѣе трехъ разъ въ недѣлю и, въ третьихъ, наконецъ чаще дѣлать поѣздки на Крумицу и вообще быть внѣ своего монастыря. Но изъ всѣхъ этихъ совѣтовъ близко къ сердцу о. Макарій принялъ первый, т. е. избрать и подготовить себѣ по игуменству преемника. Ему хорошо было извѣстно, что между братствомъ идутъ уже давно оживленные толки относительно возможныхъ *кандидатовъ* на игуменскій тронъ русскаго Пантелеимонов-

скаго монастыря, причемъ нѣкоторые изъ представительныхъ старцевъ обители рѣшаютъ этотъ трудный вопросъ не безъ личныхъ вождѣленій. Не желая по этому задѣвать чье-либо самолюбіе, о. Макарій рѣшился результатъ выборовъ всецѣло отдать на волю Божію. Для сего сначала были намѣчены кандидаты изъ представительныхъ старцевъ обители, съ честію и усердіемъ долгое время потрудившіеся для нея и пользующіеся въ средѣ братства авторитетомъ и уваженіемъ. Въ число этихъ кандидатовъ попали о. архимандритъ *Іеронъ*, игуменъ Симоно-Кановитской Ново-Аѳонской обители на Кавказѣ, о. *Иларіонъ*, строитель этой обители, а нынѣ экономъ ея, о. іеромонахъ *Павелъ*, экономъ Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ, о. *Рафаилъ*, духовникъ обители, о. *Нафанаилъ*, антипросопъ монастыря, о. *Михаилъ*, довѣренный монастыря въ Ростовѣ на Дону, о. *Андрей* и о. *Виссаріонъ*, духовники обители. Изъ нихъ о. Іеронъ и о. Михаилъ, какъ находившіеся внѣ обители, прислали письменные отказы еще передъ выборами, имена же остальныхъ шести кандидатовъ рѣшено было подвергнуть избранію путемъ вынутія жеребія. Имена эти были написаны на бумажкахъ и положены въ ковчегъ изъ подъ мощей св. великомученика, который и поставили на престолъ Покровскаго соборнаго храма. Предъ вынутіемъ жребія, по желанію о. Макарія, былъ наложенъ на всю братію постъ, совершены три всенощныхъ бдѣнія въ честь св. Троицы, св. Богоматери, великомученика Пантелеимона и дневнаго святого, съ произнесеніемъ нарочитыхъ прошеній, въ которыхъ всѣ молились о томъ, чтобы Господь по сердцу своему избралъ вождя многочисленному братству русскаго Пантелеимоновскаго монастыря. На третій день, послѣ литургіи, глубокій старецъ, іеромонахъ Авель, по приказанію о. Макарія, вынулъ изъ упомянутаго ковчега одинъ изъ шести билетиковъ съ именемъ о. Андрея, въ мірѣ Алексѣя Веревкина.

Когда имя избранника было провозглашено вслухъ всего братства, о. Андрей со слезами сталъ умолять игумена и братію снять съ его слабыхъ плечъ непосильное иго, для несенія котораго у него нѣтъ ни силы, ни разумѣнія. Обра-

дованный счастливымъ исходомъ выборовъ старецъ Макарій сказалъ въ утѣшеніе избраннику: „Теперь, о. Андрей, не время отказываться. Не мы тебя избрали, а Самъ Господь Богъ, слѣдовательно, ты, и къ тому же монахъ, не долженъ противиться волѣ Божіей“. Смолкъ избранникъ при этихъ словахъ игумена-старца и земно поклонился всей братіи въ знакъ благодарности за оказанную честь. Вся братія, взволнованная предшествующими избранію толками и пораженная неожиданностію выбора, съ радостію и въ веселіи вышла изъ храма и спѣшила на перерывъ къ старцу-игумену, чтобы поздравить его съ счастливымъ выборомъ и пожелать избраннику мирнаго и благополучнаго управленія игуменствомъ на многія лѣта. Радость и ликованія въ обители были искреннія и общія. Игуменъ и ревнители дальнѣйшаго процвѣтанія славной Пантелеимоновской обители радовались, будучи увѣрены, что порядки жизни, завѣщанные и насажденные старцами, при новомъ игуменѣ будутъ храниться нерушимо, и обитель можетъ спокойно идти по пути дальнѣйшаго мирнаго преуспѣянія.

Что касается другихъ совѣтовъ братіи и спеціалистовъ докторовъ, то на нихъ о. Макарій обратилъ весьма мало вниманія. Сначала послѣ болѣзни онъ нѣсколько разъ ѣздилъ на Крумицу, но всего на очень короткое время, такъ какъ, привыкши къ обители и постоянному труду, онъ тяготился бездѣятельностію и неизвѣстностію за судьбу горячо любимой имъ братіи. Возвращаясь изъ этихъ поѣздокъ, онъ съ свойственною его темпераменту горячностію принимался за монастырскія дѣла и исполненіе всѣхъ своихъ сложныхъ обязанностей по игуменству и уходилъ въ нихъ такъ, что забывалъ о себѣ и о своемъ здоровьѣ. Когда кто-либо изъ братіи напоминалъ ему заботиться о здоровьѣ, о. Макарій съ улыбкою говорилъ: „Я пожилъ уже достаточно, съ меня довольно, пора—и на покой, а если я вамъ нуженъ, то молитесь Богу, чтобы Онъ подкрѣпилъ меня“.

Къ такой неустанной и энергичной дѣятельности, помимо врожденной любви къ ней, у покойнаго игумена были побужденія и въ обстоятельствахъ внѣшнихъ даннаго времени,

чувствительнымъ образомъ отразившихся на матеріальномъ благосостояніи монастыря. Такими обстоятельствами нужно считать: 1) страшную и неожиданную бурю на морѣ въ день храмоваго Покровскаго праздника, во время которой были разбиты монастырскія суда, стоявшія въ виду обители на якорѣ, и выброшенъ на берегъ и разбитъ монастырскій пароходикъ, находившійся подъ прикрытіемъ мола, нарочито выстроеннаго монастыремъ для его защиты; 2) пожаръ, истребившій громадный корпусъ для аргатовъ или чернорабочихъ и 3) гибель вслѣдствіе аваріи большого монастырскаго судна „Св. Пантелеимонъ", на Босфорѣ, шедшаго изъ Россіи съ грузомъ полнаго продовольствія для обители на цѣлый годъ и съ нѣкоторыми цѣнными пріобрѣтеніями для строившагося въ ту пору Покровскаго собора.

Провидѣнію было угодно, наконецъ, еще разъ напомнить старцу, что злоупотребленіе драгоцѣннымъ даромъ Божіимъ —жизнію не можетъ оставаться не наказаннымъ. Въ день Пятидесятницы о. Макарій служилъ по обычаю свою продолжительную литургію и намѣревался приступить къ совершенію вечерни въ честь Св. Духа. Сослужащіе старцы, видя утомленіе о. игумена, стали совѣтывать, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, не читалъ самъ длинныхъ молитвъ, положенныхъ въ чинѣ этой вечерни. „Нѣтъ, я уже прочту ихъ самъ *въ послѣдній разъ*", отвѣтилъ имъ категорически о. Макарій и въ положенное, по уставу, время прочелъ эти молитвы съ замѣчательнымъ воодушевленіемъ, внятно и раздѣльно. Но лишь только окончилась вечерня, какъ о. Макарію сдѣлалось дурно, и онъ на короткое время лишился языка...

Это легкое паралличное состояніе, какъ самому о. Макарію, такъ и его окружающимъ, дало понять, что окончательная развязка — дѣло недалекаго будущаго. Съ этого времени о. Макарій молча и совершенно спокойно начинаетъ готовиться къ смертному часу. Въ послѣдній разъ онъ объѣхалъ нѣкоторые монастыри на Аѳонѣ, побывалъ въ своихъ любимыхъ мѣстахъ—на Крумицѣ и въ Ѳиваидѣ и, прощаясь съ провожавшею его братіею, вездѣ говорилъ одно и тоже: „Ну, уже я у васъ *въ послѣдній разъ*". Смотря на его ясное и свѣтлое

лицо, на его спокойный и веселый тонъ рѣчи, никому изъ окружающихъ старца и въ голову не приходила мысль, что эта фраза, повидимому случайно брошенная, станетъ скоро дѣломъ, и они на самомъ дѣлѣ не увидятъ болѣе своего „батюшку“ живымъ. Дома, въ монастырѣ, и у себя въ келліи онъ постоянно говорилъ всѣмъ окружающимъ его о близкой своей кончинѣ и дѣлалъ на этотъ случай соотвѣтствующія распоряженія, которыя касались какъ важныхъ сторонъ монастырскаго управленія и быта, такъ и нѣкоторыхъ частныхъ чисто келейныхъ дѣлъ. Не задолго до своей кончины онъ далъ приказаніе своему келейнику, чтобы его носильное платье было роздано на портѣ бѣднымъ ксиромахамъ. Но особенно памятнымъ для братіи навсегда останется канунъ и самый день кончины о. Макарія.

18 число іюня, приходившееся въ 1889 году въ слѣдующее воскресеніе по недѣлѣ всѣхъ святыхъ, совпало, по аѳонскому уставу, съ мѣстнымъ праздникомъ въ честь всѣхъ новыхъ святыхъ мучениковъ, пострадавшихъ во время турецкаго владычества. Поэтому положенное, по нашему уставу, празднество въ честь чудотворной иконы Боголюбской Божіей Матери, по распоряженію о. игумена, было перенесено на слѣдующій день, т. е. на 19 іюня. Оставить совершенно эту службу не желалъ покойный игуменъ, такъ какъ названная икона особенно свято чтится на его родинѣ въ Тулѣ, и предъ этою иконою онъ горячо молился, ища у ней помощи и заступленія, предъ путешествіемъ своимъ на востокъ. 18 числа о. Макарій совершилъ литургію въ Пантелеимоновскомъ соборѣ, а послѣ вечерни въ придѣлѣ св. благовѣрныхъ князей россійскихъ Владиміра и Александра Невскаго прочелъ празднуемой иконѣ акаѳистъ, вмѣсто обычнаго по воскресеньямъ акаѳиста въ честь иконы іерусалимской Божіей Матери, находящейся надъ царскими вратами Покровскаго соборнаго храма, каковою иконою и благословилъ присутствующую братію. Только на слѣдующій день поняли всѣ, что это было *послѣднее благословеніе* батюшки и что этимъ онъ хотѣлъ выразить послѣднее „прости“ своему многочисленному семейству духовныхъ чадъ, которыхъ такимъ образомъ, онъ оставлялъ

подъ покровомъ Царицы Небесной, какъ единственной ихъ заступницы и помощницы во всѣхъ ихъ нуждахъ и скорбяхъ.

Вечеръ этого дня о. Макарій былъ особенно въ благомъ расположеніи духа: шутилъ съ приходившими къ нему по разнымъ нуждамъ, былъ со всѣми говорливъ болѣе обыкновеннаго и должнаго даже, такъ какъ предстояло еще окончить почту и отправить ее этою ночью на пароходъ. Никому изъ окружающихъ и въ голову не приходило, что эти бесѣды прощальныя, послѣднія бесѣды, и что на завтра эти сладкорѣчивыя уста навсегда умолкнутъ. Нѣсколько сосредоточеннѣе и задумчивѣе сдѣлался о. Макарій ближе къ полуночи, когда почта уже оканчивалась. Въ это время, ни съ того ни съ сего,—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось окружающимъ его лицамъ, помогавшимъ ему въ приготовленіи почты, —о. Макарій попросилъ одного изъ іеромонаховъ написать письма [1] нѣкоторымъ такимъ лицамъ, съ которыми уже давно по разнымъ обстоятельствамъ была прекращена переписка у обители. Попробовали было возражать, но покойный съ нервнымъ волненіемъ въ голосѣ спросилъ: „что же, вамъ не хочется писать?“ и тѣмъ окончательно обезоружилъ своихъ оппонентовъ. Письма были написаны и по адресамъ отправлены съ тою же почтою всего за нѣсколько часовъ до блаженной кончины старца. Истин-

[1] Въ числѣ этихъ писемъ было и письмо къ извѣстному организатору духовной миссіи въ Абиссинію о. Паисію, который, какъ мы уже знаемъ, былъ долгое время управляющимъ Константинопольскаго Пантелеимоновскаго подворья. Цѣня его заслуги для обители на этомъ скромномъ посту, сознавая неподготовленность, немощь образованія, и принимая во вниманіе его преклонный возрастъ и сырую комплекцію тѣло сложенія, о. Макарій долго и горячо убѣждалъ о. Паисія не принимать на себя роли организатора этой трудной миссіи. Но настойчивая и непреклонная казацкая натура о. Паисія, подстрекаемая жаждою почестей и сана, не поддалась кроткимъ убѣжденіямъ любящаго сердца, и о. Паисій выѣхалъ изъ монастыря недовольный. Между тѣмъ покойный старецъ глубоко жалѣлъ о. Паисія, повсюду слѣдилъ за нимъ съ отеческою любовію и скорбѣлъ о немъ, при возвращеніи его въ Россію, когда абиссинская миссія на берегахъ еще Краснаго моря потерпѣла неудачу ..... (Все это мы знаемъ изъ переписки, которую мы лично вели съ покойнымъ о. Макаріемъ). Пусть же теперь это *предсмертное* письмо о. Макарія послужитъ замогильнымъ призывомъ къ братскому взаимопрощенію двухъ старцевъ, при жизни искренно любившихъ другъ друга.

ный смыслъ и этого событія, какъ и многихъ другихъ, ему подобныхъ, *совершонныхъ покойнымъ какъ бы случайно*, сталъ для всѣхъ ясенъ и понятенъ только на слѣдующій день...

Этотъ *послѣдній вечеръ въ жизни* о. Макарія окончился очень поздно. Предъ своимъ *вѣчнымъ сномъ* онъ едва-ли даже сомкнулъ глаза. По крайней мѣрѣ, когда гостинникъ (архондаричный) о. Валентинъ, послѣ отправленія почты на пароходъ, пришелъ доложить о. игумену о вновь прибывшихъ въ обитель гостяхъ, то онъ засталъ о. Макарія въ своей келліи дочитывающимъ первый часъ...

Для совершенія *послѣдней* литургіи о. Макарій безъ всякихъ колебаній назначилъ соборный храмъ *Успенія* Пресвятой Богородицы. Литургія прошла по обычаю долго, и присутствующіе въ храмѣ ничего особеннаго въ совершителѣ ея не замѣтили, если не отмѣтить особеннаго его умиленія, сопрождавшагося слезами, что, впрочемъ, бывало нерѣдко и раньше. Послѣ литургіи о. игуменъ въ обычное время роздалъ антидоръ молившимся съ нимъ, затворилъ царскія двери, потребилъ на жертвенникѣ часть оставшихся св. таинъ, что онъ дѣлалъ всегда, вкусилъ антидора съ теплотою и, омывъ руки и уста, отошелъ съ служебникомъ въ южную часть алтаря къ окну, чтобы вычитать благодарственныя молитвы по причащеніи. Сослужившій ему іеродіаконъ приступилъ къ потребленію оставшихся св. даровъ, и затѣмъ занялся уборкою св. сосудовъ и жертвенника. Въ это время до его слуха стало доноситься откуда то хрипѣніе, на которое о. іеродіаконъ сначала не обратилъ никакого вниманія, но когда это хрипѣніе стало усиливаться, то онъ, оставивъ жертвенникъ, пошелъ узнать причину его. Такъ какъ хрипѣніе слышалось съ того мѣста, гдѣ находился игуменъ, то іеродіаконъ подошелъ къ нему. О. Макарій, закрывъ глаза плотно и держась одною рукою за подоконникъ, на который онъ склонилъ свою голову, дышалъ часто и весьма порывисто съ хрипѣніемъ. Лицо его было блѣдно и покрыто потомъ. Сознаніе хотя и не было еще потеряно, но языкъ былъ бездѣйственъ. Тотчасъ о. іеродіаконъ съ подоспѣвшимъ къ нему на помощь екклисіархомъ усадили о. Макарія въ пододвинутое кресло и, по

данному имъ знаку, стали разоблачать его. Сдѣланный знакъ къ разоблаченію былъ послѣднимъ проблескомъ сознанія, которое послѣ того болѣе уже не возвращалось къ о. Макарію.

Изъ храма въ келлію умирающій игуменъ былъ перенесенъ на коврѣ. Тотчасъ явился монастырскій фельдшеръ и стали пробовать всѣ мѣры, чтобы воротить умирающему сознаніе. Обратились къ кровопусканію, но и это средство не улучшило положенія о. Макарія. Умирающій лежалъ безъ сознанія и безъ движенія, тяжко лишь дыша. Когда прибыли врачи спеціалисты [1], за которыми посланъ былъ нарочитый гонецъ сейчасъ же послѣ удара, то попытались воротить къ жизни умирающаго электричествомъ, но и эта попытка оказалось неудачною, какъ и прежнія. Тогда, испробовавъ, такимъ образомъ, всѣ человѣческія средства, старцы обители, окружающіе постель дорогого больного, рѣшились обратиться за помощію къ Единому Врачу душъ и тѣлесъ нашихъ, и приступили къ совершенію таинства елеосвященія. Остальная же братія, лишь только разнеслась по монастырю печальная вѣсть о тяжкой болѣзни „любимаго батюшки“, по собственному почину, ударивъ въ колоколъ, стала служить, какъ въ нижнемъ Пантелеймоновскомъ, такъ и въ верхнемъ Покровскомъ соборахъ молебенъ о здравіи болящаго. Всѣ молились горячо и со слезами. Молитвъ своихъ о болящемъ не прекращала братія, и по возвращеніи изъ храма, ставъ на добровольный канонъ и взывая ко Господу Іисусу: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй раба твоего“. Но ни въ искусствѣ опытныхъ врачей, ни въ молитвахъ о здравіи о. Макарій болѣе не нуждался. Онъ ждалъ и просилъ у своихъ оставленныхъ имъ духовныхъ чадъ молитвъ объ упокоеніи и преселеніи его изъ этой юдоли скорбей и невзгодъ въ нѣдра Авраама, Исаака и Іакова, идѣже нѣсть болѣзнь, печаль и воздыханіе, но жизнь безконечная.

---

[1] Въ настоящее время на Аѳонѣ имѣются три доктора-спеціалиста, изъ коихъ одинъ вольнопрактикующій живетъ на Карей, другой въ Ватопедскомъ монастырѣ и третій въ Иверскомъ монастырѣ. Первый получаетъ содержаніе отъ карейскаго синода, и два прочіе содержатся на средства названныхъ обителей.

Въ 3 часа пополудни, 19 числа іюня, не стало болѣе въ живыхъ великаго старца русскаго Пантелеимоновскаго монастыря, о чемъ оповѣстилъ братію его печальный звонъ мощнаго монастырскаго колокола. Дрогнули сердца русскихъ иноковъ этой обители, думавшихъ всю свою труженическую жизнь провести подъ властною охраняющею рукою своего „батюшки". Слезы невольно катились по ихъ суровымъ изможденнымъ лицамъ... Звонъ колокола снова призывалъ братію на молитву, но уже не о живомъ, а объ умершемъ. Каждый, осѣнивъ себя крестомъ съ словами: „Царствіе небесное нашему „батюшкѣ-труженику" и оставивъ свое послушаніе, спѣшилъ ко гробу дорогого усопшаго, чтобы вознести свои молитвы о почившемъ, поклониться его праху и облобызать его похолодѣвшую десницу.

Покойника одѣли въ монашескія одежды и зашили въ мантію, но лицо его, спокойное и даже улыбающееся какою-то неземною улыбкою, было оставлено открытымъ. Какъ исключеніе [1] на шею его надѣта была епитрахиль, а на персяхъ возлежало св. евангеліе. Такимъ образомъ, каждый имѣлъ теперь возможность взглянуть на доброе лицо покойника. Отъ гроба покойника вся братія пошла въ храмы на слушаніе панихиды „о новопреставльшемся приснопамятномъ рабѣ Божіемъ игуменѣ священно-архимандритѣ Макаріѣ". Не задолго до вечерни тѣло покойника, положенное въ гробъ [2], было пере-

---

[1] Обычно монахи, безъ различія іерархическаго званія, зашиваются въ мантію отъ головы до ногъ.

[2] Тѣла простыхъ умершихъ иноковъ по одѣяніи ихъ въ монашескія одежды, полагаются обыкновенно на носилки, на которыхъ приносятся въ храмъ для отпѣванія и оттуда къ приготовленной для погребенія могилѣ. Опускается тѣло усопшаго, по аѳонскому обычаю, непосредственно въ яму *безъ гроба* и засыпается землею. Чтобы черепъ не былъ раздавленъ, голову покойника обкладываютъ камнями, которые ставятся въ перпендикулярномъ положеніи. Это дѣлается въ тѣхъ видахъ, чтобы тѣло умершаго было ближе къ землѣ и скорѣе подверглось бы тлѣнію, для чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покойника даже обливаютъ водою. Для о. Макарія и въ этомъ отношеніи было сдѣлано нѣкоторое отступленіе отъ общаго обычая. Тѣло о. Макарія было положено въ наскоро сколоченный гробъ особаго устройства: бока, дно и крышка были сдѣланы не изъ тѣлыхъ досокъ, а изъ кусковъ ихъ, на подобіе рамъ, которыя обтянули

несено изъ келліи въ Покровскій соборный храмъ, и тамъ началось чтеніе евангелія, безпрерывно продолжавшееся до самаго выноса къ погребенію. Послѣ вечерни въ тотъ же день у гроба покойника была совершена архіерейская панихида епископомъ Агаѳангеломъ, пребывающимъ на св. Горѣ на покоѣ, съ многочисленнымъ соборомъ іеромонаховъ обители.

Печальная вѣсть о блаженной кончинѣ руссиковскаго старца о. Макарія быстро разнеслась по всему Аѳону и проникла даже до подземельевъ *Карулья* [1]. Это извѣстіе подняло

голубымъ коленкоромъ. Съ этимъ гробомъ и опустили его тѣло въ могилу, выкопанную внутри монастыря, съ правой стороны Пантелеимоновскаго собора, повыше могилы о. Іеронима.

[1] *Карульемъ* называется скалистая сѣверо-восточная часть Аѳона, выступающая въ Эгейское море. Сюда удаляются на безмолвіе и уединенную жизнь многіе аѳонскіе анахореты и проводятъ здѣсь жизнь въ суровомъ аскетизмѣ. Они не строятъ себѣ домовъ или келлій, а живутъ въ „вертепахъ и пропастяхъ земныхъ“ въ буквальномъ смыслѣ. Пробраться къ этимъ анахоретамъ нелегко и требуется много смѣлости и отваги. Обитатели Карулья выходятъ изъ своихъ пещеръ рѣдко и по особо-важнымъ дѣламъ, причемъ выходъ на Гору и обратный спускъ въ пещеру они совершаютъ при помощи каната, висящаго надъ бездною, отъ одного взгляда на которую у непривычнаго человѣка кружится голова... Путешественнику по этимъ лѣсницамъ приходится нерѣдко висѣть надъ бездною, упираясь въ выдолбленныя въ скалѣ ямы. Карульскіе анахореты проводятъ время въ исполненіи монастырскихъ каноновъ, въ чтеніи Слова Божія и свято-отеческой, по преимуществу, аскетической литературы, а также въ занятіяхъ ремесломъ: они дѣлаютъ четки, вытачиваютъ изящно кресты и ложечки изъ масличнаго и каштановаго дерева, вяжутъ половыя щетки и т. п. Эти вещи сбываются ими или въ монастыри для раздачи паломникамъ, или въ монастырскія лавки на Карѣ. На вырученныя отъ продажи деньги покупаютъ они одежду и самое необходимое для ихъ несложнаго домашняго обихода. Пища ихъ—весьма суровая. Черные сухари, размоченные въ водѣ, вареная фасоль, перецъ, бами и колокитья и т. п. растительныя вещества, съ великимъ трудомъ и тщательнымъ уходомъ выращенные ими на той-же каменистой почвѣ, для удобренія которой необходимо бываетъ натаскать сверху горы хорошей земли,—вотъ что составляетъ ихъ постоянную пищу. Изрѣдка они лакомятся октаподами, актиніями, крабами, морскими ежами и подобными морскими обитателями, на охоту за которыми они выходятъ самолично, спускаясь къ морю по канату. Мягкій хлѣбъ и свѣжую рыбу иногда привозятъ имъ рыбаки, которые кладутъ все это въ корзины, спущенныя на веревкахъ къ морю. Въ эти же самыя корзины по субботамъ полагается милостыня, которую имѣютъ обыкновеніе раздавать нѣкоторые

на ноги, можно сказать, всю св. Гору. Лавра св. Аѳанасія аѳонскаго и монастыри св. Горы выслали своихъ представителей въ Пантелеймоновскій монастырь, чтобы отдать дань должнаго почтенія и уваженія къ личности усопшаго, котораго чтилъ и уважалъ весь Аѳонъ за высокія его качества души и сердца и за его святую подвижническую жизнь, и выразить свое соболѣзнованіе братіи монастыря, понесшей столь дорогую и чувствительную для нея утрату. Скиты аѳонскіе послѣдовали примѣру своихъ монастырей. Настоятели многочисленныхъ келлій, разбросанныхъ по всему Аѳону, облагодѣтельствованные покойнымъ о. игуменомъ, или вышедшіе изъ Руссика и считавшіеся его духовными дѣтьми, сочли для себя священнымъ долгомъ явиться лично въ монастырь и поклониться праху дорогаго почившаго. Кавьёты ксиромахи и карульскіе анахореты цѣлыми толпами направились поклониться праху усопшаго и помолиться за своего благодѣтеля, который никогда ни въ чемъ не отказывалъ этимъ бѣднякамъ при своей жизни и не забылъ о нихъ даже и послѣ смерти [1]. Однимъ словомъ, въ эти дни имя о. Макарія было у всѣхъ обитателей св. Горы на устахъ, и Руссикъ сталъ центромъ, къ которому отшельники - святогорцы, старъ и младъ, ѣхали, шли пѣшкомъ, и даже ползли... Стеченіе богомольцевъ было на столько велико, что ихъ не вмѣщали даже и многочисленные архондарики монастыря. Храмы съ утра до глубокой ночи бывали въ эти дни переполнены молящимися, а въ день самыхъ похоронъ многимъ изъ богомольцевъ пришлось стоять внѣ храма, чтобы хотя издали видѣть печальную церемонію

аѳонскіе монастыри чрезъ особаго, на это послушаніе назначеннаго, монаха.—Для исповѣди и пріобщенія Св. Таинъ, эти анахореты выходятъ по субботамъ изъ своихъ пещеръ и направляются въ ближайшіе скиты или келліи, имѣющіе храмы и чаще всего къ подобнымъ же анахоретамъ, которымъ, при помощи благодѣтелей, изрѣдка посѣщающихъ эти опасныя для жизни мѣста, удалось выстроить маленькія церковки. Такимъ то образомъ карульцы не выходятъ въ «міръ», что на ихъ языкѣ обозначаетъ вообще Аѳонскую гору и въ частности городокъ его Карею, по нѣсколько лѣтъ къ ряду.

[1] *См.* ниже духовное завѣщаніе о. Макарія.

проводовъ на вѣчный покой скончавшагося приснопамятнаго игумена о. Макарія.

Наканунѣ похоронъ, въ 6¾ ч. пополудни, монастырскій колоколъ собралъ братію и пришедшихъ на поклоненіе гостей въ храмы къ заупокойному всенощному бдѣнію, которое длилось почти семь часовъ. По шестой пѣсни канона, непосредственно послѣ пѣнія кондака: „Со святыми упокой“, о. Андрей, преемникъ о. Макарія по игуменству, вмѣсто обычнаго уставнаго чтенія, произнесъ въ похвалу почившаго слово, которое произвело на присутствующихъ глубокое впечатлѣніе. Въ 4¼ ч. утра, 21 іюня, началась въ обоихъ соборныхъ храмахъ заупокойная литургія, при чемъ въ Пантелеимоновскомъ соборѣ литургію совершалъ епископъ Агаѳангелъ. Окончивши литургію въ верхнемъ Покровскомъ соборѣ, священнослужители, по аѳонскому обычаю, разоблачились и вышли ко гробу въ однихъ епитрахиляхъ. Послѣ краткой заупокойной литіи, поднявши носилки съ гробомъ на плечи, стали опускаться внизъ, чтобы чинъ погребенія совершить въ нижнемъ Пантелеимоновскомъ соборѣ. Впереди процессіи монахи несли фонарь и два запрестольныхъ креста. Процессія двигалась по кривымъ и узкимъ лѣстницамъ многоэтажнаго корпуса медленно, останавливаясь постоянно предъ многочисленными параклисами для совершенія литій. Когда, наконецъ, процессія выступила на монастырскій дворъ, то на встрѣчу ей съ хоругвями и крестами вышелъ изъ Пантелеимоновскаго собора преосвященный Агаѳангелъ. По совершеніи краткой литіи, гробъ былъ внесенъ въ соборъ и поставленъ въ приготовленномъ мѣстѣ. Владыка вступилъ въ игуменскій тронъ, а всѣ іеромонахи заняли стасидіи, по правую и лѣвую сторону его. Количество священнослужителей, пожелавшихъ участвовать въ совершеніи чина погребенія, выразилось въ такихъ цифрахъ: 10 игуменовъ, 114 іеромонаховъ и 35 іеродіаконовъ.

Отпѣваніе, которое о. Андрей предварилъ краткимъ словомъ [1], продолжалось около четырехъ часовъ. Пѣніе непороч-

[1] Всѣ слова, произнесенныя о. Андреемъ у гроба почившаго о. Макарія, напечатаны въ Душепол. Собесѣдн. 1889 г., в. IX, стр. 233—239.

ныхъ, канона и другихъ пѣснопѣній было умилительное и неспѣшное. На прощаніе съ почившимъ и послѣднее цѣлованіе потребовалось около двухъ часовъ времени, такъ какъ не только братія и прибывшіе изъ другихъ монастырей, но даже всѣ монастырскіе рабочіе безъ исключенія желали проститься съ покойникомъ и шли дать ему „послѣднее цѣлованіе“. Во время этого прощанія, участвовавшіе въ погребеніи іеромонахи произносили возгласъ: „Яко ты еси воскресеніе и животъ“, предваряемый восклицаніями іеродіаконовъ: „Господу помолимся“. Послѣ отпѣванія, гробъ съ крестнымъ ходомъ былъ вынесенъ изъ храма, при печальномъ перезвонѣ колоколовъ, обнесенъ кругомъ его и поставленъ у могилы, мѣсто для которой было указано самимъ покойникомъ. По совершеніи краткой литіи и по прочтеніи разрѣшительныхъ молитвъ, гробъ опустили въ могилу. Всѣ присутствующіе на погребеніи бросили на крышку гроба земли, которая, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, скрыла дорогой прахъ отъ ихъ взоровъ. Вотъ эта-то, горстями насыпанная, земля можетъ быть по истинѣ названа—terra levis, которую немногимъ счастливцамъ приходится получать за свой короткій жизненный путь.

Послѣ похоронъ всѣ почетные гости были приглашены на архондарики помянуть усопшаго, по русскому обычаю, хлѣбомъ и солью. Обширная монастырская трапеза не закрывала своихъ гостепріимныхъ дверей цѣлый этотъ день, желая накормить всѣхъ ксиромаховъ, келіотовъ и кавьетовъ, явившихся отдать послѣдній долгъ усопшему. На монастырской портѣ этимъ послѣднимъ, кромѣ того, раздавали хлѣбъ, сухари и деньги на поминъ души о. Макарія. Въ этотъ же самый день со слезами на глазахъ и въ сильномъ волненіи, преданнѣйшій келейникъ покойнаго о. Іоаннъ, исполняя волю почившаго своего старца, роздалъ на портѣ бѣднякамъ ксиромахамъ двѣ поношенныя ряски, двѣ полуряски, схиму, старенькую шерстяную камилавку, потертые башмаки и нѣсколько паръ носильнаго бѣлья. Это было единственное имущественное достояніе покойника, которое онъ оставилъ послѣ себя и которымъ онъ свободно могъ распорядиться... Сча-

стливцы со слезами радости приняли дорогое наслѣдство „добраго батюшки“.

Во время поминальной трапезы, изъ Кареи прибылъ въ монастырь аѳонскій каймаканъ, которому по телеграфу изъ Константинополя было приказано присутствовать на погребеніи о. Макарія, бывшаго, какъ извѣстно, кавалеромъ турецкаго ордена Меджидіе 4 степени [1]. Наше посольство въ Константинополѣ также по телеграфу сдѣлало распоряженіе солунскому генеральному консулу, чтобы онъ, въ качествѣ русскаго представителя, отправился на Аѳонъ въ русскій Пантелеимоновскій монастырь ко дню погребенія о. игумена Макарія. За отсутствіемъ консула, порученіе г. посла взялся выполнить вице-консулъ солунскій Н. Н. Демерикъ, который, хотя и нанялъ для исполненія возложенной на него миссіи спеціальный пароходъ, однако-же, къ самому погребенію опоздалъ и явился уже спустя два дня послѣ похоронъ.

На слѣдующій день послѣ погребенія вся многочисленная братія монастыря собралась въ большомъ архондарикѣ (на русской половинѣ) и выслушала послѣднюю волю своего любимаго покойнаго игумена. Духовное завѣщаніе, найденное послѣ смерти о. Макарія, яркими чертами обрисовываетъ свѣтлую личность почившаго и навсегда останется памятникомъ его житейской опытности, мудрой предусмотрительности и искренно любящаго сердца. Вотъ это завѣщаніе въ полномъ видѣ:

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.
Возлюбленнѣйшіе о Господѣ
Отцы и Братія!

„Послѣднее слово мое вѣщаю Вамъ нынѣ, въ онь же день Господь судилъ мнѣ оставить временную сію жизнь и перейти въ вѣчность. Но, чада мои, присно мнѣ возлюблен-

---

[1] Кромѣ турецкаго ордена, покойный о. Макарій за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины получилъ, по представленію архіепископа Херсонскаго и Одесскаго Никанора, отъ русскаго правительства орденъ Анны 2-ой степени, а раньше онъ имѣлъ наперсный крестъ изъ кабинета Его Величества съ украшеніями.

ныя, прежде нежели душа моя предстанетъ предъ страшное и нелицепріятное судище Христово, прошу и молю Васъ колѣнопреклоненно, простите меня за всѣ мои ошибки и недостатки, равно какъ и я всѣхъ Васъ прощаю и разрѣшаю, и вознесите нынѣ наипаче горячія сыновнія Ваши мольбы ко Господу, да обрящу я милость у Него. Ибо хотя я, при помощи Божіей, старался всегда исполнять должность свою по силѣ своей, возлагая всю надежду свою на Восполняющаго недостающее и Изводящаго честная отъ недостойнаго, но при всемъ томъ вполнѣ сознаю, что далеко несоотвѣтствовалъ тяжелой и неудобоносимой своей обязанности и великому моему предмѣстнику—старцу блаженной памяти, о. Іерониму. Кромѣ же того, если и праведникъ, по словамъ св. Писанія, едва спасается,—то гдѣ азъ грѣшный явлюся? И если человѣкъ неправъ предъ судомъ Божіимъ, аще и единъ день токмо житія его былъ на земли,—то что я могу сказать о себѣ, имѣвъ въ жизни моей не единъ день, но десятки лѣтъ и исполненъ бывъ многихъ заботъ?

„Помяните нынѣ, возлюбленныя мои чада, оныя мои попеченія и многія скорби, которыя я имѣлъ ради Вашего блага и спасенія, покройте мои великіе недостатки Вашею любовію и восполните недостававшее во мнѣ Вашимъ собственнымъ тщаніемъ, что будетъ достойно Вашего священнаго званія. Да, ради Вашей любви ко мнѣ, помилуетъ и пріиметъ меня Господь. Молю убо Васъ всѣхъ и каждаго,—нынѣ всего болѣе нуждаюсь въ молитвенной Вашей мнѣ помощи: не оставляйте и не забывайте меня Вашими теплыми о мнѣ молитвами и не отринетъ единодушную Вашу любовь Богъ любви, но и мнѣ отраду и милость сотворитъ и Вамъ щедротами Своими воздастъ за благопріятную предъ Нимъ сыновнюю Вашу любовь.

„Ради собственнаго Вашего блага, прошу и убѣждаю Васъ *исполнять усердно поминовеніе именъ благодѣтельскихъ, чтобы синодики, заведенные во Обители, неопустительно читались, какъ положено.* Ибо оставленіе или небреженіе относительно сего нашего долга весьма отвѣтственно для насъ предъ Господомъ. Будемъ помнить милость благодѣтелей нашихъ и ихъ

помощь во время нуждъ Обители, — ибо ихъ благочестивое благотвореніе поддерживаетъ и восполняетъ наши нужды, особенно въ тяжелыя для Обители времена. Сіе намъ никогда забывать не должно и необходимо воздавать, какъ обязались, молитвою за ихъ милость. Судьбы будущія Обители неизвѣстны и заключаются въ десницѣ Божіей. Также памятовать должно, что многіе приносятъ Обители свои посильныя жертвы часто изъ послѣднихъ средствъ, даже съ лишеніемъ и ограниченіемъ своихъ нуждъ. Крайне грѣшно будетъ наше неисполненіе ихъ усердія. Сему долгу — совѣсти внимайте, ибо за это спросится съ насъ на судѣ Божіемъ.

„Какъ во дни моего съ Вами земнаго пребыванія, многократно просилъ и увѣщевалъ я Васъ, во имя заповѣди Христовой и ради собственной Вашей пользы временной и вѣчной, хранить между собою миръ и любовь братскую, и взаимное снисхожденіе другъ ко другу, и общее согласіе и единодушіе, всячески избѣгая всякаго нестроенія внутренняго и разногласія. О семъ нынѣ, хотя и безгласно, чрезъ сіе письменное мое къ Вамъ увѣщаніе и слезное отеческое моленіе, напоминаю, прошу и молю Васъ: храните миръ, любовь и взаимное братское единомысліе; не ищите каждый своего „я“ и, ради такого богопротивнаго себялюбія, не забывайте Вашей общей пользы, общаго блага и чести Обители и братіи. Гдѣ миръ, любовь—тамо Богъ, а гдѣ Богъ—тамо всякое добро. Миръ и единодушіе составляютъ твердое ограженіе и благоустроеніе всякаго общества, при внутреннемъ же несогласіи падаетъ всякій домъ и всякое общество.

„Прошу и увѣщеваю Васъ, возлюбленныя братія—*сохраните издревле установленный порядокъ общежитія*, постояннаго исповѣданія и открытія своихъ помысловъ и своего сердечнаго устроенія игумену или духовнику и, по разрѣшеніи, пріобщайтесь Св. Животворящихъ Таинъ, какъ всегда бывало. Этимъ поддерживается духовный строй и порядокъ души каждаго въ отдѣльности. Не нарушайте же сего спасительнаго добраго установленія, которое мы здѣсь наслѣдовали отъ отцовъ предшественниковъ.

„Еще мое усердное завѣщаніе Вамъ, отцы и братія! *Врата*

обители да не затворяются никогда для нищихъ и убогихъ и всякаго требующаго. Самъ Господь засвидѣтельствовалъ воочію всѣхъ насъ, воздавая обильно Своими щедротами Обители за незатвореніе ея вратъ и милостыни для всѣхъ нуждающихся. Сіе наблюдайте неизмѣнно, какъ было, и не ограничивайте Вашей милостыни и послѣ меня.

„Поручаю Васъ, какъ всегда, Покрову и заступленію и милости Царицы Небесной, Преблагословенной Матери Господа нашего Іисуса Христа Бога истиннаго, Ему же со Отцемъ и Пресвятымъ Духомъ подобаетъ всякая честь и слава и поклоненіе и благодареніе во вѣки. Аминь.

Игуменъ Русскаго св. Пантелеимона монастыря
Архимандритъ *Макарій*".

По выслушаніи воли почившаго игумена, вся братія здѣсь же въ архондарикѣ скрѣпила своими подписями актъ избранія въ игумены о. Андрея, который 29 іюня и былъ торжественно возведенъ на игуменскій тронъ (ἐνθρονιασμός).

Вѣсть о блаженной кончинѣ о. Макарія быстро облетѣла всю Россію и у всѣхъ знавшихъ и слышавшихъ о его подвижнической жизни вызвала самыя искреннія сожалѣнія. Русскій Пантелеимоновскій монастырь на Аѳонѣ получилъ по этому поводу весьма много писемъ съ выраженіемъ соболѣзнованія о понесенной имъ утратѣ изъ разныхъ концовъ Россіи. Эти письма служатъ неоспоримымъ свидѣтельствомъ какъ той широкой популярности, которою пользовалось у насъ имя покойнаго старца, такъ и того глубокаго уваженія, какое питали къ нему русскіе люди. „Мы лишились духовнаго свѣтильника, писалъ на Аѳонъ его высокопревосходительство оберъ-прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ, тѣмъ ярче свѣтившаго свѣтомъ добрыхъ дѣлъ, чѣмъ они были смиреннѣе; *мы лишились неустаннаго молитвенника за русскую землю*". „Съ великою скорбію, говоритъ въ своемъ письмѣ высокопреосвященный митрополитъ кіевскій Іоанникій, приняли всѣ извѣстіе о блаженной кончинѣ усопшаго о. Макарія. Видно угодно было Господу послать серпъ и созрѣвшую

пшеницу принять въ житницу свою. Да будетъ Его святая воля. *Но вся православная Россія поминаетъ и будетъ поминать всегда съ вами старца Макарія.* Онъ былъ вамъ всѣмъ свѣтильникъ горяй и святяй. Но огонь, коимъ горѣлъ сей свѣтильникъ—огонь Господень и въ Его волѣ возжигать и погашать и паки возжигать свѣтильники свои, да свѣтятъ людямъ". „Съ глубокою скорбію,—писалъ въ своемъ письмѣ покойный митрополитъ московскій Леонтій,—узналъ о кончинѣ блаженныя памяти о. архимандрита Макарія. Пантелеимоновская обитель лишилась великаго старца, администратора и подвижника. Постигаю скорбь братіи. *Не одна ваша обитель, не одинъ Аѳонъ оплакиваютъ усопшаго труженика, но и вся, можно сказать, Россія*".

Очеркъ нашъ, за составленіе котораго мы принялись въ девятый день по кончинѣ о. архимандрита Макарія, своимъ появленіемъ въ свѣтъ затянулся настолько, что мы теперь можемъ сказать нѣсколько словъ и о судьбѣ его костей. По обычаю православнаго востока, практикующемуся и на Аѳонѣ съ глубокой древности, кости всякаго умершаго инока черезъ три года со дня его кончины вырываются изъ земли, омываются въ водѣ съ виномъ, насухо вытираются и складываются въ усыпальницѣ въ ямы или особые лари, а черепъ съ надписью имени почившаго ставится на полкахъ въ хронологическомъ порядкѣ. Установленные три года для изъятія изъ земли останковъ почившаго игумена Макарія исполнились 19 іюня 1892 года. Кости незабвеннаго старца, по словамъ „Душеп. Собесѣдн." „были вырыты наканунѣ, т. е. 18 числа, и оказались *чистыми и свѣтлыми*, что здѣсь (т. е. на Аѳонѣ) принимается какъ свидѣтельство благополучнаго состоянія души почившаго въ *загробномъ мірѣ*" [1]. День этотъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и днемъ молитвеннаго чествованія почившаго старца игумена въ обители. Для того, чтобы придать этому чествованію большую торжественность, братія монастыря пригласила отслужить заупокойныя всенощное бдѣ-

[1] Душеп. Собесѣдн. 1892 г. в. IX стр. 268; сн. Церковн. Вѣд. 1892 г. № 32, стр. 1119.

ніе и литургію съ панихидою бывшаго вселенскаго патріарха Іоакима III, пребывающаго на покоѣ на Св. Горѣ, которому сослужили преосвященный Досиѳей, о. архимандритъ-игуменъ Андрей, 10 іеромонаховъ и 7 іеродіаконовъ. Во время великаго выхода за литургіею, патріархъ съ колѣнопреклоненіемъ произнесъ молитву о упокоеніи души почившаго, а по окончаніи панихиды совершилъ краткую литію на его могилѣ, гдѣ были сложены въ особомъ сосудѣ кости и черепъ, прочелъ разрѣшительную грамату и, благословивъ черепъ, облобызалъ его. То же спѣшили сдѣлать всѣ сослужащіе ему и массы иноковъ-богомольцевъ, хорошо помнившихъ добраго своего благодѣтеля-старца. Видъ костей приводилъ въ восторгъ и умиленіе всѣхъ почитателей о. Макарія... Кости эти, сложенныя въ особый ящикъ, не попали въ общую усыпальницу, а благоговѣйно хранятся нынѣ въ самомъ монастырѣ.

Глава XIV.

Современное положеніе русскихъ иноковъ на Аѳонѣ.

Общіе заключительные выводы въ отвѣтѣ на вопросъ: чѣмъ были русскіе аѳонскіе иноки прежде, и чѣмъ они стали послѣ кончины старцевъ Макарія и Іеронима? Заслуги русскаго аѳонскаго иночества предъ отечествомъ и отвѣтъ сомнѣвающемуся: совмѣстимо ли въ аѳонскомъ иночествѣ дѣло личнаго спасенія съ служеніемъ общему благу человѣчества? Краткая характеристика современнаго положенія русскихъ иноковъ на Аѳонѣ и можно ли считать естественнымъ явленіемъ нынѣшнее мирное и доброе отношеніе къ нимъ со стороны греческихъ иноковъ. Объясненіе этого явленія. Факты и письма, характеризующіе настоящій взглядъ нынѣшнихъ грековъ на положеніе русскихъ иноковъ на Аѳонѣ. Наши предостереженія и пожеланія инокамъ соотечественникамъ на Св. Горѣ.

Считаемъ не лишнимъ дать нашимъ читателямъ отвѣтъ на вопросъ: чѣмъ были русскіе иноки на св. Аѳонской горѣ прежде, и чѣмъ они стали послѣ смерти приснопамятныхъ старцевъ о.о. архимандрита Макарія и духовника Іеронима? Краткимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ мы резюмируемъ все *сказанное въ нашемъ* очеркѣ и рельефнѣе освѣтимъ незабвен-

ныя и многочисленныя заслуги этихъ великихъ ратоборцевъ за русское дѣло далеко за предѣлами своего отечества.

Послѣ 1735 года, когда русскіе иноки окончательно покинули обѣднѣвшій русскій Пантелеймоновскій монастырь, въ которомъ распорядителями его судьбы были греки, доведшіе его финансы до полнаго разоренія, а самый монастырь до нищеты и убожества, наши соотечественники очутились на св. Горѣ безъ пріюта и вынуждены были жить по бѣднымъ калибкамъ и келліямъ, а иногда прямо въ естественныхъ пещерахъ и пропастяхъ земныхъ посреди лѣсной чащи. Испытывая нужду въ кускѣ насущнаго хлѣба, гонимые и презираемые со стороны недоброжелательной, но господствующей на св. Горѣ національности греческой, русскіе иноки всего болѣе страдали отъ сознанія насущной необходимости имѣть храмъ, въ которомъ можно было бы служить Богу своему *разумно*, изливать предъ Нимъ свои молитвы и прошенія на *понятномъ имъ языкѣ*, и находиться подъ духовнымъ водительствомъ, довѣрять свои помыслы опытнымъ въ духовной жизни своимъ роднымъ по крови старцамъ. Не удивительно поэтому, что нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ святогорцевъ, менѣе сильные духомъ, приходили въ уныніе и даже малодушіе, мечтая, покинувъ негостепріимный Аѳонъ, возвратиться на родину. Отъ этого намѣренія ихъ удерживали болѣе сильные духомъ и славившіеся среди соотечественниковъ подвигами своей аскетической жизни старцы Арсеній, Аникита, Іоанникій (Іеронимъ тожъ) и др., прозрѣвавшіе лучшее будущее для русскихъ иноковъ на Аѳонѣ.

Послѣ неудачнаго поселенія въ 1835 году во главѣ съ о. Аникитою (княземъ Шихматовымъ-Ширинскимъ) на короткое время, въ 1840 году русскіе иноки окончательно обосновались въ русскомъ Пантелеимоновскомъ монастырѣ. Во главѣ этого русскаго общества сталъ духовникъ Іеронимъ, человѣкъ выдающагося природнаго ума, непреклонной силы воли и твердаго желѣзнаго характера. Матеріальное положеніе этой обители находилось въ печальномъ состояніи и Пантелеимоновскій монастырь, обремененный страшными долгами и лишенный довѣрія и кредита на сторонѣ даже въ нѣсколько левовъ, не

могъ ничего придумать лучшаго, какъ ввѣрить свою судьбу новымъ насельникамъ. Вывести изъ этой гнетущей нужды русскую обитель и дать ей внутреннюю прочную организацію, съ которой бы она могла занять подобающее ей положеніе среди другихъ монастырей Аѳонской горы, выпало на долю духовника о. Іеронима и его ближайшихъ сотрудниковъ.

Путемъ воззваній и писемъ, писанныхъ большею частію краснорѣчивымъ и бойкимъ перомъ извѣстнаго въ лѣтописи русскаго святогорскаго иночества старца Серафима, о. Іерониму удалось привлечь въ Пантелеимоновскій монастырь обильныя пожертвованія со стороны своихъ соотечественниковъ и установить добрыя связи между ними и обителью, нуждавшеюся въ постоянныхъ благодѣтеляхъ и ихъ матеріальной поддержкѣ. Посылка въ Россію покойнаго о. Арсенія съ мощами св. великомученика Пантелеимона для сбора милостыни, благодаря недюжиннымъ качествамъ ума и сердца талантливаго сборщика, въ значительной степени содѣйствовали тому и другому. Съ приливомъ денежныхъ средствъ русскій монастырь быстро освободился отъ тяготѣвшихъ надъ нимъ долговъ, обстроился и расширился, а храмы свои привелъ въ благолѣпный видъ. Русскіе иноки для удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей получили возможность собираться, помимо небольшаго Митрофаніевскаго собора, въ величественный Покровскій соборъ, отстроенный на половинѣ, такъ называемыхъ, русскихъ построекъ, въ верхнемъ этажѣ. Монастырскій бытъ также значительно улучшился, и въ обители сталъ чувствоваться достатокъ во всемъ необходимомъ.

Братія изъ грековъ не могли не сознавать, кому обязана обитель своимъ настоящимъ положеніемъ, и стали опасаться со стороны русскихъ иноковъ, благодаря средоточію въ ихъ рукахъ матеріальныхъ средствъ, возможности занять выдающееся положеніе въ обители и даже захватить въ свои руки кормило правленія его. Отсюда между иноками греческой и русской національностей стали возникать разнаго рода недоразумѣнія, приводившія къ нерѣдкимъ столкновеніямъ, которыя всячески старался улаживать тотчасъ-же бдительный *о. Іеронимъ*, благодаря своему уму и вліянію среди русскихъ

иноковъ. Эти вспышки однако-же давали понять, что рано или поздно, но столкновенія между иноками обѣихъ національностей неизбѣжны, и столкновенія весьма серьезныя. Съ свойственною ему проницательностію и предупредительностію, о. Іеронимъ спокойно ожидалъ грядущихъ событій, подготовляя для нихъ сильныхъ и надежныхъ дѣятелей. Въ лицѣ покойнаго о. Макарія онъ приготовилъ преданнаго себѣ и обители игумена на тотъ случай, если бы когда нибудь во главѣ ея долженъ былъ стать руководителемъ кто либо изъ русскихъ; въ лицѣ же нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе выдающихся иноковъ изъ русской братіи, онъ воспиталъ нужныхъ дѣятелей и энергичныхъ сотрудниковъ ему. Вспыхнувшія вскорѣ за тѣмъ волненія среди греческихъ иноковъ Пантелеймоновскаго монастыря, повлекшія за собою продолжительную борьбу русскихъ аѳонскихъ иноковъ со всѣмъ греческимъ Аѳономъ и даже съ цѣлою греческою національностію, ознаменовавшуюся многими весьма печальными явленіями въ исторіи аѳонскаго иночества, показали, что предосторожности были не напрасны. Борьба эта окончилась торжествомъ русскихъ иноковъ, которые сдѣлались съ этихъ поръ фактическими обладателями русскаго Пантелеймоновскаго монастыря и употребили всѣ усилія къ его возвеличенію и процвѣтанію. Нынѣ этотъ монастырь хотя оффиціально, по святогорскому канонизму, занимаетъ въ ряду прочихъ аѳонскихъ монастырей *девятнадцатое мѣсто*, но въ дѣйствительности значеніе русскаго Пантелеймоновскаго монастыря на св. Горѣ гораздо важнѣе, чѣмъ многихъ другихъ монастырей, оффиціально гораздо выше его стоящихъ. Вліяніе нашей обители, какъ на кинотскія рѣшенія, такъ и на ходъ современной святогорской жизни вообще, внѣ всякаго сомнѣнія и для всѣхъ очевидно. Оно съ особенною рельефностію обнаружилось въ послѣдніе годы, въ событіяхъ весьма крупнаго свойства въ жизни святогорскихъ обителей, какъ напр., въ прекращеніи недоразумѣній между русскими скитами и ихъ киріархическими монастырями, въ выселеніи съ Аѳона свѣтскихъ купцовъ, въ правильномъ и своевременномъ полученіи доходовъ нѣкоторыми аѳонскими монастырями съ имѣній, находящихся въ предѣлахъ нашего отече-

ства, въ дозволеніи нѣкоторымъ греческимъ обителямъ Св. Горы произвести сборъ пожертвованій внутри Россіи и т. д. и т. д.

Безпріютные, гонимые и презираемые на Аѳонѣ русскіе святогорскіе иноки до послѣдняго времени были отщепенцами и „блудными сынами“ и для своего отечества. Русское правительство духовное и свѣтское смотрѣло на выходцевъ изъ Россіи, удалявшихся на св. Гору ради подвиговъ благочестія, какъ на своевольниковъ и дезертировъ, и дозволяло обратный въѣздъ въ Россію неиначе, какъ въ томъ званіи, въ какомъ они выѣзжали изъ нея. Во вниманіе при этомъ не принимались ни полученіе на Аѳонѣ этими выходцами высшаго монашескаго званія—великосхимника, ни даже рукоположеніе ихъ въ іерархическія степени—іеромонаха и іеродіакона, для сохраненія коихъ, по пріѣздѣ въ Россію, требовались отъ аѳонскихъ иноковъ всякій разъ особое предварительное ходатайство и разрѣшеніе Св. Правительствующаго Синода. Но съ устройствомъ на Кавказѣ оо. Макаріемъ и Іеронимомъ Ново-аѳонской симоно-канонитской обители, какъ „отрасли аѳонскаго Пантелеимоновскаго монастыря“, какъ его филіальнаго отдѣленія, и благодаря акту высочайшей милости, дарованной русскому Пантелеймоновскому монастырю указомъ 1879 года, радикально измѣняется отношеніе нашего правительства къ русскимъ аѳонскимъ инокамъ. „Безъ предварительныхъ сношеній съ Св. Синодомъ“, а единственно съ паспортомъ, выданнымъ изъ нашего константинопольскаго генеральнаго консульства, русскіе иноки Пантелеймоновскаго монастыря свободно и безпрепятственно выѣзжаютъ въ свой филіальный Ново-аѳонскій монастырь, съ сохраненіемъ всѣхъ званій и іерархическихъ степеней, какія ими пріобрѣтены на Аѳонѣ, а оттуда, какъ уже иноки русской обители и русскіе подданные, и внутрь своего отечества и даже въ столицы Россіи. Въ настоящее время мы видимъ русскихъ аѳонскихъ иноковъ постоянными гостями не только на Кавказѣ, въ Одессѣ, Ростовѣ на Дону, Таганрогѣ и другихъ мѣстахъ, но въ Москвѣ и даже въ Петербургѣ. Часовня св. Пантелеимона, *устроенная* русскимъ Пантелеимоновскимъ монастыремъ въ

Москвѣ, и подворье съ храмомъ Св. князя Александра Невскаго въ С.-Петербургѣ, служа пріютомъ для русскихъ святогорскихъ иноковъ въ нашихъ столицахъ, поставили ихъ подъ защиту и покровительство русскаго правительства, дали возможность имъ „имѣть прямыя сношенія съ родною Россіею", чтобы наглядно ознакомить русскій народъ, чѣмъ и какъ живетъ достославная и чтимая имъ родная аѳонская Пантелеймоновская обитель. Недавнія предостереженія русскихъ людей со стороны Св. Правительствующаго Синода отъ беззастѣнчивой эксплоатаціи ихъ религіознаго чувства и глубокаго уваженія и почтенія къ св. Аѳонской горѣ со стороны нѣкоторыхъ святогорскихъ келліотовъ и открытіе сбора пожертвованій при хозяйственномъ управленіи для монастыря Св. Пантелеимона и русскихъ скитовъ на Аѳонѣ св. апостола Андрея Первозваннаго и св. пророка Иліи даютъ ясныя доказательства того, что эти обители отнынѣ находятся подъ особымъ покровительствомъ нашего высшаго духовнаго правительства. А внимательное отношеніе къ судьбѣ нашихъ иноковъ на Аѳонѣ со стороны русскаго посла при Оттоманской портѣ, визиты на Аѳонѣ высочайшихъ особъ нашего Императорскаго дома и русскихъ высокопоставленныхъ лицъ свидѣтельствуютъ о томъ, что и свѣтское правительство нынѣ небезучастно относится къ русскимъ инокамъ на Аѳонѣ и всегда готово, по требованію обстоятельствъ, какъ это уже и было на дѣлѣ неоднократно, явиться къ нимъ на помощь. Съ такимъ настоящимъ положеніемъ вещей, при неоскудѣвающей матеріальной поддержкѣ со стороны русскаго благочестиваго и милостыне-любиваго народа, русскій Пантелеймоновскій монастырь на Аѳонѣ, а за нимъ русскіе скиты св. апостола Андрея и св. пророка Иліи, во многомъ слѣдующіе по его стопамъ, и лучшіе представители святогорскаго русскаго иночества, вообще, могутъ безбоязненно смотрѣть на свое будущее.

Измѣнившіяся во всѣхъ отношеніяхъ обстоятельства въ жизни русскаго иночества на Аѳонѣ не остались безъ вліянія на численность русскихъ иноковъ на св. Горѣ. По сравненію настоящаго времени съ прошедшимъ, мы видимъ въ этомъ отношеніи громадную разницу. На всемъ Аѳонѣ въ прежнее

время количество русскихъ иноковъ не превосходило 200 или 300 человѣкъ, а въ русскомъ Пантелеимоновскомъ монастырѣ въ частности, по водвореніи русскихъ въ сороковыхъ годахъ истекающаго столѣтія, ихъ едва насчитывалось до 80 душъ, тогда какъ нынѣ русскіе иноки составляютъ если не господствующій элементъ на Аѳонѣ, то немногимъ уступающій въ численномъ отношеніи элементу греческому. По свѣдѣніямъ, полученнымъ нами изъ источника, заслуживающаго полнаго довѣрія, количество русскихъ иноковъ на Аѳонѣ простирается свыше пяти тысячъ, а въ русскомъ монастырѣ св. Пантелеимона въ частности количество братіи насчитывается болѣе тысячи человѣкъ. Такому приросту русскаго элемента на св. Горѣ, кромѣ вышеуказанныхъ причинъ, посодѣйствовали и обстоятельства внутреннія аѳонскія, съ которыми самымъ неразрывнымъ образомъ связываются имена приснопамятныхъ старцевъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря оо. Макарія и Іеронима. Вынеся много горя и невзгодъ на собственныхъ своихъ плечахъ въ прошедшемъ, эти старцы, когда положеніе ихъ монастыря во всѣхъ отношеніяхъ упрочилось на Аѳонѣ, и власть оффиціально перешла въ ихъ руки, сдѣлались мощными покровителями и защитниками своихъ соплеменниковъ. Сами лично и черезъ своего антипросопа въ карейскомъ кинотѣ они смѣло и рѣшительно всегда отстаивали интересы русскихъ аѳонскихъ скитовъ, защищая ихъ отъ посягательствъ со стороны ихъ кирiархическихъ (господствующихъ) греческихъ монастырей, чѣмъ нерѣдко навлекали на себя и свой монастырь недовольство со стороны этихъ послѣднихъ и вообще греческихъ монастырей. Русскимъ келліотамъ и кавьетамъ, когда они подвергались обидамъ и притѣсненіямъ со стороны греческихъ монастырей, на земляхъ которыхъ они арендовались въ прежнее время, старцы русскаго Пантелеимоновскаго монастыря открыли доступъ и возможность селиться на землѣ, принадлежащей ихъ монастырю. Цвѣтущій нынѣ и обширный русскій скитъ, именуемый „Новою Ѳиваидою“ и находящійся близъ Крумицы въ юго-западной части аѳонскаго полуострова, служитъ наглядным для всѣхъ доказательствомъ гуманности и *великодушія* приснопамятныхъ старцевъ.

Всегда памятуя, кому русскій Пантелеимоновскій монастырь на Аѳонѣ обязанъ своимъ возрожденіемъ и благоустройствомъ главнымъ образомъ, старцы о. Макарій и о. Іеронимъ всѣми силами и доступными имъ средствами старались не оставаться въ долгу предъ своимъ благодѣтелемъ — русскимъ народомъ. Удовлетворяя духовные вопросы и потребности русскаго народа, предъявляемые имъ по отношенію къ монастырямъ вообще и святогорскимъ въ частности, путемъ устройства благолѣпнаго и чиннаго богослуженія въ своей обители, строгаго выполненія уставовъ церковнаго и монастырскаго, съ безукоризненнымъ соблюденіемъ принятыхъ на себя обязательствъ—быть непрестанными молитвенниками за весь русскій народъ, русскій Пантелеимоновскій монастырь пожелалъ придти на помощь русскому народу и въ другихъ его духовныхъ потребностяхъ. Зная хорошо исконное, чрезъ всю исторію нашего отечества съ самаго принятія христіанства проходящее красною нитью тяготѣніе русскаго народа къ православному востоку и его стремленіе къ самоличному обозрѣнію достопамятныхъ мѣстъ Палестины, Египта, Аѳона и др. и желая всячески облегчить этотъ тяжелый крестный путь русскаго труженика, бѣдняка-паломника, старцы устроили на окраинахъ отечества (въ Одессѣ, Таганрогѣ и др.) и заграницею (въ Константинополѣ, въ Солуни) подворья для упокоенія нашихъ паломниковъ и для облегченія всѣхъ, тяжелыхъ большею частію для людей полуграмотныхъ, хлопотъ по выправкѣ нужныхъ для выѣзда заграницу бумагъ. Далѣе. Чтобы самый подвигъ паломничества былъ осмысленнѣе для русскаго странника и приносилъ бы ему дѣйствительную пользу въ его дальнѣйшей жизни, благодарная обитель старалась путемъ распространенія брошюръ и книгъ ознакомить паломниковъ съ святынями православнаго востока и ихъ религіозно-воспитательнымъ значеніемъ. Расширяя мало-по-малу эту свою просвѣтительно-издательскую дѣятельность, русскій монастырь сталъ цѣлыми десятками тысячъ выпускать для *даровой раздачи* духовно-нравственные листки и брошюры, въ которыхъ уже не только описываются святыни востока, но даются въ простой удобопонятной формѣ свѣдѣнія о первыхъ потребностяхъ и обязан-

ностяхъ всякаго христіанина, дѣлаются предостереженія отъ увлеченія ученіями нецерковнаго характера (расколомъ, штундизмомъ, пашковскимъ и толстовскимъ ученіями и др.), предлагаются образцы идеально-христіанской жизни въ лицѣ св. угодниковъ Божіихъ, какъ въ подробныхъ, такъ и въ краткихъ житіяхъ ихъ и т. д. Съ этою же цѣлью былъ основанъ обителью и спеціальный нравственно-назидательный журналъ подъ названіемъ: „Душеполезный Собесѣдникъ“. Въ этой просвѣтительно-издательской дѣятельности наши аѳонскіе иноки явились дѣятельными сотрудниками нашего россійскаго архипастырства и пастырства. Польза для русскаго народа отъ этой просвѣтительной дѣятельности русскихъ аѳонскихъ иноковъ внѣ всякаго сомнѣнія, и она громко засвидѣтельствована выдающимися представителями русской церкви предъ свѣжей могилой приснопамятнаго о. Макарія... Въ сочувственныхъ письмахъ по поводу тяжелой потери, понесенной русскимъ Пантелеимоновскимъ монастыремъ и русскою церковью вообще, продиктованныхъ, нужно думать, дѣйствительнымъ сознаніемъ громадныхъ заслугъ покойнаго о. Макарія предъ своимъ отечествомъ, а не однимъ лишь актомъ холодной вѣжливости, по нашему мнѣнію, найдутъ для себя самый убѣдительный отвѣтъ тѣ изъ нашихъ неотеологовъ (Вопросы философіи и психологіи. 1892 г. кн. XII стр.. 70 и д.), которые думаютъ еще, что *въ аѳонскомъ иночествѣ дѣло личнаго спасенія несовмѣстимо съ служеніемъ общему благу человѣчества*. Въ лицѣ покойныхъ старцевъ о. Макарія и о. Іеронима мы имѣемъ блестящія доказательства того, что они, заботясь о спасеніи собственной души и удаляясь въ безмолвіе на Аѳонъ, столько поработали для блага своего отечества, для религіозно-нравственнаго просвѣщенія русскаго народа, сколько они никогда бы и даже на половину не сдѣлали бы, если бы оставались въ „міру“ въ роли прасоловъ и торговцевъ, къ чему ихъ готовила родная среда, ворочая милліонами денегъ...

Итакъ, положеніе русскихъ иноковъ на Аѳонѣ, созданное трудами и стараніями великихъ старцевъ о. Макарія и о. Іеронима, въ настоящее время, можно бы сказать, вполнѣ благопріятное и даже *спокойное*, если имѣть въ виду только самые

послѣдніе два-три года. Мирно и почти совершенно спокойно пережилъ русскій Пантелеимоновскій монастырь передачу власти въ обители, послѣ кончины о. Макарія, въ руки своего настоящаго игумена о. Андрея. Установились нормальныя отношенія между скитомъ св. апостола Андрея Первозваннаго и его киріархическимъ Ватопедскимъ монастыремъ. Закончился, наконецъ, многолѣтній процессъ молорусскаго Ильинскаго скита съ Пандократорскимъ монастыремъ, и между ними состоялось обоюдное соглашеніе. Если будутъ улажены такъ или иначе недоразумѣнія между о. Неофитомъ, живущимъ на келльѣ св. Безсребренниковъ, и Есфигменскимъ монастыремъ, который за 1,200 турецкихъ лиръ придалъ о. Неофиту право переименовать свою келлію въ скитъ [1], то положеніе и нашихъ келліотовъ можно назвать благополучнымъ. Нѣсколько въ тревожномъ положеніи очутились лишь тѣ изъ нихъ, которыхъ коснулись недавнія предостереженія къ русскому народу Св. Правительствующаго Синода и разныя мѣры ограниченій со стороны нашего посольства въ Константинополѣ. Въ средѣ иноковъ

---

[1] Это любопытное дѣло послѣднихъ лѣтъ святогорской жизни весьма интересно по своимъ подробностямъ. Хотя Есфигменскій монастырь продалъ о. Неофиту свое право самымъ законнымъ образомъ, но карейскій киноть, который долженъ былъ дать этому дѣлу свою санкцію и внести новый скитъ въ число уже существующихъ на Аѳонѣ одиннадцати скитовъ, отказался признать упомянутую сдѣлку между Есфигменомъ и о. Неофитомъ. По мнѣнію лицъ свѣдущихъ, все дѣло это терпитъ тормазъ лишь потому, что съ утвержденіемъ скита о. Неофита на Аѳонѣ стало бы однимъ *русскимъ* скитомъ больше, на что греческіе аѳонскіе монастыри, въ силу секретнаго условія между ними, состоявшагося еще въ 1879 году, не могутъ дать своего согласія. Греки твердо рѣшились не только не открывать *русскихъ* новыхъ скитовъ, но даже не продавать *русскимъ* инокамъ келлій. Само собою понятно, что страдающимъ лицомъ въ данномъ случаѣ является нашъ соотечественникъ о. Неофитъ, потерявшій столь солидную сумму денегъ, такъ какъ Есфигменскій монастырь отказывается возвратить ему полученныя и уже израсходованныя 1200 лиръ. «Не наша вина, говорятъ Есфигменцы въ свое оправданіе огорченному о. Неофиту, что протатъ не хочетъ признать твою келлію скитомъ; съ нашей стороны нѣтъ препятствій, и мы отъ проданнаго права не отказываемся». О. Неофитъ свою жалобу на Есфигменскій монастырь перенесъ на судъ нашего константинопольскаго посла А. И. Нелидова, который, какъ говорятъ, обѣщалъ свое содѣйствіе и помощь потерпѣвшему.

греческой національности царитъ на Аѳонѣ—рѣдкое и давно небывалое явленіе—мирное настроеніе умовъ, въ отношеніяхъ же къ русскимъ инокамъ св. Горы замѣчаются предупредительность и даже заискиваніе. Оптимистамъ поэтому можетъ показаться, что нынѣ, наконецъ, наступило то время, когда наши соотечественники на св. Горѣ, выражаясь метафорически, „расковавъ мечи свои на рала", могутъ спокойно посвятить свою жизнь той цѣли, ради которой они пришли сюда, т. е. спасенію своей души и служенію благу ближняго. Но мы лично нѣсколько иного мнѣнія относительно современнаго положенія русскихъ иноковъ на Аѳонѣ. Намъ думается, что и послѣ того, какъ великіе ратоборцы за русское дѣло на Аѳонѣ, старцы о. Макарій и Іеронимъ легли костями на вѣчный покой, нынѣшнимъ представителямъ русскаго аѳонскаго иночества слѣдуетъ неусыпно стоять на стражѣ русскихъ интересовъ и охранять ихъ, не увлекаясь ни мало мирнымъ и покойнымъ настроеніемъ умовъ и установившимися добрыми отношеніями между иноками разныхъ національностей. Кто изучалъ судьбы аѳонскаго иночества вообще и русскаго аѳонскаго въ частности, тотъ не можетъ не относиться скептически къ настоящему положенію вещей на св. Горѣ. Отмѣченныя явленія на Аѳонѣ на нашъ взглядъ случайны и временны. Создались они, какъ мы думаемъ, подъ вліяніемъ пережитыхъ и переживаемыхъ еще нѣкоторыми греческими святогорскими монастырями счастливыхъ обстоятельствъ. Измѣнившееся отношеніе нашего духовнаго правительства къ монастырямъ православнаго востока, выразившееся для всѣхъ наглядымъ образомъ въ фактахъ разрѣшенія сборовъ милостыни монастырямъ аѳонскимъ: Симоно-Петрскому, Кутлумушскому, русскому скиту св. пророка Иліи и нѣкоторымъ другимъ восточнымъ монастырямъ, заронило искру надежды и въ души представительныхъ старцевъ иныхъ аѳонскихъ обителей, долгіе годы уже лелѣющихъ подобную мечту. Подъ вліяніемъ этихъ-то надеждъ и вожделѣній греческіе аѳонскіе иноки сдѣлались сговорчивѣе, добрѣе и мягче въ сношеніяхъ съ русскими иноками и пошли даже на уступки... Здѣсь, по нашему мнѣнію, нужно искать объясненія причинъ, по которымъ прекратились многолѣтніе споры киріархическихъ гре-

ческихъ монастырей съ русскими скитами; тутъ же кроются причины недовольства на Есфигменскій монастырь со стороны нѣкоторыхъ греко-аѳонскихъ монастырей и старанія ихъ уладить всѣми мѣрами претензіи о. Неофита.

Но, если глубже всмотрѣться во всѣ явленія современной святогорской жизни, то и отмѣченныя благопріятныя обстоятельства для русско-аѳонскаго иночества представляютъ мало отраднаго и утѣшительнаго съ точки зрѣнія истинно-русской патріотической. Въ самомъ дѣлѣ, ужели можно успокоиться и признать настоящее положеніе русскихъ иноковъ на св. Горѣ вполнѣ благопріятнымъ и нормальнымъ, когда карейскій протатъ съ греческимъ большинствомъ во главѣ отказывается келью св. Безсребренниковъ переименовать въ скитъ лишь потому, что во главѣ его будетъ стоять *русскій* инокъ и что однимъ *русскимъ* скитомъ на Аѳонѣ будетъ болѣе? Ужели можно приходить въ восторгъ и отложить въ сторону всякія опасенія за будущее, потому что, наконецъ, улажены многолѣтнія крайне-шероховатыя отношенія между русскимъ ильинскимъ скитомъ и греческимъ Пандократоровскимъ монастыремъ, который постоянно мѣшалъ нашему скиту благоустроиться внутри и мирно процвѣтать, когда этому скиту, не имѣющему въ своей средѣ ни одного грека и состоящему почти изъ $^2/_3$ иноковъ малороссовъ пришлось поступиться за этотъ миръ дорогимъ для каждаго изъ нихъ титломъ „*русскій?*“ Нынѣ нашъ малороссійскій скитъ св. пророка Иліи на Аѳонѣ оффиціально именуется такъ: „Пандократоровскій скитъ св. пророка Иліи“, но нашимъ соотечественникамъ желательно было въ наименованіи удержать указаніе на національность, и они хлопотали, чтобы ихъ скитъ писался такъ: „*русскій* Пандократоровскій скитъ св. пророка Иліи“. Правда, противъ этого желанія нашихъ иноковъ ничего не имѣли ни Пандократоровскій монастырь, ни Карейскій протатъ, и слово „русскій“ было вычеркнуто изъ титула по волѣ Великой Церкви или патріархіи, но это настоящему обстоятельству въ нашихъ глазахъ придаетъ еще большее значеніе. Отсюда, по нашему мнѣнію, ясно видно, что недоброжелателей у русскихъ аѳонскихъ иноковъ гораздо больше, чѣмъ можно предполагать. Эти

недоброжелатели не только ихъ „ближніе“ сосѣди греки, но даже и „дальніе“, живущіе за чертою св. Горы... Ужели, наконецъ, можно игнорировать и то сильное впечатлѣніе, какое произвело на иноковъ грековъ сенсаціонное извѣстіе, распространившееся, по кончинѣ нашего даровитаго антипросопа въ карейскомъ кинотѣ о. Наѳанаила, что будто-бы онъ съ свойственною ему ловкостью и тактомъ все подготовилъ къ покупкѣ Ставроникитскаго монастыря, пришедшаго отъ тяготѣвшихъ надъ нимъ долговъ въ полное раззореніе [1], и самъ будто бы мечталъ сдѣлаться въ немъ игуменомъ. Волненіе и тревоги понятны. Съ переходомъ Ставроникитскаго монастыря подъ власть игумена *изъ русскихъ* опять однимъ пріютомъ для русскихъ иноковъ на св. Горѣ было бы больше...

Отмѣченные нами факты, хотя и характерны, но могутъ нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей, мало знакомымъ съ положеніемъ дѣлъ на востокѣ, показаться слишкомъ скрупулезными и мелочными, поэтому, для большей убѣдительности ихъ, постараемся проникнуть въ думы и мысли современныхъ обитателей св. Горы греческой національности, чтобы по нимъ

---

[1] Положеніе Ставроникитскаго аѳонскаго монастыря, основаннаго въ XVI в. извѣстнымъ константинопольскимъ патріархомъ Іереміею, до послѣдняго времени было по истинѣ критическое. Благодаря большимъ долгамъ и крайней запущенности во внутреннемъ управленіи, онъ на столько обѣднѣлъ, что на Аѳонѣ стали поговаривать о продажѣ его для уплаты долговъ. Къ счастію, нынѣ эта печальная участь миновала для дѣтища патріарха Іереміи. Бразды правленія въ этой захудалой обители принялъ въ свои руки о. Ѳеофилъ, постриженникъ Ватопедскаго монастыря, человѣкъ недюжиннаго ума, крѣпкой силы воли, энергичный и къ тому же довольно состоятельный. Онъ выхлопоталъ передъ протатомъ право выплачивать монастырскіе долги постепенно со скидкою 30% и безъ нарощенія новыхъ процентовъ на принятыя имъ долговыя обязательства, при чемъ эта уплата должна производиться и деньгами и натурою съ метоховъ монастыря, весьма запущенныхъ, но далеко не бѣдныхъ дарами природы. Пустая монастырская казна съ вступленіемъ о. Ѳеофила въ должность игумена пополнилась 200 турецкихъ лиръ на нужды обители изъ кошелька новаго игумена и ожидала въ 1893 году новаго приращенія отъ бывшаго солунскаго митрополита Софронія, удалившагося на покой въ Ставроникитскій монастырь. Однимъ словомъ, всѣ, знающіе о. Ѳеофила, пророчатъ захудалому и едва не вычеркнутому изъ списка святогорскихъ обителей монастырю счастливую будущность... Fiat!

судить, каковы ихъ взгляды на русскихъ иноковъ св. Горы и можно ли послѣднимъ быть покойными совершенно, при нынѣшнемъ кажущемся мирномъ настроеніи умовъ въ средѣ греческихъ иноковъ. Въ этомъ случаѣ, чтобы снять съ себя всякіе упреки въ подтасовкѣ и искаженіи, мы предоставимъ говорить за себя самимъ грекамъ ихъ собственными словами. Благодаря счастливому случаю, мы имѣемъ въ своихъ рукахъ нѣсколько писемъ, писанныхъ однимъ изъ выдающихся церковно-политическихъ дѣятелей на востокѣ, который находится нынѣ не у дѣлъ, но роль котораго, какъ намъ кажется, еще не сыграна окончательно. Этого несомнѣнно талантливаго и энергичнаго дѣятеля на православномъ востокѣ многіе даже изъ русскихъ людей готовы считать *за руссофила*, что̀ нижеприводимымъ словамъ его придаетъ въ нашихъ глазахъ особую цѣну и значеніе. Что же и какъ думаетъ о положеніи русскихъ иноковъ на Аѳонѣ этотъ крѣпкій тѣломъ и духомъ невольный затворникъ св. Горы, руссофилъ по убѣжденіямъ?

Въ письмѣ съ поэтическимъ заглавіемъ: „Τὸ ὄνειρον“, адресованномъ [1] къ одному изъ русскихъ святогорскихъ иноковъ, упомянутый дѣятель, между прочимъ, возвращается къ пантелеимоновскому русско-греческому процессу и пишетъ слѣдующее: „Всякій актъ соглашенія, происходящій по обоюдному согласію, долженъ быть священъ и ненарушимъ... Учиненное между іеромонахами Герасимомъ и Іеронимомъ (соглашеніе объ избраніи въ преемники о. Герасиму игумена изъ русскихъ иноковъ и о нѣкоторыхъ правахъ русскихъ въ обители) имѣетъ нѣкій видъ законности, хотя, при болѣе строгомъ отношеніи къ дѣлу, Герасимъ не имѣлъ права безъ патріаршаго дозволенія входить въ такія соглашенія, которыя ниспровергаютъ самыя основы учрежденія обители. Онъ, разумѣется, могъ принимать всякаго христіанина православнаго, какой бы то ни было народности, если тотъ приходилъ къ нему съ намѣреніемъ иночествовать въ обители; заключать, однакожъ, самопроизвольно соглашенія, коими измѣняется

[1] Письмо это намъ извѣстно въ русскомъ переводѣ и только въ отрывкахъ, исключающихъ всякій интимный частный характеръ.

ложеніе обители, утвержденное свыше хрисовулами и сигиліями, онъ не имѣлъ права. Потому то *все прочее* есть внѣ закона, внѣ порядка, внѣ церковной справедливости, внѣ даже и самого того, какимъ бы то ни было образомъ заключеннаго между покойниками—соглашенія. *Но все прошедшее стало фактомъ.* За него предъ Богомъ имѣютъ дать отвѣтъ тѣ, кои теперь уже находятся въ блаженномъ упокоеніи.

До появленія въ свѣтъ проклятаго болгарскаго вопроса, потрясшаго вѣру, церковь и совѣсть и ставшаго причиною толикихъ и иныхъ бѣдъ, нигдѣ на востокѣ не былъ извѣстенъ *филетизмъ*, поступавшіе иночествовать въ обители были принимаемы, къ какой бы они народности ни принадлежали, разумѣется, если были православными. Но съ этихъ поръ вещи измѣнились; даже между единоплеменными стали раздѣленія и подраздѣленія. — Иной вопросъ, что всякому народу естественно хотѣть и желать имѣть свои храмы и обители, гдѣ онъ могъ бы слушать божественную службу на своемъ языкѣ,—это естественно и свято, ибо святою нашею Церковью благословенно. Слѣдовательно, если бы, руководясь такимъ аргументомъ, великая Россія попросила ясно и открыто у великой Церкви, а чрезъ нее у святаго этого мѣста (т. е. у карейскаго протата), одну изъ греческихъ обителей, то ничего въ этомъ не было бы несогласнаго или необычнаго въ ихъ обоюдныхъ сношеніяхъ съ древнѣйшихъ временъ. И кто же бы когда нибудь благословно могъ не одобрить такое дѣйствіе (!), которое было бы учинено согласно съ закономъ, церковнымъ порядкомъ и по обоюдному соглашенію.

Нисколько, поэтому, не странно или незаконно, если-бы русскіе хотѣли имѣть на Аѳонѣ одну русскую обитель. Также не суть достойны они осужденія, *если хотятъ ту обитель, которою завладѣли* (Sic!) *сдѣлать совсѣмъ русскою.* Все это и естественно и законно, если оно будетъ происходить разумно и должнымъ порядкомъ и законнымъ образомъ.

Посему было бы дѣло христіанское, церковное, законное, справедливое, благословное, если-бы возобновленъ былъ старый монастырь, и въ него были выдѣлены греческіе отцы, такъ чтобы онъ составлялъ отдѣлъ чисто греческій, а эта обитель—

чисто русскій. *Имѣющіяся въ обители ктиторскія права присвояются старому (монастырю)*, а новому были бы опредѣлены новыя права отъ имени Его Величества Императора Россіи Александра III.

Это христіанское соглашеніе (произведеніе фантазіи или соннаго видѣнія) предлагается довѣрительно въ принципѣ. Если же по совѣсти и совершенно свободно будетъ принято въ принципѣ обѣими сторонами, то могутъ быть по христіански опредѣлены и подробности.

Вотъ я и разсказалъ свой сонъ, заключаетъ авторъ этого письма, а Богъ всепремудрый и всеблагій и всемилостивый да будетъ милостивымъ путеводителемъ къ вѣчному христіанскому и справедливому рѣшенію".

Хотя процитованный „сонъ" приснился его автору и раннею весною (письмо помѣчено 14 марта 1893 года) и въ праздничный воскресный день, тѣмъ не менѣе нельзя о немъ не сказать, по русской пословицѣ, что онъ „въ руку", но только соплеменникамъ высокаго сновидца, и никоимъ образомъ не русскимъ инокамъ Пантелеймоновскаго монастыря. И дѣйствительно, ужели это не дивный и не чудный „сонъ", развѣ это „не христіанское, не законное, не справедливое дѣло" и „не справедливое рѣшеніе", если-бы иноки русскаго Пантелеймоновскаго монастыря, русскіе по національности, потратившіе на разоренный монастырь массу денегъ, а еще болѣе стараній и трудовъ, и приведшіе его въ нынѣшнее цвѣтущее состояніе, и въ самомъ дѣлѣ въ одинъ прекрасный день или въ одну чудную ночь, хотя бы то и въ „сонномъ мечтаніи", рѣшились покинуть ихъ руками созданный монастырь, или, какъ совѣтуетъ сновидецъ, *„возобновили* старый Руссиковскій (нагорный) монастырь",—безъ всякаго сомнѣнія *на собственныя средства*,—„выдѣлили бы въ него греческихъ отцовъ", да къ тому же еще „имѣющіяся въ обители ктиторскія права присвоили бы этому старому монастырю", говоря иначе, если-бы русскіе иноки отдали бы грекамъ всѣ земли на Аѳонѣ и благоустроенные метохи внѣ его черты, а сами остались безъ ничего, при одномъ монастырѣ и съ ожиданіями какихъ то „новыхъ правъ" отъ щедротъ Государя Императора Александра III,

рѣшительно не имѣющаго никакого отношенія къ св. Аѳонской горѣ? Дивная справедливость! Рѣдкое великодушіе! По истинѣ христіанское самопожертвованіе! Но объ этомъ всемъ только и можетъ здѣсь на землѣ „сниться“ мудрецамъ вѣка сего, вѣрить же въ возможность осуществленія этого сна на дѣлѣ въ жизни весьма трудно.

Смиренный инокъ, къ которому было адресовано вышеприведенное „сонное мечтаніе“, не счелъ нужнымъ, по своему смиренію, мѣшать сладкимъ грезамъ „пребывающаго на покоѣ“ сановника, а позволилъ кротко освѣдомиться лишь: „Знакомъ ли сей сновидецъ съ книгою: „Акты русскаго на Аѳонѣ монастыря св. великомученика и цѣлителя Пантелеймона“ Кіев. издан. и предложилъ услугу доставить ему возможность познакомиться на досугѣ съ ея содержаніемъ. Вотъ какимъ письмомъ былъ удостоенъ за свою услугу упомянутый смиренный инокъ, послѣ прочтенія названной книги. Письмо это носитъ не менѣе поэтическое названіе: „Ἀνθρακες ὁ θησαυρός, т. е. угли — твое сокровище“ [1].

„Когда въ послѣднее свое посѣщеніе, отецъ, ты спрашивалъ меня, пишетъ авторъ сновидѣнія, видѣлъ ли я обнародованныя на греческомъ и русскомъ языкахъ хрисовулы и прочіе рукописные документы *уже* (курсивъ подлинника) русскаго монастыря св. Пантелеймона, и желалъ ли бы я съ ними ознакомиться, то я не понялъ твоей *монашеской хитрости* (τὴν καλογερικὴν πονηρίαν). Итакъ, я получилъ присланныя тобою двѣ книги, содержащія въ себѣ эти документы, и по сему одобряю вашу проницательность, *но нисколько, однако, не справедливость*, каковой я не нахожу здѣсь. Все это было, полагаю, мнѣ извѣстно со времени споровъ. Разсматриваемые съ точки зрѣнія юридической, какъ документы на право законнаго владѣнія монастыремъ Солунца для русскихъ притязаній, суть бумаги неписанныя, тогда какъ грекамъ сплетенъ неувядаемый вѣнецъ (στέφανος ἀμαράντινος), такъ какъ въ нихъ обнаруживается истинный духъ христіанства, православія,

[1] Это письмо было у насъ въ подлинникѣ, и переводъ его принадлежитъ намъ.

коего они были преисполнены, не будучи запятнаны новою племенною ересью (филетизмомъ). Греки, какъ ясно видно изъ этихъ документовъ отъ начала до конца, принимали къ себѣ всѣхъ въ Христѣ братій съ распростертыми объятіями, дѣлая ихъ соучастниками собственныхъ благъ (τῶν ἰδίων ἀγαθῶν) безъ всякаго національнаго предубѣжденія, безъ задняго умысла. Они не спрашивали приходящихъ къ нимъ—былъ ли онъ русскій, или сербъ, или болгаринъ или румынъ, но просто спрашивали—былъ ли пришедшій и желающій пребыванія въ священномъ убѣжищѣ православный христіанинъ. Послѣ утвердительнаго отвѣта принимали его съ распростертыми объятіями. Филетизмъ возникъ, къ несчастію, въ церкви православной отъ славянъ, со времени крымской войны [1], такъ что, къ счастію, не есть порожденіе греческое.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію или изслѣдованію вопросъ о томъ, что съ X—XI столѣтій приходили на Аѳонъ русскіе монахи и міряне для поклоненія и жительства. Несомнѣнно также и то, что греческіе монахи, братья ихъ, принимали ихъ съ распростертыми объятіями, оказывая имъ теплое братское гостепріимство и надѣляя ихъ участками для постояннаго жительства, по существующему уставу даннаго мѣста. Не подлежитъ спору, что, по утвердившемуся въ ту пору обычаю относительно наименованій и даваемыхъ прозвищъ, монастырекъ Ксилургу былъ населенъ Россами, и можетъ быть и монахами другихъ національностей, но уже въ наше время въ немъ живутъ болгары, и невозможно или трудно убѣдить, чтобы они приняли въ свою среду русскаго или грека, а старымъ владѣльцамъ его, русскимъ монахамъ, уже не возможно нынѣ вернуть его себѣ законнымъ путемъ, на основаніи документовъ и по праву давняго владѣнія.

Тогдашній игуменъ его Лаврентій, будучи владѣльцемъ монастырька Ксилургу, выпросилъ у святогорскаго кинота (τῆς κοινῆς συναξεως) покинутый (?) монастырь Солунца, который

---

[1] Въ первомъ письмѣ авторъ относитъ время появленія „филетизма“ къ возникновенію на востокѣ, какъ онъ выразился, „проклятаго болгарскаго вопроса“.

христоподражательно и подарилъ ему этотъ киноть. Киноть подарилъ Лаврентію, русскому уроженцу, монастырь Солунца, какъ покинутый (?), но былъ ли онъ покинуть совершенно сожителями Солунца, или же приведенъ въ жалкое состояніе въ силу временныхъ тяжелыхъ обстоятельствъ? Я не вхожу въ разсмотрѣніе того, справедливо ли поступилъ святогорскій киноть, могъ ли онъ сдѣлать законнымъ образомъ таковую передачу, или какимъ образомъ могъ сдѣлать ее, соглашаясь, что это сдѣлано хорошо и свято. Россъ Лаврентій съ братчиками своими, которые сомнительно были ли всѣ русскаго происхожденія или между ними были и греки, успѣлъ вмѣстѣ съ своими преемниками обогатить свой монастырь, собирая милостыню повсюду. Любопытно однако то, что всѣ что-либо пожертвовавшіе въ монастырь отъ императора до крестьянина были греки, что̀ равнымъ образомъ можетъ быть разсматриваемо, какъ вѣнецъ для Еллиновъ и слава для православія, особенно если предположить, что монастырь населенъ только русскими. Но, однако, и послѣ всего этого Русскіе оставляютъ подаренный имъ кинотомъ монастырь Солунца, который снова переходитъ въ распоряженіе и власть его (подобно тому какъ въ наше время честная Ставроникитская обитель) и снова постепенно населяется греками, удержавши, только какъ историческій отголосокъ, всюду встрѣчающуюся въ актахъ фразу: „называемый Россовъ“ (ἡ ἐπιλεγομένη τῶν Ῥωσσῶν, τῶν Ῥώσσων κ. τ. λ.). Эти же греки, послѣ продолжительнаго въ немъ пребыванія, въ началѣ нынѣшняго вѣка переносятъ монастырь уже на нынѣшнее его мѣсто къ морю, оставаясь одинокими (не смѣшанными) до 1840 года. И такъ, какимъ же образомъ этотъ монастырь *русскій?* Построенъ онъ, какъ прежде всего это видно изъ наименованія его, Солунцемъ, завѣщаніе котораго и прочія документальныя данныя остаются неизвѣстными. Съ теченіемъ времени, подвергнувшись несчастію, онъ былъ подаренъ кинотомъ россу Лаврентію; обогатился пожертвованіями Грековъ; покинутъ былъ Россами; снова занятъ былъ греками. По удаленіи русскихъ иноковъ, какъ не могущихъ переносить суровую монашескую жизнь и остальныхъ невзгодъ, *греки* покинутыя руины продолжали оберегать и во время

тяжелаго турецкаго ига, котораго Русскіе во всѣхъ обстоятельствахъ избѣжали, собирая руины и основывая новый монастырь. Новый монастырь былъ созданъ при помощи грека воеводы Каллимахи и многихъ другихъ, тамъ, гдѣ и доселѣ существуетъ. Со времени оставленія сего монастыря русскими до 1840 года прошло болѣе 150 лѣтъ. И такъ, какимъ же образомъ черезъ 150 лѣтъ покинувшіе его русскіе, послѣ всего происшедшаго въ немъ, могутъ предъявлять права собственности къ нему? По какому закону собственности они въ правѣ снова завладѣть священнымъ зданіемъ, подареннымъ имъ, ими покинутымъ въ жалкомъ видѣ и отъ 150 до 200 лѣтъ находящимся во владѣніи другаго? Славянскія и грузинскія подписи, древнія описи сосудовъ и одеждъ, наименованія и характеръ этихъ названій не составляютъ документальныхъ пергаменныхъ данныхъ на право владѣнія. Сколько священныхъ достояній великой Церкви Христовой и греческаго православнаго клира въ Кіевѣ, въ Москвѣ, въ Малой Россіи, въ Херсонесѣ, въ Таврідѣ, въ Бессарабіи съ теченіемъ времени и въ силу различныхъ обстоятельствъ ушло изъ рукъ грековъ и перешло въ руки русскихъ! Если-бы монастырь Солунца-Каллимахи основанъ былъ какимъ либо русскимъ вельможею или монахомъ, если-бы онъ былъ пріобрѣтенъ покупкою Лаврентіемъ россомъ, если-бы преемниками его не былъ покинутъ этотъ даръ, если по удаленіи ихъ, онъ былъ оставленъ въ жалкомъ состояніи, какъ свидѣтельствуетъ святогорскій киноть, снова принявшій на себя попеченіе о судьбѣ его, если-бы этотъ киноть не былъ вынужденъ упорядочивать, сколько возможно, какъ монастырь, такъ и все принадлежащее ему, чтобы освободить монастырь отъ долговъ и повинностей, если-бы не существовалъ новый порядокъ вещей, державшійся въ немъ два вѣка, то тогда было бы возможно какимъ нибудь образомъ оправдать русскія претензіи на него и считать ихъ имѣющими хотя бы то и видъ законности.

Но если русскіе убѣждены, что они имѣютъ законныя права на монастырь Солунца-Каллимахи, то почему блаженной памяти покойный іеромонахъ Іеронимъ сочинилъ новый договоръ, новыя соглашенія съ бывшимъ блаженной памяти игуменомъ

іеромонахомъ Герасимомъ? Какъ это понять? Какъ хитрость, какъ обманъ, какъ увѣренность, что старинныя русскія права на монастырь Солунца-Каллимахи устарѣли и негодны? Почему между прочими бумагами не былъ обнародованъ и этотъ документъ? Въ ряду обнародованныхъ документовъ замѣчаются пробѣлы; становится яснымъ, что остались многія (изъ нихъ) необнародованными. Если-бы были изданы въ свѣтъ архивы святогорскаго кинота и иныхъ монастырей, то явилось бы на свѣтъ много данныхъ, освѣщающихъ темныя стороны различныхъ пунктовъ исторіи этого спора.

И такъ вотъ что, отче, вкратцѣ въ отвѣтъ на твое коварное испытаніе относительно документовъ, потому что если-бы кто нибудь пожелалъ подробнѣе написать, то могъ бы составить цѣлую книгу. Таковы то плоды дипломатическаго зондированія, такъ какъ по греческому древнему изреченію: „любезны мнѣ русскіе, но любезнѣе всего истина“, а по христіанскому изреченію: „Христосъ истина и животъ“... 12 мая 1893 года.

Третье письмо [1] того же автора, какъ это видно изъ содержанія его, писано по поводу толковъ на Аѳонѣ о пріобрѣтеніи *русскимъ* іеромонахомъ Неофитомъ у Есфигменскаго монастыря права свою келлію Св. Безсребренниковъ переименовать въ скитъ. Вотъ что говорится въ этомъ письмѣ:

„Въ эпоху, когда Церковь, серьезно интересуясь духовно-нравственнымъ и всякимъ преуспѣяніемъ Аѳона, этого святоименнаго мѣста, и обезпеченіемъ почтенныхъ правъ и привиллегій онаго, какъ акрополя, въ коемъ сохранились многіе изъ драгоцѣнныхъ благъ нашей народности и религіи и спасены отъ толикихъ нашествій,—намѣрена позаботиться обо всемъ этомъ и изнести окончательно свое мнѣніе и рѣшеніе, когда слухи непріятные опять раздаются въ ушахъ нашихъ и причиняютъ намъ естественно безпокойство и внутреннюю скорбь, какъ представляющіе разрушеніе настоящаго порядка вещей, священныхъ и при томъ нерушимыхъ, и измѣненіе монастырской системы относительно келлій и каливъ, въ коихъ

---

[1] Письмо это намъ извѣстно въ переводѣ на русскій языкъ и безъ точной даты.

вдали даже и отъ монастырской жизни пребываютъ пустынниками и отшельниками называемые иноки святого вашего мѣста. Такъ, напримѣръ, извѣщается со скорбію о совершенной (т. е. навсегда) уступкѣ нѣсколькимъ незнаемымъ (читай: *русскимъ*) монахамъ съ тѣмъ, чтобы N келлія съ лежащими вокругъ оной каливами *была превращена своими новыми хозяевами въ скитъ*. Чѣмъ же побуждаемы оные N монастыри, что они рѣшаются дѣлать таковое, измѣняющее древніе мѣстные священные обычаи? Съ великою скорбію замѣчается неестественное исчезновеніе и уничтоженіе почтеннаго тамъ и древняго порядка вещей и отчужденіе остающихся еще въ нашихъ рукахъ благъ, что все ведетъ къ одной и той же цѣли—совершенной церковной гибели мѣста, что причиняетъ вредъ важнымъ интересамъ вашего мѣста. Обращаемъ ваше вниманіе на будущее, убѣждая васъ точно и нерушимо хранить настоящее положеніе дѣлъ, какъ священнѣйшій залогъ, каковый толикіе прежде насъ бывшіе приснопамятные предки наши почитали и всевозможными жертвами защищали въ самыя труднѣйшія времена".

Указанныхъ нами выше фактовъ и приведенныхъ сейчасъ писемъ, считаемъ, вполнѣ достаточно для того, чтобы можно было видѣть, какъ смотрятъ на русскихъ святогорскихъ иноковъ ихъ сосѣди и собратія во Христѣ, иноки греческіе, приписывающіе себѣ однимъ честь охранителей св. Горы и всѣхъ имѣющихся на ней святынь и мечтающіе о безконтрольномъ и *единоличномъ*, или вѣрнѣе *единоплеменномъ* распоряженіи ея судьбами. Всякая пядь земли на Аѳонѣ русскому иноку, кто бы онъ ни былъ, достается съ бою и съ большими непріятностями. Русскіе иноки св. Пантелеимоновскаго монастыря, пріобрѣтшіе себѣ нынѣ прочное положеніе на св. Горѣ, по мнѣнію грековъ, узурпаторы, совершившіе „не христіанское и несправедливое" дѣло, такъ какъ присвоили себѣ „греческое достояніе". Стремленіе русскихъ иноковъ опереться на неопровержимыя доказательства законности своихъ правъ на монастырь св. Пантелеимона—монастырскіе акты и грамоты—есть „монашеское коварство", подтасовка фактовъ, преднамѣренная фальсификація и прочее въ этомъ же родѣ, и

эти документы не только не подтверждаютъ будто бы русскихъ притязаній, а напротивъ сплетаютъ „неувядаемый вѣнецъ славы“ для греческихъ аѳонскихъ иноковъ, чуждыхъ будто бы филетизма и другихъ не свойственныхъ православнымъ инокамъ страстей... Такъ думаетъ о русскихъ инокахъ на Аѳонѣ грекъ, именующій себя „другомъ русскихъ“, „руссофиломъ“ по убѣжденіямъ. Наши читатели могутъ теперь вообразить, какія симпатіи таятъ въ глубинѣ своей души, и какія думы и мысли бродятъ въ головѣ заязятыхъ „руссофобовъ“, коимъ нѣсть числа не только на Аѳонѣ, въ средѣ тамошнихъ иноковъ грековъ, но и внѣ св. Горы между мірянами и духовенствомъ изъ грековъ? Вотъ причина, почему мы не можемъ успокоиться и быть увѣренными въ томъ, что нынѣшнее мирное настроеніе въ средѣ греческихъ святогорскихъ иноковъ по отношенію къ русскимъ инокамъ будетъ не только постояннымъ явленіемъ, но даже болѣе или менѣе продолжительнымъ. Вотъ почему къ своимъ соотечественникамъ — святогорскимъ инокамъ мы и теперь не иначе можемъ обратиться, какъ только словами св. апостола Павла: „блюдите, како опасно ходите, не яко же не мудри, но яко же премудри: *искупующе время, яко дніе лукави суть* (Ефес. V, 15, 16).

Мы, конечно, далеки отъ мысли, что могутъ повториться тѣ печальныя событія, которыя имѣли мѣсто на св. Горѣ и въ русскомъ Пантелеймоновскомъ монастырѣ въ 1874 и 1875 годахъ. Къ прошедшему, въ виду завоеваннаго русскими святогорскими иноками прочнаго положенія на Аѳонѣ и даже въ своемъ отечествѣ, нынѣ не можетъ быть возврата. Но разнаго рода осложненій и непріятностей со стороны греческихъ монаховъ, киріархическихъ монастырей и даже карейскаго протата можно ожидать всегда. Для всего этого нѣтъ надобности въ серьезныхъ поводахъ и причинахъ; достаточно одной искры, чтобы тлѣющееся пламя вражды быстро вспыхнуло яркимъ огнемъ, и отношенія между русскими и греческими иноками сдѣлались надолго шероховатыми. Этого наиболѣе всего могутъ опасаться наши русскіе аѳонскіе скиты, находящіеся почти въ безконтрольной зависимости отъ своихъ киріархическихъ монастырей. Вотъ поэтому-то, преисполненные всякаго добро-

желательства къ своимъ соотечественникамъ инокамъ на св. Горѣ и вполнѣ сочувствуя дальнѣйшему мирному процвѣтанію нашихъ русскихъ обителей на Аѳонѣ, мы снова обращаемся съ призывомъ къ братскому единодушію и взаимной любви всѣхъ русскихъ святогорскихъ иноковъ, какъ единственно вѣрному залогу этого преуспѣянія и несокрушимой силы ихъ могущества. Снова повторимъ слова псалмопѣвца: „Се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ“ (Пс. CXXXII, 1).

Мечты въ предѣлахъ XXII статьи санъ-стефанскаго договора—преждевременны; и можно смѣло сказать, что надеждъ на ихъ осуществленіе въ ближайшемъ будущемъ нѣтъ никакихъ, поэтому и усиливающееся годъ отъ году соперничество нашихъ скитовъ съ Пантелеймоновскимъ монастыремъ не можетъ быть признано явленіемъ нормальнымъ. Строгая монашеская жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, служеніе всѣми мѣрами, доступными нашимъ инокамъ, благу своей родины и чести русскаго имени,—вотъ единственное и славное поле для соперничества, соревнованіе же въ остальномъ, а особенно если оно касается внѣшнихъ удобствъ жизни и тщеславія, не достойно иноковъ св. Горы, къ тому же и наводитъ оно даже людей, искренно расположенныхъ къ аѳонскимъ русскимъ инокамъ, на печальныя и не желательныя во всякомъ случаѣ размышленія... Строгое иноческое житіе по правиламъ св. Отецъ и на основаніи преданій приснопамятныхъ старцевъ и взаимное братолюбіе горячо проповѣдывали русскимъ инокамъ св. Горы великіе старцы Макарій и Іеронимъ, и о томъ же они просятъ ихъ въ своихъ посмертныхъ духовныхъ завѣщаніяхъ, выражающихъ ихъ „послѣднюю“ волю, послѣднее желаніе. И можно быть увѣреннымъ, пока нынѣшніе руководители и лица, стоящіе во главѣ русскаго иночества на Аѳонѣ, не измѣнятъ преданіямъ и завѣщаніямъ уважаемыхъ и чтимыхъ ими старцевъ, судьба русскаго иночества на Аѳонѣ вполнѣ обезпечена, и дальнѣйшіе успѣхи его здѣсь внѣ всякаго сомнѣнія.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

КАНОНИЗМЪ СВ. ГОРЫ.

Предлагаемые вниманію нашихъ читателей документы: 1) Канонизмъ святой Горы и 2) Автобіографія духовника русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ о. Іеронима составляютъ дополненіе или приложенія къ обширному очерку подъ заглавіемъ: „Русскіе на Аѳонѣ“, печатавшемуся въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ на страницахъ журнала „Странникъ“. По мысли составителя названнаго очерка, первый изъ этихъ документовъ долженъ замѣнить для читателей его краткую характеристику внутренняго устройства монашескаго быта современныхъ насельниковъ св. Горы и ихъ отношеній къ мѣстнымъ властямъ—духовной (т. е. къ Великой Церкви) и свѣтской (т. е. къ турецкому султану), чтобы разсказъ о положеніи русскихъ иноковъ на Аѳонѣ былъ доступенъ полному и всестороннему пониманію читателей. Издаваемый нами „Канонизмъ святой Горы“, составленный святогорскими отцами и одобренный турецкимъ правительствомъ, хотя и не былъ принятъ Карейскимъ протатомъ къ практическому употребленію, но въ дѣйствительности онъ обнимаетъ всѣ стороны этого быта и весьма немногимъ разнится отъ нынѣ дѣйствующаго „канонизма“, достать копію съ котораго намъ не удалось. Греческій подлинникъ издаваемаго „канонизма“, при всѣхъ усиліяхъ съ нашей стороны и тщательныхъ поискахъ даже

въ Карейскомъ протатѣ, мы не нашли, а посему и не могли исправить въ переводѣ его двухъ-трехъ довольно темныхъ мѣстъ.

Личность о. Іеронима, какъ организатора и главнаго дѣятеля русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ, заслуживаетъ полнаго и всесторонняго изученія. Мы вѣримъ, что найдется въ будущемъ правдивый біографъ и для этой личности (существующій біографическій посмертный очеркъ личности о. Іеронима, принадлежащій перу извѣстнаго о. протоіерея Ковальницкаго, мы считаемъ неудовлетворительнымъ во многихъ отношеніяхъ) и нарисуетъ намъ величавый образъ этого дивнаго „старца“, такъ много поработавшаго на своемъ вѣку для чести русскаго имени, для русскаго дѣла на востокѣ и въ предѣлахъ своей обширной родины. Печатаемая ниже автобіографія, попавшая въ наши руки послѣ уже составленія очерка и потому не вошедшая въ него своимъ содержаніемъ, принадлежитъ перу самого о. Іеронима и сообщаетъ весьма много любопытныхъ данныхъ для правильнаго сужденія о томъ, какъ, подъ какимъ вліяніемъ и въ какой средѣ сложился такой цѣльный и оригинальный характеръ. Здѣсь же въ автобіографіи читатели познакомятся съ своеобразными взглядами сего старца на многія явленія жизни и литературы, сложившіяся въ головѣ этого русскаго самородка самостоятельно, внѣ всякаго сторонняго вліянія.

А. Дмитріевскій.

С.-Петербургъ
10 января 1895 года.

I.

Общій канонизмъ [1] Святыя Горы Аѳонскія, составленный протатомъ.

1.

Всѣ приходящіе на св. Гору и желающіе монашествовать, какого бы рода и народности они ни были, считаются вѣрными подданными могущественной Оттоманской Имперіи.

2.

20 монастырей св. Горы раздѣляются на киновіи и идіоритмы; каждая киновіанская обитель имѣетъ игумена, избираемаго пожизненно братствомъ, по древнимъ обычаямъ священнаго мѣста, но увольняемаго имъ же, когда онъ (т. е. игуменъ) не исполняетъ обязанностей, налагаемыхъ законами его игуменскаго званія. Имѣетъ же при себѣ игуменъ и симпракторовъ (сотрудниковъ), вмѣстѣ съ коими сообща управляетъ обителью, по особому на сіе канонизму для киновіи. Каждая обитель идіоритмъ имѣетъ 2 эпитропа, избираемыхъ другими проэстосами на годъ: эти имѣютъ (т. е. завѣдываютъ) содержаніемъ, приходо-расходомъ и оффиціальною печатью обители. Въ концѣ же года и игумены киновіи и эпитропы идіоритмовъ обязаны дать отчетъ предъ проэстосами о годовомъ управленіи обители.

---

[1] Канонизмъ этотъ хотя и выработанъ аѳонскимъ протатомъ и утвержденъ турецкимъ правительствомъ, но почему то потомъ не былъ принятъ на Аѳонѣ въ дѣйствующую практику. Нынѣ дѣйствующій канонизмъ св. Горы, за весьма немногими исключеніями, сходенъ съ настоящимъ, и поэтому читатели наши и по издаваемому, оффиціально признанному канонизму, могутъ хорошо ознакомиться съ существующими порядками жизни святогорскихъ монастырей. Къ сожалѣнію, намъ не извѣстенъ греческій подлинникъ даннаго канонизма, а русскій переводъ его не всегда вразумителенъ и чистъ.

3.

Каждая обитель есть самоуправляющаяся и независимая относительно внутренняго управленія, а относительно общихъ дѣлъ, то оныя производятся антипросопами 20 монастырей, составляющихъ синаксисъ (или протатъ). Антипросопы эти должны быть равны между собою. Предсѣдательствуетъ же въ синаксисѣ антипросопъ великія Лавры, а въ отсутствіе его въ іерархическомъ порядкѣ, по древнему существующему порядку, согласно съ коимъ освящено обычаемъ мѣсто каждаго, т. е. Лавра, Ватопедъ, Иверъ, Хиландарь, Діонисіатъ, Кутлумушъ, Пандократоръ, Ксиропотамъ, Зографъ, Доліаръ, Каракалъ, Филоѳей, Симонопетра, св. Павелъ, Ставроникита, Ксенофъ, Григоріатъ, Есфигменъ, св. Пантелеимонъ (Руссикъ) и Констамонитъ.

4.

Антипросопы 20 монастырей будутъ собираться дважды въ годъ тактически 15 апрѣля и 15 октября [1]. Собраніе продолжается мѣсяцъ. Въ это время антипросопы должны собираться ежедневно, работать со тщаніемъ и оканчивать дѣла въ продолженіе мѣсячнаго срока, въ случаѣ же, когда дѣла не оканчатся, дается сроку 15 дней и распускается. Когда же встрѣтятся важныя и особенныя дѣла, то синаксисъ можетъ быть созванъ и чрезвычайно и продолжится до окончанія дѣлъ.

5.

Въ собраніи синаксиса епистасія должна дать на бумагѣ изложеніе (рапортъ) своихъ дѣйствій, а также и имѣющихся

[1] Нынѣ антипросопы засѣдаютъ въ кинотѣ однажды въ недѣлю по пятницамъ, а въ важныхъ случаяхъ имѣютъ и два засѣданія въ недѣлю. Въ виду этого антипросопы аѳонскихъ монастырей проживаютъ постоянно въ Кареѣ въ „конакахъ“, построенныхъ для нихъ монастырями.
Прим. А. Д.

дѣлъ въ хронологическомъ порядкѣ; затѣмъ уже синаксисъ приступаетъ къ обсужденію и окончанію ихъ.

6.

Обсужденія въ синаксисѣ должны производиться безпристрастно, безъ смущенія, мирно и благопристойно. Въ случаѣ же уклоненія отъ сего кого-либо изъ антипросоповъ протэпистатъ сейчасъ же призываетъ его къ порядку. Синаксисъ долженъ вести протоколы засѣданій и обсужденій, въ коихъ будутъ вноситься мнѣнія каждаго антипросопа, потомъ на слѣдующемъ засѣданіи эти протоколы прочитываются, пропечатываются печатію священнаго протата, а подписываются отвѣтственными эпистатами и грамматикомъ.

7.

Полнота (ἀπαρτία) синаксиса считается, когда будутъ на лицо $^2/_3$ антипросоповъ, т. е. 14, которые и будутъ заниматься своею работою, а отсутствующіе уже не имѣютъ права представлять что-либо противъ рѣшеній, имѣющихъ законную (авторитетную) силу по большинству.

8.

Каждый монастырь долженъ посылать въ опредѣленное время своихъ проэстосовъ и игуменовъ, а если они заняты, то посылаетъ антипросоповъ изъ болѣе знающихъ и опытныхъ въ мѣстныхъ дѣлахъ. Никакому монастырю не дозволяется возлагать обязанности антипросопа на другой монастырь, и если будетъ продолжать отсутствіе (т. е. антипросопъ какой-либо обители), то мнѣніе монастыря не будетъ приниматься во вниманіе.

9.

Священный синаксисъ есть признанная власть мѣста, имѣющая право опредѣлять эпитроповъ въ Константинополь и Солунь

согласно съ императорскимъ фирманомъ, чтобы чрезъ нихъ доводить разныя дѣла прямо до честнѣйшаго правительства и поддерживать сношенія синаксиса съ достопочтенными властями гражданскими и церковными. Эпитропы эти, опредѣляемые на годъ, должны быть изъ болѣе знающихъ и опытныхъ въ мѣстныхъ дѣлахъ и незазорнаго поведенія и дѣлъ, и по отставкѣ ихъ, какъ обычно, если они окажутся годными, остаются на своихъ мѣстахъ и на слѣдующій годъ, въ противномъ же случаѣ замѣняютъ ихъ другими, а тѣ должны оказать послушаніе и сдать своимъ преемникамъ архивы.

10.

По древнему обычаю мѣста, единожды въ годъ назначаются *епистаты*, а назначеніе ихъ должно быть по порядку, какого монастыря рядъ, и за каждаго епистата монастырь его долженъ дать поручительство. Четыре же епистата будутъ имѣть печать священнаго синаксиса по одной части, (ибо она четырехчастная); они же будутъ выправлять и всѣ мѣстныя подати и правительственныя; въ концѣ же года, при собраніи священнаго синаксиса, предъ нимъ должны быть разсмотрѣны приходо-расходныя книги и всѣ и всякіе годовые счеты, согласно оцѣнкѣ священнаго протата, и если найдется какое-либо злоупотребленіе ихъ (т. е. епистатовъ), то они должны восполнить общинѣ, въ случаѣ же ихъ упрямства должны восполнить ихъ поручители монастыря, а они, какъ такіе, удаляются навсегда отъ общественныхъ дѣлъ.

11.

Обязанности епистасіи и ея работы опредѣляются особеннымъ канонизмомъ.

12.

Никто изъ обитателей св. Горы никогда не можетъ считаться владѣльцемъ ни малѣйшаго клочка земли, кромѣ 20

монастырей, коимъ принадлежатъ и всѣ подвѣдомственныя владѣнія: келліи и скиты. Когда же кто либо изъ обитателей подвѣдомственныхъ владѣній имѣетъ нужду сдѣлать поправки или построить что либо вновь, таковые обязаны объяснить монастырю, отъ кого они зависятъ, таковую нужду и за тѣмъ, по предварительномъ дозволеніи и разсужденіи его, производить работы, расходы на каковыя должны причитаться на счетъ производителя ихъ.

13.

Келліи, принадлежащія каждому монастырю, уступаются ими по омологіи на 3 лица; въ случаѣ смерти перваго, второе лицо, дѣлаясь первымъ, уплачиваетъ монастырю своему дань, называемую „три меридіанъ“, по существующимъ обычаямъ, третье же лицо становится вторымъ, на мѣсто третьяго вписывается въ омологію монахъ—постриженникъ той келліи. Когда же въ омологіи записано прямо „сунодія“, то платить въ монастырь дань 5 піастровъ. Когда же умруть всѣ три лица безъ законныхъ преемниковъ, то келлія со всѣми принадлежности своими переходитъ, по естественному праву, въ распоряженіе монастыря, коему она принадлежитъ.

14.

Жители участковъ, принадлежащихъ монастырямъ, обитаютъ за поручительствомъ монастырей, которымъ принадлежатъ эти участки. Посему когда какой либо келліотъ или аскетъ (отшельникъ) вздумаетъ продать свою келлію или калибу, то долженъ имѣть на сіе дозволеніе своего монастыря и представить ему такое лицо (въ покупщики), за которое монастырь могъ бы поручиться. Когда же кто либо изъ вышесказанныхъ продастъ келлію или калибу, то платитъ своему монастырю подать, по существующему издревле обычаю, съ ихъ цѣнности.

15.

Каждый монастырскій (т. е. человѣкъ) и келліотъ монахъ или отшельникъ, отправляясь въ міръ, по послушанію, обя-

занъ имѣть свидѣтельство отъ того монастыря, которому онъ принадлежитъ, а кто не будетъ имѣть таковой рекомендаціи, тотъ будетъ задержанъ.

16.

Монастыри по своимъ дѣламъ или при разногласіи между двумя монастырями обращаются письменно въ епистасію, сперва излагая ей свои требованія. Если же епистасія не сможетъ окончить ихъ дѣлъ, то они имѣютъ право апеллировать въ синаксисъ 20 монастырей, который, принявъ во вниманіе протоколъ епистасіи, и если не сможетъ рѣшить дѣла, то долженъ при рапортѣ препроводить каймакаму или прямо досточтимому правительству. А скитяне и келліоты въ каждомъ дѣлѣ и разногласіи обязаны прежде всего обратиться къ своимъ монастырямъ, которые, если не рѣшатъ дѣла, то должны оное представить, при изложеніи, въ епистасію и такъ далѣе, какъ указано выше.

17.

Приходящіе монашествовать въ монастыри св. Горы обязаны полнѣйшимъ образомъ сообразоваться съ существующими въ монастыряхъ порядками и обычаями въ одеждѣ и образѣ жизни. Въ случаѣ же, если кто-либо изъ таковыхъ, не возлюбивъ обычаевъ и прочаго, станетъ жить по апетиту собственнаго желанія, то таковой сперва долженъ быть уговариваемъ, аще же не послушаетъ, то будетъ удаленъ. Поправки же въ монастыряхъ и въ ихъ имѣніяхъ будутъ, по обсужденіи проэстосовъ, на средства обители или частнаго лица, но таковыя лица, удаляясь изъ обители, не имѣютъ права ни гроша потребовать съ обители за расходы при постройкахъ. Тѣ изъ монаховъ, которые, при поступленіи въ обитель, не внесли никакой денежной суммы, удаляясь изъ обители, не имѣютъ права требовать что-либо отъ нея, какъ бы въ воздаяніе своихъ трудовъ для оной; въ случаѣ же, если они вздумаютъ требовать пособнаго воздаянія судебнымъ *порядкомъ, то искъ* ихъ не будетъ принятъ въ судилищахъ,

согласно съ императорскими приказами. Если же кто изъ монаховъ вложилъ денежную сумму при поступленіи, то во время удаленія или изгнанія его изъ обители, имѣетъ право получить свои деньги, но при семъ должны быть приняты во вниманіе его пребываніе въ обители и услуги ей, а также возрастъ, въ каковомъ онъ поступилъ въ монастырь, и затѣмъ, согласно со всѣмъ вышесказаннымъ, должна быть сдѣлана скидка съ капитала, вложеннаго имъ, отъ 30 до 50%.

18.

Посылаемые въ разныя мѣста монастырями монахи для сборовъ подаяній или милостыни обязаны, по своемъ возвращеніи, представить оныя въ цѣлости монастырю, противъ же самочинниковъ, удерживающихъ таковыя у себя, будетъ поступлено, какъ должно, согласно съ существующими Императорскими указами. Имущество, остающееся послѣ умершихъ монаховъ, никто изъ ихъ сродниковъ по плоти не можетъ требовать, такъ какъ оно исключительно принадлежитъ монастырю, въ коемъ онъ принялъ монашескій образъ,—согласно съ имѣющимися Императорскими приказаніями.

19.

Каждый монахъ, оставившій свое обиталище и шляющійся изъ одной обители въ другую или по келліямъ и калибамъ, употребляетъ свое время на дѣянія противныя монашеской жизни, таковый, послѣ перваго и втораго увѣщанія, наказывается должнымъ образомъ или же изгоняется.

20.

Сообразно съ Императорскими приказами, никто изъ монаховъ, удалившійся изъ своей обители, не можетъ быть принятъ въ другую безъ аполитирія (т. е. увольнительнаго свидѣтельства).

21.

Каждый монастырь имѣетъ свою печать, признанную священнымъ синаксисомъ. Также каждый скитъ имѣетъ одну только печать, признанную тѣмъ монастыремъ, коему онъ принадлежитъ. Таковыя скитскія печати должны имѣть на себѣ названіе (титло) своего монастыря. Никому другому: ни келліотамъ, ни отшельникамъ не дозволяется имѣть оффиціальной печати на имя его келліи или калибы. Преступающій же сіе будетъ строго наказанъ и преслѣдуемъ, какъ святотатецъ.

22.

Въ спорахъ о землѣ, находящейся на св. Горѣ, возбуждающихся между монастырями, и когда по поводу ихъ обратятся къ синаксису, то онъ обязанъ принимать во вниманіе положеніе дѣлъ за пятидесятилѣтіе предъ симъ и отдавать право тому, кто за это время безспорно владѣлъ землей. Въ случаѣ спора между монастырями о земляхъ на ихъ мѣстахъ, находящихся внѣ св. Горы, и когда они пригласятъ священный синаксисъ, какъ третейскаго судью, то онъ долженъ поступать по вышесказанному.

23.

Дань аѳонскаго полуострова, опредѣленная (мактȳ) въ 72,000 піастровъ, уплачивается по частямъ прямо въ Малеѐ (государственное казначейство).

24.

Всѣ пріобрѣтенныя и имѣющія пріобрѣстися недвижимыя имѣнія внѣ св. Горы послѣ 1257 года (Гиждры), по изданнымъ тогда императорскимъ фирманамъ, такъ какъ не пользуются уже правомъ льготъ, — то должны платить за нихъ узаконенныя подати, а монахи, якоже и прочіе смертные, *т. е. подданные* турецкой имперіи.

25[1].

Не пользуются правомъ льготы военныя одежды, ибо и въ нихъ монахи, согласно императорскихъ приказовъ, будутъ сообразоваться съ нуждами, имѣющими быть указанными во время войны.

26.

Обитающіе въ монастыряхъ и въ принадлежащихъ имъ участкахъ раздѣляются на три категоріи и обязаны уплачивать узаконенныя подати, сообразно съ существующими распоряженіями.

27.

Св. Гора въ гражданскомъ отношеніи зависитъ отъ державной Оттоманской имперіи, къ правительству коей относится во всѣхъ политическихъ дѣлахъ мѣста, въ духовномъ же зависитъ отъ вселенской константинопольской патріархіи, юрисдикція коей простирается только на чисто религіозныя дѣла. И если подадутъ поводъ особы или монастыри, то нужно, чтобы были принимаемы во вниманіе сообщенія и представленія священнаго синаксиса, ибо никто изъ противомудрствующихъ догматамъ Восточныя Церкве не будетъ принятъ во св. Горѣ. Если же возникнетъ дѣло, имѣющее характеръ противоцерковный, по коему, послѣ рѣшенія синаксиса, будетъ подана просьба отъ заинтересованнаго въ Патріархію, то она должна сперва потребовать рѣшеніе синаксиса, кое принимаетъ во вниманіе, и если найдетъ оное основаннымъ (утвержденнымъ) на правѣ и согласнымъ мѣстнымъ обычаямъ и священнымъ канонамъ, то рекомендуетъ заинтересованнымъ сообразоваться съ онымъ, аще же найдетъ рѣшеніе синак-

[1] Переводъ этого члена сдѣланъ неудобовразумительно.

сиса недостаточнымъ, то указываетъ синаксису эти недостатки и рекомендуетъ исправленіе. А если заинтересованные не удовольствуются, то дѣло поступаетъ къ правительству. Патріархія никогда не имѣетъ права самовольно вмѣшиваться во внутреннюю административную систему монастырей и синаксиса, но только по просьбѣ оныхъ.

28.

Всѣ императорскіе фирманы и прочіе документы общины (кинота) и монастырей имѣютъ законность и силу въ тѣхъ дѣлахъ, для коихъ они изданы. Привиллегіи и льготы св. Горы подтверждаются.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Жизнь о. Іеронима, духовника русскаго Пантелеймоновскаго монастыря, имъ самимъ разсказанная [1].

Во славу Божію начинаю мою біографію на Аѳонѣ 1885 г.:

Родился я въ Россіи, въ Курской губерніи, въ городѣ Старомъ Осколѣ, отъ православныхъ и благочестивыхъ родителей, изъ купеческаго сословія, по фамиліи Соломенцовыхъ. Крещенъ въ приходѣ Казанско-Николаевской церкви священникомъ Іоанномъ.

Предки мои были родомъ изъ Тульской губерніи, города Дедолова, изъ духовнаго званія. Пращуръ былъ іерей, именемъ Петръ. Пришелъ и поселился на жительство въ этомъ новомъ пограничномъ городкѣ въ началѣ 17-го вѣка. Фамилія его была Соломенцовъ. У его сына Ѳеофилакта было пятеро сыновей: первый назывался Константинъ, второй Никифоръ, третій—Илья, четвертый—Иванъ, пятый меньшій—Григорій, который былъ мой дѣдъ. Отъ дѣда Григорія родился мой отецъ Павелъ Григорьевичъ Соломенцовъ, у котораго было

[1] Настоящая автобіографія сдѣлалась намъ извѣстна въ самое недавнее время. Въ ней мы находимъ не мало любопытныхъ чертъ для характеристики личности о. духовника Іеронима, особенно въ ранніе годы его жизни и его воспитанія, а по сему и предлагаемъ ее вниманію почитателей сего великаго старца.

4 сына и одна дочь. Большій сынъ назывался Алексѣемъ (въ монашествѣ—Аркадій), второй—Илія, третій былъ я,—въ крещеніи названъ Іоанномъ. Родился 1806 г. іюня 28-го дня и въ тотъ-же день крещенъ во имя Іоанна Безсребренника. Сестра называлась—Евдокія (въ монашествѣ Маргарита,—теперь игуменія Борисовскаго монастыря, Курской губерніи). Четвертый сынъ былъ—Димитрій. Домъ нашъ сперва былъ на большой улицѣ, противъ Успенской церкви (которая прежде была женскимъ монастыремъ). Въ этой церкви въ это время былъ священникомъ отецъ Іаковъ Бѣлявскій, вдовецъ; очень былъ благоговѣйный, тихій, служилъ часто со слезами.—Я это потому знаю, что я нѣсколько лѣтъ при немъ пономарилъ.

Семейство наше любило часто ходить въ церковь, особенно бабушка наша, которая почти каждый день ходила на всякую службу. Но надобно сказать, къ чести моихъ согражданъ, что въ мое время они любили посѣщать св. храмы, особенно въ воскресные дни и въ праздники—полны народа всѣ церкви (которыхъ въ то время было семь). Какъ я помню, отъ 1810 года до 1830 года нравственное настроеніе моихъ согражданъ было очень религіозное, благочестивое. Раскольниковъ и сектантовъ вовсе никого не было въ городѣ. Посты хранили, и среды и пятницы тоже, а особенно великій постъ почитали; не слышно было, чтобы какой домъ разрѣшалъ ѣсть мясо въ посты. Даже и дворяне соблюдали посты. А теперь говорятъ, что сограждане наши пофранцузились,—не хранятъ постовъ; вѣрно думаютъ, что это не грѣхъ. А отцы этакъ не дѣлали. Помню: однажды въ великій постъ, въ субботу, купецъ Осипъ Максимовичъ Фастовъ купилъ на базарѣ раковъ и несъ домой. Увидавши его, Симоновъ удивился и сказалъ ему: вотъ ты и самъ знаешь уставъ церковный, что это грѣхъ ѣсть въ постъ, а ты соблазняешь другихъ этимъ. Тотъ отвѣчалъ ему: „я, по благословенію устава, ѣмъ раки; тамъ сказано, что въ великій постъ разрѣшается по субботамъ и недѣлямъ ѣсть черепокожныя“.

Однажды въ Лазареву Субботу семейство наше пригласило священника въ домъ на обѣдъ. Священникъ пришелъ, пообѣдалъ *и послѣ спросилъ*: „изъ чего приготовленъ былъ супъ?“

Ему отвѣчали: изъ потроховъ свѣжей рыбы. „Да развѣ сегодня позволяется это ѣсть?“ спросилъ священникъ. Ему отвѣчаютъ, что сегодня ѣдятъ икру. „Да—сказалъ священникъ,—икру, а не рыбу?“ Ему отвѣчали: „простите, батюшка, въ супѣ нашемъ не было рыбы, а одинъ потрохъ; а потрохъ—не рыба“. „Нѣтъ,—сказалъ священникъ,—потрохъ все равно, что и рыба, потому не должно такъ дѣлать“. Тогда они смутились и попросили извиненія, что вмѣсто угощенія, по невѣденію, сами согрѣшили да и священника ввели въ грѣхъ. Вотъ какіе тогда были священники и христіане!

На 8-мъ году меня отдали въ школу учиться грамотѣ. Въ то время еще въ городѣ не было уѣзднаго училища, а была „Государева школа“, въ которой я былъ три года: выучился читать, писать, рисовать, грамматику, ариѳметику,—и тѣмъ окончилъ жалкое купеческое образованіе. Увы! Если-бы не помогло семейное благочестіе и церковное пѣніе, да случайное чтеніе единственнаго въ то время духовнаго журнала „Христіанское Чтеніе“, также-бы я, подобно моимъ сверстникамъ, погрузился-бы въ грубое душевное житіе.

Отъ отроческихъ лѣтъ Церковь была моимъ единственнымъ утѣшеніемъ. Звонить, кадило подавать, находиться въ алтарѣ, читать и пѣть—эти занятія были для меня паче меда и сота. Бабушка моя была неграмотная, но очень любила слушать чтеніе житій святыхъ. Часто она заставляла меня читать Четьи-Минеи, а потому я рано зналъ ихъ. Часто случалось, что отъ долгаго чтенія начну дремать, тогда бабушка вынетъ изъ большого своего корсета сосульку медовую, или груздикъ,—я съѣмъ ее и ободрюся, и еще прочитаю житіе. Такимъ образомъ я сдѣлался чтецомъ хорошимъ, бойкимъ.

Въ то время благочестивые мои сограждане были большіе охотники до церковнаго пѣнія, такъ что и богатые купцы, изъ первыхъ домовъ, за честь считали ходить на клиросъ: Особенно приснопамятны купцы Симоновы, которые постарались и хоръ пѣвческій составить, куда и я былъ приглашенъ, еще молодымъ,—лѣтъ 17. Это меня очень утѣшало. Общество было прекрасное; пѣвали много и концертовъ. Въ семействѣ моемъ всѣ умѣли пѣть. Бывало подъ праздникъ,

или въ воскресенье сойдемся всѣ въ залу, покадимъ и лампаду зажжемъ, и начнемъ пѣть догматики, стихиры, ирмосы, тропари, „херувимскія“ и проч. Голоса были громкіе, всѣ знающіе,—тенора, четыре баса, а женщины альты и дисканты. Такимъ образомъ три-четыре часа въ сладость пропоемъ. А иногда такъ громко, что по улицѣ проходящіе останавливаются, снимаютъ шапки, крестятся, говоря, что „у Соломенцовыхъ всенощную служатъ“. Это занятіе очень утѣшало насъ, и оно замѣняло обыкновенную мірскую разсѣянность. А когда бывало пріѣдутъ изъ монастыря наши монахини погостить къ намъ,—двѣ тетки, жившія въ Орловскомъ монастырѣ,—тогда нашъ домъ превращался какъ-бы въ церковь: частое пѣніе, чтеніе и моленія совершались ежедневно.

Какъ помню, еще съ пяти лѣтъ я началъ желать пойти въ монастырь. Большая любовь къ церкви, особенно къ пономарству, замѣняла для меня всѣ дѣтскія игры. Съ шести лѣтъ я выучился пономарить и звонить въ церкви Успенія Божіей Матери, которая была противъ нашего дома.

Въ праздники и въ воскресные дни проспать утреню нельзя было, потому что бабушка наша была строгая, не пускала никому проспать утреню, сама пробуждала всѣхъ. А которые были тяжелы на подъемъ,—тѣхъ она подымала палкою. За прилежаніе-ли къ церкви, или ради расположенія къ монашеству, благодать Божія часто утѣшала меня разными просвѣщеніями; нѣкоторыя изъ нихъ были такъ рѣзки, что на всю жизнь мою остались незабытыми въ моей памяти. Однажды, когда было мнѣ около семи лѣтъ отъ рожденія, и я уже научился пономарить,—какъ теперь помню, въ субботу на вечернѣ, на входѣ,—я шелъ со свѣчею и, по обычаю, сталъ предъ иконою Спасителя, прилежно смотря на лицо Его; въ это время пѣли догматикъ: „Царь небесный за человѣколюбіе на земли явися и съ человѣки поживе“. Эти слова поразили сердце мое страшнымъ удивленіемъ и сладчайшимъ умиленіемъ. Слезы потекли изъ глазъ. Слова эти начали повторяться безпрестанно, волнуя сердце сладкимъ удивленіемъ. Я плакалъ, ужасался и радовался. Слова повторялись *часто, и съ новыми* чувствами удивленія и радости. Такъ

продолжалось болѣе двухъ недѣль. Потомъ мало-по-малу стало это уменьшаться, но память о семъ дивномъ просвѣщеніи осталась на всю жизнь мою.

Подобное умиленіе, плачъ и рыданія продолжительныя были у меня уже отъ скорби, что не отпустили меня въ монастырь. Одинъ іеромонахъ Площанской пустыни, сборщикъ, квартировалъ въ нашемъ домѣ. Я просилъ его, чтобы онъ взялъ меня въ монастырь, и онъ согласился. Мать моя согласилась отпустить меня и приготовила было меня въ дорогу. Въ это время отца моего не было дома,—онъ служилъ въ магистратѣ бургомистромъ. Когда онъ пришелъ домой, мать моя говоритъ ему, что она отпускаетъ меня въ монастырь, въ надеждѣ той, что и онъ согласится на это дѣло,—но отецъ за это разсердился и не пустилъ, сказавши, что раньше 23-хъ лѣтъ онъ не отпуститъ меня. Это ужасно меня опечалило, и я отъ этого началъ плакать и рыдать,—и это продолжалось болѣе двухъ недѣль. Бывало, пойду въ уединенное мѣсто, упаду внизъ лицомъ—и плачу, рыдаю и припѣваю: „милость мира“, „святъ, святъ“..., и проч. жалобнымъ голосомъ,—потому что не зналъ, какъ въ скорби надобно молиться. Съ того времени я уже и не помышлялъ, чтобы меня прежде совершеннолѣтія отпустили въ монастырь. Но вмѣсто того Промыслъ Божій поэкономилъ мою юность добрымъ содружествомъ. Въ воспитаніи человѣка много вліяетъ содружество: доброе для добра, а злое для зла. Содружество доброе избавило меня отъ разсѣянной жизни и поддержало на пути благочестія. Дружба наша состояла изъ шести человѣкъ. Мы дали обѣщаніе Богу, чтобы не жениться, а пойти въ монастырь и быть монахами, и подтвердили это клятвою. Вслѣдствіе сего мы часто сходились для совѣщаній и бесѣдъ, чтенія и пѣнія. Сограждане наши прозвали насъ монахами, но всѣ уважали насъ.

Приблизилось время моего совершеннолѣтія—23 года. Я въ этотъ день за чаемъ сдѣлалъ родителю моему земной поклонъ, поблагодарилъ его за воспитаніе меня въ страхѣ Божіемъ и притомъ сказалъ ему, что отъ сего времени онъ уже не отвѣчаетъ предъ Богомъ за мое поведеніе. Это мое объяс-

неніе тронуло его и родительницу мою. Отецъ отвѣтилъ мнѣ такъ: „сынъ, я догадываюсь, для чего ты такъ сдѣлалъ, чтобы имѣть свободу безъ нашего соизволенія пойти въ монастырь. Но мы просимъ тебя, чтобы ты этого не дѣлалъ, ибо три года уже прошло, какъ мы предлагали тебѣ жениться, и ты тогда еще заявилъ намъ, что ты не хочешь жениться, а желаешь пойти въ монастырь. Мы съ своей стороны дали тебѣ на это наше родительское благословеніе и обѣщались болѣе не принуждать тебя къ женитьбѣ, а только при этомъ просили тебя, чтобы ты пожилъ еще съ нами и помогъ бы семейству по торговлѣ. И ты тогда обѣщался намъ пожить еще съ нами до совершеннолѣтія, и такъ исполнилъ свое обѣщаніе. А теперь мы вновь просимъ тебя и еще пожить съ нами, по крайней мѣрѣ, покамѣстъ братъ твой меньшій возмужаетъ и возможетъ управлять лавкою". Хотя и тяжело показалось для меня прошеніе ихъ, но, ради послушанія родителямъ, я нехотя принужденъ былъ дать имъ свое обѣщаніе еще пожить съ ними, покуда это будетъ для меня удобоисполнимымъ.

Родители мои были истинные христіане, любили Бога и исполняли Его заповѣди. Часто посѣщали церковь, любили молиться и дома. Родитель зналъ наизусть четыре акаѳиста; во всю жизнь свою не пилъ хмѣльныхъ напитковъ, никогда не ругался по саромски, божиться считалъ за великій грѣхъ, былъ строгъ, но очень молчаливъ, и всѣ боялись его и любили; пировъ, обѣдовъ и гуляній не любилъ,—за то обзывали его скупымъ, а другіе величали его „морозомъ". Впрочемъ, онъ любилъ бѣдныхъ родныхъ и всегда приглашалъ ихъ къ обѣду, любилъ читать Библію, потому Библія большая, Екатерининская, постоянно лежала у шкафа, гдѣ онъ садился чай пить. И, не прочитавши листа два изъ Библіи, онъ не начиналъ пить чая (который былъ его любимымъ напиткомъ, и особенно со сливками). Среды и пятницы почитали, также и посты;— и хотя ѣли рыбу, но молочнаго не ѣли никогда. А въ великій постъ первую недѣлю все семейство ничего варенаго не ѣло и даже чаю не пило до субботы, прочія недѣли разрѣ*шали* только на масло постное.

Мать моя была грамотная, богобоязненная, очень трудолю-

бивая; любила читать житія св. отецъ; была веселаго нрава и любила шутить; любила монашество. Тетка—схимонахиня Ксенія была ея другомъ, отъ которой она научилась благочестію.

Насъ сыновей у отца нашего было четверо, а дочь была одна, которую родители очень любили. Она была рѣзвая. На одинадцатомъ году ее отвезли въ Орелъ, въ монастырь къ монахинямъ—теткамъ для обученія въ рукодѣльѣ, особенно золотошвейному искусству. Она тамъ прожила два года. Потомъ привезли ее назадъ домой и начали, по обычаю глупому купеческому,—лѣтъ за пять впередъ до замужества заготовлять наряды, и при томъ еще въ большомъ количествѣ. А она, пріѣхавъ изъ монастыря, начала съ подругами своими читать романы, которые воспалили ея воображеніе и усилили въ ней страсти. Собой она была красива. Начитавшись романовъ, она стала о себѣ думать, что она умная дама. Иногда, прочитавши какой нибудь романъ и увлекшись имъ до восторга, она передавала мнѣ свои чувства и тонкія понятія, желая показать, что она уже умѣетъ цѣнить и разсуждать о всякихъ предметахъ. И это я слыхалъ отъ нея многократно. Такимъ образомъ, моя легковѣрная сестрица въ малое время зашла далеко. Я молился о ней,—да просвѣтитъ ее Богъ, да наставитъ на всякую истину, а на себя я не надѣялся, чтобы могъ вразумить и обратить ее къ любви Божіей. Вотъ уже ей минуло 16 лѣтъ, и въ это время появилось за нее свататься до 20 жениховъ; но ей нравился изъ нихъ только одинъ,—это былъ полковой казначей. Однажды она мнѣ много разсказывала о геройствѣ разныхъ героинь, описанныхъ въ романахъ. При этомъ я спросилъ ее: „скажи мнѣ, сестра: какое ты имѣешь понятіе о романахъ? Что такое романъ?“—Она отвѣчала мнѣ: „да всѣмъ извѣстно, что романъ есть исторія о какомъ либо событіи, или повѣсть о приключеніяхъ“. При этомъ я, разсмѣявшись, сказалъ ей: „еслибъ это было такъ?“... Она торопливо спросила: „такъ какъ-же иначе? И скажи мнѣ твое мнѣніе о романѣ. Неужели это все ложь?“ Я ей сказалъ: „сестра,—вотъ мое мнѣніе и мнѣніе всѣхъ здравомыслящихъ, и всѣхъ великихъ святыхъ: романъ есть *миоъ*, т. е. сказка, басня, выдумка или мечта ложнаго воображенія“.—За этимъ она такъ и ахнула, прого-

воривши: «ахъ, Боже мой, а я думала, что все, писанное въ романахъ, есть истина и вѣрныя событія!» Я ей отвѣтилъ: „я укажу тебѣ таковыя событія истинныя, которыя засвидѣтельствованы всею нашею св. церковію". „Да, ты мнѣ говоришь о святыхъ книгахъ и Четьи-Минеяхъ?"—„Да,—сказалъ я ей,—да развѣ въ этихъ книгахъ написано не чудно, не дивно, не ужасно, и не страшно?" „А это не выдумка, не ложь,—а сущая есть истина". „Вотъ ты имѣешь имя св. Евдокіи, а читала-ли ты ея житіе и страданіе? Вотъ гдѣ увидишь истинное геройство и пречудную повѣсть, каковыхъ ты въ романахъ не читала". Затѣмъ она побѣжала читать житіе преподобно-мученицы Евдокіи. Прочитавши ея житіе и прочихъ подобныхъ женъ, какъ-то: Евгеніи Преподобно-мученицы, Аполлинаріи, Ѳеодоры,—наша любительница чтенія романовъ видимо перемѣнилась; на романы уже и смотрѣть не хотѣла,—и такъ полюбила чтеніе св. книгъ, что часовъ по пяти ихъ читала. Иногда мать принуждена была силою оттаскивать ее отъ книги, говоря, что она отъ долгаго чтенія похудала и сдѣлалась блѣдная, что ее теперь никто не возьметъ замужъ. А она, не смотря ни на что, стала ходить часто въ церковь и, къ горю матери, не стала убираться. И скоро Промыслъ Божій помогъ ей пойти въ монастырь. Это было такимъ образомъ: на Масляной недѣлѣ она съ невѣсткою въ санкахъ каталась по городу и простудилась. Отъ этого она заболѣла, и долго доктора лечили ее. По прошествіи шести мѣсяцевъ, она выздоровѣла, но несовсѣмъ; боль въ груди осталась и угрожала ей чахоткою. Въ это время у насъ гостила схимонахиня, наша тетка, — мать Ксанфира. Сестра упросила ее, чтобы она взяла ее въ монастырь. Тетка дала ей слово, что, если отпустятъ, то она теперь же возьметъ ее съ собою въ монастырь. На другой день утромъ мы всѣ собрались по обычаю въ спальню родительскую пить чай. Въ это время входитъ сестра и, ставши на колѣни предъ отцомъ, начала просить со слезами отца, чтобы онъ отпустилъ ее въ монастырь. На это отецъ сказалъ ей: „такъ какъ братъ твой хочетъ скоро оставить насъ и пойти въ монастырь, потому мы теперь отпустить тебя не можемъ,—ибо въ одинъ разъ двоихъ люби-

мыхъ дѣтей отпустить для насъ очень тяжело и скорбно; а если хочешь, то проси брата, чтобы онъ за тебя пожилъ съ нами три года". Послѣ этихъ словъ сестра встаетъ и съ рыданіемъ бросается мнѣ на шею, говоря: „любезный братецъ, выкупи меня!" Всѣ мы, вставши со стульевъ, расплакались. Я отъ слезъ едва могъ выговорить: „согласенъ, согласенъ, — но только годъ". Отецъ, протянувши ко мнѣ свою руку, сказалъ: „три, три!" Я, давши ему свою руку, сказалъ: „два, два!" Поцѣлуемъ руки отца мы покончили этотъ торгъ.

Скоро, дня черезъ три, сестра уѣхала съ теткою въ монастырь. При семъ я вспомнилъ одно происшествіе, предрекшее событіе сему дѣлу, по вѣрѣ и молитвѣ просящихъ отъ Бога разрѣшенія сомнительному дѣлу. Это было такъ. Изъ числа 20 жениховъ, искавшихъ руки сестры моей, одинъ женихъ понравился нашимъ родителямъ, и они пожелали выдать ее за него. Но, такъ какъ онъ былъ иногородецъ, изъ города Орла, потому надобно было узнать о нравственномъ и вещественномъ состояніи его семейства. Для этого дѣла посланъ былъ я съ матерью въ Орелъ. Тамъ мы узнали, что семейство этого жениха несостоятельное, а потому и рѣшили не выдавать за него нашей сестры. Мать моя квартировала въ монастырѣ у монахини нашей Ксанфиры, а я жилъ въ гостинницѣ. Въ воскресенье послѣ обѣдни я былъ въ монастырѣ у тетки. Туда пришелъ протоіерей отецъ Лука,—старикъ-вдовецъ. Мы вмѣстѣ пили чай и разговаривали о нашемъ дѣлѣ. Мать скорбѣла и горевала, что оказалось препятствіе для выдачи ея дочери за любимаго человѣка, колебалась и сомнѣвалась, и не знала, что дѣлать. Протоіерей зналъ все это дѣло и, видя ее скорбящею и сомнѣвающеюся о семъ, посовѣтовалъ ей рѣшить это дѣло жеребьемъ, сказавши, что и въ самыхъ великихъ дѣлахъ св. Апостолы метали жребій. Мать на этотъ совѣтъ согласилась. Написали два жребія: одинъ—выдавать въ Орелъ, а другой—не выдавать; положили жеребья предъ иконами, зажгли свѣчи, встали и помолились, и потомъ вынули жеребій, на которомъ было написано: выдавать въ Орелъ. Поблагодарили Бога за рѣшеніе нашего сомнѣнія, успокоились, сѣли и начали пить чай, а мать на-

чала плакать и укорять себя, говоря: „что это я, глупая, сдѣлала? Для чего я положилась на жеребій, будучи убѣждена въ невозможности быть этому дѣлу?“ Протоіерей отъ души смѣялся ея малодушію, а мать сердилась на него, говоря: „вы, батюшка, вовлекли меня въ этотъ грѣхъ—зачѣмъ вы посовѣтовали мнѣ кинуть жребій? Нѣтъ, нѣтъ,— я не хочу ее выдавать въ Орелъ и жеребья не признаю истиннымъ“. Но протоіерей все продолжалъ смѣяться, говоря: „такъ будетъ, какъ жеребій сказалъ. Безъ сомнѣнія такъ будетъ“. Мать за эти его слова еще болѣе сердилась на него, а онъ, выходя изъ келліи и прощаясь, повторилъ свои слова, сказавъ: „я вѣрую, что Богъ сотворитъ такъ, — и Евдокія выдана будетъ въ Орелъ!“ И затѣмъ о. протоіерей вышелъ изъ келліи, а мать еще долго продолжала плакать. Когда сестру проводили въ Орелъ въ монастырь, тогда мы вспомнили о предвѣщаніи жребія. Богъ оправдалъ чуднымъ образомъ вѣру о. протоіерея.

Я прожилъ за сестру въ домѣ родителей два года. Объ этомъ событіи сестра часто вспоминала мнѣ въ письмахъ своихъ ко мнѣ. И въ самомъ дѣлѣ, самоотверженіе ея было примѣрное и рѣдкое; и за то Богъ явилъ надъ нею милость Свою въ монашествѣ, даровавъ ей многіе благодатные дары ко славѣ Своей и для спасенія многихъ душъ, ввѣренныхъ ея путеводительству. Теперь въ монастырѣ ея 800 сестеръ. Вначалѣ она жила въ Орлѣ у тетки, монахини Ксанфиры, которая была старица опытная, а когда сгорѣлъ въ Орлѣ монастырь ихъ, тогда онѣ переселились въ Борисовскій монастырь. Съ ними еще были двѣ племянницы. Тутъ сестру сдѣлали благочинною, и она въ этой должности была 20 лѣтъ; потомъ ее избрали игуменьею. Въ это время прибыли къ ней еще двѣ племянницы. Мать наша въ ея монастырѣ скончалась, будучи наименована въ схимѣ Еввулою.

Во время моего двухлѣтняго житія при родителяхъ за сестру, я перенесъ тяжкія испытанія и едва не погибъ. При всей моей начитанности въ божественныхъ книгахъ и любви къ монашеству, я много претерпѣлъ отъ нападенія страстей. *Потому мнѣ* страшно тяжело было разлучаться съ міромъ и *оставлять домъ родительскій*. Врагъ сильно нападалъ на меня

съ разныхъ сторонъ: хотѣлъ всячески отвратить меня отъ намѣренія моего, а поэтому я съ великою болѣзнію сердца оставлялъ домъ мой,—плакалъ и рыдалъ. Но въ это время совѣсть говорила мнѣ, что это попущено Богомъ, и такъ сему должно быть. Мужайся и крѣпись,—все это скоро пройдетъ, ибо черезъ это пролитіе крови твоей сердечной оцѣнится любовь твоя къ Богу; а какъ ты думаешь, что Тому Самому Любителю твоему ради тебя легко было на Голгоѳѣ висѣть на крестѣ?—Когда я спросилъ опытнаго старца о моемъ трудномъ и горькомъ разлученіи съ міромъ: „что это такое значитъ?“ онъ отвѣчалъ мнѣ, что ежели этого не случится въ началѣ оставленія міра, то оно будетъ въ монастырѣ,—ибо сего требуетъ евангельское самоотверженіе, которое вначалѣ бываетъ страшно тяжело, а послѣ дѣлается благимъ игомъ и легкимъ бременемъ Христовымъ.

Сначала я поступилъ въ новообновляющійся Дивногорскій монастырь близъ города Коротояка (Воронежской губерніи), въ восьми верстахъ отъ города, по-ту сторону Дона. При мнѣ были два друга моихъ: Николай Афанасьевичъ Гончаровъ и Алексѣй Никитичъ Черепенниковъ, острогорскій мѣщанинъ. Это мѣсто намъ полюбилось, какъ удобная пустыня для спасенія. Красивое, даже чудное мѣстоположеніе. Здѣсь находилась чудотворная икона Божіей матери, называемая Сицилійскою. Братіи было мало, около 10 человѣкъ. Игуменомъ былъ Павловскій протоіерей, въ монашествѣ называвшійся Аѳиногеномъ,—человѣкъ ученый. Онъ принялъ насъ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать общежитіе,—а иначе мы не хотѣли оставаться у него. Онъ какъ будто съ охотою обѣщался намъ сдѣлать это, но впослѣдствіи раздумалъ. Такъ какъ не было для насъ помѣщенія, то Игуменъ предложилъ намъ чтобы мы для себя построили кельи. Мы такъ и сдѣлали, построили домъ для помѣщенія четырехъ человѣкъ и перешли въ него. Начали поживать какъ будто и хорошо. Службы Божіи совершали исправно и усердно. Пѣніе устроилось хорошее. Въ это время—въ 1832 году много поклонниковъ, проходя въ Воронежъ для поклоненія новоявленному св. Митрофану, заходили въ нашу обитель, служили молебны

и приносили хорошій доходъ обители. Игуменъ радъ былъ ему и забылъ думать о общежитіи. Но видя, что мы ожидаемъ онаго отъ него, онъ постарался насъ удалить отъ себя. Мы, понявъ свою ошибку, оставили его съ міромъ и перешли въ Курскую губернію, въ бѣдный монастырь, называемый Знаменско-Хотмыжскій. Тамъ въ это время былъ строителемъ о. Геннадій, который предъ тѣмъ былъ казначеемъ въ Глинской пустыни. Мы были съ нимъ знакомы, и онъ съ радостію принялъ насъ. Здѣсь есть чудотворная икона Божіей Матери Казанская. Въ этомъ монастырѣ мы прожили около года. Повидавши разныхъ соблазновъ, а еще болѣе наслушавшись о нихъ,—намъ пришло желаніе найти такой монастырь, куда не приближались бы жены.

Въ это время нашего города купецъ, мой пріятель, Василій Максимовичъ Фастовъ, только что возвратился изъ путешествія ко св. мѣстамъ. Былъ онъ и на Аѳонѣ два мѣсяца и осмотрѣлъ все съ любопытствомъ. Сей человѣкъ, какъ нарочно, Промысломъ Божіимъ посланъ былъ къ намъ. Онъ, выслушавъ наши разговоры и желанія, посовѣтовалъ намъ такъ: „въ Россіи вы не найдете такого мѣста, куда бы женскій полъ не проникалъ; подобное мѣсто, и единственное въ православной церкви, находится только на св. горѣ Аѳонской. Вотъ, если хотите, идите туда, ничтоже сумняся,—ибо я видѣлъ тамъ и русскихъ, хорошо живущихъ“. Этотъ его совѣтъ мы приняли съ радостію и, не медля, оставили Хотмыжскую-Знаменскую обитель и отправились въ С.-Осколъ для полученія заграничныхъ паспортовъ. Это было въ 1834-мъ году, въ мартѣ. Мы прибыли въ С.-Осколъ. Но такъ какъ приближалась св. Пасха, намъ пришла мысль провести Пасху въ Толшевской пустыни и пригласить, жившаго тамъ, друга нашего Ивана Егоровича Тулинова,—не пожелаетъ ли онъ вмѣстѣ съ нами путешествовать на Аѳонъ. На шестой недѣлѣ мы прибыли въ Толши. На Ѳоминой недѣлѣ я заболѣлъ сильно,—воспалительною лихорадкою, которая продолжалась мѣсяца два. Товарищъ мой, видя, что я медленно выздоравливаю и, слѣдовательно, этотъ годъ не могу начать далекое путешествіе,—*пожелалъ посѣтить* лавру св. Сергія и Оптину пустынь. Та-

кимъ образомъ, нехотя, я остался на будущій годъ въ Толшахъ, со скорбію о неудачѣ нашего предпріятія, не понимая того, что все Промысломъ Божіимъ строилось къ лучшему, ибо этимъ средствомъ я пріобрѣлъ многіе и важные опыты, а къ тому же я уклоненъ былъ отъ отвѣтственности несоблюденія клятвеннаго дружескаго обѣта, случившагося отъ забвенія.

Прибылъ я на Святую гору въ 1836 году, въ сентябрѣ, съ 17 товарищами, которые размѣстились по разнымъ мѣстамъ (со мною прибылъ и упомянутый выше другъ мой Николай Афанасьевичъ Гончаровъ, который вскорѣ на Архангельской келліи померъ; въ схимѣ нареченъ Никодимомъ. Другой извѣстный Острогожскій подвижникъ А. Н. Черепенниковъ возвратился въ Россію). По совѣту духовника старца Арсенія, я купилъ келлію св. Пророка Иліи въ предѣлахъ Ставроникитскаго монастыря, и принялъ къ себѣ въ сожительство двухъ послушниковъ. Въ 1838 г. я ѣздилъ въ Іерусалимъ. Прожилъ въ келліи четыре года, а затѣмъ, по приглашенію русскаго монастыря и по благословенію старца моего Арсенія, оставилъ келлію и перешелъ на всегдашнее жительство въ русскій монастырь съ двумя моими учениками, Парѳеніемъ и Митрофаномъ. Это было въ 1840 году въ сентябрѣ. Того-же года въ Ноябрѣ я былъ посвященъ въ іеромонаха, а въ 1841 году во св. Четыредесятницу я принялъ св. схиму и переименованъ изъ Іоанникія во Іеронима (мантію я принялъ на келліи св. Іоанна Златоуста у духовника, и нареченъ былъ Іоанникіемъ).

Отъ юности моей я имѣлъ большое влеченіе къ безмолвію. Начитавшись книгъ умозрительныхъ аскетическихъ нашихъ св. отцовъ-мистиковъ, — я еще болѣе началъ желать жизни безмятежной, уединенной. Но дарованія отъ Бога я имѣлъ противоположныя безмолвію. Находясь въ такомъ настроеніи духа, я не желалъ оставить келлію и перейти въ монастырь, даже искалъ болѣе уединенной калибы. Но ученики мои понуждали меня къ тому, хотя и знали мою любовь къ безмолвію. Да и монастырь, съ своей стороны, узнавши мое желаніе, обѣщалъ мнѣ въ томъ не препятствовать, что впослѣдствіи и исполнилъ. А потому, изъ желанія обезпечить буду.

щее свое безмолвіе, я рѣшился узнать волю Божію чрезъ моего старца и духовника о. Арсенія,—идти въ общежитіе въ Руссикъ, или нѣтъ? Онъ на это сказалъ намъ такъ: „поелику этотъ вопросъ есть великой важности, то онъ совѣтуетъ—не спѣшить рѣшеніемъ его, а потерпѣть и помолиться о семъ Богу". По сему совѣту мы ожидали духовникова отвѣта двѣ недѣли, въ продолженіи которыхъ онъ сдѣлалъ два бдѣнія о дознаніи воли Божіей. Потомъ онъ, призвавши насъ, объявилъ намъ такими словами: „есть воля Божія перейти вамъ въ Руссикъ, ибо тамъ хощетъ Богъ нѣчто сотворити". Мы, принявши это рѣшеніе, какъ отъ Бога, и, поклонившись ему и взявши благословеніе, сотворили по его совѣту: не медля оставили келлію и перешли въ Руссикъ на всегдашнее жительство. Не теряя надежды на будущее мое уединеніе, я повторилъ старцамъ о моемъ желаніи—со временемъ дать мнѣ свое благословеніе на безмолвіе. Они подтвердили свое обѣщаніе, сказавши такъ: „ты собери братію русскую, благоустрой ихъ, а по временамъ можешь удаляться на безмолвіе".—Это впослѣдствіи и было исполняемо: въ первый разъ я прожилъ годъ въ домѣ близъ Кимитира (нагробницы), во второй разъ все лѣто прожилъ на кельѣ Трехъ Святителей, два лѣта прожилъ на кельѣ св. Георгія со старцемъ Тимоѳеемъ, три лѣта прожилъ на Безсребренницкой, три лѣта на архимандричьей. Такимъ образомъ, хотя изрѣдка, по-немногу я утолялъ алчбу и жажду мою къ безмолвію, покамѣсть перемѣнились обстоятельства, которыя указали мнѣ искать безмолвія не внѣшняго и не своей пользы, а „яже суть ближняго".

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строки.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
7	10 снизу	клевѣты	клеветы
18	5 сверху	о здоровьи	о здоровьѣ
32	4 снизу	ограничиваютъ	ограничиваетъ
54	10 сверху	на лице	на лицо
67	21 »	разочаровало	разочаровали
68	4 снизу	здѣсь; очевидно,	здѣсь, очевидно,
70	6 »	легкой	тихой
78	14 сверху	Шахматовъ-Ширинскій	Шихматовъ-Ширинскій
79	14 »	кельѣ	кельѣ
80	13 »	долямаго	длиннаго
117	12 »	мы знаемъ	мы не знаемъ
120	13 снизу	о каянными	окаянными
130	19 »	виновника	виноватою
131	10 »	и продленіи	о продленіи
134	9 »	іеромонаха Григорія	монаха Григорія
136	13 сверху	преподавателемъ	преподавателемъ
139	12 снизу	изданія	основанія
—	5 »	въ XI главѣ	въ XII главѣ
148	1 »	келей	келейно
150	1 »	въ XII столѣтіи	въ XIV столѣтіи
174	4 »	ὁ Ἄθος	ὁ Ἄθως
175	3 сверху	Νεόλόγος	Νεολόγος
—	9 снизу	ἀναθεμαΐσμένους	ἀναθεγαΐσμένους
—	8 »	равославія	православія
178	9 сверху	о. Нафанаила	о. Наѳанаила
—	29 »	въ монасты ѣ	въ монастырѣ
187	5 снизу	συμβολίου ὑπό	συμθουλίον ὑπό
—	3 »	ἁγιωνύμω ὄρει	ἁξιωνύμφ ὄρει
189	10 сверху	агетнствѣ	агентствѣ
197	15 снизу	цаціональностей	національностей
199	8 »	Елены	Екатерины
200	13 сверху	извещеніе Т. П. Юзефовича	извѣщеніе Т. П. Юзефовича
—	14 »	сношоній	сношеній
—	19 »	Νεολγος	Νεολόγος

Стран.	Строки.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
201	4 сверху	обида	Обида
—	22 »	Ἀνατολικὸς ἀστήρ	Ἀνατολικὸς ἀστήρ
—	24 »	въ особый	въ особой
203	22 »	переплохъ	переполохъ
205	11 »	извѣстѣнъ	извѣстенъ
—	14 »	не тревожится	не тревожиться
207	5 снизу	Енитехерли-хаджи-Аметъ-ефенди	Енишехерли-хаджи-Ахметъ-эфенди
209	18 сверху	влѣзшими	влезшими
—	19 »	ехиднами	Эхиднами
210	17 »	на малой части	не малой части
—	4 снизу	не безызвѣстно	не безъизвѣстно
211	1 сверху	подтвержены	подтвержены
—	1 снизу	Θράκη	Θράκη
212	6 »	романическую	романтическую
216	11 сверху	кепропотамомъ	Ксиропотамомъ
—	19 »	мутесарифу	муттесарифу
—	21 »	на Кореѣ	на Кареѣ
220	22, 30 »	кепропотамскаго	Ксипропотамскаго
—	31 »	Одоидà	Одондà
—	34 »	Кепропотамъ	Ксиропотамъ
223	2 снизу	эпитропы	эпитропъ
228	19 »	Ментинъ	Меншинъ
231	5 »	Аѳонская газета	Аѳинская газета
232	18 »	уговоры	договоры
240	1 сверху	ксенафское	ксенофское
—	2 »	ксипнопотамомъ	Ксипропотамомъ
—	7 »	ксинопотамскаго	ксипропотамскаго
—	9 снизу	драматизма	драмматизма
246	2 сверху	и большинство	а большинство
249	8 снизу	безполез ность	безполезность
250	7 сверху	21 годъ	26 лѣтъ
252	14 снизу	соврешилось	совершилось
261	3 сверху	утоленной	утомленной
—	27 »	христоподражательныхъ	христоподражательно
262	9 снизу	киновея	киновія
264	15 сверху	эпитропій	эпитропіи
265	3 »	и эпитроповъ	и эпитроповъ
—	25 »	устроены	устранены
268	10 снизу	сношенія	отношенія
269	17 »	Іерона	Іеронима
271	2 и 5 »	Русика	Руссика
273	6 сверху	Корею	Карею
277	1 снизу	одиннадцатый	одинадцатый
281	2 »	Драида	Дранда
282	*3* »	Драидахъ	Драндахъ
283	*3* »	пунктъ	пункты

Стран.	Строки.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
285	3 сверху	на новую	въ новую
—	6 »	мона, стыремъ	мона-стыремъ
294	17 »	Овители	обители
297	14 снизу	цѣнитель	цѣлитель
301	13 сверху	грандіозныхъ	грандіозныхъ
303	4 снизу	на Аѳонѣ	на Аѳонъ
313	9—13 сверху	Строки эти, вставленныя редакціею журнала «Странникъ», гдѣ первоначально печатался нашъ очеркъ, по личнымъ соображеніямъ, въ нашей книгѣ совершенно лишнія, и оставлены здѣсь по недосмотру корректора редакціи.	
316	1 снизу	ого	того
318	18 сверху	вордупари	вордунари
324	5 »	Ветроградъ	Вертоградъ
326	19 »	москв.	москов
329	7 »	жолты	желты
332	14 »	лѣтнія	лѣтніе
—	6 снизу	современниковъ	совопросниковъ
338	1 сверху	XIII	Глава XIII
—	6 »	келіи	келліи
341	17 »	и послѣ	а послѣ
342	7 сверху	аждый	каждый
347	14 »	нижняя	нежилая
348	11 снизу	святыни	святыню
354	1—5 сверху	Продолженіе оглавленія XIII главы должно отнести въ начало главы и обѣ половины ея соединить въ одно цѣлое. Раздѣленіе главы сдѣлано было по соображеніямъ редакціи, а недосмотръ послѣ зависитъ отъ ея корректора.	
381	8 сверху	между нѣми	между ними
—	12 »	придалъ	продалъ
—	23 »	одиннадцать	одинадцати
—	3 снизу	ва Есфигменскій	на Есфигменскій
386	1 сверху	пложеніе	положеніе
388	17 »	θησαρός	θυσαυρός
—	21 »	обнародованныя	обнародованные
—	4 снизу	ἀμἀράντινος	ἀμαράντινος
389	13 »	и можетъ быть	а можетъ быть
391	13 сверху	подписи	надписи
394	6 »	руссофиломъ	руссофилъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Ad lectores (вмѣсто предисловія) 1
Глава I. Дѣтство о. Макарія и его воспитаніе дома и въ школѣ . 10
Глава II. Жизнь въ «міру» 32
Глава III. Путешествіе по востоку съ паломническою цѣлію . . 56
Глава IV. Краткій историческій очеркъ русскаго Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ съ 1735 года до вступленія въ число его братіи о. Макарія 78
Глава V. Схимонахъ о. Макарій и его воспитаніе въ обители подъ руководствомъ о. Іеронима 103
Глава VI. Сотрудники о. Макарія — ученики и воспитанники о. Іеронима 134
Глава VII. Наканунѣ борьбы русскихъ съ греками на Аѳонѣ . 156
Глава VIII. Греко-русскій Пантелеймоновскій процессъ 178
Глава IX. Русскіе иноки на Аѳонѣ во время русско-турецкой войны 1877 и 78 годовъ 200
Глава X. Отношенія старцевъ русскаго Пантелеймоновскаго монастыря оо. Макарія и Іеронима къ русскимъ аѳонскимъ скитамъ 239
Глава XI. Устройство метоховъ и странноприимныхъ подворій въ предѣлахъ Турціи и Россіи русскимъ Пантелеймоновскимъ монастыремъ на Аѳонѣ 269
Глава XII. Просвѣтительно-издательская дѣятельность русской Аѳоно-Пантелеймоновской обители 294
Глава XIII. Послѣдніе годы жизни о. Макарія 338
Глава XIV. Современное положеніе русскихъ иноковъ на Аѳонѣ . 372
Приложеніе I. Канонизмъ св. Горы 397
Приложеніе II. Автобіографія о. Іеронима, духовника русскаго Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ 409